

А. ЗИНОВЬЕВ

—

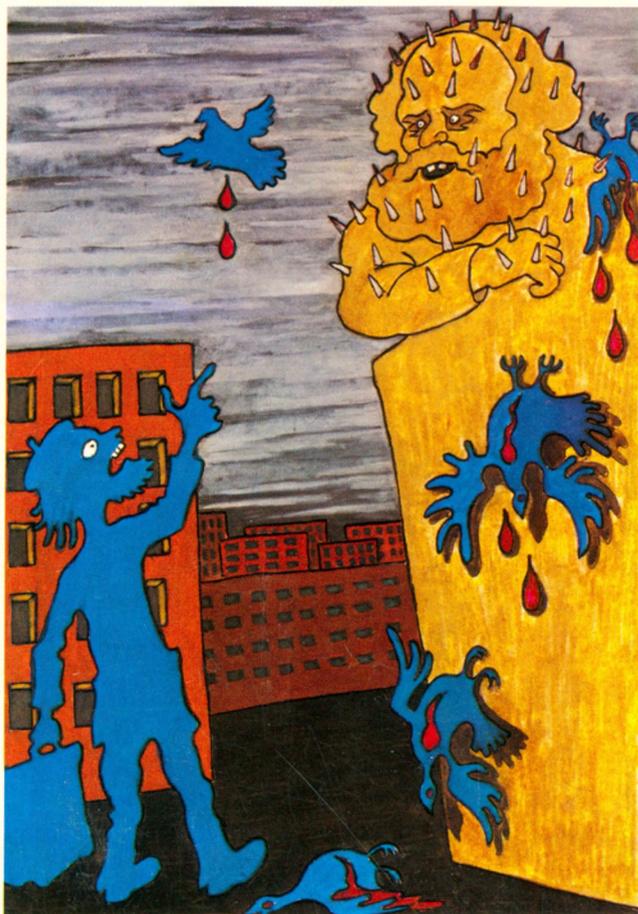
ЖЁЛТЫЙ ДОМ

L'AGE D'HOMME

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ЖЁЛТЫЙ ДОМ

I

L'AGE D'HOMME

ЖЁЛТЫЙ ДОМ

I

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ЖЁЛТЫЙ ДОМ I

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ,
С ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕМ И НАЗИДАНИЕМ

L'AGE D'HOMME

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Проблема Сколько книг написано о выдающихся личностях — о Цезаре, Буденном, Наполеоне, Чапаеве, Ленине, Сусликове, Гитлере, Брежневe, Полупортянцеве, Ньюtone, Канарейкине!.. Всех не перечислишь! И каких книг! Недавно, например, я прочел (не прочитал, а именно прочел!) книгу о товарище Полупортянцеве. Мало сказать — замечательную книгу. Потрясающую книгу! В том месте, в котором описано, как Партия решила перебросить Митрофана Лукича с руководящей работы в армии, где он командовал гарнизонной баней, оборудованной современной вошебойкой, на руководящую работу в промышленности, поручив ему восстанавливать из руин крупнейший в районе завод чемоданов и дамских радикулитов (как любил выражаться сам Митрофан Лукич), я буквально рыдал от восторга и одновременно от огорчения. От восторга, поскольку промышленность наконец-то получила руководителя такого масштаба. От огорчения, поскольку армия потеряла полководца такого масштаба. Неужели нельзя было соединить, шептал я сквозь слезы. Скажем, передать производство чемоданов и дамских радикулитов армии? Или, наоборот, военизировать производство этих отраслей промышленности? В следующей главе книги я узнал, что Партия именно так и поступила: Митрофану Лукичу присвоили звание майора Государственной Безопасности, сохранив за ним все его посты в промышленности. И я успокоился. Теперь подумал я, мы такие чемоданчики начнем выдавать на гора, что весь мир содрогнется от ужаса.

О великих людях, короче говоря, книги написаны. А об ничтожествах? Нет! Ни одной книги не написано об ничтожествах! Зачем, скажете, писать книги об ничтожествах? Что поучительного могут извлечь из таких книг современники и потомки? Наивный вопрос: затем и стоит писать такие книги, чтобы современники и потомки увидели, что быть ничтожеством глупо, нелепо, бессмысленно, совершенно ни к чему, что ничего поучительного из описания ничтожеств современники и потомки извлечь для себя не могут. Скорее даже наоборот, они потеряют многое поучительное, которое накопилось в их головах от чтения книг о великих людях.

Трудности Выяснив для себя вопрос о целесообразности и полезности сочинения о ничтожествах, я обнаружил поразительное явление: писать такое сочинение во сто крат труднее, чем о великих людях. Пишите вы, например, о начале войны. Мол, коварный враг, вооруженный

до зубов, внезапно напал из-за угла на наши мирные города и села. Что писать о великих людях — проблемы нет, поскольку они у кормила власти, у руля и во главе. Скажем, о Митрофане Лукиче можно целую главу написать, как его, работника районного масштаба, отозвали в Ставку Верховного Командования и вверили ему гарнизонную баню. Пока еще без вошебойки, ибо враг напал из-за угла, используя временно действующий фактор внезапности. Так что вошебойку пришлось создавать в трудных погодных условиях. А что можно написать о ничтожестве? Что его кашей кормили? И напрасно делали, зря корм переводили! Что его убили? И не жалко совсем! Не он первый, не он последний. Других куда больше убили, да ничего. Молчат. Или пишите вы о том, что кончилась война, что отгремели последние выстрелы, и майскими короткими ночами Партия приступила к залечиванию ран, нанесенных войной. С великими людьми опять-таки никакой проблемы. Скажем, Митрофану Лукичу полагался очередной воинский чин капитана, а там и до генерала рукой подать. И снабжение хорошее, не то что на «гражданке». А его, т. е. Митрофана Лукича, Партия перебрасывает. Драма? Бери повыше: трагедия! А что тут скажешь о ничтожестве? В лагерь посадили на десять лет? И правильно сделали, не болтай лишнего. И скажи спасибо, что дешево отделался. Другим и за меньшее по двадцать пять лепили, а то и «вышку». Короче говоря, нечего писать о ничтожествах, совершенно нечего. Но внутренний голос шепчет мне: и прекрасно, вот об этом именно и пиши. Пиши, что о ничтожествах нечего писать, что вообще о них и писать-то не стоит. Обоснуй эту замечательную мысль с позиций и в духе, снеси свое сочинение в Союз писателей (или лучше — прямо в ЦК!) и потребуй Ленинскую премию. На Государственную не соглашайся — слишком мало!

Выбор объекта Выяснив этот второй большой вопрос, я тут же столкнулся лицом к лицу с третьим: а кого же именно избрать в качестве ничтожества? Вполне естественно, стали спрашиваться уборщицы, сторожа, дворники, продавцы, милиционеры, солдаты, грузчики и прочие представители рода человеческого, не имеющие никаких помыслов выйти не то что в великие, но даже в мало-мальски значительные личности — в заведующие магазинами и жилищно-эксплуатационными конторами, участковые милиционеры, старшины. Но по зрелому размышлению я их всех отбросил, ибо всегда находилось нечто значительное, что можно было о них сказать. И в конце концов я пришел к выводу, что ничтожнейшим из ничтожеств является существо, именуемое младшим научным сотрудником без ученой степени и ученого звания, сокращенно — МНСБУСИУЗ, короче — МНСБС, а еще короче — МНС. Читается это как «МЭНЭСЭ» или «МЭНЭЭС», — русская грамматика одинаково равнодушна к тому и другому.

Почему именно МНС? Даю исчерпывающее объяснение. Во-первых, возьмите сам титул и вдумайтесь в него. Переведите его на какой-нибудь иностранный язык, например, так: Джуниор Сайентифик Вокер Визаут Сайентифик Дигри Энд Визаут Сайентифик Ранк. Звучит? И возьмите другой

титул: академик. И переведите его на тот же язык. Что получите? Все-го лишь Академишен. Смех! Но сравните теперь зарплату и прочие блага, которые получает этот смеха достойный Академишен и гордо звучащий Джуниор Сайнтифик Вокер! Чувствуете разницу? Во-вторых, возьмите интел-лектуально-творческий аспект. Даже самый посредственный МНС превос-ходит с этой точки зрения дюжину еще способных шевелить мозгами академишенов. А часто ли можно встретить имя МНС среди лауреатов всевозможных премий, в энциклопедиях, на страницах популярных жур-налов, прославляющих выдающиеся открытия?! В этом суть дела. МНС есть существо, имеющее все данные для того, чтобы сделать выдающийся вклад в культуру и навеки вписать свое имя в историю человечества, но не имеющее для этого никаких шансов. Это есть существо с огром-ным тщеславием и ничтожной зарплатой. Это есть существо, готовое на многое, чтобы заполучить хотя бы самое малое, но с самого начала знающее, что лишь при условии ничтожно малых данных (чем он не обладает) и еще меньших усилий (на что он неспособен) можно достичь многого. И потому это есть существо, для которого ничтожность как таковая становится не только нелюбимой профессией, но и любимым призванием.

Личный опыт

Найдя таким образом живое воплощение ничтожности как таковой, я уже без всякого труда справился с осталь-ной частью задачи — с написанием книги. Я сам много лет был МНС. Лишь случайный зигзаг истории (началась эпоха «либерализма») позволил мне выбраться в старшие научные сотрудники (СНС) и с этой высоты взглянуть на свою былую ничтожность. Помню, когда я в первый раз получал зарплату СНС, кассирша сама до пояса (далее талия не пу-стила) высунулась ко мне из окошка и впервые обратилась ко мне на «Вы». Стоявшая в очереди прочая научная мелкота и лезшая без очере-ди техническая вшивота прекратила зубоскальство и застыла в почтитель-ном изумлении. Самая гнусная институтская тварь, переведенная к нам из Органов с целью либерализации философии, с чувством пожала мне руку и сказала, что теперь мы будем работать вместе. Явные стукачи и тайные осведомители вытянулись по стойке смирно. Я тогда от радости даже расплакался. И, само собой разумеется, пропил всю свою высокую зар-плату Бог весть с кем до последней копейки. Пришлось даже подзаныть немного до следующей полочки. Но теперь занимать деньги на выпив-ку уже перестало быть проблемой. А главное — я теперь мог на другой день после выпивки не являться в институт, отоспаться и с раннего утра основательно похмелиться, ибо этот другой день был положен мне как «библиотечный». Потом число таких «библиотечных» дней увеличилось до трех в неделю, и я стал представлять себе будущий коммунизм в ви-де такого общества, в котором все члены являются старшими научными сотрудниками с тремя «библиотечными» днями в неделю (не считая двух нормальных выходных дней и праздников). Два оставшихся «присутствен-ных» дня превращать в «библиотечные» не следует, поскольку эти дни трудящиеся могут использовать для того, чтобы привести себя в божеский

вид после перепоев в «библиотечные» дни, отдохнуть от домашних дряг, узнать последние сплетни и отоспаться на партийных собраниях. Я по личному опыту знаю, что два часа нездорового сна на собрании в душном помещении заменяют восемь часов здорового постельного сна в комнате с открытой форточкой, — причина, по которой я предпочитал КПСС всем прочим партиям мира и расставался с нею с некоторой долей грусти.

Замысел Именно потому, что о ничтожествах писать совершенно нечего, пришлось написать книгу толстую. Что поделаешь, таков общий закон природы: когда нечего делать, приходится делать много. Книга получилась из четырех частей. Можно сказать — четверология. Теперь мне уже кажется странным, почему раньше писали трилогию, хотя совершенно очевидно, что можно было спокойно писать четверологии.

Первая часть книги представляет собою философскую пропедевтику, написанную от имени МНС, который выделялся из всех прочих сотрудников лишь тем, что ничем из них не выделялся. Выдумал он ее в самый трудный период своей жизни, когда был исключен из числа кандидатов, намеченных партийным бюро для подготовки ко вступлению в кандидаты в члены партии, но при этом, как и подобает будущему коммунисту, не утратил надежды, ибо верил в первую истину бытия:

*Надейсь!
Придет твоя весна.
И без ущерба для бюджета
В своей квартире,
А не где-то,
Пол-литра скушаешь
Для сна.*

Что такое пол-литра — вы знаете сами. Совершенно верно: это — основной и универсальный продукт телесного и духовного питания трудящихся в эпоху развитого социализма.

Вторая часть книги посвящена апологии нечистого разума. Следовательно, она является сугубо научной. Слово «апология» не столько иностранное, сколько древнее. На русский его обычно переводят словом «защита». Но это не совсем точно. Конечно, это — защита. Но не всякая защита есть апология. Например, если вы будете защищать нашего МНС от обвинений его в пьянстве и уклонений от общественной работы, глупо называть это апологией. Чувствуете, да? Апология — это защита чего-то очень значительного, глобального, эпохального, космического. Но и этого мало. Это — защита со страстью, с душевным подъемом, с остервенением, с готовностью лечь костями за то, что защищаешь. Например, сейчас даже на Западе, а не только у нас, стали появляться отдельные критиканы, сомневающиеся в истинности отдаленных истин марксизма. Вы, естественно, хотите защитить марксизм, и не просто защитить, а учинить ему апологию. Что вы должны сделать для этого? Рвануть рубаху на груди, заскрипеть зубами и изобразить в душе своей нечто в та-

ком роде. Ах вы, гады! Да как вы смеете нашего Карлушу Марксу обижать?! Знаю, без вас знаю, что он еврей! Я, может быть, и сам набил бы ему его жидовскую морду! Но не позволю, потому как он предсказал, обосновал и указал! И так далее в том же духе. Без этого никакая апология не получится.

Зачем, вы спросите, защищать нечистый разум, да еще с пламенной страстью? Резонный вопрос. С удовольствием отвечаю на него. Дело в том, что один известный философ, работавший в городе Калининграде (бывший Кёнигсберг), так основательно раскритиковал чистый разум, что защищать его после этого стало просто неприлично. Так что если уж вы хотите защищать какой-то разум, то вам ничего другого не остается, как защищать нечистый. Логично? Именно так и рассудил наш МНС, чем заслужил поощрение со стороны заведующего отделом разоблачения гнусной сущности антикоммунизма и получил соцстраховскую (со скидкой в семьдесят пять процентов) путевку от месткома в подмосковный дом отдыха. И сбылась вторая фундаментальная истина бытия:

Надейсь!

Наступят времена.

И будет жить не так отвратно.

И на путевке аккуратню

Напишут наши имена.

Третья часть книги посвящена апологии практического безумия. Вы, очевидно, уже сами догадались, почему здесь защищается именно практическое безумие: практический разум был раскритикован раз и навсегда тем же философом. Сочинена эта апология от имени младшего научно-технического сотрудника (МНТС) во время его поездки на уборочные работы в деревню совместно с МНС задолго до того, как последний сочинил свою Пропедевтику. В книге она оказалась на третьем месте по той простой причине, что МНТС проболтался о своей рукописи. а Органы Госбезопасности изъяли ее, прибыв к Делу МНС и поместив ее именно в третьем томе Дела. Выбрал я МНТС не случайно, а с целью подчеркнуть ничтожность положения моего МНС: если уж какой-то довольно пожилой, мизерный и никчемный МНТС может позволить себе свысока смотреть на МНС, то невозможно даже вообразить степень презрения к нему со стороны лиц, занимающих еще более высокое социальное положение, — со стороны уборщиц, завхозов, гардеробщиц, продащиц и участковых милиционеров. Быть молодым МНС, хотел я сказать этим сопоставлением его со старым МНТС, не только неприятно, но и опасно.

Во время этой поездки в деревню МНТС и МНС жили в сарае у некоей Матрены Ивановны, прозванной Матренадурой, по причинам, указанным в тексте апологии. По слухам, которые поддерживала сама Матренадура, наблюдение за нею подало Великому Писателю Земли Русской надежду на спасение Матери-России от обрушившегося на нее исторического прогресса. Кто знает, может быть, сбудется и третий постулат бытия:

*Надейсь!
Мозгами не крути.
Простая русская старуха,
Ни рыла в том не смысла
И ни уха,
Свернет историю
С неверного пути.*

В четвертой (и последней) части книги рассказывается о том, как МНС, приехав по соцстраховской путевке в подмосковный дом отдыха, ощутил единство с родной природой и обрел совершенно ненужный ему душевный покой. Следовательно, в этой части опять-таки рассматривается сугубо научная проблема отношения человека к природе, а также вечная проблема, что произойдет, если наступит Вечный Мир, и люди заживут, как в подмосковном доме отдыха, т. е. в полном благополучии и беззаботности. Об этом говорит четвертая истина бытия:

*Надейсь!
Наступит тишина.
Исчезнут братские могилы.
И перебросим мы
Все силы наши на
Производительные силы.*

Если вы посещали пропагандистский семинар повышенного типа (а не может быть, чтобы вас не заставили его посещать!) и окончили Вечерний Университет миллионов — Университет Марксизма-Ленинизма (а не может быть, чтобы вам удалось от него отвертеться!), то вам нет смысла пояснять, что эта истина бытия вполне согласуется с буквой и духом марксизма-ленинизма, ибо создание материально-технической базы коммунизма есть первое необходимое условие создания самого коммунизма. А какой дурак не хочет жить при коммунизме?!

Написав последнюю фразу и вдумавшись в нее, я вдруг ощутил коварство русского языка. С логической точки зрения эта фраза равнозначна по смыслу с фразой «Все дураки хотят жить при коммунизме». Но не спешите радоваться. Из нее логически не следует, что если вы не дурак, то вы не хотите жить при коммунизме. Не следует из нее также и то, что если вы хотите жить при коммунизме, то вы — непременно дурак. Из нее следует только одно: если человек — дурак, то он хочет жить при коммунизме. И по логическому закону контрапозиции из этого следует: если человек не хочет жить при коммунизме, то он не дурак. А это уже кое-что значит! И обратите внимание: вывод получен исключительно по правилам логики.

Романтическая окраска

Я назвал свою книгу романтической повестью, хотя ее персонажи не совершают ничего такого, что принято считать романтикой. Они не ходят в глубокую разведку, не испытывают новых типов самолетов, не покоряют горных вершин, не дерутся

на дуэли, не совращают графинь и не кидаются под вражеские танки. Они торчат в очередях, теснятся в автобусах, сидят на собраниях, считывают марксистские цитаты и копают картошку. Но романтика на самом деле есть не образ жизни, а состояние души. И в этом я тоже неоднократно убеждался на личном опыте. В юности, например, мне довелось ходить в разведку. Мы с приятелем всю ночь ползали на четвереньках, не испытывая никакого романтического чувства и думая только о том, как бы выбраться живыми обратно. Нам повезло: территория, по которой мы ползали, оказалась занятой не противником, а нашей воинской частью, потерявшей в панике ориентировку, и нас не заметили. Не думайте, что это было безопасно. Со своими у нас тогда расправлялись хуже, чем с немцами. Немцев хотя бы допрашивали и потом куда-то отправляли, а своих убивали на месте без всяких слов, ибо свои считались худшими врагами, чем чужие смертельные враги. Зато когда мы с приятелем (уже с другим, так как первого убили без всякой романтики) на спор проникли на охраняемый бензосклад и начертали на цистернах короткое русское слово из трех букв, нас буквально распырило от романтики. Опасность на сей раз была не меньшей. Часовой, запуганный наставлениями насчет диверсантов и угрозами штрафного батальона, готов был в любую секунду пристрелить даже кошку, крадущуюся в направлении поста. К тому же мы знали, что Особый отдел расценит нашу акцию как идеологическую диверсию, и нам не миновать высшей меры, если попадемся.

Я надеюсь, у вас хватит ума не спросить, почему мы начертали именно то самое русское слово из трех букв. Вы и сами знаете, что это — единственное исконно русское слово, а остальные все слова русского языка («революция», «социализм», «коммунизм», «диктатура», «гегемония», «партия»...) заимствованы у иностранцев. И эффект от других слов был бы не тот. В первые же дни нашего пребывания в авиационной школе кто-то написал на двери караульного помещения слова «Пеньтюхов дурак». Так их даже не удосужились стереть, хотя Пеньтюхов был начальником материально-технической службы.

На что мы в тот раз спорили? На обеденную пайку черного хлеба. На двести грамм липкой массы, называемой почему-то хлебом. Из-за такого пустяка, скажете вы, идти на смертельный риск?! Вот именно! Романтика и состоит в том, чтобы подвергаться смертельному риску ни за что. Потому-то сталинские времена и были у нас романтическими в самом высоком смысле этого слова.

Есть и другой, более слабый вариант романтики: иметь много без всякого риска. Приведу пример романтики второго типа (иметь все без риска). Однажды во время бомбежки мы с приятелем (с тем самым, с которым ходили в разведку) забрались на кухню. Все прочие в это время прятались в бомбоубежищах — в глубоких щелях, вырытых в лесу вдалеке от казарм и столовой. Риска для нас не было никакого, поскольку немцы старались разбомбить прежде всего здание столовой (самое большое в городке) и потому попадали куда угодно, только не в столовую. Мы с приятелем буквально буйствовали от обжорства. Мы чувст-

вовали себя как молодые книжные гусары перед первым боем или как молодые (и тоже, конечно, книжные) княжны перед первым балом. И я тогда впервые осознал, насколько правдивой была наша классическая русская литература. Не то что нынешняя.

Но не подумайте, что сытость как таковая была причиной романтического настроения. Я потом много раз наедался досыта без малейшего намека на романтику и обычно впадал в нее на голодный желудок. В этом пункте я полностью солидаризировался с Митрофаном Лукичом, который в установочном докладе «Зримые черты» красной нитью и черным по белому сформулировал тезис, согласно которому при коммунизме все будут романтиками. Я хотел было съехидничать по сему поводу, но осекся. Голос Митрофана Лукича в этот момент зазвучал так победоносно-торжественно, что задрезбжали стекла во всем здании гуманитарных институтов Академии наук. Ммм-ы-ы-ы, гремел Митрофан Лукич, стррррром комм-мму-ннизм не для того, чтобы нажраться!!! Нажраться и свиньи могут! Мы строим его для того, чтобы!!!

Для того, чтобы! Именно эти замечательные слова (а не бредни насчет «каждому — по потребностям») следовало бы написать на знамени победоносного коммунизма. Такой коммунизм у нас уже был, есть и будет. Таким мы его полюбили и не хотим никакого другого. Почему? Да потому, что это — сплошная и всеобщая романтика.

Предостережение И все-таки не торопитесь с выводами. В нашей жизни все перепутано, искажено и перевернуто так, что часто не знаешь, что делать — плакать или смеяться. И потому мы изобрели смех сквозь слезы и рыдающий хохот. Когда мы, грязные и измученные, вернулись из той злополучной разведки, ребята покатывались со смеху, хотя печать скорой смерти уже отметила их пепельно-серые лица. Мы построились. Самозванный командир (его потом за это расстреляли) скомандовал: «С места песню! Шагом марш!» И мы рванули «Перепетую» со всем полагающимся к ней набором припевов: «соловей, соловей, пташечка», «Лиза, Лиза, Лизавета», «цыкал, цыкал, мотоцикл», «нашел тебя я босую», и т. д. А про себя я тогда шептал:

*Прислушайся! Песня лихая звучит.
Хоть немые бойцы, запевала молчит.
В грязи по колено усталые ноги.
Не видно конца их унылой дороги.
Не надейся, не жди, моя дорогая.
У меня есть теперь навеки другая.
Не забава-краса, а тоска-забота:
По дороге шагать до седьмого пота.
Куда эти brave парни спешат?
Ты слышишь, команда звучит: Шире шаг!
Взвод, подтянись! И не отставай!
Голову выше! Дружней подпевай!*

*Подтяни ремешок, потерпи немножко.
Нам теперь ни к чему тухлая картошка.
Нам теперь ни к чему грусть родного края,
Приютит нас навек мать-земля сырая.
Им в небе не слышны архангелов трубы.
Им знать не дано, что они уже трупы.
Им вечно по грязной дороге шагать
И песни без слов и без звуков слагать.
Вот и песне капут, запевале крышка.
До скончания веков будет передышка.*

I
ПРОПЕДЕВТИКА

Краткий очерк диалектики

Раздвоение единого есть бедро диалектики, — так по десять раз на дню вещает ведущий кретин нашего института доктор философских лженаук Барабанов. Институтские остряки (талантливая и философски грамотная молодежь) по сему поводу хихикают. Во-первых, перемигиваются они, эту мысль до Барабанова высказывали сами классики. А во-вторых, классики были не такие уж невежды: они говорили «ребро», а не «бедро». Но мне лично «бедро» больше нравится. Ассоциации приятные вызывает. К тому же я великодушен. Я знаю, что Барабанов был спущен к нам в институт с высокого партийного поста, до которого дорос после окончания Высшей Партийной Школы, и на вершины философской мысли карабкался совершенно самостоятельно. Дело, однако, не в этом, а в том, что Барабанов и классики совершенно правы. Взгляните, например, на наш сектор. За что ни возьмешься, повсюду видишь раздвоение. Вот — старший научный сотрудник Субботин. Самый интеллигентный болван в институте (чем отличается болван от кретина, поясню в дальнейшем, при случае). Тоже доктор философских лженаук. Он наполовину русский и наполовину еврей. Причем еврей — на более умную половину, которая находится ниже пояса, а русский — на более глупую, холуйскую и подлую, которая находится выше пояса. А русская половина у него сама раздвоена на татарскую и монгольскую. Совсем в ином плане раздвоен другой доктор философских лженаук (у нас в секторе большинство — доктора), ведущий параноик сектора Смирнящев, но все-таки и он раздвоен: он — полупсих и полужулик. Его правая рука Вадим Николаевич Сазонов раздвоен во многих планах сразу. Он — полученый и полустукач. Как стукач он наполовину доброволец и наполовину по обязанности. А как ученый он наполовину компилятор и наполовину плагиатор. И в таком духе раздвоены все прочие.

Я тоже раздвоен, но уже совсем в другом аспекте (как выражается Барабанов): я ничего не могу делать без внутренней ожесточенной полемики с самим собой. Это довольно утомительно. И потому я стараюсь ничего не делать. Но чтобы уклониться от дела, надо опять-таки убедить себя в целесообразности этого уклонения, т. е. затеять ту же самую внутреннюю полемику. Так что я не могу и ничего не делать без нее.

— Кажется, — говорю я себе (к примеру), — пора бабу поймать.

— Прекрасная идея, — соглашаюсь я с некоторой долей ехидства.

— Но с кем сегодня лучше? Пригласить одну из «старух», выбрать одну из «кандидаток» или взять на улице?

«Старушки» — это женщины, с которыми я время от времени общаюсь уже несколько месяцев. «Кандидатки» — это женщины, с которыми я еще не имел дела, но уже подготовил для этого почву, и они при удобном случае готовы посетить меня или допустить меня в свою обитель. Что значит «взять на улице», это и без пояснений очевидно. Хотя именно тут нужны обстоятельные пояснения, ибо требуется немалый опыт и серьезная теоретическая подготовка, чтобы суметь соблазнить даже самую завалающую российскую потаскуху. Один мой знакомый за пять лет так и не смог научиться брать женщину на улице, отхватив за это время пару сотен оплеух.

— Только не на улице! Погода дрянь. И рискованно. Расширение культурных связей с Западом имело ближайшим следствием распространение венерических болезней.

— Разве негры и арабы — Запад?

— Для нас даже китайцы — Запад.

— В таком случае выбери из «кандидаток».

— «Кандидатку» так просто не позовешь. Нужны комплименты, выпивка, закуска. Встречать надо. И провожать. Может быть, даже на такси потратиться. «Кандидатки» с первого раза не сдаются, ломаются. Мол, они не такие, как все. А порой и виды имеют. И совершенно безграмотны в делах любви. Их всему надо обучать с азав. И педагог ты неважный.

— Значит, из «старух»? Где моя «постельная книга»? Кого именно?

— Ты забыл, что ее порвала одна из твоих «старух»?! Сначала она грозилась снести ее в партийное бюро и пыталась шантажировать тебя, требуя жениться на себе.

— Вот сволочь! Ладно, давай припомним что-нибудь поприличнее.

— Я бы на твоём месте не торопился. «Старухи» надоели. Их пора обновить. Тем более «кандидатки» начинают разбегаться. Не могут же они ждать вечно!! Сейчас «старухи» наверняка либо с мужьями дома сидят, либо у других «гавриков» вроде тебя душу отводят. А если какая из них свободна, она принесет с собой свои истерические проблемы. Займись лучше соседкой.

— Ты же сам меня учил не заводить амуров по месту жительства.

— Если соседка тебя не устраивает, займись писаниной. Бумага у тебя есть: ты вчера целую пачку «увел» из института якобы на нужды сектора. Жизненный опыт накоплен в избытке. Время и силы девать некуда. Способности? Назови мне хотя бы одного современного писателя с настоящими писательскими способностями! Теперь всякий, умеющий писать, может при желании стать писателем. А неумеющий тем более. Возьми, например, самого Генсека. Уж, кажется, на что косноязычен, а тоже выдающимся писателем стал.

— Легко сказать, займись писаниной. Надо же начинать с чего-то. А чтобы начать, надо знать, как продолжить и чем потом закончить.

— Продолжение никогда не имеет ничего общего с началом. Вспомни,

с чего началась наша революционная заварушка? А как она продолжается? А если бы ты мог знать, чем она кончится, ты постиг бы другую философскую истину: конец никогда не есть завершение продолжения. Так что начинай с чего попало. Или, как нас учил великий Ильич, начни с самого простого, массовидного, миллиарды раз повторяющегося, с предложения любого. Например, «Лошади кушают овес».

*Ты можешь все познать до дна,
Что будет, есть и было.
Но все ж картина та бедна,
Пока в ней истина одна
На первом месте не видна:
Жует овес кобыла.*

— Если бы лошади и овес встречались у нас как нечто массовидное и миллиарды раз повторяющееся, мы бы по горло были обеспечены хлебом и мясом, а не покупали бы их на Бандаранайке. К тому же такое начало банально.

— Банальностей боятся только умные либеральные интеллигенты, — негодную я. — И потому они говорят одну ерунду. А настоящие мудрецы говорят одни банальности. И потому они иногда выдают нечто заслуживающее внимания.

— Сдаюсь! В таком случае я в соответствии с философской традицией начну с пропедевтики.

Продедевтика Когда меня как специалиста в области философии спрашивают, что такое «продедевтика», я с некоторой долей высокомерия отвечаю: это то же самое, что и «пролегомены». У спрашивающих от такого ответа отвисают челюсти. И спросить, что такое «пролегомены», им уже мешает осознанное ими их вопиющее невежество. И не напрасно. Готов держать пари, на такой вопрос не смогут ответить двадцать четыре тысячи девятьсот девяносто советских дипломированных философов из двадцати пяти тысяч, а остальные десять лишь сделают вид, что смогут. Попробуйте, спросите их сами. И посмотрите при этом на их морды. Вы увидите зрелище неопишемое. Когда я был студентом первого курса, еще верившим в величие марксистских святынь, я спросил у профессора, болтавшего косноязычную дребедень про первичность материи и, само собой разумеется, про вторичность сознания, чем отличается гносеология от эпистемологии, а обе они вместе — от теории познания, и в чем преимущество трансцендентального подхода ко всем трем перед трансцендентным. Рожа у этого профессора от моего вопроса и приняла тот самый вид, будто я его спросил, что такое «пролегомены». С этой рожей он и проходил потом всю жизнь. С ней же он был избран в члены-корреспонденты Академии наук. И с ней же был похоронен на почетном кладбище Новодевичьего монастыря. С ней, надо думать, он предстанет и перед очами Всевышнего. Вот будет номер, если тот возьмет да и спросит у несчастного профессора философии, что такое «пролегомены».

Я очень подозреваю, что точно таким же было выражение лица у Энгельса, когда Маркс сообщил ему душераздирающую новость: будущее со всеми его потрохами принадлежит пролетариату. Одному пролетариату, без беднейшего крестьянства. Насчет беднейшего крестьянства — это Ленин потом открыл, так как такового (беднейшего крестьянства) на Западе уже не было. Или еще не было? Очень живо представляю себе эту сценку. Энгельс сидит в кожаном кресле. Нога на ногу. В полосатых штанах. Курит сигару. Растрепанный Маркс носится туда-сюда по кабинету, держа под мышкой все три (или четыре?) тома «Капитала». Маркс почему-то называет Энгельса Генералом. Очевидно, традиция присваивать партийным работникам генеральские и маршальские звания идет еще оттуда. Энгельс называет Маркса почему-то Мавром. Что такое «мавр»? Араб? Если так, то в свете ближневосточного конфликта эта шуточка Энгельса звучит сомнительно. Надо переходить на позиции пролетариата, кричит Маркс, ибо будущее принадлежит ему. Услышав это, Энгельс сует сигару зажженным концом в рот. Фабрику пока не загоняй, говорит Маркс тоном пониже, взглянув на физиономию Энгельса. Это не к спеху. И, Бог даст, может быть, обойдется.

Но дело совсем не в этом. Мне эта пропедевтика нужна исключительно для того, чтобы с самого начала изложить свое отношение к коммунизму. Я предпочитаю ясность с первых же слов. И ужасно не люблю, когда автор страницу за страницей крутит и вертит так и сяк, но так и не поймешь до самого конца, к чему же в конце концов привела неуомолимая логика его мировоззрения. Может быть, у кого-то эволюция такая и бывает. Но у меня этого нет, не было и не будет. Не могу же я возводить в высокий ранг некоей духовной эволюции такой пустяк. От нечего делать я листал сборник нашего института о коммунизме. В период развернутого строительства коммунистического общества, прочитал я на произвольно открытой странице, Советский Союз превзойдет уровень промышленного производства в самой развитой стране капитализма — США. Одновременно Советский Союз превысит уровень производительности труда в США... О, идиоты, воскликнул я и забросил сборник под кровать. Вот и все. И больше никакой эволюции не было. И никакой духовной драмы не было. Из-за чего? Из-за такого дерьма? Чушь! Не верьте тому, кто скажет, что он пережил духовную драму, обнаружив, что марксизм — не вершина премудрости и благородства, а яма тупости, пошлости, жульничества. Если же человек на самом деле переживает, то он врет, будто разуверился в марксизме. Он разуверился в чем-то другом, а маскируется под идеологическую драму. Повторяю и настаиваю: в марксизме невозможно разувериться по той простой причине, что в него не верят с самого начала. Ибо он есть явление не в сфере веры, а в сфере лжеверия или вероподобия.

Мое отношение к коммунизму всегда было многоплановым и, можно сказать, противоречивым. С одной стороны, я его уважаю, ибо живу неподалеку от площади Ф. Э. Дзержинского, или, короче, Лубянки. Ибо я родился и вырос буквально под сенью самого главного здания самого гнусного учреждения Советского Союза. И почти каждый день вижу его в са-

мом различном освещении, в самых различных ракурсах. И почти каждый день так или иначе прохожу мимо бронзового Железного Феликса, прочно обосновавшегося в центре площади. С другой же стороны, я его (коммунизм) презираю, ибо служу в самом бездарном учреждении Советского Союза — Институте идеологии Академии наук. Вслушайтесь внимательно: Институт идеологии(!) Академии наук(!!). Не понятно? Поясню. Это звучит примерно так же, как если бы вы сказали: Институт Знахарства Академии медицинских наук. С одной стороны, я готов вступить с ним (с коммунизмом) в борьбу, ибо боюсь, что он скоро доразвивается до полнейшей отвратности и тошнотворности. А с другой стороны, я готов за него сражаться, ибо боюсь, что если не он, то передовые и прогрессивные борцы придумают гадость еще похлеще этой. С ним худо, но без него еще хуже будет — вот в чем загвоздка. Диалектика общественного развития такова, что если уж коммунизм появился, то все то, что появится после него и вместо него, будет еще хуже. В осознании этого рокового обстоятельства и состоит глубочайшая трагедия мыслящих представителей моего поколения. Дело не в том, что мы не верим в коммунизм, а в том, что мы не верим в то, что его можно избежать или изобрести что-то получше. И если хотите знать, именно по этой причине, а не из мелкого пижонства мы носим драные джинсы и невообразимые бороды.

Я на судьбу не ропщу.

И гадостей жизни не трушу.

А бороду эту рощу

Прикрыть обнаженную душу.

Этот стих не мой, не подумайте. Стихи я вообще презираю как самую примитивную форму самосознания. Стихи для меня сочиняет один мой знакомый. Он сочиняет их для меня потому, что его отказываются печатать даже на Западе. Ну а если уж даже Запад не хочет печатать стихи крамольного советского поэта, то их и писать не стоит. Я прямо так и сказал Поэту. А он в ответ сказал, что он вообще стихи не пишет и даже не сочиняет. Он их изрыгает из души. К тому же на Западе его стихи не печатают не потому, что они очень плохие. Там печатают и кое-что похуже. А потому, что этим делом там ведают советские эмигранты, которые унесли с собою советские формы поведения и привычки. Советский человек никогда и нигде не может очиститься от своего внутреннего советизма. Рассказывают, будто один советский эмигрант пытался поступить в некое религиозное учреждение, а другой эмигрант (его хороший знакомый) настроил на него донос, в котором сообщил, что первый политически неблагонадежен, так как был исключен из КПСС. И того не взяли на работу по этой причине. Возможно, доносчик хотел обратить внимание не на то, что человек был исключен из КПСС, а на то, что он был исключен именно из КПСС, т. е. состоял в оной. У нас был случай еще более забавный. Один философ хотел поступить работать на полставки в Духовную Академию. Но его не приняли, поскольку он был членом КПСС. Потом он стал диссидентом.

Его, естественно, из партии исключили. И с работы уволили. Он сунулся в ту же Духовную Академию. Но его и на сей раз не приняли. Правда, уже по другой причине: потому что он был исключен из КПСС.

Эпиграф К сочинению такого философского плана, какое затеял я, нужен эпиграф. И вот я сижу и второй час ломаю голову. Не над эпиграфом, — я его выбрал давно и без всякого труда, а над тем, как надо правильно писать — «обсрать» или «абосрать»? Порывшись в словарях и не найдя в них нужное мне слово, я обратился за помощью к Соседу, который употребляет его минимум по сто раз каждые сутки. Мой вопрос привел Соседа в состояние окаменелости, будто я спросил его не о привычном ему явлении, а о том, что такое «пролегомены» или «суперпозиция». Подумав с полчаса, Сосед решительно заявил, что надо начинать с «а». Еще через полчаса он без стука вошел ко мне и сказал, что начинать надо с «о». Потом он пришел в сильнейшее возбуждение и ушел в ближайшую забегаловку, сильно хлопнув дверь. Потом пришла жена Соседа и категорически потребовала начинать с «а». И после «б» писать тоже «а». Потом вернулся Сосед с друзьями из забегаловки. Дискуссия приняла такие острые формы, что прибежали соседи и из квартиры напротив. Угомонились далеко за полночь, пропив всю мою наличность.

Зачем же мне потребовалось биться над этой неразрешимой для русского человека, но животрепещущей проблемой? Да потому, что я в качестве эпиграфа к своему сочинению выбрал отрывок из обсирального (или абсирального?) стиха моего знакомого Поэта:

*И все же мысляю я историю инакой...
Вразрез с призывами и вопреки науке,
На место устаревшего «пошел ты на х..!»
«Пошел ты в коммунизм!», употребляют внуки.*

Я выбрал этот стих за его, можно сказать, брызжущий оптимизм. Что же касается обсирального (как человек образованный я предпочитаю начинать с «о») стиха вообще, то это — стих, делающий со святынями коммунизма то, что они и заслуживают, а именно — обсирает их. Не опровергает, не критикует, не отрицает, не разоблачает, а именно обсирает. Точнее тут не выразишься. Любые другие выражения тут были бы неуместны.

Некоторые считают обсиральный стих признаком антикоммунизма. Но это грубая ошибка. Он не ставит автора и читателя в отношении к коммунизму в позицию, которая обозначается высоконучным выражением «анти». Он не выражает ни восторга по поводу коммунизма, ни огорчения. Он честно, прямо и недвусмысленно говорит: мне на этот ваш коммунизм в общем и целом насрать. В данном случае слово «насрать» употребляется в смысле «наплевать», «начхать». Самое большее, в чем можно обвинить этот тип стиха, так это лишь в легком обсирании всего, связанного как с идеями, так и с реалиями коммунизма. Обратите внимание

на тонкости и унянсы (как любит выражаться ведущий кретин нашего института Барабанов) богатейшего русского языка: здесь смысл слова уже совсем иной. Здесь уже имеется в виду не холодное безразличие, а теплое участие. А по нашим русским обычаям такое участие может относиться не только к тому, что тебе враждебно, но и к тому, что тебе близко и дорого, и главным образом к этому тому.

В этой связи уместно вспомнить о положении, в какое попал сотрудник нашего института, прозванный Учителем за то, что за всю свою долгую жизнь не смог приобрести ни одного ученика и получить разрешение изложить публично свое учение. Учитель устраивался на философский факультет читать коротенький курс по очень модному разделу современной логики. Его пригласили на беседу в партком, где сидели секретарь парткома, декан и многие другие важные лица. Декан сказал, что Учитель им подходит. Только вот есть слух, будто Учитель недооценивает диалектическую логику. Надеемся, что это — недоразумение. Конечно, сказал Учитель, это — гнусная клевета. Лица собравшихся озарились довольной улыбкой: наш, мол, человек! Я, продолжал между тем Учитель, глубоко презираю ее.

Таково же и мое отношение к коммунизму. Только в отличие от случая Учителя, если бы мне предложили выбирать общество, в котором я предпочел бы жить, я выбрал бы наше родное и вместе с тем презираемое коммунистическое общество. Удивляетесь? А вы спросите сами себя и ответьте, только честно. Ну и что? Вот видите! В чем же тут, спросите, дело? Да в том, что коммунистическое общество специально и строится для того, чтобы интеллигентный и мыслящий человек имел достаточно материала и поводов страдать из-за мерзости человеческого бытия. И ко всему прочему я еще не теряю надежды. Как сказал все тот же Поэт:

История полна коварности порою:

Где храм Христа был — там теперь лужа...

Но может кое-что произойти похуже —

На месте Мавзолея туалет отроют.

Этот стих тоже сгодился бы в качестве эпиграфа к моей пропедевтике. Но Поэт считает, что слово «Мавзолей» звучит тут неприлично. Ты думаешь, что слово «х..» звучит приличнее, спросил я. В Мавзолей, как тебе известно, стремятся десятки миллионов людей. А на х.. стремятся сотни миллионов, сказал Поэт. Крыть тут мне было нечем. И я смолк.

О болванах и кретинах

Я обещал пояснить разницу между болваном и кретином. Но, приступая к этому, я обнаружил, что это не так-то просто сделать. На практике мы все прекрасно оперируем такими терминами, как «дурак», «болван», «кретин», «дегенерат». У нас даже экспедиторши и гардеробщицы знают, что Барабанов — кретин, но не болван, а Субботин — болван, но не кретин. Стоит нам на короткое мгновение взглянуть на ученого человека, как мы уже точно знаем, кто он: дурак, болван, кретин или дегенерат. А вот дать строгие

научные определения этих терминов не под силу даже самому Учителю. Когда я подкинул эту проблему на лестничной площадке, он сам в этом признался. Знаю только, сказал он, что все эти термины относятся к людям с высшим образованием, что кретины приходят в науку с партийных постов, что болваны не годятся даже в члены профсоюзного бюро, а дураки вырастают из стукачей. Для более строгого различения этих категорий требуется особая теория измерения. Займись этим, и ты вступишь свое имя в историю науки навечно.

Перспектива, конечно, соблазнительная. Но для этого надо трудиться. Надо лет двадцать убить на то, чтобы построить первоначальный вариант такой теории. Это не для меня. Что касается различия между болваном и кретином, то поясню его на простом примере, и вы сразу поймете, в чем дело. Когда Барабанов начинает рассуждать о бедре диалектики, хотите вы этого или нет, вы про себя обязательно скажете: о, Боже, какой кретин! А когда Субботин, приняв позу философски грамотного утонченного интеллигента, начинает уличать Барабанова в непонимании и в искажении буквы и духа диалектики, вы непременно про себя скажете: откуда берутся такие болваны?! И если даже вы беспартийный, вы заранее знаете, что Барабанова обязательно выберут в партийное бюро, а Субботина дальше профорга сектора не пустят ни в коем случае, потому как первый из них — кретин, и это очень хорошо; а второй — просто болван, а это хорошо, но не очень.

Я отношусь к категории дураков, так как до сих пор не могу защитить кандидатскую диссертацию. Академик Петин относится к категории дегенератов. Чтобы стать дегенератом, мало быть просто кретином. Надо быть кретином выдающимся и хотя бы один раз побывать членом ЦК, депутатом и лауреатом.

О себе Не сомневаюсь, у вас уже назрел вопрос: что я не люблю больше всего на свете? Отвечаю: клопов, тараканов, крыс и идеологических работников. Клопов, крыс и тараканов, скажете вы, это понятно. Но почему идеологических работников? Опять-таки отвечаю: да потому, что идеологические работники — это помесь крыс, клопов и тараканов. И еще потому, что я их знаю, как облупленных. Я сам готовился стать таковым и жил среди таковых. Но должен оговориться, я специалист не столько по идеологии, сколько по идеологам, т. е. по идеологологии. И изучал я не столько идеологию, сколько идеологов. Идеологию я изучал лишь постольку, поскольку она есть неотъемлемый атрибут идеологов — они ею питаются, источают ее из себя и потчуют ею других. Как пчелы выделяют мед, так идеологи выделяют идеологию. А можно ли постичь пчел, не отпробовав меда?

Моя такая своеобразная специализация определилась с первого дня пребывания на философском факультете Московского Государственного ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени университета им. М. В. Ломоносова. На первой же лекции я стал подсчитывать число грамматических ошибок, допускаемых лектором. За полчаса я их насчитал более ста. И был потрясен этим. Сказал о своем открытии хорошенькой сосед-

ке. Она удивилась: неужели я слушаю этого косноязычного идиота?! И предложила сыграть в «морской бой» или в «балду». Но я отказался. Я уже был захвачен своим исследованием и с методичностью метронома отсчитывал языковые ошибки лектора. Дамарксисьсский пиридавой философия, мямлил лектор... Сто семьдесят пять, сто семьдесят шесть, отсчитывал я... Чьчитал, что материя... Сто семьдесят семь, сто семьдесят восемь... Материя они понимал, конечно, неправильна, агранична... Двести тридцать три, двести тридцать... Русские ривалюцианеры-димакраты падашел вплотную... Триста сорок, триста сорок один... Я уже не успевал отсчитывать. Соседка, заинтересовавшись моими подсчетами, посоветовала молча ставить палочки на бумаге. Через неделю мы уже с полной очевидностью установили, что самый грамотный лектор по философским дисциплинам делает за полчаса не менее ста ошибок. Я так набил руку на этом деле, что уже по первой фразе мог точно предсказать число ошибок, которые сделает лектор. Потом я обнаглел, и уже по одному только способу, каким лектор закатывает глаза и разевает пасть для первой фразы, мог делать безошибочные предсказания. Весь наш курс заразился моими расчетами. И если бы не вмешалось сначала комсомольское, а затем партийное бюро, мы смогли бы развить новую науку — идеологологию или, лучше сказать, идиотологию.

После того, как нам помешали это сделать, я нашел для себя занятие еще более увлекательное: разработал стобальную систему оценки женских задов. По этой системе я обследовал всех девочек нашего курса, перешел на аспиранток и преподавательниц, затем распространил ее на некоторую категорию мужчин. На эту мысль меня навел преподаватель кафедры логики Субботин (его карьера началась здесь), который гордился своими ногами. Когда он разговаривал с кем-нибудь, он поворачивался к собеседнику задом и цедил слова через плечо. И зад у него при этом принимал такой вид, что все его коэффициенты и константы (по моим измерениям и вычислениям) полностью совпадали с таковыми у обладательницы самого мощного зада в Университете — доцентши Белохвостиковой с кафедры этики. Через неделю половина ребят с нашего курса ходила по факультету и совершала странные (с точки зрения непосвященных) действия. Представляете, что началось твориться на факультете, когда кто-то из ребят разболтал, чем мы занимаемся! Я, правда, вылез сухим из воды, так как мою идею присвоил один парень. Парня исключили с факультета с передачей его дела в военкомат для призыва в армию, как нам сказали. Я же тихо и тайно довел исследование до конца: установил фундаментальный закон корреляции голов и задов идеологических работников. После этого стоило мне взглянуть на зад, как я, не глядя на рожу, мог безошибочно предсказать, чем занимается обладатель этого зада и сколько грамматических ошибок делает в течение получасового трепа.

Попался я на другом: я распустил слух, будто Сталин сожительствовал с Троцким, и после того, как последний изменил первому с Железным Феликсом, все и закрутилось, и будто на эту тему на Западе выпущена целая книга. В комсомольском бюро мне намекнули, что могли бы помочь перевестись мне на мехмат. Но я отказался, ибо философия меня

уже увлекла. Я уже овладел навыками за один вечер готовиться к любому экзамену по философским дисциплинам. А когда я уверовал в то, что «пара плюс-минус в математике» есть пример диалектики, я понял, что у меня нет иного пути, кроме философии. Тем более именно в это время той самой хорошенькой соседке, о которой я уже упоминал, потребовалось в обязательном порядке сделать аборт, и мне было не до науки. А то я, может быть, и перевелся бы — в это время многие ребята переводились с факультета, кто куда мог, раскусив, в какую воюющую помойку они влипли.

Логiku нам читал однорукий доцент Храпченко. Читал примитивно, но с претензией на веселость и остроумие. Веселость у него почему-то все время переходила в пошлости, а остроумие — в скабрзности. Я был безмерно удивлен, когда узнал, что это — сам заведующий кафедрой. Я уж знал, что это — в порядке вещей, и все-таки... Как-никак, а логика! Современная! Из современной логики Храпченко знал лишь конъюнкцию (союз «и»), дизъюнкцию («или») и отчасти импликацию («если, то»). Последнюю он нам излагал на уровне проблемы, которую еще предстоит решить. Это, говорил он, то же самое, что и «если..., то...». Но не совсем то же самое, так как это совсем другое. Вот, например, возьмем предложение «Если дважды два — пять, то снег черен». Чувшь, правда? Даже студенты первого курса знают, что дважды два... Вот ты, блондинка с крашеными глазами, сколько будет дважды два? Верно, четыре. Но если материальная импликация, то это — не чувшь, а истина. Проблема тут не прстая... Прослушав курс однорукого Храпченко и получив пятерку, я записался в группу логики. Таких, как я, оказалось человек десять. Один записался потому, что его папа — полковник КГБ, что он хочет пойти по стопам папы, и логика ему нужна для разоблачения врагов. Другого специально записали в логики, так как он — член партии, а в группу добровольно не записался ни один член партии. Третий, мексиканец по национальности и происхождению, записался с намерением применить современную логику к борьбе пролетариата на его родине. Четвертая... Я же записался по той причине, что хотя в группе логики много будет глупости, зато марксизма будет меньше, чем в других группах. Но я допустил грубую ошибку: второй курс начался с того, что одноглазый старый марзematik с дворянской польской фамилией Ворошвилло закатил нам курс диалектической логики, а беззубый и плешивый Смирнящев с отвисшими сзади до колен штанами объявил спецкурс «Марксизм и современная логика».

Желтый дом Желтый дом — это совсем не то, о чем вы подумали. То, о чем вы подумали, называется более поэтично: Канатчикова Дача, Матросская Тишина, Белые Столбы. Вслушайтесь, как это звучит: Бе-лы-е Стол-бы! Если бы я был иностранцем, из-за одного этого названия поехал бы по туристической путевке именно туда, а не в Загорск, Суздаль, Самарканд и Горки Ленинские. Но я совсем не иностранец, и никогда им не буду. Странно, не правда ли: для нас все, живущие за границей, иностранцы, а иностранцы нас почему-то иностранцами не считают? Даже монголы и китайцы не хотят считать нас иностран-

цами. Даже болгары для нас иностранцы, а мы для них — нет. Мы для всех просто советские люди. Как только я сейчас подумал вот это самое, мое Второе Я сразу же сказала мне, что Белых Столбов все равно мне не миновать, хотя я и не иностранец, а рядовой советский человек. Вот вы опять ошиблись, решив, что у меня раздвоение личности. У меня есть еще и Третье Я, и Четвертое, и Пятое Я... В общем, сколько угодно. Как-то я попытался их сосчитать, но сбился. Одно из моих Я рассмеялось по этому поводу и заметило, что у меня этих Я не меньше, чем баб перебивало. К сожалению, добавило другое Я, среди них не было ни одной стоящей. Где они, те божественные существа, из-за которых и ради которых?!

Но вернемся к нашей теме. Второе Я не раз говорило мне, что я — парень способный, но имею один (если бы только один!) роковой недостаток: ни одну мысль не могу додумать до логического конца, то есть ни одну статейку не могу довести до стадии гонорара. Не то, что Ленин. Кстати, сказала Семнадцатое Я, ты не заметил одно поразительное явление? Во времена Сталина было великое множество психов, свихнувшихся под Ленина, и ни одного, свихнувшегося под Сталина! Любой лысый проходимец маленького роста мог отрасти бородку клинышком и под видом Ленина ездить без билета в трамвае и бесплатно ходить на детские сеансы в кино. У нас во дворе жил один такой. Сначала он объявил себя заветником Ленина, потом — помощником, потом — личным эмиссаром, а когда облысел совсем и с перепоя стал шепелявить и картавить на все буквы алфавита — самим Лениным. Всю улицу потешал. И представь себе, таких «Лениных» почти совсем не забирали. Очень редко забирали, когда они начинали кричать о зарплате служащих не выше зарплаты рабочих. Нашего «Ленина» забрали лишь после того, как он въехал во двор стоя на броневике. Я не шучу и не выдумываю. Это — реальный факт. Уму непостижимо, где он достал броневик. Болтали, будто за пол-литра уговорил механика-водителя из казармы... Раньше на месте тех вон домов казарма была. Эта гипотеза насчет броневика получила некоторое подтверждение. Военскую часть после этого случая куда-то перевели, а казарму отдали тому самому учреждению, которое забрало нашего «Ильича». Впрочем, жильцы были довольны. «Ильич» всем надоел своими пьяными дебошами и угрозой устроить новую революцию, а солдаты осточертели тем, что каждое утро чуть свет начинали топтать по мостовой и орать дурными голосами:

*Гулял по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с полками на бой.*

Так вот, «Лениных» было навалом, а Сталин был всего один. Один-то один, сказала Третье Я, зато... Тсс, крикнул я, заткнитесь!

Желтый дом, если хотите знать, это здание гуманитарных институтов Академии наук. Расположено оно почти в центре Москвы, рядом с наполненной мочой круглой лужей, на месте которой стоял в свое время не имеющий архитектурной ценности Храм Христа Спасителя. И названо оно так

вовсе не потому, что в нем психов не меньше, чем в Белых Столбах, а потому что оно окрашено в желтый цвет. И красилось так с самого начала. Оно было желтым еще до революции, когда в нем размещалось некое акционерное купеческое товарищество. Заметьте, купеческое товарищество! Купец — и товарищ! Жуть берет. Нет, недаром они выкрасили свою торгашескую контору в желтый цвет! Рассказывают, что лет десять назад дом выкрасили в голубой цвет. Два дня он простоял голубым. Потом посинел. Потом позеленел. А в понедельник сотрудники пришли на работу в привычно желтый дом, сочтя прошлую голубую неделю периодом просыхания желтой краски. Рассказывают также, что еще накануне революции Ленин (настоящий, а не псих, хотя и настоящий, говорят, был тоже слегка того) подписал декрет о создании советской Академии наук. Вот предвидение... твою мать! Говорят, он сделал это, еще когда в шалаше жил. Сейчас в этом шалаше филиал Исторического Музея. Что же это за шалашик был?! Ведь только для дирекции филиала комнат пять надо! Говорят, наш нынешний директор академик Петин (бывший Исаак Моисеевич) самолично возил Ленину бумажку на подпись насчет Академии наук. А на другой день после революции революционные моряки уже ходили по Москве и распределяли купеческие и дворянские особняки, офицерские собрания и английские клубы под институты Академии наук. Всем институтам отвели голубые, зеленые, красные здания, а гуманитарным почему-то желтое. Как только балтийский матрос Железняк (говорят, это был именно он) увидел желтый дом около бывшего Храма Христа Спасителя, он ткнул в него маузером (эх, маузер, мечта детства!) и рывкнул: тут!! И добавил уже более уверенно и спокойно: первый этаж, вашу мать, под редакцию журнала «Вопросы идеологии»; второй этаж, вашу мать, под институт истории; третий этаж, вашу мать, под институт экономики; а четвертый, само собой, под институт идеологии. Точка и ша! А мой друг Поэт, проведший в Желтом доме всего пару часов в ожидании моей полочки, выдал такой стих:

*Есть в Москве, считай что в центре, желтый дом.
С виду — дом, каких полным-полно окрест.
Но в середине разместился в доме том
Мировой и эпохальный мысли трест.
День за днем в него течет людской поток
Рьяных тружеников трепа и пера
Для просиживанья юбок и порток,
Для движенья в кандидаты, в доктора,
Для речей, для упражненья жадных ртов,
Для разносов и хвастливого вранья,
Для окладов, для занятия постов, —
Собираются сотрудники с ранья.
Чтоб наукам путь исканий освещать,
Чтоб искусствам долг партийный поручить,
Чтоб успехи нашей жизни обобщать,
Чтоб других уму и разуму учить,*

*Чтоб противников помоями облить,
Чтоб ревизию раскапывать до дна,
Чтоб цитатами планету завалить, —
Заседают в этом доме допоздна.*

Новый взгляд на поэзию

Примитив, сказал я, выслушав этот стих. Верно, сказал Поэт. Но не вижу в этом ничего плохого. Скорее наоборот. Примитивные стихи — это такие, в которых игнорируются технические достижения поэзии, зато есть чувство и мысль. Причем игнорируются сознательно, ибо технические достижения поэзии суть компенсация за отсутствие чувства и мысли. Я эти примитивные стихи ценю много выше виртуозных стихов о пустяках или ни о чем. Вот, например, один наш прогрессивный поэт, ставший в конце концов лауреатом Государственной (т. е. бывшей Сталинской) премии, рифмует Джиоконду с Джеком Лондоном. Виртуозно, ничего не скажешь. Представляю, сколько времени и сил потратил этот дегенерат, вымучивая эту рифмишку. А для чего? Сказать ему было нечего. И рифмишка эта означала лишь одно — желание стать лауреатом. А другой не менее прогрессивный прохвост рифмует Микеланджело с Килиманджаро! Каково?! И знаешь, о чем он говорит в своем шедевре? О том, что ему, как настоящему мужчине (хотя он гомосек!), хотелось бы охотиться на львов, но в силу отсутствия гражданских свобод у нас (и это напечатали, представь себе!) он вынужден морить клопов на даче под Москвой.

Интеллигентские слабости

Для меня как интеллигента во втором поколении главную трудность обычно представляет не решение той или иной проблемы, сколько решение приступить к решению этой проблемы. Например, я заранее и совершенно определенно знаю, что я не напишу порученный мне параграф в главу коллективного труда института, порученную нашему сектору, но я неделями хожу и мучаюсь оттого, что никак не могу приступить к решению проблемы, буду я писать этот порученный мне параграф или нет. И что самое любопытное! Никто в институте и не рассчитывает на то, что я вообще когда-либо решусь начать сочинение этого параграфа. И если я в самом деле начну, многие будут разочарованы и даже разгневаны тем, что я не оправдаю их предсказания. А параноик Смирняшев, который в каждом индивиде, научившемся произносить слово «импликация», видит опасного конкурента, впадет в отчаяние и с горя запыет. Запыет он и без этого, но совсем по другой причине.

Обычно у нас распределение нагрузки производится так. Трус (это — наш заведующий Зайцев) сообщает, что согласно государственному плану на десятилетие нам на предстоящее пятилетие поручается глава такая-то в такой-то коллективный труд. Они с товарищем Смирняшевым и Сазоновым составили план главы. Предлагаются такие-то параграфы. Надо решить, кто и какие параграфы будет готовить. Параграф первый... Этот параграф возьму я, говорит Смирняшев. Возражений нет, спрашивает Трус. Параграф второй... Этот параграф возьму я и Сазонов, говорит Смир-

няшев. Возражений нет, спрашивает Трус. Параграф третий... Короче говоря, к концу распределения Учитель и я оказываемся без своих параграфов. Тогда Смирняшев предлагает подключить Учителя к параграфу, за который отвечает диалектический логик Шептулин. Я сижу и помалкиваю, надеясь, что про меня забудут. Но Сазонов не спускает с меня бдительного ока с самого начала. И ледяным тоном предлагает добавить к главе еще один параграф «Классики марксизма о современной логике» и поручить его мне. Я робко возражаю, что, мол, классики современной логики не знали, что Энгельс не имел понятия о математической логике, хотя она в его время уже существовала, что Ленин... Сазонов обвиняет меня в недооценке. Смирняшев смягчает формулировки, предлагая заменить слово «современная» на слово «формальная». Учитель моргает мне, чтобы я соглашался, и изъявляет желание принять участие в этом параграфе под моим руководством. Шептулин заявляет, что этот параграф будет дублировать его параграф «Марксизм-ленинизм о соотношении формальной и диалектической логики». Смирняшев резко критикует Шептулина. Трус призывает к порядку.

Нечто подобное происходит и в других секторах. С той лишь разницей, что наш сектор считается самым культурным и работоспособным в институте. И самым дружным. И это действительно так. И Трус, мечтающий лишь тихо-мирно дотянуть до пенсии, всячески стремится сохранить мир в секторе, но Смирняшев не верит в мирные намерения Труса, подозревает, что Трус на ближайших выборах в Академию наук будет выдвигаться в членкоры. Шептулин ждет удобного случая, чтобы спихнуть Труса и нанести удар по «позитивистскому гнезду» в институте. Смирняшев... В общем, тут запутывается сложный клубок страстей, противоречий, надежд, иллюзий. И это — в группе, где народу-то всего раз два и обчелся. А ну их всех на ..., этих крыс, сказал Учитель. Пусть грызутся втихомолку или открыто. Лишь бы нас не трогали. Они не могут не трогать, сказал я. Значит, надо их надуть, сказал Учитель. Надо сделать вид, а самим... Что самим, спросил я. Работать, сказал он. У меня вроде бы вырисовывается интересный результат. Мне бы еще хотя бы пару лет мирной жизни. И хотя бы одного помощника. Может, рискнешь? А если ничего не получится, спросил я. А если и получится, где печатать?

Проходя мимо Железного Феликса, я заговорщически подмигнул ему и пропел про себя:

*Лелею тайно, каюсь я,
В душе желание такое,
Чтоб одержимые друзья
Меня оставили в покое.*

Помочь, спросил Железный Феликс. А то мы в два счета. Мы к нему давно присматриваемся.

Социологическая молитва

Я тоже не такой, как все, говорит Железный Феликс, присаживаясь ко мне на кровать. В молодости я тоже сочинял стихи. И не хуже твоего Поэта. Между прочим, имей в виду: он — наш человек. Не удивляйся, в конце концов все к нам приходят. То же самое и со мной было. Присутствовал я на партийном съезде (не помню, на каком именно). Тоска зеленая. Вот от этой тоски я и сочинил:

*Я шепчу втихомолку,
Я кричу громко вслух:
Пусть зачихнет без толку
Мой мятущийся дух!
Пусть в работе удачи
Не видать наяву!
Без квартиры и дачи
Пусть свой век доживу!
Пусть седая щетина
По всей морде торчит!
Как голодная псина,
Пусть желудок урчит!
Вместо модной одежды
Пусть на дырке дыра!
Долгой жизни надежды
Пусть лишат доктора!
Но признаюсь честно,
Что покуда дышу,
У кого — неизвестно —
Об одном лишь прошу:
Разреши хоть немного,
Хоть на самом краю
Пошагать мне не в ногу
В их едином строю.
Дай пройти в одиночку,
Не с колонною той.
И поставь дай точку
На странице пустой.*

Показал Сталину (мы с ним рядышком сидели). Тот похихикал, но все-таки донес Ленину. И когда встал вопрос, кого назначить начальником ЧК, выбор пал на меня. Ленин сказал, что работа ЧК — это революционная романтика, что тут нужно пламенное сердце, что тут поэтом надо быть. Все посмотрели в мою сторону. Короче говоря, стишки пришлось забросить.

Проблема «я»

Что такое «Я»? Философы и психологи ломают над этим вопросом голову. Считают, что ответить на него не так-то просто. Пишут книги. Ссылаются на авторитеты, на данные этногра-

фии, на условные рефлексы и качественные скачки. Но я полагаю, что это — типичное пижонство. На самом деле эта проблема не стоит ломаного гроша и выеденного яйца (ведущий институтский кретин Барабанов говорит в таких случаях о ломаном яйце и выеденном гроше). Когда я был розовошеким младенцем с ясными голубыми глазами (и естественно, еще не мечтал о бороде и джинсах) и пробовал вякать «Я», родители мне в один голос твердили, что «Я» есть последняя буква в алфавите. Когда я пошел в школу и попробовал пискнуть свое «Я» на уроке, учитель выдал мне с четкостью автомата, что «Я» — последняя буква алфавита. Потом мне это же самое изрекали классный руководитель, завуч и директор. Мой закадычный друг с пеленок, став комсоргом класса, сказал мне то же самое, обращаясь ко мне почему-то на «Вы». А известно ли Вам, сказал он, что «Я» — последняя буква в алфавите? И с тех пор проблема «Я» для меня была решена раз и навсегда: «Я» есть последняя буква в нашем русском алфавите. Несколько лет спустя, когда я случайно стал студентом философского факультета Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени университета им. М. В. Ломоносова, я слушал лекцию на тему о проблеме личности в марксистско-ленинской философии. Профессор долго и занудно распинался по поводу этого самого «Я», которое не поняли предшественники марксизма и запутали буржуазные горе-теоретики. Я не выдержал и задал вопросик: а известно ли уважаемому профессору, что «Я» есть последняя буква в алфавите? За это мне вlepили выговор с занесением в личную карточку. И мне пришлось с головой окунуться в общественную работу и проявлять политическую активность, чтобы этот выговор снять. Не подумайте, что меня тяготил сам факт выговора. Дело не в нем, а в том, что мне из-за него житья не давали, склоняли на всех собраниях, критиковали в стенгазетах, рисовали карикатуры. Как раз в это время я сделал попытку отрастить бородку, мне это очень шло. Пришлось временно отказаться от этого средства самоутверждения. Этот случай послужил мне уроком. Я понял, что произнесение истин такого рода, как «Я есть последняя буква в алфавите», есть прерогатива вышестоящих лиц. Нижестоящие же обязаны выслушивать их от вышестоящих с полным пониманием.

Интересно, что мои сокурсники долбили меня на комсомольском собрании не столько за хулиганство, сколько за искажение марксистского учения о соотношении личности и коллектива. Я признал вину и обещал исправиться. Но все же выразил некое робкое недоумение по поводу того, что профессор говорил «мы», рассуждая об «Я». Мы, говорил профессор, считаем, что «Я» с марксистско-ленинской точки зрения есть и т. д. Из-за этого началась легкая перепалка, которая грозила испортить так хорошо проведенное воспитательное мероприятие. Одни сокурсники утверждали, что профессор говорил «мы» из вежливости по отношению к себе, а другие утверждали, что он делал так из принципиальных соображений.

Я вспомнил эту историю с «Я», когда мы всем сектором отмечали в ресторане гостиницы «Москва» выход нашего сборника статей по логике. Хотя мои прогрессивные коллеги по сектору мою статейку в сборник не пропустили, так как она была сделана «не на уровне», я вмес-

те со всеми изображал радость по поводу этого выдающегося вклада в мировую науку. Смирнящев твердил с настойчивостью параноика, что сборник — вежа, что после его выхода не остается иного пути, как и т. п. И все время употреблял «мы». Это и напомнило мне мою историю с «Я». Это что, сказа- Учитель. Когда вышли «Экономические проблемы социализма» Сталина, устраивали их коллективные читки. У нас на курсе читал сам секретарь партбюро. И оговорился, — сказал «экономические проблемы социализма». Так его сразу посадили. Ему повезло, сказал Трус (заведующий нашим сектором Зайцев, прозванный Трусом не за фамилию, а за принципиальную трусость, которую он не скрывал и которой даже отчасти гордился). В наше время за такое сразу бы расстреляли. У нас одного парня расстреляли только за то, что он сказал, будто Сталин рябой. Сказав это, Трус слегка побледнел и виновато улыбнулся. Мы все молча взглянули на Вадима Сазонова, правую руку Смирнящева и неофициального ученого секретаря вышедшего сборника. Взглянули не случайно. В институте всем было известно, что Вадим — стукач. И хотя говорили, что он — стукач более высокого уровня, на всякий случай остерегались. Смирнящев, фактически заправляющий всеми делами в секторе, предложил выпить за прогресс. А ведь на того парня, который высказался о внешности Сталина, кто-то донес, сказал я. И сразу же понял, что допустил бестактность. Пока Трус заведует сектором, сказал мне Учитель, когда мы расходились по домам, старшим сотрудником тебе не бывать, несмотря на очевидный прогресс нашего общества. Между прочим, в твоем решении проблемы «Я» больше научности, чем во всем Их учении. В какой-то новой коммунистической стране на Востоке в этом отношении пошли до логического конца: отменили собственные имена. А Трус — одно из любопытнейших порождений сталинской эпохи. Его считают порядочным и смелым человеком только за то, что он имеет мужество честно признаться в отсутствии у себя мужества и честности! Обидно не столько то, что тебя душат, сказал я, сколько то, что душат такие клопы. Не такие уж они клопы, сказал Учитель. Они — полномочные представители общества. Они — власть в гораздо более серьезном смысле слова, чем чиновники из Президиума Академии и ЦК.

*Среди марксистских истин тьмы
С пеленок помним мы одну железно:
У нас всегда на первом месте «Мы»,
А «Я» искать и на десятом бесполезно.*

Мы Нет, не из вежливости и не от мании величия тот занудный профессор говорил «мы», когда мог вполне спокойно и безнаказанно употребить «я». Тут действовал социальный инстинкт, ибо у нас нет никаких «я», а есть только «мы». Что такое «Мы»?

Мы — это ты, я, он. Мы — это не ты, не я, не он. И ни в коем случае не Магомет, не Христос, не Наполеон. Это — некий Иванов, некий Петров, некий Сидоров. Мы — это одержимые единым порывом, движимые чувством законной гордости. Мы — это исходная категория нашей идеоло-

гии. Когда мы говорим «мы», мы тем самым хотим сказать, что если ты пикнешь, то мы тебе шею сломаем, сотрем в порошок, превратим в лагерную пыль. Мы — это железная поступь истории. Мы — несокрушимая воля партии. Короче говоря,

*Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.*

Не по отдельности, а вместе со всеми. Другими словами,

*Мы идем боевыми рядами.
Свет и счастье нас ждет впереди.*

Физически я представляю себе это «Мы» так. Это — колоссальное множество частиц, способных к самодвижению, но имеющих все источники энергии не в себе, а в окружающих частицах. Неразрешимый парадокс: ни одна частица не содержит в себе источника энергии, но каждая из них получает этот источник от других. Решите этот парадокс, и вы со временем, может быть, поймете тайну «Мы». Ведущий кретин нашего института Барабанов сказал, что никакого парадокса тут нет, а есть лишь диалектическое противоречие, которое разрешается по формуле:

Мы чувствуем локоть друг друга.

... А что, если истина глаголет устами кретина?!

Запад и Бог Я не люблю смотреть западные журналы и фильмы, слушать их передачи и рассказы наших людей о западной жизни. Я вовсе не считаю все это ложью или приукрашиванием. Я даже допускаю, что правды во всем этом гораздо больше, чем думают самые ярые «западники». Дело не в этом. Когда я начинаю влезать в информацию о западной жизни, у меня начинается сразу же возникать такое состояние, будто где-то есть прекрасная райская жизнь, и я насильно лишен ее благ. Я не был в тюрьме и в концлагере. Но должно быть такое состояние бывает у заключенных, когда им рассказывают самые обычные вещи об обычной жизни на воле. Бывает, говорит Он. Я ведь через это прошел. И должен тебе сказать, что весь мир есть концлагерь для таких, как мы. Есть только различия в уровнях или категориях режима. Для нас с тобой и Запад будет концлагерем, только более мягкого режима, чем тут. Как специалист-философ я тебе должен сказать, что количественные изменения переходят в качественные, говорю я. И у нас все-таки предпочтительнее сидеть тут «на свободе», а не в настоящем лагере. А отличия Запада от нас, какими бы они ни были ничтожными, достаточны для принципиального отличия всего их строя жизни от нашего. В обывательском плане — да, говорит Он, а в духовном — нет. Обыватели везде образуют основу общества, говорю я. Общества различаются в конце концов по типам и уровням обывательщины. И по

типам страданий, говорит Он. Чем же наши страдания лучше западных, спрашиваю я. Последствиями, говорит Он. Последствием их страданий будет коммунизм. Последствиями наших будет Бог. Э, брат, куда тебя понесло, говорю я. А сейчас многих несет туда, говорит Он. Когда люди теряют всякую надежду на земле, они изобретают Небо. Ты говоришь как настоящий марксист, говорю я. По форме, говорит Он, но не по сути. Бог — это не от невежества и стремления оглуплять, а совсем от другого. Это очень серьезно. Жаль, ты слишком легкомысленно относишься к этому. Я к этому равнодушен, говорю я. А к чему ты не равнодушен, восклицает Он. К клопам, тараканам, крысам и идеологическим работникам, говорю я. Я их боюсь и ненавижу. Но ведь и я в некотором роде идеологический работник, говорит Он. Ты — другое дело, говорю я. Ты не с Ними, а со мной. А если я от Бога, говорит Он. Я в это все равно не поверю, говорю я, но мне будет очень приятно, если ты на самом деле от Бога. А знаешь, что сказал академик Канарейкин на эту тему? Мы, сказал он, не допустим никакого Бога! Вот так! И, знаешь, Они его, пожалуй, на самом деле не допустят.

Он Он — это моя величайшая тайна. Я с ним часто встречаюсь, беседую, спорю. Ему я рассказываю обо всех своих делах и выслушиваю Его замечания и советы. Мне даже и говорить-то не приходится, ибо Он обо всем догадывается сам. Встречаюсь я с Ним в самое неожиданное время и в самых неожиданных местах. Прохожу я, например, по Лубянке мимо самого главного здания Самого Гнусного Учреждения (СГУ) страны, а Он тут как тут. Все-таки крепкий мужик был этот Железный Феликс, думал я, глядя на бронзовую статую Держинского в центре площади. Иллюзия, говорит Он. Надо различать подлинно человеческую волю и волю кажущуюся, скотскую. Подлинная воля не сопряжена с насильем, кажущаяся опирается на насилие и воплощается в нем. Меня в свое время месяц продержали в карцере и не давали спать, заставляя подписать нужные им показания. Я не выдержал, конечно, и сам не помню, не понимаю, как подписал. Моего следователя орденом наградили за то, что он проявил волю. А меня осудили за малодушие. Поверь мне, все Они, и этот Железный Мудак (извини за грубость) в первую очередь, были полными ничтожествами. Их история вынесла на поверхность, и Они начали выпендриваться. И свою ничтожность Они компенсировали ужасающими проявлениями ложной воли. Если бы ты знал, как мне хочется иногда дать Им по морде! Может быть ты и прав, говорю я. Но ухитрились же Они своими именами засрать землю и историю. А это... Это ничего не значит, говорит Он. Это тоже признак Их мелкости. Не обращай на Них внимания, игнорируй Их. Их надо наказывать не порицанием, а игнорированием. Для бандитов высшая похвала — ругать их за зверства. Не думай о Них, и Они станут малюсенькими, какими Они и были на самом деле. Знаешь, что больше всего бесило моего следователя? Он насилывал меня от имени Истории, а я... Я пытаюсь о Них не думать, говорю я, но Они все время лезут в голову. Такое ощущение, будто Они все время со мною и нет никакой возможности от Них избавиться. Понимаю, говорит Он. Меня самого Они измучи-

ли. Я ведь только советы давать мастак. А зачем тебя понесло на эту Лубянку? Так я же тут рядышком живу, говорю я. Я же вырос под сенью этого здания. Из окон школы видел его постоянно. В университет ходил мимо него. Можно было бы ходить другими путями. Но что поделаешь, привык. И этот путь короче. И безопаснее, как это ни странно.

Идеология Наше общество идеологическое, говорит Учитель. Западное же общество является нравственно-правовым. Прошу понять меня правильно. Дело не в том тут, что где-то большую или меньшую роль играет идеология, право, мораль. Думать так — плоско и пошло. В обществе могут иметь место насилия и беззакония и может процветать разврат, но общество по типу может оставаться нравственно-правовым. В обществе может процветать идеологический цинизм, но общество может оставаться идеологическим. Я имею в виду некие формальные механизмы организации общества. Это — во-первых. А во-вторых, идеология нашего общества имеет сложную структуру. Так, я различаю официальную идеологию и практическую, основную и производную, универсальную и конкретную. В фактической идеологии это все перемешано. При изучении нашей идеологии надо отказаться от привычных способов мышления. Что я имею в виду? Ее надо рассматривать не как некое «учение», не как некую совокупность текстов (сочинений классиков, сочинений последователей и профессиональных идеологов, речей вождей и постановлений партии и т. п.), а как некий практически действующий аппарат идеологической организации населения, лишь отчасти не всегда адекватно представляемый «учением». Надо смотреть на идеологию с точки зрения определенных правил поведения людей в обществе. С этой точки зрения идеология не есть ложь и орудие оболванивания людей. Это — серьезный фактор их повседневной реальной жизни.

Верно, говорит Учитель (в ответ на мое возражение), идеология встречается во всяком обществе, как и право и мораль. Товарно-денежные отношения встречались в различных обществах на заре истории, но это не дает оснований считать их капиталистическими. Капиталистическим мы называем такое общество, в котором они приобретают доминирующее влияние и становятся всеобщими. Так обстоит дело и с идеологией. Нужны особые условия, чтобы общество стало идеологическим, чтобы идеологические отношения людей приобрели доминирующее влияние на весь строй жизни общества. Это впервые в истории осуществилось у нас в масштабах, влияющих на судьбы всего человечества. Одно из упомянутых условий — сам тип нашей идеологии и его адекватность социальному строю общества. И давай, оставим хотя бы на время наши насмешки над марксизмом-ленинизмом. Обдумаем некоторые его аспекты серьезно. Не для открытий, конечно. А для себя. Как говорится, смеха ради.

Я соглашусь, конечно. Но не потому, что я с этим согласен (я как раз не согласен), а потому, что меня подавляет авторитет Учителя. Он намного старше меня, пьет вдвое чаще и выпивает каждый раз вдвое больше — он СНС. И спорить с ним бессмысленно, ибо он все равно переговорит. И ко всему прочему я люблю его слушать.

Они «Они» — выражение очень емкое по смыслу. Оно аналогично русскому мату, и в зависимости от ситуации может выражать многое. В общем слово «Они» обозначает всю ту совокупность лиц, от которых ты зависишь в своей жизненной судьбе или в данной конкретной ситуации. Это — нечто противостоящее тебе в качестве неподвластной тебе силы, которая способна причинить тебе любую пакость. Причем силы эти имеют чисто социальную природу. Это — своеобразная форма персонификации безликих общественных сил, оказывающих на тебя давление в каждом шаге твоей жалкой жизненной линии. Явление это поразительное. Вдумайтесь: персонификация обезличенного! Если даже Они — вполне определенные лица, чтобы стать для тебя «Они», они должны быть сначала обезличены и затем уж наделены особой формой личностного начала. Тем самым мы произвольно осуществляем абстракцию, т. е. выделяем в поведении людей нечто независящее от их индивидуальности, и одновременно конкретизацию, т. е. воспринимаем абстрагированное как некое могущественное индивидуальное существо «Они».

В чем дело, говорю я. Я прожил уже довольно много лет, но ни разу не видел значительной личности среди Них. Сплошные ничтожества. Глупые, косноязычные, лживые, скользкие. Откуда же исходит Их сила? Их сила в их ничтожности, говорит Он. Если бы Они были значительными личностями, сталкиваясь с Ними, ты сам ощущал бы себя личностью и становился бы значительнее. А именно это-то Им и не нужно. Они должны унасекомить тебя, низвести тебя до уровня ничтожной ползучей твари. И самое мощное их оружие в этом деле — их собственная ничтожность, ползучесть, тварность. Это — их естественная форма самозащиты, средство самосохранения. Хочешь — верь, хочешь — нет, но самым тяжким для меня было Там — сознание того, что над тобою куражатся ничтожества, а не сильные враги. И даже не враги, а просто твари. И по моим наблюдениям, Они сами становятся адекватными уровню творимых ими жертв. Ты меня пугаешь, говорю я. Они же теперь все с высшим образованием. Они же книжки читают. Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чехова... Это не играет роли, говорит Он. Следователь, который лично бил меня, шпарил наизусть всех великих поэтов, прилично знал английский и немецкий, дружил с Маяковским...

Не думай, будто «Мы» суть мы на самом деле.

Мысль эту глупую скорее прочь гони.

Услышишь, «Мы» с трибуны кто-то мягко стелет,

Знай, это будет жесткое «Они».

СГУ Эта неделя в Москве была «взрывная» — взорвалась бомба в метро и в гостинице «Берлин». Нашли бомбу в помойке поблизости от Лубянки, а на самой Лубянке почему-то загорелись мусорные урны. Число переодетых агентов вокруг здания СГУ удвоилось. Задерживали бородатых молодых людей, осматривали сумки и портфели у прохожих. Взрывы и поджоги хотели свалить на диссидентов, но по непонятным причинам отказались от этой затеи. Диссиденты со своей сто-

роны обвинили в них КГБ: мол, КГБ специально устроили эти взрывы, чтобы обвинить диссидентов. Но подозрения как с той, так и с другой стороны были настолько нелепыми, что враждующие стороны разошлись «полюбовно». Меня задержали дважды, но не около здания СГУ (здесь меня знают с детства), а около Желтого дома и на Казанском вокзале, куда мы заглянули с Учителем после закрытия городских забегов. Учитель заявил, что он в вопросе об индивидуальном терроре разделяет позицию Ленина. Один из агентов при этом усмехнулся, из чего я сделал вывод о его осведомленности в новейшей литературе на эту тему.

СГУ, как я уже заметил, есть Самое Гнусное Учреждение Советского Союза. Вы, конечно, знаете, что это за учреждение и где оно расположено: повсюду и везде. Но самое его главное здание расположено на Лубянке. Приглядитесь к этому зданию внимательно, лучше — с противоположной стороны площади, от старого входа в метро. Более нелепое здание трудно себе вообразить. Но я к нему привык с детства. И даже люблю его. И совсем не боюсь, хотя все без исключения постоянно внушали мне страх к нему. Я отношусь к нему как к привычному элементу городского пейзажа и игнорирую его функции. Сотрудники СГУ я научился узнавать в любом виде и в любом месте, где бы они ни встретились. Ненависти к ним я не питаю. Я к ним просто равнодушен. Плоскость моей жизни, как бы сказал ведущий кретин нашего института Барабанов, лежит совсем в другом разрезе. И они платят мне той же монетой, т. е. не обращают на меня внимания. Они привыкли ко мне и воспринимают меня почти что как своего. Однажды меня не остановили, когда сам шеф КГБ вылезал из машины и шел в здание СГУ через дверь со стороны улицы Дзержинского. Я чуть не налетел на шефа, — я был погружен в свои мысли. Шеф при виде моей бороды слегка струхнул, но я приветливо поздоровался с ним, и мы мирно разошлись каждый по своим делам.

Хотя я и вырос под сенью СГУ, я горжусь тем, что не являюсь его сотрудником и помощником. Ну и дурак, говорит Второе Я. О том, что ты их человек, никто не узнал бы. Они своих не выдают. Зато польза была бы несомненная. Ты хочешь знать, почему тебя не оставили в аспирантуре? А потому, что ты тогда отказался стать их осведомителем. Помнишь тот разговорчик в дирекции? Они еще не теряют надежды поймать тебя. Иначе как же ты объяснишь твое зачисление в Желтый дом? Зачем я им нужен, возражаю я. Чудак, говорит Третье Я, ты же английский знаешь не хуже, чем свой родной, бороду носишь. Да ты для них — золотой фонд. Соглашайся, идиот! За границу поедешь с делегацией. Петин хочет тебя с собой в Америку взять. Не согласишься — не выпустят. Не нравится мне это, говорю я. Чистеньким хочешь остаться, ехидничает Семнадцатое Я. Все равно ничего не выйдет. согласишься, на более высоком уровне проживешь. Не согласишься — зачахнешь на уровне рядового стукача. Ведь все равно же не уйдешь от Них. Сомневаюсь, говорю я, что я еще нужен Им. Кто я такой? Слизняк! Им теперь именно такие и нужны, не сдается Третье Я. Удача сама

собой идет тебе в руки, не упускай! И помни, что сказал по сему поводу Поэт:

*Неси покорно знаний бремя!
Готовься трудности встречать!
И жди, когда настанет время
Тебе на ближнего стучать!
Не бойся опорочить чести.
В помине нет такой давно.
Тот, на кого успел донести ты,
Сам есть такое же говно.
Не ты, так он. Скорей во фразу
Слова паскудные свирай.
И ты когда-нибудь, не сразу,
Допущен будешь в ихний рай.*

Идиотология

Гвардию советской идеологии составляют философы. Это — существа, в высшей степени интересные с точки зрения науки, но еще совершенно не изученные на уровне науки. Это довольно странно. Изучению возбудителя рака столько внимания уделяют, а ведь он менее опасен, чем философы — возбудители идиотизма. О том, в каком жалком состоянии находится эта область науки, говорит хотя бы тот факт, что до сих пор не установлено, к какому семейству флоры или фауны относятся философы — к пресмыкающимся, насекомым, одноклеточным, жвачным или хищникам? Не известно также, какими критериями руководствоваться в классификации философов — начинать с самых глупых и двигаться к таким глупым, что вообразить невозможно, или начинать с самых подлых и двигаться к таким подлым, по сравнению с которыми самые подлые кажутся благородными рыцарями? Учитель, с которым я иногда обсуждаю проблемы идиотологии (так я называю науку о советских философах), считает, что идиотология — единственная область науки, где диалектический метод чувствует себя на месте. Вот уж где все течет, все изменяется, все переходит в свою противоположность (как говорит Барабанов, противолопжность). Одного и того же философа можно отнести и к одноклеточным, и к червьякам, и к гадюкам... Вот, например, академик Федькин. Вместе с Канарейкиным и Петиним зачинал культ Сталина. Посадил не одну сотню своих коллег и сослуживцев. По идее его надо было бы судить. Но он уцелел и даже возвысился. Почему? Да потому что по уровню интеллекта относится к одноклеточным, по изворотливости — к блохам, по аппетитам — к шакалам. А академик Канарейкин по подлости может быть причислен к гадюкам, а по способности впадать в слезливое состояние на марксистские темы его следует отнести к певчим птицам. Я уж не говорю о суче Тваржинской. Говорят, она — родственница Дзержинского. Эта по темпераменту относится к породе московских сторожевых псов повышенной злобности, а по интеллекту — к курицам. Короче говоря, продолжал свою речь Учитель, эта мразь вообще не заслуживает того, чтобы говорить о ней. Лично

я посадил бы этих гадов в клетку и повесил бы над ней дощечку с надписью: «Осторожно! Эти твари способны на все!».

Меня долгое время удивляло серьезное отношение к нашей философии на Западе. Но теперь я понял, в чем тут дело. Во-первых, там своего такого дерьма хватает. Во-вторых, пишущие на эти темы стараются «приподнять» описываемый материал, чтобы самим выглядеть умнее. И в-третьих, они впадают в историческое заблуждение. Дело в том, что занимающиеся советской философией обычно имеют дело с «лучшими» текстами, в которых наши философы пересказывают западных и кокетничают своей «смелостью», и с ранними текстами, когда марксистская философия только еще вылуплялась из «буржуазной» и несла на себе следы последней. А между тем подлинная советская философия должна быть взята в ее серийном производстве и в ее практическом соприкосновении с потребителем, — с миллионами людей, вынужденных ее изучать. А с этой точки зрения история советской философии начинается с периода очищения марксизма от словесной шелухи, в результате которого явилась приписываемая Сталину работа «О диалектическом и историческом материализме» и весь философский поток на ее основе. После смерти Сталина начался по видимости обратный процесс, но по сути дела советские философы абсолютно ничего нового к сталинскому периоду не прибавили. Не марксизм, не ленинизм, а именно сталинизм образует сущность советской философии, ибо сталинизм и есть та мышь, которую родила гора марксизма и ленинизма. Наш институт... Но о нем лучше сказать словами одного нашего институтского критикана, пожелавшего остаться неизвестным:

*Если есть в тебе охота
Поглядеть на идиота
Идиотов всех глупей
И тупиц из всех тупей,
Приходи к нам в институт —
Штук пятьсот отыщешь тут.*

Услыхав это на малой площадке, один посторонний посетитель тут же с ходу прибавил:

*Их полно не только тута —
Их полно вне института.*

Поэт Знайте же, о люди, что на первое место я ставлю все-таки поэтов, а не физиков-атомщиков и даже не музыкантов. Хотя, между прочим, признаю за атомной энергией великое будущее, а музыку обожаю и сам недурно пою. Вот, к примеру:

*Эту песню не задужишь, не . -ё-ё-ё-ёшь!
Не у-бь-ё-ё-ё-ё-ё-ё-шь-ь-ь!!
Ма-ла-дё-ш-ш-ш-ь!!!
Мала-дё-ё-ё-ё-ё-шиш!!!*

Что вы говорите? А, ясно. Извините, умолкаю. И все-таки музыкантов я ставлю даже не на второе, а на третье место. Второе место железно отдаю пьяницам, забулдыгам, выпивохам. Они это место не просто заслужили, а выстрадали. Четвертое место отдаю физикам-атомщикам. Но очень сомневаюсь, что поступаю справедливо, потому как они окружающую среду заси..., извиняюсь, засоряют. Пьяницы, случается, тоже за... соряют. Но что это за за... сорение?! Оно ни в какое сравнение не идет с тем, какое учиняют физики-атомщики. Пятое место — математическим логикам, тут-то никаких сомнений быть не может. Они, конечно, сильно преувеличивают свою роль в судьбах человечества. Жили же и без них. И ничуть не хуже. Но зато какие словечки они употребляют. Вы только послушайте: импликация, суперпозиция, субституция! У нас в институте пятый год семинар на эту тему идет. Приходите, заплачете от восторга и умиления! Ну а всех остальных я ставлю на шестое место. За исключением партийных руководителей и государственных чиновников. Этих я вообще отношу к тому семейству флоры (или фауны?), в которое включаются крысы, клопы, вши и глисты. О моем отношении к идеологическим работникам вы уже знаете.

Поэтов я имею в виду, само собой, не лауреатов и прочих членов. И даже не тех, которые печатают свою бездарную мразь в наших газетах и журналах. А тех, которые не печатают свои стихи, если даже пишут их, а еще лучше — если вообще их лишь ощущают в себе, но не пишут. Ибо настоящий стих немедленно пропадает, стоит его записать. Ибо настоящий поэт есть некая молчаливая предрасположенность к некоему возвышенному состоянию, а не рифмование житейских банальностей и газетных передовиц. В таком состоянии настоящий поэт способен на многое, на что обычный смертный неспособен. Например? Ну, например, пересечь Лубянку у самого главного здания СГУ, подойти к Железному Феликсу и сделать попытку дать ему по его бронзовой морде. Зарубите себе на носу: если вы в себе не ощущаете такой способности, вы не поэт; если вы такую способность ощущаете, вы — поэт; если же вы эту способность проявляете, вы — настоящий поэт; а если ваша попытка в какой-то мере удастся, прежде чем вас схватят переодетые агенты СГУ и милиционеры, вы — великий поэт. Именно такого настоящего и почти великого (его схватили на полдороге) поэта посчастливилось мне встретить на своем жизненном пути. Кстати, вы не можете мне объяснить, почему агенты упомянутого СГУ ходят вечно переодетыми? И как они выглядят, когда ходят непереодетыми?

Когда-то на Лубянке, напротив самого главного здания СГУ (как выйдешь из метро, направо) была закусочная, в которой продавали пиво и вино вразлив. Сохранилась ли она сейчас? Впрочем, глупый вопрос. У нас всякое хорошее начинание недолговечно. Я, как обычно, заглянул в эту самую закусочную, взял кружку пива, протиснулся на свободное (!) место к столику и втиснул свою кружку на свободное (!) место среди таких же кружек. Глубоко вздохнул (это рекомендуют делать йоги перед началом каждого запоя) и оглядел соседей, прежде чем сосредоточиться. И увидел Его прямо перед собою. Он добрыми глазами глядел мне

прямо в душу и безмятежно улыбался. Сейчас попросит двадцать копеек, нервно подумал я. И твердо решил не давать, ибо сам на эти двадцать копеек имел определенный расчет. А он вместо этого (вот чем отличается настоящий поэт от липового!) сказал, что сию минуту сочинил экспромт, и если я не возражаю... Я так обрадовался, что сохранил двугривенный, а в глубине души я уже с ним расстался, что немедленно согласился. Валяй, сказал я. Только короче. А то мне уже давно пора сосредоточиться. Короче я не могу, сказал он. А хочешь, я вот этому типу по морде дам? Не хочу, сказал я. Ну пиво вылью за шиворот вон тому пижону, сказал он. Не хочу, сказал я. Жаль, сказал он. Нет у тебя поэтического воображения. Ну, а двугривенный у тебя найдется?

Потом мы почему-то оказались около самого главного здания СГУ. А стихи я действительно иногда сочиняю, сказал он, бросив странный взгляд на бронзового Железного Феликса посередине площади. Хочешь экспромт?

*Не памятник, а крест себе я воздвигаю,
Когда слова обычные в тревожный стих слагаю.
Едва замыслю новое творенье,
Уж жду... не славу, нет! а вечное забвенье.*

А хочешь, я этому типу по морде дам? Я не успел сообразить, кого он имеет в виду, как он ринулся через площадь прямо к Железному Феликсу. За ним сразу же ринулись четыре переодетых (!) агента СГУ и три милиционера. Движение сразу замерло. Прохожие заорали что-то насчет самосожженцев. Нас (меня как сообщника) отвели в какое-то помещение на Малой Лубянке и продержали там шесть часов, — выясняли личности и намерения. Под вечер нас выпустили, сказав, что мы дешево отделались: оказывается, где-то в это время заседала какая-то комиссия, на которой нас (т. е. СССР) в чем-то обвиняли, а мы (т.е. СССР) отвергали это как клевету. Идти на работу уже не имело смысла, и мы вернулись в закусочную. Уходя, Поэт попросил у переодетого агента трешку в долг. Тот от изумления разинул рот и застыл в таком виде, пока мы не скрылись в закусочной. Когда мы входили в нее, мы помачали ему рукой, — он еще стоял на той стороне площади с разинутым ртом.

Когда мы покидали закусочную (вернее, когда нас выгоняли из нее), Поэт мне сказал, что когда я подохну, он сочинит мне эпитафию. Например, такую:

*Прожил он жизнь, как будто вовсе не был.
Ну что сказать вам, люди, посему?
Не надо памяти! И вместо неба
Будь вечное забвение ему!*

Или вот такую... Довольно, сказал я. Меня вполне устраивает первая.

К Нему и к Поэту у меня отношение различное. Его я уважаю, а Поэта люблю. Он приходит ко мне без приглашения. Поэта же обычно разыскиваю я сам. От Него нет спасения. Поймать Поэта — целая

проблема. Если Он появился, от Него трудно избавиться. Поэт же имеет тенденцию исчезнуть при всяком удобном случае.

Она Сравнительно молодой мужчина в моем положении обычно имеет одновременно с десятком существ, к каждому из которых применимо понятие «Она». Множество таких существ со временем изменяется по составу. Каждое из существ этого множества входит одновременно в аналогичные множества других существ, каждое из которых может быть обозначено для нее словом «Он». Многие ученые и философы склонны в этом усматривать новую форму брачных отношений, одни — особую форму группового брака, другие — особую форму промискуитета. Думаю, что они ошибаются. Никаких брачных отношений тут вообще нет. Это — особая форма социального (подчеркиваю) общения. И главным в ней является не физиологический, а духовный элемент. Это у тебя духовный элемент — главное, говорит Он. А возьми ты, например, Барабанова из сектора диамата. О какой духовности тут может идти речь?! Дурак, дурак феноменальный... Стоп, говорю я. Я говорю о духовном, а не об интеллектуальном элементе. А это далеко не одно и то же. Барабанов дурак, но и в нем есть некая доля духовности. Сдаюсь, говорит Он. Ты, конечно, прав. Безусловно, сексуальные общения у нас становятся носителем чего-то другого. Возможно, это — некая форма духовности. Это надо обдумать неспеша. Кто знает, может быть тут ты сделаешь серьезное открытие. Ну, где мне открытия делать, смущаюсь я. Но все же любопытная штука получается. Представляешь, огромная часть населения образует сетку таких сексуальных групп! По ней с молниеносной быстротой распространяется информация. В ней формируются мнения, оценки... Это же сила! А что, если... Не увлекайся, говорит Он. Эта сеть очень непрочна. В ней не удержится даже мелкая рыбешка.

Он, как всегда, ухитряется остаться правым. Вот, например, попал я на Новый год в одну компанию. Меня заинтересовала одна молодая женщина. И я ее тоже. Болтали обо всем. Чутьочку потанцевали. Она сказала, что хотела бы увидеть меня без бороды. Я сказал, что без бороды я зауражен. Вот без штанов... Она обозвала меня за это хвастуном, но потом изъявила желание проверить, насколько мое хвастовство соответствует действительности. Я сказал, что я лишь для красного словца... В общем, мы потом поехали ко мне. Некоторое время мы встречались. Познав друг друга вполне, спокойно и незаметно разошлись. Потом мы несколько раз сталкивались с нею, но с таким видом и состоянием, как будто между нами ничего не было. И в наших душах абсолютно никакого следа от нашей связи не осталось. И так со всеми. В этом есть известный плюс: гарантия от тоски о семье с ее неоправданными хлопотами. У одной из моих знакомых, входящих в множество «Она», сын кончает школу. И она заранее уже вся извелась от мысли о его будущем. Парень без особых способностей. И эгоист порядочный, как почти все единственные дети в семье. Перед ним альтернатива: либо любой ценой в институт, либо армия. В первом случае есть шансы удержаться в том слое общества, к которому принадлежит она сама, во вто-

ром — опуститься рангом ниже. Она, естественно, пойдет на все, чтобы осуществился первый вариант. Но это превращает ее жизнь в кошмар. Я не буду жениться и тем более заводить детей хотя бы из-за того, чтобы не оказаться в таком же положении. К тому же я сам до сих пор ошущаю себя в некотором роде еще ребенком.

*На женщин обращаю взор
Я лишь до тех до самых пор,
Пока потребность в теле чую.
А позже я без них ночую.*

Родители Теперь все более обычной становится семья с одним ребенком. А то и совсем без детей. Правда, при этом остается спорным вопрос о том, считать такую пару семьей или нет. Я думаю, что это — вопрос определения. Если включить в понятие семьи продолжение рода, то эта пара не будет семьей. Но ведь продолжение рода есть лишь следствие сексуальных связей. Так что если считать достаточным для семьи устойчивую связь, в основе которой лежало (или лежит, или послужило толчком и т. п.) сексуальное влечение, то эта пара будет считаться семьей. Короче говоря, я был единственным ребенком в нашей семье. В семье без всяких сомнений. Хотя я сомневаюсь, что целью объединения моих родителей в брачную пару было производство на свет моей персоны. Если даже они такую цель имели, они потом в ней разочаровались. Не то, чтобы у них не было любви ко мне и заботы обо мне. Этого было навалом. И до сих пор я в некотором смысле сижу у них на шее. Скорее, я не оправдал их тщеславных желаний. Иметь единственного сына, вложить в него столько сил, средств и чувств, а он даже не кандидат наук! Есть от чего прийти в отчаяние. Раньше, когда мы еще жили совместно, каждый раз, приходя домой, я видел в глазах своих родителей молчаливый упрек: ты все еще не кандидат?! И я не выдержал. И однажды сказал им следующее. Дорогие мои родители! Я вас очень люблю. И благодарен вам за все, что вы сделали для меня. Но кандидатом я не буду. Не хочу. И лауреатом не буду. И вообще, не буду. К тому же классики учат: от близких держись подальше! И потому предлагаю: давайте делиться. Родители сначала накинулись на меня. Потом остыли. Обдумали. И решили делиться. Вернее, я остался в своей комнате, а другую комнату они выменяли на однокомнатную квартиру. Разумеется, с доплатой. И с блатом. И теперь я постиг, что такое коммунальная квартира и соседи. И теперь я езжу к родителям только в гости. И в крайних случаях, когда переживаю финансовый кризис или когда возвращаться домой тошно. И отныне я мечтаю об одном — стать обладателем отдельной квартиры. Это огромная удача — иметь отдельную квартиру, не иметь семьи и семейных хлопот, иметь минимум зарплаты и не иметь никакого тщеславия и стремлений возвыситься. И как это прекрасно, быть одиноким! Не обольщайся, сказал по сему поводу Он. Человек не может быть один. Если он остается физически один, он в самом деле раздваивается, растрива-

ется и т. д. А как же... заикнулся я. А ты почитай их воспоминания, сказал Он. Элементарно просто различить в них пласты двух, трех и более различных личностей. Это — психологический закон. Психологически личность есть по крайней мере диалог, но не монолог. Монолог есть лишь фрагмент полилога. Или замаскированный полилог. Ладно, сказал я. А при чем тут родители? А при том, сказал Он, что пока они есть, проблема смерти не актуальна. Банально, сказал я. Все банально, сказал Он. Аминь!

Благодарение родителям

*Благодарю, что породили
Меня случайно вы на свет.
И кашей манною кормили
До тридцати почти что лет.
Что на грошовую зарплату,
Как сын министра, был обут.
Что помогли попасть по блату
В какой-то вшивый институт.
И вот теперь я сам с усами.
Чем жив, не стоит говорить.
Но что вы пережили сами,
Я не хотел бы повторить.*

Теория Особенность нашего общества, вещает главный коридорный теоретик института Добронравов, состоит не в том, что у нас есть недостатки (недостатков-то в нем как раз и нет), а в том, что они своевременно исправляются. Я с этим не могу согласиться, — становится в позу болван Субботин. Согласно марксизму, человек выделился из животного мира не только благодаря тому, что стал ходить на двух ногах (курицы, как известно, тоже ходят на двух ногах), но и благодаря тому, что у него высвободились передние конечности, которые развились в современные руки, знаменующие собою... Руки, говорит пьяница Ширяев, освободились для того, чтобы держать бутылку, стаканы и штопор, разливать спиртное, отбиваться от милиции и добираться до дому. Позвольте вам напомнить азбучную истину марксизма, лепечет болван Субботин, высказанную, если мне не изменяет память...

Добронравов моргает мне левым глазом, что означает: «Пора смывать-ся! Сбор у музея!» Я беру под руку качающегося Ширяева, и мы по «черной» лестнице спускаемся вниз, к выходу. На втором этаже нас догоняет Учитель. Мне пришла в голову забавная мысль, говорит он. После того, как у человека освободились передние конечности, он получил возможность заниматься онанизмом, что имело следствием развитие самосознания, рефлексии. И в конце концов — осознание своего «я». Вы смеетесь, а между тем все великие продукты истории имели и имеют грязные источники.

Идеология После крупных перебоев я довольно часто ночую у Учителя. И мы обычно разговариваем до рассвета на самые разнообразные темы. Он любит поговорить, а я люблю послушать, так что мы — идеальные собеседники.

Рассмотрим нашу официальную идеологию, говорит Учитель. Хочу обратить внимание на два ее аспекта. Первый касается способа мышления, воплощаемого в ней и продуцируемого ею. Второй касается формального механизма ее функционирования. Другими словами, первый касается поворота мозгов индивидов, второй — способа принуждения к такому повороту. Начнем со второго, ибо он проще.

В сегодняшнем номере комсомольской газеты опубликован отчет о съезде комсомола в одной маленькой союзной республике, в которой население не более двух миллионов человек. Вот несколько цифр из отчета. Более двухсот тысяч комсомольцев являются участниками Всесоюзного Ленинского зачета по теме «Решения XXV съезда КПСС — в жизнь». В сети комсомольской политической учебы занято более тысячи пятисот пропагандистов. Они ведут кружки и семинары, в которых занимается более пятидесяти тысяч юношей и девушек. И это — только по комсомольцам. И это — только по маленькой республике. А если учесть все слои населения и всю страну! А если учесть все формы идеологической работы, — Вечерние Университеты Марксизма-ленинизма, Комсомольские школы, газеты, журналы, школьные уроки, лекции, радио, телевидение... Не играет роли, как люди к этому относятся про себя или в беседах с близкими. Важно тут одно: они постоянно находятся в мощном поле идеологического воздействия, и как бы они к нему ни относились, они так или иначе суть частицы в этом поле, они от него имеют определенный заряд, положение, ориентацию и т. д. Они не могут покинуть это идеологическое поле просто физически. Будучи создано однажды, это идеологическое поле воспроизводится, расширяется, укрепляется, становится более профессиональным и эффективным. Да, именно более эффективным. Это, пожалуй, единственная сфера производства, в которой мы не имеем конкурентов! И это не случайно, ибо это — основная сфера производства этого общества. Подчеркиваю, основная задача этого общества — создание внутри себя и вокруг себя идеологического поля. Остальное все есть лишь средство для этого. У нас даже заводы существуют для того, чтобы было где воспитывать «нового человека», а не наоборот. Марксистский тезис о примате материального производства над общественным сознанием здесь оказывается вопиюще ложным. Здесь примат идеологии перед всеми прочими сферами жизни не подлежит сомнению. Но здесь идеология не есть нечто идеальное. Здесь это есть материальное бытие в неизмеримо более правильном смысле, чем «материальное производство». Подсчитай, сколько сил тратит общество на собрания, заседания, съезды, конференции, занятия кружков и семинаров, на газетную болтовню, на торжественные шествия и т. д. и т. п., и ты будешь потрясен огромностью полученных величин. Даже наша могучая армия создается и укрепляется с одной целью — сохранить этот идеологический угар и распространить

его на всю планету. И преступно недооценивать идеологическую опасность, которую мы несем миру!

*Чтоб путь к успеху не был долог,
И чтоб не сбился ты с пути,
Тебе покажет идеолог,
Куда положено идти.
А если ты шагнешь не в ногу,
Потянет в сторону тебя,
К нему примчится на подмогу
С Лубянки рота кагебят.*

Каждый день ленинской вахты — ударный

Входя в наш институт, первым делом увидишь на глухой стене большой лестничной площадки огромные позолоченные буквы «Советский Мыслитель». Так называется наша стенная газета — неотъемлемый атрибут всякого советского учреждения. Под золотыми буквами висит сама стенгазета, выпущенная еще месяца два назад к празднику. На первом заглавном листке изображен Ленин (судя по гигантской черепушке и поднятой руке), а рядом с ним — таинственные кроваво-красные слова: **В ДНИ ВСЕНАРОДНОГО ТОРЖЕСТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ УДАРНАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ ВАХТА.** На прочих листах мелькают красиво вырисованные заголовки статей:

**С ПОЛНОЙ ОТДАЧЕЙ
В ТВОРЧЕСКОМ ПОИСКЕ
УВЕРЕННОЙ ПОСТУПЬЮ
ВО ИМЯ НАРОДНОГО СЧАСТЬЯ
РАБОТАТЬ БЕЗ ОТСТАЮЩИХ
РЕЗЕРВЫ — В ДЕЙСТВИЕ
ПРАВОФЛАНГОВЫЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ
К НОВЫМ РУБЕЖАМ
ВОЖАК МОЛОДЕЖИ
ПЯТИЛЕТКА НА МАРШЕ**

и т. п.

Под заголовком **В ТВОРЧЕСКОМ ПОИСКЕ** фотография самого директора, академика Петина. Он дает интервью заведующему производственным отделом стенгазеты, очень прогрессивному и критически настроенному ученому, доктору наук Булыге. Под заголовком **ПРАВОФЛАНГОВЫЕ...** фотография ведущего параноика нашего сектора, доктора наук Смирняшева, который в пьяном виде поклялся поднять несуществующую советскую логику на уровень мировых достижений. Под заголовком **ВОЖАК МОЛОДЕЖИ** фото секретаря комсомольского бюро института, молодого карьериста и проходимца. Вожак сфотографирован в профиль — это его любимая поза. Институтские остряки утверждают, что он тренируется за-

нять освободившееся после разоблачения Сталина место рядом с классиками. И шансы у него на это есть, ибо он облысел еще до окончания факультета. Правда, лысеть он начал с затылка. Но это ничего не значит. Говорят, сам Ленин начал лысеть тоже с затылка. В отделе САТИРЫ И ЮМОРА несколько карикатур, в центре которых изображена синяя бутылка, а в ней — красная рожа признанного институтского алкоголика Шубина. В общем, не газета, а материализованная скука и серость. А говорят, что когда-то в институте выходила мощная стенгазета; слухи о ней доходили и до факультета. Но мне так и не удалось увидеть ни одного из тех талантливых и острых номеров. Думаю, что в этих разговорах больше преувеличения, чем истины.

На лестничной площадке каждое утро тебя неизменно встречает КГБ. КГБ это не Комитет государственной безопасности, а инициалы заведующей отделом кадров института Клавдии Григорьевны Быковой. Она стоит неподалеку от стола, на котором лежат книги прихода-ухода сотрудников, и круглыми всевидящими глазами смотрит сквозь спешащих и заискивающие хихикающих мелких сотрудников. Она ждет звонка, чтобы забрать книги и унести их к себе в отдел кадров, отделенный от прочего внешнего мира железной дверью с окошечком. После этого она будет ждать робких постукиваний в это окошечко и трепетных извинений по поводу опозданий. И немудрено требовать объяснительных записок, просмотренных и подписанных заведующими секторами или их заместителями. Меня она ненавидит пролетарским чутьем бывшей ткачихи (?) и смотрит на меня как на классового врага, как на проводника тлетворных влияний, в общем — как на потенциального диссидента. И каждый раз, когда она замечает меня, ее физиономия выражает безмерное удивление: мол, как это негодяй ухитрился пролезть в наше идеологически выдержанное и непорочное учреждение?! А началось с того, что однажды я высказал сомнение относительно ее пролетарского происхождения. Не может быть, сказал я ребятам на малой лестничной площадке, чтобы с таким задом и ткачиха. Наверняка в райкоме комсомола начинала. Мое подозрение подтвердилось. И вместо того, чтобы по достоинству оценить мой комплимент насчет ее фигуры, она одарила меня непреходящей ненавистью. И мне она не прощает опоздания даже на сотую долю секунды. Моя рука может уже протянуться к той страничке книги прихода-ухода, где вписано мое имя, но, если при этом прозвенел звонок, книга уплывает из-под моего носа за железную дверь отдела кадров, и я начинаю лихорадочно искать Труса (это заведующий сектором) или Смирняшева (это его заместитель), ибо размер моего опоздания будет исчисляться временем сдачи объяснительной записки.

Расписавшись в книге прихода-ухода (на сей раз я не опоздал) и скользнув безразличным взглядом по выдающемуся заду КГБ, я исчезаю долой с ее немигающих глаз в узком коридоре, ведущем на малую лестничную площадку. Тут около научного кабинета вокруг умнейшей дыры института Тормошилкиной, недавно защитившей докторскую диссертацию по Джордано Бруно, столпилась группа мыслящих дур института, еще и не помышляющих о докторской. Тормошилкина стоит и вещает с таким видом, будто она

сама горит на костре за передовые убеждения и героически переносит муки. При моем приближении дуры умолкают, из чего я делаю вывод, что они трепались об интимных тряпках, а не об идеях, ибо Тормошилкина недавно была в Париже.

Дверь в отдел борьбы с антикоммунизмом приоткрыта. В щель виден сверкающий глаз Тваржинской, самого непримиримого и темпераментного борца с врагами марксизма и ревизионистами. Она стоит на страже и бдит. Мне показалось, что она прислушивается к разглагольствованиям Тормошилкиной. Навстречу мне плетется сотрудник сектора философии естествознания Качурин. Меня он не любит и проходит мимо, не здороваясь. Дело в том, что раньше он был единственным сотрудником института, носившим длинные волосы и бороду. Пришел я и затмил его красотой своей бороды и кудрей. И он бороду сбрил, а волосы отрастил еще длиннее моих. Они теперь жирными и жиденькими прядями болтаются у него чуть ли не до пояса. По образованию Качурин физик-теоретик. В силу выдающейся бездарности был оттуда вытолкнут к нам в аспирантуру. И здесь всюду расцвел его талант трепача на модные темы современной науки. Он начал такие штучки откалывать, что даже выдавшие виды философские зубры посинели от зависти. И его слегка одернули, — подловили на чем-то и, по слухам, заставили стать стукачом. После этого его стали выпускать за границу, где он имел успех среди французских маоистов.

Когда я поравнялся с кабинетом секретаря партбюро, навстречу мне с круглыми от ужаса глазами вылетела Кирусик, ведущая сплетница института. Как ее звать и чем она занимается официально, известно лишь в отделе кадров. Как, набросилась на меня Кирусик, так ты ничего не знаешь?! Снимают! Кого?? Да ты что, с Луны свалился? Директора!! И она умчалась дальше разносить эту сплетню. Особенность Кирусика состоит в том, что, несясь в одну сторону коридора, она разносит одну сплетню, а возвращаясь обратно — противоположную. И потому ее сплетни всегда подтверждаются. Не успел я дойти до малой площадки, как меня обогнала Кирусик, бросив на ходу, что директор уходит в ЦК с повышением.

Перед самым выходом из коридора на малую площадку меня обошла группа явных институтских евреев-антисемитов, из которых недавно создали особый сектор по борьбе с международным сионизмом. Но руководство сектором поручили все же настоящему антисемиту Ежову, который не скрывает того, что, по его мнению, самый опасный элемент в институте — его подчиненные. Это не помешало, однако, руководимому им сектору включиться в борьбу за звание правофлангового в соцсоревновании.

На малой площадке уже собралась теплая компания — председатель ДОСААФ Добронравов, крупнейший бездельник института, Юра из иностранного отдела, штатный офицер КГБ, Учитель, несколько аспирантов и Вадим, правая рука Смирняшева. Я задержался с ними выкурить сигарету. И между прочим выдал им свою проблему: как правильно писать — абсрать или абасрать? Вадим тут же заявил, что я не знаком с современной логикой, ибо не учитываю всех возможностей. А таковых че-

тыре: обо..., оба..., або..., аба... Дело не в этом, сказал я. Какая правильная? На площадке разгорелся дикий спор. Я направился в комнату сектора — показаться Смирняшеву, ведущему параноику сектора, мечтающему поднять несуществующую советскую логику на уровень мировых достижений. Смирнящев стоял посредине комнаты. Штаны у него мешком отвисали почти до колен, а снизу были укорочены почти до тех же колен. Огромный лоб был откинут вверх, к потолку. На диване сидел один из моих подопечных психов — Реформатор. Реформатор уличал Смирнящева в непонимании азов логики, а Смирнящев скрипел в потолок что-то насчет материальной импликации. Увидев меня, Реформатор смолк. Я извинился, сказал, что занят, что меня вызывают в дирекцию, и выскочил обратно на площадку.

В этот день весь институт с остервенением обсуждал поставленную мною проблему. Поразительно то, что во всем институте не смогли за весь рабочий день отыскать ни одной статьи и книги, где встречалось бы это слово. А Реформатор меня подстерег около Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Почему Пушкина? Репина, Сурикова, Васнецова и прочих основателей соцреализма — это еще куда ни шло. Но Пушкина... Он же рисовал плохо. Именно в этот момент меня и сцапал Реформатор. Я вот тут подсчитал, сказал он, что можно высвободить десять миллионов человек для отдаленных районов страны и великих строек коммунизма, если...

Тимофей Иванович

Был у нас в группе студент Тимка Квасов. Серый до такой степени, что его как будто бы и совсем не было. Даже наши безмерно серые наставники каждый раз, когда мы сдавали экзамены и зачеты, с большим удивлением замечали его существование. Уже на втором курсе потихоньку пролез он в бюро комсомола факультета и вступил в кандидаты партии, а на последнем курсе был членом партии и членом партбюро курса. Собирал партийные взносы и ведал бумажками. Само собой разумеется, его оставили в аспирантуре. Но поскольку он был серости выдающейся, его оставили в самую пошлую и глупую аспирантуру, а именно — на кафедру истории философии народов СССР. И тему диссертации ему подобрали подходящую — про некоего бурятского просветителя, у которого Тимка Квасов должен был обнаружить зачатки философского понятия материи и материалистического решения основного вопроса философии. Еще до окончания аспирантуры Тимка так же незаметно, как он делал все свои делишки, исчез. Мы о нем сразу же забыли, тем более мы его как-то вообще не помнили и до этого. Во время защиты диссертации мы узнали, что он построился где-то в районе аппарата ЦК. Потом о нем опять несколько лет не было ничего слышно. Потом в партийных и философских журналах стали появляться за его подписью невзрачные заметки. Наконец, в журнале «Коммунист» появилась его полновесная статья об актуальных проблемах идеологической борьбы в современной науке. И Тимка Квасов сразу превратился в Тимофея Ивановича. При звуке его имени наши институтские чины и холуи стали вздрагивать, изображать на мор-

дах благоговение, вытягивать руки по швам и слегка изгибаться вперед. Любопытно, шестьдесят лет прошло после революции, а дореволюционные позы возрождаются в том же виде. Очевидно, они в природе человека, а не классов. Тимка Квасов стал важной фигурой в аппарате ЦК, заместителем самого Митрофана Лукича, курирует от ЦК гуманитарные институты АН, и наш институт — в первую очередь. Сегодня он прибыл на партийное собрание. Институтские холуи буквально под ручки несли его от черной персональной «Волги» до стола президиума собрания. С распростертыми объятиями к лифту ринулся встречать его сам Петин. Я в это время околачивался на большой площадке. Квасов сделал вид, что не заметил меня.

Возвышение Квасова произвело брожение умов в среде наших «либералов», презиравших его как полное ничтожество и не допускавших мысли о возможности вырастания его в значительное явление в нашей идеологии, битком набитой талантливыми и образованными и т. д. и т. п. Соловейкин откликнулся на карьеру Квасова таким обсиральным стихом:

*Ни за что не успокоюсь я, пока
Не проникну в аппаратчики ЦК.
Пока этой высшей сферы не коснусь,
Не отправлюсь с чистой совестью ко сну,
С аппетитом не откушаю котлет,
Не засяду безмятежно в туалет,
С сексуальной охотой не взгляну
На... не думайте худого!.. на жену.
Не..., и не..., и не..., и не..., и не..., и не...,
Пока буду я не в нем корпеть, а вне.
Что же нужно, чтобы мне в него попасть,
Потушить меня сжигающую страсть?
Чтоб в анкете незамечен был изъян?
Чтобы был я из рабочих и крестьян?
Чтобы выглядел завзятым трепачом?
Чтобы был с пеленок тайным стукачом?
Это все, конечно, важная черта,
Но все это не решает ни черта.
В тайну тайную давно я сам проник:
Первым делом должен стать своим у Них.
Не вверху, где гордо плавают киты,
А внизу, у незаметной мелкоты.
А чтоб Они тебя признали свояком,
Сам ты должен быть ничтожным червяком.
Дело в том, что не в Святылице Ума,
Ты вступаешь в Орден Рыцарей Дерьма.*

Стих попал в партбюро, но Соловейкин от авторства отрекся, намекнув на Добронравова. А доказать, кто автор, формально невозможно.

но. В коридорных же разговорах Соловейкин стал высказываться о Квасове весьма доброжелательно, именуя его, конечно, Тимофеем Ивановичем.

Но на меня возвышение Квасова не произвело никакого эмоционального впечатления, поскольку сам я к такому не стремился. Я остался равнодушен и к словам Его о том, что Квасов имеет материальных благ раз в двадцать больше (если не больше), чем я имею на свою зарплату. Меня только то удивляет, сказал я Ему, как все-таки такие червяки вылезают на вершины власти?! Неужели Они Там среди Своих же не могут отобрать попрличнее? Не могут, сказал Он, ибо таких Там нет. И не будут искать таких, ибо Они выбирают именно то, что Им нужно.

Практически здоров Недавно я оформлялся на международный философский конгресс в Болгарию, в группе научного туризма. Меня почему-то не выпустили, хотя поехало от Советского Союза около тысячи человек. Сегодня в иностранном отделе мне почему-то вернули мои документы. Я уже собрался их выбросить, но какое-то из моих Я шепнуло: не торопись, справку медицинскую на всякий случай сохрани, может, согдится еще. Чтобы получить эту справку, в которой черным по белому написано, что я «практически здоров», я прошел десяток кабинетов в поликлинике, а главное — побывал у невропатолога и у психиатра. Хотя после тех разоблачений нашей «карательной медицины» вроде сократилось использование «психушек» для борьбы с диссидентами, шептало мне мое энное я, однако нет гарантий, что Они снова не начнут. К тому же ты — не диссидент, а с такими Они не церемонятся. А справочка в двух экземплярах. Я бы один экземпляр отдал родителям... Пустое, говоришь? Ну, близкому другу. Нет таких? Но есть же у тебя приличные знакомые? Вот и отдай одну на всякий случай Учителю, а другую — Поэту. Он хотя и растяпа, а не продаст. Учителя же самого могут запросто туда же направить... Не поможет, считаешь? Пусть. Зато хоть какая-то польза будет. Сообщат иностранным корреспондентам. И справку передадут. Уверю тебя, скандалчик будет дай Бог всякому!

Идеология Формальный аспект действия идеологии очевиден, говорит Учитель. Менее очевиден ее содержательный аспект. Дело в том, что главное в идеологии — не смысл ее утверждений, а тот способ мышления, какой она прививает людям. Общепринято рассматривать нашу идеологию как учение о человеке, о природе, об обществе, о познании и т. п. Но на самом деле она не есть учение в том смысле, в каком учением является наука. Она есть совокупность некоторых образцов понимания явлений действительности, отобранных для тренировок людей в способе понимания, для обучения их пониманию любых явлений, для натаскивания на некий стандартный способ понимания. Она есть собрание упражнений в понимании. В результате прохождения этого курса упражнений все люди в случае надобности понять некие новые явления действительности поступают сходным образом — у них вырабатывается сходная интеллектуальная реакция на окружающее. Поэтому советские люди не

сговариваясь и без подсказок со стороны начальства примерно одинаково реагируют на события, происходящие в стране и за границей, на научные открытия, на явления природы. Наиболее значительной попыткой обнажить эту суть нашей идеологии и была работа «О диалектическом и историческом материализме», приписываемая Сталину. Сейчас о ней помалкивают не из-за Сталина, а именно потому, что она выдавала глупейшие секреты идеологии, слишком обнажала последнюю.

Психи Около каждого гуманитарного института (как исследовательского, так и учебного) околачивается куча нормальных психов. Я не считаю тех нормальных, которые на самом деле суть психи и которые околачиваются не около, а внутри институтов. Но если бы вы знали, сколько их околачивается около философских учреждений! Казалось бы, куда проще: свихайтесь в историю — первый этаж и почти безопасно. Так нет, все гоношат в философию податься. И ничто не может остановить их — ни вечно ремонтируемый лифт (значит, пёхом на четвертый, а фактически на пятый, так как между третьим этажом и четвертым есть еще площадка с книжным киоском; причем этажи дореволюционные, т. е. метров по пять, а не по два с половиной, как теперь!), ни вечная угроза впасть в ревизионизм и незамедлительно отбыть в Белые Столбы. Почему бы это, как вы думаете? Я лично разумного объяснения найти не смог, хотя довольно долго в институте специально занимался психами — это была моя официальная работа: читать их сочинения, рецензировать, беседовать, отвечать на письма, давать консультации. И, между прочим, давать заключения для тех же Белых Столбов. И должен признать (и горжусь этим!), что ни разу не написал в своих заключениях, что автор того или иного сочинения психически ненормален. Но также должен признать, что это ни разу не остановило наших психиатров. Именно на основе моих заключений о нормальности сочинений психов последних время от времени забирали в Белые Столбы. Некоторых насовсем. Например, один профессор (настоящий, а не липовый) принес к нам в институт в трех толстенных папках монографию «Итоги. Сорок лет в огню борьбы». Большевик с дореволюционным стажем. Куча орденов за мирное строительство и за обе войны. Я спросил его, почему «в огню», а не «в огне». Он сказал мне, что я — соплик, молод учить его. Я сказал, что рецензию на егоopus придется все равно мне писать. Услышав это, он резко изменился, переправил «ю» на «е» и стал слезно умолять меня прочесть рукопись. И я прочитал. Запоём прочитал. И написал восторженный отзыв, рекомендуя рукопись издать немедленно. Профессора забрали (вместе с рукописью). Меня хотели уволить, но простили по молодости. Поскольку я в это время был уже кандидатом в кандидаты в члены партии, решили на год отодвинуть вопрос о моем поступлении в кандидаты в члены и поручили в качестве общественной работы вести полткружок у строителей на подшефном предприятии. Или человек, которого прозвали Демагогом. Он раз в неделю появлялся у нас на лестничной площадке, где мы обычно курили и занимались трепом, и обвинял нас, молодежь (мы тогда были молодежью не только в смысле мел-

кости должностей, но и по возрасту), в трусости. Кто из вас осмелится крикнуть громко, что Маркс дурак, справшивал он. Ну?! Никто! А я вот могу. И он орал на весь наш Желтый дом: Маркс дурак! Мы усмехались и говорили ему, что не кричим не потому, что боимся, а потому, что не считаем Маркса дураком. Бросьте мне голову морочить, кричал он. Только круглый дурак может думать, что Маркс не дурак! Вот смельчак нашелся, шепнуло мне Второе Я. А ты попробовал бы крикнуть, что Ленин дурак! Любопытно, спросило Третье Я, что бы тогда произошло? Разогнали бы институт, сказал я, и дело с концом. А что если попробовать, сказала Четвертое Я. Вот ты как специалист по психам ответь: можешь ты подучить этого Демагога крикнуть: «Ленин дурак!»? Вряд ли, сказал я. У всех психов, с которыми мне приходилось иметь дело, работает какой-то защитный механизм. Они все свихиваются в русле и в духе. И даже те, кто свихивается с риском (как этот Демагог), рискуют вполне разумно и в пределах. И в Столбы они попадают не за политику, а за медицинские отклонения. Чтобы отмочить хохму с крупным политическим риском, нужен вполне нормальный человек. Ну, а есть ли в нашем заведении такой нормальный человек, спросило Седьмое Я. Нет и быть не может, сказал я.

Одному психу мне удалось здорово помочь. Ныне он автор ряда книг, доктор философских наук, профессор в том самом областном городе, который недавно рапортовал Партии и Правительству о досрочном перевыполнении пятилетки в четыре года. Псих появился у нас в институте как самый нормальный медицинский псих с тонюсенькой рукописью, в которой он доказывал, что русский народ открыл диалектический материализм задолго до Маркса и Энгельса, что он у него в крови. И доказывал он этот свой (рискованный на первый взгляд) тезис с помощью пословиц, поговорок, прибауток, частушек и прочих достижений русской культуры. Например, пословица «В мире, что в омуте, ни дна ни покрышки» у него доказывала, что русский народ испокон веков считал мир бесконечным в пространстве и времени, а пословица «Девкой меньше — бабой больше» доказывала, что закон неумиримости материи и перехода ее из одной формы в другую был известен русскому народу еще со времен Ивана Грозного, а то и ранее. Мне очень захотелось сыграть с Психом шуточку, и я уговорил его расширить работу, назвать ее «Элементы диалектики в русском народном творчестве» и сдать на обсуждение в сектор истории русской философии в качестве кандидатской диссертации. Целую неделю я в поте лица сочинял Психу сверхидиотический философский текст, в который мы с ним погружали собранные им прибаутки и пословицы. Я писал с наслаждением, воображая, какой гомерический хохот будет стоять в Желтом доме и его окрестностях, когда диссертация Психа будет предана гласности. Но я был позорно посрамлен. Диссертацию приняли с восторгом. В полгода Психу устроили сдachu кандидатских минимумов. Даже за иностранный язык поставили четверку. Не помню точно, за какой именно. Да и ему самому было безразлично, за какой, так как он не знал никакого. И на защиту Психа выпустили вне всякой очереди. Защита прошла с блеском. Псих после этого стал по-

кровительственно похлопывать меня по плечу и давать дельные теоретические и практические советы. Потом Псих на длительный срок исчез. Потом одна за другой в печати стали появляться его статьи, которые ничем не уступали статьям наших ведущих философов. Потом появилась его книга, за ней другая. Потом он приехал на всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук. А я все это время пребывал в недоумении: почему моя хохма не состоялась? Дурак, сказала мне однажды Тридцатое Я, они просто привыкли к глупости. Если хочешь их насмешить, напиши что-нибудь дельное и сам увидишь, что с ними будет твориться. Ты же сам читал сочинения классиков. Читал? «Диалектику природы» Энгельса читал? Читал. «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина читал? Читал. «Философские тетради» того же автора читал? Читал. Ты даже «Математические рукописи» Маркса читал? Так чего же ты недоумеваешь?! Твой Псих с точки зрения уровня идиотизма просто провинциальный шенок в сравнении с этими шедеврами мирового, эпохального, исторического идиотизма. Ясно, сказал я. И после этого выводить медицинских психов в люди перестал.

С некоторыми психами я поддерживал отношения и после того, как эти мои функции передали другому сотруднику, молодому специалисту, только что окончившему факультет. Наиболее любопытные из них — Реформатор, Террорист и Обличитель.

Человек Весь день институт склоняет хохму насчет изречения Горького «Человек — это звучит гордо», которое переименовали так: «Человек — это звучит горько». Соловейкин, естественно, выдал по сему поводу стих:

*Изрек когда-то Пешков-Горький,
Звучит, мол, гордо человек.
Но внес поправку новый век:
Звучать — звучит, но только горько.*

Его, как всегда, сразил Добронравов:

*Перед тем, как дать человеку в морду,
Вспомни о том, что звучит это гордо.*

Затеяли дискуссию, что считать человеком. Учитель сказал, что не каждая двуногая тварь вида «гомо сапиенс» есть человек в социальном смысле. Его обвинили в расизме и антигуманизме. Учитель в ответ задал каверзный вопрос, можно ли считать человеками Канарейкина, Петина, Тваржинскую, Сталина, Берию, Ежова и прочих представителей биологического вида «гомо сапиенс». Добронравов сказал, что они не относятся к упомянутому виду. Я сказал, что вопрос о том, кого считать человеком, есть вопрос не науки, а нравственности. И тут не может быть никаких исключений, даже для таких мерзавцев, как... Добронравов сказал, что для мерзавцев в особенности, ибо человек — это мерзавец

и подонок по определению. А как же Эйнштейн, обиделся Качурин. Так он же еврей, сказал Добронравов. Что ты этим хочешь сказать, вскипел Качурин, всячески подчеркивающий, что он не антисемит. А то, сказал Добронравов, что уедет твой Эйнштейн в Израиль, и ваш отдел разгонят.

Добронравов — любопытный парень. Однажды он зашел к нам в сектор, когда у нас было закрытое заседание. Трус попросил его удалиться, поскольку он — посторонний. А я не посторонний, сказал на это ледяным тоном Добронравов, я — потусторонний. И Трус после этого почему-то скис. Многие считают Добронравова стукачом. Но Учитель говорит, что он — типичный российский сачок, изображающий из себя «некую тайную персону» с целью сачкования. И его еретические речи проходят ему безнаказанно, так как все думают, будто он их произносит с провокационной целью. Слухи о том, что Добронравов — стукач, особенно настойчиво распространяет Соловейкин. У него для этого есть две причины. Первая — Добронравов может сочинять стихи не хуже Соловейкина, но не придает этому никакого значения. Вторая — Соловейкин сам стукач, и потому (как утонченный интеллигент и либерал) стремится всех окружающих изобразить стукачами.

Учитель Даже Сталин делал добрые дела, говорит Учитель. В частности, он реабилитировал формальную логику. Ее даже некоторое время преподавали в школе, в десятом классе. После смерти Сталина логике в школе отменили. Но почему-то не отнесли ее к ошибкам периода «культы личности». В университете на философском факультете сохранилась кафедра логики (правда, занималась она в основном диалектической логикой), в Институте философии сохранился сектор логики (правда, занимался он в основном критикой ограниченности формальной логики), а во многих институтах сохранился курс логики (правда, без экзамена). У нас в школе преподавал логику человек — не помню его имени, — который одновременно вел военное дело и конституцию. Был он совершенно безграмотный, в логике понимал меньше, чем самый тупой парень в нашем классе, но зато был добр, смел и любил выпить. Отметки он нам ставил, не спрашивая. На уроках разрешал заниматься чем угодно. И только об одном просил — не шуметь до такой степени, чтобы услышал завуч или директор. На всех школьных вечерах он упивался до бесчувствия вместе с учениками. Школу он покинул вместе с нами. Причин тому было несколько. Отменили раздельное обучение. Отменили логику. Прислали квалифицированного учителя по общественному образованию. А главная причина — на выпускном вечере хватил лишнего, произнес речь, в которой обозвал Сталина сволочью. И исчез. И после этого я о нем ничего не слышал. Странно, Сталина тогда уже не было, и его разрешили иногда поругивать.

Я относился к логике так же, как и все ребята в классе, а именно — с полнейшим презрением. И все же где-то в глубинах подсознания у меня копошилась некая смутная симпатия к ней. Я подозревал, что это — моя судьба, но усиленно гнал это подозрение прочь. Собственно говоря, я ощущал эту подсознательную симпатию не столько к логике как тако-

вой (я ее просто не знал, как и все прочее человечество), а к тем логическим анекдотам, которые нам иногда выдавал наш бухой учитель. Когда мы на первом же уроке заявили, что логика — вздор, он нам сказал следующее: Аристотель, открыв логику, на радости велел зарезать шестнадцать быков, и с тех пор скоты логику не любят. Мы взвыли от ярости. Тогда он нам задал «логическую» задачку: в ресторан зашел человек, заказал сначала сто грамм водки и двести грамм сосисок, а затем — двести водки и сто сосисок; приняв второй заказ, официант сказал посетителю, что тот, очевидно, пожарник. Как официант сделал такое умозаключение? Мы притихли. Вот видите, сказал учитель. А вы над логикой насмешки строите. Очень просто: посетитель был в каске пожарника. Мы заржали так, что через минуту в класс заглянул сам директор. Когда директор, успокоенный, ушел, учитель рассказал нам еще одну хохму. Доказывая ученикам силу логики, учитель логики дал им две посылки «На постройку здания ушло десять тысяч кирпичей» и «В Африке водятся обезьяны» и предложил из них вывести заключение о том, сколько лет ему, учителю. Класс затих. Но из заднего ряда поднялась рука самого отсталого ученика. Сорок восемь лет, сказал сей ученик. А как ты это установил, спросил удивленный учитель. Очень просто, сказал ученик. У нас в доме живет один полуидиот, так ему двадцать четыре года. И мы после этой хохмы капитулировали. И ни разу не выдали учителя. Он частенько приходил на уроки пьяный, рассказывал смешные и страшные истории про войну или анекдоты, а то откровенно досыпал, уронив голову на классный журнал, и мы караулили, чтобы кто не засек его за этим занятием.

И вот этот нелепый (как тогда казалось нам) человек предопределил мою судьбу. После школы я подался на философский факультет. И к удивлению всех моих знакомых, поступил, хотя с политической точки зрения был зауряден. И таких, как я, в том году поступило довольно много, — одно из необъяснимых упущений в очень жесткой системе приема в учебные заведения такого рода. И специализировался, само собой разумеется, по логике.

В Желтый дом я попал чудом. В качестве темы дипломной работы я выбрал закон исключенного третьего. Терциум нон датур, — не правда ли, красиво звучит? И накатал диплом за один вечер и, как говорится, левой ногой. Не подумайте, что это — благодаря исключительным способностям. На два вечера у меня просто пороху не хватило бы. Но вопреки всякому здравому смыслу моя работа имела успех и была признана лучшей. На защите разгорелась жаркая дискуссия. Самые образованные, способные и передовые философы встали на мою защиту от нападок со стороны невежд, бездарей и мракобесов. Дискуссия развернулась вокруг вопроса о том, имеет упомянутый закон классовую природу или общечеловечен (как утверждал я). На защите присутствовали ребята из сектора логики Института философии во главе с Трусом. Они меня поддерживали. Тут же на защите Трус сказал мне, что берет в сектор младшим научным сотрудником. Правда, Смирняшев тогда сказал мне, что мой диплом — чушь несусветная, но поскольку я — «свой парень», он поможет

мне устроиться в институт. Я с радостью согласился на институт, так как факультетская аспирантура мне не светила никаким боком.

Романтика безысходности

Я все время живу в полубредовом состоянии, не считая тех случаев, когда приставка «полу-» излишня. Почему так? С медицинской точки зрения я вполне здоров. Даже слишком здоров, как шутят обычно осматривающие меня врачи. Медицина тут бессильна, говорит Он, ибо болезнь твоя — историческая. Ты есть дитя двух эпох: кровавой, но романтической, ленинско-сталинской и сопливой, но сравнительно благополучной хрущевско-брежневской. Согласен с предыдущим оратором, говорит Поэт. Ты есть воплощенная тоска по исчезнувшей романтике. А что такое романтика, спрашиваю я. Никто этого не знает, говорит Поэт. Это — особое состояние души. Скорее всего, это — от Бога. Поэзия, между прочим, тоже не может быть без романтики. Она тоже от Бога. По крайней мере моя исходит из этого источника. Если твоя с позволения сказать поэзия от Бога, говорит Он, то какой же должна быть идущая от Дьявола?! Изящной, красивой, изощренной и техничной, говорит Поэт. Она есть соблазн, и потому она нуждается в красотах. А то, что идет от Бога, не нуждается в приукрашивании, ибо это прекрасно само по себе, без эстетических критериев. Ибо это — не для славы и гонорара, а для души и от души. Вот послушай:

*Как Глас Небес, приказ звучит:
Товарищи, Москва за нами!
Не опозорим наше знамя!
Труби атаку, трубачи!
И я из ножен рву клинок,
В бока коня вонзаю шпоры,
И... просыпаюсь под забором,
Бесчувствен, грязен, одинок.*

Кстати, пора вставать на самом деле. Сейчас дворник появится, милицию вызовет...

Террорист

Террорист был мужчина лет пятидесяти, с утонченно интеллигентным лицом, очень робкий и застенчивый. По образованию инженер, имел кучу патентов на изобретения (я их видел собственными глазами). Разговор у нас с ним сначала не клеился (мы устроились на малой лестничной площадке на ободранном диване). Он все время оглядывался по сторонам, умолкал при приближении сотрудников (а они без конца сновали туда-сюда), делал какие-то туманные намеки. Мне это надоело. Поскольку наступил обеденный перерыв, я предложил ему отправиться со мной в какую-нибудь забегаловку. По дороге он мне и шепнул, что я (по его наблюдениям) заслуживаю доверия, и он хочет посвятить меня в страшную тайну величайшего государственного значения: он нашел способ взорвать Кремль, когда наши руководители съедутся

туда на какое-нибудь сборище, лучше — если на партийный съезд. Я сначала остолбенел от изумления. Потом сказал ему, что его идея заслуживает самого серьезного внимания, но что ее надо всесторонне обдумать, чтобы наверняка получилось. Но почему его выбор пал на наш институт, а в институте — на меня? Террорист сказал, что наш институт он выбрал потому, что он расположен недалеко от Кремля, что в нем удобно сосредоточить взрывчатку перед посылкой (!) ее на Кремль и средства доставки, что с четвертого (фактически — с пятого) этажа нашего дома удобно наблюдать за Кремлем и управлять доставкой взрывчатки в нужное место. Выбор на меня в институте пал потому, что стоило ему появиться на площадке и раскрыть рот, как ему указывали на меня. И он почувствовал во мне единомышленника.

Мы разыскали закусочную на улице Кропоткина (кажется, анархист был и не отвергал бомбочки?!), съели какую-то ерунду и договорились о следующей встрече, на которую Террорист (как я его прозвал для себя) обещал принести подробнейший план операции. А для начала дал мне обширный список литературы, прямо или косвенно касающейся покушений и современных технических возможностей на этот счет. Я сразу же по этому списку заказал в научном кабинете штук двадцать книг из Ленинской библиотеки и Фундаментальной библиотеки по общественным наукам. Лидочка (девочка, принимавшая мой заказ в кабинете) вытаращила на меня глаза и спросила, уж не собираюсь ли я... Я сказал, что хочу взорвать Круглый бассейн. Недели через две, однако, стали поступать отказы из библиотек. И я смог получить только такую литературу, из которой было ясно, что большевики теоретически отвергают индивидуальный террор. И две проблемы встали передо мною: как быть, если ты не большевик, и что делали большевики практически?

При следующей встрече я изложил Террористу свои трудности и проблемы. Он сказал, что такую литературу теперь можно достать только в частных собраниях или по особому разрешению. Но он мне кое-что постарается раздобыть. Что же касается большевиков, то они не гнушались никакими средствами. Практически они были самой беспринципной организацией в истории, благодаря этому и захватили власть. Я усомнился в теоретической целесообразности индивидуального террора и в практической его реализуемости. В самом деле, что изменится от того, что мы шлепнем одного-двух руководителей? Усилятся репрессии, и только. Террорист сказал, что репрессии, само собой, усилятся. Но и руководители будут побаиваться мести. И вести себя будут приличнее. И почему одного-двух? Их можно теперь десятками и сотнями шлепать. Внушительнее будет. Потом их можно шантажировать угрозами расправы и вынуждать реформы, улучшающие жизнь народа. Я возразил, что у нас любые реформы глохнут в толщах бюрократической и косной системы управления. И начальники просто бессильны улучшить жизнь народа. Он сказал, что все равно какие-то улучшения будут. Хотя бы оживление некоторое. Во всяком случае, террор оправдан как священная месть. А что касается практических возможностей, ему смешно слышать это. Живем в век научно-технической революции и не можем изобрести взрывных уст-

ройств, подходящих для наших (уже наших!) целей?!! Смешно! Американские студенты, говорят, сделали атомную бомбу домашними средствами. А он с парой надежных ребят сконструирует такую штучку!.. Проект у него готов. Но об этом потом. Для начала можно решить более простую задачу, допустим — взорвать Мавзолей. Взорвать, разбросать листовки. Мол, либо улучшайте условия жизни людей и давайте послабления, либо мы будем... Я возразил, что если нам дадут послабления, то на улицу нельзя будет выйти, — разденут, избьют, зарежут. И жратва из магазинов совсем исчезнет. Все пойдет по благу и из-под полы. Он обиделся на это и исчез на довольно большой срок.

Мои размышления Большую часть времени я размышляю. О чем? Разумеется о себе самом. Конечно, я при этом размышляю и кое о чем другом, например — о бытии, о Вселенной, о планете, о государстве, о коллективе, о Генсеке, о Шефе КГБ и многом другом. Но об этом всем я размышляю по схеме «я и бытие», «я и Вселенная», «я и Генсек»... Иногда я делаю вид, будто я вообще думаю не о себе и не о другом в отношении ко мне, а другом как таковым (о другом в себе и для себя). Но чем больше я при этом стараюсь отвлечься от своего «я», тем назойливее оно дает о себе знать. Тогда я отбрасываю всякую маскировку самоанализа. И происходит нечто странное: именно в этих редких случаях мне удается подумать о чем-то другом (а не о себе самом) объективно. Вот задачка для психологии!

Что ты, собственно говоря, такое есть? Здесь «ты» есть мое обращение к самому себе, а не к кому-то другому. Ты — типичный советский человек. Ты считаешь наш образ жизни наилучшим из возможных, хотя ненавидишь и презираешь его всей душой. Как мыслитель ты убежден в том, что человечеству отныне и навеки предстоит сражаться за лучшую жизнь именно на той социальной основе, какая утвердилась у нас. Как обыватель ты хочешь хотя бы чуточку, хотя бы на короткое время чувствовать себя так, как будто ты живешь в условиях западной демократии. Ты коммунист, ибо веришь в то, что коммунизм есть светлое будущее всего человечества. Но ты антикоммунист, ибо мечтаешь бороться против наступающего коммунизма и радуешься его неудачам. Почему так? Да потому, что ты есть живое существо, а жизнь есть борьба с грядущей смертью. Мысль эта не новая, надо полагать. Но я ее изобрел сам. И вообще мне легче все открывать заново самому, чем узнавать это от других.

О романтике Все дело в том, говорит Поэт, что нас лишили настоящей романтики и навязывают ложную. Настоящая романтика есть не образ жизни, а состояние души. Причем это состояние не имеет внешних причин и не сводится ни к чему другому. Оно приходит вдруг и в самый неожиданный момент. Вот так, например:

*Светился и гремел экран...
В бока коней врезались шпоры,
И бил тревогу барабан,
И шли в атаку гренадеры.
Живых и мертвых груды тел
Сошлись, сплелись в смертельной драке.
Но равнодушный зал пустел,
И жались пары в полумраке.
К рукам приплавились клинки,
На помощь раненые звали.
Шептали в зале пустяки,
Другие просто так зевали.
Сощутив яростно глаза
И ощутив гусара дерзость,
Я эскадрон направил в... зал.
Руби, ребята, эту мерзость!*

Возможно, ты прав, говорю я. Но тут есть одно существенное обстоятельство, которое ты не учитываешь. Дело в том, что я никогда не сидел верхом на лошади, если не считать того, что в детстве меня родители сфотографировали верхом на пони в зоопарке. И кроме кухонного ножа, никакого оружия в руках не держал. Но ты же офицер запаса, удивляется Поэт. Я по политической части, говорю я. Прекрасно, говорит Поэт. Значит, ты Комиссар. Я не комиссар, говорю я, а политрук. А точнее — поллитрук, как острит Добронравов.

Идейные течения В первые же дни пребывания в Желтом доме я обнаружил наличие многочисленных мелких «творческих» группок, которые не столько «творили», сколько «вытворяли», т. е. носили друг друга и возвеличивали себя как единственных представителей передовой мировой науки. В секторе логики на десять человек было три таких группки. Одна группка (главная, в нее входило пять человек) звала работать на уровне мировой логики, хотя никто из членов группы не знал толком ни одного иностранного языка и не был способен решить ни одну логическую задачу даже в пять шагов доказательства. Они сыпали иностранными именами и специальными терминами, но даже на примитивные вопросы не могли дать вразумительных ответов. Возглавлял эту группу параноик Смирняшев. Он и его правая рука Вадим были не переменными участниками всяких комиссий, советов, симпозиумов и регулярно ездили за границу. Ходили слухи, что они стукачи. Но такие слухи ходили обо всех. И даже обо мне, когда стало известно, что меня берут в Желтый дом.

Вторая по важности группа состояла из двух человек, хотя это была группа диалектической логики. Сначала меня это обстоятельство крайне удивило: диалектическая логика у нас часть государственной идеологии, а формальная логика — лишь нечто допускаемое из милости и из учета международной обстановки, и такое несоответствие! И за границу диалек-

тических логиков не пускали. И печатали неохотно. Правда, диалектические логики сектора были необычайно глупы, бездарны и невежественны, но все-таки они были представителями «высшей логики, дающей самое глубокое, полное и всестороннее учение о правилах мышления». Потом я понял, в чем дело: диалектической логикой занималась вся многотысячная армия советских философов, а эти два дегенерата просто были представителями этой армии в формальной логике, которая хотя всячески раскланивалась перед диалектической логикой, но была себе на уме, и за ней нужен был глаз да глаз.

Была в секторе еще третья группа, состоявшая из одного человека — Учителя. Эта группа демонстративно презирала диалектическую логику и считала, что «мировые и эпохальные достижения современной логики», суть такая же липа, только в современной форме, и потому в логике все надо переделывать заново. Я, естественно, примкнул сразу же к этой группе, поскольку не имел никакого желания двигать вперед диалектическую логику и делать новый вклад в мировую современную (математическую, символическую) логику. Вот переделывать — другое дело. Тут можно вообще ничего не делать. Но я ошибся, ибо единственный член этой группы был и единственным серьезно работающим сотрудником в секторе.

Заведующий сектором был вне групп и над группами. Он был добрый, умный, образованный человек, стремившийся к одному: чтобы в секторе был мир и чтобы сектор был на хорошем счету. Научными делами в секторе фактически заправлял Смирняшев, а организационными — Вадим. Сначала мне было непонятно, почему Смирняшев и Вадим так пекутся о своем руководящем положении в секторе: подумаете, какое дело быть вождем малюсенькой группки! Но и в этом я ошибался. Дело в том, что руководство сектором давало возможность заправлять всеми логическими делами в стране. Все совещания, издания, заграничные поездки, присуждение степеней и званий и т. п. решительным образом зависели от нашего института, а в институте — от нашего сектора. Иначе говоря, даже наша (казалось бы, такая ничтожная) сфера бытия являла собой типичный советский образец организации управления, распределения деятельности и получения жизненных благ. Например, чтобы улучшить жилищные условия, надо прослыть крупным ученым, получить должность старшего сотрудника, защитить кандидатскую или даже докторскую диссертацию, напечатать кучу статей и монографию и т. д. и т. п. Это сотни и тысячи действий, и каждое из них так или иначе восходит к правящей мафии нашей области науки (если позволено будет так выразиться!), а в этой мафии есть свое руководящее ядро. Я не сразу разобрался в этой системе, ибо она прикрыта всякого рода привходящими обстоятельствами, — приятельскими отношениями, лицемерной заботой о благе науки, совместной защитой от нападений извне (особенно — со стороны диаматчиков).

Наука побеждает

В передовой статье газеты «Правда», названной «Наука побеждает», сказано следующее: «Ныне только в системе партийного просвещения свыше 28 миллионов человек изучают основы марксистско-ленинской науки». Я один из них. Причем, я явля-

юсь рядовым участником пропагандистского семинара повышенного типа и сам руковожу пропагандистским кружком на одном из наших подшефных предприятий. В этой статье сказано, что «советский народ безраздельно верит ленинской партии», что «ленинизм — это подлинная наука побеждать», «что учение и дело Ленина бессмертно, потому что оно верно», и т. п. В общем, сказано все то, что говорится в таких случаях. В кружке у меня есть один вьедливый парень. Собственно говоря, он далеко уже не парень, — ему за пятьдесят. Но это не мешает ему придираться к каждому слову. Он и притащил этот номер «Правды» на семинар и начал задавать «вопросики». Во-первых, сказал он, вот тут говорится о «правовой культуре». Что это такое? Чтобы мы лучше знали свои правовые возможности или чтобы мы лучше выполняли свои обязанности? Во-вторых, разве для бессмертия достаточно того, чтобы что-то было верно? А скольких борцов за правду передушили?! Что ответишь на такие «вопросики»? Прочие участники кружка зашипели на любознательного: надоело! пора кончать! дела дома! все равно это — пустой треп! Пришлось закрутиться, а «вопросики» выяснять с Любознательным в индивидуальном порядке. Естественно, в ближайшей забегаловке. Кончай ты эти свои «вопросики», сказал я ему. Ты меня все время ставишь в неловкое положение. И стукачи на тебя (да и на меня) наверняка настроили кучу доносов. Да и чего ты этим добьешься?! Ничего, сказал он. Только надоело все это. Тошно. А ты не ходи на этот вшивый кружок, сказал я. А ты можешь не ходить на него сам, спросил он. То-то! Вот в этом-то и загвоздка. Мы все презираем эту муть, а вынуждены вести себя так, будто «безраздельно верим». Тьфу, ... твою мать! А все-таки, что они имели в виду под «правовой культурой»? Думаю, что ничего, сказал я. Просто — дань времени. Все болтают о правах человека. Ясно, сказал он. Но вообще говоря, все это безнравственно. Нравственность тут ни при чем, сказал я. Нравственные категории так же неприменимы к нашей жизни, как и правовые. Ты знаешь, кто в нашем обществе нравственен? Во-первых, те, кому не удастся стать безнравственным по независящим от них причинам. Во-вторых, те, кто благодаря некоторым условиям без всяких усилий имеет все то, для получения чего надо стать безнравственным, если этих условий нет. И в-третьих, те, для кого быть нравственным есть призвание, «пунктик» или бизнес. А остальные все вынуждены стать безнравственными, чтобы жить заурядной нормальной жизнью.

А на другой день я сам подбросил вопросик насчет «правовой культуры» руководителю нашего семинара повышенного типа. Он растерялся, заявил, что он передовицу эту читал, но в ней такого выражения не видел. Принесли подшивку из научного кабинета. Действительно, есть такое выражение. Руководитель наш позеленел и понес такую высокопарную галиматью, что даже нам самим неловко стало. А мы-то уж ко всему привычны. Потом я добавил «масла в огонь» — спросил, можно ли считать отсутствие каких-то прав нарушением этих самых прав? Руководитель ответил на вопрос вопросом: а на что я намекаю? Я сказал, что ни на что не намекаю, что меня как логика просто интересует общая

проблема: можно ли отсутствие некоторых норм поведения считать несоблюдением этих норм или нарушением их? А если угодно, я смогу сформулировать эту проблему в позитивной форме: если в данном обществе в данное время нет никаких репрессий в отношении граждан, значит ли это, что в данном обществе соблюдаются права человека, не нарушаются нормы личного права? Руководитель (это — доктор наук, автор ряда идиотских книжек по праву и морали) совсем сник, пообещал обдумать мой вопрос к следующему занятию.

Выборы в академию

Избрание в Академию наук у нас в подавляющем большинстве случаев ничего общего не имеет с признанием научных заслуг и с интересами развития науки. Это — переход определенного типа чиновников в сфере науки в высший служебный и жизненный ранг. Жизненный уровень избранных резко повышается во всех отношениях, причем — до конца жизни. И даже на детей и внуков это преимущество распространяется косвенно. И борьба за избрание, естественно, ведется ожесточеннейшая. Ведется она, конечно, незаметно для непосвященных. В наших кругах она приобретает особо острые формы, так как у нас претендентов на каждое свободное место больше, чем в других науках, и вмешательство партийных органов сказывается более ощутимо, ибо на вакантные места претендуют все партийные боссы, имеющие дело с идеологией. Кандидатуры заранее намечаются, с голосующими членами Академии заранее проводят «воспитательную» работу. В этом году в члены-корреспонденты будет избран проректор АОН, а в действительные члены — директор Института марксизма-ленинизма, зять Председателя Совмина. Это, однако, не мешает тому, что не менее двадцати человек будет выдвинуто на эти два безнадежно занятые места. Теперь само выдвижение стало своеобразной наградой и признанием заслуг. Тваржинскую, например, пять раз уже выдвигали, а Зайцева — четыре. Выдвинули их и на этот раз. И Барабанова выдвинули! Хотя в зале стоял смех, проголосовали единогласно. Барабанов ходит гордый. Пусть не выберут, зато фамилию в газетах напечатают. На малой площадке устроили соревнование, кто лучше обсмеет выдвижение Барабанова (над Тваржинской уже надоело смеяться). Соловейкин выдвинул на конкурс такой заготовленный заранее стих:

*Вот посмотрите, коль скоро
Изберут меня в членкоры.
У планеты на виду
Непременно превзойду
Самого И. Сталина.
Эх, калина-калина!*

Добронравов сказал, что стих не персонифицирован, может подойти к любому претенденту. И предложил свой экспромт:

*Я не берусь насчет Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Определенно что сказать.
Но знаю, началá болванов
Серийно марки «Барабанов»
Российская земля рожать.*

И собравшиеся присудили первый приз ему. Решающую роль в этом сыграло замечание Учителя. Он сказал, что Добронравов — поэт милостью Божией, а Соловейкин — поэт из милости Божией.

Мои размышления

В институте смеются над тем, что меня не пустили в Болгарию: мол, курица не птица, а Болгария не заграница. Мне хотя и безразлично это, но чуточку обидно из-за бессмысленности запрета: я бы все равно не поехал, так как денег на туристическую путевку у меня нет. А вообще говоря, наши власти напрасно запрещают нам поездки на Запад. Я бы на их месте разрешил. Пусть люди сами посмотрели бы жизнь на Западе и сравнили бы с нашей. Думаете, наш строй стал бы от этого слабеть и расшатываться? Ничего подобного! Наоборот! Почему? Да потому, что наши люди воочию убедились бы, что Запад для них — все равно что субтропики для обитателей пустыни. Мы — крысы. А крысы должны вести ночной и подпольный образ жизни. Наша среда обитания — норы, помойки, сточные ямы, подвалы. Я тоже крыса, честно в этом признаюсь. Если бы я сейчас попал на Запад насовсем, я умер бы там от тоски, как пошла бы крыса в шикарной квартире у академика Петина.

Юбилей Тваржинской

Тваржинской исполнилось семьдесят лет. Но вид у нее такой, что ей смело можно дать все сто пятьдесят. Остряк Добронравов говорит, что она еще на Герцена писала доносы. В связи с этой знаменательной датой и в связи с пятидесятилетием ее самоотверженной трудовой деятельности на благо, из коих более тридцати — в СГУ, ее наградили орденом Ленина. В институте ее чествовали на партийном собрании, на собрании отдела, на профсоюзном собрании и на расширенной дирекции. Затем устроили специальное заседание Ученого Совета с приглашением иностранных гостей — аспиранта из Монголии, стажера из Болгарии, двух туристов из ГДР. На Ученом Совете зачитали около сотни адресов, главным образом — от старых пенсионеров-чекистов, засыпали юбиляра подарками, комплиментами, цветами. Академик Петин, с трудом справляясь с отваливающейся искусственной челюстью (шутники говорят, что он подражает Брежневу), сказал, что Тваржинская остается вечно юной красавицей Леночкой, непримиримой ко всяким врагам... В это время «красавица Леночка», ужасно похожая на бабу-ягу из моего детства, сверкающими глазами высматривала в зале малейшие намеки на скепсис и усмешку. Но нам было не до шуток. Мы сидели в битком набитом зале (под расписку загоняли!), как будто дуло нагана из тех героических лет направлено каждому из нас прямо в лоб. В стен-

газете Тваржинской посвятили целый отдел. Фотографии, восторженные стихи, дружеские шаржи. Недобитые «либералы», однако, усмотрели в них некие смутные намеки. В частности, они гнусенько хихикали, кивая на такое место в юбилейном стихе:

*Врагов вы беспощадно били,
Их замечая за версту.
Не зря же Вы так долго были
На засекреченном посту.*

Стих сочинил заведующий иностранным отделом Ермилкин, редкостный подонок, с пеленок служивший в органах, но не сделавший карьеру вследствие из ряда вон выходящей тупости и повышенной похотливости. В стихе Ермилкина были еще такие строки:

*Железный Феликс, сам Дзержинский
Ей крепко руку пожимал,
Когда соратник Лев Тваржинский
Ее на службу принимал.*

Партбюро выразило некоторое сомнение и попросило автора переработать это место. Добронравов предложил исправить последнюю строку так:

Ее в кровати зажимал.

Штатный поэт редколлегии Соловейкин сказал, что рифма плохая: пожимал-зажимал. Лучше так:

Ее в кровати принимал.

Во избежание кривотолков этот кусок изъяли.

Интересно, что во время чествования Тваржинской «либерал» Соловейкин что-то лепетал насчет революционных традиций и преемственности поколений, а другой «либерал» Булыга написал в стенгазету заметку о вкладе Тваржинской в науку. Заметка была настолько подхалимской, что член партбюро «реакционер» Белкина, курирующая стенгазету, сказала, что это — слишком, и запретила ее. Тебя это удивляет, спросил меня Железный Феликс (я все-таки смылся с юбилейного заседания). Какой ты еще наивный сопляк! Эти «либералы» и не на такое способны. Наша система так хорошо устроена, что стоит, например, намекнуть на целесообразность битья по морде в целях исправления, предупреждения и прогресса, как через неделю половина населения будет ходить с «фонарями» под глазом и выбитыми зубами. И эти твои «либералы» дадут такое гуманное обоснование этой мере, что пальчики оближешь.

В том же номере стенгазеты был помещен собственный стих Тваржинской. Поэт, которому я прочитал отрывок из этого стиха, сказал,

что в ней погиб новый Маяковский. Вот этот отрывок, обращенный к антикоммунистам:

*Вы от злобы совсем, видать, обалдели,
И в законах истории уж совсем ничего не понимаете.
Вам не поколебать коммунизма цитадели,
Только зубы об нее обломаете.*

Я сказал, что это хорошо, что они время от времени гибнут. Хотя, может, было бы лучше, если бы они занимались стихами, а не доносами. Поэт сказал, что одно другому не мешает.

Барабанизм   Общепринято, что марксизм имеет три источника и три составные части: философию, политэкономию и учение о коммунизме. Но это мнение давно устарело. На самом деле марксизм, по-прежнему имея три источника, имеет четыре составные части. И четвертая его составная часть есть барабанизм. Суть этой составной части состоит в том, чтобы произносить невероятную чушь с таким самознанием, будто делаешь бесценный вклад в мировую культуру. Основателями этой составной части были, само собой разумеется, сами классики марксизма (включая Сталина). Но название она получила по имени старшего научного сотрудника нашего института, доктора философских наук, руководителя нашей спецгруппы при дирекции Барабанова. Почему именно по имени Барабанова? Совсем не потому, что Барабанов произносит такую чушь чаще, чем другие, или что его чушь чушистее чуши других. А потому, что он кроме этого ничего не произносит. И еще потому, что как-то сложилось, что Барабанов с молчаливого согласия начальства стал своего рода средоточием насмешек институтских остряков. Когда я пришел в институт, барабанизм был уже в расцвете. В стенгазете «За ленинский стиль мышления» чуть ли не целый год был целый раздел, посвященный барабанизму. Раздел этот прикрыли, однако, поскольку он стал задевать не столько Барабанова, сколько самих классиков.

О том, что барабанизм на самом деле возник задолго до Барабанова в трудах самих классиков, можно судить по таким примерам. Классики марксизма в качестве примера единства и борьбы противоположностей (диалектических противоречий) неоднократно приводили плюс и минус в математике. Барабанов этот пример тоже постоянно приводит. Но классики раньше начали. И все они (классики и Барабанов) приводят этот пример с таким торжествующим видом, будто никто уже и возразить ничего не сможет, и весь мир склонится перед несокрушимой истиной марксистской диалектики. Сомневаетесь? А плюс и минус в математике?! Что, заткнулись?! То-то! Но им (как классикам, так и Барабанову) невдомек, что люди умолкают не от несокрушимой истины диалектики, а от естественного бессилия противопоставить что-то столь грандиозному и непроходимому идиотизму. Ибо даже школьникам первого класса известно, что только у самых тупых учеников плюс переходит в минус, и обратно. И кто и когда видел, чтобы плюс и минус сражались наподобие пролетариата

и буржуазии?! Упоминание о пролетариате и буржуазии тут не случайно, ибо «плюс-минус в математике» есть второй по значению пример диалектики после «пролетариат-буржуазия». Обычно они так и ходят парочками. В упоминавшейся выше ЦПШ один из секретарей обкомов партии, сдававший экзамены как заочник, даже объединил их, приведя в качестве примера диалектики «пролетариат-буржуазия в математике». И получил за это пятерку. А Владимир Ильич, безапелляционно заявляя, что примеров диалектики можно найти сколько угодно и где угодно, воскликнул: возьмите самое простое предложение «Лошади кушают овес», и вы откроете в нем все элементы диалектики. Чуть тут состоит не в том, что лошади кушают овес (поди, найди этот овес, и где вы видели лошадь, кушающую овес?!); чуть состоит в том, что это предложение не самое простое, что было известно даже из самого дурацкого учебника по логике, по которому мы учились в школе по личному указанию товарища Сталина.

Заслуга Барабанова состоит в том, что он привел барабанизм в стройную систему и выделил его в особую часть марксизма. Основные постулаты барабанизма: 1) марксизм; 2) лягавый марксизм; 3) марксизм не догма, а руководство к бедствию. Из этих постулатов, как показал Учитель, выводятся три фундаментальные теоремы барабанизма: 4) Троцкий сначала был проституткой, а потом перешел на сторону большевиков, когда в воздухе запахло революцией; 5) лошади все-таки кушали овес до революции, а потом их вытеснили трактора; 6) марксизм действительно не догма, а только руководство к ней.

Послание Тваржинской

*Пока на классы мир расколот,
Сложивши ручки не сиди!
И в день, и в ночь, и в жар, и в холод
БДИ!*

*Пока есть враг непримиримый,
Грей ненависть к нему в груди!
Тверди одно неутомимо:
БДИ!*

*Пока не до конца едины,
Враг затаился нас среди,
Пусть был инсульт, в висках — седины,
БДИ!*

*Пока грядущего высоты
Сияют где-то впереди,
Не отступай ни на иоту,
БДИ!*

*Когда ж душа покинет тело,
И на том свете сыск веди,
Твори и там земное дело:
БДИ!*

Соседи Мои соседи — типично русские люди. Сегодня они меня поносят последними словами, завтра как ни в чем не бывало лезут целоваться. Сегодня поднимают скандал из-за копейчных расчетов по поводу платы за свет, завтра готовы пропить с тобой же сумму в десять раз больше. И наладить какие-то устойчивые и предсказуемые отношения с ними никак невозможно. Я пытался много раз. Ничего не вышло. И я махнул на это дело рукой. И скоро убедился, что только при полном безразличии к отношениям между соседями здесь возможны нормальные скандально-дружеские отвратные сердечные отношения. Причем, чем ближе твое собственное поведение в отношении соседей к их поведению в отношении к тебе, тем лучше. Чем вежливее, сдержаннее, великодушнее ты сам, тем хуже. В первом случае ты — свой, во втором — чужой. Лишь после того, как я покрыл соседа матом и отторговал гривенник в оплату за свет, он вечером пригласил зайти к нему, налил стопочку водки и сказал, что я, оказывается, «свой в доску мужик».

Однажды Сосед (в пьяном виде, конечно) признался мне, что его вызывали «в одно место» и попросили присматривать за мной, — кто мне ходит, какие разговоры ведутся. Он сказал мне, что он меня «не продаст», «не такая уж он сука, как думают эти му..ки», но я по глазам видел, что он просьбу Их выполняет аккуратно. Интересно, имеет ли он что-нибудь от этого? Думаю, что пока ничего не имеет. И делает он это добровольно и с удовольствием. Второе Я шепнуло мне, что он рано или поздно подложит мне крупную свинью. Как, спросил я. И зачем? Болван, захихикало Пятое Я. У него же дочь растет, и в одной комнате ему тесно. Наверняка Они ему намекнули, что он может рассчитывать на твою комнатушку. Брось, сказал я. Зачем так плохо думать о людях. Он же рабочий высокой квалификации, в районе на очереди стоит, на работе ему обещают квартиру в новом доме. Он же на Доске Почета висит! Не будь таким наивным, шипит Двадцатое Я. Ты что забыл, что жилищное строительство заморозили из-за предстоящей Олимпиады?! Все средства пошли на спортивные сооружения. И потом, сегодня он на Доске Почета, а завтра напьется, попадет в милицию, и плакала его обещанная квартира.

Некоторое время назад я стал замечать, что в моей комнате кто-то призводит обыск. Поскольку стали пропадать кое-какие вещички, я понял, что это делает Сосед. Его, конечно, попросили. И он охотно выполняет Их просьбу. Заодно ворует по мелочам. Это — тоже характерно. И любопытно, что у меня так и не появляется никакого гнева и злобы к нему. И я сам тоже хорош. То презираю его, то обнимаюсь. А всю работу по уборке квартиры выполняет его жена, — это вышло как-то само собой. Я за это иногда ей подкидываю коробку конфет, игрушку дочке. И она благодарна за это мне до слез. Она работает в детском саду препода-леку. Зарплата грошовая. Но и выгоды есть: дочь ее в этом саду и питаются они отчасти за счет сада.

Много ли человеку надо

Говори потише, просит Учитель, а то мой хозяин опять нотации читать начнет о правилах поведения. Он мужик вроде ничего, но жуткий зануда и ханжа. А ты плюнь на него, говорю я, сними в другом месте. Для одинокого интеллигента это не проблема. Надоело мотаться с места на место, говорит он. К тому же тут много своих плюсов. На работу рядом. Телефон. И плата терпимая. Как мы живем, говорю я. Много ли нам нужно? Выспаться, поесть, кое-как одеться, отдохнуть от людей, чуточку развлечения, спокойная работа... И именно этих примитивных условий нормальной жизни мы иметь не можем. Почему? Хотя бы в силу разнообразия и изменчивости бытия, говорит он. Наш райский коммунизм есть пустая абстракция хотя бы уже потому, что отвлекается от эмпирически данного и неустранимого факта разнообразия и изменчивости. Он был бы возможен, если бы люди на самом деле были совершенно одинаковыми «точками», а различие их положения в пространстве и времени не вызывало бы никаких эмоций. Вот, скажем, параноик Смирнящев со своей оравой прогрессивных подонков зарубил твою статью в этот вшивый сборник. Зачем это им потребовалось? Разве твоя статья хуже их статей? Что плохого ты им сделал? Чем помешал? А они кипят страстями! Из-за чего? И попробуй-ка, устрани это! А что происходит из-за вещей более серьезных?! И никуда от этого не денешься. Или ты окунаешься в эту трясиину мелочной борьбы за самые примитивные житейские блага и становишься, естественно, типичной советской тварью («новым человеком»), или остаешься в стороне, и тогда не имеешь никаких благ, и любая тварь может укусить тебя безнаказанно.

Послание Барабанову

*Должность первого кретина Вами прочно занята.
Но скажите нам, где скрыта Ахинеева Пята?
Где, скажите, Вы видали Труп Сизифа во гробу?
Где, скажите, Вы слышали Марафонскую Трубу?
Как младенца Вместо Ванны кто-то вылил за борта?
Как же Омниа Вы Мекум в своих собственных Портах?
Как же Пирра без Обедая удалось Вам вкусить?
Меж Сицилью и Карбидом что сумели поместить?
Как в свою Протилапожность льется Времени Река?
...И откуда принесло к нам вот такого дурака?*

Примечание к Посланию Барабанову

*Но мы простить тебе готовы твой идиотизм
За то, что ты открыл Лягавый нам Марксизм.*

Восток и Запад

Одно из моих внутренних «Я» (назову его «Восточником») постоянно спорит с другим (назову его «Западником»). Инициатива обычно исходит от Восточника. Западник обычно

обороняется, да и то с большой неохотой, вяло и неуверенно. И хотя Западник обычно бывает прав, побеждает обычно Восточник. Почему? Причина тому простая: Восточник жаждет победить и последнее слово оставляет за собою, Западник же мечтает лишь избежать поражения, а если уж поражение неизбежно, так чтобы условия капитуляции были мало-мальски терпимы: чтобы не столько убили, сколько посадили, и чтобы посадили не столько в Сибирь, сколько на Канарские острова. Вот и сейчас только я собирался отдохнуть (от чего?!), как они разбушевались.

— Твой Запад, — спокойно бросил Восточник, — такое же дерьмо, как и мы. Ничуть не лучше. А то и похуже. Скажи, как относятся массы западных бездарных (а массы всегда бездарны, на Западе в том числе!) писателей, художников и ученых к своим талантливым собратьям? Верно, с ненавистью. И всячески стараются им помешать.

— Но ведь на Западе таланты иногда все-таки пробиваются!

— Смотря какие. У нас, между прочим, тоже пробиваются. Хоккеисты, например. Шахматисты. Плясуны.

— Но ведь эту молоденькую чудо-балерину придушили!

— А кто сказал, что она — чудо? Из того, что ее придушили, не следует, что она гений.

Мне надоело слушать этот схоластический спор. И я сам ставлю перед ними обоими эпохальную проблему: а кто изобрел презерватив? Спорщики умолкают. Восточник лихорадочно мыслит в таком направлении: а не изобрели ли презерватив сначала у нас, потом его уворовали на Западе, и он вернулся обратно уже в идеологически искаженном виде?! Западник же, предваряя такой ход мыслей оппонента, соображает совсем в другом направлении: а является ли вообще презерватив явлением культуры?! А не является ли он явлением в антикультуре? Очень модное это словечко «антикультура». Как и «антимир», «античастица», «антикоммунизм», «антисемитизм»... Западник открывает было рот, но я его обрываю.

— Кретин, — говорю я. — Презерватив есть явление в суперкультуре. Его занесли к нам пришельцы из космоса. Видя, с какой ужасающей быстротой размножаются двуногие твари по имени «человек», и зная, конечно, закон Мальтуса, они и подбросили нам это мощное средство спасения цивилизации.

— А противозачаточные таблетки?!

— Их сбросили с «летающих тарелок». На Западе их собрала молодежь и устроила сексуальную революцию. А у нас их собрали агенты КГБ и отдали членам и кандидатам в члены Политбюро.

— Зачем?! Они же все равно не...

— Это не имеет значения, — резюмирует Восточник. — Зато на Западе будут думать, будто они способны оплодотворить человечество.

Обличитель Обличитель прислал в Институт штук двадцать писем, прежде чем появился собственной персоной. Когда он представлялся мне, он делал это с таким видом, как будто все должны знать, кто он, и изумляться тому, что видят именно его. Так оно и произошло. Когда он представился, я именно так и поступил: сделал удивленное лицо и воскликнул: «Как, неужели Вы тот самый?!..» Он удовлетворенно кивнул, сказал,

что он — тот самый, и явился лично выяснить, почему до сих пор и т. д. Я сказал, что недостатки, которые он заметил в нашем обществе (помойку со двора не вывозят неделями, в подъездах пьяницы безобразничают, в соседней квартире компании собираются и шумят за полночь), настолько существенны, что их еще не успели тут обдумать как следует. Он был, видимо, польщен и спросил, почему разбор его заявлений поручили такому незначительному лицу, как я. По его мнению, этим должны заниматься академики, в крайнем случае — профессора и доктора. Я сказал, что академики, профессора и доктора уклоняются от решения насущных проблем и сваливают их на младших сотрудников. Его это страшно заинтересовало, и он решил этот факт обличить. Я пообещал ему помочь, но чтобы он на меня не ссылался. Он согласился, и мы начали работать над обличительным материалом, который решили направить (от его имени, конечно) в ЦК, Совет Министров, Президиум АН, редакцию газеты «Правда» и журнала «Коммунист». Составили список ведущих философов, подлежащих обличению. Наметили пункты, по которым пойдет обличение: 1) искажение основополагающих принципов марксизма-ленинизма; 2) попустительское и уступки ревизионизму; 3) уклонение от обобщения практики строительства коммунизма; 4) беспринципность, карьеризм, корыстолюбие, стяжательство; 5) моральное разложение. Я так увлекся этим делом, что забросил все свои научные дела. И чем больше я вникал в это дело, тем больше изумлялся уязвимости всех наших ведущих фигур по всем упомянутым пунктам. Я посвятил в свою затею Учителя. Он хохотал до слез и обещал всяческую помощь. Принципы марксизма-ленинизма, сказал он, сформулированы так, что их даже пересказать невозможно, не сказав их и не изменив им. Их даже цитировать без искажения невозможно. Стоит убрать кавычки, как они превращаются в чепуху или в ересь. Ревизионизм предупредить невозможно, ибо он сам не знает, с какой стороны он начнет ревизовать свою основу и в какую сторону потянет. Обобщать практику коммунистического строительства имеет право только высшая партийная верхушка, да еще к тому же укрепившаяся у власти и чувствующая свою безнаказанность. Беспринципность у них есть высшая добродетель, — требование метода подходит к оценке всего и вся с учетом конкретно-исторических условий. То, что выглядит как карьеризм, стяжательство, корыстолюбие и т. п., — это им положено по их должностям и чинам. Так что остается лишь моральное разложение. Вот на этом им и надо кровь попортить. Они как огня боятся разглашения конкретных фактов их жизни. Вот ты и ориентируй своего психа на это. Пусть разнохает, кто и с кем спит, как времячко проводят на дачах, о чем толкуют, с кем встречаются, кто за кого пишет работы, как и за что выпускают на защиту диссертаций, устраивают в институты, пускают за границу. Вот переполох подымется!.. Я в этом духе и проинструктировал своего Обличителя, призвал его к остротности и терпению. Главное, внушал я ему, конспирация. Надо подготовить такую «бомбу», чтобы вся наша идеологическая сфера разлетелась бы вдребезги. Обличитель проникся важностью задачи и стал таскать мне «материальчики». Уму непостижимо, где и как он их раздобывал. Я обрабатывал эти «материальчики» и затем диктовал их снова Обличителю

(давать в письменном виде их было рискованно).

А вообще-то говоря, все это — пустое дело, сказал Учитель после того, как я познакомил его с одним таким «материальчиком» Обличителя. Это — лишь описание фактов. А оно еще не есть истина, поскольку наверняка найдутся другие факты, описание которых будет противоречить первому. И истина не в соединении таких описаний. Истине противостоит не другая истина, а лишь заблуждение. В чем же истина? Я, пожалуй, организую семинарчик в институте, на котором прочитаю популярный курс лекций на эту тему. Как ты думаешь, найдутся желающие? Человек десять наберется, сказал я. Среди них будет три-четыре психа, пара стукачей, пара жуликов. И я, разумеется. И то хлеб, сказал Учитель. Со следующей недели и начнем. Назначаю тебя ученым секретарем семинара. Представляю, какая паника в связи с этим начнется среди наших защитников достижений мировой науки!

Но «семинарчик» не разрешили. Сказали, что достаточно того, какой ведет Смирняшев. Это — законный семинар, утвержденный на уровне Президиума АН. Смирняшев, по инициативе которого запретили «семинарчик», предложил Учителю сделать доклад на его семинаре. Учитель послал его на...

Сочетать неприятное с бесполезным

Умные люди умеют сочетать приятное с полезным. Я не дурак, это признает даже параноик Смирняшев. Но я пока в совершенстве научился сочетать неприятное с бесполезным. В чем дело? Вот, например, мы сидим на партийном собрании. Собрание открытое, и потому меня допустили на него. Не просто допустили, а вежливо сказали: ты готовишься ко вступлению в партию, собрание сегодня открытое, так что не мешало бы... Старый член партии Добронравов спит (что явно полезно для его здоровья) и одновременно шупает коленки у соседки — молоденькой научно-технической сотрудницы (что вне всякого сомнения приятно). А я? Спать мне нельзя, поскольку я еще не член партии, а только кандидат в кандидаты в члены. И я должен изо всех сил бороться со сном и слушать идиотские речи партийных активистов. Приятного в этом, скажем прямо, ничего нет. А что обиднее всего, это времяпровождение абсолютно бесполезно, так как в партию меня все равно не примут. Смирняшев (он парторг сектора) мне так и сказал, чтобы я никаких иллюзий насчет партии не строил. Я на это ответил ему, что я не маленький и никаких иллюзий насчет того, что из себя представляет наша партия, не имею со школьной скамьи. Он сказал, что я совершаю подмену понятий, так как он, Смирняшев, имел в виду не иллюзии насчет партии, а иллюзии насчет моего поступления в партию. Иллюзии же насчет партии строить никому не нужно, так как наша партия и без иллюзий такова, что никакие иллюзии не идут в сравнение с тем, что можно узнать и без них, ибо... Я тогда пожал плечами и покинул Смирняшева, предоставив ему самому выпутываться из логической ловушки, в которую он себя сам загал. Как раз в этот момент подошел Субботин и произнес свое знаменитое «Позвольте с Вами не согласиться».

Странно получается. Хотя Смирняшев убежден, что меня в партию

не примут, он каждый раз сам предлагает мою кандидатуру в список кандидатов, намечаемых партийным бюро для поступления в кандидаты в члены КПСС. Зачем? А затем, что секторская партийная организация обязана расти, а из научных сотрудников сектора я — единственный, за чей счет этот рост возможен: все остальные суть кандидаты или члены партии. Когда меня последний раз (последний ли?!) опять выдвигали кандидатом в упомянутый список, я внес деловое предложение: не надо меня выдвигать, все равно бесполезно, а наша партийная организация могла бы расти не количественно, а качественно. На меня накинудся Субботин, заявив, что таких, как я, к партии на пушечный выстрел подпускать нельзя. И меня единогласно выдвинули в тот самый список. Интересы роста партии превыше интересов отдельных индивидов!

Послание Петину

*Пусть нету на тебя сейчас суда,
Но если к делу приглядеться здраво,
И на таких, как ты, со временем всегда
Приходит справедливая расправа.
Когда про нас заговорят как о давным-давно,
Брезгливо рот скривит дотошный наш потомок
И скажет, что мыслитель ты — говно,
А как работник — сталинский подонок.*

Знание жизни Все мои споры с родителями кончаются их унылым и однообразным заключением: я еще жизни не знаю! А что это такое — знать жизнь? Еще в школе я и на заводе работал, и в колхозе, и на складе. Студентом трижды ездил на Великие Стройки, систематически участвовал во всякого рода мероприятиях. В институте дважды ездил на работу в колхоз, каждый год по два раза работаю на овощных базах (каждый раз — по пять дней как минимум), веду пропагандистский кружок, сам участвую в семинаре повышенного типа, каждую предвыборную кампанию околачиваюсь на избирательном участке. Два раза был в доме отдыха, один раз — по соцстраховской путевке (двадцать дней под Москвой за семь рублей), один раз — по «горящей» путевке на юге (поздней осенью, когда купаться и загорать нельзя, и никто ехать из наших верхов не захотел). Сколько раз стоял в очередях, сосчитать невозможно. Имел кучу женщин, много раз напивался, обо всем на свете переговорил со всякого рода знакомыми и случайными собеседниками, перечитал... Одним словом, я вроде бы познал все. И все-таки, оказывается, я не знаю жизни. Что вы имеете в виду, спрашиваю я родителей. Репрессии? Так теперь вроде бы само начальство не очень-то склонно к ним. Войну? Так теперь вроде бы повсюду борьба за мир, и мы предпочитаем воевать руками вьетнамцев, корейцев, арабов, эфиопов, негров. Голод? Так теперь не так уж сытно и мы все живем. Походите-ка по нашим столовым и забегаловкам! Смотреть тошно, не то что есть. Не женился, детей не развел? Так еще успею, если захочу. А детей и у вас не густо было.

Постов не занимал? Так ведь и вы... Одним словом, в чем дело? Живу тихо-мирно, никому не мешаю. Не протестую. Писем не подписываю.

И хотя я в таком духе развиваю несокрушимую демагогию, я-то понимаю, в чем именно дело. Познать жизнь в нашем русском смысле слова — значит признавать жизнь, жить, как все, включиться в общий поток жизненной борьбы за грошовые блага и преимущества. А я хотя и не рыпаюсь и живу тихо-мирно, однако не включаюсь всею душою в этот общий наш поток жизни, не вступаю в него каждой клеточкой тела, иду все-таки где-то в сторонке, отчужденно и даже отчасти независимо. И потому я хуже, чем диссидент. Диссиденты хоть и поносят нашу жизнь, но они на нее все же реагируют как на свою собственную, т. е. общую жизнь. А я хоть и участвую и вроде бы одобряю (вернее не протестую), но лишь по видимости. А на самом деле глубоко в себе самом, я эту жизнь презираю и игнорирую. И отец наконец-то находит этому точное определение. Ты, сказал он мне, живешь так, будто ты гость. Верно! Я и есть гость. Причем такой гость, который в любую минуту может распрощаться с хозяевами и покинуть дом без всякого сожаления. И не унесет с собой ни крупицы тепла и воспоминания.

Логик Есть во мне еще одно «Я», которое я называю Логиком. Я его не люблю. Когда оно дает о себе знать, я стараюсь немедленно заткнуть ему глотку, поскольку спорить с ним бесполезно. Ты говоришь, что у нас здоровых людей сажают в сумасшедшие дома, говорит Логик (это — к примеру). Согласен. Но как же быть иначе? Суди сам. Девяносто процентов людей, которых у нас сажают в «психушки», суть настоящие психи. Девяносто процентов врачей, которые их сажают, сами суть психи. Теперь подсчитай: девяносто плюс девяносто равно ста восьмидесяти. Откуда взять эти недостающие восемьдесят процентов? Очевидно, надо сажать здоровых. Потому и получается, что большинство наших психов суть здоровые люди. Дошло?

Второе послание родителям

*К чему тщеславные мечты! К чему напрасные укоры!
Нет, никогда моя нога не вступит в власти коридоры.
Не переступит никогда распределителя порога.
И бронированным авто не просвистит моя дорога.
Не улыбнется ни за что двухсотметровая квартира,
Приемная на сто персон и три под кафелем сортира.
Мой тощий зад не ощутит от кресла мягкого томленья.
Аплодисментами народ мое не встретит появление.
Не приукрасит мой портрет газетный опытный фотограф,
И под чужой пустой статьей я не поставлю свой автограф.
Успехи пройденных дорог я в микрофон не подытожу.
И создателей рядов для коммунизма не умножу.
И орденами грудь мою до ниже пупа не закроют.
На Новодевичьем, увы, под гром оркестра не зароят.*

Созерцание Я часами смотрю в окно и созерцаю, как недавно отстроенный жилой дом перестраивают под какое-то министерство. Созерцаю и недоумеваю, зачем это. Надо же было завезти и установить в доме сто шестьдесят ванн, сто шестьдесят унитазов и газовых плит. А сколько кранов, выключателей, розеток... И только затем, чтобы вскоре все это выкинуть. Не вынести аккуратно, а именно выкинуть, как попало. Сломать сто шестьдесят уборных, сто шестьдесят кухонь, сто шестьдесят ванн комнат... Теперь нижний этаж облицовывают красным гранитом, в середине пробивают стену для главного входа и делают над ним гигантский козырек. Только в нашем районе более десяти жилых домов так переделывают под учреждения. Во сколько же обходится этот идиотизм? Это еще что, присоединится Он к моим размышлениям. А ты знаешь, сколько танков, пушек, самолетов и прочего снаряжения мы ежедневно транспортируем в Африку и другие места планеты? А знаешь, сколько все это стоит? Но это все-таки внешняя политика, говорит Второе Я. Престиж государства и все такое прочее. А кому нужна эта идиотская внешняя политика, возмущается Десятое Я. А кому нужен этот шивший престиж? Только высшим руководителям, этим тщеславным маразматикам! Тем более, говорит Седьмое Я, все равно это все впустую. Все равно нам же потом оттуда по шее дадут. Тихо, говорю я, не вашего это ума дело. Что там в Африке — нам не видно. А вот новый жилой дом на наших глазах переделывают под контору — это реальный факт. Чем Они там думают? Жопой, заорали в один голос все мои другие Я и Он.

Послание Кирусику

*Она сто раз на день родит,
Но не младенцев, только сплетни.
О чем судьба вознаградит
Ее за подвиг многолетний?!
Боюсь, коварства жизнь полна,
И не таким хребет ломало.
И автор, скажут, не она,
И для надбавки, скажут, мало.*

СБУ Что такое СБУ, вы знаете. Теперь я вам поясню, что такое СБУ. СБУ — Самое Бездарное Учреждение Советского Союза. Вы, конечно, догадались уже, что я имею в виду Институт Идеологии Академии Наук, сокращенно ИИАН. И верьте мне, ибо говорю я вам это как специалист, выдающий профессиональную тайну. Ибо как специалист я знаю, кто набирается на философские факультеты, кто на них преподает и как преподает, кто и как отбирается для «научной» работы в области философии, как ведется эта работа, что печатается и т. д. А главное, я как профессионал знаю, что марксизм есть действительно вершина, но вершина серости, бездарности, пошлости, жульничества, беспринципности, наглости, самомнения, безграмотности.

Но многие несогласны с тем, что СБУ — это наш институт. Они считают, что Академия Общественных Наук (АОН) при ЦК КПСС по бездарности,

безграмотности и сволочизму превосходит наше заведение. Не случайно же все идиоты и мерзавцы, которых невозможно терпеть даже у нас, уходят в АОН. К тому же, считают мои оппоненты, я забыл про ЦПШ при том же самом ЦК, которую одни расшифровывают как Центральную Партийную Школу, а другие — как Церковно-приходскую школу. Что это такое, можете судить по такой приключившейся в ЦПШ истории. Один из слушателей ЦПШ выбрал в качестве темы дипломной работы учение Спинозы о субстанции. В это время началась заваруха на Ближнем Востоке. Кто-то сказал слушателю, что Спиноза — еврей. Слушатель наложил в штаны, но в порядке самозащиты сослался на то, что Маркс тоже еврей. Ему ответили, что Маркс, в отличие от некоторых, этого не скрывал. Потом Маркс — еврей лишь наполовину, к тому же — отъявленный антисемит, называвший евреев не иначе, как «грязными иудеями». Он даже хотел устроить еврейский погром Герцену, жившему неподалеку от него, да Энгельс отсоветовал. А при чем тут Герцен, удивился слушатель. Как это — при чем, удивились в свою очередь его наставники. Он же диссидент, а это значит — переодетый еврей.

И все же я настаиваю на том, что СБУ — наш институт, ибо АОН и ЦПШ находятся за пределами человеческого воображения и ни в какое сравнение ни с чем не идут.

Мои размышления С твоей бородой, говорит Он, прямая дорога в религию. Хотя ты шутишь, в этом есть смысл, говорю я. Осуществленная возможность есть действительность. Но лишь борьба за осуществление невозможного есть действительность человеческая. Религиозное возрождение у нас, конечно, есть бред. Но только в религии спасение. Борьба за религиозное общество есть единственный путь сохранения души, — сохранения общества, в котором заметную роль играют существа, имеющие души, т. е. люди. Это тривиально. Нетривиально тут то, что эту тривиальную истину открываю для себя я, т. е. молодой человек из интеллигентной семьи, с университетским образованием, никогда не слышавший ни слова в защиту религии, знающий о религии только из марксистских учебников и антирелигиозных проповедей. Вот что поразительно! Ну, а раз до этого допер я сам, без всякой посторонней помощи, то допрут и другие. Дай Боже им удачи на этом пути! Что же касается меня, то я заставаю на этом первом, самом банальном этапе. Почему? Отвечу словами моего друга Поэта:

*Моя стихия — пьянство, блядство... Говоря короче,
Все то, что светлый облик труженика нашего порочит.
Я низко пал, ты говоришь? Какой же ты чудак!
На этом самом держится наш развитой соци-бардак!*

Реформатор Реформатор был на крупной партийной работе, в период либеральных веяний поверил в их серьезность и затеял в своем ведомстве радикальные преобразования. Его одернули. Он закурил удила и попер со своими проектами в самые верхи. Тогда его сначала

скинули, потом — стукнули, наконец — засадили в Белые Столбы, где он отрубил лет семь. Освободившись, он засел за изучение первоисточников и стал сочинять свои реформаторские проекты в полном соответствии, как он полагал сам, с марксистской наукой. Сначала я пытался убедить его в том, что марксизм не наука. Но он не поверил и тут же написал на меня за это донос в дирекцию и партбюро. Я уличил его в нечестности (а что мне оставалось делать?) и отказался «работать» с ним. Но он привязался ко мне «душой и телом» и не давал мне проходу. Он подстерегал меня в самых неожиданных местах. И чем больше я грошил его проекты, тем настойчивее он ловил меня. Однажды — признался, что ему нужен именно такой «умный противник», ибо только в борьбе с таким «умным врагом» он оттачивает свое учение, вернее — свое добавление к марксистско-ленинскому учению.

Его проекты охватывали все сферы жизни, начиная от водочных бутылок и кончая структурой высшего партийного руководства. Зачем повышать цены на спиртное, говорил он, например. Надо повисить цены на бутылки. А что это даст, возражал я. Бутылки сдадут — обратно надбавку получают. Эх ты, говорил он, а еще ученый. Кто сдаст, а кто и не сдаст. Разобьет, выбросит. Знаешь, сколько процентов посуды сдают обратно? Тридцать процентов. Ну, будут сдавать пятьдесят процентов. А за счет прочих пятидесяти вот какая будет прибыль! Гляди сюда. И он начал лихорадочные расчеты, в результате которых получал миллионы и миллионы прибыли. В другой раз он принес проект нового территориального членения страны. Россию он предлагал разделить на три республики — Западно-Российскую (со столицей Петроград), Средне-Российскую (со столицей Новосибирск) и Восточно-Российскую (со столицей Владивосток). Построить новую столицу СССР на Волге, назвав ее Ленин. Заменить весь чиновничий аппарат машинами, введя для этой цели по всем вопросам специальные бланки, удобные для машин. Высвободившуюся армию чиновников (тридцать миллионов человек с семьями) равномерно распределить по отдаленным районам страны. Причем сделать это насильно, используя армию. Население Москвы благодаря этому сократится вдвое, и будет решена жилищная проблема. А всех иностранцев перевести в новую столицу Ленин, в результате чего они не смогут общаться с населением и дурно влиять на него. И сведения не смогут собирать. В третий раз он принес проект новой структуры власти. По этому проекту отменялись советы, профсоюзы и комсомольские организации. Все их функции передавались особым отделам при райкомах и обкомах партии. По его подсчетам благодаря этой реформе высвобождалось еще двадцать миллионов населения, которое тоже могло быть использовано для освоения Сибири. Потом он предложил ликвидировать семью, сдавая детей государству. Тем самым, по его подсчетам, можно высвободить еще... Наконец, он подловил меня по выходе из института и шепнул, что он хотел бы обсудить со мною проект реорганизации Органов Государственной Безопасности. Я шепнул ему в ответ, что придерживаюсь на этот счет самой радикальной точки зрения: эти органы надо ликвидировать. Он шепнул, что согласен со мной, но считает, что их надо уничтожать путем всемерного укрепления. Я спросил, как он это мыслит кон-

кретно. Он сказал, что мыслит это в виде поголовного вступления всего населения в Органы. Всех не примут, сказал я, у них строгий отбор. Он захихикал: он нашел способ обвести Их вокруг пальца, чтобы Они сами не заметили, как все... буквально все, без исключения...

Послание Качурину

*Ответь, куда идешь-бредешь,
Роня перхоть с влас невытых?
Остановись! Не знаем мы тут,
Какой должна быть молодежь.
Л омай отжившее! Пора!
Яви нам высшую науку!
Взгляни, с ней вместе тянут руку
Из КГБ инструктора.*

Философское спокойствие

К чему слезы и негодование, говорит Он. Относись ко всему с философским спокойствием. Трудно? Ерунда. Это только с непривычки. Хочешь, я тебя научу, как добиться этого? Представь себе, ты смотришь на некую Планету и видишь на ней полчища живых существ. Вот ты видишь, например, как одна армия этих существ (обозначим ее А) напала на другую армию существ (В) и уничтожила ее. Что ты переживаешь по сему поводу? Верно: ты констатируешь, что А напали на В и уничтожили последних. Ты, далее, наблюдаешь жизнь А. Видишь, что они неоднородны. Некоторые из них (С) получают больше жизненных благ, чем другие (Д), и эти блага у них лучше. Что ты скажешь по этому поводу? Существа С живут лучше, чем Д. Продолжать? Хорошо, умолкаю. Это очень простой и общедоступный прием. Но применять его надо систематически, ежедневно и ежечасно. Главное, подчеркиваю, не надо персонифицировать происходящее. Видишь, например, прекрасную дачу, констатируй с удовлетворением: некоторые существа материального мира имеют прекрасные дачи. Видишь, присвоили звание маршала партийному боссу, опять-таки констатируй с удовлетворением: у этих существ материального мира принято присваивать высшие воинские звания высшим партийным руководителям. Видишь, академику Канарейкину присвоили звание Героя Социалистического Труда и дали Ленинскую премию, снова констатируй и констатируй: среди существ материального мира в данной области пространства принято награждать высшими почестями самых подлых, самых глупых и невежественных негодяев. Поверь моему жизненному опыту, три-четыре года такой тренировки и тебе будет в высшей степени безразлично, кого избрали в академики, кому присудили докторскую степень, чью книжку напечатали, кому дали квартиру, кого выпустили за границу... И, кто знает, может, премию к празднику подкинут рублей двадцать пять, может зарплату повысят на пятерку, может, соцстраховскую путевку дадут в дом отдыха на двенадцать дней...

Ты прав, говорю я. В общем-то я к этому и тяготел подсознательно. Но для философского спокойствия нужен какой-то прожиточный минимум. Вот,

например, у меня ботинки износились, надо новые покупать. Приличные ботинки стоят... Сам знаешь. Сам в дерьмовых ходишь? Ну и ходи. Тебе можно, ты уже стар. А я еще молод, для меня еще играет некоторую роль, во что одеваться. И брюки у меня, между прочим, на ладан дышат. А знаешь, сколько... И есть тоже хочется. Хочется подарок любимой женщине... Не смейся, пожалуйста, я честно говорю!.. В ресторан ее сводить. В театр. А в театр в таком рванье идти не очень-то приятно. А главное — книги. В магазинах хорошие книги не купишь, а на «черном рынке»... Обходиться без книг? Но ведь я уже испорчен, меня к культуре тянет. А самому выдумывать — долго ли протянешь?!..

С тобой бесполезно спорить, говорит Он. В таком случае — в бой! Будь с теми, кто убивает и вылезает вверх! Чего тебе стоит защитить диссертацию? Напиши бездарную муть, и пропустят без звука. Кстати, тебе Некто намекал что-то насчет «редакторской работы» над его рукописью. «Отредактируй» и будешь кандидатом и старшим. И квартиру получишь. И будут тебе новые штаны. И колготки сможешь подарить любимой женщине. Глядишь, и за границу съездишь.

Намек был такой, говорю я. И я его обдумываю. Попробуй, сохрани философское спокойствие в такой ситуации! Знаешь, что со мной будет, если откажусь? То-то и оно! Нет, брат, философское спокойствие — это не для нас. Это для пенсионеров.

Послание Тормошилкиной

*Умнее ты, бесспорно, всех
Дурейших дур из института.
И выдающийся успех
Тебе предуготовлен тута.
Удел свой каждой твари дан.
Кому — ползком, кому — крылато.
Гори, гори Брунб Джордан!
Расти, расти, моя зряплата!*

Восток и Запад — Знаешь, в чем главное различие Западной и Восточной, т. е. нашей, цивилизаций? — говорит Восточник. — В том, что Запад — лезущая вверх цивилизация. Потому он держится на всякого рода подпорках. Мы же — падающая вниз цивилизация. Нам нужны не подпорки, а лишь дырки. И потому дни Запада сочтены. Выигрываем в чем-то мы — вышибаем какую-то подпорку у Запада. Выигрывает Запад — сам из-за этого теряет подпорку. Для меня потому нет проблемы: Восток или Запад? Для меня потому сеть проблема: как жить, когда на всей планете останется один сплошной Восток.

— Для меня, — возражает Западник, — «Восток» и «Запад» суть понятия социальные, а не географические. Борьба Востока и Запада идет как на Западе, так и у нас. Вот ты говоришь, что для тебя проблема — как жить в условиях всеобщего Востока. А это означает проблему: как сохранить хотя бы крупицу Запада в будущем всеобъемлющем Востоке.

— Чушь! Не сохранить кусочек Запада, а изобрести островки Сверх-Востока! Есть лишь одно средство выжить среди мерзавцев: стать самому сверхмерзавцем.

Я живу, как Бог Тебе грех жаловаться, говорит Он. Ты живешь, как Бог. Ты хотя бы не голодаешь, не мерзнешь, комнатку отдельную имеешь. И ботинки починить еще можно. И штаны еще полгода проносишь запросто. И женщина у тебя есть. А хочешь знать, как я жил в твои годы? Спал на стульях, о подушке и простынях не мечтал; резиновую подошву прикреплял медной проволокой, еле до вечера дотягивал; брюки... Посмотрел бы ты на мои брюки! Я проявлял чудеса изобретательности, чтобы их заштопать. И я был вечно голоден. И о женщине даже думать не смел. Женщины являлись мне лишь как видения, вызывая неизъяснимую тоску. А ведь я был недурен собой, во всяком случае — не хуже тебя. И знаешь, чем, бывало, я занимался бессонными ночами? Сидел на бульваре, дрожа от холода и голода, и сочинял стихи о... Сталине! И плакал от умиления! Я его любил!!! Ну и болван, говорю я, нашел кого любить! Тебе этого не понять, говорит Он. Я был тогда счастлив. А ты счастлив никогда не был и не будешь. Лучше быть таким несчастным, как я, говорю я, чем таким счастливым, как ты. Ошибаешься, говорит Он. Счастливым быть всегда лучше, чем несчастным. Сомневаюсь, говорю я. Вот, например, у нас в институте выдали на весь здоровый коллектив в этом году две трехкомнатные квартиры, две двухкомнатные, одну однокомнатную и три комнаты «за выездом». Барабанову дали трехкомнатную квартиру, Смирняшеву — двухкомнатную, а одному младшему научно-техническому сотруднику — комнату в старом доме в коммунальной квартире. Смирняшев глубоко несчастен, ибо считает себя выдающимся ученым, тогда как Барабанов — выдающийся кретин. Младший научно-технический безумно счастлив. Но, думаешь, Смирняшев согласился бы поменяться с ним ролями? Ни под каким видом! А ведь этот Смирняшев обречен всю жизнь быть несчастным. В быту его обошел Барабанов. А в науке, и это общезвестно и верно на самом деле, Учитель на десять порядков выше его. И все же... Понимаю, говорит Он. Но это не опровергает мое утверждение. Просто люди чаще предпочитают некоторые формальные признаки жизненного успеха реальному счастью. Судя по всему, мы вообще стремимся к благополучному, но глубоко несчастному обществу.

Страшный сон Мне приснился жуткий сон, будто меня понизили в должности. Меня нельзя понизить, сказал я, так как должности ниже моей вообще не бывает. Это в реальности не бывает, сказали мне, а во сне все наоборот. Во сне и карьере делают в обратном порядке. Генсеку, например, недавно приснился сон, будто его понизили до секретаря партбюро вашего института, а на его место посадили параноика Смирняшева. Представляешь, что он (Генсек) должен чувствовать при этом?! Между прочим, в должности тебя понижают по указанию самого нового Генсека Смирняшева. Теперь твой чин — Младшее Ничтожество. В следующем сне тебя понизят в Старшее Ничтожество, потом — в Младшую Ничтожность,

потом — в Старшую Никчемность, потом — в Ничтожную Никчемность, потом — в Никчемную Ничтожность, потом... В общем, поздравляем с успешно начатой карьерой! Когда я проснулся и ощутил себя в качестве МНС, я заплакал от радости.

Социальное развитие коллектива

Зашел Сосед. Уже на взводе. Бросил на стол газету. На, читай, сказал он и плюхнулся на кровать. Это — про наш завод. Обсмеешься! Я взял газету. Во всю страницу — статья «Социальное развитие коллектива». Читай, читай, сказал Сосед. Это про нас. Упишешься от хохота! Я стал просматривать статью. Вроде ничего особенного — обычное вранье и бахвальство. Ты дальше, дальше, настаивал Сосед. Вот отсюда — видишь, раздел «Психологический феномен». Что такое феномен? Хотя все равно вранье. С первых дней на заводе работает лаборатория физиологии и психологии труда, где заняты психологи, социологи и физиологи, начал я. Верно, сказал Сосед. Куча паразитов. Только ласы точат. И под ногами болтаются. Главная цель лаборатории, продолжал я, исследовать влияние условий труда на организм людей, установить динамику утомляемости в течение рабочего дня... Ха-ха-ха! — засмеялся Сосед. Стимуляция работоспособности организма, читал я... Функциональная музыка... Белково-витаминный коктейль помогает организму... Ой, подохну, заливался Сосед. Ха-ха-ха! Медико-биологические и психофизиологические критерии, читал я. Ха-ха-ха, закатывался Сосед. Ой, не щекочите меня! Система социальной информации, продолжал я. Моральное стимулирование... Моральная оценка коллективом индивидуального вклада рабочего... Грамоты, дипломы, вымпелы... Ой, мамочка, хрипел Сосед, задирая кверху ноги. Ой, умру! Почетные звания, продолжал я, каждому званию соответствуют свои символы морального поощрения... Ой, помогите, стонал Сосед. И я не на шутку встревожился за его состояние. Бросил газету, побежал за водой. Нет, ты до конца дочитай, прошептал он, отпив воды. Оригинальные средства морального поощрения, читал я, с тревогой поглядывая на молча трясущегося Соседа. Заводской вымпел имеет прямоугольную форму и фиолетовый цвет. Вымпел производства — зеленый пятиугольник, на котором вкраплены изящные... Такую грамоту приятно показать дома друзьям, гостю из другого города. Этот дорогой документ удобно хранить... Ты не хочешь посрать, просипел наконец-то отошедший Сосед. Если хочешь, я тебе дам подтереться этим дорогим документом. Только это не очень удобно... А ну их!... Пойдем ко мне, у меня немного еще осталось.

После того, как мы с Соседом осушили начатую им бутылку и добавили еще одну (я сбежал), я вернулся в свою комнату и от нечего делать опять взял газету. И к своему величайшему изумлению обнаружил, что у нас в некоторых крупных магазинах существует... психологическая служба! Потом из этой же статьи я узнал еще более потрясающую новость: у нас в магазинах все основывается на полнейшем доверии, двустороннем и уважительном. Я не помню случая за многие годы, чтобы наш работник унизил кого-либо недоверием, даже намеком, взглядом. Плюнь на эту галиматью, сказала Второе Я. Не от хорошей жизни эти говнюки

хватаются за социологию и психологию. Когда все вынуждены воровать и хамить, когда нечего жрать, когда приличную вещь нельзя достать без связей, то самой лучшей компенсацией дефицита хорошего является безудержный треп о достижениях современной науки и о внедрении их в производство.

Послание Смирняшеву

*Спрячь указующую руку!
Беззубым отдых дай устам.
Вершины нонешней науки
Сияют, но отнюдь не там.
О, перестань твердить упрямо
Одну и ту же дребедень!
Вверх не ведет пустая яма,
Нельзя догнать ушедший день.
Нас не сверли так гневно взглядом,
Приход-уход не сторожи!
Ведь нам не память внуков надо,
А лишь бы чуть терпимей жить.
Плюнь на науку. Кинься рьяно
Винные пробки открывать!
И, как обычно, в стельку пьяный
Спокойно блюй себе в кровать!*

Мои размышления

И потому не Бога, а Дьявола зову я на помощь. В чем помогать мне? Хотя бы в том, чтобы убить. Нет, не убогую старушку-ростовщицу. Это была идея прошлого века. В наш век надо брать выше: убить, допустим, Генсека или Шефа КГБ. Какая разница, скажете вы? С точки зрения пользы обществу Генсек ничем не превосходит старушку-ростовщицу. Верно. Зато с точки зрения зла он превосходит ее неизмеримо. Но убийство Генсека не принесет обществу добра больше, чем убийство старушки, скажете вы? Тоже верно. Более того, убив Генсека, я не уменьшу зла в обществе. Но убийство старушки есть просто убийство с целью ограбления, а убийство Генсека — историческое событие и геройство. Так, значит, тщеславие, скажете вы? На сей раз вы ошибаетесь. Тщеславие, возможно, тут есть. Но оно тут есть лишь нечто производное или средство. А главное тут в том, что, убивая старушку, ты теряешь свое личностное начало, а убивая Генсека, ты становишься личностью. Я имею в виду вовсе не известность и место в истории, т. е. в памяти человечества. Тут речь идет о самозащите твоего «я». В лице Генсека ты убиваешь самую идею растворения твоего «я» в безликой вонючей луже дерьма, именуемой «мы», постоянную угрозу покушения на твое «я». Может быть, я не очень точно и определенно выразился, но суть дела запрятана где-то в этом районе.

Откровение Я прожил довольно долгую жизнь, Он говорит. Я много размышлял и обрел некоторую ясность в понимании многих вещей. Но мое понимание, оказывается, тут совсем никому не нужно. Люди не заинтересованы в ясности. Они предпочитают запутанность, мутность, неопределенность. Так что результаты моих раздумий пропадут вместе со мной. Мне их некому передать. Если хочешь, я мог бы тебе кое-что оставить. А зачем мне твоя мудрость, говорю я, если мне свою некуда девать. Тебе директор, кажется, какое-то предложение сделал, говорит Он. Ты мог бы мои познания использовать для него. В конце концов, какое имеет значение, кто автор тех или иных идей?! Ничего не выйдет, говорю я. Руководитель группы, которая будет писать книгу директора, не пропустит не то что твою, но даже мою жалкую премудрость. Ему же нужно на уровне классиков писать. А что это за уровень, ты сам знаешь. Уровень, конечно, даже для своего времени был примитивен, говорит Он. Но может быть, сумеешь протащить кое-что? Нет, говорю я. Об этом и думать не стоит. Чуть какую-нибудь протащить можно. Но умные вещи они замечают сразу. На умности у них партийное чутье. Понять не поймут, но сразу почуют. Жаль, говорит Он. Знаешь, я готов написать толстую книгу и отдать авторство кому угодно, лишь бы «автор» напечатал ее в том виде, как я ее сделаю. Ты идеалист, говорю я. Авторство Они охотно присваивают. Но Они как-то ухитряются все, воруемое у других, приводить к виду, адекватному им самим. Но если уж ты так хочешь высказаться, говори. Я постараюсь слушать. Но если усну со скуки, не обижайся. Привычка. Я половину лекций в университете проспал.

Реформатор — Я тебе сейчас изображу социальную структуру нашего общества, — говорит Реформатор. — И ты поймешь, почему тут всякое оппозиционное движение обречено на провал. Я тебе изображу крайне упрощенную схему. Реальность куда сложнее. Смотри! Наше общество можно разделить на три слоя — высший, средний, низший. Высший слой — всякого рода номенклатура — центральная, республиканская, областная, районная. Это — чины партийного и государственного аппарата, руководители всякого рода союзов и обществ, а также непосредственное их окружение. Средний слой — средняя и мелкая интеллигенция и служилый люд. Низший слой — рабочие и крестьяне, всякая подсобная и исполнительская мелкота из сферы обслуживания и т. д. Каждый слой, в свою очередь, можно разделить, по крайней мере, на три подслоя. В численном выражении: высший слой — тридцать миллионов (с семьями), средний — семьдесят, низший — сто пятьдесят. Тридцать миллионов — это целое государство в государстве. Они могут своими внутренними силами воспроизводиться, допуская лишь ничтожное пополнение из других слоев. В материальном отношении картина тут довольно пестрая. Например, высший подслой низшего слоя более обеспечен, чем средний и низший подслои среднего слоя и даже чем низший подслой высшего слоя. В каждом слое можно выделить часть, обладающую привилегиями совсем в другом разрезе. Например, мастера и рабочие — ударники низшего слоя, учителя привилегированных школ, портные из ателье для высших слоев, рабочие из обслуживающего верхи персонала и т. п. В этом

разреze примерно шестьдесят миллионов человек живут у нас прилично, половина из них — хорошо, а половина половины — превосходно. Можно, далее, рассматривать структуру общества с точки зрения легкости труда, свободного времени и т. п. И опять-таки установить свои численные отношения. В результате общество оказывается скрепленным удобствами жизни для той или иной части населения в самых различных планах. Так что даже не принимая во внимание органы подавления и надзора, можно обнаружить совершенно очевидную незаинтересованность всех слоев общества в постоянной, широкой и преемственной оппозиции. Что остается? Только одно: реформы!

— Но в таком случае и реформы безнадежны, — говорю я. — Если у нас такая жесткая структура, то всякие улучшения будут угрожать ее существованию.

— А разве реформа обязательно улучшение? И вообще, что значит улучшение или ухудшение? Например, если отменить специальные закрытые распределители для номенклатуры, улучшение это будет или ухудшение? С точки зрения низов — вроде бы улучшение. Но номенклатура свое возьмет другими, нелегальными средствами, и будет еще хуже.

— Так зачем же тогда реформы?

— Как зачем?! Что-то надо же делать! Мощь государства. Престиж. Оборона. Западу нос утереть надо. Экономия. Ты меня удивляешь! Задача реформ — сделать явными все наши отношения, легализовать, упростить, исключить ненужное, сократить непроизводительные траты и т. п. Вот я подсчитал, сколько людей можно высвободить и направить в отдаленные районы страны, на великие стройки коммунизма, если...

Послание Соседу

*Угомонись, молю, сосед!
Не я виновник твоих бед.
Раскнижь мозгами, разве я причина,
Что пусто в продуктовых магазинах?
И разве я виновен в том, а не верхушка,
Что ты с семьей ютишься в тесной комнатухе?
Иль по моей вине, работая вдвоем с женой,
Не можешь жизнь устроить дочери одной?
Из-за меня не можешь получить толковое лечение?
Из-за меня ни отдыха веселого, ни развлечения?
А кто тебе навязывает с тайным постоянством
Веселие Руси — безудержное пьянство?
За что же в случае таком
Меня ты кроеешь матюком?*

Логик Скоро художественной литературе конец, говорит Логик. Это почему же, возмущаюсь я. Очень просто, говорит он. Теперь с помощью вычислительных машин можно высчитать все комбинаторные возможности человеческой психологии и общественных ситуаций с конечным числом участников, а значит — все возможные сюжеты, монологи, диалоги, характеры

и прочие элементы творчества. Между прочим, их не так уж много. Не случайно же писатели постоянно повторяются, воруют у собратьев по перу и предшественников. Вариации, конечно, есть. Но они касаются второстепенных пустяков (имена, цвет глаз, возраст, рост, национальность, профессия), а не сути дела. Если бы я занимался литературоведением, я и без машин вычислил бы все типы литературных героев и ситуаций с ними. Советую тебе заняться этим делом. Бесполезно, говорю я. Во-первых, не поймут. Во-вторых, мутный литературный поток этим не остановишь. А зачем его останавливать, говорит он. Если хочешь, чтобы его не было, игнорируй его. Не поймут — это хорошо, ибо, если поймут, литературный поток будет во сто крат сильнее и мутнее. Тогда любая бездарь будет сочинять лучше гениев. Я тебе советую заняться этим делом совсем для других целей. Вычислив все логически возможные варианты, ты убедишься в том, что среди них нет твоего. Почему? Да потому, что он логически невозможен. А что отсюда следует? То, что тебя нет, говорю я. И он немедленно умолкает и испаряется.

Ответ Соседа

*Закон есть жизненный такой,
Младенцам даже это ясно:
Срываем зло на тех, кто под рукой,
И бить которых безопасно.
Зла лично на тебя я не держу.
Пошли, на пару поллитровку вдарим!
Меня ты уважаешь, я тебя спрошу,
А хочешь, я влеплю тебе по хारे?!*

Академик Петин задумал новую книгу

Академик Петин — фигура в нашей философии легендарная и символическая. Не имея даже среднего образования, он в свое время попал в Институт Красной Профессуры (ИКП), выдвинулся там как один из активнейших сталинистов, стал академиком, занимал при Сталине крупные посты. После смерти Сталина некоторое время казалось, что его привлекут к ответу за плагиат и за доносы, но он ловко выкрутился и удержался, правда — на постах на две-три ступени ниже (редактором журнала, председателем общества). Затем снова поднялся на ступень повыше — стал директором института. О безграмотности Петина до сих пор ходят анекдоты. Например, ему приписывают изречение, что Гегель одной ногой стоял в прошлом, а другой приветствовал будущее. Всем известно, что Петин не способен сам написать ни одной страницы. А между тем он печатал книгу за книгой. И книги не хуже других. Теперь он задумал эпохальный труд объемом в пятьдесят авторских листов — обобщение достижений естествознания на современном уровне, новую «Диалектику природы». В философских кругах все, от мала до велика, смеются над этой претензией Петина. Один только Учитель сказал, что не видит в претензии Петина ничего особенного, ибо «Диалектика природы» Энгельса — бред сивой кобылы, и создать нечто подобное на базе совре-

менного естествознания — под силу только такому дегенерату, как Петин. Но его никто не понял.

Петин несколько раз намекал мне, что он не против моего участия в подготовке его книги в качестве «научно-технического» сотрудника, но с последующей перспективой. Я делал вид, что не понимаю его намеков. Теперь же Трус на заседании сектора прямо заявил: нам надо одного младшего сотрудника выделить в распоряжение директора. Все поглядели в мою сторону. Смирняшев предложил мою кандидатуру, сказав кучу лестных слов в мой адрес. И судьба моя была решена. Заведовать директорской спецгруппой назначили Барабанова. Барабанов сказал мне, что нам предстоит серьезная задача, и я должен отнестись к ней с полной серьезностью. И поручил мне логический аспект будущей книги Петина.

Бунт Я Сегодня мои Я взбунтовались: довольно, заорали они хором, болтаются нам на вторых, третьих, десятых, двадцатых и далее ролях! Хотим играть первую скрипку!!

— Отныне я буду Железным Феликсом, — сказала Второе Я.

— А я Генсеком, — пропищало Седьмое Я.

— Я Сталиным, — прохрипело Пятнадцатое Я.

— А я Лениным, — завопило Пятидесятое Я.

— А я Марксом...

— Я...

— Я...

— Я буду Берием, — проскрежетало Я с шестизначным номером.

— Хватит с нас одного Железного Феликса, — запротестовал Ленин. —

Они вдвоем тут такого натворят! Всю квартиру трупами завалят!

— Не Берием, а Берией, — поправил кто-то.

— Бериею.

— Болваны, — сказал спокойно Сталин. — Грузинские фамилии не склоняются. Вот, например, Джугашвили.

Я встретил (кого?) Джугашвили.

Я дал по морде (кому?) Джугашвили.

Я хочу быть (кем?) Джугашвили.

Так и с Берией... Тьфу, с Берия. Но в принципе без Берии... Тьфу, без Берия никак нельзя. А Железного Феликса мы уберем.

— Я сам тебя уберу, — сказал Железный Феликс. — Или отправлю на Черемушкинский рынок лавровым листом спекулировать.

— Теперь время не то, — захныкал Сталин. — Я же хочу в соответствии с историей.

— Тихо! — крикнул я. — А я кем буду?

— Пролетариатом, — сказал Железный Феликс.

— Нет теперь пролетариата, — сказал Маркс. — Был, да весь вышел.

И диктатуры пролетариата, увы, тоже нет. И не будет.

— Пусть будет трудовым крестьянством, — сказал Ленин.

— Я всегда знал, что ты — кретин, хотя и уверял всех, что явля-

юсь твоим учеником, — сказал Сталин. — О каком трудовом крестьянстве ты толкуешь? Когда ты был последний раз в деревне? А я только что оттуда. Рассказать — обсмеетесь, братцы. Колхозники, конечно, в колхозе не работают. Копаются на своих участках и промышляют, кто как может. И не получают в колхозе, конечно, ничего, т. е. ни ... . Но им на это и наплевать. Они живут себе. Живность разводят. Самогонку гонят. Хлеба нигде нет, а моей хозяйке какой-то забулдыга привез на машине целый ворох зерна. Часть — на самогон, часть — скотине. И, представьте себе, строятся! Где берут строительные материалы? А там же, где зерно. Там километрах в двадцати какая-то Великая Стройка коммунизма идет. Так машины со стройматериалами сначала едут «налево», по деревням, а лишь то, что останется, везут на стройку. И пьянство жуткое идет!

— Значит, пусть будет трудовой интеллигенцией, — сказал Железный Феликс, — прослойкой, так сказать.

— Не хочу быть прослойкой, — возразил я. — Между кем и кем прослаиваться? Гоните что-либо более актуальное.

— Чего мудрить, — сказал Маркс. — Пусть будет трудящимся. Или просто народом. Мы же кем-то руководить должны! Кем? Естественно, народом.

— Всем прогрессивным человечеством!

— Ну, на это у тебя кишка тонка! Пусть будет простым народом.

— И ты согласился? — спросил Он. — Ну и дурак! Они тебя теперь изнасилуют, расстреляют, посадят, сошлют, уморят голодом. И еще благодарить заставят. Я этих подонков знаю!

— Ты же сам призывал меня к мудрости, — сказал я. — Пусть потешатся. Все равно от этой мрази скоро останется лишь неприятное воспоминание.

— А ты не думаешь, что они сначала уничтожат всех, кто способен иметь неприятные воспоминания?

Послание Зайцеву

*Что трус из принципа ты,
каждому известно.
И в том признание твое,
бесспорно, честно.
Но будет нам
и вовсе хорошо,
Когда к итанам своим
пришьешь ночной горшок.*

Восток и Запад — Критики нашего общества, — говорит Западник, — не понимают одной тривиальной с точки зрения методологии науки вещи, а именно — того, что суть общества проявляется прежде всего в том, что считается в нем нормальным, обычным, принятым, допустимым. И лишь затем, во вторую очередь суть общества проявляется в крайностях, в из ряда вон выходящих случаях, в отклонениях от нормы. Причем эти отклонения должны быть поняты как от-

клонения от некоей нормы, т. е. в интересах понимания этой нормы, а также с точки зрения реакции на них общества, т. е. опять-таки с точки зрения нормы. Вот и надо начинать сравнение с того, что здесь и там считается нормой. Возьмем, к примеру, гражданские свободы...

— Возьмем, — говорит Восточник. — Ты думаешь, на Западе нет запретов? Есть! Представь себе, наш диссидент эмигрировал на Запад, допустим — в Испанию. Хотя, честно говоря, его туда не пустят, там теперь очень любят нашу страну и диссидентам не верят. Но допустим, он туда приехал. Причем, с собственным быком. Быка ему агенты ЦРУ по благу в «Березке» купили. Приехал диссидент в Мадрид и потребовал, чтобы ему дали возможность заколоть быка на глазах у ошалевшей Испании. Как ты думаешь, позволят ему это или нет? То-то! А ты говоришь — свобода!

Ответ Зайцева

*Горшок — оно вполне гигиенично,
Но класть в штаны,
установил я лично,
Для нас, интеллигентов,
во сто раз сподручней.
И вне сомненья,
во сто крат научней.
Горшок — где с ним пристроишься
в житейской тесноте?
К тому ж — амбре не то
и ощущения не те.*

Высокая честь Меня попросили зайти в партбюро. Секретарь, улыбаясь от уха до уха, встал мне навстречу, пожал руку, предложил сесть. Вам, сказал он мягким и добрым голосом, выпала большая честь. Институту предоставили три места для вступления в кандидаты в члены партии. Мы посоветовались и решили одно место предоставить вам. Так что будем вас готовить... Вы должны понять... Вы должны проникнуться... Вы должны принять... Вы должны... Вы... Целый час он ворковал, что я должен. А я сидел, как обосра..й. Вступать в партию мне ужасно не хотелось. Но и отказ в таком случае, когда за тебя уже решили, что ты достоин, был равносильен безнадежному падению. А опускаться ниже того жалкого уровня, на каком я пребывал, мне тоже не хотелось. Странно, думал я, пока секретарь ворковал мои обязанности, с одной стороны, меня устаивают чести быть предназначенным для... а с другой стороны — ставят под неусыпный надзор СГУ. С одной стороны, меня поносят как нерадивого сотрудника в секторе, а с другой — этот же сектор выделяет в директорскую группу как образцового сотрудника. Очевидно, моя причастность к директорскому труду начинает давать о себе знать, и первым вознаграждением за это (аванс?) является честь быть допущенным в ряды и т. п. И что мне оставалось делать? Кивать головой, когда в секретарской речи звучали вопросы или восклицания.

Сейчас условия приема в партию очень строгие, сказал Секретарь. Так что советую припомнить историю КПСС. Конечно, газеты надо регулярно читать. Но вы, конечно, это делаете. Вы же руководитель пропагандистского кружка!

Когда я вышел из партбюро, в коридоре наткнулся на Тваржинскую. Она поймала мою руку, с чувством пожалала ее, сказала, что она поздравляет меня, что рада за меня, что я достоин, только несколько флегматичен, но что это пройдет, что побольше боевитости... Покинув институт, я напился до бесчувствия. Ну что, брат, сказал мне Он, когда я осознал себя лежащим на кровати дома, — влип? Да, дела!.. Надо как-то изловчиться и уклониться, иначе тебе капут.

Работать по-ударному Претворяя в жизнь исторические решения, в обстановке высочайшего политического и трудового подъема проходят митинги и собрания, на которых трудящиеся выражают единодушное стремление обеспечить успешное выполнение грандиозных задач и внести свой весомый вклад в достижение новых высоких рубежей, — так сказано в передовой статье «Работать по-ударному» в газете «Правда». Или в какой-то другой газете, а в какой именно — роли не играет, ибо у нас, как считает дочка Соседа, все газеты суть «правды». Для нее слово «правда» есть синоним слова «газета». Она так и говорит: «правда «Известия», «правда «Красная Звезда» и т. п. Отец говорил, что я, когда был маленьким, все памятники называл «лениным». Подобно дочке соседа, я говорил: ленин Маяковский, ленин Горький, ленин Маркс. Взрослые потешались (говорил отец) и совсем не замечали трагического оттенка в таких детских обобщениях. А когда я был маленьким и подавал надежды, говорит Он, я говорил, что буду «Сталиным», когда вырасту. Я этим хотел сказать лишь то, что буду знаменитым, а вовсе не то, что хочу стать Генеральным Секретарем. Я о такой должности вообще тогда еще не знал. И очень многие мои сверстники тоже собирались стать «сталинами». К чему это привело, сам знаешь. Но я вовсе не хотел стать «Лениным», возражаю я. Это ничего не значит, говорит Он. Сознание все равно загнано в определенные жесткие рамки.

Направление умов Когда я хожу по улицам, я редко смотрю по сторонам и вверх. Я обычно смотрю под ноги. Почему? Потому что хочу найти пачку денег. Вот так. Иду, и вдруг под ногами сверток. Наклоняюсь, поднимаю. Деньги! Огромная сумма. Кто-то уронил. Или, вернее, какой-то крупный грабитель или спекулянт, спасаясь от милиции, бросил этот сверток. Для него сто-двести тысяч пустяк, а для меня... Я смогу отремонтировать комнату, сменить мебель (если мое барахло есть мебель!), подкупить белья, обновить одежду, зубы починить, съездить на курорт. И выпить. И моим женщинам подарочки сделать. Вот обрадовались бы! Родителям кое-что «подбросить». В конце концов долги отдать. Да мало ли что я мог бы сделать на эти денежки! Мысль об ограблении мне в голову не приходит. Те, кого я мог бы ограбить, больше трешки в карманах не держат. А те, у кого есть денежки, сами

способны ограбить тебя до последних подштанников. А найти — это безопасно и почти непреступно. Тем более такой сверточек может обронить только преступник. Потому я и хожу сгорбившись и глядя под ноги. Но кроме пустых пачек от сигарет, обрывков газет и использованных билетов всякого рода, я ничего пока еще не нашел. Навное ты существо, говорит мне Логик. Ты думаешь, ты один такой? Все, передвигающиеся на своих двоих, ищут такой сверточек. Так что если бы он где-нибудь валялся, нашелся бы другой такой же мудрец, который опередил бы тебя. Знаешь, какова вероятность того, что ты найдешь такой сверточек? Ноль целых, запятая, затем ряд нолей, опоясывающий миллиард раз Галактику, и в конце этого ряда единичка. Ищи!

Сердечная беседа — Если уж ты за газеты взялся, — говорит Маршал Жуков, — то в «Красную Звезду» не грех заглянуть. Вот в сегодняшнем номере любопытный материальчик есть. Называется «Сердечная беседа». Читай!

— Во время подготовки к семинарскому занятию, — начал я читать, — у одного из молодых офицеров не оказалось необходимой литературы. Минут двадцать по штабу разносился возмущенный раскатистый бас заместителя командира полка по политической части подполковника... Каких только упреков не было им высказано в адрес лейтенанта: мол, и бездельник он, и безответственный из безответственных, и зачем только погону носит. В конце концов политработник выставил лейтенанта за дверь. Объявив строгий выговор, разумеется. Ну и что?

— Как, ну и что?! Во-первых, как посмели такой материал в газете публиковать?! Это же подрыв дисциплины! Во-вторых, я всегда настаивал на том, что политруков надо в шею гнать из армии.

— Ну уж извини. Вы в армии без политруков будете баклуши бить, а мы тут за вас отдувайся?! Это нечестно. Политические помои должны быть равномерно распределены по всему населению. Пусть все жрут поровну! Теперь послушай, что я тебе прочитаю. «Вдохновенно, с полным напряжением сил трудится советский народ над воплощением в жизнь исторических предначертаний... Неизменно следуя ленинским курсом партии, советский народ добивается новых и новых успехов на всех направлениях коммунистического строительства... Трудовой энтузиазм миллионов, их славные дела и высокая политическая активность — лучшее свидетельство всенародной поддержки политики партии, которая ведет наше общество ленинским курсом, освещает путь к коммунизму немеркнущим светом ленинских идей...» Эй-эй, куда ты?

— Типичный солдафон, — сказал Ленин, возникший на месте исчезнувшего Жукова. — Ему, видите ли, свет моих идей не нравится! А кому он нравится?! У меня у самого от него душу воротит. Хочешь анекдот? Буденный, как известно, после провала в Военной Академии поступил в ЦППШ. На выпускном экзамене ему попался вопрос об отношениях Советского Союза с Индией. Он, конечно, ни в зуб ногой. Экзаменатор ему наводящие вопросы задает. Что ввозит Советский Союз из Индии? Молчок. Ну, подумайте, что Вы по утрам пьете? Как, удивился Буден-

ный, неужели огуречный рассол тоже ввозят из-за границы?! Ха-ха-ха! Правда, смешно?

— Пошел вон, — сказал я. — Мне завтра беседу проводить у подшефных строителей, а вы тут балаган разводите. «По-ленински мудро подходит наша партия к решению встающих перед нею международных проблем... Претворяя в жизнь исторические решения... Широко развернули социалистическое соревнование за достойную встречу... Правофланговые в социалистическом соревновании... К новым рубежам... Дружба, проверенная временем... Сговор милитаристов... Маневры расистов... Происки сионистов... Претворяя в жизнь...»

Утопии

В рабочие дни я неспеша просыпаюсь, некоторое время лежу с закрытыми глазами, стараясь припомнить, не натворил ли я чего-нибудь скверного вчера, затем некоторое время лежу с открытыми глазами, раздумывая над тем, не пора ли мне начать приводить себя в порядок и заняться утренней зарядкой по всей форме. С приседаниями. С выдохами-выдохами. С душем. Холодным? О нет. Ни в коем случае! Только через мой труп! Я ошупываю те места, где по идее должны быть бицепсы. Делаю это с полнейшим презрением к самому себе, ибо на этих местах не обнаруживаю того, что там по идее должно быть. Надо гантели купить, говорю я себе тоном приказа. А то в наше время без бицепсов пропадешь ни за грош. Будь у меня приличные бицепсы, я бы этого хмыря, что вчера прицепился ко мне, одним мизинцем придавил бы. На место поставил бы. А то (стыд какой!) еле отделался от него. Чуть было бороды не лишился. И мужичонка-то хлипкий. А вот вцепился в бороду, не оторвешь. Нет, довольно! Надо гантели покупать. После получки, конечно. Сколько я задолжал? Да, в этот раз не выйдет. Ну, в следующую получку. И чего он ко мне прицепился? Жидом обозвал. Это я-то жид?! Орал, чтобы в Израиль убирался. Что таких давно пора к стенке ставить. О, Господи! Кошмар какой-то. И паразитально, прохождение только усмехались. И никто не вступился за меня. Довольно! Гантели! Бицепсы нужны! И приседания! И... Нет, обойдемся без душа. Тем более соседка вечно заваливает ванну грязным бельем.

Поразмышляв некоторое время подобным образом (с открытыми глазами, ибо если закрою глаза — пиши заранее объяснительную записку о причинах опоздания!), я не спеша встаю с кровати. Именно с кровати, а не с тахты или с дивана. Эта кровать перешла мне в наследство от бабушки, — железная, с железной сеткой, перевязанной в местах разрыва электрическим проводом, с тюфяком, наполненным комками ваты, твердыми, как бильярдные шары. А главное — ужасно скрипучая, даже звенящая. Когда ко мне приходят мои дамы, это обстоятельство их сначала повергает в ужас, — соседи, мол, услышат. Потом им это даже начинает нравиться — романтика! Они посылают соседей на ..., хотя это лишено смысла, ибо соседи спят без задних ног после очередной перебранки. Железная сетка со звенящими пружинами начинает увеличивать амплитуду раскачивания, и мы подлетаем чуть ли не до потолка. Дух захватывает! В такие минуты начинаешь понимать летчиков и космонавтов. Интересно, как с этим обстоит

дело в состоянии невесомости? Впрочем, вопрос этот коварный. Я его не люблю. Однажды, задумавшись над ним, я потерял пространственную ориентацию, и мы грохнулись на пол, опрокинув недопитую бутылку.

Не спешу я по очень простой причине. Во-первых, мне не надо одеваться, ибо я спал, оказывается, одетым. Во-вторых, мне не надо завтракать, ибо никакой еды для этой цели в доме все равно нет. Тем более мне нужно не столько поесть, сколько похмелиться. Но это уж после того, как я распишусь в книге прихода-ухода, поболтаюсь на глазах Смирняшева и всякого рода мелких блюстителей порядка, выслушаю новые (обычно — ужасно старые) анекдоты, выложу свои анекдоты, раздобуду пятерку или в крайнем случае трешку (до полочки, как всегда) и отыщу компания пойти «позавтракать». Смирнящев почему-то очень внимательно следит за моим поведением; хотя он старший научный сотрудник, т. е. обязан являться в институт лишь два раза в неделю, он околачивается в институте каждый день с начала и до конца и без перерыва на обед. Зачем? У меня такое впечатление сложилось, что это он делает исключительно из-за меня. Но Учитель сказал, что я преувеличиваю, что Смирнящев был параноиком еще до моего прихода в институт.

На улице каждый раз меня поражают людские потоки, движущиеся в противоположных направлениях. Толкучка. Раздражение. Я, однако, иду не спеша. Размышляю. Прохожу мимо главного здания СГУ. Бросаю насмешливый взгляд на Железного Феликса. Иду вниз к Театральной площади. Бросаю сочувственный взгляд на Карла Маркса, поскольку на голове у него вечно воркуют голуби и делают с ним то же самое, что я делаю со светлыми идеалами коммунизма, когда размышляю о них, — они его обсирают со страшной силой. А размышляю, естественно, я о том, как наилучшим образом устроить жизнь людей в обществе. Чтобы всем было хорошо. И в этот самый момент новость откуда появляется Он. Ты — типичный утопист, говорит Он. Почему же утопист, возражаю я. Разве невозможно, например, людей поселять рядом с местом их работы, чтобы не было этих столкновений злобных потоков? Можно. Зачем же рядом, ехидно говорит Он. Лучше уж селить их прямо на месте работы. Представляешь, как было бы здорово, если бы твоя шикарная звенящая кровать (где ты ее раздобыл?!) стояла рядом с твоим рабочим столом! И тогда вообще вставать не надо. В книжке прихода-ухода расписывался бы мимоходом, по пути в туалет. А бабы, выдвигаю я свои аргументы. А выпивка? А разговорчики? А запретные книжечки и иностранное радио? Но ты противоречишь себе, говорит Он. Для этого как раз надо жить подальше от места работы. Но я не о себе думаю, говорю я. Я о людях думаю. Ты полагаешь, что у людей нет баб, мужиков, выпивок, разговорчиков, говорит Он. Сдаюсь, говорю я. Все действительно разумно! Пусть часами толкаются в транспорте, пусть сталкиваются лбами на тесных тротуарах! Между прочим, говорит Он, советую поднажать. А то опоздаешь. А сегодня генеральная проверка. И параноик Смирнящев уже на площадке торчит. А жаждет он подловить тебя. Ну и пусть, говорю я. Может, выступит против принятия меня в кандидаты в члены. Знаешь, как мне не хочется в эту... Не надейся,

говорит Он. Смирняшев свое дело знает. Он сначала загонит тебя в эту... А уж потом сожрет. Не раньше. Для настоящего параноика жжить со света беспартийного никакого интереса не представляет. Торопись!

Мысли Глупца Западные обыватели! К вам обращаюсь я, враги мои! Хотя вы и жрете лучше нас, хотя вы одеваетесь лучше нас, хотя вы разговариваете на всяких иностранных языках и свободно ездите по загранице, все равно перед русским человеком у вас кишка тонка. Запомните, зарубите себе на носу и намотайте себе на ус: русский человек есть природный мыслитель. Негры — природные танцоры и борцы против расовой дискриминации, евреи — природные физики и эмигранты, а русские — природные мыслители. Заговорите с первым попавшимся русским человеком, и вы сами убедитесь в этом. Вот хотя бы с этим. Това...! Прошу прощения, это — казах. Ну, вот с этим. Опять неудача, это — азербайджанец. Это — татарин. А этот... Да, теперь трудновато встретить русского человека на улицах Москвы. Стоп! Вот этот забулдыга, валяющийся на тротуаре в ожидании милиционерской коляски, должнствующей отвезти его в вырезвитель, наверняка наш брат-русак. Разбудите его, поднесите ему сто грамм любой жидкости с градусом (можно без закуски, он к этому привычен) и заведите с ним разговор на любую тему, например — о последних печальных для Запада событиях в мире. Уверю вас, вы будете сражены философской глубиной его перезревшей мысли.

— Эй, друг! Подымайсь!

— Не мешай! У меня сегодня «отгул». А друзей поищи среди диссидентов. Я честный человек, на свои пью, а не...

— Я не диссидент, а свой брат-иван. У меня «загул». Может быть, продолжим?

— Так бы сразу и говорил! Дай, я тебя поцелую! Люблю хороших людей! Что пьем? Что угодно, только не коньяк. Я с него блюю. А если ты хочешь знать мое мнение, так я его не скрываю. Все западные политики — сплошное дерьмо. Можешь мне поверить, я их знаю, как облупленных. Восток и Африку они просрали, это факт. На очереди Южная Америка. Что нужно было, чтобы остановить расползание нашей мерзости по всему свету? Чутьочку мозгов. Чутьочку мужества. Чутьочку потратиться. А у них ни того, ни другого, ни третьего. Трусы, кретины, жмоты. Скоро мы их всех вообще возьмем за горло. Так им и надо! Знаешь, год назад я с одним батальоном успокоил бы целый континент. А теперь... Тьфу! Может, повторим?

Дальше я вам приведу несколько примеров размышлений одного инстигутского глупца. Не болвана и кретина, а простого глупца. В отличие от первых двух он мог бы сотворить нечто стоящее внимания. Но не может этого сделать, так как (в отличие опять-таки от первых двух) опасается, что его не поймут, исказят и используют не на благо, а наоборот. К тому же у него семья. И популярная брошюра идет в издательстве «Московский рабочий» о коммунистической нравственности. Ну и гонорар, почет и прочее.

Все дело теперь в методе понимания, говорит Глупец. Информации

люди имеют в избытке, а извлекать из нее стоящие истины не могут. Люди живут на уровне поверхностного наблюдения фактов и примитивных обобщений. И никто не может углубиться до понимания механизмов происходящего. А между тем есть правила для такого углубления. И не такие уж они сложные. Вот, например, одно из них: надо различать два «слоя» общественной жизни — внешний и внутренний. Первый — текущие индивидуальные события жизни. Второй — стабильные ее основы. В первом происходят изменения по воле и желанию отдельных людей. Здесь назначают на должности, снимают с постов, принимают постановления, рождаются, умирают... В другом происходит нечто, не подвластное воле отдельных людей, сохраняются и воспроизводятся в тех же формах отношения между людьми, их группировки и формы поведения... Например, в первом слое мы наблюдаем, что такой-то руководитель боролся за единовластие и устранял конкурентов. Во втором слое мы фиксируем сам факт руководства и неизбежность для всякого руководителя стремления к единовластию. И этот переход ко второму слою не есть простое обобщение. Часто здесь имеет место соотношение, подобное соотношению закона притяжения тел и фактов их перемещения, среди которых имеют место случаи и удаления тел друг от друга. А когда мы спорим, мы это различие «слоев» понимания игнорируем. Один копается во втором «слое» и добывает истины вроде утверждения «Тела притягиваются друг к другу». А другой ему возражает, привлекая факты из первого «слоя». Гляди, мол, вот тебе примеры удаления тел друг от друга! Так что ты ошибаешься!

Послание Ежову

*Эй! Поход труби, горнисты!
Становись, подонков рать!
В институте сионисты
Все себе хотят забрать.*

*Приглядитесь! Тут — Хаймович.
Там, конечно, Рабинович.
Рядом с ними — Ойзерман.
Сверху кроет Глезерман.*

*А поглубже посмотри ты
По анкетным по листам!
Сионистов сколько скрытых
Позасело тут и там!*

*Посчитайте! Иванов,
Ясно, этот тип — Петров,
Тот, конечно, вроде Петин.
А на мордах — тьма отметин.*

*Дайте только мне указ.
Сионистов тех рассею
Я в два счета, мизог, враз.
Бей жидов! Спасай Расею!*

*Иванов — так Иванов,
Если даже без штанов.
Никаких к тебе вопросов!
Пусть дурак! Зато — курносый!*

Привилегии, психология и другое

Миновав Библиотеку имени Ленина и выйдя на финишную прямую, ведущую к Желтому дому, я вдруг замер, застыл на месте, оцепенел: так мне же теперь вовсе не надо спешить и расписываться в книге прихода и ухода, я же как член спецгруппы при директоре имею привилегию являться на работу в любое время и уходить в любое время, за исключением случаев, когда Барабанов назначает заседание или персональную беседу. О, идиот! Я же мог еще минимум пару часов добирать! А я вместо этого как простой смертный мчусь ко звонку! И я решил немедленно перейти на другую сторону улицы, где в «стекляшке» напротив меня отлично знают, любят и уважают. И в любое время отпускают то, что мне нужно. За двойную плату, конечно. Но не в кредит. Значит, все-таки надо идти в институт. В этот самый момент появился Он и сказал, что для начала у него кое-что есть в заначке, а потом можно будет и в институт заглянуть. Пошли!

— Итак, — сказал Он, когда наступил душевный уют, — в чем проблема?

— Проблем у меня всего три, — сказал я. — Мне нужны бицепсы, это во-первых.

— Ерунда. Бицепсы теперь не нужны даже боксерам. Теперь нужен интеллект, а не бицепсы! Слышал ты нечто подобное: думающий боксер? А вчера об этом спортивный комментатор полчаса распинался. Удар, говорил он, у этого боксера слабый, зато он думающий боксер. И этот думающий боксер уложил-таки противника с бицепсами в самом начале второго раунда. Как? Думаю, что сказал ему какое-нибудь гнусное словечко, тот сразу и с копыт долой. Раз, два, три... Да что там, можно и не считать.

— Шутишь, как всегда.

— Не шучу, как всегда. Был у меня в армии такой случай. Был у нас во взводе парень, живоглот настоящий. Одной рукой мог весь взвод раскидать. И распустился он — житья нет. Однажды я не вытерпел и заорал на него. Сначала — он ноль внимания. Но когда я пискнул, что ухо ему откушу, он побледнел. А когда я, обнаглев, заорал, что животом по стенке размажу, он убежал старшине жаловаться. Ночью во сне он трясся, как осиновый лист, плакал и вскрикивал. После этого как шелковый стал. Так что, брат, надо не на бицепсы, а на психологию нажимать. Если хочешь, я тебе при случае изложу основные при-

емчики СОПХАМБО. Что это такое? Самооборона против хамства без оружия. Ну, а во-вторых?

— Привилегии. Я получил некоторые привилегии. Но это еще полбеды. Беда в том, что мне это нравится. И я возжаждал большего.

— В чем суть твоих привилегий?

— Мне разрешено не расписываться в книге прихода-ухода. А это значит, что я могу приходить после звонка, уходить до звонка, в серединке уходить по своим надобностям.

— А в чем суть твоих претензий?

— Хочу совсем не приходить даже после звонка, чтобы не совершать других нарушений — не отлучаться и не уходить до звонка.

— Что для этого нужно?

— Холуйствовать перед Барабановым и директором, писать для директора такую галиматью, чтобы он был доволен, защищать кандидатскую диссертацию, вступать в КПСС и многое другое.

— А что будет, если ты исполнишь свое желание, не заплатив упомянутую цену?

— Через некоторое время вернут в сектор, где параноик Смирняшев будет подымать мой уровень на уровень достижений мировой науки. И еще через некоторое время выгонят из института.

— В таком случае, как учил сам Ильич, надо идти на компромиссы. В чем-то надо уступить Им, что-то надо вырвать у Них без платы. Пошли в институт! Тебе надо показаться. И, само собой разумеется, занять хотя бы трояк для начала. Имеется еще и в-третьих?

— Угадал. Сегодня я провожу занятия политкружка о постановлении ЦК КПСС и Совета Министров о развертывании жилищного строительства. Но я постановление это в глаза не видал.

— Это не проблема, — сказал Он и ткнул пальцем в газетный стенд. — Читай! Тут есть все, что тебе нужно для потрясающе интересного занятия.

Его палец уперся в статью «Как распределили квартиры». Читать ее у меня времени уже не было. Тогда Он сорвал газеты. На нас налетели возмущенные прохожие. Подошли дружинники.

— А вы что, не видите, что это за газета, — спокойно сказал Он. — Это старая газета. В ней — статья о беспорядках в распределении жилплощади. После постановления ЦК КПСС и Совета Министров таких беспорядков не должно быть. Оставлять эту газету на стенде — значит играть на руку диссидентам. Вы понимаете, что это значит?..

Дружинники попросили трудящихся разойтись и обещали принять меры. Мы поспешили в институт, унося с собою готовое решение моей третьей проблемы.

Мои размышления Вот сию минуту я понял, почему я никогда не стану диссидентом, борцом за гражданские свободы, за лучшую жизнь для народа и все такое прочее. Дело в том, что в условиях нашего общества всякая оппозиция не может идти дальше лишь сопротивления отдельным отрицательным проявлениям нашего социального строя. О свержении же этого строя и речи быть не может.

Почему? Да потому, что это не есть некий политический режим, чуждый основам жизни населения, а социальный строй, вырастающий из этих основ и пронизывающий все стороны жизни общества. Это есть самый низкий уровень общественного здания. Его просто невозможно уничтожить или «перевернуть». Свергать, переделывать, переворачивать и т. д. можно лишь то, что вырастает на этой основе и достигает значительной высоты (а значит будет достаточно «тонким», чтобы ломаться). А раз только сопротивление, так я с детского сада только этим и занимаюсь. Я даже на горшок стал проситься лишь после того, как самому стало неприятно делать в штанишки.

Как квартиры распределяют

Занятие по жилищному вопросу прошло с блеском. В статье, которую я вырвал из газеты на стенде, содержалась куча примеров о том, как у нас распределяются на самом деле квартиры. Я просто зачитывал куски из этой статьи. Наше руководство больше о себе беспокоится, читал я. Меняют квартиры по несколько раз. И детей своих обеспечили. Верно, заорали участники кружка. Несколько раз поменял свои квартиры начальник краевого управления связи Пережогин, читал я. Обеспечив себя, он за счет ведомства, которым руководил, позаботился о квартире для дочери. Сразу же и телефон установили, хотя другие жители этого района ждут по нескольку лет. Верно, закричали участники кружка. У нас то же самое. Примеру начальника управления, читал я, последовал главный инженер Лучко, подаривший двухкомнатные апартаменты в государственном доме своему сыну по случаю его бракосочетания. Вслед за этим заботу о домоладцах проявил заместитель начальника управления Татур. Верно, загалдели участники кружка, везде то же самое. Затем я зачитал примеры того, как «честные труженики» годами не могут улучшить свои жилищные условия, хотя имеют на то право. Затем сослался на Конституцию (это тоже было написано в статье), где сказано о праве граждан на жилье и о справедливом распределении жилой площади. Что касается самого постановления ЦК и Совета Министров, я ограничился лишь одной фразой: согласно этому постановлению таких безобразий, о каких я говорил выше, больше не будет. Но слушатели мне не поверили. Началась жаркая дискуссия, затянувшаяся допоздна. И чего только они ни наговорили! Послушав их, я понял, что вопиющие факты из статьи, которую я цитировал, суть лишь детские игрушки, допущенные самим начальством к оглашению. А реальность куда безобразнее.

На другой день меня вызвали в партбюро и сказали, что я провел занятие неправильно. Я пытался защищаться, сославшись на то, что я использовал только нашу прессу. Мне сказали, что я неправильно расставил акценты. И вот результат: некоторые участники моего кружка написали жалобы и письма в разные инстанции о беспорядках с распределением жилья на их предприятиях. А что в этом плохого, спросил я. Мне сказали, что в сложившейся обстановке и т. д. Короче говоря, мне предложили к следующему занятию представить в партбюро план занятий и тезисы моего доклада.

Послание Железного Феликса всем

*Эй, соратники! Борцы! Учителя!
Иль не видите — свихнулась Земля?!
Иль не видите — опасность над страной?!
Иль не слышен анекдотец подрывной?!
Иль не слышите, как сыплются дождем
Непотребные насмешки над Вождем?!
Психи требуют свободы там и тут.
Террористы урны мусорные жгут.
Клевету распространяет диссидент,
А за ним ушами хлопает агент.
И пославши на хер родину идей,
За границу удирает иудей.
Всюду шастают наймиты ЦеРеУ,
За общенье с ними власти не берут.
И не держат, как бывало, начеку
Мое детище — любимую ЧеКу.*

Мысли Глупца Что наше общество есть система привилегий, ни для кого не секрет. Тут интересно отношение к ней. С одной стороны, их стараются скрыть. А с другой стороны, привилегия лишь тогда хороша, когда о ней знают другие, не имеющие ее. И потому их признают. Но — придавая им вид служебной необходимости или платы за особые заслуги. Или возьми это пресловутое «двоемыслие». Много ума не нужно, чтобы усмотреть в нем ложь, лицемерие, трусость, приспособление. И еще меньше ума нужно, чтобы выдвинуть лозунг жить не по лжи. А между тем никакой лжи в этом «двоемыслии» нет. О какой тут лжи может идти речь, если все и всё знают и понимают?! Люди всегда «лгут» в смысле «двоемыслия». Без этого жить невозможно. Без этого вообще невозможно общение людей. Вежливость в этом смысле есть тоже «ложь», а дай Бог, чтобы ее было побольше. Это «двоемыслие» есть важное изобретение цивилизации. Отказ от него равносителен деградации общества к первобытным формам. Наше «двоемыслие» есть лишь выражение того, что люди принимают это общество как свое. Это есть лишь форма «общественного договора».

Романтика прошлого — Ваше время трудное было, — говорю я. — Но все-таки романтика была, подъем, энтузиазм, героизм.
— Чуть, — говорит Сталин. — Мразь была. И никакой романтики. Спроси у Железного Феликса. Или у самого Ленина. Эй вы, что было?
— Мразь, — говорит Ленин.
— Мразь, — говорит Железный Феликс.
— Кому как, — говорит Берия. — Одни влачили жалкое существование и гибли, а другие на их костях воздвигали.

— Неужели не было радости и ликования? — говорю я.

— Пойдем в любой лагерь, — говорит Берия, — и я тебе покажу радость и ликование. Как? Очень просто. Скажу: сегодня после обеда — добирать, и по дополнительной порции каши выдать. И такое ликование будет — сапоги языками вылижут, горы свернут. Я этот народ познал вполне!

— А те, кто воздвигали, — говорю я, — они же горели, верили, стремились?! Они же жизни не щадили!

— Вранье, — говорит Сталин. — Твой Петин, например, тоже «жизни не щадил». И теперь «не щадит». Вот взял на себя тяжкий труд руководства институтом, делегацию за границу возглавил.

— Суть дела тривиальна, — говорит Железный Феликс. — Они для своего времени жили, как боги. Власть. Пайки. Награды. Выпивки. Бабы. Позы исторические.

— Эти подонки, — говорит Берия, — готовы были миллионы людей уложить в фундамент любой вшивой сараюшки. А о крупных делах и говорить не приходится.

— Так как же оценить ваше время, — говорю я.

— Никак, — говорит Сталин. — Оно было, и все. Оно прошло, и слава Богу.

— Но этого кошмара могло и не быть, — возражаю я. — Можно было то же самое достичь более мягкими средствами.

— Бессмысленный разговор, — говорит Сталин. — Раз это уже было, нелепо думать о том, как могло бы быть так, чтобы этого не было, и могло бы вообще быть так, чтобы обошлось без этого.

— А романтика, подъем, ликование, горение и прочие штучки — все это у вас есть в изобилии, — говорит Железный Феликс. — Открой любую газету, сам увидишь. «С чувством справедливой гордости... С небывалым подъемом... С огромным энтузиазмом...». Если я не ошибаюсь, в газетах было что-то и о твоём учреждении. И твои коллеги с небывалым подъемом, с огромным энтузиазмом и т. д. и т. п. встретили последнее постановление о... Неважно, о чем. Так ведь? Был ты на этом собрании? Раньше было то же самое, только еще хуже.

— Так что, друг, не рыпайся, — говорит Берия, — а вливайся в общий строй, шагай со всеми в ногу, приветствуй, восторгайся, ликуй, рапортуй, бери обязательства, проявляй почин и инициативу! И ты получишь романтику и ликование, о которых тоскуешь. А нет — так все равно сомнем, стопчем. Ибо не становись на пути истории, не мешай народу к идеалу идти, не нарушай монолитность, не...

— Хватит, — говорит молчавший до сих пор Маркс, — он и сам не маленький. Как-никак, а посещает семинар повышенного типа. Вот ты мне скажи, читал ты мою книжонку?.. Не помню, как называется, кажется «Немецкая идеология» или «Святое семейство».

— Читал.

— Понял?

— Нет.

— Я тоже ни ... в ней не понял. Но там у меня была одна мысль...

— Это не по моей части. У меня от старого Маркса голова кругом

идет, а ты мне еще молодого подсовываешь.

— Оставь человека в покое, — говорит Сталин. — Пусть прочитает мою работу «О диалектическом и историческом материализме». В ней весь марксизм содержится Стоящий, конечно. А остальное — чушь для болтунов.

— Но ты же не сам ее писал, — говорю я. — Ходит слух, будто Петин...

— Твой Петин списки для арестов составлял и доносы писал. И людей нужных подбирал. А писали другие. Их нет. И никто о них никогда не узнает.

— Но они тоже сочиняли дребедень...

— Можешь не стесняться: говно. Но до чего ты наивен! В мире всё таково. И Галактика, и электрон, и планеты, и человечество. Короче говоря, всё. Будь я на месте Ленина, я бы вместо понятия «материя» ввел понятие «говно». Говно первично, — каково звучит?! Но оно не только первично. Оно же и вторично. И все философские споры отпадают.

Коллектив и индивид

По коридору и по кабинетам с круглыми от ужаса глазами пронеслась Кирусик с сенсационной новостью: Шубин опять запил, сейчас он движется в направлении института, грозясь дать в глаз ученому секретарю и «отодрать» за «железной дверью» КГБ. Девочки из научного кабинета, опекающие Шубина и мечтающие выйти за него замуж, выставили посты на подходах к институту. Сука Тваржинская высунула из двери своего отдела крючковатый нос и подозрительно потянула воздух. Кирусик носилась и носилась туда и сюда, сообщая одну новость ужаснее другой. Шубин разбил витрину в аптеке на улице Горького! Шубин прокусил коленку милиционеру на Арбате! Через полчаса, несмотря на профилактические меры институтских девиц, Шубин возник (материализовался) на большой площадке, сверкая глазами и зубами и рассыпая вокруг нецензурные выражения. Пятикратно разведенная девочка из реферативного сектора Михайлова-Орлова-Кузнецова-Богданова-Карапетян собрала среди опекунов Шубина по рублю и увела Шубина по черновой (как любит выражаться Барабанов) лестнице из института.

Феномен Шубина для меня загадка. Случись со мной нечто подобное — никакого движения в институте не будет. Даже Кирусик не сочтет это достаточно серьезным поводом для ее сплетенного турне по институту. В чем дело? Я тоже холост. У меня тоже отдельная комната. Я моложе и красивше (как выражается тот же Барабанов) Шубина. И не глупее. Правда, он — старший. Но кто знает, может быть, в его годы я буду профессором. И все-таки... Никакой загадки тут нет, говорит с грустью Он. В Шубине еще сохранилось мужское начало. Размах. Дерзость. Шедрость. И бабы (да и не только бабы) это чуют. И любят. И прощают ему многое такое, что не простят тебе. Ты — ломаный (если не гнилой) интеллигент, а Шубин — мужик. Ты обратил внимание, что у Шубина грязные и рваные носки? И думаешь, бабам это противно? Ничего подобного, эта пятикратно разведенная девочка сейчас купит на собранные деньги бутылку вина, сыра и колбасы, а на свои гроши купит ему новые носки. Вот, брат, тебе психологический зигзаг! И вместе с тем, Шубин — целиком и полностью в рамках коллектива. Он не противопоставляет себя

ему. Скорее, он его потешает, поставляет материал для дозволенных эмоций и разговоров. Он — атрибут коллектива, а не исключение из него.

Восток и Запад Все народы имеют недостатки. И даже евреи, у которых, как известно, никаких недостатков нет, а есть лишь выдающиеся достоинства, имеют недостатки. Так что уж говорить о нас, русских! Мы не просто имеем недостатки. Мы кроме них вообще ничего не имеем. Мы сплошь состоим из недостатков. Потому-то наши защитники и спасители (главным образом — евреи) ищут в нас достоинства. И среди них они в первую очередь (и, кстати сказать, в последнюю) называют нашу уникальную духовность. Вот уж чего не отнимешь у нас, у русских, говорят наши защитники, и чего нет на Западе, так это духовность!

— И они, разумеется, правы, — говорит Восточник.

— Примитивные народы, — говорит Западник, — всегда склонны свое духовное убожество рассматривать как духовное превосходство. К тому же духовность духовности — рознь. Массовые репрессии в сталинские времена тоже были проявлением нашей духовности. Плохие условия жизни никогда не способствуют духовности. У нас за духовность принимается имитация таковой и компенсация за безделье, трусость, неспособность к риску, отсутствие свободы передвижения и активности. На самом деле уровень нормальной (а не фиктивной) духовности адекватен уровню быта в обществе. Я имею в виду не отдельного человека (бедный в богатом обществе может иногда иметь высокую духовность), а общество в целом.

— Хватит, — говорит Восточник. — Твои рассуждения ненаучны. Кроме того, ты сам противоречишь себе. Есть всеобщая формула личности: духовность плюс активность есть константа, равная единице. Если мы — бездельники, а западные люди — деловые, то...

— Ты прав, — говорю я. — Но учти: каждое общество имеет свои единицы измерения. Наша единица в десятки раз меньше западной, а твоя формула имеет силу лишь в рамках данного общества.

— Ну и что, — не смущается Восточник. — Пусть наша единица в десять раз меньше западной. Зато наше безделье в двадцать раз больше!

Сто дорог Готовлюсь к занятию пропагандистского кружка, руководителем коего я являюсь. Тема занятия — постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду». Читаю безудержную газетную демагогию, и тоска меня берет неизъяснимая. Дошел до обращения ЦК ВЛКСМ к выпускникам школ, в котором сказано, что перед школьниками открыто сто дорог, что они могут выбрать любую, что сто дорог — лишь символ, что на самом деле этих дорог по много раз больше, что... Выругался вслух матом. Забросил газеты. Вытянулся на своей кровати с поющими бабушкиными пружинами. Усталый в серый от копоти потолок и стал ждать Его. И Он незамедлительно явился.

— Суть дела тривиально проста, — говорит Он. — В советском обществе происходит интенсивное расслоение населения на классы. Классы становятся

все более устойчивыми. Принадлежность к ним становится наследственной. И все эти мероприятия по школе вносят в это дело весьма существенный вклад. Суть их с социальной точки зрения очевидна: дети рабочих и крестьян пусть будут рабочими и крестьянами. В постановлении говорится о «необходимости решительного поворота школы к улучшению подготовки молодежи к труду в сфере материального производства», «о готовности работать в сфере материального производства» и т. п. О какой молодежи идет речь? Ты думаешь, дети номенклатурных работников пойдут в сферу материального производства? Пойдут туда дети академиков, профессоров, директоров, писателей, народных артистов? Нет, брат. Они туда уже не идут. И не пойдут, какие бы меры ни предпринимались. Для детей привилегированных классов есть привилегированные учебные заведения, есть средства домашнего образования, есть связи и т. д. А для детей непривилегированных классов ничего подобного нет. Для них — другое. Для них — демагогия. Потомственный рабочий! Потомственный земледелец! Продолжение дела отцов! Каково? Они что-то помалкивают насчет потомственных академиков и генералов, не призывают быть потомственными министрами и директорами. Конечно, тут призывов не надо. Это делается само собой. Для детей же непривилегированных классов демагогия подкрепляется насилием. Вот тут пишут, что класс выпускников школы целиком пошел на завод. Интересно, какую обработку детишек и родителей провели для этого? И пошли ли на завод дети секретаря Областного Комитета партии, председателя Городского Совета? Вот тут пишут, что выпускники школы все остались в колхозе работать. Насчет этого-то я точно знаю, что им просто запретили выезжать на экзамены в институт. Как? Не дали нужные документы, и все. В постановлении демагогически говорится о поощрении стремления учащихся после окончания школы трудиться в сфере материального производства. Социологи в либеральные годы выяснили, что выпускники школ совсем не стремятся в сферу материального производства. Да это и без социологов даже младенцам ясно. Так что упомянутое «поощрение» повсюду на местах будет прочитано как насилие. Даже в наших газетах иногда проскальзывает, к чему ведут уроки труда в школах и работа школьников на прикрепленных к школе предприятиях. Вот, читай! Эффект, противоположный задуманному: отвращение к физическому труду. И ты думаешь, что постановление ЦК и Совета Министров исправит это положение? Наоборот, оно усилит его. Процесс классового структурирования нашего общества есть естественный процесс, и все меры властей способны лишь ускорить и усилить его так или иначе. Вот в чем суть дела!

— Ты прав, — сказал я. — Когда я кончал школу, уже был значительный разрыв между школьной программой и требованиями высших учебных заведений. Если бы я не занимался английским языком частным порядком с первого класса и не занимался во всякого рода кружках по истории, я бы не смог поступить в университет. Конечно, и связи отца сыграли роль: ему пообещали не снижать мне оценки, если я хорошо отвечаю. Иначе говоря, я проходил как вроде бы имевший трудовой стаж. Теперь, после этого постановления разрыв еще более усилится для подавляющего большинства школ и районов страны. И поступить в высшее

учебное заведение детям рабочих, крестьян и мелких служащих будет еще труднее. Это ясно. А что поделаешь? Надо же кому-то в сфере материального производства трудиться.

— А разве я возражаю, — сказал Он. — Я лишь о том говорю, что наше общество тоже классовое, и это постановление о школе имеет классовую природу. Но далеко не пролетарскую, а антипролетарскую.

— И ты советуешь мне сказать об этом моим слушателям?

— Ни в коем случае. Если ты им это скажешь, они же на тебя и донесут. И раздолбают тебя. К тому же они сами без тебя все это отлично понимают.

— Так чего же они помалкивают?

— Процесс классовой кристаллизации общества еще не закончился. Многие еще надеются правдами и неправдами протолкнуть своих чад «вверх». Потому — холуйство, трусость, безразличие... Ты сам все это знаешь.

— Так что же все-таки ты советуешь?

— У тебя, кажется, вчера получка была? Наденюсь, кое-что...

— Только кое-что.

— Но кое-что уже есть нечто.

— К тому же я жду Ее.

— Оставь записку, что удержишься на час. На заседании, конечно.

— Ладно. Но если уж задержусь, то по крайней мере на два часа.

Итак, как пели наши отцы:

Сто путей,

Сто дорог

Для тебя откры-ыыы-ы-ты!

О целях и идеалах

— Ты готовишься к вступлению в партию, — говорит Сталин.

— А ты хотя бы держал в руках программу и устав партии?

— А как же! Я же зачеты и экзамены в университете сдавал.

Кандидатские минимумы сдавал. Я же в политсеминаре повышенного типа занимаюсь. Окончил курсы молодого коммуниста. Мало?

— Да нет, вполне достаточно. Я хочу сказать, что цели партии тебе известны. И ради этих целей...

— Стоп! О каких целях ты толкуешь? Что считать целями партии? То, что она провозглашает в качестве демагогических лозунгов, или то, что она делает в силу исторически складывающихся обстоятельств? Соответствует ли делаемое лозунгам? Если так, отвечает ли реализация лозунгов на деле мечтам людей о лучшей жизни? Совпадают ли цели партии и партийных вождей? Совпадают ли цели лиц, вступающих в партию, с целями партийных чиновников и руководителей? Продолжать?

— Не надо. Нам с тобой будет трудно договориться. Ты — парень неглупый, образованный, без предрассудков, начитанный, культурный. У меня ничего подобного нет. Но у меня есть то, чего нет у тебя и у твоего поколения вообще и что органически было присуще моему поколению: ощущение исторического движения. Твои проблемки, возможно, имеют смысл, но лишь в науке, а не в идеологии и политике. Они нежизненны. Есть

правила идеологической организации общества, кажущиеся абсурдными с точки зрения науки, но не менее реальные, чем законы науки. Например, реальность не может быть идеалом. Идеал — всегда нечто несуществующее. Более того, идеалом для больших масс людей вообще не может быть нечто определенное, ясное, очевидно достижимое. Только стремление к недостижимому возвышает людской поток до...

— Чушь все это. Схоластика.

— Нет, это не менее реально, чем еда, одежда, жилье. Люди ведь не просто жрут, спят, совокупаются... Они еще и играют. А играть без игрушек...

— Хорошенькие игрушки! Угробили шестьдесят миллионов! А сколько в войну зря погибло!

— Не надо преувеличивать. Многие из них заслужили...

— Довольно! Игры разные бывают! Молитва — игра. И любовь — игра. И костер — игра. И виселица. И пуля в затылок. Я не хочу играть в ваши игрушки. И вообще, мне опостылела ваша социалистическая демократия.

— Но других на этой земле, увы, нет.

Послание Ленина всем

*Признаю, у вас творится ералаш.
В идеалах сомневаться начал аж.
Хотя к этому я ручку приложил,
Но ведь я до воплощения не дождал.
И напомнить вам к тому ж не премину
Обстоятельства, смягчавшие вину.
Это ж истинная правда, а не слух:
Чтоб трудящие не сдохли с голодух,
Ведь не кто-нибудь другой, а это я
В виде НЭПа передышку отстоял.
И покуда в силах был держать перо,
Обмозговывал вам планы ГОЭЛ РО.
И советовал растяпам из ЦеКа
Скинуть Сталина, возможность есть пока.*

Дружба, проверенная временем

— Как ты думаешь, — спрашиваю я, — что Там у Них творится? Переворотик?

— Ты профан в политике, — говорит Сталин. — О каких переворотах ты толкуешь? В нашей системе их вообще не бывает. Если одна банда маразматиков вытесняет другую, это заворот, а не переворот.

— Ты, кажется, продолжаешь делать вклады в диалектику. Теория заворотов, это недурно. Но и перевороты у нас бывают. Тебя-то самого все-таки скинули. Говорят, отравили.

— Кто говорит? И ты этим подонкам веришь?! Да они при одном звуке моего имени клали в штаны. А от мысли о заговоре их всех хватил бы удар. Нет, мой мальчик. Никаких заговоров у нас не бывает.

Даже сговоров не бывает. Бывает, что снюхиваются. Но ненадолго. И на перевороты этого не хватает. У нас просто бывает стечение обстоятельств, которое потом каждый толкует на свой лад. Причем, это стечение обстоятельств бывает таким гнусным, серым и безликим, что его даже описать мало-мальски документально точно невозможно. Я сдох своей собственной смертью. А эти «заговорщики» даже через несколько дней после моей смерти от моего смердящего трупа получали указания.

— Но ведь ты утратил контроль над своим же аппаратом власти и над страной!

— Ах, вот ты о чем! Так это совсем из другой оперы. Контроль над страной и аппаратом власти всегда явление условное и относительное. И всегда имеющее смысл лишь в определенных границах меры. Ты же философ. Гегеля, небось, читал. Так что знаешь, что такое мера. Так вот, избыток власти есть в такой же мере потеря власти, как и недостаток. Власть моя была настолько мощной, что превысила верхнюю границу меры и утратила смысл. Не аппарат вышел из-под контроля, а контроль превысил потенции аппарата. Понял?

— Смутно. Если я тебя правильно понял, а нынешний Генсек со своей бандой нарушили меру, и теперь следует ждать стечения обстоятельств, в котором сдохнет этот живой еще покойник, и над его вонючим трупом шакалы начнут снюхиваться?

— Именно так.

— А к чему это приведет?

— Ни к чему. Будет то же самое, только еще хуже.

— Тогда надо спасать жизнь нынешнего Генсека!

— Ни в коем случае! Если его оживят, будет еще хуже того хуже, которое будет после того, как он сдохнет.

— А ты не такой уж кретин, как можно подумать из чтения твоих сочинений.

— А ты думаешь, я сам их писал?! Ха-ха-ха! Я не такой уж кретин, чтобы писать свои идиотские сочинения самому. Дело не в этом!

— А в чем же?

— Скучно!

В творческом поиске Когда я вернулся домой, в двери торчала записка. В ней было написано следующее: ты — типичная свинья, и больше мне не звони. Всему приходит конец, сказал я с полным философским спокойствием. Тем более, мне уже давно пора поменять простыни. Не ищите в последнем выражении никакого глубокого смысла. И не смотрите на него как на метафору или изречение древних философов. Просто я меняю простыни вместе с любовницами, если такое наименование применимо к женщинам, с которыми нам приходится ночевать. Строгой причинной связи тут нет. Иногда я сначала прекращаю связь с женщиной и после этого меняю простыни. А застелив чистые простыни, я преисполняюсь сердечной тоской. И размышляю примерно так. Грешно ложиться одному в такую роскошную, пахнущую стиральным порошком «Астра» или «Лотос» кровать. Это не кровать, а храм любви.

И в него надо привести прекрасную женщину. И я начинаю лихорадочно листать листки своей памяти. И наткнувшись на первую подходящую кандидатуру, бегу в ближайший автомат. Иногда вид грязных простыней повергает меня в ужас, и я их меняю. А поменяв простыни и узрев, какой роскошный, ангельски чистый вид обрела моя кровать с поющими бабушкиными пружинами, я делаю железный вывод: в такую непорочную чистоту допускать мою прежнюю пота... прошу прощения, возлюбленную ни в коем случае нельзя. И опять-таки я начинаю перебирать странички своей памяти. И... Короче говоря, тут есть какой-то закон, но вовсе не причинный, а в духе идей современной физики. Простыни мои выдерживают точно одну любовную связь, а любовная связь — точно одну смену простынь.

Потеря возлюбленной, повторяю, меня не выбила из колеи. Из колеи меня выбила потеря материалов к ближайшему занятию политкружка. Послезавтра я их должен представить в партбюро. Кроме того, мне по секрету сказали, что меня пойдут проверять самое гнусное существо в нашей философии — сука Тваржинская. Вы можете мне объяснить, зачем я захватил эти материалы с собой? Решил по примеру французов полистать их в кафе? О идиот! Теперь мне придется обойти все места, где я побывал. А разве их упоминешь?! И денег у меня осталось только на хлеб на неделю.

Уверенной поступью — Когда тебе плохо, — говорит Поэт, — вспомни обо мне. На меня ты всегда можешь рассчитывать. Я тебя не брошу в беде. Так в чем дело?

— Меня отстранили от руководства пропагандистским кружком.

— Поздравляю!

— С чем? Это значит, вопрос о моем вступлении в кандидаты в члены КПСС отодвигается на год.

— Тем лучше.

— Чего же хорошего? Значит, на защиту меня и в этом году не выпустят.

— И плевать! Можно прожить и не кандидатом.

— Очень уж мизерная зарплата. И работа противная. Сегодня, например, меня вызвал этот кретин Барабанов и велел пересмотреть работы всех (!!) выдающихся естествоиспытателей, ссылавшихся на Энгельса и на Ленина. А знаешь, сколько таких?! И сделать выписки из этих работ. И дать Барабанову. И он представит Петину дело так, будто сам он все это сделал, а не я. А будь я кандидатом, я бы сам на кого-нибудь свалил это муторное занятие.

— Я тебя понимаю. Сочувствую. И желаю тебе стать кандидатом в члены КПСС и кандидатом философских наук. И обрести власть заставлять другого младшего научного сотрудника без степеней искать нужные цитаты. Но сам я все же придерживаюсь иных принципов. Хочешь по сему поводу экспромт? Слушай.

*Покуда в теле жизнь теплится,
Я в пику здоровому уму
И день и ночь буду молиться,
Хоть и не ведаю, кому.
Благодарить Его за кров,
За хлеб и миску щей к обеду,
За пару трепаных штанов,
За беззаботную беседу,
За поллитровку на троих,
За даровую сигарету,
За никому не нужный стих,
За анекдотец по секрету.
Благодарить вовсю Его
И всех сограждан понемножку
За то, что с первых же шагов
Они мне сделали подножку.*

- Рабская идеология. Выдай лучше что-нибудь бодрое и оптимистическое.
— Изволь!

*Сегодня мы не на параде,
А к коммунизму на пути.*

- Положим, это не твое.
— Почему ты так думаешь?
— Потому, что нужно быть членом Союза Советских Писателей и Лауреатом, чтобы сочинять такое.

Барабанизм в действии Четвертый час заседает наша спецгруппа. И все это время Барабанов изливает на нас свою... как бы это повежливее выразиться?.. мудрость. Если для поимки мелкого животного, говорит Барабанов, достаточно сил одного индивида, то для поимки крупного животного, а также мелкого животного при условии большой убегаемости, прыгучести и уползаемости последнего требуются усилия коллектива. Кто-то спрашивает, что является критерием различения мелкого и крупного животного. Барабанов говорит, что практика, но взятая во всем объеме ее революционного развития. Возьмем, например, ружье, увлекается Барабанов (он — заядлый охотник). Ружье, как и всякий объективный процесс, имеет свои объективные законы. Чему нас учит... Смотря какое ружье, говорю я. Вот если двустволка... Кто-то хихикает. Барабанов кипит (он, оказывается, очень ранимый!). Кричит о падении дисциплины. Грозится отменить привилегию не расписываться в книге прихода-ухода. Потом он кричит что-то про ахинею пята идеализма. Но нам уже не до смеха. В конце четвертого часа к нам заглянул сам Петин, озарил нас доброй отеческой улыбкой и понес такую чушь, что даже Барабанов стал ехидно ухмыляться (когда не видел Петин) и подмигивать нам. Я хочу, сказал в заключение Петин, абабшить (он хотел сказать — обобщить) все

величайшие открытия естествознания после Энгельса до наших дней.

Домой я шел трезвый и в состоянии полной оплеванности (этот термин в науку ввел я сам!). На Лубянке невозмутимый и незыблемый Железный Феликс с презрением и угрозой посмотрел на меня.

— Зря ты рыпаешься, — сказал он мне почему-то миролюбиво. — Петин и Барабанов не хуже других. Возьми, например «Философскую энциклопедию». Открой наобум. Допустим, возьми слово «Любовь». Кажется, все ясно. Но прочитай! Любовь, написано там, есть нравственно-эстетическое чувство, выражающееся в бескорыстном и самозабвенном стремлении к своему объекту. При чем тут нравственность и эстетика? И где ты видел бескорыстие в любви? Ты что, бескорыстно любишь с бабами в своей шикарной кровати со звенящими пружинами (я отсюда их скрип слышу) качаться? И как это твое раскачивание укладывается в рамки нравственности? Про эстетику я вообще не говорю. Эта твоя последняя возлюбленная — редкостная уродина. Говоришь, в кровати она ничего, а морда — преходящее явление? Возможно. Тогда тем более эстетика ни при чем. А ты над Петиным смеешься. Если хочешь знать, у классиков чуши еще поболее, чем у Петина. И вообще, вся ваша философия — сплошная труха. Не стоит переживать из-за нее.

— А я не из-за нее переживаю, а из-за себя. Годы уходят, а я все еще бесперспективный младший сотрудник без степени. И долги заели. Штаны надо бы новые купить.

— Что я могу тебе сказать? Могу лишь повторить слова Поэта:

Известный советую вам

в жизни успеха источник:

Руки тяните по швам,

согните слегка позвоночник.

О семье, народе и прочем

Иногда соседи уходят в гости и оставляют на меня девочку. Это бывает обычно в субботу или в воскресенье. И мы с ней отлично проводим время. Играем. Смотрим телевизор — детские передачи. Я читаю ей книжки или сам выдумываю сказки. Соседка считает, что я буду образцовым семьянином, если женюсь. И настаивает, как это свойственно русскому человеку, чтобы я непременно женился. Хорошо, говорю я, а что будет тогда твориться в нашей тесной квартирке? Вступите в кооператив, говорит она. Вы, ученые, денег много получаете. А эту комнату нам оставьте. Я с ней не спорю. Зачем? Если я ей скажу, что я как ученый получаю почти в два раза меньше ее мужа и чуточку больше, чем она, малограмотная посудомойка и уборщица в детском саду, она все равно не поверит.

Сегодня соседи задержались в гостях дольше, чем обычно. Я уложил девочку спать и включил телевизор. Передавали встречу советской и американской команд по боксу. Почти все американцы были негры, и я оказался в затруднении, за кого болеть. Но за наших болеть не хотелось тем более. Я переключил на другую программу — революционный фильм тридцатилетней давности. По третьей программе шла какая-то идиотская вик-

торина. Выключив телевизор, я ушел к себе. Решил начать делать записи своих бесед с Учителем. Но ничего не вышло. Вернулись соседи. Оба пьяные. Подняли шум. Сосед все время рвался ко мне. Сначала объяснялся в любви. Потом оскорблял последними словами и лез в драку. И я опять пожалел, что нет у меня бицепсов. Надо все-таки купить гантели. Такого хама, как мой сосед, никакой психологией не проймешь.

— Я бы на твоём месте написал на него донос, — сказал Берия. — Куда? На работу к нему; в милицию. Собрал бы подписи соседей из других квартир.

— Не подпишут. Вот если он вздумает написать на меня донос, все подпишут.

— Почему так?

— А черт знает, почему. Может быть, потому что я с бородой хожу. И в вязаной шапочке. И в нейлоновой куртке круглый год. Они думают, что из пижонства. Никто не поверит, что у меня просто денег нет на зимнее пальто и шапку. И на обычный костюм за сто рублей. Скорее всего, они считают меня диссидентом. В общем, они чувствуют во мне чужака. И скорее примирятся с шумным хулиганом Соседом, чем с тихим и вежливым «диссидентом».

— Сволочной народ, ничего не скажешь. Теперь ты сам видишь, что с ним иначе нельзя, чем мы в свое время делали. Этому народу репрессии, доносы, манифестации и прочая мразь нужны как воздух. Поверь мне, нам в свое время даже слегка сдерживать его приходилось. Если бы мы дали ему полную волю, перебили бы в два раза больше народу. Мы эту проблему со Сталиным не раз обсуждали. И другого выхода не нашли: пороть этот народ надо! Он любит, когда его порют. Он не любит, когда о его жалком положении начинают правду говорить. Но в жалкое положение он сам себя загоняет охотно. Подлый народ. Холуйский. Рабский. И никто меня в этом не переубедит.

— А я?

— А чем ты лучше их? Посмотри, в каком ты убожестве живешь! И не пикнешь! Да ты всем своим видом располагаешь людей к тому, чтобы тебя обманывали, оскорбляли, эксплуатировали. Ты хоть раз в жизни дал кому-нибудь по морде?

— А Сосед?

— А что Сосед? Он тоже только кулаками машет да орет. А ударить и он боится. Он такой же холуй и трус, как и ты. И верь мне, доносы на тебя он пишет куда следует систематически.

— Хватит. Я устал, я спать хочу.

Но уснуть я не смог. И до рассвета думал, почему мы такие. И не мог найти ответа. Утром Сосед как ни в чем не бывало пригласил меня раздавить на пару чекушку и закусить грибочками, которые он привез от тещи.

Послание Сталина Ленину

*Хоть и лыса от ума твоя башка,
Скинуть Сталина тонка была кишка.
Шпарить речи — тут великий мастер ты,
Но ведь надо строить зримые черты!
А при этом, хошь не хошь, и рад не рад,
Надо пестовать партийный аппарат.
Укреплять, и не на год, а на века,
Нашу рыцарски-чистейшую ЧеКа.
И народ нам приходилось гнать не зря
В исправительные трудовые лагеря.
И уж если говорить начистоту,
По тебе мы заварили кашу ту.
Если вздумают к ответу нас тянуть,
Вряд ли сможешь ты в сторонку увильнуть.
В каждом шаге моем есть твоя печать,
Вместе делали, и вместе отвечать.*

Насущные проблемы Чтобы сохранить памятник Марксу от голубей в приличном виде, около него поставили специального сторожа с длинной палкой, на конце которой привязали что-то вроде метлы или тряпки. Сторож размахивал этой палкой, когда голуби пытались сесть на марксову голову. Сначала это помогало. Но скоро голуби приспособились и стали оправляться на Маркса слету. Потом они восприняли размахивание тряпкой как естественную для них операцию (помните — гонять голубей?) и стали слетаться к памятнику огромными стаями со всей Москвы. И стали обделявать не только Маркса, но и самого сторожа. Тот уволился по собственному желанию. И голуби снова расселись на затылке, носу, плечах и руках основоположника научного коммунизма.

Обычный необычный день

Рабочий день в Желтом доме — обычно унылая и бессобытийная рутина. Придя на работу, люди уже ждут, когда закончится время их пребывания здесь. Только отдельные исключительные индивиды получают удовлетворение от своего функционирования в этой рутине. Это, например, КГБ, наслаждающаяся своей властью над самыми низшими сотрудниками института (кандидаты наук уже плюют на нее). Смирняшев, стремящийся поднять уровень науки и вписать свое имя в историю. Осипов, рвущийся делать карьеру всеми доступными средствами. Шубин, которому надо покрасоваться в пьяном виде в каком-то обществе. Большинство же, повторяю, на работу приходит с неохотой и покидает ее с удовольствием.

День за днем одно и то же. Лишь иногда происходят исключительные события. То у кого-нибудь украдут шубу или деньги. То какой-нибудь профорг попадается на махинациях с марками. То разыгрываются ковры или подписка на классиков литературы. То приходит «телега» на

Шубина из вытрезвителя. На сей раз предметом переживаний и сплетен для сотрудников стала история с младшей сотрудницей сектора истмата Галей, которая поддерживала дружеские отношения с женой одного известного диссидента. В институте узнали об этом и начали на нее давить, чтобы она прекратила эти отношения. Она, однако, отказалась прекратить. И органы ГБ, принявшие решение изолировать диссидента от общества, предложили руководству института наказать Галю. Цель очевидна: другим наука, Гале наказание, диссиденту наказание. И началась подлая игра могучего аппарата власти и солидарного с ним общества против беззащитной женщины с грошовой зарплатой и мизерной должностью. Сначала хотели избить из Гали сумасшедшую и засадить в сумасшедший дом. Но после тех мировых скандалов отказались от этой затеи. Тогда предложили Гале перейти на другую, более выгодную работу. Поскольку в институте для нее была создана нетерпимая обстановка, она согласилась. Оформилась на новое место по всем правилам. Затем уволилась из института. И после этого выяснилось, что оформление на новой работе было чистой фикцией. Суд отклонил жалобу Гали. Устроиться на подходящую работу не было никакой возможности. Нависла угроза принудительного трудоустройства и высылки из Москвы, — к чему и стремились КГБ.

История, как говорят, теперь совершенно заурядная. Случаев таких называют десятки. Но в этой истории любопытно другое. В инсценировке перехода на другую работу принимали участие десятки «порядочных» людей. В суде все свидетели лгали, что было очевидно. Никто в защиту Гали не сказал ни слова. И я в том числе. Я утешал себя тем, что я — человек маленький, от меня ничего не зависит, я тут ни при чем. И ограничился чисто теоретическими рассуждениями. Даже сделал «открытие» на этом материале: общества различаются тем, с какими типами индивидов они расправляются, какими методами расправляются, как ведет себя оружие. И по этой схеме пришел к выводу, что наше общество — общество подлецов, подонков, ничтожеств, трусов. Я страдал. Но не за судьбу несчастной Гали, а за самого себя. Вот, мол, в каком ты мерзком обществе живешь. Ты даже не имеешь никакой возможности приложить свои силы к защите слабого и несправедливо обижаемого человека.

— А что ты в самом деле мог сделать, — сказал Железный Феликс. — Не успел бы пикнуть, как мы тебя раздавили бы как клопа.

— Раздавили бы, — поддакнул Берия.

— И правильно сделали бы, — сказал Сталин. — Не посягай на завоевания революции.

— Чуть, — сказал я. — При чем тут завоевания революции? И кто им угрожает?

— Ты политически безграмотен, — сказал Ленин. — В современных условиях монолитность советского общества...

— Верно, — сказал Берия. — Она соучастник тех, кто подрывает единство...

— Замолчите, вы! — крикнул я. — Вы все походили с ума!

— Кто тут сошел с ума, надо еще выяснить, — сказал Ленин. — Но если ты собрался в нашу партию вступить, ты обязан быть с коллективом.

И если ты сочувствуешь этой сотруднице, совершившей тяжкое преступление перед партией, всем народом, то...

— Тихо, вы! — заорал Железный Феликс. — Не то велю Берии всех посадить!

Терпеть этот гвалт уже не было сил. Я выскочил на улицу и позвонил Учителю.

— В чем дело? — спросил он.

— Тоска, — сказал я. — Жуткая тоска. Мочи нету!

— Давай, топай ко мне. У нас тут теплая компания. Возьми такси!

— Денег нет.

— Возьми все равно. Я встречу, заплачу.

Шофер такси почему-то заговорил о диссидентах и сказал, что их, гадов, давить надо. Давить людей, хоть чем-нибудь выделяющихся своим поведением из общей массы, давить всеми способами — таков обычай, одобряемый народом. И ничего удивительного в истории с Галей нет. И нечего из-за этого переживать. Как сказал стукач Вадим Сазонов, правая рука параноика Смирняшева, надо быть выше этого.

— Плюнь, — сказал Учитель. — Китайцы еще хуже нас живут, а все равно со страшной силой размножаются.

Что наша жизнь?
— Игра!

— Ты тут с этой, извини за выражение, девницей любовью (если это, конечно, любовь!) занимаешься, а Барабанов в институте слухи распространяет, будто ты псих, — говорит Он.

— Пускай, — говорю я.

— На сей раз дело серьезное. Он всем сует твои материалы и спрашивает: что, мол, вы на это скажете?! Зачем тебе понадобилась эта хохма?

— Какая хохма?

— Да ты же ссылочки-то какие выписал? Семьдесят процентов — понос классиков, и только тридцать — одобрение.

— Но Они же велели мне ВСЕ ссылки выписывать!

— Но Они же подразумевали только положительные!

— Нет, все. И в протоколе записано так.

— Значит, они были искренне убеждены, что ученые классиков поносить не осмелятся. Что же делать? Тебя, между прочим, Петин вызывает. Торопись, иначе еще хуже будет.

— Мне нужно к директору, — говорю я Ей. — Я тебя запроу, чтобы соеди не нахамили. Спи! Я скоро вернусь.

— А если я захочу, — пищит Она.

— Если по-маленькому, дуй в бутылку. Если по-большому, делай в газету и выкинь в форточку. Форточку сразу закрой, чтобы не опознали в случае чего. Поняла?

— У меня идея, — шепнул Он перед самым входом в кабинет Петина. — Скажи, что плохие ссылки ты выписал для того, чтобы показать сложность ситуации, что еще многие не осознали и подпали под влияние. И его книга задумана, чтобы... Понял? Заходи!

Моя идея привела Петина в восторг. И он тут же приказал оформить ее в виде предисловия к книге.

— Ты, оказывается, парень, с головой, — сказал он. — А вот Барабанов наговорил... Кстати, что ты о нем думаешь?

— Спокойствие, — шепнул мне Он. — И без психологии! Что наша жизнь? — Игра! Пусть неудачник плачет! Бей! Не упускай случай!

— Дурак он, по-моему, — сказал Петин, не ожидая моего ответа. — Зайцев мне нахвалил его, а он — круглый дурак. Как ты считаешь?

— Я не привык о своем начальстве так резко высказываться, — сказал я, опуская глаза. — Но он... как бы точнее выразиться... не соответствует масштабам Вашего замысла.

— Во! Точно! Я это и хотел сказать. А кто соответствует, как ты думаешь?

— Тут нужен человек логически грамотный. Крупный ученый с мировым именем. Я думаю, Смирняшев подошел бы. Но он, кажется, относится к Вашему замыслу... как бы это выразиться... несколько иронически.

— Ну, я с ним поговорю; Смирняшев — это ты хорошо сказал. А Барабанова оставим ученым секретарем. Сколько ты получаешь?

— Сто тридцать.

— Я поговорю о надбавке. А на эти две недели я дам указание в отдел кадров тебя не беспокоить. Сиди дома и пиши предисловие. И пришли-ка мне Смирняшева!

На радости я забыл про Нее. Домой вернулся только под вечер. Перед домом на тротуаре валялись подозрительного вида пакеты. Она сидела на кровати одетая и в слезах. Сказала, что не простит мне этого свинства. И ушла, не попрощавшись. И я в первый раз отступил от своего правила: не поменял простыни.

— Теперь дело твое в шляпе, — сказал Он. — Катай предисловие. А потом сдавай любую макулатуру на обсуждение в сектор в качестве диссертации. Через год будешь кандидатом! Ура!!

Сидеть дома в таком настроении — преступление. Я выскочил на улицу. Обзвонил всех, с кем имел хоть какие-то отношения. Родители просто обезумели от радости. Отец сказал, что он рассчитывал на мои успехи в науке. Мать пообещала купить костюм ко дню рождения. Я попросил ее лучше выдать деньгами. Когда я далеко за полночь вернулся домой, Она стояла в подъезде у окна. Она меня простила.

Явь и сон Всех сотрудников Желтого дома загнали (под расписку) в Большой актовый зал слушать речь заведующего отделом пропаганды ЦК товарища Кирпиченко «Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории в свете...». Уклониться не было никакой возможности. Мы с Учителем пристроились на окне за занавеской и мирно продремали, пока не оттрепался высокопоставленный лектор и наши постоянные краснобай-холуи. Наконец, приняли какое-то не то постановление, не то воззвание, не то письмо. Я разобрал в этом кошмаре словоблудия только начало фразы «С огромным творческим подъемом и чувством высокой ответственности...», которую долго обсуждали и решили заменить фразой, начинающей-

ся словами «Трудно выразить то чувство радостного подъема, которое охватило...». День был испорчен окончательно и бесповоротно. Учитель предложил заглянуть «в одно местечко». Мы заглянули. Выпили много, но это не принесло облегчения. Мы взяли у официантки еще пару бутылок (за двойную цену, конечно) и двинулись ко мне. Не помню, о чем говорили. Но разговор был мрачным. И кончился тем, что Учитель свалился, не доказав какую-то важную мысль.

Я взвалил бесчувственного Учителя на кровать и сам лег рядом на полу. Стены моей комнатухи сразу же раздвинулись и исчезли. Вошел бронзовый Железный Феликс, въехал на броневике слегка приседающий на корточках Ленин, вполз гранитный Маркс с обосранной голубыми шевелюрой. За ним повалили все остальные. Хотите анекдот, сказал Берия. Звери тоже приняли новую Конституцию. Из двух статей. Статья первая: все звери равны. Статья вторая: лев все-таки всех равнее. Правда, очень мило? А вот еще интересная хохма. Кто такой гуманист? Ха-ха-ха! Ничего подобного! Это — директор ГУМа. А кто такие гуманоиды? Ха-ха-ха! Опять не угадали! Это — покупатели в ГУМе. Собрался народ в Кремле, сказал Сталин, прервав Берию, и кричит: Молотова! Молотова! Вышел на крыльцо Брежнев и говорит: Товарищи, Молотов давно в правительстве не состоит. Тогда в зернах, в зернах, — закричал народ. А что, кофе тоже дорожает? — спросил Ленин. Временно, — сказал Маркс, — и всего лишь в четыре раза. Тут Учитель во сне выругался, перевернулся на другой бок и свалился прямо на меня. Видение исчезло.

Послание Маркса последователям

*Это что же за момент такой настал!
Неужели я напрасно накатал
Свой трехтомный эпохальный «Капитал»?!*

*Ни намек пролетарской диктату-у-у-у-ры,
Не коммуна — воплощение халту-у-у-у-ры,
Не развитие меня, а шуры-му-у-у-у-ры!*

*Показуха. Демагогии трезвон.
Где рабочий класс? Куда девался он,
Класс — мессия, избавитель, гегемон?*

*Нет намек даже равенства и бра-а-а-а-т-ства,
Расхищение народного бога-а-а-а-т-ства,
Не гармония, а процветанье бля-а-а-а-д-ства.*

Способы удирания Есть много способов удрать из института во время рабочего дня. Наилучший из них, конечно, не приходиться вообще на вполне законных основаниях. И таких личностей, которые могут себе позволить это, в институте полно. Это — старшие научные сотруд-

ники с докторской и с кандидатской степенью. Первые из них являются в институт всего два раза в неделю, расписываются в книге прихода-ухода и тут же смываются. Что они делают за пределами института? По отчетам — ворочают горы науки, делают открытия, горят на общественной работе. Фактически — обделывают «левые» делишки, зашибают деньги, устраивают дачи, квартиры, гаражи. Вторые из упомянутых старших являются в институт три раза в неделю, иногда пребывают в институте целый рабочий день, иногда крутятся на виду пару часов и смываются, чаще — смываются сразу. Вне института они ведут себя так же, как доктора, ибо они — будущие доктора, только чуть поменьше, ибо они еще не доктора и не все вылезут в доктора. Но нам, младшим, и особенно — без степени, рассмотренный метод не подходит. Мы изобрели другие, менее эффективные, но все же достаточно надежные. Вот некоторые из них (опишу на своем собственном примере).

Расписавшись в книге и показавшись в секторе, я выхожу на малую площадку. Натрепавшись до зевоты и накурившись до тошноты, иду в научный кабинет. Там тоже идет треп, только несколько приглушенными голосами и без курева. И содержание разговоров наводит тоску. Обычно в кабинете сидят старые бабы, выполняющие функции технических сотрудников. А о чем они могут говорить, вы сами знаете. Мелкие институтские сплетни. Мелкие домашние трудности. Но, конечно, на высочайшем уровне накала страстей и интеллекта. У завхоза сын под суд попал. За наркотики. О, ужас! Распустились! Зажрались! Петрова из сектора этики попала на махинация с профсоюзными взносами. О, ужас! Гнать надо из партии и из института. Сидорова из сектора истории зарубежной философии украла дубленку у Иванова из сектора теоретических проблем марксистско-ленинской теории познания. Вот негодяй! Где он достал дубленку? Она сумасшедших денег стоит. А он еще младший. Алименты платит. В два места алименты платит, негодяй! Гнать таких из института! Мое появление несколько снижает тон разговоров и их направление, ибо я сам числюсь в негодяях, которых надо гнать из института. Одни из этих серых крыс считают меня наркоманом, другие — гомосексом, третьи — психом, а некоторые — тайным диссидентом. Просидев в кабинете минут десять над одуряюще скучной рукописью Смирняшева, Труса или Петина, я прихожу к твердому решению покинуть институт до конца рабочего дня, а то и вообще до завтра. Как это последнее сделать, скажу потом. Мое решение подкрепляется тем, что в кабинет врывается Кирусик с круглыми глазами и разинутым от ужаса ртом. Ой, девочки, вопит она, игнорируя мое присутствие. Что я вам скажу! Что я вам скажу!..

Но перейдем к главному. Итак, решение созрело, и все теперь зависит от метода. Сначала скажу несколько слов о самих методах, а затем — о принципах их отбора. Ибо мало знать методы. Надо еще уметь ими пользоваться, т. е. знать, когда и какой из них следует применить. Методы удиранья разделяются на легальные и нелегальные. Первые разделяются на отпросные и вызывные. В случае отпросных методов идешь к какому-либо начальству и просишь разрешения покинуть институт, обещая потом «отработать». Поводы вполне уважительные: сверлить зуб, взять

ребенка из детсада, отвезти мать в больницу, сходить в библиотеку, отнести рукопись автору и т. п. В случае вызывных методов делаешь вид, будто тебя требуют в издательство «Наука», «Мысль» или «Природа», в Президиум Академии наук или в Отделение, к директору на квартиру или на дачу и т. п. Можно организовать звонок. Я обычно это делаю сам. Но можно и так. Главное — сыграть при этом спешку и недовольство по поводу вызова. Парторгам и лекторам удобно пользоваться «вызовами» из райкома, из горкома и общества «Знание». Нелегальные методы делятся на побеги и уходы. Побег удобно совершать по черной лестнице. Чтобы никто не видел. Для этого достаточно опустить голову и сделать вид, будто идешь в буфет (он на первом этаже). Главное — стремительность, никаких задержек. Есть шанс, что подумают, будто ты по делу спешешь. Летом удобно выбираться не через дверь, а через окна (я знаю, где это можно делать запросто). Уход совершается открыто, на глазах у всех, по главной лестнице, с таким видом, будто ты — старший сотрудник и доктор. Удобнее всего уходить под прикрытием важных лиц — директора, заместителей, секретаря партбюро, председателя месткома. Ждешь, когда кто-то из них покидает институт. Присоединяешься, задаешь какой-нибудь глупый вопрос. Начальство любит отвечать на глупые вопросы! Для посторонних твой уход выглядит так, будто высокое начальство само уводит тебя из института, руководствуясь высшими целями.

Обратно возвращаться в институт проще. Человек, идущий в конце рабочего дня на работу, заслуживает всяческого уважения. Даже у КГБ (я имею в виду «кадрицу» Быкову) теплеют ее немигающие очи. Проблема — если ты вернуться не хочешь или не можешь. Например, ты уже подлазжил так, что от тебя несет за версту, и сука Тваржинская через дверь чувствует, что ты пил, в какой последовательности, и чем заедал. Или ты впал в такое состояние, что забыл о существовании своего родного учреждения. Или вообще не способен шевельнуть ногой. В таких случаях надо заранее обдумать, кто за тебя распишется в книге прихода-ухода, или ухитриться самому незаметно расписаться. Последнее можно сделать, например, так. Заходишь в отдел кадров, просишь книгу под тем предлогом, что Трус велел и т. д., и оставляешь незаметно свой автограф в графе ухода. После этого можешь спокойно ночевать в вытрезвителе.

И все же то, что я сказал, есть лишь грубая схема. Действительность куда сложнее. И, я бы сказал, диалектичнее. Опытный сотрудник проявляет порой такие чудеса изобретательности, что Эйнштейн в сравнении с ним выглядит жалким недоучкой. Председатель ДОСААФ Добронравов, например, устроил себе откомандирование в распоряжение академика-секретаря Канарейкина на месяц, поселился с ним рядом в отдельной комнате в санатории «Узкое», предназначенном для высших лиц Академии, и отхватил за это еще благодарность и денежную премию. А Качурин дважды в неделю исчезал на встречи с ведущими физиками страны, которых он якобы учил уму-разуму. А... Впрочем, это — выдающиеся сачки. Рядовые сачки, вроде меня, просто учитывают конкретную ситуацию и комбинируют элементы различных методов. Однажды я совершил побег, но по выходе из института сел в машину... директора! Это было на глазах у КГБ, и она

два дня после этого обращалась ко мне на «Вы». А между тем я сел в директорскую машину стрельнуть у шофера сигарету.

Как я уже говорил, мало знать методы покидания института в рабочее время. Надо знать еще некоторые принципы их применения. Так, один и тот же метод нельзя применять два дня подряд. Если тебя застукали на побеге, демонстративно вернись в институт... и соверши побег вторично: дважды за одно и то же преступление не ловят. Попавшись, немедленно признайся, не выкручивайся. Начальство ничто так не любит, как раскаявшегося грешника. Лицам, которые могут тебя застукать и выдать, делай мелкие услуги. Будь с ними ласков, но храни достоинство. Наш простой народ, особенно — фискалы и стукачи, любят отважных и добрых уголовников. Если нащупаешь слабости таких лиц, помалкивай. Но дай им понять, что ты осведомлен. Тем самым ты сам их будешь держать в кулаке. Однажды я, удрав методом ухода, столкнулся с Паней, институтской уборщицей, которая в рабочее время стояла в очереди за меховыми шапками в ГУМе. Не помню, зачем меня туда занесло. И я не выдал ее никому, и она это оценила. Один из важнейших принципов в применении рассматриваемых методов — знай меру! Это значит, что удирать надо только тогда, когда ты наверняка знаешь, что тебя никто не хватится, что твое отсутствие не будет никем замечено. Для этого надо суметь убедить всех сотрудников в своей полнейшей ненужности. Задача эта довольно трудная. Иногда на решение ее уходят годы. И я в этом деле добился заметных успехов. А если уж ты не можешь стать совсем незаметной персоной («невидимкой»), постарайся быть нужным в таком стиле, чтобы твоя нужность не препятствовала, а способствовала удиранию. Так, мое участие в директорской группе я использовал в этом плане, как говорится, на всю железку.

По моим наблюдениям, основным стимулом «научного роста» сотрудников нашего института является завоевание возможностей тратить на институт как можно меньше сил, распоряжаться своим временем и профессиональными достижениями по своему усмотрению и наивыгоднейшим образом («левые» публикации, работа на полставки, лекции, гонорарные статьи и книги и т. п.). Время от времени высшие инстанции обращают на это свое критическое внимание и принимают пресекающие меры. Но скоро все возвращается в прежнее состояние. Люди так или иначе ухитряются брать «свое». И даже мы, младшие без степени, обладаем терпением и способностью делать свой рабочий день мало-мальски терпимым, хотя именно на нас обрушивается вся мощь дирекции, отдела кадров, канцелярии, секторского актива, партийной и комсомольской организаций, месткома и т. д. и т. п. Быть сотрудником — значит овладеть не столько профессиональными познаниями (это — пустяк), сколько навыками уклоняться от труда за счет этих познаний и иметь за это как можно больше.

Мысли Глупца Наша социальная система банальна, если смотреть на нее изнутри, и непостижима, если смотреть на нее снаружи. Возьмем, например, поведение наших руководителей. Чего только не пишут о нем на Западе! И все это — чушь. На самом же деле поведение наших

руководителей определяется исключительно соображениями устойчивости личного положения и карьеры. Интересы же дела суть лишь неизбежное зло или средство для этого. Начиная с некоторого уровня иерархии ход дела вообще не зависит от того, кто стоит во главе его. Он зависит от общей установки в отношении этого дела и общих законов системы. И руководитель действует в этих рамках. Он мог принимать участие в выработке этой установки, но это не меняет его положения в дальнейшем. Если человек хочет попасть на место руководителя какого-то дела, он должен зарекомендовать себя определенным образом в глазах тех, от кого зависит его назначение. Причем обычно жаждущие места руководителя не рассчитывают непременно на данное место. Они рассчитывают на какое-то место. А решающие его судьбу лица и инстанции производят отбор кандидата из числа данных карьеристов на данное вакантное место. Решающую роль при этом играют личные интересы и соображения множества лиц, участвующих в отборе и назначении руководителя. Отбор производится по многим параметрам, среди которых интеллектуальный уровень кандидатов играет весьма второстепенную роль. Достаточно проанализировать ситуацию с подбором подходящего директора для нашего института (старого директора убирают скоро и, конечно, — с повышением), как вся механика назначения на должности станет очевидной. Но никто этим почему-то не хочет заниматься. Предпочитают некие высоконаучные разговоры скучной повседневности. А ведь именно в ней суть нашей системы.

Прогресс Мы сидели в кабинете директора. Он лично сам беседовал с нами. Высказал несколько идей о структуре своей будущей книги. Барабанов тотчас же записал их. Затем директор пустился в воспоминания. Было довольно интересно слушать, в особенности — о встречах со Сталиным. Рассказал о выступлении Сталина в ИКП. В его изложении это выступление выглядело совсем иначе, чем в разоблачительной литературе (я сам не читал, но много слышал от других, которые читали). Смирняшев сказал, что все это потрясающе интересно, и что Петину надо мемуары писать. Пора, в конце концов, правду рассказать! А то всякие там спекулируют!..

Вошла Тормошилкина с битком набитым портфелем. В портфеле — экземпляры ее только что вышедшей книги о Джордано Бруно. Один экземпляр она подарила Петину, снабдив страницы, на которых были ссылки на Петина, постоянно действующими закладками (она их просто приклеила!). Подарила экземпляры также Смирняшеву и Барабанову. На нас остальных она даже не взглянула, ибо мы для нее отныне — мелочь, не достойная внимания. Все, разумеется, бросились разглядывать книгу. В предисловии Тормошилкина перечисляла всех влиятельных лиц института, факультета, АОН, ВПШ, редакций «Коммуниста» и «Вопросов идеологии» и отдела науки ЦК и благодарила их за ценную помощь в работе над проблемой и книгой. В предисловии же она скромно намекнула, что ее книга открывает новую страницу в мировой джорданобрунологии, — этот термин вводит в науку впервые, конечно, она. В книге три части: 1) За что и как сожгли Бруно; 2) Что думает по сему поводу марксизм-ленинизм; 3) Какие

обязательства на нас накладывает все это. Книга написана со страстью передовицы газеты «Правда», осуждающей зверства чилийской хунты. Со ссылки на эту передовицу начинается первая часть книги. А заканчивается книга длинной цитатой из речи Брежнева.

Учитель тоже был удостоен книги Тормошилкиной с дарственной покровительственно-назидательной надписью. Он вырвал титульный лист с этой надписью и сунул книгу в мусорную урну около редакции «Коммуниста». И плюнул вдогонку книге. Удивительное дело, сказал он. Книга — диссертация, и за нее не положен гонорар. И однако Тормошилкина гонорар получила. Гонорарные книги нельзя включать в свой индивидуальный план по институту. Но книгу Тормошилкиной зачли как выполнение плановой работы за три (!) года. И премию к празднику дадут, что тоже не положено. И никто не пикнет. Считается, что все так делают. Нет, далеко не все. Это надо приспособиться, влиться в особую институтскую мафию, через которую-то и благодаря которой становится возможным эксплуатировать общество в свое удовольствие. Институтские дуры уже носятся с идеей выдвижения Тормошилкиной на Государственную премию. Если не выдвинут или выдвинут, но не дадут, сколько будет искреннего негодования по адресу «мракобесов». Еще бы, ведь Тормошилкина «на голову выше»! И это — прогресс?! Самый настоящий, сказал Добронравов. Во-первых, прогресс — это не значит еще хорошо. Это просто более точное, тонкое, адекватное приспособление к данным условиям бытия. Общественный прогресс обычно совершается в таких формах, что избави Боже. Иван Грозный, Петр, Ленин, Сталин... Прогресс — это прежде всего насилие, убийство, кровь. А вот-вторых, Тормошилкина действительно на голову выше Петина, Федькина, Канарейкина и прочих зубров. Если отсчет вести от пещерного человека, сказал я, то эти зубры будут выглядеть сверхчеловеческими сверхгениями. А ну их всех, сказал Учитель. Надоело! Давайте что-нибудь веселенькое. Цены повышают, это точно, сказал Добронравов. На золото — на шестьдесят процентов, на кофе — на четыреста, на бензин — на триста! Что же, сказал Учитель, придется оставить мечту о золотых унитазах более счастливым потомкам и перестать пить кофе и бензин. На вино, сказал я, тоже повысят. Твою мать, сказал Учитель. Твою мать, сказал Добронравов. Твою мать, сказал я.

Русский народ Что такое русский народ, говорит Добронравов. Народ, постоянно живущий в условиях дефицита всего необходимого, страха что-то потерять, быть обиженным и даже уничтоженным, ожидания худшего, боязни быть обойденными другими и т. д. и т. п. Отсюда — вечное раздражение, толкучка, злоба, нытье, толкание в спину и наступание на ноги. Постоянная готовность впасть в паническое состояние, наброситься на соседа, предать ближнего. Основа основ его психологии — слава Богу, что хоть целы пока, что хоть что-то есть, что раньше еще хуже было (или что раньше не то было, — смотря по обстоятельствам). Так о каком тут духовном единстве нации речь может идти?! А наверху вечно справляли свои государственные оргии инородцы — варяги, немцы, грузины, евреи... А свой брат, если вылезал вверх, становился для своего

народа хуже варяга, немца, грузина, еврея... А когда нарождалось что-то значительное в области духа нации, шли погромы, погромы и погромы. Власти совместно с самим же русским народом до основания выкорчевали всякие попытки лучшей части русского народа выйти в народы европейские. И опять матрешки, балалайки, пляски, самовары. Смешно, сейчас русский народ вообще не пляшет (и плясал ли раньше?) и не тренькает на балалайке, а самовары имеют только иностранцы. И вообще, проблема русского народа — дохлая проблема. Пожалеть русский народ можно. Но рассчитывать на некое русское национальное самосознание как на фактор прогресса — бессмысленно. Он в прошлом, а не в будущем. А прошлое не менее печально. Мы захватили огромные территории. Насилуем половину Европы. Лезем во все страны мира. А толку что? Захватить-то мы можем. А удержаться? А освоить? Конечно, мы можем дикарей поднять до своего полудикого уровня. Но цивилизованному миру мы несем явное занижение всех лучших продуктов цивилизации, если не сказать большего. Мы заражаем мир серостью, халтурой, ленью, враньем, ненадежностью, лицемерием, коварством, пошлостью, насилием и т. д. и т. п. Это говорю я, русский человек, познавший русский народ и страдающий за его трагическую судьбу. И не мероприятиями тут можно исправить положение, а лишь изменением всей исторической ориентации народа, которая через много поколений может дать эффект. А возможно ли это? Насколько я разобрался в законах истории, историческая ориентация больших народов неизменна. Способные русские люди? Их основная цель — любыми средствами выбиться из народной трясины и занять какие-нибудь привилегии. Короче говоря, русский народ — удобная арена для проходимцев и материал для авантюрных экспериментов. Для коммунистических в том числе, сказал я. Для коммунистических в особенности, сказал Учитель. Всегда для коммунистических со времен Ивана Грозного, сказал Добронравов.

К стыду своему я должен сознаться, сказал я, что меня как-то не волнует судьба русского народа. Меня тоже, сказал Учитель. Но это не равнодушие, а готовность разделить судьбу своего народа, покорность ей. Мы лишены возможности влиять на нее активно, как и почти вся остальная масса народа, и нам не остается ничего иного, как с рождения усвоить психологию: будь что будет! Наш народ вверяет свою судьбу высшему руководству не потому, что верит ему и любит его, — он не верит ни одному его слову и ненавидит его, — а потому, что в силу исторически сложившихся социальных условий своего существования вынужден отчуждать свое активное начало тому, кто сумеет его захватить.

Послание Русскому народу

*Меж гор, лесов, полей, морей,
Меж необъятных океанов,
Без буржуэв и без царей
Расти и ширьсь, страна Иванов!
Не мясом — лозунгом питай
Свою первичную природу!
И в тесном транспорте читай
Про рай земной макулатуру!
Не в шелк — в газетный треп одень
Свое проверенное тело!
И помни, дан текущий день,
Чтоб выть «Да здравствует» огололо!
Славь мудрость партии вождей!
И все житейские прорехи
Вали на дефицит дождей,
На объективные помехи.
Что даром хлеб не продают
За океаном сионисты.
Покою сзади не дадут
Мао... их мать!.. цзедуинисты.
Напоминай, что мы должны
Кормить задаром пол-Европы,
И жрут из нашей же мощны
Свободолюбыв-эффионы.
Но ты достигнешь все равно,
И, верный Ленина завету,
Всепобеждающим говном
Засрешь по уши всю планету.*

Ум, честь и совесть нашей эпохи

Социальный и возрастной состав КПСС — одна из важнейших государственных тайн. Один старый друг отца, работающий на периферии на довольно крупной должности, рассказывал (в пьяном виде, конечно, и по секрету), что у них посадили человек десять; одних — за попытку разгласить данные о социальном и возрастном составе партийной организации области, других — за небрежность в хранении этих данных. То, что у нас публикуется на этот счет, сплошная липа. Почему? Да потому, что наша партия считается прежде всего партией рабочего класса, и к тому же — партией, в которую идут из стремления души к светлым идеалам. А на самом деле она уже давно есть партия пожилых чиновников (по преимуществу), и вступают в нее почти все (за редким исключением, о коих скажу ниже) из стремления к благополучию всякого рода. В светлые идеалы не верит никто, кроме немногих маразматиков, которым положение это делать по их положению. Да и те просто привыкают считать

своей искренней верой то, что сначала было ложью и лицемерием. И больше абсолютно ничего. Мы над этими идеалами начали смеяться еще в младших классах школы, причем будущие члены партии и преуспешие чиновники смеялись не меньше прочих. А то и больше. Один из наших выпускников сейчас работает в аппарате Городского Комитета (МГК) партии, один — в Идеологическом Отделе в КГБ, кое-кто преуспел в званиях и должностях в науке, что то же самое МГК и КГБ. Наша школа была в центре, у нас училось много детей чинов из КГБ, МВД и других почтенных организаций. Так эти партийные активисты в свое время были основными поставщиками антисоветских анекдотов. Тот тип, что сейчас в МГК, собрал полностью все серии «Армянского радио», «Чапаева», «Ленина», «Хрущева» и «Брежневца».

Теперь приняты какие-то постановления, стимулирующие вступление в партию рабочих, крестьян и вообще производственников низших рангов (включая техников, мастеров, инженеров) и ограничивающие приток в партию из среды интеллигенции. Нам на наш гигантский институт выделяют в год всего два-три места. Правда, к нам стараются отбирать уже членов партии. Но все же в связи с новыми веяниями (потребовалось знание иностранных языков, более высокий литературный и научный уровень писанины) к нам набрали довольно много молодежи. Молодежь вышла из комсомольского возраста, уже перевалила за тридцать, рвется годами к светлым идеалам, а тут — всего несколько мест. Есть от чего прийти в отчаяние! Я уже дважды был кандидатом в кандидаты в члены. И дважды отставался. И хоть убейте, не пойму, почему я становился кандидатом. Но более или менее смутно представляю, почему переставал им быть. В первый раз мое место передали Сазонову, второй раз — одному ловкому парню из Азербайджана. Чувствую, что и на сей раз я теряю свою возможность. Ничего подобного, говорит Он. Теперь-то твое дело как раз на мази. Петин теперь тебя сразу пропихнет не то что в члены, а прямо в ЦК. Или в Политбюро. А что? По крайней мере впервые за всю историю этой организации в ней оказался бы приличный человек! Скажи честно, что ты сделал бы, если бы вот сейчас тебя назначили Генсеком? А как ты думаешь, спрашиваю я. Распустил бы партию, говорит Он. Эх ты, говорю я, а еще жизненный опыт имеешь! Я бы поголовно всех объявил членами партии. Эффект тот же, зато демагогический ход — не придерешься. И жуликов, спрашивает Он. Этим в первую очередь, говорю я.

В принципе я равнодушен к проблеме партийности. Примут — хорошо, не примут — тоже неплохо. У беспартийных тоже есть неоспоримые прелюбности. Например, члены партии должны заверять характеристики для поездки за границу в райкоме партии, беспартийные — нет. Хотя беспартийных чаще не выпускают, зато в райком идти не нужно. На собрания ходить не нужно. И общественной работой можно заниматься лишь для отвода глаз. Совсем уклониться невозможно, коллектив не допустит. Но для виду — это пустяк. И за некоторые (в основном — политические) провинности партийных лупят сильнее. Выйти из партии добровольно фактически невозможно, ибо это равносильно самоубийству. Обычно таких сажают в сумасшедший дом. Отдельные лица уцелели, но лишь благодаря

известности. Исключение из партии — тяжкое наказание, но и это куда легче, чем добровольный выход. Исключаемый помимо своей воли, естественно, стремится удержаться в партии, клянется в верности, дает обещания. И это отчасти смягчает его вину и дает некоторую гарантию, что не посадят в тюрьму или в сумасшедший дом. Так что если ты решил выйти из партии, соверши проступок, за который тебя исключат. Наилучший прием для этого — пьянство и разврат. Был у нас в институте один такой случай — исключили из партии одного бывшего фронтовика за пьянство и дебош. С работы уволили, но помогли устроиться в каком-то институтишке. Однажды я его встретил. Мы, конечно, выпили. И он признался, что бесконечно счастлив быть беспартийным. Ни в коем случае не вступай, сказал он. Вам хорошо так говорить, сказал я. Вы — ветеран, в кандидаты наук и в доценты успели проскочить. Ерунда, сказал он. Денег все равно не хватает. И у тебя все еще впереди.

Какую роль играет партия в нашем обществе, ясно даже младенцам. Она не ясна только теоретикам, в особенности — западным. Все, что о ней говорят, все верно. И все же в целом говорят обычно чушь. И дело не в том, что что-то упускают. Дело в последовательности описания, в акцентах, в характере зависимостей, т. е. в методе понимания. Во-первых, нашу партию нельзя рассматривать в неких общих и абстрактных выражениях. Она есть индивидуальное явление, сложившееся в результате некоторого исторического процесса и восстанавливающееся (воспроизводящееся) в качестве индивидуального явления. Восстанавливается она путем отбора в себя индивидов из общей социальной среды. В общей форме можно говорить лишь о правилах этого отбора. Каждый индивид отбирается в партию индивидуально и другими индивидами же. Он лишь должен отвечать некоторым критериям отбора — лишь это здесь общее. Этот пункт очень важен. Примером неиндивидуального (массового) отбора является, например, призыв в армию, прием в учебные заведения. Хотя там есть элементы индивидуализации, в целом это не индивидуализированный отбор. Здесь же (в случае с отбором в партию) индивид намечен заранее, известен лично, изучен настолько, что ошибки почти исключены. И потому (среди прочих условий) заранее исключен какой бы то ни было бунт в первичных партийных организациях, в руководящих партийных органах, конференциях, съездах. Партия отныне и навеки обречена воспроизводиться примерно в одном и том же виде. Она предельно консервативна по самому способу своего воспроизводства. Во-вторых, исторически сложилось так, что вся система руководства всеми отраслями жизни страны оказалась в руках членов партии. И опять-таки это — индивидуальное явление, воспроизводящееся так, что каждый индивид в систему власти отбирается индивидуально (хотя — по общим правилам), отбирается член партии с определенными качествами или потенциальный член партии. Случаи, когда отбираются беспартийные, существенной роли не играют. Эти беспартийные ничем не отличаются от партийных. И делается это обычно для маскировки и отвода глаз. Таким образом, вся система личностного воспроизводства власти находится целиком и полностью в руках партийных органов, не говоря уж о том, что последние контролируют все (это уже другой аспект дела).

Партия может осуществлять контроль за всей системой власти благодаря тому, что весь механизм телесного (личностного) воспроизводства власти сложился именно таким образом и иным быть уже не может, пока не разрушено все общество. По этой (по вещественной, материальной, телесной) причине вся система нашей власти консервативна и не способна не то что на бунты, но даже на мало-мальски заметные реформы и флуктуации. В-третьих, внутри себя партия исторически сложилась как особый социальный индивид так, что вся ее сложная система субординации и координации воспроизводится опять-таки по принципам индивидуального отбора лиц уже из отобранного на некотором предшествующем уровне материала. Отбор во всех случаях производится по принципу адекватности отбираемого предназначенной для него функции. Разумеется, в силу массовости системы (миллионы населения, миллионы членов партии, десятки и сотни тысяч организаций и постов) возможны отклонения, нарушения, случайности. Но суть дела от этого не меняется, и господствующей тенденцией является воспроизводство всего этого человеческого механизма в сложившихся формах. И лишь в последнюю очередь можно говорить о неких целях партии как единого целого. И эти цели — не пустяк.

Было бы грубейшей ошибкой видеть в партии только организацию карьеристов, хапуг, циников, стяжателей по совместной эксплуатации общества в своих корыстных целях. И не менее грубой ошибкой было бы рассматривать цели партии как чистую фикцию. И тот факт, что в эти идеалы не верят, нисколько не отвергает великую историческую и функциональную их роль. Если бы партия была лишь организацией гангстеров, а ее идеалы — лишь демагогией и обманом, дело было бы куда более оптимистическим. Это все есть естественный процесс, причем — грандиозный, а не заговор злоумышленников. Суть дела тут в двух словах такова: если бы не партия, то жизнь тут была бы сплошным кошмаром, и без партии эта система долго не просуществовала бы. Увы, это так. И нет другой силы, способной выполнить у нас ту же самую роль. Партия консервирует и охраняет социальную структуру общества и систему привилегий, связанную с нею. Но она же в целях сохранения существующего порядка вещей стремится сохранить некоторые естественные нормы во всем, предотвратить опасные крайности. Партия не поощряет всю ту мразь, которая вырастает из естественных основ жизни общества. Способствуя проращению этой мрази, она с нею же и борется, стремясь удержать ее в некоторых рамках, устраивающих так или иначе большинство населения. Я не хочу этим сказать, что партия несет с собой, с одной стороны, зло и, с другой стороны, добро. Она не есть ни зло, ни добро. Она естественна. Смерть ведь тоже естественна, хотя в ней мало приятности. И жизнь без нее нелепима.

Партия — не ум, не честь и не совесть нашей эпохи. Ума в ней кот наплакал, а чести и совести в ней никогда не было и не будет. Это явление не интеллектуальное и не нравственное. Она есть скелет, мускулатура и нервная система гигантского безмозглого, бесчестного и бессовестного объединения людей, способного в силу отсутствия ума, чести и совести на любую пакость. Она сама и содержащее ее социальное

целое исключают всякие внутренние возможности для творческой эволюции. Если не будет достаточно сильных внешних воздействий, такое социальное существо способно будет владеть неизменное существование тысячелетиями.

Великолепная мысль, воскликнул Маркс. Блистательно, воскликнул Ленин. Неплохо сказано, буркнул Сталин. Могу рассказать вам по сему поводу старый анекдот, сказал Железный Феликс. Отмечают юбилей одного крупного начальника. Мы тебя ценим, дорогой товарищ, говорит открывающий чествование другой высокий начальник, не за то, что ты сумел устроить себе шикарную квартиру, детям по квартире, дачу, машину, детям по даче и по машине, любовницам по квартире и по машине, звание Героя и Государственную премию, а за то, что ты всегда был настоящим коммунистом. Не смешно, сказал Берия. Одно другому не мешает. Как говорил Пушкин, быть можно дельным человеком и думать о красоте ногтей. Можно совращать маленьких девочек и пьянствовать, но быть при этом беззаветно преданным делу... Конечно, сказал Железный Феликс, если именно преданность Делу дает возможность безнаказанно насиловать девочек. Это даже способствует преданности. И Делу, конечно. А известно ли вам, сказал Берия, что был случай, когда Римским Папой был атеист и развратник? Ты на что намекаешь, рывкнул молчавший доселе Генсек. Я вам покажу, где раки зимуют, диссиденты несчастные!

Все исчезли. Я снова погрузился в свои высокоумные размышления. Вспомнил, как у нас в школе одного веселого парнишку исключили из комсомола и из школы (куда он исчез?) только за то, что он сочинил стишок, в котором были такие строки:

*Если ты сидишь на задней парте,
Ни к чему тебе быть членом партии.*

Именно «парти», а не «партии». Представляю, что сделали бы со мной, если бы узнали, о чем я тут думаю! Ничего, сказал Железный Феликс. Думать думай что угодно, только держи язык за зубами. Пока зубы целы, конечно. И чтобы зубы были целы, конечно.

Кто мы Абстрактно рассуждая, все возможно, говорит Добронравов. Например, вчера была передача по телевизору о перспективах сельского хозяйства и пищевой промышленности. Обладеть можно, до чего хорошо и до чего еще лучше будет! А реальность? Цены на продукты питания повышают. Только основные продукты пока не трогают, — хлеб, молоко, сахар. Но и они фальсифицированы. А каковы реальные перспективы? Естественные и качественные продукты — привилегированным, а искусственные и бросовые — массам. Обещать-то можно золотые горы, равенство, изобилие. А реальность неумолимо разделяет людей на группы, слои, классы. И все, что связано с их жизнью, тоже дифференцируется — школа, одежда, питание, жилища, средства отдыха и развлечения. А что в этом плохого, говорю я. Это же естественно. А я разве говорю, что плохо, говорит Добронравов. Я говорю, что это происходит объективно. А проблема плохо или хорошо решается тем, куда человек лично попадает. Для основной массы людей

их путь уже предрешен. Лишь для таких, как мы, еще остается некоторая свобода выбора. Но и таких все же избыток. И общество изобретает свои безотказные средства против них. Какие? Оно обрекает нас на бесплодие во всех отношениях. Но еще не все потеряно, говорю я. Все, говорит Добронравов. Ну, пусть ты станешь старшим научным сотрудником и займешь три библиотечных дня. Что изменится? Чуть-чуть повысится уровень баб, с которыми будешь спать, чуть приличнее барахло наденешь, чуть лучше жрать будешь, чуть больше пропьешь. А принципиально все останется в том же положении. Поздно. Нас уже давно кастрировали в социальном плане жизни. Так что же делать, говорю я. Чудак, говорит Добронравов, делать то же самое, что мы делали до сих пор: ничего не делать. Это моя принципиальная позиция. И урывать от этого вшивого коммунистического общества все, что под руку попадается. А это не так уж мало. Вот, смотри. Я возглавляю ДОСААФ в институте. Что это значит? По крайней мере раз в неделю я нагло иду в «кадры», беру книгу прихода-ухода, пишу, что ушел в районное отделение ДОСААФ, и смываюсь по своим делам. Кое-что перепадает от Общества — премии, путевки, подписка на книги, билеты в театры. Дальше, я отвечаю за физкультурную работу по линии месткома. Что это значит? Опять-таки кое-какое время, кое-какие средства, кое-какие развлечения. Какие? А лыжи? А волейбольные принадлежности? А пинг-понг? А шахматы? А байдарки? А профсоюзные денежки на походы и поездки? По мелочам набирается порядочно за год. Ежегодно я имею безвозмездные ссуды по линии кассы взаимопомощи, соцстраховскую путевку. За всякие праздничные дежурства и за избирательные кампании имею «отгулов» столько же, сколько длится основной отпуск. Устраиваю иностранцев, приезжающих в институт, вожу их по туристическим местам. А это — времяпровождение, денежки на транспорт и питание. Короче говоря, я живу — не жалуясь. Дотяну до пенсии и на боковую. Смешно, я от нечего делать на любом европейском языке могу изъясниться. Конечно, если бы я вступил в партию и защитил диссертацию, я бы за границу стал ездить и все такое прочее. Но меня туда не тянет. И осведомителем я не хочу становиться. И потерять на это нужно минимум три-четыре года. Изворачиваться. Это в мои-то годы. Нет, мне это не подходит. Мне и так неплохо.

Послание вождям

*О вожди! О вожди! Поумерьте свой пыл,
Свои траты вовне сократите немножко.
Обратите вниманье на внутренний тыл,
Ну, хотя бы на ту же картошку.
Хоть на те же штаны. Хоть на то же жилье.
За хозяйство возьмитесь упорно.
И на всяких постах попримжьте жулье:
Из-за них — ни вздохнуть и ни пернуть.
Решите поездки из Тулы в Москву
За едой, хоть в полгода двукратно.*

*Чтоб веселием нам пересилить тоску,
Снизьте цены на водку обратно.
За границу — не просим. Не надо пускать.
На хера нам сдалась заграница.
Откровенно скажу, на Париж нам насрать,
И пусть катится к черту и Ницца.
Нам бы лишь бы, а там — не расти хоть трава.
Мы за это вам честно послужим.
Ну, а тех, диссидентов, — борцов за права —
Мы своими руками задушим.*

Удобный случай Мы с Добронравовым собирались уже пересечь Калининский проспект напротив Кремлевской больницы. Но вдруг остановилось движение машин и людей. К больнице подъехали три тяжелые черные машины неизвестной мне марки. Из средней вышел сам Генсек и странной пружинящей походкой направился в больницу. Через мгновение движение возобновилось, как будто ничего не произошло. Я подумал, что с того места, где мы стояли, вполне можно было бы бросить гранату и скрыться в суматохе. Удобный случай, сказал Добронравов. Не правда ли? Спокойно можно было бы бросить гранату и смыться. Если потренироваться слегка, то и противотанковую можно докинуть. Надежнее. Вряд ли, сказал я. Это сейчас так кажется. А если попробовать на деле, обязательно что-то сорвется. Либо промажешь. Либо переодетые агенты (видел, сколько их там!) сразу схватят. Либо граната не взорвется. А смыться не удастся, все равно найдут. Ну, в таком случае надо быть готовым на жертву, сказал Добронравов.

На улице Герцена мы расстались. Я стал обдумывать «удобный случай». Конечно, найдут. Хотя бы по бороде. Поинтересуются, какие книжечки я выписывал, и кажут. Бороду, конечно, можно сбрить, а потом фальшивую приклеить, бросить гранату и бороду сунуть в урну. Но это (сбрить бороду) будет выглядеть еще более подозрительно. Да и жаль терять такую роскошную бороду из-за какого-то Генсека.

Случайный собутыльник Я люблю случайных собутыльников. Хотя они много врут и куражатся, но иногда бывают искренни и рассказывают кое-что интересное. На сей раз я сижу с довольно благообразным пожилым человеком. Я пострадал, говорит он, не из-за людей, а из-за волков. Зимой сорок первого — сорок второго года их развелось ужасающее количество. И обнаглели они безмерно. Они за просто приходили к нам на территорию части и заглядывали в окна. Часовые, конечно, прятались. Стрелять из винтовки в них было невозможно — смазка застывала. Да и много ли убьешь? Одно-двух шлепнешь, а остальные тебя вместе со штыком сожрут. Представьте себе сценку. Ночь. В окнах торчат морды зверей. На втором этаже в «Красном уголке» от страха трясется политрук и орет в форточку на весь гарнизон, почему часовой допустил на территорию части посторонних. Жуть! А в караул нас гоняли в такие места, где и спрятаться-то негде.

Попал и я однажды на такой пост. Струхнул, конечно, и сбежал в ближайшую деревушку. А часового на соседнем посту волки сожрали. Меня, конечно, Особый отдел начала трепать: почему его волки съели, а меня нет?! Ничего себе, вопросик! А если бы меня съели, а его — нет, тогда его спросили бы, почему меня сожрали, а его нет?! Но в трибунале меня обвинили в схоластике. Представляете?! В схоластике! Оказывается, председатель трибунала был доктор философских наук. Где, мол, была твоя товарищеская солидарность?! По-вашему, сказал я им на это, мне надо было быть из солидарности тоже съеденным волками? Так мне за это накинули еще пять лет. Но самое любопытное в этой истории — часовой, когда его ели волки, вопил «За Родину! За Сталина!». Мы его вопли слышали из деревни, но не придали им значения, так как думали, что часовой просто делает по-большому.

Предупреждение Учителя

Учитель высказал опасение по тому поводу, что Добро- нравов стал проявлять ко мне повышенный интерес. Будь с ним осторожнее, сказал Учитель. Человек он скользкий. О нем всякое говорят. О всех говорят, сказал я. Одинокий человек ищет близкого по духу собеседника. Что он ищет, неизвестно, сказал Учитель. Но береженого Бог бережет. А что он может от меня иметь, сказал я. Кто знает, сказал Учитель, какую роль Они нам предназначают в своих спектаклях.

Анализ Железного Феликса

В институте странные люди стали появляться, говорит Железный Феликс. Тобой интересуются. Ну и что, говорю я. Смотрели, какие книжечки ты читал, говорит Железный Феликс. Пускай, говорю я. Это мог Барбанов или Смирняшев нащептать Петину, и он дал указание... Что-то не похоже, говорит Железный Феликс. И в поликлинике твою медицинскую карточку изучали. Ерунда, говорю я, у меня все в порядке. У тебя-то в порядке, говорит Железный Феликс, а вот все ли в порядке у Них? А что Им нужно от меня, говорю я. Может быть, ты Им подходишь по каким-то параметрам, говорит Железный Феликс. А вообще, тут три возможности. Есть смысл обдумать. Первая — профилактика. Просто из кабинета настучали, и Они на всякий случай решили проверить и принять меры. Вторая — провокация. Зачем? Набить цену Генсеку, иметь хороший повод добить диссидентов. Третья — сделать дельце чужими руками, убрать осточертевшего всем «гения». Сомневаюсь, говорю я. Вряд ли Они способны играть в такие опасные игры. Они и не на такое способны, говорит Железный Феликс. Была же попытка. Была, говорю я, но Они испугались своей затеи. Не обязательно испугались, говорит Железный Феликс. Могло произойти что-нибудь непредвиденное. И испугавшись один раз, Они могут осмелиться на второй. Так что я бы на твоём месте... Я бы попробовал перехитрить Их.

Достижения науки — в производство

На Театральной площади я заинтересовался суматохой в районе памятника Марксу. Я даже вернулся назад и по подземному переходу перебежал на ту сторону. Около памятника толпилось десятка два важных (судя по мордам и по одежде) персон. Они махали руками и давали указания, а два бухих мужичка в жуткого вида комбинезонах поливали Маркса какой-то вонючей жидкостью. Я подумал, что в институт мне не к спеху, и решил подождать конца этого увлекательного мероприятия. Таких зевак, как я, скоро набралось огромное количество. Приехали милицейские машины и машины с солдатами. Замелькали переодетые агенты. Все равно не поможет, сказал пожилой мужчина рядом со мной. Это все либеральные полумеры. При Сталине такого безобразия не было. Голубятников сажали. И правильно делали, я считаю. Безобразие какое развели! От этих тварей прохода нет. Недавно мне костюм испортили. Обнаглели, скоты! Надо организовано, сказал другой мужчина, в масштабах всего города. Кампанию надо провести. Субботник или воскресник. С лозунгом: все на борьбу с голубями! Вон, китайцы! Они в два счета всех воробьев истребили. Они не такие уж дураки. Нет, не скажите! Мы их недооцениваем. А чем это они его поливают, спросила молодая женщина в джинсах у своего спутника тоже в джинсах. Тринитрохлорвенилкарбонбутанкселенолом, сказал спутник. Изобрели недавно в Химико-Психологическом Институте. Действует на психику птиц так, что они в панике улетают подальше от опрысканного объекта. Но вот операция полива Маркса новым химико-психологическим препаратом закончилась. Начальники стали ждать эффекта. Толпа зевак замерла. Солдаты взялись за руки, сдерживая напор толпы. Милиционеры передвинули радиопередатчики к подбородкам, а пистолеты — на животы. Появилась стайка голубей, сделала круг над собравшимися и взмыла обратно в небо. Вдох облегчения и удовлетворения пронесся над площадью. Начальники, милиционеры и солдаты разъехались. Толпа разошлась. Осталось несколько человек самых упорных. Ты думаешь, они этой вонючей дрянью испугались, сказал, обращаясь ко мне вездливый старикан. Я эту птицу знаю! Ее ничем не возьмешь. Они толпы испугались. Вон, смотри!! И действительно, из-за гостиницы «Москва» появилась большая стая голубей. Сделав вираж над нами, она спокойно расселась по привычным местам. Что я говорил, сказал старик торжествуя. У них от этой химии только понос будет. А если у них понос, они такое вытворять начинают, что никакая химичка не возьмет. Я эту птицу знаю! Ее ничем не возьмешь. Разве что ультразвуком. А лучше — лазерами. Лазеры — очень перспективное дело. Читал в последнем номере «Науки и жизни»...

Мысли Глупца

Допустим, что построен «настоящий» социализм, в котором реализован принцип «от каждого — по способности, каждому — по труду». Более того, допустим, что построен «настоящий» коммунизм (высшая стадия), в котором реализован принцип «от каждого — по способности, каждому — по потребности». Но поставим такие простые вопросы. Как установить, что данный индивид имеет такие-то способности и трудится в соответствии с ними? Где гарантии, что данному индивиду

дадут проявить его способности? Где критерии распределения по труду и гарантии, что данный индивид имеет по его труду? Кто устанавливает, какие у данного индивида потребности? Кто и как решает, что потребности данного индивида удовлетворены? Говорят, что общество будет решать и регулировать. Но как?! Для этого же нужна устойчивая система регулирования. А это — определенный социальный аппарат, люди. Говорят, что сознание людей поднимется на высочайший уровень. Но ведь это не одноактная операция. Подняв уровень сознания для данной массы людей, его надо постоянно поддерживать. Надо учитывать меняющиеся условия, смену поколений. А это опять-таки определенная система воспитания людей и обработки сознания, т. е. социальный аппарат. И не малый. А что это будет означать на деле? А то, что у нас уже давно существует. Наша система давно на практике реализует упомянутые принципы коммунизма, которые кажутся прекрасными лишь в абстракции. На деле же чем полнее коммунизм, тем свирепее система организации общества. При Сталине мы были гораздо ближе к полному коммунизму, чем сейчас. Сейчас мы немного отступили. Но отступление это временное, как и все прочее.

Опять в творческом поиске — На Западе, — говорит Сталин, — перевели книжку Петина «Как читать «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина». Что за идиоты! Ну, мы тут идиоты,

нам это положено, судьба историческая такая. Традиции. А они-то?! Двойные идиоты! Мне и то было ясно, что эта книжка Ленина — бред сивой кобылы. А они!!! Вот тебе примерчик с самого начала. Ленин накидывается на какого-то западного философа за то, что тот определяет материю как нечто противостоящее «я». А что делает сам? Читай: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». Здесь что ни слово, то двусмысленность, путаница, чушь. Материя есть философская категория. Но категория есть слово, в лучшем случае — понятие. Значит, материя есть слово или понятие? Ладно, не будем придираться к словам (хотя придираться тут надо, ибо речь идет об определении слов!). Пусть будет так: словом «материя» обозначается и т. д. А дальше что идет? Объективная реальность (можно подумать, что эти слова понятнее слова «материя»!), которая дана человеку (т. е. «я») в его ощущениях. Вдумайся: тут предполагается данным и исходным человек с его ощущениями, т. е. то самое «я», который этот болван поносил, а материя определяется как нечто противостоящее этому «я», как то, что производит эти ощущения. Это его обычный метод: украсть у оппонента мысль, оболгать и оклеветать оппонента, превратить его в дурака, затем выдать чужую мысль за свою, превратив ее в бессмыслицу. Не спорю, я тоже так поступал. Но у меня были на то веские причины. Пойдем дальше, возьмем конец фразы («определения») о том, что материя эта копируется, фотографируется и т. п. Тут вопиющая логическая безграмотность: смешивает в одном предложении определение значения слова «материя» и утверждение об отношении материи и ощущений, которое уже предполагает данным значение входящих в него слов.

И наши философы-кретины выдают это за вершину в определении материи. Посмотри, например, «Философскую энциклопедию». Там прямо так и написано: определение материи прямо (?) связано с решением основного вопроса философии и поэтому всегда имеет полемическое партийное острие. Каково открытие? А? Новая форма определения понятий — с полемическим партийным острием!

— Ничего страшного, — говорит Железный Феликс. — Мы растратили на эту марксистско-ленинскую дребедень колоссальные духовные силы. Пусть и Запад потратится. Пусть и они там в этом идиотизме поплавают. Пока они там будут ломать голову над этой галиматьей, мы тем временем догоним их. И дадим им по их мозгам, забитым этой трухой!! Лично я велел бы всех наших философов переводить на западные языки и сбрасывать их книжки со спутников на западные страны. Бесплатно! С приплатой даже. К каждой книжечке доллар пришпилен. Здорово?

— А в нашем районе, — говорит Маркс, — долгое время думали, что электричество тоже изобрел Ленин. Твердили людям о «лампочке Ильича», вот и решили так. В районном центре нашлись, конечно, люди, которые кое-что знали об электричестве. Они пытались было пикнуть, но их посадили. Смешно!

— Надоели эти ваши философские разговорчики, — говорит Берия. — Вот я сегодня в троллейбусе подслушал, как две бабы спорили о продовольственном снабжении у нас и на Западе. Одна сказала, что на Западе все есть. Другая сказала, что там зато все ужасно дорого. Первая сказала, что у нас ничего нет. Другая возразила, что зато у нас все дешево. Вот вам и проблема: что лучше — все есть, но дорого, или ничего нет, но дешево?

— А знаете, с чего начинается книжка Петина о книжке Ленина? — спрашивает Сталин. — С призыва читать Ленина с карандашом в руках.

— Ты специалист, — говорит Железный Феликс, — тебе и карты в руки. Раздолбал бы ты Их!

— Они накатали десятки томов, — говорю я. — И чтобы раздолбать их, нужно написать сотни томов. Овчинка выделки не стоит. И очень уж скучная это работа — разоблачать невежд, шизофреников, параноиков, честолюбцев и проходимцев. Мне нужно предисловие к новой книге Петина сочинить. А ничего путного не получается. Что бы ни написал, все поклеп на классиков выходит.

— А ты замаскируй, — говорит Берия. — Напиши так, чтобы поклеп выглядел как прославление. Как это сделать? Очень просто. Пусть, например, классик высказал некую чушь, а некий ученый высказал утверждение, что классик в данном случае высказал чушь. А ты выскажи утверждение, что сей ученый сам высказал чушь, высказав утверждение о том, что классик высказал чушь. И приведи аргументы. Какие? Да все те же, испытанные: ученый подпал под влияние, недопонял, искажил, подошел вплотную, но остановился перед, не учел конкретную обстановку, сыграл на руку, помочился на мельницу буржуазии.

И ты не станешь кандидатом

Смирнящев является также и парторгом сектора — это его общественная работа. Но это такая общественная работа, которая позволяет держать в своих руках все прочие дела сектора. И в качестве парторга он мне официально заявил, что со вступлением в партию мне придется обождать. Я сказал, что мне не к спеху, что я готов ждать хоть до пенсионного возраста. Потом он мне заявил, что Петин поручил ему курировать подготовку ряда разделов его будущей книги, в том числе — предисловие. И он, Смирнящев, горит желанием познакомиться с собранным мною материалом. Я сказал, что это дело тоже не горит, ибо предисловие надо писать с учетом того, что уже написано хотя бы в основных разделах книги, а таковые, насколько мне известно, не только не написаны, но даже не задуманы. Смирнящев сказал, что это — не моя забота, что я обязан, что в противном случае, что иначе и т. п. Я сказал, что постараюсь работу над предисловием форсировать. Он велел мне представить план предисловия и тезисы, чтобы на следующей неделе обсудить на заседании группы.

Настроение у меня, естественно, испортилось. Я поплелся домой к букам, на которых были сделаны выписки из сочинений видных ученых. Выписки, как я уже говорил, весьма противоречивые. В своей научной деятельности, писал один из этих выдающихся дегенератов, я всегда руководствовался положениями Энгельса и Ленина о том, что надо ко всему подходить конкретно. А другой писал, что он был потрясен вопиющим невежеством упомянутых лиц в естествознании, но что он извиняет их за это, так как они были не специалисты. И этому болвану совсем невдомек, какой погром учиняли в нашем естествознании в то время, когда жил этот выдающийся болван, со ссылками на высказывания упомянутых лиц в области естествознания.

На подходе к Лубянке, когда уже можно было различать черты лица Железного Феликса, я встретил Поэта и рассказал ему свои заботы. Он был почему-то рад этому и тут же сочинил Послание мне:

*Забудь совсем про эту дату,
Сверни за угол и поппы.
Ты никогда уж кандидатом
Не станешь в члены КаПессы.
Займи трояк, упейся в стельку*

*И обрети привычный вид,
Забудь про мягкую постельку,
О беспартийный индивид!
Не лей слезу, не лайся матом
И не ломай напрасно рук.
Не стать тебе и кандидатом
Их философских лженаук.
Добудь монету, повторяю,
И к нам сойди во храм надежд.
Здесь двери рая отворяют
Для всех без степени невежд.*

Я сказал, что согласен. Только сначала кое-кому позволю. Ей я сказал, что немного задержусь, что пусть найдет там что-нибудь поесть и почитать и что пусть ложится спать, но что пусть запретя на ключ и вынет ключ из замка, а то я не смогу ее добудиться. Феноменальный случай, сказал я Поэту. Если уснет, из пушки стреляй, не проснется. Признак хорошего человека, сказал Поэт. Теперь — это большая редкость. Береги Ее. Кстати, кто Она такая на сей раз? Я сказал, что не знаю, и что не помню, откуда Она взялась. Не исключено, что Она — с «летающих тарелок». Когда мы двинулись обратно к центру, Железный Феликс нам приветливо улыбнулся и подмигнул. Пролетарская власть ничего не имеет против ваших намерений, сказал он. И все-таки, сказал Поэт, я этому типу когда-нибудь набью морду!

Тайна Сталина Вчера, говорит Сталин, по «Голосу Америки» была передача обо мне. Воспоминания тех западных политиков, которые встречались со мной. Обхохочешься! О, Боже, что за идиоты! Черчилль, например, сказал, что его потрясла моя гениальная прозорливость. Они, мол, несколько месяцев обдумывали операцию в Африке, а я за три минуты раскусил ее суть. Этому болвану даже в голову не пришло, что мы этот вариант имели тоже в виду и обдумывали. Знаешь анекдот про рояль, который кстати в кустах оказался? Потом они несколько месяцев обдумывали, и знаешь, как они «обдумывали»? Смеха достойно, младенцам понятно. И вообще, это же тривиально. Люди часто веками обдумывают мысли, которые школьник схватывает сразу. Тебе приходилось, надо думать, видеть, как мать сутками готовила кушанья к празднику, а гости подметали их за минуту. Загадка Сталина! Эти кретины до сих пор не могут понять, что нет тут никакой загадки. Вернее, есть, но не в Сталине, а в системе, которая сложилась в это время у нас. Сталин адекватен этой системе. Не он ее делал, хотя и принимал участие в ней. Он появился вместе с самой системой, как ее существенная деталь. И не поняв системы, не поймешь и Сталина. А систему нашу они понять органически не способны.

Проблема бессмертия — О чем думаешь?

— Все о том же: о бессмертии. Кажется, я нашел простое решение этой проблемы.

— Каждая эпоха решает ее по-своему. Например, продолжение рода, учение религии о бессмертии души.

— Я нашел решение в духе нашего времени, т. е. научное. Проблема бессмертия есть проблема не биологическая, а психологическая. Никакого биологического страха смерти нет. Есть страх чисто психологический: страх исчезнуть незаметно и бесследно. Потому-то люди и стремятся быть на виду, прославиться, войти в историю. Стремятся любой ценой заставить других (по возможности — всех) думать и говорить о себе, заставить других помнить себя как можно дольше (желательно — вечно). Потому-то и создаются образцы «бессмертных». Аристотель, Александр, Цезарь, Чингизхан, Шекспир, Толстой, Ленин, Гитлер... О них думают и говорят так, как будто они живут среди нас сейчас. И будут жить после того, как мы исчезнем.

— Но сами эти личности не переживают это как свое бессмертие.

— Они переживали при жизни. А если нет, это не играет роли. Важно то, что живым кажется, будто тот факт, что они думают и говорят о «бессмертных», есть продолжение их реальной жизни. И желание попасть в число таких личностей равносильно желанию стать бессмертным.

— Это только для избранных годится.

— Как сказать. Был у нас в части обыкновенный солдат. В пьяном виде он побил генерала. Генерал попался дурак: чтобы запугать солдата, он выдал себя за старшину. А солдат еще больше обозлился: мол, почему ты об этом сразу не сказал?! Время было военное, и солдата приговорили к расстрелу. Но он выслушал приговор как ни в чем не бывало. Не беда, сказал он, все равно рано или поздно подыхать! Зато теперь меня долго помнить будут! И представь себе, много лет прошло, а все уцелевшие вспоминают этого солдата. Жаль, имя забылось.

— Настоящее имя человека, вошедшего в историю под именем Христа, тоже не известно. Но я хотел бы запомниться под своим именем.

— Так в чем же дело?

— Как?

— Очень просто: убей!

— Кого?

— Хотя бы Его.

Старуха Извергиль Горький в свое время был кумиром «передовой» молодежи. А когда я учился, мы его уже терпеть не могли и читали с величайшим усилием. Однажды я на уроке оговорился, вместо «старуха Извергиль» сказал «старуха Извергиль». Начался хохот, который учительница не смогла остановить. Урок был сорван. По сему поводу заседал педсовет. Но сделать уже ничего не могли. Горький так и пошел в нашей школе как «старуха Извергиль». Официально Горький до сих пор числится в основоположниках и гениях, но интерес к нему в обществе катастрофически спал. Это показательный факт.

Все-таки в истории пробивает себе дорогу некая справедливость, так или иначе приходит возмездие. Для меня их олицетворяет старуха Извергиль. Когда мне нужно в своем сознании спихнуть кого-нибудь с пьедестала, я зову ее, и она это делает мастерски. Одно незаметное движение, и нокаут. Заговорили, например, о Маяковском. Кто-то сказал, что он все-таки был и т. д. Тут же появилась старуха Извергиль. А кто первым начал создавать культ Сталина (я уж молчу о Ленине), спросила она. И все замолчали. А кто рифмовал «жизнь с кого» и «Дзержинского», не унималась она. И мы расползлись по своим рабочим местам, как побитые псы.

Странные мысли Иногда мне в голову приходят странные мысли.

Я сам им удивляюсь. Вчера, например, мы говорили с Ней о семье и детях. И я, как дважды два — четыре, доказал ей хлопотность, тщетность и бесперспективность семейной жизни и разведения детей. Она сама была полностью согласна со мной. Но «сердцем» Ей все же хотелось этих хлопот. Она готова примириться с любой неблагодарностью детей и любыми трудностями для них, лишь бы они выросли до такого состояния, чтобы проявить неблагодарность и столкнуться с трудностями. В конце концов Она сказала, что я завожу «философские» разговорчики просто из лени и трусости. И из эгоизма. И неожиданно из меня вылезла такая мысль. Если уж быть до конца откровенным, сказал я, то я хочу отомстить Им единственно доступным мне способом: я не оставлю Им своих детей. И я призываю всех, желающих мстить Им, следовать моему примеру. Пусть Их собственные дети становятся Их рабами!

Я некоторое время любовался своим «умным» ответом. Она молчала. Потом Она сказала, что я псих. А я вдруг понял, что мой ответ был не таким уж глупым. И факты подтверждают его правильность. Рождаемость в среде русского населения резко сокращается. Бездетные «семьи» встречаются все чаще, а семьи с одним ребенком — обычное явление. А сколько развелось одиноких людей! Особенно среди женщин. Особенно среди интеллигентных женщин. Так что хочу я этого или нет, но история сама мстит Им за все их подлости. Потом я вспомнил про школьную реформу. Пока трудно сказать, как она скажется на рабочих и крестьянах. Но в среде низших слоев интеллигенции и чиновничества, которые обречены сражаться за то, чтобы не опуститься в рабочие и крестьяне, она очевидным образом усилит ту тенденцию, о которой я говорил. В среде рабочих и крестьян, будет, надо полагать, пестрая картина. На одной их части (на привилегированной) она особенно не отразится, хотя и здесь многие будут стремиться вывести своих детей «в люди», а это значит — один или максимум два ребенка в семье. На другой же части (на самой бедной и низкокультурной) независимо от реформы будет сказываться общая ситуация — дороговизна выращивания детей, трудности совместного жития с ними и т. п. Конечно, ситуация могла бы измениться, если бы отменили или сократили пенсию. Но власти на это вряд ли пойдут. Во-первых, пенсионер — оплот строя. Во-вторых, пенсионеры просто не позволят это сделать.

О чем ты думаешь, спросила Она. Так, сказал я. О всяких пустяках. Ты бы сбрил бороду, сказала Она. А то я так и не знаю, как выглядит твое лицо. Вдруг ты уродина! Есть у тебя фотографии без бороды? Есть, сказал я, но они у родителей. Как-нибудь принесу. А сбрить бороду не могу. Но скрываю я ею не физические дефекты, а душевные. Или скорее нравственные. Без бороды мне будет стыдно выйти на люди. Если откровенно, сказала Она, то ты не так уж неправ. Вот мы с мамой живем вдвоем. Отец ушел от нас. Как я поступила в институт, он сразу же и ушел. Мама зарабатывает около ста рублей. Я как молодой специалист — тоже чуть побольше ста. И мы еле концы с концами сводим. О модных вещичках даже не мечтаем. Вот эти паршивые сапоги и то стоят чуть ли не целую зарплату. А модные, заграничные... Когда мы еще с отцом жили (он что-то около двухсот рублей получал), я просила мать завести еще сестренку или братика. Она ответила, что скорее удавится, чем заведет нового ребенка. Я сейчас уже в таком возрасте, что пора бы иметь детей по идее. Но честно говорю, я боюсь пойти на это. Во-первых, я еще не видела мужчины, который мог бы, как мне кажется, стать хотя бы терпимым мужем. А быть матерью-одиночкой я не хочу. Во-вторых, я хорошо помню, чего натерпелась со мною мать. Я дважды проваливалась в университет. Но не по моей вине. Просто не было связей, и мне не ставили хорошие отметки. После второго провала мать месяц пролежала в больнице. Если я не поступлю в третий раз, говорила она, я покончу с собой. И мне пришлось отказаться от университета, поступить в третьеразрядный институтшко. Потом пять лет учебы. А для чего? То, что я сейчас делаю, можно делать и с восемью классами. Эта новая школьная реформа хотя бы разрушает глупые иллюзии. Люди хотя бы напрасно рыпаться перестанут. И все-таки мне хотелось бы чуточку пожить в настоящей семье. Чистая квартира. Пусть маленькая, но светлая. Вкусный обед. Веселый здоровый муж. Розовый бутуз за юбку цепляется. Что, кажется, проше?!

Увы, подумал я, меня от одной мысли о «розовом бутузе», который цепляется за юбку (или, упаси Боже, дергает за бороду), мутить начинает.

Ты бы колготки что ли подарил ей, говорит Он. А где я возьму такие бешеные деньги, говорю я. И потом, если я начну делать им всем подарки, то мне целый галантерейный магазин потребуется. Ты хвастун, говорит Он. Не так уж много у тебя их перебивало. Давай-ка посчитаем. Раз-два, и обчелся! Ха-ха-ха! Да знаешь ли ты, что в свое время за месяц я, случилось, имел больше; а колготки все-таки подари. Я не против, говорю я. А где их достать? И как с размерами быть? И вообще, как правильно говорить — колготки или калготки? Плюнь на лингвистику, говорит Он. Ты уже заработал выговор за одну лингвистическую проблему. Купи! Ей это будет приятно. Она хорошая. Я бы на твоём месте... Молчу! У меня во время войны был случай. Ехал я после госпитала в часть. В вагоне познакомился с девчонкой. И провел с ней первую и последнюю брачную ночь на верхней (багажной) полке. И спяну забыл потом ее адрес и имя. Сначала смешно было. А потом всю

жизнь искал. Учти мой печальный опыт. Поставь на этом точку. Я бы на твоём месте... Умолкаю! Но вообще учти! Дело не столько в том, что появляются новые соблазны, сколько в том, что самые простые радости жизни становятся все более трудно достижимыми и слишком дорого обходятся. А когда они приходят, мы не способны их узнать и оценить.

Послание павшим за

*Я верю, за правое дело вы пали.
Но что бы вы сделали, если б узнали,
Что блага, за кои вы жизни отдали,
В лапы хануг и прохвостов попали?*

Источники прогресса Всякого рода мудрецы ищут источники социального прогресса на уровне, достойном их высочайшего самомнения. Производительные силы, кибернетика, мораль, религия, борьба... Бог мой, в какие только глубины они не опускаются, на какие только высоты они не забираются! Дух захватывает! А между тем все это — бред, утешение для бездарностей и снобов. Реальные источники прогресса просты и низменны. Что это? Например — свобода сексуальных отношений среди молодежи. Не среди взрослых — у них сплошной разврат, — а именно среди молодежи. У молодежи это — образ мыслей и действий. Надежные противозачаточные средства сыграли бы тут роль во сто крат более важную, чем диссидентские происки. Или, например, сокращение числа детей в семьях до одного или до нуля. Общество людей, вышедших из единственных детей в семье и избегающих иметь своих детей, будет принципиально отличаться от общества людей, вышедших из многодетных семей. Эгоизм, тщеславие, черствость, всякие комплексы... Вместе с тем, слабая защищенность и легкая ранимость. Через три-четыре поколения это скажется решающим образом.

В этот момент в мои размышления хором ворвались Он, Логик и Источник. Какой же ты наивный, закричали они. Через три-четыре поколения твое общество из людей, вышедших из семей с единственным ребенком, просто утонет и растворится в обществе чукчей, бурят, эскимосов, чувашей, казахов, азербайджанцев и прочих выходцев с окраин страны и из внутренних провинций. А им потом потребуется по меньшей мере сто лет, чтобы дорасти до твоих проблем. Но скорее всего, они в этом направлении расти не будут. Они предпочтут здоровый коммунизм обществу утонченных неврастеников. В твоей идее террора все-таки гораздо больше смысла. Конечно, она не столь высока, как расчет на мораль, религию и кибернетику. Но она не так и низменна, как расчет на свободу секса и единственных детей-неврастеников. Надо только придумать что-нибудь очень простое, дешевое, сильно действующее и контролируемое. Какой-нибудь вирус, действующий в короткий срок, в ограниченном пространстве и непередаваемый от одних людей к другим. Для членов ЦК и чинов КГБ можешь сделать исключение: пусть каждый из них сможет заразить по десять соратников.

Возможно, вы правы, соглашаюсь я (а к чему спорить из-за пустяков?!). Но все-таки прогресс произойдет сам собой и весьма прозаически. А что вы скажете по поводу распространения наркотиков? Наркотики вместо российского пьянства, — это явно шаг вперед. Вот послушайте!..

Ответ павших

*Не за то мы сражались, мы бы сказали,
Чтобы вы нашей жертвы плоды пожирали,
А за то, чтобы снова клинки засверкали,
За нами в атаку вы вслед поскакали.*

Унылая проза На сей раз меня самого взяли, и я не смог оказать сопротивления. Потом я Ее спросил, часто ли ей приходится вот так брать мужчину на улице и часто ли бывают срывы. Она сказала, что брать приходится не часто, а срывов почти не бывает. Я сказал, что у нас (у мужчин) как раз наоборот: брать приходится часто, а срывы регулярны. Все дело в том, что мы (бабы) умнее вас (мужиков). Мы берем в крайнем случае и берем наверняка. А вы берете без надобности и кидаетесь не на тех, на кого следует. Мужчины заражены предрассудками. Им кажется, например, что чем беднее одета женщина, чем она старше, страшнее, тем легче ее взять. А нам не до предрассудков. А все-таки срывы и у вас бывают, сказал я. Бывают, сказала Она. У меня два раза сорвалось. Один раз на жуткую зануду налетела. С виду — приличный мужчина, семьянин. А оказался таким мелким сквальгой, что вспоминать противно. Сначала долго выяснял, не возьму ли я с него денег, так как он не захватил с собой лишних и вообще не привык... Потом стал попытываться, не больна ли я венерической болезнью. Наконец, он согласился, а у меня пропало всякое желание. Он пытался меня изнасиловать. Я дала ему по физиономии. Потом я сдалась, а он уже не смог ничего сделать. Даже плакал, говорил, что первый раз в жизни попалась такая баба, а он... Просил адресок дать. А другой раз попался красивый парень, вроде тебя. Этот сам дал мне по физиономии, отобрал сумочку и часы, снял пальто и смылся. А ты не боишься, что и я окажусь таким же, спросил я. Нет, сказала Она. Я извлекла урок из того случая и теперь не беру с собой ничего ценного.

А взяла Она меня так. Я брел, погрузившись в свои мысли. Молодой человек, услышал я довольно приятный женский голос, перепихнуться не хотите? Я растерялся от неожиданности. Я не против, пролепетал я, но где? Здесь, в подъезде, сказала Она. Может быть, лучше зайдем ко мне, предложил я. Тут близко. У меня своя квартира рядом, сказала Она. Но квартира — унылая проза. Я предпочитаю в подъезде. Так романтичнее.

Мы проторчали в подъезде часа три. Разошлись по своим домам, не спросив друг у друга имени. Кто Она? И возник ли у нее вопрос: кто Он?

Жалоба живущих

*Но так уж ведется, наверно, искони:
Закроешь глаза — машут гривами кони,
Откроешь — увидишь не саблю и шпоры, —
Столы и бумаги постылой конторы.
И нету врага, нету гнева огня,
Нет сабли, нет шпор, нет лихого коня.
О, Боже, как это дерьмо надоело!
О, где ты скрываешься, правое дело?!*

Все-таки логика Представьте себе такую ситуацию, говорит Учитель. Верховный Совет принял закон, согласно которому граждане СССР не имеют никаких прав. Будет этот закон правом или нет? Формальные критерии тут не годятся. Мыслима реальная правовая ситуация без фиксирования ее правил в законах. И мыслима неправовая ситуация с законами. Правила морали могут быть записаны в виде особого кодекса. Так что право и мораль надо различать по каким-то иным критериям. И тут вы, между прочим, без логического анализа основных понятий не обойдетесь. Или, например, вы узнали, что ваш друг — иностранный шпион. Выдавать его или нет? Где тут моральный и где правовой аспект? Если власти узнают, что вам известно, что ваш друг — шпион, но вы не доносите, то вас привлекут к суду, — это, очевидно, правовой аспект. Но отсюда следует, что властям и без вас известно, что ваш друг — шпион, и им ваш донос не требуется. И ваше молчание подлечит лишь моральной оценке. Если же властям не известно, что ваш друг — шпион, отсюда следует, что им не известно, что вам известно, что он — шпион. Если вам известно (или вам кажется), что властям не известно, что ваш друг — шпион, вы оказываетесь перед проблемой: что важнее — долг перед другом или долг перед обществом? Предпочтение тому или другому не есть вопрос ни права и ни морали. Это уже вопрос идеологии. Но входит ли тот или иной элемент идеологии в сферу компетенции права или морали? Например, согласно нашей идеологии, партия имеет целью построение коммунизма. Является ли правовой акцией навязывание этой цели всему обществу? Является ли нарушением норм права и морали отказ признать эту цель в качестве своей личной цели? Таких вопросов возникает великое множество. Вопросы неразрешимые, если искать ответы на них в истории общества, в истории права и морали, в современной практике человечества. Вопросы пустяковые, если искать ответы на них в логической обработке соответствующих языковых средств. Почему так? Да потому, что логическая обработка языка дает правильную ориентацию тем, кто наблюдает факты жизни, ищет их объяснение, выясняет перспективы и возможности общества и т. д. Первый путь — путь «разглядывания» предмета, стоя к нему спиной и с завязанными глазами. Второй (языковый) — путь «разглядывания» предмета, стоя к нему лицом и с широко раскрытыми глазами. Вот, например, наши диссиденты говорят о нарушении прав человека в Советском Союзе. Они судят так, как

в первом из указанных случаев. А видящий суть дела человек скажет: здесь нет никаких нарушений «прав человека», ибо здесь нет самих этих «прав», ибо нельзя нарушить то, чего нет. Здесь происходит нечто другое, более страшное, но более обычное и нормальное, — недопущение к существованию индивидов, чужеродных данному социальному целому.

Мы наперебой говорим, что ужасно скучно заниматься логикой, к тому же — в неразработанном еще ее разделе. И что не так уж это важно. И что Учитель преувеличивает. Что есть некий уровень здравого смысла и т. д. Учитель берет со стола какую-то книгу и говорит, что в ней — прекрасный роман. Но попробуйте его прочесть! Мы передаем книгу друг другу. Мы не можем даже установить, на каком языке она написана. Не изучив этот язык, говорит Учитель, вы не прочтете эту книгу. Книга жизни лежит перед вами. Но она пишется на непонятном вам языке. И вы никогда ее не прочтете, не найдя ключа к этому языку. А ключ, увы, в скучной и еще плохо сделанной логике. Кто-то говорит, что, может быть, эту книгу и читать не стоит. Может быть, говорит Учитель. Это тоже решение.

Соседи Если соседи сбоку — беда, то соседи сверху — бедствие. Соседи сверху дают о себе знать поздно вечером и ночью. В выходные дни и праздники они «гуляют», и потому вопят и грохочут почти до рассвета. В будни они выясняют отношения, и потому вопят и грохочут до рассвета. С точки зрения науки интерес представляют: 1) праздничные вопли; 2) будничные вопли; 3) их реакция на твою реакцию на их вопли; 4) реакция властей на твою жалобу по поводу их воплей и их реакции на твою реакцию на их вопли. Это интересно не столько с бытовой точки зрения (тебе отравляют жизнь «простые» русские люди, к чему они привыкли), сколько с познавательной. Сейчас поясню, в чем тут дело.

Праздничные вопли. Что праздничные вопли — пьяные, как и будничные, это само собой разумеется. Пьянство — повод для вопля, но еще не сам вопль. Русский народ на радостях вопит с отставанием на одну эпоху. В сталинские времена он вопил дореволюционные «Шумел камыш» и «Когда б имел». Теперь же он вопит песни сталинских времен — «Катюшу», «Вот кто-то с горочки спустился». Вопит без слуха и голоса, стараясь перекричать всех и вся. Перекричать во что бы то ни стало! Это (перекричать) настолько в натуре народа, что многие наши действия на мировой арене диктуются не соображениями расчета и разума, а именно стремлением перекричать всех. Вот так:

Вы-ха-ди-и-ла на берег...

Сядьте поудобнее на стуле, расставьте ноги в коленях, откиньте голову слегка назад, раскройте шире глотку. И во всю мощь организма:

В-вы-хха-д-и-и-и-и-ла...

Так, чтобы желудок, длинные извилистые кишки и прямая кишка завылитагудели:

Так же поступайте в ООН, на международных конференциях, в нотах, заявлениях. Главное — шире глотку и:

Кле-ве-та...

Вме-ша-тель-ст-во...

Ра-ди ми-ра...

О воплях из телевизора, магнитофона и проигрывателя я молчу, ибо в этом отношении русский человек оригинален лишь в том, что включает всю эту современную технику на полную мощность и через эту технику доводит до обалдевших соседей наши же, русские вопли, но уже выполняемые профессионально. Грохот мебели можно воспринимать как музыкальное сопровождение, вполне адекватное вокальной части. Скажи, спросил я у Него, откуда у такого народа без слуха и голоса берутся такие гении, как Шаляпин и Чайковский? Во-первых, не берутся, сказал Он, а брались. А во-вторых, одаренность большого бездарного народа и состоит в том, чтобы изредка производить гениев и ставить рекорды. Мы по натуре есть народ рекордсмен. Нам лишь бы перекричать всех.

Будничные вопли. Это выяснение отношений с боковыми соседями (они есть и у верхних соседей), с супругом или супругой, с детьми. Выяснение посредством крика (перекричать!) и кидания мебели, а также оплеух (это — в отношении к близким родственникам). И само собой разумеется, телевизор и проигрыватель. И опять же «Вы-ха-ди-и-и...» под поллитровку. Власти в прессе всячески борются за тишину и призывают граждан к порядку. Но это — так, для отвода глаз, для порядка, как говорится. А на деле власти придерживаются правила: не режут друг друга, и слава Богу, а так пусть погуляют. На свои же гуляют! Лишь бы в политику не лезли. А всякие там утонченные интеллигенты... Пожаловался я однажды в милицию, что вопли и грохот после одиннадцати продолжают, что есть нарушение закона, так меня самого чуть не оштрафовали. И соседи сбоку поддержали соседей сверху и милицию против меня, хотя сами на соседей сверху жалуются постоянно. Где выход? Вопи и грохочи сам, это во-первых. Это успокаивает. И стремись в начальство вырваться, это во-вторых. Начальство от соседей меньше страдает. А высокое начальство совсем не страдает. Оно тоже вопит «Вы-ха-ди-и-и...», когда выпьет (а оно без этого не может), но у него изоляция не та. И отдельность.

Исторические трюки О том, какие глубокие преобразования произошли в нашей стране за шестьдесят лет, можно судить по таким фактам, говорит Добронравов. Балалайки, расписные деревянные ложки и матрешки — исконно русские явления. Не так ли? По данным отечественной истории обезьяний предок русского человека сначала научился играть на балалайке, а уж потом обрусел на этой основе и первым делом стал производить матрешки (для продажи иностранным туристам)

и расписные деревянные ложки (тоже иностранцам, так как сам хлебал похлебку некрашеной ложкой). И вот, мы теперь ввозим ежегодно двадцать тысяч балалаек. Закупили на Западе автомат, который будет выпускать миллион расписных ложек ручной (!) работы. Чудо техники: съешь бревно с одного конца, а с другого вылетают сувенирные продукты народных промыслов! Ведутся переговоры на высоком уровне с тремя западными фирмами о постройке матрешечного комбината. Ну и что, говорит Учитель. Я ничуть не удивлюсь, если ложечные автоматы начнут выдавать гранаты, а матрешечный комбинат — атомные бомбочки тактического значения.

О терроризме А тема терроризма меня все-таки волнует. О чем бы серьезно я ни думал, я так или иначе скатываюсь к ней. И обдумываю я не столько моральный аспект его, сколько технический. Моральный аспект чрезвычайно прост: раз власти систематически используют террор в отношении к населению, почему бы отдельным представителям терроризируемых не использовать его против самих властей?! Как говорится, око за око, зуб за зуб. Тем более власти в таком долгу перед терроризируемым населением, что им теперь не расплатиться во веки веков, если даже террористы будут убивать десяток руководителей ежегодно. Конечно, часто террористические акции выполняют не те, кто на то имеет моральное право, и при этом страдают ни в чем не повинные люди. Но это скорее относится к второстепенным обстоятельствам, а не к сути дела. Технический же аспект терроризма безнадежно сложен. Попробуйте, например, добраться до Генсека! Если КГБ само не задумает на этот счет провокацию, ни за что не доберешься. Добронравов, с которым я как-то обсуждал эту проблему, считает, что начинать надо не сверху, а снизу, т. е. с районных партийных и государственных чиновников, а то и помельче — с директоров и заведующих учреждениями. Например, с заведующего парикмахерской или с директора института. Чем, например, Петин не объект?! И никаких особых приспособлений не надо. Никакой подготовки. Заходи в кабинет с какой-нибудь бумажкой и ткни остро заточенным карандашом, допустим, в глаз.

В обстановке братства и сердечности Раньше я себе ситуацию в нашей идеологии представлял так. Мракобесы и палачи, возглавляемые академиками Канарейкиным, Петинным и Федосовым, душили талантливых философов, отправляя их в концлагеря. В результате лучшие силы философии были уничтожены и остались одни кретины и подлецы. Хотя «отдельные перегибы» периода «культы личности» преодолены, мракобесы и палачи все равно остались у власти. Их, правда, слегка потеснили из руководящих партийных органов. Зато они продвинулись по линии «науки» — Федосов стал вице-президентом АН, Канарейкин стал академиком-секретарем Отделения философии и права, Петин стал директором института и т. д. И эти мракобесы продолжают душить молодых, прогрессивных, образованных, талантливых философов. Вот так я представлял себе ситуацию в сфере идеологии.

Попав в Желтый дом, я вскоре обнаружил, что Петин и Канарейкин —

заклятые враги, что жертвы этих палачей — такие же кретины и подонки, как и их палачи, а некоторые из реабилитированных проявили себя как последние мерзавцы, что Канарейкин в прекрасных отношениях с Тормошилкиной, Смирняшевым, Бульгой, Трусом и прочими «порядочными» личностями, что эти «порядочные» мало чем отличаются от старых палачей и мракобесов и т. д. и т. п. Молодые и прогрессивные осуществляли ту же прежнюю агрессию марксистской идеологии во все доступные сферы культуры, только делали это лучше, чем зубры, более замаскированно и лицемерно. Молодые и прогрессивные так же, как и зубры, душили всякие попытки развить оригинальные концепции. И опять-таки более умно, чем их предшественники. И по алчности, тщеславию и карьеризму они ничуть не уступали зубрам, умело разыгрывая из себя бескорыстных борцов за истину, культуру, прогресс, достижения. А по части рустости перед властями они даже превосшли предшественников, хотя рисковали гораздо меньше предшественников. И постигнув это, я впал в уныние.

Попадаются в нашей среде, конечно, и отдельные приличные люди вроде Учителя. Но усилия их тщетны. Либо о их результатах никто не хочет знать, либо они вынуждены приписывать их кому-то другому (классикам марксизма, Канту, Гегелю, Кьеркегору, Чернышевскому, Бергсону, Сартру и т. п.). В результате наша философская мысль даже в тех случаях, когда она заслуживает внимания, выступает как нечто вторичное, погрязательное, эпигонское.

Мне эти пути не подходят. Я хочу высказываться от своего имени и сейчас. А раз это невозможно, то лучше ничего не делать такого, что бередило бы душу. Лучше просто валять дурака. Идеи — они вроде детей. Слишком дорого обходятся. Выращивать их — слишком много времени и труда нужно. И нет никакой гарантии, что удастся их пристроить и получить от них удовлетворение. И нет гарантии, что у меня их не отнимут. Лучше без них, спокойнее. И свободнее. У меня все время такое состояние, будто мне вот-вот представится случай, и я скажу свое слово. Будто я жду некоего назначения на некий пост. Или готовлюсь к решающему удару, выжидая удобный момент.

Эти соображения я высказал Учителю, когда он (в который раз!) уверял меня, что я — талант, что попусту теряю силы и время, что должен работать. Он сказал, что я, конечно, прав. Но и он, Учитель, тоже прав, ибо процесс творческого труда сам по себе есть великая ценность, что он оправдывается не результатами и жизненным успехом за их счет, а исключительно уже тем, что захватывает тебя. Мы — представители разных поколений и разных слоев, сказал он. Я (это он про себя) из трудяг. Я работаю, не думая о месте моего труда в общей системе жизни и о его последствиях. Ты (это он про меня) из интеллигентов. Ты не работаешь, размышляя о месте своего безделья в общей системе жизни и о его результатах. А в остальном мы сходны. И ты даже способнее меня.

Мне лестно это слышать — когда говорят, что я способнее даже Учителя, что если бы я... И мне этого вполне достаточно. А то, что мои сочинения по сравнению с работами Учителя — сплошное дерьмо, это не считается. Его все равно так же не печатают, как и меня.

О нашей интеллигенции — Наша интеллигенция, — говорит Ленин, — бывает в основном двух типов. Первый тип охарактеризован в стихах Поэта так:

*Поздно ложусь, рано встаю,
Но ничего не успеваю.*

Второй тип охарактеризован таким стихом:

*Рано ложусь, поздно встаю,
И ничего не желаю.*

Не знаю, как насчет поэзии, но по сути дела сказано точно.

— Никаких двух типов нет, — говорит Сталин. — Все это совмещается в каждом интеллигенте.

— Но это же логически противоречиво, — говорит Берия. — А значит, фактически невозможно. Не так ли?

— Совершенно верно, — говорю я. — Есть такой закон в логике: логически противоречивое невозможно.

— Не могу с вами согласиться, — говорит Железный Феликс. — Противоречивость не есть доказательство невозможности существования. А как же в противном случае быть с диалектикой?

— Ты прав, — говорю я. — Вот тут я прочитал любопытную книжку про раннее христианство. Автор книги обвиняет авторов Нового Завета в путанице и логической противоречивости. Христос, например, зовет к войне, а через пару строк — к миру. Конечно, авторы Нового Завета могли кое-что напутать. Но критикующий их автор ошибается больше их, серьезнее их. Он исходит из ложной предпосылки, что Христос и его современники были «цельными личностями», а в понятие цельной личности включает логическую непротиворечивость. Где вы видели такие личности теперь!? А что уж говорить о тех временах! Наоборот, именно путанность и противоречивость речей и поведения Христа есть сильнейший аргумент в пользу тезиса его реального существования. Христос был, учтите, интеллигент. К тому же — диссидент. И Сталин, пожалуй, прав.

— Ты меня убедил, — говорит Берия. — Каждый по опыту знает, что нам часто приходится целоваться, отплеываясь в душе, говорить комплименты, про себя понося объект комплиментов. Причем, и то и другое, бывает, делается искренне. Не слыхали, недавно на Лубянке у Железного Феликса какой случай произошел?

— Представьте себе, — говорит Железный Феликс, — молоденькая девушка, десятиклассница, прошла ко мне и положила у подножия букет цветов. Переодетые агенты (вот идиоты и паразиты!) улыбались. Милиционеры (еще большие кретины!) отдали ей честь. Хорошо еще у меня сохранилось чутье несгибаемого марксиста-ленинца, рыцаря революции. Я сразу заподозрил неладное. Мигнул одному пенсионеру с дореволюционным стажем. Мой человек, когда-то в ЧК начинал работать. Он и подошел к переодетым агентам и сказал, что не мешало бы букетик проверить. Мол,

время такое. И что-то уж очень неправдоподобно это: молоденькая девушка, и цветы в центре Лубянки! И кому цветы?! В мое, мол, время такие девушки в губернаторов и полицеймейстеров бомбы кидали. Агенты кинулись к букетику. И замерли от ужаса. И тут же наложили в штаны. И разбежались. Площадь, конечно, очистили от людей. Оцепили. Вызвали специалистов. Одним словом, еще бы полчаса промедления, и загремел бы я вверх ногами.

— Видите, — говорит Сталин, — весьма символично: бомба в букете роз! И вы после этого хотите, чтобы мы управляли страной по правилам западной демократии!

— Я лично этого не хочу, — говорю я. — Я хочу, чтобы вы совсем не управляли.

— Не мы, так другие.

— И чтобы других тоже не было.

— Это невозможно.

— Почему же?

— Потому что логически непротиворечиво.

Склока —

движущая сила развития

Что мне нравится в марксистской диалектике, так это — признание склоки в качестве движущей силы развития общества. И, пожалуй, всей

материи. В нашем секторе давно зрела и тлела склока между группой параноика Смирняшева, выводящего нашу логику на уровень мировых достижений, и группой шизофреника Шептулина, внедряющего диалектику в логику. До недавнего времени на эту склоку смотрели оптимистически, т. е. как на источник движения сектора к новым достижениям. Но вот склока вырвалась наружу со всей яростью, опровергнув тезис «научных» коммунистов об отсутствии антагонистических противоречий в нашем обществе. Силы были примерно равные, так как Шептулин компенсировал отсутствие достаточного числа единомышленников мощной поддержкой тестя, крупного чина в Совмине. Смирняшев обвинил Шептулина в гегельянстве, а Шептулин Смирняшева — в позитивизме. Оба выступали с речами на заседании сектора. Оба написали заявления в партбюро и в дирекцию. Оба выступили на Ученом Совете, а затем — на партийных собраниях. Ситуация сложилась трудная. Смирняшев — ученый, знает, что такое импликация, и наверняка связан с Органами. Ему покровительствует Петин, поскольку рассчитывает использовать талант, эрудицию и организаторские способности Смирняшева для создания своего эпохального труда. Но Шептулин — зять. Знает наизусть все цитаты из классиков о логике. Ратует не за формальную логику, которая хотя и не есть надстройка над буржуазным базисом, но все же есть низшая ступень, а за диалектическую логику, которая служит пролетариату и есть при этом высшая ступень. Смирняшев жмет на достижения мировой науки и материальную импликацию. Слово «импликация» несколько смущает. Все чувствуют, что тут пахнет позитивизмом. Но слово «материальная» убивает наповал. Шептулин жмет на верность принципам марксизма-ленинизма, грозит угрозой ревизионизма и уступок идеализму. В борьбу пытались вовлечь и меня. Сначала — Смирняшев. Он

поймал меня в коридоре, прижал в угол и начал соблазнять рекомендацией для вступления в кандидаты в члены КПСС. Но я уклонился. Потом — Шептулин. Он пригласил меня в ресторан, поставил бутылку коньяку и начал соблазнять положительным отзывом на мою кандидатскую диссертацию. И на сей раз я уклонился. Тогда они вместе раздолбали мои тезисы о предисловии к книге Петина, которое я до сих пор не могу начать писать. Зайцев, естественно, сразу же слег в больницу с «радикулитом». Учитель впал в очередной запой. Когда его все же спросили, что он думает по поводу конфликта в секторе, он сказал, что не видит разницы между Гегелем и Карнапом, что оба они — дерьмо, и под каким-то предлогом смылся с заседания. Я остался в полном одиночестве.

— А ты напиши донос, — говорит Железный Феликс. — Я дам ему ход.

— На кого?

— Да на обоих. На всех.

— О чем?

— О том, как они своим поведением подрывают положение марксизма-ленинизма об отсутствии антагонистических противоречий при социализме.

— Идея отличная. Но, увы, я не люблю писать.

О прошлом Постоянно думаю о прошлом. Не о своей прошлой жизни, а в общем, о прошлых веках. Конечно, прогресс несомненен.

И даже я не согласился бы возвращать прошлое. Но все-таки жаль, что оно ушло. Человечество с его уходом многое утратило безвозвратно. И прежде всего оно утратило Тайну. Теперь, в наше время, все перестало быть тайной. Не то чтобы люди все познали. Познали, конечно, многое. Но далеко не все. И далеко не адекватно природе тайн. Люди утратили отношение к миру и друг к другу как к тайне. Даже в тех случаях, когда люди заблуждаются относительно данного предмета, ничего о нем не знают или в принципе не способны познать его, они не относятся к нему как к тайне. Это не есть показатель могущества человеческого познания. Это — явление социально-психологическое. Я хотел сказать нравственное, но вовремя остановился, ибо оно есть один из признаков отсутствия нравственности. Точнее будет отнести его к области идеологии. И марксизм с его гносеологическим учением о принципиальной познаваемости всего в мире внес в это дело свой огромный вклад. Это — одно из практических проявлений нашей официальной идеологии.

Отношение — Как дела? — спрашивает Он.

к прошлому — Спасибо, — говорю я, — паршиво.

— Что так?

— Пусто. Ничего не происходит. А если происходит, ничего не остается.

— Это потому, что мы неправильно живем. Мы слишком расточительно относимся к прожитому. Мы не бережем прошлое, относимся к нему исключительно как к безвозвратно ушедшему, как к потерянному. А между тем каждый прожитый день есть благо. Подчеркиваю: именно прожитый день, а не начинающийся. Прожитый день — капитал, который никто уже не отберет. Богатство прожитой жизни! И это не просто память, —

вспоминать можно прочитанное, услышанное, выдуманное. Это — пережитое, осознанное тобою как пережитое именно тобою. И притом сохраненное, — вот в чем загвоздка! Со-хра-нен-но-е!! А этому надо учиться. Надо жить определенным образом, чтобы было нажито это пережитое тобою. Надо определенным образом относиться к пережитому. Надо научиться беречь его так, чтобы оно было всегда с тобою. Можно ввести даже особые методы измерения пережитого. Своеобразные единицы переживания. И с помощью этих единиц измерять содержательность жизни. И можно так приучить себя относиться к жизни, что к концу ее будешь спокойно встречать смерть с сознанием содержательно прожитой жизни и в окружении накопленных богатств пережитого. Как этому конкретно научиться? Это долгая история. Это надо делать на опыте жизни. Потом мы поговорим об этом подробнее. А в двух словах — для этого нужна особого рода религиозная оценка своих действий и событий и актуальное включение соответствующих переживаний в события и действия следующего дня. Тут имеет место нечто подобное тому, что происходит с летчиком по мере накопления опыта полетов и усложнения управления самолетами. В сфере его деятельности с каждым шагом включаются все новые приборы, действия, ситуации и т. д. С годами приходит мудрость, мастерство, уверенность. И когда приходит время оставить полеты, никакой трагедии не случается: все пережитое вошло в его тело, в его поведение, в его отношение к окружающему. Имей только в виду, что пережитое — не количество съеденных котлет и шашлыков, не количество выпитого вина, не число соблазненных женщин, не полученные чины и награды... Все это как раз забывается и исчезает в прошлое без следа, ибо не в этом суть переживаемого, которое можно удержать с собой до самого конца.

— Когда это ты допер до такой философии?

— Только что.

— И что ты собираешься с ней делать?

— Продать. За кружку пива. Берешь?

— Кружка пива за мной. Но философию оставь при себе. Я ничего сохранять не хочу. Если прошлое хранить, жить будет невозможно.

Идеологическое мышление Идеологическое мышление, говорит Учитель, есть бывшее научное мышление и современное научное мышление, перенесенное в сферу обывательского сознания и низведенное в ней до уровня банальности. Например, утверждение «Все изменяется» может быть и было когда-то научным. Но теперь это — утешение идютам. А наука даже при рассмотрении процессов изменения ищет нечто устойчивое, неизменное. Требование историчности при исследовании явлений природы и общества теперь превратилось фактически в помеху именно научного понимания самих исторических процессов. Цель идеологии — не просто привить людям ложные представления о себе и своем общественном окружении, но натренировать их мозги так, чтобы они даже при желании не смогли бы выработать иных представлений. Эту роль тренажа выполняет не только сеть политпросвещения, но и оголтелая пропаганда достижений науки и техники. Пропаганда науки даже в большей мере, ибо она вызывает

не насмешки (как явный марксизм-ленинизм), а почтение. Ничто так не оглушает людей, как популяризация и пропаганда достижений науки на уровне, доступном широким слоям населения. Я бы мог детальнейшим образом показать это на любых конкретных примерах. Но меня никто не хочет слушать. Люди сами стремятся быть обманутыми, ибо это они имеют без особого труда. А истина есть тяжкий труд.

Пути судьбы Я расписался в книге прихода-ухода, медленно профланировал по коридору, кивнув девчонкам из кабинета, сказав пару хохм ученым дурам у читального зала, поздравив Качурина с новой статьей о «странностях» в космосе, пропустив Кирусика распространять очередную сплетню, выкурил сигарету на малой площадке, выслушав при этом спортивные новости (это — второй по важности предмет бесед сотрудников после диссидентских историй), покрутился в секторе, отпустив сомнительный комплимент секретарше сектора теоретических проблем марксистско-ленинской теории познания, вышел опять на малую площадку, которая уже опустела (надолго ли?!), и стремительно ринулся по черновой (как говорит Барабанов) лестнице вниз. На первом этаже я свернул в сторону столовой, открыл окно, считающееся забитым наглухо, и выскочил во двор. И сразу же налетел на завхоза и заместителя директора Стукачева. Что они тут делают??!! Но времени на размышления не было, и я немедленно обратился к Стукачеву с просьбой подписать бумагу для машбюро, чтобы срочно перепечатали рукопись одного нашего внеинститутского автора. Я знал, что Стукачев такую бумагу не подпишет, ибо на прошлой неделе было специальное распоряжение дирекции не печатать рукописи внеинститутских авторов. Стукачев подписать бумагу отказался. И я побрел обратно в институт, но уже не через окно, а через дверь, как ходят все нормальные люди. Вернее, я сделал вид, что возвращаюсь. А сам около здания журнала «Коммунист» свернул «налево», т. е. пошел прямо, а не направо, как следовало бы. Скоро я догнал институтского алкоголика Шубина, который в компании одного типа из редакции «Коммуниста» двигал в Дом журналистов. Тип из «Коммуниста» оказался широко известным в наших кругах Сашей Костиным, который вхож в семью самого Генсека и, по слухам, с ним на «ты». И вполне естественно, после третьей стопки мы заговорили о Генсеке, и Саша начал расхваливать его. Шубин, естественно, подпевал Костину, — тот платил за выпивку и еду. Я отделившись ничего не значащими замечаниями, которые никого не интересовали, хотя в них при желании можно было обнаружить некий смысл, а именно — что нынешний Генсек далеко не худший вариант, и что вообще не играет роли, хороший он или плохой, ибо он все равно никакой. По слухам, Костин сочиняет речи Генсеку. Но я знал заранее, что такое количество речей один человек сочинить не в состоянии. А приглядевшись к Костину, я понял, что он — даже не один из сочинителей. Скорее всего, он — один из организаторов одной из групп сочинителей. Я намекнул ему, что готов предоставить свое «перо» и т. д. Он сказал, что таких желающих — пруд пруди. Но он придумает что-нибудь для меня. У них в «Коммунисте» много всякой безымянной

работы. Я сказал, что я уже давно сотрудничаю с «Партийной жизнью», что у меня есть опыт. Он сказал, что это очень хорошо. Жаль, что я не член партии (я сознался в этом). Если бы я был член, можно было бы в редакцию устроиться. У них сейчас есть вакансии.

Потом Костин с Шубиным уехали «к девочкам», а я тихо побрел к себе, на Лубянку. Вот видишь, сказал Железный Феликс, когда я поравнялся с ним. Куда ни кинь, всюду клин. Надо вступать в партию. Хочешь, я рекомендацию дам? Разумеется, не даром. Подпишешь бумажку. Мы звякнем в дирекцию и в райком. И...

И пошел ты на ..., сказал я. И зачем я вам нужен? А ты нам совсем не нужен, сказал Железный Феликс. Это мы из принципа. Мы бы и сами рады плюнуть на тебя. В самом деле, зачем ты нам нужен? Мальчиков с бородой и с иностранными языками теперь навалом. И они готовы любую бумажку подписать. Но мы не можем иначе. Если мы оставим тебя в покое, мы будем чувствовать себя побежденными. Так что извини, но мы не оставим тебя, пока... Ну и кретины, сказал я. Теперь вы меня не возьмете, если даже я сам к вам приду. Не возьмем, сказал Железный Феликс. Потому что сам. Вот если бы не сам. Не морочь мне голову, сказал я. Ты, как и Костин, обещаешь, заранее зная невыполнимость обещания. Конечно, сказал Железный Феликс. Но я же от доброты душевной, из желания помочь. Я же все-таки русский человек. Какой же ты русский, возмутился я. Такой же, как все, сказал Железный Феликс. Ты знаешь, кто считается русским человеком? Всякий, считающий русский язык родным и испытывающий страх при прохождении в районе Лубянки. А я, между прочим, дрожал тут не меньше тебя. Я не дрожал, сказал я. Вот в том-то и дело, сказал Железный Феликс. Поэтому ты не русский человек, а тайный или внутренний эмигрант. Так тебе и надо. Кстати, торопись! Дома тебя ждет сюрприз.

О славе Около памятника Марксу я остановился. Ну что, сказал я ему, обсирают тебя эти миролюбивые птички? Не верю я в их миролюбие. Злобные и похотливые твари. Вечно ссорятся из-за всякого пустяка. Почему Святой Дух спустился к Марии в виде голубя? Почему голубя сделали символом мира? Воробей куда больше подходит на эту роль. Но ты не одинок. Я тоже хожу вечно обосранный институтскими «голубями». Тебя хоть время от времени чистят, а меня... Знаешь, чем дольше я думаю о твоей судьбе, тем грустнее мне становится. Если бы мне сейчас предложили написать пару томов любой галиматши с полной гарантией бессмертной славы, клянусь тебе, не написал бы ни строчки. Не могу вразумительно пояснить, почему. Просто чувствую нечто постыдное в такой славе. Что-то жульническое в этом есть. Нет ощущения подлинности и совершенства. И это раздражает...

Я вспомнил пушкинского «Медного всадника», и мне стало смешно от аналогий. Петр, конечно, был тоже порядочная сволочь. Развратник, сифилитик, самодур. И народу он загубил по тем временам больше, чем любой другой русский царь. И все-таки есть разница между Петром, с

одной стороны, и Лениным-Сталиным (для меня они — одно лицо) — с другой. Те бездарные памятники, которые миллионами возводились и возводятся всем нашим вождям, вместе взятым, не стоят одного единственно-го памятника Петру. В чем дело? Успехи наши, конечно, несомненны. Космос, плотины, атомные штуки... И пол-Европы оттяпали. И во все концы мира щупальцы запустили. И все-таки есть что-то в этом более низкого качества, чем петровские дерзания. Есть некое историческое качество в общественной жизни. И у нас оно очень невысокое, а может быть, и с обратным знаком.

Хотел бы я воскликнуть, сказал я Марксу, что я презираю тебя, Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина творенье, что не люблю твой серый и пошлый вид и т. п. Но ведь не вы сотворили эту мразь, хотя я приложили к ней свою руку. Ты совершаешь одну грубую ошибку, сказал Маркс, — ты смотришь на все слишком с близкого расстояния. Пройдут века, и... И мы содохнем, сказал я, и будущие подонки так же, как и нынешние, будут спекулировать на исторической перспективе, масштабах, процессах, законах и прочей мути, которую ты породил и дал Им в руки.

Подошел переодетый агент и попросил закурить. Это — такой прием у Них, чтобы разглядеть подозрительных в лицо. Иногда они просят две копейки позвонить. Иногда спрашивают, как проехать или пройти куда-то. Агент проследил мой взгляд. И как бы поняв мои мысли, сказал, что от этих гадов (он имел в виду голубей) нет спасения. Я сказал, что надо было в скульптуру вставить острые шипы, так чтобы этим гадам (голубям, конечно) негде было лапки поставить. И с точки зрения искусства это был бы вклад. Агент исчез. Подошел милиционер и пара дружинников. Проверили документы. Спросили, зачем я тут торчу. Я сказал, что люблю этим шедевром советского безобразительного искусства. Они велели убираться прочь, пригрозив вырезвателем (хотя я был трезв). Вот видишь, сказал я Марксу, к чему привели твои светлые идеалы? Так что учти на будущее, прежде чем морочить людям голову, думать надо! И разрази меня на месте, если в ближайшие дни в твою башку не ввернут острые шипы через каждый сантиметр, чтобы защитить... кто бы мог подумать?!.. не от идеологов буржуазии и ревизионистов, а от миролюбивых тварей — голубей!!

О подвигах Сюрприз? Я решил обойти здание СГУ слева, по улице Дзержинского, мимо той двери, около которой однажды столкнулся с самим шефом СГУ, — он вылезал из машины. Поравнявшись с дверью, я задумался.

— Думаешь, — услышал я Его голос.

— Думаю.

— Хорошо думаешь. Пора.

— Не знаю. Я еще не решил. Скажи! Ты вот прожил трудную жизнь. Прошел через все круги ада. Много видел и думал. К какому выводу ты пришел?

— Ты же знаешь. Ложь, насилие, подлость, глупость, карьеризм, ци-

низм, коррупция, холуйство и прочие мерзости пронизывают всю эту систему снизу доверху.

— Что же будет?

— Советский Союз в будущей войне будет разрушен.

— А Россия?

— Ее давно нет. Суди сам. Почти вся русская интеллигенция погибла после революции. При Сталине цвет русской нации был истреблен. Это — около тридцати миллионов. Потом систематически проводилась политика сведения творческого потенциала нации к уровню балалаек, плясок, матрешек. В лучшем случае — к уровню подопытных животных для космических полетов. И солдат, конечно.

— А начальство, — вмешался в разговор Железный Феликс, — играет в свои игрушки. Увешивает себя орденами, болтается с визитами и сидит в президиумах. И транжирит народные средства безудержно. Знаешь, сколько уже ухлопали на эфиопов? Уже полтора миллиарда! И все впустую.

— И этому маразматiku орден «Победы» дали, — захихикал Сталин, — совсем одурели, идиоты!

— А где же выход? — спросил я.

— Спротивление, — сказал Он. — Протест. В любой форме. Другого пути нет.

— Но это чисто негативный путь.

— Позитивная программа может быть выработана только на опыте негативной борьбы. Протест — другого не дано.

— И ты думаешь, что...

— Конечно!

— А если...

— Не беда! Лишь бы заметно было. Лишь было бы пламя.

— А ты...

— Ты же знаешь, меня нет.

— Но ты был.

— Ты же знаешь, я пытался, но не успел.

Сюрприз Дверь моей комнаты оказалась открытой. В комнате за столом сидели Она и соседи. Сидели и выпивали. И даже чем-то закусывали. Увидев мою растерянную бородатую рожу, рассмеялись. Сосед принес свой стул, предложил присесть, вылил в стакан остатки вина. Мы молча чокнулись. Доели сыр, колбасу и консервы. Сосед бубнил без конца одну и ту же мысль: когда дочь вырастет, она будет портнихой, ибо работа чистая и выгодная, и учиться зря не надо. Соседи ушли, захватив свой стул, бутылки, тарелки и вилки. Мы остались одни. Я хотел было спросить, как Она открыла дверь, но остановился: раз сосед осматривал мои бумаги, у него давно уже был свой ключ. Но я ошибся в своих предположениях. Она сказала, что отперла замок шпилькой. И тут только я заметил... Я не поверил своим глазам. Нет, этого не может быть! Просто я хватил лишнего. Я закрыл глаза и потряс головой. Но видение не исчезало. На месте бабушкиной кровати с поющими пружинами стояла... Что бы вы подумали?! ...Новенькая тахта!! Я видел такую недавно около мебельного магазина. И у меня мелькнула было

мысль купить, но тут же заглохла: такая штука стоит не меньше полсотни! Я осторожно подошел к видению. Пощупал. Действительно тахта! Откуда? Зачем? Мне стало грустно оттого, что я уже не увижу бабушкину кровать, не паду на тюфяк, наполненный билиардными шарами, не услышу звон и скрип пружин. Я лег на тахту, вытянул ноги. И ощутил поразительную приятность. Под головой я ощутил подушку и запах чистой (!) наволочки. И я, слегка раскачиваясь, поплыл в сон.

Я часто вижу сны. Я умею их видеть. И люблю их смотреть, вернее — участвовать в них. Для этого я научился их запоминать. Делаю я это так. Еще не проснувшись, повторяю виденное в словах. Проснувшись, лежу с закрытыми глазами и опять повторяю сон в словах — рассказываю себе два-три раза. Затем повторяю то же самое с открытыми глазами, затем — стоя, затем — через пять минут, затем — через полчаса. После нескольких раз повторения такой процедуры сон прочно запоминается и часто видится. Причем, переживается он очень отчетливо, иногда его ничем не отличишь от реальности, кроме содержания, конечно. Таким путем я запомнил более десяти хороших снов и более десяти плохих. Плохие — это если со мной неприятности во сне могут случиться, но не случаются или случаются лишь частично. Например, угроза быть изнасилованным Петиным или Смирняшевым, угроза расстрела в подвале главного здания СГУ и т. п. Но все мои сны почему-то безлюдны. Присутствие людей ощущается, но я их не вижу.

Проснулся я поздно. На шикарной тахте. Голова — на подушке с чистой (откуда она взялась?) наволочкой. Одетый, но без ботинок, — они стояли рядышком. Укрытый одеялом. Под подушкой — новая чистая простыня и подедеяльник. Откуда все это?! Что произошло?! И я вспомнил про Нее. Но Ее не было. И никаких следов от Нее не осталось. Чисто и пусто. Я сразу же позабыл новый прекрасный сон, который собирался запомнить.

Мысли глупца Повторяю и настаиваю, что главное — поворот мозгов.

У нас, например, много пьяниц. Какой вывод делает из этого факта глупый диссидент или не менее глупый иностранный журналист? Общество спивается и спивается. У нас много недовольных режимом. Опять-таки какой вывод из этого делает глупый иностранный журналист и не менее глупый диссидент? Общество разваливается, доживает последние дни. А между тем общество не разваливается и является довольно трезвым. В чем дело? Просто подход к фактам неверен. Надо в качестве весомого факта брать наши обычные коллективы, в которых мы «работаем», т. е. к которым мы прикреплены и в рамках которых мы выступаем в качестве социальных существ. А подавляющее большинство наших коллективов — здоровые, сознательные, трезвые. Реально у нас все отрицательные явления растворены в массе положительных, разобщены. Положительные же сконцентрированы воедино в первичных коллективах, а между коллективами царствует отношение официальной солидарности. Каково положение отрицательных личностей в коллективах и отношение к ним коллектива, вам известно. Вот в чем дело! А стоит недовольным попытаться образовать группы недовольных, как они с необходимостью вы-

брасываются из первичных коллективов и оказываются вне общества и вне закона. Потому-то тут и возможны ситуации, когда все по отдельности «против», а все вместе «за».

Развитие На нашем институте можно отчетливо проследить весь механизм развития материи. Вот, например, как возник отдел борьбы с антикоммунизмом. Была группа в секторе научного коммунизма. Выступил Генсек с речью по какому-то поводу. Вякнул насчет антикоммунистической истерии где-то на Западе. В сектор выделили две штатные единицы. Группа увеличилась количественно и превысила критические размеры. Ее выделили в особый сектор. Тут, во-первых, произошло превращение количества в качество и, во-вторых, раздвоение единого. Этому раздвоению в секторе предшествовала дикая склока, — пример борьбы противоположностей как движущей силы развития. Потом все пошло как по маслу. Новый сектор возглавила сука Тваржинская (по слухам — в прошлом близкая родственница Дзержинского), которая развила бешеную деятельность. Сектор выпустил три сборника и две монографии. Количественно вырос вдвое. В связи с известными событиями в нем создали группу борьбы с международным сионизмом. Группа скоро выделилась в особый сектор в связи с особой важностью ее проблематики. В оставшемся составе сектора образовался ряд групп — по критике американского антикоммунизма, западноевропейского и т. д. Вскоре создали группу по критике еврокоммунизма, который сочли разновидностью антикоммунизма. И опять-таки пошли ожесточенные склоки, в результате которых сектор распался на два, а каждый из этих двух — в свою очередь на два. В воздухе стала носиться идея отдела. На всех собраниях и заседаниях сука Тваржинская с сообщниками долбила в одну точку: недооцениваем, притупили бдительность, снизили боевитость, либеральничаем и т. п. В итоге произошло взаимное проникновение противоположностей: возник дружный, боевитый, продуктивно работающий отдел. Теперь намечается новый этап в развитии: Ежов с одним своим собутыльником написал донос на остальных своих подчиненных евреев, что они делают уступки и недооценивают опасности. Еврей-антисемиты совершенно независимо (одновременно) написали донос на Ежова, что он делает уступки и недооценивает, что он якобы намекает им, будто евреи — не такие уж скверные, как их изображают. В партбюро создали комиссию расследовать ситуацию в секторе. Чем кончится? Создадут новый сектор. А сука Тваржинская уже носит с идеей института по борьбе с антикоммунизмом. Она полна энтузиазма. Глаза сияют. Седая косичка трясется, как поросячий хвостик. Однажды она поймала меня в коридоре, прижала в угол и стала соблазнять преимуществами ее отдела. Мол, я — человек образованный, языки знаю. Мне и карты в руки. Тем более — я в партию собираюсь. Она даст рекомендацию; я был так ошарашен ее натиском, что не успел сообразить, как уклониться. А она решила, что я клюю на ее приманку. Пожала мне руку и скрылась в партбюро, чтобы обратить внимание, заострить вопрос, принять меру... О, Господи! Меня рвут на части! Что бы это могло значить?

— Знакомая ситуация, — сказал Он. — Наверняка готовят какую-нибудь

пакость. Берегись! Если Тваржинская жмет руку, считай, что она тебя взяла на мушку.

У меня появилась острая тоска по Ней. Куда же все-таки Она исчезла? Неужели насовсем?

Тоска Безуспешно пытаюсь вспомнить Ее координаты. Она, очевидно, говорила мне свою фамилию и адрес, но я не обратил внимания или забыл. А что, если Она ждет моего звонка? Где я Ее встретил? Когда?

— Давай составим схему всех твоих возможных маршрутов, — говорит Он, — и начнем ходить по ним. Вдруг...

— Пустое занятие, — говорит Железный Феликс, — у него этих маршрутов...

— Твои передоетые агенты наверняка засекли, куда Она ушла, — говорю я.

— Мои агенты, — говорит Железный Феликс, — могут раскопать любой заговор, в особенности — несуществующий. Но отыскать ушедшую любовь... Во всяком случае, я твердо знаю одно: Она спустилась в метро около СГУ.

— Я, как тебе известно, всю жизнь искал Ее, — говорит Он. — Сейчас Она старая баба, если жива. С железными зубами. Ты знаешь, как у нас такие зубки делают. Проволоку перекусить можно, но улыбаться нельзя. И все равно я отдал бы всю оставшуюся часть ее жизни, лишь бы увидеть ее на минуту.

— Зачем?

— Из принципа. И из потребности души. Мой тебе совет: не ищи. Суждено — сама придет, нет — не найдешь. Но запомни: отныне и навеки порог твоего Храма Любви не переступит ни одна женщина, кроме Нее. Бывалые потаскухи сразу заметят, что ты — пустое место, что тебе не до них, а чистые тебя уже не соблазнят.

— Но есть же какие-то уловки?

— Конечно, есть. вступи в кандидаты в члены КПСС, стань кандидатом философских лженаук. И тогда они опять пойдут навалом. Но тогда Она уже не придет никогда.

— А может быть Ее вообще не было? Приснилось спяну?

— А тахта тоже приснилась? А простыня, а пододеяльник, а наволочка? А занавески? Какие? На окнах, конечно; неужели ты их не заметил?!

Мы подошли к закусочной, где когда-то, как уверяет Он, помещался Пивной Бар номер два (номер один был на площади Пушкина, там, где сейчас пустое место и где иногда собираются диссиденты). Из нее вышел Поэт.

— Ее здесь нет, — сказал он. — Хочешь стих?

*Бывает, падая в кровать
Под перезвон пружин,
Я рад, и нет причин скрывать,
Что в этот раз — один.*

— Нет кровати. Нет пружин. Есть тахта и поролон.

— Пусть так.

*Бывает, на тахту упав,
На мягкий поролон,
Кричу: довольно мне забав,
Приди, желанный сон!
Не надо, сам себе шепчу,
Ни задниц, ни грудей.
С меня довольно! Не хочу
Ни чистых, ни блядей.
Но вот ушло из тела прочь
Хмельное питье.
И мне уж дольше жить невмочь,
Коль рядом нет Ее.*

Мое поколение Что такое поколение? Все люди, родившиеся в такое-то время (от и до)? Но почему в таком случае мы не можем объединить в одно поколение, допустим, родившихся в 1920 — 1930 годы? Люди рождаются непрерывно, а не в строгой очередности: деды-отцы-внуки. Очевидно, поколение — явление лишь отчасти возрастное, а главным образом — социальное. Поколение образует совокупность людей, родившихся в определенных временных рамках, но сформировавшихся и проявивших себя некоторым существенно сходным образом, причем — это проявление отображает достаточно отчетливо существенные черты эпохи. Так что не все люди, родившиеся в этих временных рамках, образуют поколение или даже представляют его. Не все ровесники декабристов входят в поколение декабристов. Большинство людей, являющихся сверстниками тех, кто охватывается понятием «поколение», есть просто человеческий материал истории. Они всегда и везде одинаковы, за исключением пустяков: моды, одежды, прически, выражения языка, мечты и т. п. Поколения же различаются как этапы социальной истории.

Поколение не надо отождествлять с его ярчайшими представителями и выразителями. Лермонтов, например, был выдающимся и ярчайшим представителем и выразителем своего поколения, но об этом поколении не скажешь, что оно яркое и выдающееся. Мой постоянный спутник и собеседник Он относит себя к поколению, окончившему школу еще перед войной или в самом начале войны, погибшему на фронтах войны и в концлагерях. Наиболее точным выразителем своего поколения Он, однако, считает не Солженицына, Галича и других крамольных писателей, а каких-то неведомых мне людей, не оставивших заметного следа в истории. А вот Поэт считает характерным представителем своего поколения Высоцкого, а выразителем — Галича и Окуджаву. И отчасти даже Солженицына. А ведь все эти трое принадлежат к поколению Его.

Ну, а мое поколение, существует такое или нет? И если существует, чем оно характеризуется? Я начал размышлять на эту тему и, разумеется, запутался. А может быть вообще поколение — выдумка, подумал я. Ничего подобного, сказал Он. Поколение — факт, и факт очень серьезный в жизни общества. Но его не так-то просто выделить. И не всегда это возможно. И не всегда это нужно. Трудность тут связана не с дефектами

твоего ума, а с дефектами самого поколения. Оно само должно определиться в качестве такового, осознать себя именно таким, в каком-то смысле консолидироваться в некое социальное целое.. Пусть аморфное, расплывчатое, но все же... Ты меня понимаешь? Какие средства этой консолидации? Обычные. Взаимное понимание. Сходное отношение к прочим людям, к окружающим обстоятельствам, к житейским благам и т. п. Вырабатывается некое средство и способность опознавать друг друга. И понимать без слов. Вырабатывается некоторая замкнутость от представителей других поколений, неспособность и нежелание понять их. Другая система ценностей... Короче говоря, все это — вещи общеизвестные. Я, например, люблю Есенина и считаю Маяковского великим поэтом, хотя и не люблю. И не могу понять тех, кто любит Мандельштама и считает его более значительным, чем Маяковский. Положа руку на сердце, — сказал Поэт, Есенина и я предпочитаю Пастернаку, Ахматовой, Мандельштаму и многим другим. А я с вами и не спорю, сказал я. Я, между прочим, люблю Русланову, Шульженко и Бернеса и презираю нынешних трясунув, шептунов и крикунов. Так что же получается? А то, сказал Он, что это все несущественно с точки зрения различения поколений. Я думаю, сказал Поэт, что это различие скорее ощущается, чем осознается.

Возьмем конкретно меня, сказал я. Отец и мать оба члены партии. Твое (это — Ему), кстати сказать, поколение. Отец фронтовик. Но что-то я в них не вижу ничего общего с тобой. Так, кое-какие мелочи. А может быть эти «мелочи» и суть показатели моего поколения, сказал Он. Тебе не дано знать... Дано, сказал я. Я-то их с пеленок изучил насквозь. Не в этом дело. Рос я в общем в хороших условиях. Сыт, одет, полно игрушек, в пять лет начал читать и писать. Ходил в детский сад. Потом школа. Октябренок, пионер, комсомолец. Вместе со всеми работал на заводе, который шефствовал над нашей школой. Выполнял общественные поручения. Студентом дважды ездил в колхоз, один раз ездил в строительном отряде на Великую Стройку Коммунизма. Избирался даже в комсомольское бюро факультета. В институте ездил в колхоз, ходил на овощную базу, выходил на все субботники и т. д. и т. п. и т. д. и т. п. Если бы вы, ребята, знали, сколько воспитательных речей и назиданий я выслушал, сколько газетных и журнальных пропагандистских помоев сожрал! Да что там говорить. Ни одно поколение столько не сожрало их, как мое. Вас воспитывали, знаю. Но если бы кто-либо попробовал подсчитать, сколько этого воспитания выпало на долю разных поколений, он был бы потрясен тем, что мощь его все более возрастает. А то поколение, которое идет на смену моему, получит этого добра еще больше, чем мы. И что же? Я всегда в коллективе, для коллектива, за коллектив, под коллективом. И я всегда один. Даже когда я был в детском саду, мы все играли вроде бы вместе, но так, что каждый играл по отдельности. Я покорялся коллективу, но всегда стремился к одиночеству. Я всегда был в коллективе, но так и не сумел воспринять сознание и психологию «мы», т. е. стать коллективистом. Скорее, наоборот. Итог? Такое отвращение к официальному строю нашей жизни и официальной идеологии, что они стали восприниматься уже как неотвратимые явления

природы, — как слякоть, серое небо, грязный снег, дожди и т. п. Это — данная нам от природы среда бытия. И я думаю лишь о том, как прожить в этой среде, а не что с нею делать. И таких, как я, много. Очень много. Это и есть МОЕ ПОКОЛЕНИЕ. У тебя (это я — Ему) еще были иллюзии активного действия, у тебя (это — Поэту) — иллюзии критического слова, а у меня остались лишь иллюзии приспособления с сохранением своего «я». А у следующих за нами что? Никаких иллюзий!!

А разве среди людей твоего поколения нет критиканов, диссидентов, карьеристов, стяжателей, спросили в один голос Он и Поэт. Конечно, есть, сказал я. Но они в чем-то похожи на меня. И вообще, мы не настолько обижены, чтобы критиковать и протестовать. Достаточно умны и образованы, чтобы понимать, что протестовать бесполезно. И совсем не верим в их вшивые идеалы и совсем не реагируем на их идеологические помои, чтобы вносить в свою жизнь «боевитость», «преданность», «целеустремленность». Ложь есть наша привычная атмосфера... Хватит? Пара слов еще, и все. У нас в итоге нет настоящей любви и настоящей дружбы. Мы обречены на эгоизм. И на страдания от него...

О войне и тщеславии Лежу на тахте, на уже грязной наволочке. Про простыни и говорить не хочется. Думаю о Ней. Тоскливо. Хочешь, расскажу тебе что-нибудь про войну, спрашивает Он. Война меня не интересует, говорю я. Голод, холод, раны, смерть, награды, героизм... Мне это скучно. Но если уж тебе так хочется, рассказывай. Попробую послушать. Только учти, о войне я наслышан и начитан. И теоретически знаю, что это такое. Не мне тебя учить разнице между теорией и практикой, говорит Он. Теория не лжет. Практика не опровергает теорий. Они просто расходятся, как теперь расходятся опостылевшие друг другу супруги или любовники. Ты знаешь, чем мое поколение отличается от твоего? Мы были неспособны критиковать, но были способны действовать. И эта наша способность пропала впустую и лишь отчасти была использована Ими в Их гнусных целях. И мы не были равнодушны. Думаю, что если бы мое поколение уцелело, оно научилось бы и критиковать. И Они это почували. И постарались истребить мое поколение, а уцелевших загнать в помойку. Война, брат, это не просто стрельба и разрывы. Война есть мощное средство решения всех назревших социальных проблем общества. Эх, как была бы Им сейчас удобна война! Но, конечно, с гарантией уцелеть, прославиться и увешать свои жирные пуза наградами. Такая гарантированная война, и все проблемы решены. В двадцать четыре часа уничтожаются все диссиденты и их среда. Молниеносно создается многомиллионная армия рабов, которых можно использовать как заборорассудится. Все последствия Их идиотской внешней и внутренней политики списываются, как будто их и не было. Армия подонков призывается к социальной активности, восстанавливает идеальное (с Их точки зрения, конечно) состояние. Потери? Для Них это пустяки, ибо Они действуют во имя и ради. Они пошли бы на любые потери, лишь бы... Они боятся потерять лишь одно: свою ничтожную персону и свое благополу-

чие. Но вернемся к войне. Ты еще не спишь? Нет, говорю я. В таком разрезе я о войне как-то не подумал ни разу. Кстати, мне сейчас пришла в голову любопытная мысль. Тщеславен я или нет? Оказывается, да. Но особым образом. Я, например, хотел бы стать академиком, но за счет выдающихся научных открытий, а не так, как у нас обычно вылезают в академики. Это и я в свое время мечтал стать маршалом, говорит Он, но за счет выигранных сражений. И потому меня не допустили даже батальоном командовать. Я так ротным и демобилизовался, хотя имел все шансы дорасти до дивизии, а то и повыше. Я начал войну лейтенантом, а кончил всего лишь старшим лейтенантом. Всего одно повышение за всю войну! А у меня три ранения. И наград... Я тебе не рассказывал, как я в самом начале войны дивизией командовал? Ты что, спишь? Сплю, говорю я. И мне все равно, что дивизия, что рота. Рота даже предпочтительнее. Тут нечто мужское еще ощущается. Как тебя ранило? В бою? Что считать боем, говорит Он. Первый раз — шальная пуля, второй — осколок мины, третий — осколок авиабомбы. А в бою обычно убивали или калечили...

Послание к Ней

*Я жду тебя! Я не могу заснуть.
А днем ищу среди прохожих.
И обгоняю, в морду заглянуть,
Всех, чем-то на тебя похожих.
Я многого, конечно, не добьюсь,
Но кое-что и я урвать успею.
Вот, в партию, пожалуй, проберусь
И в кандидатах скоро отупею.
Квартира? Что же, есть «каператив»
Родители подмогут, если надо.
И временно презрев презерватив,
Произведем на свет единственное чадо.
Приобретем тебе за сотню сапоги,
За счет еды накопим на одежду.
Научишься ты стряпать пироги,
А я — с авоськой бегать по картошку.
И в бабу нашу превратишься ты,
Всех в мире баб сварливей и мудрее.
Надену я обычные порты,
И бороду, клянусь тебе, обрею.
Лишь пару раз в неделю буду пить
Сто грамм. И на закуску — кружка пива.
Вернись скорее, вместе будем жить.
...О, Боже мой! Какая перспектива!*

Мысли глупца Иногда мне кажется, что наши власти ведут грандиозную игру, продумывая и планируя все заранее. И что бы ни произошло в нашей системе власти, мы во всем стремимся усмотреть некий смысл и умысел. Но это верно лишь отчасти. Конечно, многое в поведении властей есть расчет и замысел. Но многое вынуждено обстоятельствами. Многие случаи. Многие происходят непредвиденно и неподконтрольно. Это очень важно! Повторяю, не все поддается контролю властей и коллектива. Не все можно предвидеть. Есть явления принципиально неконтролируемые и непредвидимые. Что это за явления и какова их роль в жизни общества? Это одна из самых главных проблем теории управления системами такого типа, как наша. И нашим оппозиционерам не мешало бы подумать в этом направлении. Я пока могу лишь констатировать следующий закон на этот счет: происходит нарастание непредвидимого и неподконтрольного. Образуется разрыв между руководством и руководимыми. Каждый раз этот разрыв приходится сокращать особыми мерами. Но он образуется в другом месте. Общество вырабатывает и определенные стандартные методы ликвидации разрыва. В общей форме обосновать этот закон труда не представляет. Тут в первую очередь можно сослаться на то, что как руководящая, так и руководимая система изменяются во времени. Обращаю ваше внимание на то, что я имею в виду не абсолютную непредвиденность и неподконтрольность, а относительную, т. е. относительно некоторого первоначального замысла. Так что когда наше руководство меняет первоначальные замыслы и отказывается от них, это не есть просто обман руководимых. Это есть необходимая форма восстановления адекватности руководящей и руководимой системы, форма ликвидации разрыва, о котором я говорил. Так что наши власти самими законами нашей системы обречены давать невыполнимые обещания и выполнять необещанные действия. Но выполнять последние так, будто именно они были задуманы заранее.

Историческое заседание Состоялось первое заседание нашей спецгруппы под руководством параноика Смирняшева. Это заседание является историческим в двух смыслах: во время его приключились две истории. Первая: обвалилась штукатурка с потолка, и нам пришлось менять поэтому помещение. Вторая: алкоголик Шубин уснул и свалился со стула, и мы не смогли разбудить его, и его пришлось положить на диван в секторе борьбы с международным сионизмом. Смирняшев плел бессвязный бред о мировой логике, о материальной импликации, о семантических моделях, о сигма-операторе. Барабанов ехидно ухмылялся. Он до мозга и костей (это — его выражение) был ушиблен (тоже его выражение) тем, что его понизили. Но все же согласился остаться заместителем Смирняшева в интересах наших общих интересов (опять-таки его выражение). Смирняшев трепался часа два. После него на целый час захватил (захапал, точнее говоря) наше внимание Барабанов. На сей раз Смирняшев ехидно ухмылялся. Когда Барабанов дошел до климакционного (тоже его выражение) пункта своей речи и заявил, что в воздухе чувствуется ощущение (его любимое выражение), в кабинет ввалился очухавший-

ся Шубин. А пошел ты на ... со своими ощущениями, сказал он Барабанову. Заседание пришлось временно прекратить. Я предложил свои услуги спроводить Шубина домой. На другой день я узнал, что, воспользовавшись моим отсутствием, меня раскритиковали и вписали в протокол и в решение в раздел недостатков. Барабанов якобы внес предложение убрать меня из группы насовсем, но меня отстоял сам Смирняшев. Не ради меня, конечно, а против Барабанова.

А с Шубиным мы провели роскошный вечер. Выйдя на улицу, он мгновенно протрезвел и предложил продолжить наше заседание в другом, более подходящем месте. Я сказал, что у меня нет денег. Он сказал, что деньги — не проблема, он получил гонорар в журнале «Партийная жизнь» за статью-консультацию... А, сказал он, не стоит о ней поминать, обычная чушь. И что ты жизнь попусту гроишь в этом пошлом учреждении? Беги отсюда, пока не поздно. Куда? Да куда угодно. Я сказал, что все равно уже поздно. Ты, пожалуй, прав, согласился он. Бежать все равно некуда.

Мы завернули в «Прагу». Здесь Шубина хорошо знали, — он щедр на чаевые. Обслужили нас как почетных гостей.

— Вон тот тип, — сказал Шубин, кивнув на солидного официанта, — выпускник нашего факультета. На самом деле он — сотрудник КГБ. Майор, не меньше. А работать, между прочим, и у нас можно. Только умеючи. Я, например, не ощущаю никаких ограничений. Могу писать и печатать все, что захочу. Только при условии соблюдения одного условия, как выражается Барабанов: утопить свои мысли в контексте, устраивающем всех, так чтобы они не выпирали в виде претенциозного «я» и не выглядели нескромно. Энгельс, конечно, ерунду писал. Но его ерунду можно истолковать по-своему, приписав Энгельсу свои собственные соображения. Все довольны. А умные люди понимают, что к чему.

— Умные люди, может быть, и понимают, — сказал я. — Но их мало. А я вот этого не понимаю. Я читал Ваши работы. Но, честно признаюсь, мне никогда в голову не приходило рассматривать их вот в таком духе. Я воспринимал их просто как очередную интерпретацию марксистской фразеологии применительно к нынешней ситуации. Просто как конъюнктурную форму приспособления...

Шубин прервал меня и закатил длинную лекцию о времени, прогрессе, долге и т. п. Я делал вид, что слушаю, а сам лишь пил и ел. И поглядывал на философа-официанта-стукача. А тот поглядывал на нас и прислушивался к нашему разговору.

— Если хочешь, — сказал Шубин в конце своей лекции, — я тебе устрою левую работу в «Партийной жизни». Отвечать на письма, рецензировать статьи. Это, конечно, немного. Но на выпивон хватит для начала. Со временем напечатают маленькие заметочки, потом — побольше. После этого в философских журналах будут печатать без звука. А тебе для защиты...

— Я пока не думаю о защите.

— Все мы сначала так говорим. И все-таки пишем, печатаем и защищаем. Другого же пути все равно нет. Закажем еще бутылочку?

Опять о войне Будущая война страшна не столько числом жертв, говорит Он, сколько величайшей подлостью. Высшие чиновники заберутся в свои крысиные норы-противоатомные бомбоубежища, где для них, их семей, помощников, холуев и прочей швали заготовлены все жизненные блага на много десятков лет вперед. А прочие смертные останутся тут испаряться в ничто, корчиться в муках, заболеть ужасными болезнями, производить уродов потомков. Я не боюсь смерти, не боюсь страданий — все равно все рано или поздно проходит. Но как подумаю о том, какая мразь будет надежно спрятана в укрытия, мне становится жутко за будущее человечества. Эти крысы будут сидеть в безопасности, используя гений и труд миллионов людей, а лучшие представители рода человеческого навеки исчезнут с лица Земли! Зачем? Ради чего? На благо человечества? Ложь! Гнусная ложь! Как ты можешь оставаться равнодушным ко всему этому?! А где критерии отличия лучших представителей рода человеческого, говорю я. Может быть эти крысы и являются высшим продуктом эволюции. Может быть именно такие более удобны для общества будущего. Пусть так, говорит Он. Но мы же все-таки мужчины. Давайте, хотя бы подохнем по-мужски! Дадим Им по морде!! Кому, спрашиваю я. Железному Феликсу, например, говорит Поэт. Переодетым агентам. Давайте, изобьем хотя бы одного. А как мы узнаем, что это — переодетый агент, спрашивает Он. Это я беру на себя, говорю я. Я их изучил досконально. Многих я знаю в лицо. Если увидите типа с наглой мордой и в пыжиковой шапке, знайте: почти наверняка это то, что вам нужно. Но в одиночку их подловить трудно. Они ходят по крайней мере парами. И предпочитают нападать первыми. Глупая затея, говорит Берия. Лучше бомбочки взрывать. Паника по всей столице подымется. И ни за что не поймают. Поймают, говорит Железный Феликс. Поймали же тех, кто... Поймали, говорит Берия, да не тех. Просто под этим соусом кое-кого подчистили. Бомбу подложили два три человека, а снапали сотни три-четыре. Ко мне до сих пор ходит один псих, говорю я. Террорист. Он эти проблемы разработал теоретически досконально. Он считает, что начинать надо с крупной акции. Скажем взорвать Кремлевский Дворец съездов, когда там будет партийный съезд или сессия Верховного Совета. А что это даст, спрашивает Ленин. Моральное удовлетворение, говорю я. Хотите анекдот, говорит Ленин. 1917 год. 24 октября по старому стилю. Петербург. Идет Ленин. К нему подходит маленький мальчик и говорит: дядя Ленин, учти: сегодня рано, а послезавтра поздно, значит... Спасибо, Леня, за дельный совет, говорит Ленин. За этот анекдот сажают, говорит Берия.

О карьере Теперь с карьерой дело обстоит не так-то просто, говорю я. Когда ты кончал школу, сколько человек из класса поступало в институт? Почти все. Были у вас проблемы с аспирантурой? А с должностями? В том-то и дело. Тогда происходило некое расширение общества с должностной точки зрения. Теперь оно прекратилось. Из моего класса в институты поступило меньше половины, хотя наша школа была привилегированной. А насчет постов... Посты все заняты сорокалетними, пя-

тидесятилетними, шестидесятилетними. Общество перенасыщено образованными людьми, талантами, претендентами на должности. И кроме того, люди кое в чем разобрались. И большинство уже стремится просто устроиться так, чтобы было уютнее, спокойнее, сытнее, благороднее. Партийной карьерой теперь культурного человека (а мы почти все культурны!) трудно соблазнить. Это — для всякой швали. Брачная карьера затруднена: Они предпочитают браки в своем круге. Талант... Талантов теперь — пруд пруди. Из ряда вон выходящий талант — редкость. И он под запретом. Из ряда вон выходящий талант душат всем обществом. Это — для одиночек и отщепенцев. И что остается нам — среднеталантливым, среднеобразованным, среднекультурным интеллигентам?!

На мой риторический вопрос Он потянул носом воздух. Забыв про свою проблему, я кинулся на кухню: подгорела моя каша. Каша — черт с ней, пропала кастрюля, а кастрюля не моя, кастрюля соседская. Будет скандал. Если выкину кастрюлю потихоньку на помойку, соседка все равно обнаружит пропажу и подумает, что я кастрюлю украл. Если честно признаюсь, она всю неделю будет орать на меня и обвинять чуть ли не в измене Родине. Так что выгоднее, решил я, выкинуть. Но идти на помойку было лень, и я выкинул кастрюлю через форточку. А если кому-нибудь по черепушке попадет, спросил Он. Это будет для него или для нее самым значительным событием в жизни, сказал я. А кастрюлю ни ты, ни я в глаза не видели!

О марксизме Насчет марксизма ты перегибаешь, говорит Он. В нем есть много верного и разумного. Все разумное в нем, говорю я, либо банально, либо украдено у других. А его собственные «открытия» — бессмыслица, пустота, вздор, ложь. И безудержное чванство, самомнение, самовосхваление. Я берусь это показать по каждому пункту. Открой наугад, например, «Философскую энциклопедию», которая сравнительно с прочей марксистской продукцией сделана еще «на уровне», — она делалась в «либеральное» время. Вот, например, раздел «бытие». Отнесем за счет тонкостей диалектики то, что у марксистов понятие «бытие» и «материя» то совпадают (в соответствии с одними цитатами), то нет (в соответствии с другими цитатами). Вот читай: «Понятие бытия и материи — это предельно широкие понятия, которые определяются через их соотношение со столь же широкими понятиями — психического, сознания». Одна фраза, а идиотизма в ней наговорено — целую статью надо писать, чтобы разоблачить. Если понятия бытия и материи суть предельно широкие, то они совпадают по объему и обозначают одно и то же. Если понятие «психического, сознания» является столь же широким, как и понятие материи, то они совпадают по объему и тоже обозначают одно и то же. Если два понятия не совпадают по объему, то можно всегда построить более общее по отношению к ним понятие. Так, если материя не есть сознание, а сознание не есть материя, то эти понятия не совпадают по объему. И потому они не могут быть предельно широкими. Можно ввести понятие, допустим — X, которое будет их обобщать, например, по такой схеме: будем называть X как материю, так и сознание. Возьми пробле-

му случайности и необходимости. Случайность есть форма проявления необходимости, — это что ли разумно и ново? Это бред сивой кобылы. Случайным называется такое событие, наступление которого не является необходимым и ненаступление тоже, т. е. событие, которое не является необходимым и отрицание которого не является необходимым. А форма проявления события и есть само это событие, есть его наступление. И случайное событие по определению не может быть необходимым или «формой проявления необходимости». Свобода есть познанная необходимость, — говорит марксизм, украв эту формулу у Гегеля. Но по самому определению понятий свободными называются такие поступки (действия) людей (вообще активных существ), которые не являются необходимыми и осуществление которых зависит исключительно от доброй воли людей. Если поступок необходим, то познавай его или не познавай, он не будет свободным согласно словоупотреблению. И так, за что не возьмешься. Что остается в марксизме разумного после отбрасывания таких премудростей? Одно: идея организации огромной банды (партии) для захвата власти и совместного ограбления всего общества, да еще в ряде поколений. Больше ничего в нем нет. Да и это не ново, и это украдено. Мой Сосед рассказал такую хохму. У нас, сказал он, все равны. Но все-таки Генсек всех равнее. Вот тебе блестящий пример Их премудрой диалектики. Но все равно, говорит Он, альтернативы марксизму нет. Нет, говорю я. Но знаешь, почему? Потому, что для альтернативы нужно выдумывать еще одно такое или более грандиозное дерьмо. А человечество от одного еще очухаться не может. Избави Боже от этой альтернативы! Но если марксизм превратился в идиотизм, зачем ты в нем крутишься, спрашивает Он. А я не в нем кручусь, говорю я, а в той области, которую он оккупировал. Я же логик. Но логика не есть часть марксизма, говорит Он. Польша, Чехословакия, Германия, Венгрия тоже не есть часть Советского Союза, говорю я.

Послание руководителям

*Чтоб не задумали мы
не туда свернуть
И не болтали то,
чего не велено,
Тень Сталина пусть вам
осветит путь,
Начертанный еще
рукою Ленина.*

Выше знамя В мастерской по ремонту обуви во всю стену лозунг «Выше знамя социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение...». Приемщица, брезгливо оглядев мои ботинки, сказала, что их нет смысла ремонтировать. Я сунул ботинки в мусорную урну и позвонил родителям. Если вы хотите сделать любимому сыну подарок

ко дню рождения (кстати, он был вчера!), сказал я, то он предпочел бы ботинки. И он будет тронут до слез, если вы захватите ему еще пакетик кофе. Бай-бай!

Выход Цены растут. Денег хронически не хватает. Переходи на домашнее питание, говорит Он. Завтрак и ужин — не проблема: чай, хлеб с маслом и сыром. Обед можно варить сразу на три-четыре дня. Обедай после работы, а на работе — чаек с печенинкой; конечно, хлопотно и не вкусно. Зато не потолстеешь. И желудок перестанет болеть. В столовых и кафе сам знаешь, как готовят. Как ты можешь заходить туда и есть это дерьмо? Вино, говорю я. Вино опять подорожало, говорит Он, так что не разгуляешься теперь.

И я начал налаживать домашнее питание. И начал мотаться по магазинам. Я и раньше знал, что это такое. Но одно дело — знать, и другое — самому крутиться в этой народной трясине. Две недели я сражался с табунами злобных пенсионеров, спешащих трудящихся и наглых продавцов. И не выдержал. И понял окончательно, бесповоротно, что надо любой ценой выбиваться вверх. Другого выхода нет.

Деловое предложение А я бы на твоём месте, говорил Качурин, вступил в общество «Знание». Во-первых, это будет считаться общественной работой. Во-вторых, за лекции очень прилично платят. В-третьих, покатаешься по стране за счет общества и с сохранением зарплаты. В-четвертых, премии. Конечно, серьезные премии забирают себе сами киты. Тваржинскую, например, наградили туристической путевкой в США. Но кое-что и нам перепадает. Рекомендации я тебе организую. Тематику возьми подальше от политики и идеологии. Ты же логик, так что бери кибернетику, современное естествознание, космические полеты. Для начала получишь готовые разработки для лекций. За неделю поднатаскаешься. Я тебе дам список литературы. Просмотришь — любого академика по этой части за пояс заткнешь. У меня был комичный случай, когда я начинал свою деятельность по этой линии. Я ездил сначала по колхозам и деревням с лекцией о космических полетах. А по дороге меня перехватили военные, привезли в воинскую часть и попросили прочитать эту лекцию для командного состава части. Судя по тому, что зал битком набился офицерами, часть была серьезная. Воображение у меня разыгралось, и меня понесло. Успех был фантастический. Часа четыре они меня не отпускали. И что самое удивительное, я им, оказывается, с легкостью выдал такие сведения о новейшем ракетном оружии, которое у них считалось сверхсекретным.

Предложение Качурина меня изрядно заинтриговало. Я решил непременно реализовать его. Тем более правление общества у меня под боком. Но дни шли за днями, и я об этом деле как-то позабыл. А Качурин почему-то мне не напоминал об этом. Недавно я узнал от Учителя, что попасть в это общество не так-то просто. Его, например, не приняли. И этот соблазнительный источник заработка и развлечений остался для него недостижимым. Вступай в партию, сказал он, защищай диссертацию,

сделай пару параграфов в книжку Петина, и тогда тебя возьмут с радостью. Тогда ты для Них будешь свой. А пока... К тому же борода. Кстати, на кой сдалась тебе эта дурацкая борода?!

Жалоба неудачника

*О судьба! Молю тебя, будь ко мне милее!
Для чего ты мне дала опыт Галилея?!
Для чего мне Канта ум, Свифтова сатира?!
Для чего размах Данта, глубина Шекспира?!
Забери обратно! Дай лучше мне нахальства,
Чтоб вернуться на виду высшего начальства.
Еще лучше, если ты вдарить прямо в точку,
То есть выдашь в жены мне высшей сферы дочку.
А за это я тебе, силы не жалея,
Если надо, помогу срезать Галилея;
Научу, как засорить чистый разум Канта;
Узкой щелкой обернуть взгляд широкий Данта;
Как до пошлости свести Свифтову сатиру;
К нам на службу привести самого Шекспира.*

И опять о войне По западному радио выступил известный диссидент и сказал, будто новая мировая война уже началась. Идиот! Если бы эта война началась, смог бы он давать это интервью?! Согласно самому определению понятия «мировая война» мировой войной является такая, в которой принимают участие ведущие страны мира, причем — всей мощью своих вооруженных сил и всей мощью государства вообще. Если бы новая мировая война началась, некому было бы спрашивать о том, началась она или нет, некому было бы отвечать на этот глупый вопрос; бессмысленно было бы спрашивать и тем более отвечать. Всякого рода войны, происходящие постоянно в Африке, на Ближнем Востоке, в Азии и других местах суть явления обычной, будничной жизни больших скоплений людей. К новой мировой войне они никакого отношения не имеют. И не перерастут в нее. Мировая война начнется внезапно, возможно — в самый мирный период. Кто начнет ее? Вероятнее всего — мы. Причем, не обязательно потому, что почувствуем свое превосходство. Более вероятно, что ринемся мы в эту авантюру от неуверенности, рассчитывая одним махом решить все свои практически неразрешимые проблемы. Каков будет исход войны? Трудно сказать. По-моему, победит та группа стран, руководители которых уже сейчас придерживаются следующих принципов. Судьба населения не играет роли. Того, что уцелеет, будет достаточно для восстановления численности населения через несколько поколений. Главным оружием в войне будет, как всегда, рядовой солдат. Но на сей раз — солдат, снабженный средствами защиты от современных видов оружия, достаточными на одну операцию. Для наших руководителей приведенные принципы — дело традиционное и привычное. Но больший интерес представляет другой вопрос: кто лучше сумеет восполь-

зоваться результатами войны? Считается, что больше шансов уцелеть имеют народы Азии, Африки и Южной Америки. Но уцелеть — еще не значит воспользоваться итогами войны. После разгрома ведущих стран Запада (если даже они победят, они все равно будут разгромлены) все эти уцелевшие народы передерутся между собою и начнут очень быстро деградировать. Их нынешний прогресс не имеет внутренних необходимых источников, он вторичен по отношению к прогрессу в странах Запада. Итогами войны так или иначе лучше воспользуются народы стран с более высокой цивилизацией и более высоким творческим потенциалом, т. е. стран Запада. Какой бы оборот ни приняла война, она не изменит соотношения сил в мире принципиальным образом. Но для Советского Союза ситуация ухудшится. Он имеет больше шансов на победу мирным, а не военным путем, т. е. путем проникновения в страны Запада, дезорганизации их, провоцирования беспорядков и трудностей.

Обличитель Около приемной Президиума Верховного Совета меня остановил Обличитель. Он сказал, что мы давно не видались, что он заходил несколько раз в институт, но меня не нашел. Я сказал, что временно подключен к спецгруппе при директоре, что очень много работы, что большую часть времени сижу в библиотеках. Он предло-жил мне заглянуть в Приемную. Я отказался, но он все-таки заволок меня туда почти силой. В Приемной толпилось множество народу. Ви-дишь, сказал он. Ну и что, пожал плечами я. Эх ты, а еще ученый, сказал он. Пойдем, я провожу тебя до твоей богадельни и изложу одну идею.

В одной только Москве, говорил Обличитель, есть куча учреждений, около которых околачиваются всякого рода жалобщики. Жалобщики самые разнообразные. Один жилье никак получить не может, у другого с пен-сией неполадки, третий... Но есть личности весьма любопытные. Они жалуются на неполадки в учреждениях, в колхозах, на заводах. Жалуются на злоупотребления властей, на несправедливые суды, на то, что их уволили за критику начальства и т. п. Некоторые из таких жалобщиков ходят сюда годами. Время от времени их забирают, высылают, сажа-ют в сумасшедшие дома и тюрьмы. Но они снова через несколько лет приходят. На их место приходят новые такого же рода. Я приглядел-ся, со многими познакомился. Картина получается жуткая. Безобразия по-всюду творятся вопиющие. Люди недовольны. Но помалкивают. И лишь немногие из них заболевают этим делом. На них, разумеется, обрушива-ются удары начальства и карательных органов. И сами трудящиеся, ин-тересами которых заболели эти несчастные единицы, тоже обрушиваются на своих защитников. И все-таки они появляются с неумолимой законо-мерностью. Сколько ни существует, например, эта Приемная, не было дня, чтобы здесь не собралось должное количество жалобщиков. Причем с каж-дым годом увеличивается процент жалобщиков по социальным проблемам — увольняют за критику с работы, преследуют за религиозные убеждения, сажают в сумасшедшие дома за выход из комсомола и из партии и т. п. Так вот, у меня возникла идея...

Идея Обличителя прочно засела мне в голову. Закруглив свои «дела» в институте, я вернулся домой, завалился на свою новую тахту (где Она теперь?) и стал обдумывать идею Обличителя.

— Этот Обличитель не такой уж псих, как мне казалось, — сказал я, глядя в грязный потолок. — Да, давно пора ремонтировать комнату. Во что это обойдется? Подождет! Нет, он не дурак, этот Обличитель! Оппозиционное рабочее движение! И где? В стране, где по идее вся власть принадлежит рабочим!

— Все-таки пролетариат, — захихикал Маркс. — Никуда от него не денешься! Ты думаешь, я от хорошей жизни пришел к диктатуре пролетариата?!..

— Крестьян тоже надо подключить, — серьезно сказал Ленин, — беднейших, конечно, середняка...

— Никаких беднейших крестьян давно нет, — сказал я. — И середняков нет. И вообще, теперь крестьяне — те же рабочие, только в деревне. Зарплату чуть ли не все получают. Копеечную, но зарплату.

— Они имеют приусадебные участки, — не сдавался Ленин. — Им живность всякую разрешили...

— Участки, — крушил я железную ленинскую логику, — от бедности. Если повысят зарплату, участки отберут. И вообще, если бы не участки, то с голоду загнулись бы. И живность им разрешили временно, поскольку жрать нечего. Это все плоды твоей идиотской политики в деревне...

— Все равно надо подключить трудящихся, работающих в деревне и имеющих крестьянами, — твердо заявил Ленин.

— Неплохая идея, — сказал Маркс. — Чего ты споришь?

— А я не спорю, — сказал я. — Я из принципа. Но какова идея! Какой шум на Западе подымут!

— Вшивая идея, — сказал Железный Феликс, — шум подымут, но ненадолго. Не поверят. И раскусят скоро, что это — липа.

— Почему же липа?!

— Да потому, что твой Обличитель — нормальный псих. И жалобщики большинство — психи. И вообще, это — чисто статистические отходы, а не рабочее движение. Рабочих среди них — кот наплакал.

— К тому же, — добавил Берия, — они все у нас на учете и под надзором. Чуть чего, всех сразу возьмем. Если хочешь знать, мы сами заинтересованы в таком «рабочем движении». Тут-то мы можем всему миру показать, что это за «рабочие». И сами рабочие... И тогда всему диссидентскому движению можно устроить «варфоломеевскую ночь». Понял?

— Не совсем.

— Ты не знаешь азов марксизма, — сказал Ленин. — Пока не начнут «двигаться» настоящие нормально работающие рабочие, ни о каком движении и речи быть не может. Возбудить к политической борьбе можно лишь...

— Но ведь были же факты...

— А что с ними сделали?! А когда ты о них узнал?! Теперь не те масштабы. Чтобы рабочие выступления отразились на политической жизни страны, они должны быть ощутимыми во многих отношениях.

И чтобы их нельзя было скрыть...

— И к чему это приведет? К новой революции? К новой диктатуре пролетариата? Избави Боже!! Хватит с нас одной! По горло сыты!

— Стабильность нужна! Спокойная жизнь. Теперь мирным путем можно большего достичь...

— Это «рабочее движение», как бы оно ни возникало и какие бы цели ни ставило, превратится в кагебевскую провокацию!..

Я заткнул уши, но это не помогло. Тогда я закрыл голову подушкой с грязной наволочкой. Где все-таки Она? Надо Ее найти во что бы то ни стало!

Наука и религия У памятника Марксу валяетсядохлый голубь. Все-таки эта гадость действует, говорю я. Да еще как, говорит Маркс. Пока ты пропадал на своих идиотских заседаниях и семинарах, их тут штук двести подохло. А толку что, говорю я. На место павших бойцов приходят новые тысячи. Не скажи, говорит Маркс, химическая промышленность все-таки развивается быстрее, чем приспособляемость этих тварей. И потом, труп врага хорошо пахнет. Знаю, говорю я, ты был большой любитель выражаться театрально. А знаешь, какая мне сейчас мысль в голову пришла? Именно научный подход к человеческому обществу глубоко враждебен человеку, а не религия. Наука по своим методам исключает взгляд на человека как на неповторимое «я», ибо она даже индивидуальные явления охватывает лишь как стечение общих обстоятельств. Вот, например, жил этот голубь. Жил — подох. Подох, между прочим, во твое имя. Этот подох, другой подох. А сколько видов животных исчезло бесследно. А сколько было людей! Сколько обществ! Где все это? И мы исчезнем. И что? Что дает наука человеку, кроме фиксирования этой банальности насчет «все течет?!» А человек есть неповторимое «я». И учение религии о бессмертии души — не антинаучная ложь, а вечная установка. Не утешение, а именно установка, ориентация на человеческое начало. Понимаешь, если все человеческие страдания оправданы тем, что кто-то другой когда-то будет безмерно счастлив, то к чему была вся ваша заварушка? Если все равно, кто персонально счастлив, лишь бы был счастлив кто-то, так ведь и в прошлом были те, кто был счастлив за счет страданий других. Какое мне дело до того, что где-то и кому-то в стране выпадают на долю новые уютные квартиры, мощные медицинские средства, курорты, машины, вина, фильмы, книги, если я сам имею жалкие крохи, зрзасы, отходы, дерьмо?! Ты меня понимаешь? Я не против науки. Я о том, что так называемый научный подход к человеку и человеческому обществу стал идеологическим оружием сытых, преуспевших, имеющих привилегии. Смотри, смотри! Вот еще один голубчик подох. Надеюсь, ты рад этому?

Послание еще не родившимся

*Пред тем, как в Этот свет явиться,
О примитивный эмбрион,
Пока ты будешь Там томиться,
Обдумай, есть ли в том резон.
И коли дрянь твои делишки,
Пути обратно то есть нет,
Пустые напряжения мыслишки,
Полезный выслушай совет.
Молчи ночами. Днем не вякай.
Послушным и здоровым будь.
В пеленки не мочись. Не какай.
И не соси, конечно, грудь.
Зачем? Чтоб требовать не стали
Родители за то любовь.
И укорять, что недоспали,
Что, мол, из них сосали кровь.
Забудь детсад. Забудь про школу.
Про аттестат. И про диплом.
Про медицинские уколы.
Кино. И южное тепло.
Зачем? Чтоб требовать не стали
Руководители любовь.
Твердить, что все тебе, мол, дали,
Тебя, мол, ради лили кровь.
Но помни! Если сможешь даже
Не быть Им должным ни шиша,
Они благодарить прикажут
За все за то, что разрешат.
Познавши правило такое,
И днем и ночью, знай — ори.
И не давай Им всем покоя.
И все, что сможешь, обосри.*

Террорист А потом появился Террорист. Я думаю, сказал он, начинать надо все-таки с малого. Думаю, для начала надо шлепнуть шефа КГБ. Ничего себе «с малого», сказал я. Конечно, сказал он, шум подымется огромный. Но дело это не такое уж серьезное. Так, сенсация, не более того. Но для начала, повторяю, не так уж плохо. А как ты до него доберешься, спросил я. Везде же охрана. Почему я, спросил он в свою очередь. Не я, а ты. Слушай! Где его можно застукать? Только тогда, когда он выходит из машины и входит в помещение. У квартиры исключено, я изучил. На даче тоже, дача его в глубине закрытого района. На южной даче тем более. Есть только одно место подходящее: около главного здания СГУ. Помнишь, ты однажды чуть не налетел на него? И не извлекаешь из этого уроков? Вот, гляди. Это — главное здание СГУ. Вот дверь, в которую он входит и из которой выходит. Машины останавливаются так: впереди охранная машина здесь; затем его машина, почему-то не напротив двери, а чуть впереди; затем вторая машина с охраной. Тут переодетые агенты. Здесь тоже. Ему требуется десять секунд пройти от машины к двери. Есть два варианта: бросить гранату с другой стороны улицы или на той же стороне, выйдя неожиданно из-за угла. С другой стороны шансов сделать дело успешно немного. Улица широкая. Можно промахнуться. Агенты успеют схватить. Остается второй вариант. Чувствуешь, куда я клоню? Ты вспомни про тот случай, когда ты чуть не налетел на него. Как ты шел? Вышел спокойно из-за угла и шел, погрузившись в свои мысли. Заметь: тебя никто не остановил! Почему? Да потому, что тебя тут с пеленок знают. Ты для них, можно сказать, свой человек. Хорошо, сказал я. А как рассчитать время? Время его прибытия и отъезда примерно одно и то же, сказал он. И ты его знаешь. Конечно, абсолютно точно за один раз не считаешь. Но надо положиться на случай. Ходи этим путем постоянно. Ручаюсь, в течение года случай выпадет. С бомбой ходить, спросил я. Конечно, сказал он. А если у них приборы, спросил я. Надо проверить, сказал он. Как? Положи в портфель кастрюлю, мясорубку, кофеварку. Это не проблема. Главное — тебя знают там. И приучить их к тому, что ты ходишь этим путем на работу и обратно. Понял? Понял, сказал я. А бомба? Это я беру на себя, сказал он. А что со мной будет, спросил я. Ничего, сказал он. Ничего не останется. Никто не узнает, что это твоих рук дело. Как же так, возмутился я. Меня разнесет в куски, а никто не узнает. Да ты, я вижу, тщеславен, сказал он. Не тщеславен, сказал я. Но не хочется так, ни за что. Почему же ни за что, сказал он. А ради блага народа! Знаешь, мне как-то наплевать на народ, сказал я. Ясно, сказал он. Раз ты так хочешь, человечество будет знать, что прекрасный и отважный юноша отдал свою жизнь на благо народа. Вы наивные дилетанты, сказал вдруг Берия. А вы уверены в том, что тот человек и есть сам шеф? А если это двойник? А если Они специально показали двойника этому прекрасному и отважному юноше, чтобы слушок пошел? А если он на самом деле на серенькой машинке без охраны едет и проникает в главное здание через неприметный дом по подземному ходу? Не беда, сказал Террорист.

Попытки покушения в истории тоже высоко ценятся. Если тут двойник, будем потом искать подлинники. Рано или поздно... С кем искать, спросил я. Со мной? На тебе свет клином не сходитесь, сказал он. Найдутся другие. Раз идея носится в воздухе, исполнители найдутся. Я тебе хорошее дело предлагаю, а ты... Я все-таки склоняюсь к тому, что начинать надо с большого, сказал я. Лучше давай взорвем все здание СГУ. Ты атомные бомбы делать не умеешь? Жаль. А то на воздушном шаре, управляемом по радио... Чушь, сказал он. Воздушный шар снесет ветром на Трубную площадь. И вместо СГУ взорвем туалет. Или старый цирк, сказал Ленин. Рынок, сказал Маркс. Ресторан «Узбекистан», сказал Железный Феликс. Тут надо еще подумать. Зачем торопиться? Надо действовать наверняка. Все-таки та девочка с букетом цветов...

И опять Террорист А чтобы взорвать здание СГУ, сказал Террорист, можно сделать под него подкоп из твоей квартиры. С пятого этажа, изумился я. Ну и что, сказал он. Вот, смотри сюда! Это — здание СГУ. Это — твой дом...

И опять Обличитель Организация рабочих готова, сказал Обличитель. Шесть человек — для начала достаточно. Потом за нами пойдут миллионы. Пора собирать иностранных журналистов. Только проблема: где? Может быть у тебя в квартире? В мою комнатушку шесть человек еще кое-как втиснутся, сказал я. А журналисты на лестнице останутся? Или на улице? Удобнее на улице, напротив. Под козырьком министерства. А мы из форточки будем лозунги выкрикивать. А какие, кстати, лозунги? Пролетарии всех стран, соединяйтесь? О, Боже, вздохнул Берия. Из-за этих дилетантов свихнуться можно! Вам знакомо такое слово: кон-спи-ра-ция? Так вот, создавайте свои вшивые «рабочие союзы», но держите их в тайне. Бейте морды директорам, секретарям партбюро и председателям месткомов! Снимайте ондатровые шапки с председателей жилищных комиссий и депутатов райсоветов! Но не лезьте в политику! В крайнем случае поджигайте мусорные урны и помойки! В конце концов — бейте стекла в министерствах. Но заклинаю, не лезьте в политику! И не связывайтесь с этим... как его?.. с пролетариатом! И с беднейшим крестьянством тоже! Ну что же, сказал Обличитель, устройте собрание на Манежной площади. У меня к тебе одна просьба: обзвони иностранцев и скажи им по-английски, что есть рабочая оппозиционная орга...

И потому Я тебя понимаю, сказал Поэт. И сочувствую. Между нами, я ведь и сам такой.

*Хоть в кандидаты не пробьюсь
Я философских дисциплин,*

*Но жизни трудностей боюсь я,
Как и со степенью кретин.
Хотя во веки в кандидаты
КаПееСеС я не вступаю,
Но жизни прелести, ребята,
Я, как партийные, люблю.
И потому...*

Это еще не известно, прервал я его. Я еще, может быть, и на площадь выйду, и бомбу брошу. Ну и глупо, сказал Он. Меня схватят как сообщника. А мне это не подходит. Мне тоже, сказал Он. И вообще, надоело мне все это. Не люблю, когда люди долго собираются ударить, но так и решаются. И сами получают по морде. Что же вы предлагаете, спросил я. Выпить, сказал Поэт. Потом искать Ее, сказал Он. Будем делать это одновременно, сказал я. Но на всякий случай начнем ходить теперь другим маршрутом, мимо той самой двери.

Прозрение Прозрение всегда приходит внезапно и несет с собою такую беспощадную ясность, что жутко становится. Так случилось и на сей раз.

Я ненавижу общественный транспорт. В нем всегда давка, а я не переношу прикосновения чужих тел, особенно — мужских. Да и женские тела в человеческой толкучке теряют женственность и источают дурные запахи и злобу. Поскольку у меня своего персонального транспорта нет, я предпочитаю ходить пешком. Спокойнее, особенно — после того знаменитого взрыва в метро. И времени теряется больше, а его все равно девать некуда. Но иногда и мне приходится тесниться в общественном транспорте. На сей раз Смирнящев послал меня к одному внеинститутскому автору, живущему в новом районе за тридевять земель, забрать у него тезисы его доклада на предстоящем заседании группы. Я протиснулся к стенке вагона, так, чтобы можно было стоя подремать. На меня тут же навалились два здоровенных хмыря. Я хотел было оттолкнуть их, но тут же по их разговору сообразил, что это бесполезно: они были явно интеллигентами.

На Западе опять разоблачили наших шпионов, сказал один из навалившихся на меня интеллигентов (толстый). Только делают они такие разоблачения как-то вяло, словно извиняясь перед нами. Мол, они бы и рады нас не беспокоить намеками (хороши намеки!), да больше терпеть невозможно, обнаглели наши шпиончики. Ты прав, сказал другой интеллигент (с усами), на Западе вообще боятся нас разоблачать. Им самим невыгодно нас разоблачать, и в этом наша сила. А хочешь знать, почему наших шпионов и вообще наших людей на Западе во много раз больше, чем западных у нас? У нас нечего воровать, а для наших жуликов Запад — благодатнейшее поле деятельности. Мы свое-то не можем толком использовать, сказал Толстый, а ворованное тем более. Чудак, сказал Усатый, разве дело в этом? Главное — украсть. Воровство имеет цель в себе самом. Но тут есть еще одна тонкость. Запад глуп, расто-

чителен, доверчив, тщеславен и расчетлив. А мы всякое дело делаем с умом, экономя человеческую жизнь и материальные ценности. И без всяких корыстных расчетов. Шутить, сказал Толстый. Ничуть, сказал Усатый. Подумай сам, зачем нам, к примеру, нужна Куба? Для торжества идей? Как ракетная площадка? Чушь! Ничего, кроме убытков, нам Куба не приносит. Так в чем же дело, сказал Толстый. А вот в чем, сказал Усатый. Предложили мне возглавить секретную лабораторию с годовым бюджетом в пятьдесят миллионов рублей, хотя в проблематике этой лаборатории я мало что смыслю. Мой предполагаемый заместитель пояснил мне, что это не играет роли, что моя главная задача — суметь истратить эти миллионы и в конце года потребовать еще десять. Понял? Мы чудовищно богаты. То, что народ нищ, этому не помеха. От этого мы еще богаче становимся, как нефтяные арабские шейхи. И наши богатства нам просто некуда девать. Не ухмыляйся, это действительно так даже в строго экономическом смысле. Так пусть же их жрут хотя и липовые, но все-таки коммунисты. И шпионы, разумеется. Внутри все равно нет никакой возможности их использовать. А так мы хотя бы Запад подрываем и деморализуем.

В этот момент ко мне и пришло оно, прозрение. И я воскликнул про себя следующее. Умники и глупцы, честные и жулики, продажные и преданные! Поймите в конце концов: у нас нет более важной задачи, чем мирное разложение Запада и последующий его разгром военным или мирным путем. Мирным лучше. Мирный разгром будет ужаснее и долговечнее. Он будет вечным. Аминь!

Дискуссия об идеологии Иногда на малой лестничной площадке возникают дискуссии. Иногда — довольно острые и даже рискованные. Конечно, в институте есть несколько человек, которым дозволено говорить многое такое, что запрещено говорить другим, — эти люди суть сотрудники КГБ, причем — на высоком уровне. Но есть несколько человек, относительно которых точно известно, что они не связаны с КГБ, но которые высказываются не менее рискованно. И я до сих пор не могу понять, почему такое возможно. Учитель говорил мне, что Они допускают такие разговорчики постольку, поскольку они не выходят за пределы нашей профессиональной среды и не имеют видимых последствий. Когда я вышел на площадку, Вадим как раз заканчивал длинную речь о том, что думают на Западе о нашем высшем руководстве. Он сказал, что на Западе совершенно не понимают механизмов и принципов нашей системы управления. В частности, там думают, будто наша идеология существенно влияет на нашу внешнюю политику. Вот кретины! Смотря о какой идеологии идет речь, возразил Учитель. У нас есть официальная, или формальная идеология. Вы знаете, о чем я говорю. У нее своя роль в жизни общества — организация и оформление поведения людей внутри социальной системы страны. Но у нас есть и фактическая, или «рабочая» идеология, о которой все помалкивают. Что я имею в виду? Приведу вам несколько постулатов такой идеологии. Постулат создания многократного перевеса сил. Постулат демагогии. По этому постулату,

например, надо кричать об облагодетельствовании, если насилуешь. Наши руководители даже на тройку не способны сдать экзамен по формальной идеологии даже на первом курсе, но на пятерку знают «рабочую» идеологию. А мы с вами одеваем постулаты последней в благородную фразеологию первой. Но это не идеология, сказал Вадим. Это — практическое сознание. Если мне не изменяет память, у Канта... Изменяет, сказал Учитель. У Канта и ни у кого другого этого нет. Это — мое открытие. Теперь не представляет труда «открыть» его у любого крупного философа прошлого.

Чего я хочу

*Одни хотят закон открыть,
Другие — в космосе болтаться,
Вождями третьих тянет быть,
А я хочу, смешно признаться,
Чуть свет с постели не вставать,
Живот не портить бутербродом,
В час «пик» вагон не штурбовать
С кипящим злобою народом,
Над нудным делом не корпеть,
Начальству не лестить ретиво,
На общеработе не гореть
Для нужд родного коллектива,
До полуночи не торчать
На комс- и проф- и партсобраньи,
На сослуживцев не стучать,
Не рваться в соцсоревнованье,
Не... не... Короче говоря,
Смять позитивную картину.
И даже нос не ковырять.
И не чесать от скуки спину.*

Народ и интеллигенция Русские люди делятся на начальство, народ и интеллигенцию. Никакой проблемы «начальство и народ» не существует: те и другие знают, что начальство есть начальство, что начальство положено, что начальству положено, а народ должен и обязан. Не существует также никакой проблемы «начальство и интеллигенция»: те и другие знают, что начальство есть начальство, что начальство положено, что начальству положено, а интеллигенция должна и обязана. Существует лишь проблема «интеллигенция и народ». Проблема «народ и интеллигенция» есть та же проблема, только наоборот. Спросите любого интеллигента насчет проблем! Ему и в голову не придет мысль о начальстве. Он сразу же заговорит о народе, ибо он интеллигент.

У нас в квартире интеллигенция — это я, а соседи — народ. Начальства у нас, конечно, нет. Начальство есть некая высшая форма существования материи. Эта форма материи в коммунальных квартирах и под-

лежащих сносу домах не живет. На нашей маленькой квартирке можно изучить всю социологию проблемы «интеллигенция и народ». Соседи искренне считают, что я — паразит на шее трудящихся, и одновременно жалеют меня за то, что я часами протираю штаны и порчу глаза над книжками. Они опять-таки искренне полагают, что я как ученый гребу деньги лопатой, и одновременно категорически заявляют, что не пустят дочку в институт — «двадцать лет попусту учиться за гроши». Они от всей души угощают тем, что у них есть, и гnevаются, когда я отказываюсь. Недавно мне пришлось срочно делать «левую» статейку. В это время завалился Сосед с поллитровкой. Я еле выпроводил его. Так он после этого неделю не разговаривал со мной, обзывая последними словами, и пообещал набить морду. Я спросил его, за что. Он ответил, как в старом анекдоте ответил муж жене, которой он влепил ни за что по физиономии: кабы было за что, убил бы. Когда требуется скандалить со всякого рода коммунальными организациями и местными властями, на это дело вытаскивают меня, поскольку я «ученый человек». Но если властям требуется как-то нажать на меня, наш квартирный народ всецело поддерживает власть, а не интеллигенцию.

Короче говоря, установить тут некие строгие принципы невозможно. Почему? Да потому, что народ воспринимает интеллигенцию как свою собственную часть («такое же дерьмо, как и мы»), стремящуюся устроиться жить как начальство («ишь, чего захотели!»). Народ уважает интеллигенцию, так как это — почти что начальство, но презирает ее, так как это — вовсе не начальство.

А известно ли тебе, спросил Он, что в верхах серьезно обсуждается проект передачи интеллигенции под контроль народа? Там убеждены, что одним из условий возникновения диссидентского движения явились отдельные квартиры у интеллигентов. Теперь будут строить дома с многокомнатными квартирами и вселять в них по несколько семей. И интеллигенцию будут расселять по таким квартирам. Так сказать, интеллигенцию растворят в народе, погрузят в народ, свяжут с народом. И чего этим добьются, удивился я. После этого интеллигенция начнет мутить народ. Не будь таким наивным, сказал Он. Ты-то много намутил в своей квартире?

Одиночество Опять один, говорит Берия. Ну и дурак. Плюнь ты на Нее. Женщины — высшее благо для нас, мужчин. Отказываться от них?! Не могу этого понять. Знаешь, у меня только девочек до четырнадцати лет было больше пятисот штук. Девочки — не женщины, говорю я. К тому же ты имел их силой. И не думай, что ты — чемпион. Какой-нибудь руководитель ансамбля песни и пляски имел раза в два побольше твоего. И без насилия. И без репрессий. А у нас в институте есть кретин Барabanов. И некрасивый совсем. Грязный, вонючий. А он и то уже со счету сбился. Да и что ты понимаешь в женщинах!? Иногда одна женщина стоит всех остальных. Иногда отказ от женщины стоит обладания десятком. Знакомо тебе это? Нет. Ты же понятия не имел о том, что значит любить по-настоящему. И вообще, пошел вон. Зря ты так, говорит Берия. Я же из лучших намерений.

Не обращай на него внимания, говорит Он. Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь о себе? Я ведь в юности писателем собирался быть. Стишки сочинял. Смешно вспомнить. Ну, вот, к примеру:

*Мне она не ограничивала регламент.
Хоть всю ночь напролет таскайся
Возле дома с дурацкою рекламой
«Храните свои деньги в сберегательной кассе».*

Понимаешь, Она жила в доме, на котором висела эта реклама. И ужасно смеялась, когда я ей прочитал свои стихи. А совратил ее не я, а один старый (как мне тогда казалось) тип... Ты слушаешь? А после войны я написал несколько рассказиков. Принес показать одному известному писателю. А он, сволочь, передал их «куда следует». Правда, позаимствовав сюжет и переписав по-своему. Испортил только, подонок.

Все это пройдет, говорит Поэт. Это нам уже некуда податься. А ты парень еще молодой. У тебя все еще впереди. Ты может быть еще диссертацию защитишь. А я выше сотни с немногим уже никогда не поднимусь. На такие гроши не развернешься. И о семье думать уже не придется. Остается одно — сожительница. Одна. Другая. Ну — третья. А толку что? А у меня, между прочим, тоже был когда-то романчик. И стихи я выдумывал не хуже Его. Правда, я их никогда не ценил и не собирал. Так, для развлечения делал. Как говорится, для смеха. Хочешь, я тебе прочитаю статью из сегодняшней газеты. Называется статья «Если вам за двадцать». Сейчас, пишет автор, ведется много разговоров о том, где встречаться, знакомиться, проводить свободное время людям, перешагнувшим тридцатилетний рубеж и не создавшим семьи. Это — ко мне. Но, продолжает автор, эта тема актуальна и для тех, кому сегодня двадцать пять, двадцать восемь... Это — к тебе. Автор явно критически относится к танцплощадкам, к кафе и ресторанам. Танцы, пишет он, «монополия шестнадцати-восемнадцатилетних». В ресторанах — очереди, спиртное, «дымовая завеса табачного чада». Что же предлагает автор? Дом культуры или клуб. Там есть все — танцы, музыка, концерт, бильярд, читальня. В общем, выбирай, что подходит твоим вкусам и настроениям. И буфет есть. Правда, здорово? Но, увы, это лишь мечта. Даже автор этой газетной статьи признает. Теоретически ужасно просто: сделать Дом культуры, в котором человек будет иметь все, что нужно ему. Вполне в духе идеалов коммунизма: построим общество, в котором всем будет хорошо, все будут процветать, все будут довольны. А во что вырождаются на практике такие идеальные Дома культуры? В то же самое, во что вырождается так хорошо задуманное светлое коммунистическое общество. Скучно? Все это старо? Так ведь все равно ничего другого нет. А Ее не жди. Она не придет, это уже ясно. Знаешь, что меня в этой твоей истории больше всего тревожит? Я боюсь, что если Она придет, ты этого не оценишь и опять обойдешься с ней по-свински. Так уж лучше пусть не приходит.

Послание коллективу

*Хоть расшибись, хоть лезь из кожи,
Хоть лбом о стенку колоти,
Ничто тебе уж не поможет,
Коль отвернется коллектив.
Не минет бдительного глаза,
Что ты вчера был пьяный в дым.
С отчетов за год уж ни разу
Не выйдешь цел и невредим.
Брось о защите мысль лелеять.
Надбавку — в памяти сотри.
В день торжества и юбилея
Лист премий больше не смотри.
С уходом старые уловки
Теперь уж больше не пройдут.
И уж со скидкой путевки
Тебе в месткоме не дадут.
И если свалишься в простуде,
Лечь будешь вынужден в кровать,
Никто на яблоки не будет
Тебе копейки собирать.
Неровен час, прокол случится,
И захотят тебя изъять, —
Никто с работы не примчится
На перевоспитанье взять.
Итог? Он априори ясен,
Фундаментальный примитив.
Ты омерзительно прекрасен,
О, нелюбимый коллектив!
Ко мне лицом оборотися,
Объятя жаркие раскрой!
Меня обнюхай, приглядися!
Не видишь разве — я весь твой?!*

А почему бы не — А почему бы тебе не заняться йогой? — спрашивает Он.

— Исключено. У меня отсутствует инстинкт самосохранения. К тому же у меня перед глазами страшный пример дяди. Тот занимается йогой лет десять. И знаешь, чем он кончил? Образовались трещины вокруг анального отверстия. И такие, что положили в больницу. Положение скверное, вроде даже безнадежное. Представляешь себе, перспектива! Годами задираешь ноги за уши, голодать, избегать женщин и вина, глядеть в одну точку, а подохнуть в расцвете лет от трещин в жопе!!

— Ну так ударься в религию.

— Это дело несерьезное.

— Почему несерьезное? Сотни тысяч (если не миллионы) людей вовлекаются в него.

— Это ничего еще не значит. Движение из десятка человек может быть серьезнее, чем движение из миллионов. Значительность движения зависит от того, кто в нем участвует и каковы его исторические последствия и перспективы. Социально значимые и достаточно молодые люди в религию не идут. Туда идут убогие, пострадавшие, ущербные, психически слабые и больные, отщепенцы, старики. Исторический резонанс религии у нас ничтожен. Он скорее негативен в том смысле, что резонанс имеет не само движение как таковое, а факты преследования его участников со стороны властей, преподносимые как примеры нарушения прав человека. Религия не имеет у нас никаких серьезных исторических перспектив хотя бы уже потому, что интеллектуальный и образовательный уровень ее значительно ниже такового социально активной части населения. И потом, я не хочу быть праведником. Мне нравится грешить.

— А как насчет национализма?

— У русского национализма три пути в основном. Первый — холуйство перед начальством, «национальная гордость», шовинизм, имперские устремления. Это мне не подходит. Второй — «бей жидов, спасай Россию». Это не подходит мне тем более. Третий — против высшей власти. Это тоже мне не подходит, ибо это — нечто ужасно консервативное, провинциальное. Это — та же власть, только либо еще дремучее нынешней, либо новая революция. К счастью, такая невозможна пока. И вообще, я к людям отношусь не по национальному признаку, а лично. Может быть, я даже с неграми мог бы дружить. И с китайцами. Не знаю. И, честно говоря, меня наш великий русский народ скорее раздражает своим холуйством и покорностью, чем вызывает сочувствие.

— Так чего же ты хочешь?

— Я бы хотел иметь житейские блага и житейский успех, но за счет своих природных способностей, труда и мужества. Но я и этого уже не хочу.

— Почему?

— Потому что это невозможно. Когда я учился в школе, все считали меня способным. Но я не вылезал, надеясь на то, что учителя сами позаботятся о моих способностях. Но они заботились совсем о другом. В университете я сам и преподаватели (не говоря уж о студентах) чувствовали, что я на порядок выше их банды, но меня за это чуть не исключили, придравшись к пустяку. А в институте? Даже Учитель считает, что я способнее его. А уж с точки зрения способностей, трудолюбия и оригинальности — он фигура номер один в наших кругах. Но и он висит на волоске, а меня общими усилиями загоняют в неудачники.

— Так в чем же дело?

— Для меня нет проблемы, чего я хочу. Я к миру отношусь иначе: я могу лишь сказать, против чего я не протестую. Например, я не против подработать сотню-другую. Я могу статью кому-нибудь написать. Могу диссертацию сделать какому-нибудь кретину из богатой окраинной республики. Но чтобы за приличную плату.

— Если ты готов продавать свой труд «частнику», почему бы тебе не «продаться» государству?

— Тут есть серьезная разница. С «частником» у меня деловая сделка, и все. Государство тоже представляют люди. «Продаваться» государству — значит продаваться людям же, но уже на других основаниях: тут речь идет не о продаже отчуждаемого продукта труда, а о продаже своей собственной личности, самого себя.

— Кажется, я тебя понимаю. Для моего поколения такой проблемы не было. Мы не воспринимали нашу личную сделку с государством и обществом как продажу своей личности, ибо для нас государство и общество еще не противостояли нам как нечто данное от природы и чуждое нам. Мы еще сами их творили в какой-то мере, они еще выступали для нас в качестве продукта нашей личности.

— А меня вообще можно не принимать во внимание, — говорит Поэт. — Мое поколение есть лишь промежуток между вашими, переход от одного к другому. Для нас проблемы одного поколения теряли смысл, а проблемы другого еще не обрели смысла. Своего же собственного у нас не было ничего.

Кто мы Поразительное явление, говорит Учитель. У нас необжитой земли больше, чем в любой другой стране мира, а мы лезем и лезем в Европу, где и без нас тесно, в Южную Америку, в Африку. Лезем в обжитые места. Тебе это ни о чем не говорит? А стоит задуматься. То же самое у нас происходит в философии. Лежат совершенно неисследованные пласты языка, на изучении которых можно построить великолепную «диалектическую логику», отвечающую всем требованиям науки и буквально соответствующую Их идиотским идеалам. А Они? Они лезут непременно в чужую область, давным-давно обработанную и обжитую, — в ту же формальную логику. Вот, например, отношение народа к Партии, Правительству, Вождям и т. п. Поносит их народ? Поносит. Значит ли это, что он их не любит? Нет. Восхваляет он их? Восхваляет. Значит ли это, что он их любит? Нет. Здесь неприменима формальная логика. Неприменима в том смысле, что это — не ее сфера. Она определяет свойства языковых выражений, а не свойства какого-то конкретного вида вещей неязыковой природы. Таких примеров, как я привел, полно. Родители, ругая своих детей, не перестают их любить. Служивцы, хваля друг друга, могут ненавидеть друг друга в то же самое время. В действительности часто встречаются случаи, когда предметы обладают одновременно противоположно направленными признаками. Так, человек может одновременно любить и ненавидеть другого человека в одном и том же отношении. Вот и копайте такие случаи. Простор! Все можно открывать заново. Для таких противоположно направленных признаков (тенденций) уже будет неверно, что наличие одной исключает другую. Клянусь, я бы мог Им за пару лет сочинить «диалектическую логику», которая имела бы бешеный успех. Но Они скорее примирятся с моей критикой Их «диалектической логики», чем с моими позитивными предложениями по ее улучшению. Опять-таки в чем дело? Да в том, что мы можем жить только за счет творческих соков, выделяемых другими. Мы — не творческое общество, а паразитарное. Мы — раковая опу-

холь на теле цивилизации. И это очень страшно. И ужасно обидно, что мало кто замечает это. Легкомыслие Запада на этот счет поразительно.

Я еще до войны попал в армию, говорит Добронравов. И что любопытно, все начальники от мала до велика заботились о нас. Ни на кого персонально пожаловаться не могу. И все же это не служба была, а кошмар. И невозможно понять, откуда этот кошмар исходил. Например, в мороз и в дождь топали строевой. Ночью подымались копать дурацкие ямы. Делали марш-броски по двадцать пять километров с полной выкладкой. И главное — все без толку. У всех вырабатывалось стремление как-то выкручиваться и уклоняться. В результате вместо закалки и хорошей боевой подготовки мы встретили войну бессмысленно измотанными и ни к чему не способными. В этом суть нашей системы. Она давит на людей помимо их воли, а люди в порядке самозащиты халтурят, обманывают, сачкуют. И сами давят друг на друга.

Суть нашего общества, говорит Учитель, в двух словах заключается в следующем: 1) создание и воспроизводство индивидов, которые сами по себе беззащитны, и уничтожение индивидов, которые что-то значат сами по себе; 2) защиту беззащитным индивидам дает коллектив, общество, и за это они отдают все средства защиты особым лицам и органам; 3) эти средства защиты индивидов превращаются в средства их подавления. Человек, отважившийся в нашем обществе заявить свое «я», подобен человеку, который за Полярным Кругом в голом виде окажется в пятистах километрах от жилья.

Стенгазета В стенгазете напечатали заметку Труса. Наш сектор, говорилось в ней, включился в социалистическое соревнование в честь предстоящего... Ведется огромная научная работа. Вышел из печати коллективный труд (ответственный Смирняшев). Готовится новый (ответственные Смирняшев и Сазонов). В секторе здоровая обстановка. Критика и самокритика. Конечно, принципиальная. Например, критиковали такого-то (Учителя, конечно) за то, что не учитывает последние достижения мировой логики. Что касается Шептулина, то назрело время для выделения его группы в особый сектор диалектической логики. Сектор готовится к международному симпозиуму (ответственный Смирняшев). И т. д. и т. п. Вот подонок, сказал Учитель. Смирняшев, Смирняшев... И ни звука о том, что я единственный получил личное приглашение на этот симпозиум.

А в отделе сатиры и юмора дали карикатуру на меня. Если бы не борода и не подпись, узнать меня было бы невозможно. Я изображен на фоне гигантской тени Энгельса. А в подписи — явный намек на то, что у меня якобы мания величия. Я разозлился и написал письмо в редколлегию стенгазеты с просьбой поместить мое письмо в ближайшем номере. Я написал, что за такие «намекы» я их мог бы привлечь к судебной ответственности. Но дело не в этом. Авторы карикатуры допустили фактическую ошибку. Если бы у меня на самом деле была мания величия, то объектом подражания для меня был бы не Энгельс, а по крайней мере Рассел или Карнап.

Шептулин усмотрел в заметке Труса подкоп под себя и учинил гран-

диозный скандал. Пустив в ход свои родственные связи, он нажал на директора, тот — на секретаря партбюро, а секретарь — на редактора стенгазеты. Газету сняли. Трус наложил в штаны и слег в больницу с радикулитом. Мы сообща отнесли ему цветы и коробку конфет.

Путь к основам бытия Я ложусь одетым на свое новое ложе, но мысли мне в голову приходят старые-престарые. Я смотрю в грязный потолок, курю сигарету за сигаретой и в клубах дыма вижу (уже в который раз!) тоскливую картину.

*Солнце в полуденном небе блестит.
Тенистая роща листвою шелестит.*

Есть основы бытия, единые для всех времен и народов, — шепчет одно из моих «я», которое я называю Почвенником. — Прежде всего, есть вечная природа.

*За нею — бескрайнего поля простор.
Как бархат, трава. А цветы — как ковер.*

Потом — есть детство, сказки, игры. Есть юность. Любовь. Свидания. Дружба. Семья. Дети. Встречи. Беседы. Книги. И все такое прочее. Есть же!!

*Нежной прохладою манит вода.
Так было! Так есть! И так будет всегда!*

Конечно, есть, — говорит другое «я», которое я называю Социологом. А кто с этим спорит? Дело же не в этом.

*Но что это? Слышны проклятья и стоны.
Там в схватке смертельной сошлись эскадроны.*

Чтобы было детство, человека надо родить и вырастить. А это — теперь слишком дорогое удовольствие. Нужно жилье. Игрушки надо покупать. А сказки кто-то сочинять должен. Чтобы идти на свидание, надо получше одеться. Для гостей нужны еда и вино. Чтобы выбраться на природу, нужны поезда, машины...

*И кровь, как вода, на цветы потекла.
И мертвые пали на травы тела.*

Короче говоря, чтобы эти «основы бытия» были, надо ходить на работу и быть членом делового коллектива. Надо вступать в определенные социальные отношения с людьми и совершать социальные поступки, приносящие успех и одобряемые обществом.

*Постойте, — я крикнул. — Зачем зря страдать?!
Взгляните, какая вокруг благодать!*

Надо многое такое, что бросает свою тень на все «основы бытия». Не будь наивным! Мы даже в туалет ходим не просто как дети природы, а как работяги, бухгалтеры, инженеры, генералы, директора, министры...

*Кончайте кровавые ваши дела!
Раскиньте под солнцем живые тела!*

Согласен, — говорит Почвенник. — Но можно игнорировать социальность. Можно отбыть на работе положенное время, а потом наслаждаться дарами природы.

*Омойте водою прохладною лица.
И пусть этот миг будет вечностью длиться!*

Легко сказать, игнорируй, — говорит Социолог, — да трудно этот совет выполнить. Много ли времени и сил ты отдаешь работе?! Но даже после этого ты не способен и думать о «дарах природы». Так что же говорить о тех, кого работа выжимает до предела и сверх предела! Можно, конечно, игнорировать социальность. Но практически это значит жить на таком низком уровне, на котором путь к «основам бытия» оказывается закрытым.

*Не суйсь в наше дело, — я слышу в ответ. —
Оставь для других свой дурацкий совет!*

А те «наслаждения», которые при этом доступны, скоро обнаруживают себя как удручающие убожества. Путь к «основам бытия», увы, проходит лишь через общество, через коллектив, через собрания, через коллег и начальников, через зарплату... А это — постоянное и беспощадное сражение. И лишь немногие побеждают в этом сражении и достигают этих основ. Большинство же лишь унавоживает почву для немногих счастливых.

*Чтобы в единстве с природою быть,
Друг друга в сражении должны мы убить.*

И меркнет в клубах табачного дыма солнце, облетают листья с деревьев, вянут цветы... Остается грязный потолок с угрожающе отваливающейся штукатуркой.

*Заповедь помни, приятель, простую:
Лишь мертвые кормят природу живую.*

Выход Дело не в том, что мы живем бедно сравнительно с Западом, говорит Добронравов, дело в том, что мы живем убого даже тогда, когда бывают улучшения. И мы будем жить так же убого в любых благоприятных условиях. И в дворцах, и в шелках, и со скатертями-самобранками. Мы свое убожество будем воспроизводить всегда и везде. Это — в генах у нас. Это не расизм, а очевидный факт. Неужели ты думаешь, что приспособляемость и жесткий отбор в десятках поколений не скажется на самой биологической природе человека? Мы постоянно воспроизводим такие социальные условия своего существования, какие отвечают нашей природе, а сами эти условия способствуют ее закреплению в последующих поколениях. Мы сами себе еще не отдаем отчета в том, что мы такое и какую мразь в себе мы несем для человечества. Ты считаешь, что другие народы лучше, спрашиваю я. Не знаю, каковы другие народы, говорит Добронравов, но я знаю, каковы мы. Мы заслуживаем нашу жалкую участь, ибо мы сами ее творим. А наше руководство есть плоть от плоти народа, есть точное выражение его натуры. А ты отдаешь себе отчет, что твоя «теория» как раз на руку чинушам, карьеристам, хапугам и вообще прохвостам всякого рода, спрашиваю я. Конечно, говорит Добронравов. И потому я ее не пропагандирую. Пожалуй, я впервые так высказываюсь. И больше не буду. Но ведь никакие гены и тупики не могут остановить людей. Из безумных поступков и из стремления сделать невозможное рождается нечто. Например, брось гранату, и какие перемены произойдут вопреки науке и здравому смыслу!

О пользе диссидентов Поэт бросил на стол свежий номер своего сволочного (по его собственному признанию) журнала. Прочитай вот это, сказал он. Будешь потрясен. Не поверишь, что это у нас напечатано. Критика не менее зверская, чем в книжках, печатаемых за границей. А, может быть, и пострашнее. В чем дело, спросишь? Ближайшее следствие диссидентского движения, а конкретнее — «тамиздата». Я сидел на том совещании, на котором обсуждалась эта повесть. Редактор так прямо и сказал: надо показать всему миру, что мы признаем критику, не боимся обнажать наши недостатки, свободно печатаем критические сочинения. А он наверняка получил на это санкцию из отдела культуры ЦК. И повесть эту пустили ускоренными темпами, — очевидно, тоже было указание из ЦК. Нет, друзья мои, мы диссидентам должны в ножки поклониться. Не будь, например, тех разоблачительных материалов о «психушках», кое-кто из нас давно сидел бы где-нибудь в Белых Столбах, а то и похуже.

Диссиденты — явление временное, говорит Берия. Вот придушим остаточки, и все. Новые появятся, говорит Железный Феликс. Прикроем диссидентов, опять перегнем палку, опять появятся новые диссиденты. А то и тайные организации появятся. Нет, брат, это надолго. Это навечно. Так теперь и будем колебаться туда-сюда, сказал Сталин. Из этого и складывается прогресс. Но есть выход, говорит Маркс. Надо опустить «железный занавес» опять, и никаких диссидентов больше не появится. Дурак, говорит Ленин. Уже поздно, прошляпили. А радио?! А книжки, — сколько их бродит по стране?! А «ксероксы»? А магнитофоны? Вспомни-

те еще про Китай, говорит Железный Феликс. Обратите внимание, как у нас поносят Китай. Все про нас! Можно подумать, что кто-то специально делает. Может быть и так, говорит Берия. Они там вверху между собой грызутся, — фактор тоже немаловажный.

В том-то и дело, говорит Поэт. Я берусь из того, что напечатано в Советском Союзе за один только год, собрать такую крамольную литературу, что разоблачения «тамиздата» будут выглядеть жалкими. Процесс саморазоблачения начался, и его теперь не остановишь. У нас можно напечатать в принципе любую крамолу, но при одном условии: чтобы она была не очень талантливо написана.

Идеи Москва, конечно, унылый, серый, бездарный город. Но я люблю бродить по ее улицам. На архитектуру, исторические памятники и красоты природы мне наплевать. Дома, люди, машины, асфальт — вот моя природа и архитектурная красота. Брожу я обычно в одиночку. Думаю о чем-нибудь. О каких-нибудь пустяках.

— Все считают наше общество несокрушимым и неуязвимым, — думаю я. — А такое ли оно несокрушимое и неуязвимое на самом деле?

— Конечно, нет, — говорю я сам себе в ответ. — Говорят, что слоны панически боятся мышей, а льва можно убить швейной иглой. Ткнуть в нерв, и готово.

— Верно. Но где этот уязвимый нерв нашего общества? И чем в него ткнуть?

— Банальная проблема. Нерв — руководители и их сытые приспешники. А иголка — террор. До тех пор, пока наши руководители и их холуи будут себя чувствовать в безопасности, ничто принципиально не изменится в нашей системе. Надо заставить их дрожать за свою шкуру. Божье суда нет. Значит, надо изобрести человеческий.

— Попробуй, доберись до них!

— Не надо преувеличивать. Добраться при желании можно до любого начальника, вплоть до самого Генсека. С умом, конечно. И с современной наукой и техникой. Химия, физика... Яды, бактерии, газы... Они используют эти средства давно. Так почему бы не обратить их против них самих? К тому же можно начать снизу, — с районного начальства. И затем постепенно подниматься до областного, городского, республиканского, центрального. Опыт будет накапливаться. И психологически эффект будет мощный: ждаты будут, сволочи, когда дойдет до них черед.

— А зачем это тебе нужно? И что это даст?

— Хочу, чтобы и Им было плохо. Пусть поживут в страхе. Страх расплаты — единственное, что может сдерживать людей.

— Но в наших условиях и террор должен быть хорошо продуман и организован. В одиночку и на авось тут многого не добьешься.

— Конечно. Но сначала в людях надо разбудить интерес к этому делу. А для этого надо создать образец, достойный подражания. Кто-то должен положить этому начало.

— Что же, попробуй. У тебя для этого есть все данные. Погибнешь, конечно. Но зато совершишь дело исторического значения.

— А что тебе история?

— А что есть стоящего, кроме истории? Быть человеком — значит творить историю.

— Не торопись только. Начало должно быть успешно. Плохое начало может скомпрометировать самую идею террора.

— Боюсь, что ты уже опоздал в таком случае. Помнишь историю со взрывом в метро? Эти идиоты не могли придумать ничего глупее.

— А если это провокация КГБ? Подстроили это дело, чтобы прижать диссидентов и скомпрометировать террор. В порядке профилактики, так сказать.

— Вряд ли так. Этот взрыв не имел широкого резонанса. Тут нужно что-нибудь очень эффективное, чтобы нельзя было замолчать. А КГБ на такую провокацию не способно.

— КГБ способно на все.

— Тем лучше. Значит, можно с ним сыграть. И почему ты думаешь, что КГБ не заинтересовано в терроризме? Террор нашим властям тоже нужен.

— Да. Но террор не опасный и контролируемый. А такой, который, думаю я, должен быть опасным и абсолютно неподконтрольным никому, кроме самих террористов.

Беседа с секретарем партбюро Беседа с секретарем была бестолковой, и воспроизвести ее невозможно. Но зато результативной.

Я дал согласие на перевод в любой другой сектор, где ко мне будут относиться лучше, чем в этом «правофланговом сососредоточения» за выполнение и перевыполнение. Секретарь спросил, не еврей ли я. Я сказал, что я — прямой потомок Юрия Долгорукого по матерной (как говорит кретин Барабанов) линии. Секретарь спросил, не еврей ли Смирняшев, Зайцев, Сазонов и Каплан. Я сказал, что без штанов их не видел. И вообще видеть не хочу. Зайцев, судя по фамилии, явный еврей. Секретарь сказал, что он тоже не любит этих «либералов». Я посоветовал Секретарю посмотреть личные дела упомянутых персон в отделе кадров. Он сказал, что смотрел. Но по анкетам они всегда русские, а глядишь — в Израиле антисоветской пропагандой занимаются. Я сказал, что Израиль — только предлог и способ. От Секретаря я вышел, как обосранный. Самое мерзкое, когда эти подонки почему-то видят в тебе единомышленника и начинают с тобой откровенничать. Что он во мне нашел такого, что дало ему основание видеть во мне своего? Ведь Смирняшев и Сазонов для него свое, чем я.

Послание на

*И нерешенная одна
Осталась у меня задача:
Давно хочу послать всех на,
Подальше, говоря иначе.
И знаю, не отважусь я
На это мизерное дело.*

*Да и похабить всех и вся
Порядком, в общем, надоело.
И правил я таких держусь,
Формулировки упрощая:
Кого обидел — не сержусь,
Кому должен — тому прощаю.
И если на твоём пути
Я повстречаюсь ненароком,
Не надо страсти, пропусти,
Я прошмыгну тихонько боком.
И вам, пожалуй, повезло,
Что не был никому помехой.
Я был способен делать зло,
А сотворил — достойно смеха.
И вновь встает, встает она,
Та нерешенная задача.
Я не могу послать вас на.
... А как же поступить иначе?*

Кто мы Очень характерный пример для социальной психологии: надо же кому-то и землю копать, и улицы подметать, и... Говорится это с таким видом, будто всякий волен выбирать себе путь: честные люди выбирают копать землю, а проходимцы — двигать вперед теоретическую физику. И никто почему-то не говорит со вздохом, что кому-то надо же быть министрами, генералами, членами Политбюро. Эти мысли у меня возникли после того, как старая ханжа из нашей спецгруппы, ведающая перепечаткой и правкой рукописей и сверкой цитат, пыталась свалить это дело на меня, а когда это не удалось, закатали мне нотацию о честных тружениках и ловкачах. Конечно, то, чем я занимаюсь, далеко не теоретическая физика, но все равно считка чужой дребедени отныне не мое дело.

Институт на сей раз я покидал методом наглого ухода. На площадке меня остановил Добронравов, попросил подождать, он распишется в книге, ему нужно в Городское отделение Общества, а это — нам по пути.

Ты думаешь, я стучак, сказал Добронравов, задумчивым взглядом проводив черные «Чайки». Чуть, я стучак не больше, чем твой друг Учитель. Знаешь, что я такое? Сначала я был русский националист в самом примитивном смысле: русский народ должен жить не хуже грузин, армян, евреев и европейских народов. Потом я понял, что русский народ сам приложил все силы к тому, чтобы жить хуже всех. Он исторически выведен жить по-свински. И я стал русским интернационалистом в следующем смысле: пусть русский народ не в себе растворяет другие народы, а сам растворяется в них, облагораживая своей кровью человечество. Но скоро я понял, что и это — ошибка. Русский народ не может облагородить человечество, он может его только опаскудить, т. е. приучить жить и других также по-свински. И моя жизненная доктрина приняла в конце концов такой классически ясный вид: мне на всех и на все нач-

хоть. Конечно, если мне представится удобный случай, я, может быть, и выкину хохму. Но это лишь в случае, если. Смотри, что там такое делают?

Я обернулся, куда указывал Добронравов. Рабочие сверлили голову Маркса и ввинчивали в нее острые шипы. Но так, чтобы шипы не были заметны до тех пор, пока о них не уколешься. А если уколешься, чтобы не было понятно, обо что и зачем.

Итоги и перспективы Подвожу итоги своего творчества. Оказывается, я не так уж мало сделал. Двадцать статей для мелких и средних партийных чиновников. Около тридцати малых и довольно больших кусков для речей и книг высоких руководителей. Маленькая заметка под моим именем в задулом аспирантском сборнике. Большая статья для секторского сборника, которая никогда не будет напечатана. Короче говоря, все продукты моей деятельности для меня, надо признать, потеряны. Но я об этом не жалею. До тех пор, пока можешь безжалостно расставаться с прошлым, имеешь какие-то шансы сделать нечто стоящее в будущем. Я все свои надежды возлагаю на будущее, хотя и не вижу в нем ничего хорошего.

И хватит заниматься критиканством и нытьем. Люди абсолютно все воспринимают в том виде, в каком это соответствует их привычкам, вкусам, уровню интеллекта и интересам. И никогда и ничто — объективно, ибо этого «объективно» вообще нет. И поступают люди сообразно этому своему восприятию, сообразно обстановке и, опять-таки, своим интересам. Существуют, конечно, какие-то общепринятые оценки поступков как дурных, так и добрых. Но эти оценки формальны или лицемерны. Если поступок не наказуем осязаемым для данного индивида образом, он всегда найдет ему субъективное оправдание, как бы к нему ни отнеслись другие индивиды. Так что все происходящее нормально. Хотя оно и омерзительно, но оно нормально. И ничего другого нигде и никогда не было и не будет. Надо лишь отбросить иллюзии и перестать страдать из-за омерзительности происходящего. Ибо ты сам есть частица этого. Аминь!

Голоса Но снова чудные я слышу голоса.

Одним на долю выпадает долгая жизнь, а другим — мгновение. Но это мгновение иногда стоит долгой жизни. Вот представь себе. Теплое солнечное утро. Небо голубое. Большое зеленое поле. Мы построились для атаки. Кони храпят. Командир эскадрона вскинул сверкающую шашку в небо...

А ты за кого сражался? За красных или за белых?

А не все ли равно? Я же погиб, и тем самым искупил свою вину, если был в чем-то виноват. И разве в таких делах бывают виновные и невинные, правые и неправые?

А дальше?

Мы помчались. Молча, а не с дурацким громовым «ура», как показывают в ваших кино. Сначала молча. Кричать мы начали немного

позже, когда сошлись на поле. Но не «ура», а каждый свое. И записать это невозможно. И странно, наши крики были тише молчания.

А дальше?

Началась сеча. Не рубка, а именно сеча. Рубка — это когда конные бегущих пеших убивают. А сеча — это сражение. Теперь сражений уже не бывает. И не будет больше. А на нашу долю выпало настоящее сражение. Может быть, последнее в этом мире.

А дальше?

Меня убили. Но прежде, чем мне расскли голову надвое, я сам снес чью-то голову. Ты не сможешь понять, какое это великое наслаждение — срубить голову врага в сражении! Нет, это не наслаждение, а ликование. Хочешь, я научу тебя, как это сделать?

Зачем? У нас сражений не бывает. Не с кем сражаться. Нечем сражаться. Незачем сражаться. У нас просто убивают. И предпочитают тихо душиТЬ.

Жаль мне тебя. Разве это жизнь?! Мужчина должен хоть раз в жизни встретить врага лицом к лицу и вступить с ним в сражение.

У нас нет антагонистических противоречий. У нас нет врагов. У нас возникают неантагонистические конфликты, но они преодолеваются...

Что же, каждому свое. Прощай. Мне пора. Видишь, наш эскадронный вскинул клинок. Кони храпят от нетерпения. Сейчас мы помчимся в атаку. Забавно, когда я упаду на землю с рассеченным надвое черепом, я все равно буду крепко сжимать эфес шашки. Так крепко, что когда закончится сеча, и кто-то захочет вынуть шашку из моей руки, ему это не удастся, и он вынужден будет отрубить мне руку. Запомни: мужчина даже мертвый должен держать в руках оружие. Мужчина без оружия — это...

... Это рядовой советский человек. Ладно, скачи в свою атаку, лови мгновение жизни, а мне надо выспаться. Мне завтра к шести утра на овощную базу — картошку перебирать. Прощай!

Исповедь Когда я был маленький, я пытался дрессировать паука, каким-то образом оказавшегося в ванне. Отец долго и нудно пояснял мне, что это бесполезно, так как у паука нет второй сигнальной системы. Я в этом деле, конечно, ничего не смыслил и продолжал командовать пауку: «Вперед!», «Стоять!», «Назад!». Иногда паук команде повиновался, и я торжествующе поглядывал на отца. Иногда паук мои команды игнорировал, и тогда отец торжествующе изрекал: «Ну, что я тебе говорил?!». Мать советовала отцу не мешать мне проявлять естественное для человека стремление к власти и тренировать волю, а то я расту совершенно бесхарактерной тряпкой. Даже двухлетние малыши меня обижают: я не способен оказывать им сопротивление. Вечером отец смыл паука водой. Я два дня потом не мог успокоиться. Отец оправдывался: не можем же мы из-за какого-то паука неумышленно ходить! Мать упрекала отца в непедагогичности: паука надо было поймать, посадить в банку, а после мытья выпустить обратно в ванну. Отец сказал, что он пытался поймать, но не смог. На этом мое врожденное стремление к власти и тренировка воли прекратились.

Надежды Беседа с Тваржинской была для меня полной неожиданностью.

Оказывается, они у себя в отделе на партийном собрании обсудили мою персону и решили ходатайствовать перед дирекцией о переводе меня к ним. Они решили, что у них более здоровый коллектив, и они перевоспитают меня. Я согласился перейти в отдел Тваржинской, но поставил свои условия. Пару библиотечных дней. Пока — чисто научно-техническая работа, в основном — переводы с английского и немецкого. Втянусь в работу — буду работать над темой «Логика и антикоммунизм». Работать в двух планах: 1) спекуляции антикоммунистов на логике; 2) подлинная логика (диалектическая?) против антикоммунизма. Тваржинская была в восторге. Кроме того, я ей подкинул идею, что в секторе логики недооценивают идеологическую борьбу нашего времени, что сами впали в позитивизм, а на меня и Учителя свалили свой грех. Глаза Тваржинской, когда она меня слушала, сверкали от гнева. А я про себя потешался. Пока меня переведут (могут и не перевести, Смирняшев может запротестовать — он не хочет выпускать меня из-под своего контроля, еще надеется на что-то), пройдет месяцев пять-шесть. Там — летние отпуска. Пока втянусь в работу отдела, пройдет года два. В общем, имею шансы года три сачковать. Тваржинская обещала взять с повышением оклада сразу на двадцать рублей. На этом можно спекулировать! Надо распространить слух о моем переходе. Вот так вообще и течет вся наша жизнь. Не поймешь, где зло, а где благо.

Перспективы Когда мы подошли к ресторану, оттуда вывалился парень моего возраста и вида с двумя девчонками. Он остановил такси. Эй, мочалки, крикнул он девчонкам, кидайсь в кибитку! Сам сел рядом с шофером. Водила, сказал он шоферу, поехали до бороды! Шофер молча усмехнулся, машина умчалась. Как это понимать, спросил Он. Очень просто, сказал я. Они поехали на Театральную площадь, к памятнику Маркса. Сейчас это — место встреч фарцовщиков, проституток, наркоманов. Чувствуешь разницу поколений? Я вот сказал тебе, что сегодня я богач, так что могу сводить тебя в ресторан. И ты пришел в дикое возбуждение, как мальчишка, которому пообещали купить пробковый пистолет. Мальчишка твоего поколения, конечно. А для нас ресторан — мелочь, если даже мы туда не ходим вообще. И даже настоящий пистолет не вызывает в нас эмоций. И все же есть что-то, что нас объединяет, говорит Он. Нас объединяет всеобщий закон, который Сосед выражает в такой поэтической форме:

*Луи ближнего,
Вали на нижнего,
А сам, пока дышишь,
Лезь выше и выше.*

Как на твой взгляд? Но Поэт промолчал. Он был не в настроении: болели зубы. Но тут уж он сам виноват. Социальные отношения и КГБ совсем тут ни при чем. Зубы у него были совершенно здоровые. А у его

*Становится тесно
в каморке моей
От верных, из детства
пришедших друзей.
Звучат голоса:
кто обидел, скажи?!
От мести священной
злодей не сбежит!
А я отвечаю:
спасибо, ребята!
Мне помощь нужна
проскочить в кандидаты.
Меня... Но сближаются
тесные стены.
Друзья исчезают...
Лишь слышно: измена!!*

II
АПОЛОГИЯ НЕЧИСТОГО РАЗУМА

Шестьдесят лет в огню борьбы Хотя историю вспять не повернешь, однако впадать в пессимизм из-за этого не следует, так как история и без поворачивания идет именно туда, куда ей нужно.

А если уж вы непременно хотите, чтобы вернулись старые мерзости, наберитесь чуточку терпения, и вы дождетесь новых мерзостей, которые будут, может быть, еще более мерзкими, чем старые мерзости. Таким умонастроением были проникнуты записки бывшего прохвоста сталинских времен, приуроченные к шестидесятилетнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции и потому озаглавленные «Шестьдесят лет в огню борьбы». Прохвост автор послал записки в ЦК КПСС. Оттуда их направили в Президиум Академии наук, а из Президиума их спустили в Институт идеологии, дабы отреагировать на них надлежащим образом. Ученый секретарь Института, полистав рукопись, но не вникнув в нее, вызвал Мнс. Хе-хе-хе, — сказал он, — вот на эти бумаженции надо подготовить отзыв. Автор, конечно, псих, недобитый сталинист. Но надо проявить терпимость. Он — старый член партии, посты занимал. И вообще, время сейчас не такое, чтобы. Так что если в случае чего, то было бы разумно. Отнесись, в общем, с полным взаимопониманием. Задача ясна, — сказал Мнс, — но я попрошу дать знать в отдел кадров и в сектор, что я выполняю ответственное поручение. Так чтобы они не очень и вообще. Само собой, — сказал Ученый секретарь. — Но о содержании рукописи никому ни слова! Она засекречена.

Начало пути Выйдя от Ученого секретаря, Мнс заглянул в отдел кадров и сказал, что он уходит в Президиум АН, что соответствующие указания из дирекции к ним сюда поступят в ближайшие минуты. Заместительница заведующей кадрами (сама заведующая в это время сбежала из института по своим женским болезням) раскрыла было рот, чтобы сказать некую пакость, но на всякий случай этого не сделала. Кто разберет этих «гениев», подумала она, сегодня он — рвань, а завтра, гля-

дишь, в помощниках у вождей ходить будет, а тогда держись, со свету сживет, сволочь бородастая. Затем Мнс вышел на большую лестничную площадку и несколько минут курил, прислушиваясь к беседе лучших людей института, — Смирняшева, Качурина, Тормошилкиной, Бульги. Лучшие люди обсуждали награждение Леонида Ильича орденом Победы за заслуги в войне, окончившейся более тридцати лет назад. Качурин взахлеб рассказывал о выдающихся подвигах Брежнева, о коих он узнал из недавно выпущенной биографии Брежнева и его мемуаров, опубликованных в журнале «Новое время» и во всех газетах. Тормошилкина клялась честью, что мемуары Брежнев писал сам, что они — явление в литературе, и что если за них Леониду Ильичу присудят Ленинскую премию по литературе, то это будет справедливо, поскольку с литературной точки зрения они превосходят... Мнс слушать речь Тормошилкиной далее не стал. У выхода на малую площадку от столкнулся с Кирусиком, которая только что узнала потрясающую новость и мчалась сообщить ее Тормошилкиной и прочим лучшим людям института. На малой площадке тоже было полно народу. Хихикали по поводу награждения Брежнева орденом Победы и по поводу его мемуаров. Кто-то сказал, что Они Там совсем одурели. Кто-то сказал, что теперь Ему осталось вставить в нос кольцо и подвесить к ушам консервные банки. Или объявить себя царем. Нет, лучше императором, ибо царь противоречит марксизму-ленинизму, а император — нет. Кто-то сказал, что Эти Кретины теперь наверняка дадут Ему Ленинскую премию по литературе. Вот потеха будет! Учитель выдвинул проблему: что лучше — старый Брежнев или новы́й Сталин? Добронравов сказал, что старый Брежнев и есть новый Сталин, а если это сомотрится комично, так вспомните старую истину насчет повторения истории в виде трагедии (один раз) и фарса (другой раз). Качурин, который успевал трепаться на обеих площадках сразу, сказал, что он с этим не согласен. Добронравов рассказал анекдот «армянского радио». Армянское радио спрашивают, может ли тигр проглотить Брежнева. Отвечает: может, но после этого три дня тигр будет орденами какать. Учитель рассказал анекдот о роли Брежнева в войне. Жуков доложил Сталину план крупной операции силами трех фронтов. Хорошо, сказал Сталин, но вы посоветуйтесь с полковником Брежневым. Посмеявшись вместе со всеми, Мнс заглянул в сектор, чтобы предупредить секретаршу о своем уходе из института в Президиум АН и, возможно, в ЦК КПСС. Секретарша слово «КПСС» расслышала как «КГБ» и впервые за много лет с уважением взглянула на согбенную спину уходящего Мнс. А он довольно красивый парень, подумала она. Немножко неопрятен. И слишком уж волосат. Но теперь это модно.

Размышления Мнс Мнс медленно брел без определенной цели в направлении Арбата. В последнее время люди все чаще стали поминать Сталина, — думал он. Говорят о новом Сталине. В чем дело? Советское общество уже пережило после смерти Сталина все возможные периоды и испытало все возможные чувства — горечь потери, радость избавления, ужас разоблачения, равнодушие, праздно любопытство, страх возобновления, жажду возобновления. На очереди дня осталась

сама попытка повторения. Хрушев и Брежнев — это фарс, но фарс сам по себе, а не как повторение прошлой трагедии. Если тут что и повторялось, так это лишь внешние формы поведения (маршальское звание, конституция, орден Победы), которые не являются специфически сталинскими. Они общекommунистические. В чем суть сталинизма? Волонтаризм, ничем не ограниченное насилие, массовые репрессии с целью создания даровой армии рабов, манипулирование массами людей по произволу руководства, короче говоря — насильование истории во имя неких великих целей. А что получается из этого на самом деле — всем хорошо теперь известно. И вот народ и руководители жаждут «нового Сталина». Почему? Очень просто. Руководители — потому что «народ распустился», и «похорошему» у них ничего не получается, диссиденты не выводятся, молодежь не хочет идти в производство. Народ — потому что цены растут, начальство зажралось, выпить и погулять как следует нельзя. При Сталине «был порядок», не было диссидентов, цены снижали, зарплату увеличивали. О том, что при Сталине пятнадцать миллионов постоянно сидели в лагерях, а остальные дрожали в ожидании, уже забыли. Забыли об ужасающей жизни в колхозах, о вербовках на стройки, о комнатухах в подвалах.

Но «новый Сталин» — это не так-то просто. И не потому, что еще побаиваются. А потому, что это должна быть перестройка всего организма страны. И без борьбы во всех звеньях системы управления ее не проведешь. На нее нужно время и затраты. Потери от нее могут ослабить страну настолько, что она потеряет смысл вообще. И все же попытка должна произойти. «Новый Сталин» и неосталинисты будут рваться к перестройке страны в духе сталинизма, не считаясь ни с чем. На потери Им наплевать, Им лишь бы. Их не остановит даже то, что Они сами могут стать жертвами возрожденного Ими чудовища.

Но почему, ты думаешь, народ жаждет возвращения сталинизма? Разговорчики? А что они вообще значат? И знаешь ли ты свой народ? Неужели, ты думаешь, можно познать народ на пути от Лубянки до Волхонки? Но я и иными путями хожу иногда. И в «рабочих районах» бываю. С рабочими ребятами выпиваю. Несколько раз в колхоз ездил. На заводе практику проходил. Кружок у строителей несколько лет вел. У меня много родственников и знакомых, среди которых есть рабочие, мелкие служащие, военные. Разве этого мало? Не мало, конечно. Но все, что ты видел, есть лишь кусочки народа, а не народ. Народ — это когда все это собрано в большом количестве, когда всего этого много. И как единство многого он не может быть понят через его части. Он должен быть взят именно как единое целое. А для этого надо наблюдать его там, где его достаточно много, чтобы проявились его качества в этой его множественности. Отдельный человек не может устроить бунт или забастовку. Народ может. Народ как целое — серьезная штука. Сталинизм — это еще и голод, даровая работа в колхозах, лагерях, на стройках. Народ как целое на это больше не пойдет! И он имеет средства и силы сопротивляться этому.

Беседа На Арбатской площади Мнс догнал знакомый из редакции «Вопросов идеологии», направляющийся в Дом журналистов «перекусить и вообще». Имея право провести с собою одного постороннего, знакомый соблазнил Мнс фирменным блюдом ДЖ «филе по-суворовски», и последний не смог устоять, хотя знал заранее, что потом придется за это три дня жить впроголодь. Но если бы он мог предположить, чем кончится для него поход в ДЖ помимо этого, он бы... Нет, он все равно не устоял бы. Ведь не устоял же Брежнев перед очередной двухчасовой речью, хотя знал заранее, что уже через пятнадцать минут будет неспособен вразумительно произнести даже изначальное «мама». Филе оказалось, конечно, плодом воображения Знакомого. Зато была водка, а под водку любая дрянь идет так, будто она и есть то самое первоклассное фирменное филе, исчезнувшее задолго до шестидесятилетия Великой и т. д. революции.

Потом Мнс сказал, что ему всучили идиотскую рукопись, отзыв сделать для ЦК. Вот она. Только — это между нами. Рукопись секретная. Знакомый полистал рукопись, сказал, что он эту рукопись знает, что ничего в ней секретного нет, что автор приносил ее к ним в редакцию с просьбой напечатать отрывки, что это — типичное барахло сталинского подонка, что... В общем, выброси эту муть на помойку. Между прочим, этот автор потом приносил статью с разоблачениями Петина. И подлинные документы. Имя Станис тебе что-нибудь говорит? Это был крупный философ-марксист. Его посадили и расстреляли по доносу Петина. А Петин потом присвоил работы Станиса. Вдова Станиса уцелела и была реабилитирована. Она каким-то чудом сохранила рукописи Станиса и верстку его книги с его исправлениями. А книга эта потом была напечатана как книга Петина. И многие статьи Петина оказались фактически статьями Станиса. Это — совершенно бесспорно. Вдова подавала в суд на Петина, но ее заявление не приняли. В журнале была создана специальная комиссия, которая расследовала это дело. Все подтвердилось. Более того, выяснилось, что Петин не только со Станисом так разделался, но и со многими другими. Выяснилось, что и Канарейкин такими штучками баловался. И Фелькин. Короче говоря, дело прикрыли, все документы забрали в ЦК, автор этот куда-то исчез, вдова Станиса умерла, все ее бумаги исчезли. Мнс сказал, что сочинения Петина писали по крайней мере два десятка различных авторов, это можно показать совершенно убедительно. Но сочинения, приписываемые Сталину, писал, судя по всему, один автор. По крайней мере послереволюционные. А если дореволюционные писал другой, так все равно они были отредактированы после революции тем же автором. Причем, в сочинениях Петина, Канарейкина, Фелькина и других этот автор явно не участвовал. А между тем считается бесспорным, что Петин организовал Сталину все его философские и вообще теоретические сочинения и такие разделы в прочих сочинениях. В чем дело? Знакомый сказал, что эта загадка неразрешима. По всей вероятности, подлинные авторы сталинских сочинений исчезли, и мы никогда не узнаем о них. То, что Петин, Фелькин, Канарейкин и другие известные личности были проводниками сталинизма в идеологии, это факт. Но степень их участия в со-

чинениях Сталина не известна. И вообще, идейный источник всей сталинской идеологической революции установить уже невозможно, и отныне и навеки он будет намертво связан с именем Сталина. Мнс сказал о возможных заимствованиях у Троцкого и, в особенности, у Бухарина. Знакомый сказал, что это — чушь. Ты читал их сочинения? Нет? А я их досконально проштудировал. Троцкий, Бухарин и вообще вся пишущая братия тех времен — явление качественно иной природы. Они были слишком умны, культурны и образованны (хотя, между нами, они на самом деле не были такими умными и образованными, как казалось), чтобы создавать сталинские «шедевры». Понимаешь, как художник, окончивший Академию художеств, не способен создавать подлинные шедевры примитивизма, так искусственный в теории философ не способен сочинить такую жуткую дребедень, которая считается сочинениями Сталина.

Последствия Потом расплатились с официанткой. Спустились в пивной бар и продолжили беседу там. Потом посетили еще одно значное место. Потом еще одно. И еще. Очнулся Мнс на своей тахте. Одетым, но в вполне приличном виде, пригодном для выхода в свет. Припоминая вчерашние приключения, он дошел до того места, как они со Знакомым собирали листы рукописи, рассыпавшейся по грязному тротуару. Далее был полный провал. Осмотрев комнату и не обнаружив рукописи, Мнс решил, что рукопись, наверно, Знакомый положил к себе в портфель, — он же был с портфелем, *и портфель был тош! Но Знакомый сказал, что Мнс расстался с ним, унеся рукопись с собой. Правда, в каком виде! Обсмеялся. И Знакомый рассказал по сему поводу анекдот про советского гражданина, который был в Париже, сидел за одним столом в ресторане с француженкой. Та написала ему записку, которую он не мог прочитать, не зная языка. Он показал хозяину ресторана, и его попросили покинуть ресторан. Показал в посольстве, и его попросили срочно вернуться в Советский Союз. Показал в учреждении, и его уволили. Наконец, он попросил перевести ему записку на русский язык, чтобы узнать, за что ему достались такие невзгоды, но переводчик записку потерял. Собравшиеся смеялись. Но Мнс было не до смеха. Он печально побрел домой. Прошел мимо обосранного голубями Маркса. Как они ухитряются, мелькнула у него смутная мысль, ведь у него же острые шипы в голове! Но эта мысль, которая раньше породила бы целую серию блестящих гипотез и теорий, на сей раз тут же и заглохла. Железный Феликс строго посмотрел на него со своей пятиэтажной высоты. Ну что, мерзавец, докатился до ручки, — сказал Железный Феликс почемуче-то со сталинским акцентом и слегка картавя по-ленински. Это тебе не цитаты для Петина, не тезисы к занятию пропагандистского кружка. Скандал крупный будет. Тут затронуты интересы Президиума АН и ЦК КПСС. Могут запросто выгнать.

Дома Мнс лег (опять-таки одетым, ибо это было время работы) на тахту и горько заплакал. О, я несчастный беспартийный младший научный сотрудник без ученой степени, — шептал он в подушку с грязной наволочкой. Всеми заброшенный и никому не нужный! И некому мне

помочь в постигшем меня горе! Почему же некому, — сказал на это с обидой Он. Ты не так уж одинок. И ситуация не так уж безнадежна. Верно, — закричали весело Маркс, Ленин, Сталин и Берия. Мы тебе поможем. Чего тебе стоит нацарапать какую-нибудь муть и выдать это за потерянную рукопись, — сказал Он. Все равно никто ее больше читать не будет. И проверять тебя никто не будет. Напиши отзыв, что так, мол, и так, что дескать, но однако, и в общем, так сказать. И дело с концом. Понял? Встань, старик, и перестань хныкать, — закричали Маркс, Ленин и Сталин, — мы тебе завсегда дадим любую консультацию. Садись и строчи! Только сначала пойдем и отметим начало твоей творческой деятельности, сказал Берия. В трезвом виде ты, насколько мне известно, и странички не накрапашешь. Вперед!

Одиночество Сев за сочинение потерянной рукописи прохвоста, Мнс почему-то вспомнил Петина. Однажды (это было, кажется, на банкете по поводу защиты докторской диссертации Смирняшевым) Петин, основательно упившись, начал жаловаться на свою неудачно сложившуюся жизнь. И что поразительнее всего — на одиночество. Я же мог стать писателем или артистом, — плакал он, обняв Мнс, — а не каким-то партийным философом. Да и в философии я мог бы Канта и Гегеля превзойти, а я... Тьфу! А главное — ни одной живой души кругом. Один! Совсем один! Вам, молодым, этого не понять! Почему же не понять, — пробовал возражать Мнс. В истории мировой философии было немало выдающихся мыслителей, которые... Были, да сплыли, — печально изрек Петин. Между прочим, я хочу начать мемуары писать. И подготовить к печати сборник моих литературных сочинений. Мне нужен помощник — архивы разобрать, отредактировать, упорядочить и прочее. Ты не возьмешься бы? От обязанностей по сектору, конечно, освободим. В старшие проведем. Библиотечные дни... Ну как? Подумай! Потом зайдешь ко мне. Потом Мнс не напоминал Петину об этом разговоре, а тот к этой теме больше не возвращался. Но каждый раз при встрече с ним Мнс замечал в его глазах затаенную грусть. Неужели мы с ним одной породы, — с ужасом думал Мнс. Как же в таком случае я смотрю глазами других? Неужели именно так, как меня изображают в стенгазете беспринципные зубоскалы из отдела сатиры и юмора?!

Тоска академика

*Трудами моими завалены полки,
Но своих никому не раскрою я карт.
Я известен и в чине. Да что в этом толку?
Все равно я не буду Ньютон и Декарт.*

Из рукописи прохвоста Я — живой (пока еще) интеллект Сталина. О, нет, совсем не в том смысле, что оказал влияние на формирование интеллекта Сталина, учил его, выполнял для него какие-то интеллектуальные операции или позволял ему присваивать продукты моей

интеллектуальной деятельности, а в гораздо более глубоком и буквальном смысле слова. Человек, известный в истории под именем Сталина, был по преимуществу тело, воля и эмоции, а я был по преимуществу интеллект. Был, так как со смертью Сталина-тела прекратилось мое существование как Сталина-интеллекта. И лишь вместе мы создали феномен по имени «Сталин». Конкретнее говоря, я являюсь автором всех философских сочинений и всех общетеоретических кусков в прочих сочинениях, приписываемых Сталину-телу. Я разработал все методы его мышления и его интеллектуального поведения. Повторяю и подчеркиваю, я не учил его, — его вообще ничему не надо было учить. Я делал свое интеллектуальное дело, а он неукоснительно (!) следовал разработанным мною сценариям. Он был актер в моем спектакле. И должен признать, актер великолепный.

Разумеется, в спектакле принимало участие много людей. Вот их я многому научил. Но в большей части их и учить не надо было, — спектакль был прост, роли примитивны, большинство участников спектакля — статисты или игроки за сценой. Но сам я не входил в сталинский «аппарат» и не занимал никаких серьезных официальных постов. Я был совершенно незначительной личностью, которую не замечали и не принимали во внимание. Отчасти благодаря этому я уцелел. И хотите верьте, хотите — нет, сам я лично не написал ни строчки. Отчасти так же благодаря и этому я выжил. Не подумайте, будто я сам заставлял писать других, будучи лишь посредником между ними и Сталиным. Я лишь делал вид, будто я — посредник и организатор. Я отдавал все свои мысли, идеи, формулировки совершенно бездарным кретинам, выдавая их за авторов и прививая им уверенность в том, что они — авторы. Этих кретинных время от времени уничтожали по личному указанию Сталина. Я лишь по его просьбе «редактировал» его «наброски» в «его стиле», а точнее — в выработанном мною для него стиле. Такая форма наших взаимоотношений установилась с первых же дней нашего знакомства. Я сделал для него небольшую работу. Он был удивлен скоростью исполнения просьбы. И стиль статьи ему очень понравился. Он похвалил меня. А я почему-то (не могу понять, почему именно) от авторства отказался, сказал ему, что это сделал один «мой человек, о котором лучше не знать». Он кивнул. И с тех пор так и пошло.

Жаль, конечно, что я теперь не могу доказать своего авторства всего того, что составляло интеллектуальный аспект Сталина. Но что поделаешь? Это все настолько прочно срослось с ним, что никто все равно не поверил бы мне, если бы даже я представил неоспоримые доказательства. Кроме того, все это имеет смысл лишь в связи с личностью Сталина, а не само по себе. Само по себе это примитивно, серо, бездарно, грязно. Мой гений (если был у меня таковой) ушел на то, чтобы создавать нечто жалкое, ничтожное, подлое, но создавать это в качестве черт характера человека, который придаст им видимость грандиозности, величия, божественности.

Хочу обратить внимание на то, что я являюсь изобретателем сценариев интеллектуального поведения Сталина, благодаря которым он пора-

жал людей, встречавшихся с ним, своей осведомленностью и прозорливостью. По этим сценариям заранее готовилось все то, о чем избранные для встречи со Сталиным люди будут говорить, какие будут задавать вопросы, в чем Сталин проявит осведомленность. Потом аппарат в совершенстве овладел этим методом. Более того, этот метод распространился на все сферы жизни общества и стал привычным. Настолько привычным, что люди даже не замечают его изобретенности, — он естествен, а я его лишь открыл. Хотя аппаратчики овладели этим методом в совершенстве, я до самых последних дней жизни Сталина привлекался в качестве эксперта во всех важных случаях, — Сталин одобрял сценарий только после моей проверки и моего согласия.

Я уцелел при жизни Сталина главным образом потому, что ни у кого не встал на пути, никому не помешал, не извлек из своего положения ни на грош никакой выгоды, был незаметен. И никто не подозревал (или не хотел видеть) во мне подлинный интеллект Сталина. А меня мое положение вполне устраивало. Вы будете смеяться, но я действовал из идейных побуждений. Ну, если вам не нравится тут слово «идейных», я готов признать: просто это было мое призвание, и ничего другого я делать не умел и не хотел.

Смерть Сталина лишила меня возможности следовать своему призванию. Я остался не у дел. И сам я как будто умер, хотя ел, пил, гулял, ходил на работу, сидел на партийных собраниях. После разоблачительной речи Хрущева меня на всякий случай посадили в «Сталинский санаторий» — сумасшедший дом, о существовании которого мало кто знал. Там были собраны личности вроде меня, т. е. имевшие какое-то касательство к деятельности Сталина и его аппарата, разоблачение которой было желательным. Некоторое время там жили известные и видные сподвижники Сталина, имена которых я называть не хочу. Большинство обитателей «Санатория» постепенно исчезли. Думаю, что далеко не все они умерли естественной смертью. Немногие уцелели. Почему их не уничтожили, не знаю. После снятия Хрущева меня выпустили на свободу, к которой я не стремился, дали комнатку и пенсию. Не очень большую, но мне хватает. От нечего делать начал писать эти записки. В записках хочу кое-что рассказать о себе, о пережитом мною времени, а главным образом — об интеллекте Сталина, созданном мною. Эта задача интересна хотя бы уже потому, что в интеллекте Сталина отразилась вся сущность нашей эпохи. Посвящаю этот свой труд шестидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. И потому называю его «Шестьдесят лет в огню борьбы».

Из отзыва младшего сотрудника

Заявления автора на первый взгляд могут показаться неправдоподобными. Или мистификацией. Но я досконально изучил автора и собрал вполне достоверные сведения из его жизни. «Сталинский санаторий» сейчас уничтожен, но в хрущевское время он существовал. Вся документация «Санатория» уничтожена или слана в совершенно секретные архивы ЦК. Однако сохранились архивы поликлиники, в которой автор состоял

на учете до 1953 года. Согласно его медицинской карточке, он психически здоров. Точно так же нет никаких намеков на психическое заболевание в его медицинской карточке в поликлинике, в которой он состоит на учете после выхода из «Санатория». Хотя он частенько называет себя Сталиным, это больше похоже на игровую позу или на литературный прием, чем на манию величия. Тем более к Сталину относится он спокойно, т. е. не поносит его, как это делали и делают до сих пор наши «разоблачители» и даже «либералы», но и не превозносит. С точки зрения языка он чудовищно безграмотен, и мне приходится почти все переписывать за него заново. В литературном отношении совершенно беспомощен и постоянно сбивается на сталинскую манеру изложения, которая в отрыве от имени Сталина и его времени выглядит как нелепость, пошлость, медицинский кретинизм. Автор совершенно не тщеславен. Готов опубликовать свой труд анонимно. Готов вообще размножить его закрытым порядком, исключительно для служебного пользования. В итоге я пришел к заключению, что рукопись заслуживает доверия и дает уникальный материал для изучения формирования интеллектуального аспекта системы руководства нашим обществом. Само собой разумеется, что здесь об интеллекте речь идет не в психологическом, физиологическом или логическом смысле, а в социальном. Чтобы изучить этот социально-интеллектуальный аспект, нужно осуществить сложные абстракции. Опыт же автора есть неповторимый случай, когда такая абстракция буквально материализовалась, воплотилась в жизнь отдельного человека. Система руководства обществом имеет и другой важнейший аспект — волевой. Здесь речь должна идти о принципах принятия решений. Но для изучения этого аспекта сталинский опыт совершенно непригоден, ибо он затмевен массой приводящихся обстоятельств и исторически случайных явлений. Хрущевский и брежневский периоды (это — один период, разорванный на два личностными причинами) для этой цели более подходящи. Конечно, и интеллектуальный аспект системы руководства претерпел после смерти Сталина некоторые изменения. Однако самые фундаментальные его принципы остались неизменными, ибо они выражают глубинные социальные законы нашего общества. Автор склонен к циничному, плоскому и местами мрачному юмору, — общая черта руководителей сталинского периода и лиц сталинского окружения, которые воочию видели, что происходило в стране на самом деле и в каком ужасающем несоответствии происходившее находилось со светлыми чаяниями и официальной демагогией. Автор ничего общего не имеет с разоблачителями сталинизма, так как совершенно равнодушен к жертвам сталинизма и не высказывает никаких нравственных и правовых оценок на этот счет.

О пользе заседаний Значительную часть суток советский служащий (и интеллигент в том числе) проводит на собраниях, заседаниях и совещаниях. Чем различаются собрания, заседания и совещания — вопрос особый. Тут нужен толстый труд сочинять, чтобы осветить его всесторонне и с должной глубиной. Но советский труженик по опыту знает, что когда собираются вместе члены партии, комсомола

или профсоюза, то это — собрание, а когда собираются сотрудники группы, сектора или отдела, то это — заседание. Слово «совещание» означает собрание более высокого уровня. Если даже собирается актив (руководящее и направляющее ядро) отдела, то как-то неудобно называть это совещанием. Вот если нечто подобное происходит на уровне дирекции, то это уже совещание. Само собой разумеется, всякое собрание в ЦК есть по крайней мере совещание. Чтобы не употреблять лишних слов, имеется общий термин, обозначающий собрания, совещания, заседания и прочие собрания советских служащих: «трепбрание». Иногда употребляют равнозначный ему термин «пабрание». Часть времени, уходящего на трепбрания, может быть отнесена к рабочему времени, так как по меньшей мере половина трепбраний проводится в течение рабочего дня. Другая часть этого времени может быть отнесена ко сну, так как многие их участники обычно дремлют или нагло спят. Спят чаще всего тихо, без храпа и прочих звуков, так как последние могут помешать решению важных проблем. Но все же львиная доля этого времени отдается трепбраниям как таковым. И не думайте, что советские люди ходят на трепбрания только потому, что вынуждены на них ходить под угрозой наказания. В большинстве случаев они ходят на них по доброй воле и с удовольствием. Те, кто стремится избежать их, делают это фактически безнаказанно. Общество смотрит на таких уклонистов (или избежанцев) сквозь пальцы именно потому, что пока еще в избытке, хватает добровольцев посещать трепбрания. Можно смело сказать: советские люди стремятся к трепбраниям, и это решительным образом подтверждает тезис науки о том, что советский человек есть животное общественное. Раскроем скобки (как любит выражаться ведущий кретин Института идеологии доктор философских наук Барабанов) в этом утверждении.

Почему советский человек стремится к трепбраниям? Да потому, что для одних это — сцена, на которой они кривляются перед прочими сослуживцами, для других — средство достижения своих практических целей, для третьих — место нападения на противников, для четвертых — место самозащиты от нападения, для пятых — возможность поболтать, для шестых — возможность посмотреть житейский спектакль, для седьмых — место борьбы за интересы дела... Короче говоря, трепбрание есть естественный и необходимый элемент жизни советского животного, являющегося общественным человеком. Слова в последней фразе перепутал сам академик Канарейкин в установочной статье в журнале «Молодой коммунист», из-за чего был небольшой скандалчик. Сам Канарейкин признался, что при Сталине за это человек двадцать расстреляли бы.

Вот, к примеру, сегодня состоится заседание отдела диалектического материализма. Заседание начнется в два часа, т. е. в середине рабочего дня. И потому сотрудники отдела уже с утра бездельничают, собираются в группки в районе своих секторов или слоняются по коридору около «большой» аудитории, в которой намечено проводить заседание. Заведующий отделом, его заместители, заведующие секторами, их заместители, секретари партийных ячеек и парторги снуют в дирекцию, в партбюро и обратно, собираются вместе, шушукаются, лихорадочно строчат

на бумажках тезисы своих выступлений. Молодые аспирантки и младшие научные и технические сотрудницы пришли разнаряженные, всячески демонстрируя свои формы (каковые имеются в изобилии) и познания (каковых на самом деле нет). От некоторых старших научных сотрудников уже с утра пахивает вином и даже коньяком, а от младших — водкой и пивом. Всюду слышатся шутки, анекдоты, каламбуры. Доктор философских лженаук Субботин с увлечением рассказывает о мучающих его запорах, являющихся неоспоримым доказательством долгого и упорного сидения над первоисточниками. Шептулин рассказывает о Болгарии, в которую он ездит по меньшей мере два раза в месяц, поскольку у него тест заведует Болгарией от ЦК.

Наконец, начинается заседание. Конечно, с опозданием на полчаса, — ждали представителя дирекции и партийного бюро. Начинается долгий и занудный треп. На сей раз обсуждается план на полугодие. Отделу предстоит выполнить кучу всяких поручений. Все знают, что это — пустая формальность, и реагируют соответственно. Но Субботин, изображающий из себя крупного и смелого ученого, становится в позу и заявляет, что он не Юлий Цезарь, чтобы делать много дел сразу. Хохмачи, конечно, сразу же начинают обыгрывать эту тему. Мнс говорит, что Субботин мог бы и не сообщать, что он — не Цезарь, так как вряд ли кто-либо принял его за Цезаря. Учитель говорит, что он не согласен с предыдущим оратором (т. е. с Мнс), что Субботин лишь из природной скромности сказал, что он — не Юлий Цезарь, что на самом деле он на наших глазах делал несколько дел сразу — ковырял в носу, чесал задницу и порол чужь. Субботин, расплывшийся сначала в улыбку от лестного сравнения с Цезарем, при последних словах Учителя взлетает под потолок от негодования и требует записать в протокол факт «искажения личности». Смирняшев встает на защиту Субботина и обвиняет Учителя в забвении азов интенциональной логики. Учитель в ответ предлагает взять на себя повышенное сообразительство. В конце концов восстанавливается порядок, поскольку рабочий день кончился. Затем энтузиасты отправляются отметить весьма продуктивное заседание. Впереди идет заведующий отделом с холуями. За ними плетется Субботин и на всю улицу орет, что он не захватил с собой денги. Сзади, хихикая, семенил беззубый Смирняшев. Он тоже надеется выпить задарма.

Попойка после трепбрания есть неотъемлемая часть последнего. Может быть — главная часть. Здесь победившие и преуспевшие справляют свой успех, а побежденные и неудачники заглушают тоску. Как справедливо заметил Добронравов, у нас ничто так не спаивает коллектив, как пьянство. После общей попойки Учитель и Мнс решили продолжить отдельно. По дороге разговорились. Поскольку они еле держались на ногах, то разговор перескочил на самую актуальную для неверующих тему — на религию.

Поздно ночью, потеряв где-то Учителя, Мнс добрался до дома, собрался было лечь спать, но вспомнил о потерянной рукописи и сел писать. И задумался: а стоит ли? Может, лучше покаяться? Ни в коем случае, закричали классики. У тебя уже есть прекрасное начало. Дуй в том же духе дальше! Пиши, мерзавец!

Из рукописи прохвоста Когда критики советского строя жизни и разоблачители начинают идеализировать дореволюционную жизнь России, мне становится досадно. И жаль самих критиков и разоблачителей, ибо вследствие этого сила критики и разоблачительства сводится к нулю. Я знаю дореволюционную жизнь. Многие успели увидеть своими глазами. В общем, это была мразь. И не приведи Боже, чтобы она вернулась обратно. И если царское правительство проявляло «либерализм», так не по доброте душевной, а потому, что уже не имело ни ума, ни стремления, ни сил противостоять напору оппозиции, недовольства, реформаторства, революционности. Царизм был обречен. Годы его были сочтены. Не будь мировой войны, он рухнул бы на несколько лет позже семнадцатого года. А скорее всего — еще раньше. Что образовалось бы на этом месте? Примерно то же самое, что мы имеем теперь. Может быть, более мягким и коротким был бы переходный период, соответствующий сталинскому периоду. Но на чем-то, аналогичном «февралю», Россия все равно не остановилась бы, ибо Россия не Запад. И не Восток. И не помесь. Это — Россия, и этим все сказано. У нее не было иного выхода. И не было иного выбора. И если уж разоблачать и критиковать советский режим, так надо делать это с точки зрения будущего, а не прошлого.

Короче говоря, ситуация в России сложилась такая. Либо назревшие проблемы будут решены, либо нет. Любое решение этих проблем, раз это будет решением, будет иметь результатом российский коммунизм. Если проблемы не решаются, наступает крах империи, выходом из которого может быть только российский коммунизм (т. е. тоталитаризм). Иначе — гибель. Это — особенность российской истории: постоянно альтернатива — либо гибель, либо террор, тирания, самодержавие, коммунизм.

Маленькая дискуссия — Гибель разная бывает, — сказал Берия. — Гибель империи — одно, а гибель народа — другое. Если бы империя погибла, то народ от этого только выиграл бы. А то российский народ все время вынуждается спасать империю, — то царскую, то советскую. А какой ценой? Нет, друзья мои, жертвы не оправданы.

— Жертвы всегда оправданы, — сказал Сталин. Если жертвы не оправданы, то они не жертвы. Предыдущий оратор ошибается, следовательно, он неправ. А раз он неправ, значит, его концепция ошибочна, и потому вредна. А если она вредна, то, следовательно, она не полезна, и потому, в силу ее ошибочности, она должна быть отвергнута.

— Концепция автора, — сказал Маркс, — кажется фаталистичной. Но на самом деле это есть лишь плохо сформулированный исторический детерминизм, самобытный подход к осознанию закономерности исторического процесса. Очень многие русские мыслители и общественные деятели и ранее склонялись к той же идее «предопределенности» российской истории особенностями русского народа и конкретными условиями его существования. Но эта тема довольно скучна для размышлений. К тому же тут написано и наговорено столько, что лучше будет промолчать.

— Но я бы, — сказал Ленин, — как раз этому вопросу уделил больше

внимания, ибо Россия не случайно первую проложила путь...

— А кто поносил народников, — прервал его Сталин, — кто критиковал идею перехода от русской общины к коммунизму?! Кто вопил о развитии капитализма в России, о вступлении России на европейский путь развития, о западно-европейском пролетариате, о революции на Западе?!

— Я же говорил, — сказал Маркс, — что лучше эту тему обойти молчанием. Иначе непременно начнутся бесполезные споры. А что спорить, если дело уже сделалось, причем так, как никто из нас не предполагал.

Одиночество — Ты слишком разбрасываешься, — говорит Он. — Посмотри, над сколькими проблемами ты думаешь одновременно!

И ни одну не додумываешь до конца.

— У этих проблем вообще нет конца, — говорит Мнс. — И зачем мне их додумывать до конца, если даже таковой возможен?

— Для ясности ума и спокойствия души.

— Не в этом суть. Ясность ума и спокойствие души не приносят именно ясности ума и спокойствия души.

— Опять парадоксы?

— Опять одиночество. Вам, старикам, не понять нас, молодых. Наша жизнь напоминает наши универсальные магазины: всего вроде бы полно, а того, что тебе нужно и отвечает твоим вкусам, нигде нет. Мне, например, нестерпимо нужна Она, но моя и единственная.

— Таких теперь нет.

— Потому я и жажду Ее.

Тоска по Джульетте

*Блондинку, брюнетку, невинную, с опытом,
Юную деву и женщину в лётах
Готов променять я отдельно и оптом
За одно лишь свиданье с тобою, Джульетта!*

*Дон Жуан, Казанова, Ловлас... Ну их всех!
Наше время совсем позабыло про меру.
Ну а я поменял бы подобный успех
На возможность погибнуть, как юный Ромео.*

О религии Раньше думали, что пути нашей жизненной судьбы пишутся на Небе. И были в общем и целом правы. Только ошибались в том, что думали, будто Небо находится на небе. А оно на самом деле находится на Лубянке и в ее окрестностях. Если бы однажды архивы Лубянки были открыты для всех желающих, то даже сам Бог был бы потрясен обилием собранных здесь сведений. Зачем? На всякий случай. Чтобы граждане чувствовали, будто ни один шаг их не ускользает от внимания Партии и Правительства в лице органов ГБ, и все происходит с их ведома и разрешения. Случись что с Мнс, например, или с Учителем. И спросит их суровый следователь КГБ, о чем

они беседовали тогда-то и тогда-то. Не помню, — скажет Мнс, — ибо пьян был. Не помню, — скажет Учитель, — ибо был не вполне трезв. Ну что же, — скажет спокойно Следователь, — я вам напомню. Слушайте!

— Чтобы разобраться в религии, — сказал тогда Учитель, — нужен научный метод мышления. Ничего парадоксального в этом нет. Просто в этом особенность нашего времени. И особенность проблемы. Дело в том, что главная проблема религии в наше время — не прошлая история религии, а зарождение религии в современном антирелигиозном обществе. Подчеркиваю: не оживление старых религий, а возникновение какой-то религиозности на пустом месте. Это, конечно, абстракция: мы должны допустить, что от старых религий не осталось ничего, и выяснить, что нужно, чтобы религиозность появилась вновь. Но эта абстракция соответствует фактическому положению дел. Старые религии обречены, ибо они неадекватны условиям нашего общества. Настоящая религиозность вырастает не из старых религий, а совсем из иных источников. Тут никакой филиации идей не бывает.

— Что это тебя понесло в сторону религии, — сказал Мнс. — Если мне не изменяет память, Бога ты до сих пор поминал, лишь когда выражался матом.

— Я и сейчас хотел бы так выразиться, — сказал Учитель. — Я встретил вчера одного ублюдка, который вопил о возрождении православия. А сам, между прочим, еще с университета сотрудничал с КГБ. Он говорил о том, что многие у нас веруют тайно. Что это за верующие?! Тайно веруют, а в обычной жизни ведут себя как неверующие! Разве в этом суть религии? Фактически верующий всегда поступает согласно своей вере. Тайно верующий — обман. Кроме того, настоящая религия должна возвышать человека до уровня Бога, а не опускать до уровня убогих и старух.

— Откуда тебе известно, что есть подлинная религия? Ты же вроде бы этим никогда не интересовался.

— Ерунда. За хорошую выпивку с закуской я мог бы такую лекцию закатить на эту тему, что ахнули бы. Суть-то дела тут банальна. Если выбросить из религии претензию на объяснение природы, общества и человека (а в наш научный век это сделать следует), а также на духовный контроль и единение (в наше время с этим прекрасно справляется идеология и пропаганда), то в ней остается только нравственное учение. Под нравственностью теперь понимают все, что угодно. Даже, например, совет не ковырять в носу и не портить атмосферу в обществе относят к области нравственности. Нравственность же в собственном смысле слова считают идеалистическим вздором. Ее-то я и называю религиозностью. Что это такое? Смешно слышать от тебя такой вопрос. Ты парень неглупый, и сам мог бы что-нибудь выдумать.

— Мог бы, но не хочу. К тому же я хочу знать, что ты по этому поводу думаешь.

— Я еще не знаю, что именно я думаю по этому поводу, но высказаться могу.

В это время собеседники как раз миновали обосранного голубями

Маркса, не удостоив его внимания, и не спеша двигались в направлении к Железному Феликсу, которого голуби панически боятся и облетают стороной. За ними лениво брел Переодетый Агент и прислушивался к болтовне. Учитель, чувствуя чье-то внимание к своим речам, говорил нарочито громко и отчетливо: переодетые агенты тоже люди, пусть хотя бы они слушают его замечательные речи!

— Начнем с примера. Ты, допустим, знаешь, что этот человек — убийца. Будет ли добром, если ты поможешь ему избежать правосудия? Затрудняешься ответить? То-то! А между тем вопрос тривиален. Этот вопрос вне морали в том смысле, о каком мы говорим, т. е. вне религиозности. Почему? Да потому что религиозность не касается поступков людей, подлежащих правовой оценке. Помнишь: оставь кесарево Кесарю, а богово Богу. Если поступок разрешен или запрещен правом, он не подлежит морально-религиозной оценке.

— Превосходно, — говорит Мнс. — Ну, а если кто-то шлепнет Генсека или даже самого Шефа КГБ?

Услыхав такое, Переодетый Агент буквально повис у них на плечах и задыхал в них омерзительным перегаром.

— Этот подонок, — спокойно сказал Учитель, — с утра выпил стакан «сучка» натошак, потом выпил кружку пива и съел прошлогодний бутерброд со шпротиной, наконец хватил стакан портвейна «Росглавино», причем — за чужой счет. Бездарно!

— Они, — сказал Мнс, — во всем бездарны, и в выпивке — в первую очередь. Так как же с моим вопросом?

— Твой вопрос поставил меня в тупик. С одной стороны, Генсек и Шеф — тоже люди, и убивать их грешно. Но что это за люди, знает даже этот подонок, следующий за нами. Одно название — люди. Так что выход тут возможен двоякий: либо исключить их из числа людей и рассматривать наподобие скорпионов и крыс, либо слово «шлепнуть» истолковывать в духе идей нашей либеральной интеллигенции. Шлепнуть — не убить, не так ли? Зайдем?

Собеседники как раз подошли к забегаловке и автоматически направились в нее, так что вопрос Учителя был лишен смысла. Переодетый Агент последовал за ними и расположился за одной с ними стойкой.

— Ты что пьешь, — спросил Учитель у него.

— Все равно, что — ответил тот как ни в чем не бывало. — Но вы, ребята, не беспокойтесь, я ведь не такой. А загибаешь ты здорово, интересно слушать. Давай, крой дальше. Значит, если шлепнуть кого-то из Этих, то это — не грех? А мы недавно одного сектанта задержали за попытку покушения на... в общем, на видного деятеля. Так он категорически отрицал это, говорил, что согласно религии убийство даже партийных и кагебевских начальников и даже в мыслях грешно. Как же так?

— Очень просто, — сказал Учитель. — Конечно, мысль с точки зрения религии тоже есть дело. И плохая мысль есть злое дело. Но если ты задумал делать зло, а сделал добро, то задуманное зло тебе не зачтется. К примеру, задумал убить высшее лицо — зло. Но если вместо этого ты его не убил, а всего лишь шлепнул, — добро.

— Ну и хитер же ты, — сказал Агент. — Профессор небось? Нет? Странно. Я бы лично тебя академиком сделал. Повторим?

Они повторяют. И еще раз повторяют. Их стойку тесно обступают всякого рода подозрительные субъекты. И они уже не считаются с основными постулатами трепа, — время, место, компания.

— Жизнь скоротечна, — кричит Учитель. — Длина жизни не совпадает с числом прожитых лет...

— Подсунули мне рукопись одного прохвоста, — мычит Мнс в ухо Агенту, — а я ее того... Понимаешь? Нет? Ну и дурак!..

Из рукописи Февральскую революцию мы, ученики Энской мужской гимназии, встретили именно так, как она того заслуживала: мы поняли, что теперь можно учиться как попало, зато валять дурака можно как следует. Мы шлялись по митингам и собраниям, совали свой нос во всякие партии и союзы, смеялись над царем и Керенским, соврашали духовно девочек из женской гимназии, а сами соврашались телесно в публичном доме неподалеку от нашей мужской гимназии. Впрочем, девочки проводили время в обществе юнкеров и офицеров артиллерийского училища.

Незабываемое время! До сих пор с волнением вспоминаю о нем. Прожив долгую и трудную жизнь, я пришел к выводу, что в публичных домах есть свой плюс. Если их организовать на высоком государственном уровне, то их можно будет использовать как мощное средство коммунистического воспитания населения страны, и в первую очередь — молодежи. Такие дома надо открыть не только для мужчин, но и для женщин. Следует, очевидно, ввести несколько типов их с учетом возрастных, профессиональных, национальных и других особенностей. Например, научная интеллигенция предпочитает тощих костлявых баб с узкими задами и широкими плечами, партийные работники и директора предпочитают полных ширококостных женщин до тридцати лет, грузины любят блондинок и несовершеннолетних девочек, а армяне — глупых жирных старух и мальчиков. При таких домах (секс-клубах) следует наладить пропагандистскую работу под контролем райкомов и горкомов партии и комсомола, развернуть художественную самодеятельность. Биллиард. Буфет. Циклы лекций о технике любви с наглядной демонстрацией. Думаю, что мы до сих пор ошибочно нигилистически относимся к этому завоеванию культуры прошлого, считая его специфическим продуктом классового общества. Бардак, как и язык, не есть надстройка над буржуазным базисом и не имеет классовой природы. Он общечеловечен. И возник он задолго до раскола общества на антагонистические классы. Перейдя на службу трудящихся, он становится неотъемлемым элементом коммунистического образа жизни.

Я обычно проводил время в объятиях сравнительно молодой, но весьма опытной девицы. Отец оплачивал все мои расходы. И я уже начал было склоняться к тому, что России следует остановиться на «феврале», и поставить точку на ее революционных устремлениях, как за пустяковую хулиганскую выходку (мы публично выпороли преподавателя латыни) меня исключили из гимназии. Отец решил спроводить меня в Петроград

к дяде, который обещал купить документ об окончании гимназии и пристроить меня в университет. Особого желания учиться в университете у меня не было. Но желание увидеть колыбель и цитадель революции победило. Двадцатого октября (по старому стилю) я выехал в Петроград. Соседями по вагону у меня были анархисты. Они пили водку, ругались матом и пели песни. Меня заинтересовала одна песенка:

*Скоро засветит нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарит.
Нас вырастит Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновит.*

*Петин, Федькин, соловей-пташечка,
Канареечкин весело поет.
Раз поет, два поет, три поет,
Первернется и поет задом наперед.*

Я спросил, кто такие Ленин и Сталин. Анархисты переглянулись и перевели разговор на другую тему. О том, кто такие Петин, Федькин и Канарейкин, я спрашивать не стал, так как и без слов было ясно, кто они такие.

Замечание рецензента Типичный старческий заскок — перенос в прошлое последующих событий. Однако один мой знакомый Поэт утверждает, что почти все послереволюционные песни суть перефразировка дореволюционных. Например,

Славься, отечество наше свободное!

есть лишь модификация дореволюционного

Боже, царя храни!

Секс и революция Уже давно ходили слухи, будто в стране существует секретный научно-исследовательский институт сексологии. Кому он подчиняется, не известно. Скорее всего — КГБ или непосредственно самому ЦК. Первоначальная задача института — укрепление и поддержание сексуальной мощи высших руководителей. Хотя официально фрейдизм в стране был осужден, сама идея насчет сексуальной основы творческих потенций человека пришлась по душе вождям. Даже секретарь по идеологии, издав пошленький смешок, признал, что в сексе есть правильное марксистско-ленинское ядро, и если его выделить и очистить от, то. Тем более тут надо навести справедливость. Достигнув преклонного возраста, вожди теряют свои сексуальные потенции в тот самый момент, когда у них появляются шикарные возможности для их удовлетворения. Правда, у них только в преклонном возрасте пробуждаются творческие потенции (несокру-

шимый аргумент против фрейдизма). Но под них надо подвести естественно-научную базу в виде секса. И пусть философы позаботятся о том, чтобы в этом не усмотрели уступку идеализму. Среди вождей были скептики, считавшие, что им творческие потенции без надобности. Но и они не имели ничего против секса в разумных пределах. Интересные журнальчики поглядеть, фотографии, фильмы, живые сценки на эту тему, — врага надо знать в лицо!

Потом, когда институт окреп и обнаружил полную неспособность укрепить сексуальную способность вождей (поскольку сексуальные пилюли разворовывали и сжирали сотрудники института и мелкие служащие аппарата ЦК и КГБ), его решили использовать для укрепления оборонной мощи страны и подрыва Запада. Каким образом? А вы прислушайтесь, в каких выражениях наши руководители обсуждают проблемы мировой политики! Вставить Западу, китайцам, еврокоммунистам и всем прочим мужской член в зад и в рот, — такова их генеральная установка. А что это такое? Секс чистой воды. Кроме того, была задумана и уже отчасти проведена в жизнь идея подготовки в институте и высылки на Запад под видом диссидентов двухсот тысяч дешевых советских блядей, преданных идеям коммунизма, и устроить их секретаршами к видным политикам. В случае разгрома Запада они могут быть использованы для создания аппарата советской власти на местах. А в ожидании этого радостного события сотрудники института драли бешеные деньги с грузинских импотентов за свои шарлатанские советы и с партийных чиновников за порнографические картинки и обучение технике разврата.

Беседа Мнс с партийным секретарем

Я к тебе давно присматриваюсь, — говорит партийный секретарь Мнс, явившись к нему во сне. Ты мне нравишься: я тоже этих «либералов» презираю. Беспринципные болтуны они. Хапуги. А историю с этой рукописью скоро мы замнем. И пропустим тебя в кандидаты. Я сам тебе рекомендацию дам. А пока держи язык за зубами. Хочу тебе дать кое-какие советы.

В критике сталинизма, конечно, много было положительного. Но эта критика уже исчерпала себя. И была она слишком односторонней. В одну кучу свалили злоупотребления, случайности и историческую необходимость. Я, например, служил в войну в войсках МВД, в заградотряде. Знаешь, что это такое? Да, мы располагались в тылу неустойчивых частей, пресекая возможность отступления и паники. Зверство? А что можно было сделать без этого зверства? Части-то действительно бежали, сдавались в плен, впадали в панику. Без этого мы немцев не остановили бы. Политика раскулачивания? Неужели ты думаешь, кулаки — это целиком вымысел? Думаешь, не было кулацких бунтов, саботажа? Думаешь, не было вредителей, не было заговоров? А власовцы разве не изменники? Это теперь легко рассуждать о правах, морали, справедливости... Посмотрел бы я на этих рассуждателей в тех условиях!

Надо глубже вникать в суть дела. Неужели ты думаешь, Сталин сознательно хотел ослабить Красную Армию, нашу науку, наше искусство? Хотел, чтобы народ жил хуже? Не в этом, конечно, дело. Вот, напри-

мер, приводят в качестве примера то, что Сталин и его холуи отклонили перед войной противотанковую пушку, которую потом в войну пришлось принимать на вооружение. А почему молчат о том, что был одобрен танк Т-34, новые типы истребителей, ракетное оружие? Не ввели их в бой в начале войны, начали с устаревшими видами оружия? Так не успели, не так-то просто сдвинуть с места такую махину. Сейчас на Западе смакуют разговорчики о том, что Сталин был агентом охраны, что крупнейшие военачальники (Тухачевский, Якир, Уборевич, Гамарник и другие) погибли в связи с возможностью разоблачения Сталина. Пусть так. Но укрепило бы страну падение Сталина или нет? И был бы ход войны иным, если бы не репрессии в отношении командного состава армии? Вопрос весьма спорный. Не надо идеализировать жертвы Сталина.

Я не оправдываю Сталина и сталинизм. Я лишь настаиваю на том, что пережитое нами — великая история. И к ней надо серьезно относиться, а не на уровне диссидентского дилетантизма. Знаю, когда наши теоретики начинают критиковать диссидентские загибы, они сами впадают в крайности и говорят глупости. Потому я и настаиваю на серьезном и умном анализе нашего прошлого. Не надо его возвеличивать и обелять. Но не надо его и унижать и чернить безмерно. Надо ему отдать должное. По-моему, у тебя есть для этого данные...

Секс и революция Следуя указанию Секретаря ЦК по идеологии, Институту идеологии предложили подготовить коллективную монографию по философским проблемам советской (и само собой разумеется, марксистской) сексологии. Поскольку тема была весьма щекотливая, директора института и секретаря партбюро лично вызвали в ЦК, где товарищ Квасов сообщил стоявшим по стойке смирно руководителям института об этом историческом решении ЦК. Митрофан Лукич, — сказал Квасов в заключение своей часовой назидательной речи, состоявшей в основном из многоточий, подмигиваний, подхихкиваний и гнусных улыбочек, — просил лично передать вам, что он надеется на то, что институт с честью выполнит задачу, которую... А главное, — добавил товарищ Квасов от себя, выпроваживая руководителей института в коридор, — чтобы не было нездоровых слухов и разговорчиков. Смотрите, чтобы эти трепачи из отдела сатиры и юмора из стенгазеты не отмочили какую-нибудь хохму. Ну, как говорится, с богом! Выпроводив посетителей, товарищ Квасов отпер сейф, вынул пачку журналов «Плейбой», которые раздобыла советская разведка на Западе для служебного пользования руководителей страны, и углубился в разглядывание непристойных фотографий. Да, — шептал он время от времени почти вслух, — в этом деле мы отстали от Запада. Вот, сволочи, дают! Вот так надо будет попробовать. Гляди, что выдумали, мерзавцы! Здорово!

Из рукописи После землетрясения в Ташкенте появился такой анекдот. Началось землетрясение. Отвалилась стена здания, обнажив туалет. На унитазе сидит испуганный старик, а рядом рассерженная старуха. Я же сколько раз тебя просила, говорит старуха, не тужиться

так сильно и хотя бы чуть-чуть сдерживаться. Нечто подобное произошло со мной. Перед отъездом я сказал отцу, что переверну всю Россию вверх ногами. В Питер я прибыл двадцать четвертого октября по старому стилю. А двадцать пятого произошел переворот. Отец потом так и не смог поверить в то, что это — не моих рук дело.

Но отец не так уж далек был от истины, что революция пошла из Энска. В Питер она перекинулась потому, что в Энке ей просто нечего было делать. Тут и без революций жулья всякого рода навалом. А крупному жулью тут развернуться негде. Все крупнейшие деятели революции пошли из Энска. Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Дзержинский... Я затрудняюсь назвать хотя бы одного из Питера. На другой же день я отправился в Смольный и предложил свои услуги революции. Тут я на лестнице столкнулся с Лениным, который только что прибежал из шалаша, где он скрывался от ищеек Временного правительства, и в бороде у него еще торчали застрявшие соломинки. Собственно говоря, по этим соломинкам я и догадался, что это он, так как до этого я его ни разу не видел и даже не подозревал о его существовании. Меня потрясла в Ленине его необычайная простота. Прост, как правда, — подумал я. А что Вы тут ищите, любезный, — спросил он меня, красиво картавя. Я сказал, что хочу отдать силы. Он хитро прищурил глаза. В таком случае, батенька, — сказал он, — Вам нужно пройти прямо по коридору, третья дверь направо. Компривет!

Принял меня человек, очень похожий на энского налетчика Оську Рябого, но назвавшийся Сталиным.

Обсуждение Мысль автора о том, что Октябрьская революция имела глубоко провинциальный характер, заслуживает серьезного внимания, — сказал Ленин. Февральская революция была столичной и в известном смысле западнической. И потому она не могла иметь успеха в стране, где столично-западный элемент был ничтожен и к тому же сосредоточен в одном Петрограде. Победа Октября над Февралем была естественной победой подавляющей провинциальности над эфемерной столичностью.

Не пойму, как вам все-таки удалось повернуть такую революцию в такой стране, — сказал Мнс. Дурак, — сказал Ленин, — именно потому и удалось, что революция такая и страна такая. И пора расстаться с детской наивностью. Кто осуществил нашу революцию? Ленин, большевики? Да, они участвовали в революции, играли активную роль, кое-что возглавляли, основательно попользовались, были на виду. Но если хочешь знать, кто на самом деле осуществил революцию и закрепил новый строй, проведи такое исследование: возьми Россию вскоре после революции, когда положение более или менее стабилизировалось, и посмотри, кто засел во всякого рода учреждениях, кто был в системе управления, кто активно действовал в различных сферах жизни общества. Посмотри, сколько среди этих людей было выходцев из дворян и капиталистов, сколько из генералов и офицеров, из ученых, художников, артистов, бывших царских чиновников... Вот они и повинны в том, что революция побе-

дила. Потом их уничтожили? Так это потом, когда новая власть встала на свои ноги. К тому же этого уничтожения могло и не быть. Тут Сталин дров наломал без надобности. Ты сам дурак, — сказал Сталин. — Если бы не я, так еще хуже было бы. Твои либеральные соратники постреляли бы раза в три больше. Кстати, они и начали все то, что приписывают Сталину. А не твои ли указания выполнял я, когда... Ладно, — сказал миролюбиво Ленин, — дело прошлое.

А такого случая, о котором ты тут написал, я не припомню, — сказал Сталин, — тогда в Смольном много всякой шпаны околачивалось. Особенно — недоучившихся и не желающих учиться сопляков, корчивших из себя негсибаемых революционеров. И все они стремились быть осведомителями и оперативниками. Именно из-за них пришлось создавать ЧК. Это потом придумали для обоснования борьбу с саботажниками, с белым террором, с контрреволюционерами. Вот Петина, Канарейкина, Федькина хорошо помню. Эти сразу пришли с готовыми доносами, но еще не знали (вот деревенщина!), куда их сдать. Я им велел немного обождать. Кстати, что ты называешь социальным интеллектом.

Социальный интеллект, — сказал Мнс, — определяется следующими тремя факторами: 1) мировоззрением (или идеологией); 2) стилем мышления; 3) стилем интеллектуального поведения. Мировоззрение образует некоторая совокупность принципов онтологии (или общего учения о мире) и теории познания (или учения об отношении человека к миру в качестве познающего существа). Стиль мышления характеризуется способом понимания явлений окружающей человека действительности и способом языкового оформления этого понимания. Стиль интеллектуального поведения характеризуется стереотипами поведения, зависящими исключительно от факторов интеллектуального порядка, — в этих случаях люди поступают так или иначе не в силу хитрого расчета или страха, а именно в силу определенного понимания данной ситуации. Все три фактора тесно связаны, образуют нечто единое. Различение их имеет целью просто выделить разные стороны этого единства для более или менее упорядоченного рассмотрения его. Социальный интеллект, иначе говоря, есть идеологический аспект личности.

Ясно, — сказал Сталин. — Я тоже так всегда думал. Только я в это дело внес идею стандартизации этой штуки в масштабах общества, а значит — опрошения, без которого массовая стандартизация невозможна. И не приписывай, пожалуйста, эту идею твоему Автору, оставь хоть что-нибудь мне самому. Не такой же я был, в самом деле, идиот, что не мог даже простенькую идейку породить?! Ты нашел Автора, — сказал Мнс, — и этого с тебя достаточно. Я его не искал, — сказал Сталин. — Он сам меня нашел. Это — дар судьбы, а не личных усилий.

Секс и революция Слухи о новом задании ЦК неведомыми путями просочились в институт и породили необычайное возбуждение. Кирустик сбилась с ног, разнося самые невероятные сплетни. Первым делом она сообщила ведущим дурам института во главе с Тормошилкиной, что Мнс, которого она считала самым главным бабником и, само собой разумеется, гомосексуалистом, будет сразу защищать док-

торскую диссертацию на эту тему. Пересекая большую лестничную площадку, где алкоголик Шубин сколачивал группу для очередной внеочередной выпивки, бросила мимоходом, что в институте организуются специальные курсы по технике секса, что вести их будет тренер по этому делу, выпитый из Парижа, что окончившим курсы выдадут особые дипломы и повысят зарплату (как раньше повышали за знание иностранных языков), что самых способных направят в Париж, что Тормошилкина пишет мощную монографию «Секс и новые левые», что... Пересекая малую лестничную площадку, где Учитель сколачивал свою группу для внеочередной очередной выпивки, Кирусик прошипела скороговоркой, что теперь будет свободнее, но алименты увеличивают наполовину. Ну теперь держитесь, теперь такое начнется, такое начнется!!! Институтские потаскуны и потаскухи воспрянули духом, сбивались в группки, рассказывали скабрзные истории и хохотали до упаду. Лысый грузин из отдела критики буржуазной философии вздохнул с облегчением и героем ходил по коридору. Ему угрожал выговор за любовные похождения по партийной линии. Тормошилкина с чувством пожала ему руку и сказала, что они, т. е. прогрессивные силы, теперь в обиду его не дадут.

Многочисленный алиментщик Сутягин, наоборот, впал в мрачный пессимизм, напился до бесчувствия тут же в помещении сектора и свалился перед дверями партийного бюро. Ведущие институтские дуры снесли его вниз и погрузили в такси. Необычайно страшная и неизвестно от кого беременная старшая сотрудница из реферативного отдела сvezла его к себе домой. Кирусик, внимательно наблюдавшая эту сцену, сделала свои безошибочные умозаключения.

Тоска прохвоста

*Он тяжело охал и дышал
От сытого обеда.
Ах, почему он не маршал,
Да с орденом «Победа»?!
Тоскует он... Нет, не вести
Полки на бой с врагами,
А цвeсть в довольстве и чести
Над вами, дураками.*

Из рукописи Хотя я был недоучившимся гимназистом, зато Он был недоучившимся семинаристом. А недоучившийся гимназист по сравнению с недоучившимся семинаристом — это почти профессор. Да и сравнительно с современным гуманитарным образованием это кое-что значит. Я не был первым, вторым и даже десятым учеником в классе, но греческий и латынь знал лучше, чем нынешние выпускники филологического и философского факультетов. А немецкий я знал совсем прилично. Так что первые Его поручения были намного ниже моей квалификации. Справлялся я с ними легко и быстро. Ему это нравилось. Однажды Он сказал мне, что хотел бы поручить мне более серьезное дело, но не уве-

рен, справлюсь ли я, поскольку я не знаю марксизма. Я сказал, что если нужно, я изучу марксизм, пусть Он только даст мне неделю срока. Он сделал круглые глаза, усмехнулся. Хорошо, — говорит Он. — Я тебе дам список литературы, а через недельку потолкуем. И дал «списочек»: три тома Канта, пять или шесть томов Гегеля, первый том «Капитала» Маркса (второй и третий не нужно, сказал Он, поскольку и первый все равно не поймешь) и еще около ста названий. Дал записку в библиотеку, чтобы мне оказывали всяческое содействие. Хорошо, — сказал я. Взял список и записку. И как ни в чем не бывало ушел изучать марксизм. Анекдот насчет студента, не знавшего китайский язык, который (студент) на вопрос, за какое время он может изучить китайский язык, ответил вопросом «А через сколько дней экзамен?», был лишь перефразировкой моей ситуации с марксизмом.

Когда я показал библиотекарю свой «списочек», тот сделал не круглые, а квадратные глаза. Чтобы осилить это за год, — сказал он, — нужно быть гением. Но за неделю это не смог бы сделать сам Бог. А я не Бог, — сказал я. — И не гений. Я — сверхгений. И потому, папаша, давай поступим так. Ведь были же люди, которые все это читали и кратко (и, главное, вразумительно) пересказывали. Потом были люди, которые еще более кратко и вразумительно пересказывали тех, кто читал и кратко пересказывал. Вот мы с них и начнем. И первый день я целиком провел в библиотеке, отыскивая тех, кто читал тех, кто читал. То, что я разыскал и отобрал, я осилил за три дня. Для пущей важности я набрал с десяток книг на немецком, полистал их, сделал кое-какие выписки на всякий случай.

Через неделю я встретился с Ним. И имел с Ним беседу. И Он остался доволен. Не спрашиваю, — сказал Он, — как тебе удалось это чудо. Наши теоретики годами штаны просиживали, а не достигли и половины того, что знаешь ты. Ты — парень именно такой, как мне нужно. Будешь работать со мной. И вот тебе первое серьезное поручение. Через три дня — Пленум. Через два дня должно быть готово. И через два дня точно я «обработал» Его записки. Это было то самое знаменитое Его специфически сталинское выступление, первое сталинское. Как мыслитель и руководитель Он начался с него.

На другой же день мы встретились вновь. Он долго и пристально смотрел на меня. Я выдержал Его взгляд. Я понял Его. Я сказал, что, разумеется, это не сам я писал. Что я лишь несколько конкретизировал Его собственные идеи. Что у меня есть подходящие люди. Что Ему лучше не знать их. Он сказал, что Ему действительно лучше не знать таких мелочей. Что нам лучше встречаться в крайних случаях. Что Он устроит меня на работу в одно тихое место, где у меня будут все удобства и время. И Он сдержал свое слово.

Одиночество Забавные мы существа, — думал Мнс. — Свои личные проблемы мы переживаем, глядя на себя со стороны. Я, например, говорю себе не «я одинок», а «ты одинок». В чем тут дело? Проблема одиночества волнует меня лично как моя проблема. Я не собираюсь изучать ее профессионально, как теоретик. Не собираюсь на эту тему

писать статьи и книги. А между тем я мыслю о ней именно как теоретик. Что это — теоретическое мышление становится обыденным? Что же в таком случае становится научным? Математика, кибернетика? Не могу с этим согласиться.

Современное общество в изобилии порождает одиноких людей. Кто они? У нас, например, это главным образом служащие с высшим образованием, занимающие низшие ступени социальной иерархии, но гораздо более умные и образованные, чем служащие среднего и тем более высшего уровня. Жалкая зарплата, жалкие жизненные условия, бесперспективность служебная и отсутствие карьеристических наклонностей, почти полная невозможность уйти в семейную жизнь, творческая бесперспективность — вот неотъемлемые качества этой самой страдающей ткани нашего общества.

Проблема одиночества — проблема номер один общественной психологии современности. Как решается она в практике жизни? Возможно ли решение ее в масштабах всего общества? Конечно, решается. И очень просто: люди живут. Живут. Но как? Скверно живут.

Исповедь — Скажи мне, в чем суть твоей жизненной драмы?

— В том, что я все-таки принимаю этот строй жизни, считаю его неотвратимым и способным к усовершенствованию. Если бы мне досталась хотя бы десятая доля тех благ, которыми располагаешь ты, я был бы счастлив.

— О каких благах ты говоришь?!

— Например, у тебя отдельная комната. Простыни. Правда, они у тебя грязные. Но не социальный же строй виноват в этом. Ты слушаешь анекдоты и сам рассказываешь, и никого из твоих знакомых за это еще не посадили. Ты слушаешь иностранное радио, почитываешь запрещенные книжечки. Ты беспартийный, а работаешь в идеологическом центре. Ты иногда пьешь коньяк и закусываешь шашлыком. У тебя бывают красивые женщины. На тебе заграничные ботинки, штаны и куртка. Много ли тебя мучают общественной работой? Много ли ты сидишь на собраниях? Надоели параноик Смирняшев и кретин Барабанов? Не преувеличивай, их терпеть можно. И игнорировать можно. Чего тебе еще? И поболтать вроде есть с кем. Учитель, Шубин, Добронравов, Поэт... Чего тебе еще нужно? Если бы нам в наше время кто-нибудь сказал, что такое будет, мы бы посмеялись и, конечно, не поверили бы.

— И что из этого следует?

— А то, что многое такое, что сейчас тебе кажется невозможным, со временем станет обычным.

— Не думаю. Дело идет, скорее, к зажиму.

— Идет. И скоро будет намного хуже. Но потом все равно будет лучше. И даже тогда, когда будет хуже, в каком-то другом плане наступит улучшение.

— Если так, в чем же драма?

— В том, что будет лучше.

— Не понимаю.

— Я тоже не понимаю этого, но чувствую, что дело именно в этом.

Будет лучше, но все равно не будет чего-то самого главного. Что-то утеряно навечно. Что именно? Не знаю. Я все время думаю и думаю об этом. Иногда мне кажется, что я вот-вот ухвачу это «что-то». Но оно бесследно исчезает. Понимаешь, у меня нет разумных аргументов против этого строя жизни. Я не могу предложить ничего другого лучше его. У меня нет к нему ненависти и даже неприязни. Это мой, родной строй жизни. И я от него никогда не откажусь. И все же в нем нет чего-то очень важного, что я хотел бы в нем ощущать. И потому мне грустно. Должно быть, так иногда родители смотрят на свое любимое единственное чадо, ставшее им почему-то чужим.

— Кажется, я догадываюсь. Но давай поищем это «что-то» вместе. Мне его тоже не хватает иногда. Потому я живу постоянно в состоянии тревоги. Будто я потерял или скоро потеряю что-то очень дорогое мне.

— Вот именно. Это похоже. Но это не выразимо в словах.

— После первого курса в университете нас послали летом в колхоз работать. Сначала я был недоволен. Спали на чем придется — на полу, на сене, иногда прямо на мокрой земле. Жрали ерунду какую-то. И вкалывали по десять-двенадцать часов в сутки. До кровавых мозолей. Но скоро я втянулся. Стал выкладываться до изнеможения. Мне стало нравиться, что я здорово работаю, лучше многих других, и что все это видят и ценят. И я распаялся еще больше. И был безмерно счастлив. У нас появилась новая для меня близость. Далеко за полночь мы разговаривали. И что это были за разговоры!.. И знаешь, я тогда верил в коммунистический рай. Но все это разбилось вдребезги. Казалось, из-за сущего пустяка. Состоялось собрание бригады. Бригадир в числе лучших меня не назвал, зато назвал своего приятеля, порядочного лодыря. Все промолчали. Потом комсорг «проработал» одну девочку, которая как-то не так себя вела. И опять все промолчали. На другой день я работал шалай-валяй. И разговоров таких мы уж больше не вели. И близости не было.

— Я тебя понимаю. Коммунизм по идее должен пробудить в людях самое чистое, светлое, хорошее. Он и делает это, но лишь на едва уловимое мгновение. И потом всю жизнь тоскуешь по этому мгновению. А оно уже никогда не возвращается.

Тоска о героической жертве

*Не хочу за научную истину драться,
Не хочу над бумажкою больше корпеть.
Я тоскую по бомбе, с которой взорвется
И хотя бы немного на людях сгореть.*

Секс и революция Между ведущими учеными, группами, секторами и отделами началась пока еще скрытая, но не менее ожесточенная борьба за руководство коллективной монографией и за участие в ней. Еще бы! Такой книге за одно только название обеспечен бешеный успех. А это — слава, степени, звания, деньги. И доступ к за-

претной литературе. Наверняка позволят «Плейбой» полистать. Порнографические картинки покажут. Командировки с научной целью. Поскольку центром мирового блядства считается Париж, то это наверняка будет Париж. Париж! Какой советский интеллигент не мечтает побывать в этом средоточии утонченной культуры человечества и хотя бы издали взглянуть на знаменитую «Пляс Пигаль»?! Качурин произнес на малой лестничной площадке длинную речь в защиту однополрой любви. Не всякий мужчина, — сказал он, — есть на самом деле мужчина и не всякая женщина — женщина. Согласен, — сказал Учитель, — и утверждаю нечто большее: все наши мужики — бабы. Субботин сказал, что однополая любовь противоречит диалектическому материализму, так как в ней отсутствует единство и борьба противоположностей. Добронравов посоветовал Смирняшеву возглавить раздел о половых извращениях в предстоящем коллективном труде, предложив написать для этого раздела параграф о том, как следует давать в ухо.

Хотя Мнс проблема секса и революции интересовала, и он чувствовал, что способен кое-что сделать для коллективного труда (в частности, он мог бы сделать прекрасный параграф о том, как брать женщину на улице, или о возможностях совокупления вне дома в Москве в условиях плохой погоды), ему было не до этого. Он должен был раздельваться с рукописью сталинского прохвоста.

Из рукописи Приступив к изучению марксизма и того круга идей, которые ему предшествовали и в которых он возник и существовал до сих пор, я очень быстро понял одну важную практическую истину: лучше всего и быстрее всего усваиваются ложные, бессмысленные, путанные, бредовые идеи. Я утверждаю на основе своего личного опыта и последующих многолетних наблюдений за сотнями других людей, что среднетупой индивид за пару лет может стать квалифицированным марксистским демагогом и теоретиком, а при наличии некоторых способностей — за год. А если индивид имеет целью низведение такого учения до уровня понимания его самым примитивным дегенератом, то срок освоения учения сокращается вдвое. Ну, а если уж индивид выступает в этом деле новатором, то срок сокращается еще раз вдвое. Так оно и произошло со мною. Через полгода я понял, что не имею себе равных в понимании марксизма. Включая Ленина, Троцкого, Бухарина и всех прочих без исключения. Это была не мания величия и не простая субъективная уверенность. Это было здоровое понимание. Я за час мог просмотреть толстую заумную книгу и затем вести о ней разговор так, будто я ее изучал месяцами. Я с ходу научился понимать даже Канта и Гегеля, заранее предугадывая ход их мыслей. В этот период я вел бесконечные дискуссии с самыми различными людьми, сражая их своей эрудицией и «глубоким» пониманием первоисточников. А самое главное, что я понял через те полгода, это — в каком направлении теперь должен эволюционировать марксизм.

Недавно я узнал, что один современный выдающийся физик сделал свое самое значительное открытие, еще будучи студентом или аспирантом.

Он готовился сделать доклад на семинаре о некоторых физических гипотезах и с целью лучшего запоминания последних придумал мнемонический прием, который затем вошел в историю науки как уравнение его имени. Преподавая впоследствии марксизм в различных учебных заведениях, я обнаруживал у студентов всякого рода шпаргалки, облегчающие запоминание материала. По этим шпаргалкам можно было бы потрясать учебники писать. Вот и я был поставлен в положение студента, которому предстояло за несколько дней подготовиться к экзамену по предмету, которого он не изучал, не знает, не любит (даже презирает). Я был первым, кто оказался в таком положении, причем — на самом высоком уровне социальной иерархии. Естественно, главной проблемой для меня стал не марксизм как данная совокупность текстов, а метод наиболее быстрого и экономного овладения им. Более того, поскольку все равно осилить это море марксистской болтовни любым методом за короткий срок, отпущенный мне свыше, было физически невозможно, проблема приняла для меня такой вид: изобрести такой метод продуцирования текстов, фраз и речей, чтобы даже знатокам марксизма казалось бы, будто ты долго и упорно изучал марксизм, да еще в контексте духовного развития человечества. И если, решил я, эта власть удержится (а я почему-то не сомневался в этом), то в аналогичном моему положению окажутся миллионы людей. И марксизм, что бы там ни мудрили теоретики, должен будет с необходимостью пойти навстречу этим миллионам. И именно тем наиболее удобным для них путем, какой я открыл для себя.

Замечание рецензента Открытый автором метод оказался настолько эффективным, что все последующие поколения, изучавшие марксизм, овладевали им с ужасающей быстротой. Правда, тут об открытии приходится говорить с оговоркой, т. е. признавая то, что он был первым, и что благодаря его деятельности нам потом было проще. Но открывали этот метод для себя мы обычно сами, ибо он напрашивался сам собой. Например, попался тебе на экзамене, зачете или семинаре вопрос: сущность и явление. Ты, конечно, не знаешь на эту тему абсолютно ничего. Но ты спокоен, ибо владеешь МЕТОДОМ. Спокойно выходишь отвечать и без бумажки шпаришь. Стараешься говорить, говорить и говорить, не давая возможности преподавателю перебить тебя. Говоришь, что философия партийна, как и две тысячи лет назад. Что основной вопрос... Что философы разбились на два лагеря... Что Кант... Что Гегель... Что только Маркс и Энгельс, Ленин и... Что русские революционеры-демократы подошли вплотную, но остановились... Что товарищ Брежнев... (или Хрущев, что было раньше)... Говоришь и чувствуешь, что уже наговорил на тройку, на четверку, на пятерку... Если сумел дотянуть до ссылок на товарища Брежнева, считай, что дело в шляпе. И меньше, чем на пять, не соглашайся. И преподаватели это тоже чувствуют. Особенно — либеральные. Те точно знают, что если не поставят пять, то студент непременно донесет на них.

Наставления мудреца В каждом учреждении есть свои доморощенные мудрецы. Они годами вынашивают грандиозные идеи и планы преобразований общества, тайно сочиняют толстенные трактаты, в глубине души надеясь со временем их опубликовать и потрясти человечество. Есть такой мудрец и в Институте идеологии, точнее говоря — по крайней мере один. Такие мудрецы обычно помалкивают, втихомолку наслаждаясь своим превосходством над остальными сослуживцами. Но мудрость из них все-таки вылезает по самому различному поводу, сослуживцы быстро распознают их и всячески иронизируют над ними. Самое главное в общении с такими мудрецами — дать им недвусмысленно понять, что вы ни в грош не цените их мудрость. Если же вы хотя бы на минуту обнаружите свою заинтересованность в речах таких мудрецов, сочувствие им и понимание, пишите пропало. Они вам житья не дадут своими глубокомысленными рассуждениями, ибо им дозарезу нужны слушатели, на коих они могли бы проверять, тренировать и оттачивать свой ум. С этой точки зрения Мнс есть находка для мудрецов, подобно тому, как болтун во времена Сталина был находкой для шпиона.

Мы, молодой человек, в ловушке, — доверительно шепчет такой мудрец покорно слушающему его Мнс. — Довольно лицемерить и прятать голову под крыло. Простите, — говорит Мнс, — у меня нет крыльев. Я же в переносном смысле, — похлопывает мудрец Мнс по плечу. — Дело в том, что человек есть существо не просто социальное, а социально-биологическое. Человек формировался исторически и воспроизводится теперь (и будет так воспроизводиться всегда) как член социально-биологического коллектива. А тут есть свои законы, действие которых люди могут замаскировать, ограничить или чем-то компенсировать, но не могут отменить совсем. Что это за законы? Например, тенденция к увеличению числа членов, к распространению в пространстве, к подчинению и уничтожению окружающих коллективов того же рода. Развитие цивилизации означало изобретение всякого рода ограничителей таких законов, в том числе — моральных и правовых принципов. В наше время таким принципам придают форму научных истин, ибо они утратили характер именно морально-правовых ограничений. Но в качестве утверждений науки такие принципы ложны. Возьмите, например, всякого рода принципы равенства, равноправия, равноценности людей. Если рассматривать их как суждения науки, ложность их очевидна. Фактически мы имеем дело прежде всего с различиями людей и даже целых народов по физическому типу, по уму, по способностям к чему-то и прочим признакам. Вот и получается, что мы в качестве средства защиты против законов нашей собственной жизни выдвигаем ложные утверждения. А на лжи долго не удержишься. Всякого рода вспышки национализма, расизма, молодежных беспорядков, терроризма объясняются отчасти и именно этим. Мы сами себя запугиваем. Причем не можем этого не делать. Значит, расисты не так уж неправы, — говорит Мнс. Вот именно, — говорит мудрец многозначительно. — Помяните мое слово, негры, китайцы, арабы и прочее — это нам дорого обойдется!

Из рукописи Марксизм можно рассматривать с двух существенно различных точек зрения — с исторической и функциональной.

С исторической точки зрения это — звено в духовном процессе человечества прошлого века. Он был порожден этим процессом и давал ответы на проблемы, уже поставленные предшественниками. С этой точки зрения он заслуживает уважения, имеет смысл и высокий интеллектуальный потенциал. Но если изъять его из этого исторического духовного контекста и рассматривать сам по себе с точки зрения его научных и нравственных претензий, он будет выглядеть как чепуха, невежество, заблуждение, бессмыслица. Два пути открывались перед теоретиками партии, взявшей власть под лозунгом марксизма и намеревающейся сделать его своей идеологией, — извлечь марксизм из его исторического контекста и изобразить его как науку, в соответствии с которой все сделалось, делается и будет делаться, или изобрести новый «марксизм», исходя из потребностей руководства возникшим обществом и используя марксистскую фразеологию в ее исторически данном виде. Все теоретики партии пошли по первому пути, ибо они долго и упорно изучали марксизм и им жаль было расставаться с накопленной в их головах устаревшей трухой. Я пошел по второму пути, ибо мне не с чем было расставаться и у меня не было иного выхода. Мне просто повезло, ибо мой путь был единственным путем, на котором можно было реализовать цель тогдашних теоретиков партии представить марксизм как науку, по которой все делалось и делается. Надо отдать должное Ему, он сразу это понял и оценил избранный мною путь. Эта банда идиотов, — сказал Он, — не понимает самой простой истины. Историю не делают, она делается сама собой. А если ты хочешь делать историю, не мешай ей делаться, как она хочет, но сделай вид, будто она поступает так по твоей воле. Когда она к этому привыкнет, делай с ней потом, что хочешь. Но тогда это уже и не потребуется, так как она сама будет делать то, что ты сам захотел бы, если бы она на самом деле была продуктом твоей воли. Ты меня понимаешь?

Я Его понял.

Беседа с Учителем Мнс показал готовую часть рукописи сталинского прохвоста Учителю и попросил его высказать свое мнение.

Этот Прохвост не такой уж дурак, — сказал Учитель. — Он схватил суть дела. А исторические детали значения не имеют. Тут, надо думать, он наврал или по старости напутал. Вот скажи, мог бы ты сектором руководить? А отделом? А институтом? А всей Академией? А государством в целом? В этом-то и дело! А знаешь, сколько в стране таких гавриков, которые смогли бы? Миллионов двадцать, не меньше. Представляешь себе, двадцать миллионов человек способны выполнять функции Генсека, Председателя Совмина, Председателя Президиума Верховного Совета! А благодаря чему достигается такая способность и уверенность? Благодаря тому, что мы все от мала до велика проходим мощную идеологическую школу. Поверь мне, я не шучу.

Сейчас модно уличать Сталина, Ленина и даже самого Маркса в невежестве и заблуждениях, — продолжал Учитель. — И это имеет серьезные

основания. В среде же марксистов модно свысока смотреть на Сталина как на вульгаризатора марксизма. А между тем, до работ Сталина в марксизме творилось ужас что. Такое словоблудие, что сам Гегель свихнулся бы. Сталин обнажил суть марксизма, вернее — изобрел ее. Он внес в марксизм некоторую фундаментальную ясность. После «разоблачения» Сталина опять расцвело словоблудие, хотя по существу за все послесталинские годы десятки тысяч философов не прибавили к марксизму ни крупинки нового. То, что сделал Сталин, примитивно, убого, нелепо. Это так. Но это — необходимая предпосылка создания жизненной идеологии. Сейчас наступил идеологический спад. Причин тому много. И одна из них (если не главная) — возврат марксизма к досталинскому словоблудию. Помяни мое слово, к работам Сталина еще вернусь. Очень любопытная рукопись. Дай мне почитать продолжение.

Тоска партийного секретаря

*Ночь свои объятия раскрыла,
Как любили выражаться встарь.
И уткнув в подушку свое рыло,
Сладко спит партийный секретарь.
Супруга ожиревшая теснится
И храпит с ним рядом в унисон.
Им обоим параллельно снится
Все один и тот же вожаделенный сон.
Делегаты ряд за рядом встали,
Встал президиум к плечу плечо.
Мраморный пятиметровый Сталин
Высится позади с Ильичом.
Вот аплодисментов гром унялся,
И волненья сдерживая дрожь,
На трибуну медленно поднялся
Он как новый Генеральный Вождь.
Шевельнул бровями. Вскинул руку.
Чуть прищурил добрые глаза.
И перевирая аз и буку,
Путь в грядущее народам указал:
    *Время пришло,
    Туды вашу мать,
    Браться за дело —
    Всех зажимать!**

Из рукописи Меня часто спрашивали (и я сам себя спрашивал), верил ли я в марксистские идеалы? И я всегда испытывал затруднения в ответе. Почему? Теперь я понял почему: на этот вопрос в принципе невозможно ответить, ибо он бессмыслен. Он не применим к подобной ситуации. То, что началось тогда и длится до сих пор, есть спектакль,

о котором надо рассуждать не в терминах знания и незнания, истины и заблуждения, веры и неверия, добра и зла, а в терминах участия и неучастия, вовлеченности и невовлеченности, удовлетворения и неудовлетворения, — в терминах спектакля, а не некоего подлинного течения жизни. В спектакле главное, кто ты, посторонний или вовлеченный, зритель или актер, важный игрок или статист, на сцене или за кулисами, плохо или хорошо сыграна избранная тобою или навязанная тебе роль. Возьмем, например, процессы сталинских времен. Для устроителей их было совершенно безразлично, правильны или нет обвинения в адрес «преступников». Для них важно было сделать дело (аресты, допросы, ход процесса) так, чтобы были соблюдены правила проведения спектаклей такого рода и чтобы они хорошо сыграли свои роли. И жертвы тоже играли роли по правилам этих спектаклей. То, что они признавались во всякой ерунде, нельзя объяснить одним только насилием и страхом. В их роль входило признание в чем-то, но в чем именно как для них, так и для обвинителей было делом случая. Так вот, правильно вопрос следует поставить так: как я относился к начавшемуся спектаклю и к своему участию в нем? На поставленный так вопрос я могу ответить совершенно определенно. Я сразу почувствовал, что начинается грандиозный спектакль, может быть самый грандиозный за все прошедшее тысячелетие. Я с удовольствием принял роль в этом спектакле, случайно выпавшую на мою долю. Эта роль меня захватила целиком и полностью. Я играл ее с вдохновением и не испытываю никаких сожалений и раскаяний. И я не восприняю ее жертвы, которые произошли по моей вине, как проявление лжи, цинизма, жестокости, зла с моей стороны. Они требовались условиями и правилами исполнения моей роли, и потому они произошли. Я не отвергаю обвинений на этот счет. Но я их и не признаю. Я считаю их бессмысленными. Если хотите, я просто их не понимаю. Я им удивляюсь иногда, подобно тому, как удивился бы солдат, которого обвинили бы в убийстве за то, что он убивал солдат противника в сражении. Вы скажете, что тут — противник, а у меня были свои? А кто может определить, кто «свой» и кто «чужой»?

Секс и революция Состоялось внеочередное заседание партийного бюро, посвященное подготовке всякого рода собраний и заседаний (общего партийного собрания, партийных собраний отделов и секторов, заседаний дирекции и ученых советов и т. д.) по поводу нового задания ЦК — подготовки коллективной монографии по философским проблемам секса. Присутствовали представители центрального, городского и районного комитетов партии. Представительница райкома была мощная баба средних лет, проработавшая в юности с год на ткацкой фабрике и до сих пор считающаяся ткачихой, хотя большую часть жизни провела в комсомольских и партийных органах на должностях, не требующих абсолютно никаких зачатков интеллекта. В члены райкома партии ее избрали совсем недавно для того, чтобы укрепить классовую основу партии. Когда в райкоме встал вопрос о том, кого направить в Институт идеологии курировать кампанию по выполнению нового задания ЦК, никаких коле-

баний и вариантов на этот счет не было: само собой разумеется, Марью Михайловну! Уж в чем-чем, а в этом деле она, как говорится, задницу набила! Будь она хотя бы чуточку поскромнее и имей хотя бы среднее образование, наверняка доросла бы до министра культуры или даже Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР! В том, что говорилось на заседании партбюро, Марья Михайловна ничего не понимала. Но своим пролетарским нутром она чувала, что теперь и этим делом пришла пора заняться вплотную, поднять на должный уровень, догнать и перегнать Запад, и вообще. Только вот к чему эти заграничные словечки? Секс! Что это такое? Разве народ это поймет?! Сказали бы прямо: е..я. А то — секс! Смех один. И хотя ей было немножко тоскливо, ибо ее годы ушли, и ей уже больше не видать никого, кроме пьяного шофера или еще более пьяного слесаря из ЖЭКа, она кокетливо улыбалась и одобрительно кивала головой: пора, давно пора, а то совсем не то получается! Эх, вернуть бы мне сейчас мою молодость, я бы этим старым пердунам и замухрышкам показала, что такое настоящая русская е..я! А они — секс! Смех! Заведующий отделом критики буржуазной философии Тузик сказал, облизываясь на могучие формы Марьи Михайловны, что обсуждаемой проблеме придать философскую направленность необходимо. Грус добавил, что направленность должна быть общетеоретической с учетом новейших достижений математической логики. Умильяновский предложил заострить внимание на значении кибернетики и генетики. И рассказал об опытах по выращиванию людей лабораторным путем — в пробирках. Представитель горкома партии сострил по сему поводу, что мы, мужчины, будем чисто платонически смотреть на таких очаровательных женщин, как уважаемая Марья Михайловна, но свое мужское дело будем делать в пробирки. Тваржинская решительно потребовала придать проблеме остроидеологическую и даже боевито-политическую направленность, сославшись на статью Ленина «О воинствующем материализме». Потом Петин поделился воспоминаниями об искажениях проблемы... э-э-э... как бы поточнее выразиться?!.. секса в сталинские времена. Не для протокола, конечно, а в порядке интимности. Между нами, так сказать. Секс, конечно, и тогда был. Но совсем не то, что теперь. Еда была не та. И условия не те. Подъем всенародный был, так что не до секса было. Любить — любили, но не то, что теперь. Но без секса. Это теперь сплошной секс без любви. Марья Михайловна сказала, что это — безобразие. Какой же это секс без любви?! Сплошные извращения и разврат. Любовь без секса — это романтика, великие стройки, героизм. В крайнем случае — рядышком посидеть, поцеловаться. Но никакого баловства. Конечно, теперь новая установка, она понимает, не первый год в партии. Но философы должны тут все продумать, чтобы перегибов не было. Наш народ, он ведь такой. Ему только дай волю, так на улицу выйти нельзя будет. После заседания Петин, оставшись наедине с секретарем партбюро, честно признался, что не видит особой опасности в усилении внимания к сексу. Секретарь согласился и добавил от себя, что наш народ от природы скромнен и воздержан, можно даже сказать — целомудрен и аскетичен. После войны довелось ему, секретарю, быть начальником спец-

части женских лагерей на Северном Урале. Баб, конечно, навалом. Выбирай любую. Ну, побуйствовал месяца три. А там опостылело до такой степени, что видеть их не хотелось. Отобрал штук пять-шесть, так и жил с ними до демобилизации. Все-таки в нашей здоровой социалистической семье есть свои неоспоримые достоинства. Петин сказал, что ему на этот счет приходилось куда хуже. Все бабы, с которыми приходилось сталкиваться, поголовно были осведомителями. Так что приходилось думать не столько об удовольствии, сколько о том, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего.

Замечание рецензента В этом месте я согласен с автором. Совершенно аналогично выглядит поведение сотрудников в нашем институте и через двадцать пять лет после смерти Сталина. Вот, например, наши самые «порядочные» и «либеральные» деятели — Смирняшев, Тормошилкина, Качурин... Они совершают подлости, но так, чтобы заслужить аплодисменты «порядочных» людей. «Порядочные» люди аплодируют не истине и добру в их поступках, а хорошему исполнению ролей прохвостов. Спектакль продолжается.

Не так давно у нас в институте в секторе эстетики произошел такой случай. Один сотрудник сектора, проработавший в институте более двадцати лет, автор многих книг и статей, написал в ЦК большое письмо с критикой проекта новой конституции. Сотрудника решено было уволить из института (для начала), но сделать это аккуратно. Поставили на конкурс. А в секторе должны были обсудить его работу и принять решение, рекомендовать его избирать на новый срок или нет. Заведующий сектором предложил не избирать. Сотрудник попросил рекомендовать его, обещая через год уйти добровольно, — ему остался год до пенсии. Многие сотрудники сектора поддержали его просьбу. Выступил «либерал» Соловейчиков и сказал, что он восхищен мужеством... заведующего сектором, который в такой трудной с моральной точки зрения ситуации пошел наперекор мнению большинства. И сектор принял решение не рекомендовать сотрудника. После заседания многие подошли к Соловейчикову и говорили ему, что он молодец, нашел нужную форму!

Наставления Мудреца Противоречия в нашем обществе столь же неизбежны, как и во всяком другом, — шепчет Мудрец, придерживая Мнс за локоть, чтобы тот не сбежал. Возьмите, например, такой аспект нашей жизни. Самые фундаментальные социальные отношения людей осуществляются через личные общения. Люди при этом лично знают друг друга и вступают в непосредственные контакты. Естественно, при этом возникают объединения людей, неоформленные законами (инструкциями, приказами, постановлениями) общества, т. е. неофициальные или неформальные объединения. Они отличаются от официальных (формальных) тем, что не имеют своей дирекции, своей бухгалтерии, своей партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, своей территории, своего узаконенного дела и прочих атрибутов официальных объединений. Эти неофициальные объединения весьма разнообразны. Они возни-

кают в самых деловых (официальных) коллективах, в связи с деловыми отношениями, но в более широкой среде (например, в данной области культуры), независимо от дела (например, родственные и национальные объединения). Имеются смешанные варианты. Они различаются, далее, как одноактные и регулярные, преемственные и непреемственные, заметные и незаметные, поощряемые и непоощряемые, терпимые и порицаемые, наказуемые и ненаказуемые. Возникают они на основе традиционных связей, личных привязанностей, взаимной помощи и выгоды, самозащиты. В своем функционировании они проходят различные стадии. Например, обычные этапы таких объединений на работе: 1) этап, когда говорят, что такие-то люди сработались; 2) этап, когда говорят, что имеет место групповщина; 3) этап, когда можно сказать (а обычно помалкивают), что сложилась банда, мафия. Когда Брежнев отбирал людей в свою правящую группу, сначала это было мало заметно и выглядело естественным, в интересах дела. И это было на самом деле сначала вполне естественно: чтобы лучше работать, руководитель подбирает помощников по своему усмотрению. Но потом, когда правящая группа стала укомплектовываться исключительно выходцами из Украины (что стало заметно даже по фамилиям), стали говорить о групповщине. Наконец, когда эта группа стала устранять всех, кто как-то начинал конфликтовать с ней, стало очевидно, что сложилась правящая мафия. Представители власти, не входящие в эту мафию, вынуждаются не к другой мафии, а к объединению в рамках официальной системы власти. Правящая мафия стремится наложиться на последнюю так, чтобы поглотить ее. Но это практически невозможно, ибо тогда распадается сама мафия. Начинается скрытая, долгая и нудная борьба.

Уроки конспирации — В книжном магазине на улице Горького, — сказал Железный Феликс, — объявили о предстоящей продаже книги «Уроки конспирации». За три часа до открытия магазина образовалась очередь до проспекта Маркса. В основном — интеллигенция. Молодежь. Каждый третий с бородой. Каждый второй в заграничных джинсах. Где они их достают?

— Если хочешь, могу хоть десять пар достать, — сказал Маркс. — По сто пятьдесят рубликов пара.

— Нет уж, — сказал Железный Феликс, — я лучше без штанов ходить буду. Но вернемся к очереди. Люди подумали, что книга — пособие по конспирации. А по нынешним временам в таком пособии потребность ощущается огромная. Переодетые агенты, естественно, встали в очередь через одного и всех переписали на всякий случай. Когда открылся магазин, выяснилось, что это — книга о конспираторской деятельности Ленина. Представляете, что там началось твориться?! Пришлось с милицией унимать. Двадцать смутьянов задержали.

— А напрасно, — сказал Ленин. — Современная молодежь могла бы многому поучиться у меня по данному вопросу.

— Эх ты, кремлевский мечтатель, — сказал Сталин. — Сколько было рань-

ше ищек у царского правительства? А у нынешнего правительства их не в десятки и не в сотни раз больше, а в тысячи и десятки тысяч. Как раньше народ относился к революционерам? А теперь его и просить не надо, сам расправится. Раньше в случае чего можно было за границу уехать. В Париж. В Лондон. В Швейцарию. А теперь?

— Но самое ужасное, — сказал Мнс, — заключается в том, что раньше было что скрывать и были основания разыскивать и наказывать смутьянов, а теперь скрывать нечего и наказывать не за что.

— Зато остались и возросли основания разыскивать, — сказал Берия. — А что касается скрываемого и наказаний, это мы всецело берем на себя. Известно ли вам, что это мы порекомендовали магазину не указывать имя автора упоминавшейся книжки?!

Из рукописи Особенность начавшегося спектакля состояла в том, что существенную роль в нем стали играть фокусы. И на роль Главного Фокусника выдвигался Он, что лично для меня было ясно с самого начала. А в случае фокусов как сами фокусники, так и зрители прекрасно знают, что участвуют в обмане, но никто не заинтересован в его разоблачении. Если фокусник глотает шпагу, то ни один человек не верит в то, что шпага настоящая и что она в самом деле попадает в желудок глотающего, как в него попадают, допустим, котлеты. Важно лишь то, чтобы фокус был выполнен квалифицированно, чтобы зрители не заметили, где именно и как их надувают. И если среди зрителей находится умник, который начинает вопить об «обмане», его сами зрители немедленно выбрасывают вон. О каком обмане тут может быть речь?! Никакого обмана нет. Фокус не есть обман. Этого почему-то не могут понять нынешние диссиденты, поднимающие шум насчет нарушения прав человека, несоблюдения конституции и т. д. Они не могут понять того, что все это — игра с фокусами. И если уж кричать, то надо кричать о том, что теперь фокусы делают плохо, халтурно. Зрителям стало видно, где их обманывают, и они злятся не на обман, а на то, что обман виден даже им.

Я сам принимал участие во многих фокусах, которые показывал Главный Фокусник. Многие из них полностью готовил я. Часто я Ему ассистировал. Часто был среди помощников. Но всегда — без имени или незаметно. И это — по правилам показа фокусов. У меня ни к кому претензий нет, я знал свое место, и оно меня устраивало. Я досконально изучал технику проведения фокусов, которыми были переполнены все наши жизненные спектакли с первого дня после октябрьского переворота. Я мог бы на эту тему целую книгу написать. Может быть, со временем и напишу, если, конечно, мне позволят. Здесь приведу лишь один характерный пример. Помните, на девятнадцатом съезде партии Он выступил с короткой речью. Всех удивило, что не Он делал отчетный доклад, что речь Его имела какой-то отвлеченный «интернациональный» характер. Советологи на Западе на этом построили всяческие сенсационные теории, будто уже в это время Он был фактически отстранен от

власти. О, идиоты! Как раз в это время Он был в зените власти. Дело в том, что этот спектакль приготовил я. И речь для Него написал я. Я внушал Ему мысль, что масштабы страны для Него стали слишком узкими, что Ему пора начать дирижировать всем миром. И речь Его на съезде была задумана как первый шаг на этом пути. Кто знал, что Ему осталось слишком мало времени для реализации нового грандиозного спектакля?!

Одиночество Конечно, люди так или иначе находят выход из положения. Одни объединяются попарно. Посмотри, сколько бездетных пар развелось. Обычно это люди среднего и пожилого возраста. Обычно — разведенные. И пары довольно прочные. Причем тут нет взаимного духовного дополнения. Преобладает общение, часто — с доминированием одного из членов пары над другим. Много пар однополых. Но секс тут ни при чем. Тут чистая духовная компенсация одиночества. Формой преодоления одиночества является группировка одиноких людей вокруг значительных личностей и для некоего нелегального дела (идеологические группы, секты). Мне кажется, что для людей, страдающих одиночеством, надо изобрести новую религию, которая смогла бы объединить их в некое духовное братство. Кто сделает это, тот заслужит вечную благодарность миллиардов одиноких страдальцев будущих поколений. Но родится ли этот «кто»?

Тоска по России

*По слухам, есть волшебный край,
Из всех роднее и красивей.
Войдешь в него — познаешь рай,
Зовется этот край Россией.
Но не узнаешь все одно,
Что это — сказки или были,
Поскольку прадеды давно
Дорогу в этот край забыли.*

Не судите К тебе гость, — говорит Железный Феликс. — Академик Петин собственной персоной. Какая честь! Пошли его на, — говорит Мнс. Напрасно, — говорит Железный Феликс. — Знаешь правило: не судите, да не судимы будете. Смешно слышать это от тебя, — говорит Мнс. А мы не судили, — говорит Железный Феликс. — Мы расправлялись, а это — совсем другое дело. Петин, между прочим, сотрудничал с нами с первых дней революции. Он, конечно, сволочь и ничтожество. На его совести (если бы таковая была) не одна сотня жизней. Я уж не говорю о жертвах его идеологической деятельности. Но потолковать с ним стоит. Тем более, от этого никуда не денешься. Все равно ведь придется. Как-никак, а это — целая эпоха в марксизме. Тебе известно, например, что Петин организовал Сталину подготовку «его» философских трудов? Он по крайней мере знал, кому поручить написание «сталинских» трудов и как их делать. Ладно, — говорит Мнс, — пусть войдет.

Допустим, — говорит Петин, — я невежда, бездарь, жулик и преступник. Хотя, честно говоря, я с этим согласиться не могу. Не такой уж я невежда. Историю философии, например, я знаю не хуже, чем ваш «гений» Теленкин. Воровал я не больше, чем ваша прогрессивная Тормошилкина. Бездарен... Так ведь это как посмотреть! Ты читал мой учебник по философии? Нет, конечно. Ты даже не знаешь, что у меня был такой. Почитай, сравни с сочинениями нынешних «гениев» и «талантов». Преступник? Не больше других. Из-за Соснина погибло народу не меньше, чем из-за меня, а он — «борец», «разоблачитель». Ну, да не в этом дело. Пусть так, как ты и другие думают. Но ведь это — точка зрения современного человека об ушедшей эпохе. Это вы кулаками после драки машете. Посмотрел бы я на вас в то время, в тех условиях. Вы любите, — говорит Мнс, — сваливать свои пакости на эпоху, на исторический процесс, на законы развития. Меня этим не купишь. А я тебя и не покупаю, — говорит Петин. — А уж если покупать, то на тебя такую большую цену, как ЭПОХА, я бы тратить не стал. Достаточно прибавить пятерку к зарплате, выпустить на защиту... Не кипятись, я не о тебе персонально. Я — о вашей ЭПОХЕ. Ладно, пусть это — наша уловка сослаться на эпоху и прочее. Но не кажется ли тебе, что в этих ссылках есть некий серьезный смысл, что они не случайны, а выражают нечто объективно важное? Ведь если встать на вашу точку зрения, то без труда можно показать, что историю всегда творили проходимцы, жулики, ничтожества, насильники, палачи... Я слышал, к примеру, что для вас Робеспьер — ничтожество, Пестель — ничтожество... Масштабы личности определяются не столько некими индивидуальными качествами, сколько масштабами дела, которому они служат. Масштабы личности — да, — говорит Мнс, — и если она на самом деле служит Делу. А ты разве личность? А разве служил ты Делу? Ты обдeldывал свои делишки, холуяствуя перед Сталиным, служа Сталину, Берии и их банде. Субъективно — пусть так, — говорит Петин. — А объективно? А что это такое — объективно, — говорит Мнс. Ну, процесс становления нашего государства, социального строя, — говорит Петин. — Роста могущества государства... А ты уверен, что общество и государство стало могущественным благодаря вам, — говорит Мнс. — А если это сделалось вопреки вам? Под нашим руководством, — говорит Петин, значит — благодаря нам. Другое недоказуемо. А ты уверен, что построенное (пусть под вашим руководством) общество есть благо? — говорит Мнс. Мальчишка, — взвивается Петин. — За это общество сражались и сложили свои жизни миллионы лучших сынов и дочерей... Сложили они, а не вы, — говорит Мнс. — И на каком основании вы присваиваете себе право говорить от их имени? Неужели ребята кидались грудью на амбразуры, горели в танках, самолетах ради того, чтобы такой маразматик, как ты, занимал посты, получал огромные деньги, ни черта не деля, имел все жизненные блага и гробил жизнь другим молодым ребятам?! И оставим мертвых! Спор идет у нас не с павшими героями прошлого, а с живыми прохиндеями настоящего. Согласен, — говорит Петин. — Назови мне, кто мог бы быть лучшим директором, чем я? Это не играет роли? И я так считаю. Ты думаешь, в мое время было

возможно иное течение исторического процесса, могло быть лучше? Думаешь, те, кого мы устраняли, поступали бы иначе? Ты же не глупый парень! Ты должен знать один простой закон серьезных исторических процессов... Погоди, не перебивай! Конечно, не марксистский закон, а настоящий. Так вот, согласно этому закону руководство большим и длительным историческим процессом, в который вовлекаются миллионы людей, в конце концов становится адекватным этому процессу с моральной и интеллектуальной точки зрения. Наш интеллектуальный уровень и моральный облик был точным выражением произошедшей истории. Не мы, так другие сделали бы примерно то же самое. С незначительными вариациями. Вот сейчас у вас над умами властвуют (смешно!) такие таланты и эрудиты, как Тормошилкина, Смирняшев, Качурин, Соловейчиков, Булыга. Знаешь, чем они отличаются от нас? Не нужно пояснять? Так в чем же дело? Не зря было сказано в одной древней книге: не судите, да не судимы будете. Хорошо сказано, — говорит Мнс. — Но судить вас все-таки будут. Не мы, так другие. Не сейчас, так позже. Будут! И осудят! И вам не оправдаться ничем, ибо содеянное вами не может быть оправдано. А если все-таки оправдают, — говорит Петин. Те, которые делают это, повторяют ваши преступления, — говорит Мнс. Это звучит слишком высокопарно, — говорит Петин. — Значит — судья не ты. И вообще не вы. У вас нет аргументов против нас. Одни эмоции, да и то они заимствованы у других. А Он, — говорит Мнс. Он мог, — говорит Петин, — но Он опоздал. А за давностью лет не судят. За давностью лет проявляют некоторое любопытство и изучают. И делают что-то другое. Так что если хотите, судите.

Петин исчез. Не расстраивайся, — услышал Мнс Его голос. — Конечно, вы уже не сможете осудить Их, поздно. Но вы можете сделать нечто большее: понять то, что сделалось под Их руководством. А это никогда не поздно. И это будет самым страшным для Них судом. В мире есть все-таки справедливость. В чем она? В том, что все проходит и становится потому доступным пониманию и беспристрастной оценке. А ты уверен, что Это уже прошло? — спросил Мнс. Но не получил ответа.

Наставления Мудреца У нас фактически господствует над умами шизофреническая концепция общества: все происходящее понимается как реализация некоего тайного и высшего замысла. Я не отвергаю первичный замысел насчет будущих событий. Но в реальном жизненном потоке происходят непредвидимые и неподконтрольные события, коренным образом меняющие ситуацию сравнительно с той, в которой возник замысел. И потому фактически происходит переосмысление прежнего замысла задним числом, возникший новый замысел относят в прошлое, фальсифицируют историю и совершают прочие махинации в угоду этой шизофренической концепции. В духе этой концепции у нас переписана вся история партии, революции и страны после революции. Но самое ужасное тут состоит в том, что реальная история страны сама все более приспособляется к этой концепции, — историческая шизофрения становится шизофренией самой реальности.

Из рукописи Социальный интеллект Вождя создается не в качестве его индивидуальной особенности, а в качестве образца интеллекта для всех участников руководимого им процесса. То, что массы потом будут подгоняться под этот образец, это само собой разумеется. Но чтобы массы можно было подогнать под него, предварительно он сам должен быть создан на уровне интеллекта массы или на легко достижимом для нее уровне. Он должен быть предельно примитивен по существу. Вместе с тем, в качестве интеллекта Вождя он должен выглядеть вершиной премудрости. И потому он должен быть создан по видимости на уровне высших интеллектуальных достижений человечества. Он должен быть предельно высоким по форме. Он создается в качестве активно действующего элемента единого процесса, и потому он должен быть четок и ясен по существу, как лозунги и армейские команды, должен исключать сомнения, варианты, кривотолки. Он должен обеспечивать единообразие поведения участников процесса. Но он создается как активно действующий элемент многообразного и изменчивого процесса, и потому он должен быть по форме двусмысленным, туманным, иносказательным, допускающим любые истолкования. Сказанного вполне достаточно для того, чтобы понять, что создание такого интеллекта — не такое уж простое дело. Нехитрое дело — быть просто идиотом. Но идиотом эпохальным, воспринимаемым в качестве гения (да еще величайшего гения всех времен и народов), — для этого кто-то должен основательно потрудиться. Объяснять тут только насилем — значит ничего не понимать в великих исторических свершениях. Говорят иногда (имея в виду сочинения Его), что гора марксизма родила мышь. Пусть так. Но чтобы эта мышь родилась, нужен был незаурядный ум и умение, ибо эту мышь надо было выдумать независимо от пустой горы марксизма и вложить ее в него.

Старые песни У Соседа гости. Поют довоенные песни. Не поют, а вопят, как это и пристало русским людям. Хотя уже за полночь, и все соседи справа и слева, сверху и снизу кипят возмущением, угомонить их нет никакой возможности. Участковый милиционер, вызванный для порядка, уговаривает возмущающихся потерпеть еще немного. У людей — праздник, поминки. Такое не каждый день случается. Через полчаса от силы поющие охрипнут совсем и свалятся под стол.

Отложив рукопись, Мнс задумчиво смотрит на вибрирующую от воплей гостей стенку. Неужели всегда было так? Если верить книжкам и кино, и у нас пели дай Бог всякому. Страна буквально гудит от современной музыки, а они знай тянут свои допотопные примитивы. В чем дело? Это в натуре народа, — говорит Он. Это вечно и неизменно. Чутьочку лучше или чутьочку хуже, но всегда так. Все скатывается в конце концов к этому.

Вранье то, будто мы лихие песни пели.

Мы их не пели,

А хрипели.

Вранье то, будто мы чеканили железный шаг.

*На самом деле,
Чуть дыша,
Как говорят — в чем только держится душа,
Мы по грязи плелись
Еле-еле.
Когда же было нам совсем неважно,
Тогда и заводили мы волынку ту.
Кричали так, что нам самим противно было слушать,
Про то, как выходила на берег Катюша,
Как в бой тачанки мчались в клубах пыли,
Как три танкиста самураев били.
Года ушли. И те, кто уцелели,
Чужие песни как свои запели.
Но если нападёт тоска,
Под стол не свалимся пока,
Хрипим без голоса и слуха:
Где вы, танкисты?! Где ж ты, Катюха?!!*

Чего мы хотим Возьми этот вот дом, — говорит Добронравов. На него можно смотреть с различных точек зрения. Если хочешь его покинуть и поселиться в другом доме, который получше, — одна точка зрения. Если хочешь его сломать и на его месте построить другой — другая. Если хочешь отремонтировать — третья. А если тебе просто нужно жить в нем, ибо ничто другое (переезд, ремонт, перестройка) тебе не светит, — четвертая. Вот так и с нашим обществом. Можно поносить его с намерением «прогреть», «показать», «доказать». С точки зрения ума — дело нехитрое. Наши недостатки лезут из всех дыр. Можно удрать и поносить его, сидя за границей, в безопасности. Это и того легче. Насочиняй любую бездарную дребедень, и тебя твои такие же бездарные соратники сразу произведут в выдающиеся мыслители, в гении. Можно просто в нем жить, претендуя лишь на то, чтобы просто жить. И это не есть преступление. Не есть даже дефект. Это нормально. Можно, наконец, живя в нем или вне его, стремиться к радикальным его улучшениям и обдумывать пути к этому. Это куда труднее, чем поносить. Тут надо серьезно изучать реальность. Тут думать надо. Тут настоящий талант нужен, а не такие вшивые «гении», каких теперь расплодилось невероятное количество. Я ведь читаю почти все, что выходит в «Тамиздате» и «Самиздате». Боже мой, какое чудовищное невежество, дилетантство, легкомыслие, халтура! И тот, кто теперь захочет и сможет сделать действительно крупное дело в этом направлении, должен будет пробиваться через эту ораву посредственностей, проходимцев, шизиков, болтунов, честолюбцев. А они не пропустят без боя. Если хочешь знать, по-настоящему серьезной критике нашего общества гораздо более опасна именно эта среда критиканов, чем наши власти и карательные органы. Я не хочу говорить о том, как жили эти критиканы в прошлом и какие причины вытолкнули их в нынешнее положение. Но сейчас они являют собою зрелище омерзительное. Если наше оппозиционное

движение будет задавлено, то основную роль в этом сыграют именно они. Почему они такие? Да потому, что они — плоть от плоти и кровь от крови нашего общества. К тому же — ушербные, ущемленные, неудачники, честолюбцы, одержимые. Они, собравшись вместе уже по нескольку человек, воспроизводят наше же общество в миниатюре, только в его самых гнусных проявлениях. Не думай, что я — мракобес. Я этих людей уважаю. Но что поделаешь, если они таковы?!

Из рукописи Чтобы понять, что такое социальный интеллект, надо различать руководство обществом и управление обществом. Управление обществом включает в себя сбор информации, обработку ее специальными методами, использование множества наук (экономики, социологии, математики и т. д.). В системе управления могут принимать участие высокообразованные и талантливые с точки зрения науки люди. Абстрактно рассуждая, цель управления обществом — лучше организовать деятельность всех учреждений, организаций, отраслей общества. Управление есть управление деятельностью отдельных людей и их отдельных объединений. Руководство же обществом есть руководство обществом как целым, а точнее говоря — такая деятельность руководящих лиц и организаций и большого числа вовлекаемых ими в это дело граждан, благодаря которой становится возможным рассмотрение общества как единого целого индивида. А еще точнее — деятельность, благодаря которой вырабатывается способность у членов общества к единообразному поведению, и осуществляется эта способность на деле. Управление обществом конкретно, т. е. всегда связано с определенными видами деятельности людей. Руководство обществом абстрактно, т. е. всегда отвлекается от особенностей той или иной деятельности людей и касается некоторых общих форм поведения. Потому руководство обществом касается стереотипа интеллекта граждан, выработки этого стереотипа и его функционирования в качестве такового, — именно социального интеллекта членов общества, и, следовательно, общества в целом. Потому социальный интеллект любого члена аппарата руководства обществом является средним социальным интеллектом и не превосходит заметным образом таковой рядовых граждан. Для специалистов руководителей он становится их профессиональным интеллектом и их единственным интеллектом. Потому Общий интеллектуальный потенциал руководителя выражает некий средний потенциал общества и его граждан. Поскольку в нашем обществе руководство доминирует над управлением, социальный интеллект соответственно доминирует над прочими формами и аспектами интеллектуальной деятельности людей, определяя собой общую интеллектуальную ситуацию в стране. Из этого должно быть очевидно, насколько важным являлось создание образца социального интеллекта нашего общества и навязывание его всем гражданам. И если уж судить за прошлые «преступления», то в первую очередь надо было бы судить не органы государственной безопасности, их создателей и вдохновителей, а тех, кто создавал стереотип социального мышления и навязывал его всем членам общества из поколения в поколение. Ибо только благодаря определенному «повороту мозгов» стал возможен тот разгул репрессий, который поверг в ужас все человечество.

Но судить нас за это — значит судить нас за то, что мы были бессильны нарушить законы природы.

Лестничные площадки В институте две лестничные площадки — большая и малая. Хотя состав сотрудников, болтающих на них, меняется в зависимости от обстоятельств, здесь все-таки есть некоторая тенденция к устойчивости. На большой площадке доминируют самые образованные, талантливые и прогрессивные личности института, возглавляемые Тормошилкиной и Соловейчиковым. На малой площадке доминируют беспринципные, бесперспективные и безграмотные болтуны вроде Добронравова и Учителя. И хотя разговоры ведутся в общем на одни и те же темы, в них все же можно заметить существенное различие, ощущаемое всеми, но не поддающееся точным определениям.

— Кто мог бы подумать, что даже в Энске будет построено современное метро, — изрекает Тормошилкина на большой лестничной площадке. — Прогресс неоспорим, и только сумасшедшие и злопыхатели могут в этом сомневаться.

— Слыхали, — говорит Добронравов на малой лестничной площадке, — эти идиоты даже в Энске метро сделали, хотя там алкоголики от одного конца города доползают на четвереньках до другого конца за полчаса.

— И что самое интересное, — добавляет Учитель, — так это его протяженность: там всего одна станция.

— Это бессмысленно, — говорит Субботин, только что пришедший с большой площадки и преисполненный сознанием прогресса общества.

— Почему же бессмысленно, — говорит Добронравов. — Для отчетов важно: трудящиеся еще одного города получили удобный и дешевый транспорт. И вообще приятно спуститься на эскалаторе, поглядеть подземный мраморный дворец и подняться обратно. И стоит все это удовольствие всего пятачок. Не то что на Западе.

— Люди искусства, — вещает Соловейчиков на большой площадке, — открывают простым смертным, каким является мир на самом деле. Возьмите, например, Моне. Или Мане? Впрочем, не в этом суть. Раньше жители Лондона думали, что ихние туманы серые. Но вот приехал Моне... нет, Мане... Впрочем, не в этом суть. И нарисовал лондонский туман фиолетовым. И с тех пор...

— Зайдите в Манеж, — говорит Учитель на малой лестничной площадке. — Животики надорвете от смеха. Там выставка молодых дарований МОСХа. Особенно умилителен некто Ивано-Лаптев. Он изобразил фиолетовую козу. Этот кретин вообразил, что после этого человечество будет воспринимать серых и черных коз в фиолетовом цвете, подобно тому, как лондонские туманы стали восприниматься фиолетовыми после того, как...

— Я недавно посетила Мюнхен, — вещает Тормошилкина на большой площадке. — Немцам все-таки надо отдать должное. Какой порядок! Даже собаки ведут себя так, что нам у них есть чему поучиться.

— Если хотите знать характер народа, — говорит Добронравов, — изучи-

те собак, которых этот народ культивирует. Истина эта банальна. И все же каждый раз удивляешься. Немецкие собаки, например, никогда не бьют щенками. Они с самого начала ведут себя как обеспеченные пенсионеры. У немцев есть специальные места для собак, где они разрешают своим псам вести себя как им заблагорассудится, т. е. по-свински. Они приводят собачек туда и говорят им: а теперь будьте свиньями. И те начинают вытворять такое, на что даже наши дворняги, привыкшие к свинству, не способны. Так и сами немцы. Если им позволяют быть свиньями, то они превосходят по свинству даже нашего брата Ивана.

— Могу добавить к сообщению предыдущего оратора еще одну любопытную деталь, — говорит Учитель. — Встречаются в Германии две собаки. Одна — огромная и злая, другая — маленькая и безобидная. Но маленькая принадлежит большому начальнику, а большая — маленькому. Бывает и такое, между прочим. Так вопреки законам биологии большая собака виляет хвостом перед маленькой и ходит перед ней на задних лапках.

— Какое невежество, — возмущается Субботин. — Вы же все-таки университет кончали, и не какой-нибудь, а Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени, имени М. В. Ломоносова. Могли бы, кажется, знать...

Что наша жизнь

Что наша жизнь? Сплошной обман.

В начале года — липа-план,

Потом идет работа-лажа,

В конце — отчет, и липа та же.

Возражение рецензента и рецензенту С последним утверждением насчет поворота мозгов согласиться нельзя, — сказал Мис. Оно неверно фактически. Террор и зверства начались еще до того, как массе настроили мозги надлежащим образом. Тут скорее шли параллельные процессы зверств и настраивания мозгов, причем — второй даже несколько отставал.

Твое возражение непрофессионально, — сказал Учитель. Учти, что террор может быть порожден общими причинами революционной эпохи и специфическими условиями нарождающегося общества. Тут эти два вида террора наложились друг на друга, и теперь критиканы всякий террор относят за счет самой новой социальной системы. Далее, мозги довольно большой части деятелей революции были повернуты должным образом еще до революции, а для подъема широких масс на террор и насилие требовался самый минимальный поворотик. Для него достаточно месяцев, а в революционную эпоху — даже порой дней. К тому же мозги широких масс населения были подготовлены к такому повороту прошлой историей. Наконец, принципиальное соотношение явлений в ставшем обществе не всегда совпадает с их соотношением в процессе становления общества.

Трудно поверить в то, что идеология сыграла такую роль, — сказал

Мнс. Она и сейчас-то не особенно сказывается. Ведь смеются же люди, не верят. И не так-то уж часто им приходится поступать идеологически (если так можно выразиться).

Странно слышать это от тебя, — сказал Учитель. Впрочем, этот аспект нашей истории проглядели и более искушенные мыслители. В общем, все проглядели. А теперь, когда до него добрались, он, как кажется, начал терять значение. Но это лишь кажимость. В таких делах принимать все за чистую монету ошибочно. Не верят? Так ведь идеология — не религия. Она касается не веры, а некоторой интеллектуально-поведенческой ориентации. Она бессердечна, хладнокровна, расчетлива. Раньше, конечно, была вера, подъем, энтузиазм, массовая истерия. Но это — не от природы идеологии, а от эпохи и от остатков религиозного чувства и переориентации последнего на идеологию. Потом это пропало. И теперь идеология действует в чистом виде — без веры, с цинизмом, даже с издевкой над самой собой. Ты говоришь, не так уж часто приходится людям поступать идеологически? Правильно. Но часто и не требуется. Идеологические поступки требуются в исключительных случаях. Но — в решающих случаях. Когда дело касается самих основ и самой природы общества. Нет, брат, твой Прохвост очень даже не глуп. Надо бы с его рукописью устроить какую-нибудь веселую хохму!

Идея Добронравова У меня есть идея, — говорит Добронравов на малой лестничной площадке. Существует закон соразмерности описания (изображения) и описываемого (изображаемого). Например, если изображать наших руководителей как гениев или выдающихся злодеев, то получится ложная картина. Наиболее адекватным описанием было бы такое: изобразить их в виде надувных резиновых кукол, которые висят в пыльном чулане в Кремле на крючках, по мере надобности (для всякого рода заседаний и прочих торжественных мероприятий) отбираются особыми ответственными лицами и надуваются, а после окончания этих мероприятий воздух из них выпускается, и они снова вешаются на крючки. Причем, при этом очень хорошо моделируются изменения в составе руководства. Если кого-то нужно снять, то прокалывают куклу ржавым гвоздем и выкидывают на помойку или замуровывают в Кремлевскую стену рядом с Мавзолеем.

Отличная идея, — поддерживает Мнс идею Добронравова. — Прежде всего, куклы должны быть неравноценными в том смысле, что надувают их различно, различно рассаживают в президиумах или расставляют на приемах, проводах и встречах, различные роли отводят в их (вернее, с их участием) спектаклях. Из них выделяется прежде всего сам Генсек. Его раздувают до такой степени, что он того гляди лопнет. Причем его раздувают все. Враги раздувают, надеясь, что он на самом деле лопнет. Холун раздувают, ибо и им при этом кое-что перепадает. Но куклы эти сделаны прочно. И от раздувания они не лопаются. Чтобы они лопнули, их надо протыкать специальным гвоздем. Такой гвоздь имеет каждая кукла. И время от времени пускает его в ход. Считается, что Генсек может проткнуть всякого. Но это не так. Он не может проткнуть хо-

луев, ибо они всегда прячутся за его спину. Не может он проткнуть и «болото», ибо образующие его куклы надуваются слабо, и гвоздь просто утопает в них, не причиняя им вреда. Он может проткнуть лишь активную часть руководства, ибо образующие ее куклы надуты довольно сильно. И при этом все члены руководства помогают Генсеку протыкать их. Особенно это касается претендентов на роль Генсека. Протыкать их входит в функции Генсека. Это, пожалуй, главная его функция. Как только какой-то член руководства раздувается сверх положенных размеров, его сразу и протыкают ржавым гвоздем, который всегда зажат в правой руке Генсека наподобие скипетра.

Подошла Тваржинская. И не поняв, о чем идет смех, начала смеяться вместе со всеми. Присутствовавший при сем Вадим Сазонов решил поведение Тваржинской сделать главным пунктом в своем очередном доносе. При этом он ощущал себя борцом за прогресс, наносящим удар по пережиткам сталинизма. Этим сталинским подонкам, думал он с удовлетворением, надо дать по мозгам так, чтобы они...

Но самое любопытное с этими надувными куклами, — продолжал развивать свою идею Добронравов после ухода Тваржинской, — состоит в том, что они суть куклы, пока их не надули. А стоит их надуть, как они преображаются и начинают руководить всерьез. Именно эти надувные куклы и решают все важнейшие дела общества. Надувающие их имеют лишь ту власть, что от них зависит их надувание. Но они не могут не надувать, они обязаны надувать, ибо в этом и состоят их социальные функции. Они знают кого, когда и как надувать и на какое место сажать или ставить.

А вся схема (модель) общественного устройства, — продолжал Мнс, когда Добронравов умолк, — выглядит так. Внизу кишит масса простого люда. Кишит, как червяки в деревенской помойке. Кое-кто из нее слегка раздувается и выталкивается вверх. Из них далее выталкиваются еще более раздутые. И так далее вплоть до Генсека. Общий принцип: чем пустее, тем выше. Каждый член общества имеет гвоздь, которым он может при случае проткнуть раздуваемого. Но не всегда это удается. Например, если индивид окружен другими индивидами плотно, так что через них не протолкнешься, то, минуя окружающих, его проткнуть нельзя. Основной принцип надувания: никто не раздувается сам, его надувают всегда другие. Но можно надуть надувающих в смысле обмануть, оттолкнув надуваемого и подставив себя вместо него.

Подошел Субботин и сказал, что это — вульгаризация человеческого общества, что реальный человек на самом деле есть продукт и т. д. Стало скучно. Вот так, — резюмировал Добронравов, — у нас гаснут все творческие порывы.

Из рукописи Руководство обществом есть управление идеологическим состоянием общества и управление обществом через идеологию. Идеология общества есть его социальный интеллект, и наоборот. В силу особенностей объекта управления и средства управления в этом случае управление теряет типичные черты управляющей деятельности и при-

обретает черты, позволяющие ставить этот вид управления наряду с управлением вообще как особый вид деятельности. Ничего необычного в этом нет. Это, между прочим, типичный пример диалектики, когда общие черты вида становятся его особенными чертами по отношению к чертам обособившегося его подвида. Но дело не в этом. Дело в том, что в случае с интеллектом Сталина речь идет не просто об исполнении функций социального интеллекта Вождя особым человеком, а об идеологической революции во всем обществе. У нас много говорят об индустриализации, коллективизации, создании армии и т. п., но очень скромно говорят или вообще помалкивают об этом самом главном явлении этого периода — именно об идеологической революции. Это — не ликвидация безграмотности, не рост образованности, не антирелигиозная пропаганда, не создание особой, социалистической литературы. Это — нечто более серьезное. В чем суть этого явления, я специально скажу дальше. А пока я хочу остановиться на чисто формальном аспекте дела.

Перед партией, захватившей власть, хотела она этого или нет, создала она это или нет, встала задача — навязать свою партийную идеологию всему обществу. Иначе она у власти не удержалась бы. А это практически означало идеологическое «воспитание» широких масс населения, создание для этой цели армии специалистов — идеологических работников, создание постоянно действующего аппарата идеологической работы, проникновение идеологии во все сферы жизни. А с чем приходилось иметь дело сначала? Малограмотное и безграмотное население, процентов на девяносто — религиозное. В среде интеллигенции преобладали всякие формы «буржуазной» идеологии. Партийные теоретики — недоучки и болтуны, начетчики и догматики, запутавшиеся во всякого рода старых и новых идейных течениях. Да и свой марксизм-то они знали так себе. Как признавал сам Ленин, через пятьдесят лет после опубликования «Капитала» его понимало всего несколько десятков человек, да и то неправильно. А теперь, когда возникла задача переориентировать основную «теоретическую» работу на массы, да еще массы низкого образовательного уровня и зараженные старой религиозно-самодержавной идеологией, партийные теоретики оказались совершенно беспомощными. В это время возникали многочисленные кружки по изучению марксизма. Это было сплошное убожество. Я приглядывался к тому, что в них происходило. Смеха достойно. Фактически никто и ничего не понимал. Да и с чем было партии идти в массы? С «Наукой логикой» Гегеля? С «Капиталом», который никто не понимал? А то, что Гегеля вообще было невозможно понять, это было общепризнано. Насчет Маркса признаваться боялись. Совершенно очевидно, что нужны были идеологические тексты, соответствующие возникшей задаче. Нужна была идеология как таковая, с которой можно было бы уверенно, настойчиво и систематично обращаться к массам. А ее фактически не было. То, что было в наличии, была муть, пригодная для узкокружкового трепа, но не для идеологического перевоспитания масс. И главное, что обеспечило успех Сталина, было создание такой идеологии. А создал ее я.

Считается, что всю эту идеологическую революцию организовали и провели Петин, Канарейкин, Федькин и другие высокотитулованные и широ-

коизвестные наши философы. Отчасти это верно. Но с одним коррективом: они действовали по указаниям Сталина и под его контролем, т. е. по моим указаниям и под моим контролем. Они были лишь исполнительным аппаратом. Они исполняли при мне примерно ту же роль, какую при Сталине как волевым руководителе исполняли такие его холуи и подонки, как Ворошилов, Буденный, Молотов, Каганович и другие. Прочитайте их сочинения! Неужели вы думаете, такие кретины могли что-то выдумать и изобрести сами?! Петин, Федькин, Канарейкин и иже с ними проводили идеологические погромы по указаниям Сталина (т. е. моим) и «спускали» в массы сталинские (т. е. мои) идеи и «открытия». Ко всему прочему, они жили реальной жизнью, — отхватывали степени и звания, должности, награды, квартиры, дачи. Они привели в движение определенную категорию людей, которые начали ожесточенную борьбу за свои шкурнические интересы, выполняя при этом функции проводников в жизнь сталинской идеологии. Это была серьезная жизненная борьба. Сталин ведь был не один. И у него было много конкурентов и противников. И другие деятели партии занимались самоутверждением. В общем, идеологическая революция проходила в борьбе многочисленных тенденций и сил. И в начале пути еще далеко не было ясно, что линия, представляемая Сталиным, победит.

Но у меня не было сомнений в том, что так или иначе, но именно моя линия является единственно жизнеспособной. То, что она срослась со Сталиным, было делом случая. Хотя, если бы не я, то другие люди выполнили бы ту же роль примерно так же. Если бы не Сталин, то другой вождь в идеологическом плане вынужден был идти тем же путем. Сталину повезло, что для него нашелся я. А мне повезло (или не повезло?), что я встретился с ним.

Секс и революция Потом состоялось закрытое совещание дирекции на котором присутствовали представители ЦК, МГК, РК, Президиума АН, Отделения идеологии АН. Тузик сказал, что проблеме надо придать философскую направленность. Трус предложил учесть данные математической логики. Умильяновский настаивал на обобщении открытий кибернетики и генетики. Тваржинская потребовала провести непримиримо-партийную линию, придав проблеме остро-боевито-идеологически-политическую направленность. Заслуженный антисемит Ежов потребовал подвергнуть острой критике сионистскую лжетеорию обрезания. Его поддержали Ойзерман, Рабинович и Фриш, которых допустили на совещание исключительно для того, чтобы доказать, что никакого антисемитизма у нас нет и быть не может. После совещания Тваржинская спросила у Ежова, как же евреи размножаются, если им делают обрезание. А они хитрые, — сказал Ежов, — они отрезают то, что не нужно, а то, что нужно, они имеют побольше, чем наш брат-Иван. Безобразие, — сказала Тваржинская с чувством. — Ну, мы теперь за это возьмемся!

Дискуссия о партии — Все наше общество, — говорит Сталин, — есть разросшаяся партия. Так что вступишь ты в партию или нет, для партии роли не играет, ибо ты все равно есть неформальный (или неоформленный) член. Это играет роль лишь для тебя. Не вступишь в партию, не допустят в кандидаты философских наук, не напечатают монографию, не дадут должность старшего сотрудника, не повысят зарплату, не дадут три библиотечных дня в неделю, не допустят приобрести в кооперативе отдельную квартиру. Так ведь?

— Так, — говорит Мнс.

— Не слушай его, — говорит Ленин. — Он вульгаризирует все, к чему прикасается.

— Я лишь срываю покровы и обнажаю суть, — говорит Сталин. — А если суть вульгарна сама по себе, не моя в том вина. Наш мальчик хочет вступить в партию, и мы обязаны сказать ему правду. Так вот, разговоры о том, что партия выражает интересы класса, относятся к чему угодно, только не к нашей партии. Наша партия всегда преследовала и преследует только свои собственные цели, выражала и выражает только свои собственные интересы.

— Сталин прав, — говорит Берия. — Посмотри, кто шел раньше в партию: отщепенцы, обиженные, авантюристы, неудачники, психически неустойчивые, честолюбцы и прочая нечисть. Это потом их облагородили.

— Не преувеличивай, — говорит Ленин. — Были и приличные люди.

— Были, да сплыли, — говорит Берия. — Где они?

— А нынешние диссиденты лучше, что ли? — говорит Маркс. — Тоже отходы всякого рода. Это естественно. Всегда так бывает. Зато теперь в партию идет цвет общества. Вот, например, наш мальчик будет поступать. Ни за что не поверю, что он только корысти ради. Есть же у него чистые побуждения. Так ведь?

— Так, — соглашается Мнс.

— Захватив власть, партия все общество организует по своему образу и подобию, — говорит Сталин. — Но при этом обязательно соблюдают-ся принципы...

— Централизация, иерархия, дисциплина снизу доверху, — перебивает Ленин.

— Секретность, — добавляет Берия. — Секретность всех важнейших действий руководителей и образа их жизни. И вознаграждение по месту в иерархии.

— Все это так, — говорит Сталин. — Это все общеизвестно. И не оригинально. Главное же — единомыслие. Причем, единомыслие не как стговор, а как естественная форма поведения. Понимаешь, куда я клоню? А что для этого нужно?

Наши праздники

*Но вот, бывает, даже нас
Дарят вниманьем иностранцы.
И забываем мы тотчас,
Что мы — советские засранцы.
Являем знание вещей,*

*Каких они не знают сами.
Пускаем пыль. И вообще,
Понять даем, что мы — с сами.
Поим их водкою рекой,
Ведем в «Большой», презрев препоны,
И кормим черною икрой,
И кажем древние иконы,
И откровенно говорим,
Пусть даже нас стучат не слышит,
Что мы свободно тут творим,
А не по указаниям свыше.*

Из рукописи Я долго не решался описать этот случай. Случаи такого рода стали литературным и киношным штампом. Потом я подумал, что мне ведь наплевать на то, что обо мне подумает читатель. А кроме того, в те времена эти случаи штампами не были. Они только еще изобретались.

Однажды ночью ко мне пришли чекисты. Меня избили так, что я потерял сознание. Очнулся в камере. Цементный пол. Ни окна, ни стула, ни койки. Ничего. Только выщербленные стены и железная дверь. Потом начались допросы. Нет надобности говорить, что это такое. Это тоже стало «штампом» в разоблачительной литературе. Мне выбили зубы. Сломали нос. И сделали со мною еще кое-что, вследствие чего я навсегда утратил интерес к женщинам. Я толком не понимал, чего они от меня хотели. Но я так и не назвал Его имени. Я до сих пор не знаю, было это устроено Им самим с какой-то неведомой мне целью или сделано всерьез другими, и я уцелел благодаря Его защите. Или уцелел случайно. С тех пор у меня пропала радость жизни.

Радость жизни имеет биологические основы. Но в развитой форме и как массовое явление это есть социальное качество индивидов, их поведения и взаимоотношений. Это то, чего в России всегда было очень мало. Здесь работали и ели без радости. Без радости одерживали победы, добивались успеха и благополучия. Даже детей делали без радости, так, между прочими делами. После революции появились какие-то надежды и проблески радости. Но одновременно началось систематическое истребление именно радостного начала нашего бытия. Хотя улучшались бытовые условия, радости не прибавлялось от этого. Я видел, как живут Петин, Фелькин, Канарейкин, высокопоставленные чины из ЦК. Кошмар какой-то. Серость ужасающая. Они испытывают удовлетворение. Но настоящей радостностью там и не пахнет. Коммунизм вообще, как мне кажется, имеет тенденцию заменить радостность состоянием некоего сытого, чванливого, серьезного довольства и скучного чиновного ликования, подобно тому, как он заменяет религиозные чувства и состояния своей тошнотворной идеологической блевотиной.

Секс и революция После того как Качурин произнес на малой лестничной площадке пламенную речь в защиту гомосексуализма, Добронравов сказал, что в таком случае надо разрешить и скотоложество, ибо мы в некотором роде тоже скоты. Субботин сказал, что не все мы скоты, что научно правильнее нас считать животными, так как «скоты» — понятие скорее моральное, чем социологическое. Смирняшев сказал, что его сосед по даче специально содержит для этой цели козу. Подростки подглядели, чем занимается сосед с ней, и последовали его примеру. После этого коза стала такой потаскухой, что с ней теперь опасно встречаться в одиночку. Добронравов сказал, что для этой цели удобнее всего курица. Во-первых, дешево и нехлопотно, ее можно держать на балконе. Во-вторых, удовольствия больше, ибо курицы очень темпераментны. Они, сволочи, сопротивляются изо всех сил, царапаются и клюются, кудахчат истошным голосом, перья летят, как из распоротой перины. Это обостряет чувства. Мис сказал, что его волнует другая проблема, а именно — как совокупляются ежи и дикобразы. Все задумались и умолкли. В самом деле, как?

В это время мимо промелькнула Кирусик, бросив на ходу, что в буфете продают противозачаточные средства, что умнейшие люди института во главе с Тормошилкиной уже заняли очередь с утра, что...

Выдвижение на премии Много лет подряд на Ленинскую премию выдвигали пятитомную «Историю философии народов СССР», созданную авторским коллективом из трехсот философов всех возрастов и национальностей страны под руководством академика Джопчука. И каждый раз проваливали. Но по разным причинам. В либеральный период проваливали потому, что Джопчук — сталинский холуй и недобитый культист, что в первом томе полно ссылок на Сталина. Потом этот том переиздали, вычеркнув злополучные ссылки. Но провалили и на этот раз. Конкуренты (Канарейкин, Федькин, Петин) предложили премию не давать, подождать, когда выйдет второй полутом пятого тома. Потом провалили на том основании, что было слишком много ссылок на Хрущева. Соответствующие тома переиздали, ссылки на Хрущева выкинули, вставили ссылки на Брежнева. Но произошло непредвиденное: одного автора посадили в тюрьму за участие в деле крымских татар, другого посадили за избыток русского национализма, третьего упрятали в сумасшедший дом за защиту баптистов. Пришлось опять отложить. Наконец, случилось вообще полное безобразие: более десяти авторов эмигрировали в Израиль. Удар был настолько сильным и коварным, что Джопчук, который был уверен, что премия у него в кармане, на три месяца слег в больницу с инфарктом. На этот раз «Историю» решили выдвинуть не на Ленинскую, а на Государственную премию. Но все были уверены, что на сей раз провалят, поскольку выработалась устойчивая привычка проваливать и поскольку появился более опасный конкурент — зять самого Председателя Совета Министров, членкор. В верхах уже решили, что Государственную премию следует дать именно ему. Пока Государственную. А Ленинскую ему дадут через пару лет, когда

он станет академиком и когда выйдет его новый труд по проблемам управления, написанный для него многочисленными подчиненными. Ленинскую премию в этот раз заранее решено выдать самому Митрофану Лужичу за труд «Идеологическая борьба на современном этапе», в который вошли его многочисленные речи на эту тему.

Хотя было заранее известно, кто получит премии, для поддержания самой идеи конкурса и создания должного впечатления выдвинули многих других. Выдвинули книгу Тормошилкиной о Джордано Бруно, сборник под редакцией Сучкова и Качурина о принципах диалектического материализма в современной микрофизике, монографию Спиридонова о чувашском мыслителе прошлого века Иванове, признававшем первичность материи и изменяемость природы (но еще не общества), три книги Смирнящева о материальной импlications и три сборника на ту же тему, в коих он был редактором. Тормошилкину все поздравляли, ибо она была любимицей института, подобно тому, как в свое время Бухарин был любимцем партии. Качурин ходил с таким видом, будто он открыл с десяток новых элементарных частиц. Смирнящев собрал внеочередное заседание теоретического семинара, на котором сделал косноязычный доклад о новых идеях во взглядах на импликацию в работах западных логиков Монтомгери, Шляпке, Джонса и Рабиновича, которых он не читал по причине незнания иностранных языков.

Воспользовавшись праздничной суматохой, ряд младших сотрудников, которым не светила никакая премия (даже внутриинститутская в размере пятидесяти рублей), покинул институт с явным намерением выпиться, ибо иных намерений у младших сотрудников нет и быть не может, когда они обретают самую способность иметь намерения.

Из рукописи Я следил и слежу за всякого рода проявлениями оппозиции к нашему общественному строю и нашей идеологии. И что меня больше всего поражает в ней, так это — ужасающий дилетантизм. Странно, скажете вы, от меня слышать слово «дилетантизм» в отношении других, если я сам таков. Но я имею право так говорить. Во-первых, я — создатель нового идеологического учения. Во-вторых, я через несколько лет стал профессионалом во всем, что касалось создания нового общества и его идеологии. Вот в чем дело! Сталинизм можно обвинить в чем угодно, только не в дилетантизме. Даже ошибки и промахи сталинизма являются показателем чего-то другого, но не дилетантизма. Дилетантизм есть явление последнего времени. Он стал возможен благодаря тому, что от сталинизма несколько отступили, а образовавшиеся пустоты заполнились сразу халтурой, пустозвонством, потугами невежд выгладеть умниками. Если хотите, весь брежневизм есть дилетантизм по сравнению со сталинизмом. Дилетантизм не есть неопытность и неосведомленность. Это — определенный тип людей у власти, определенный тип политического поведения. В дилетантизме нет ничего глубокого. Даже репрессии, проводимые дилетантами, производят опереточный эффект.

Секс и революция Хотя русский народ не просыхал от пьянства, к проблеме секса он всегда относился трезво, — сказал Учитель на малой лестничной площадке. — Об этом говорит такой старый анекдот, получивший новую жизнь. Выглянул мужик в окно и выругался: мать честная! соседи коров в поле погнали, а у меня жена еще не сексована. Про этого же мужика другой анекдот рассказывают, — сказал Добронравов. — Наслушался он разговоров о стриптизе, пришел домой и велел жене при свете раздеваться. Та сначала отнекивалась. Потом, смущенно хихикая, стала раздеваться. Посмотрел на это мужик. Плюнул. И сказал: и что хорошего в этом нашли на Западе?! А мой сосед, — сказал Мнс, — как напьется, так говорит своей жене: блядовать — блядуй, но чтобы никакого секса!

Начало пути Младшие сотрудники, прихватив с собою по дороге нескольких младших редакторов из журнала «Вопросы идеологии», быстро покинули территорию института и сосредоточились за углом, чтобы решить, куда двинуться с целью реализации возникших намерений. Светило солнце, настроение было великолепное.

*Солнце, как во время Оно.
Грязь сверкает. Преют лужи.
Важно каркают вороны.
Драный голубь в небе кружит.
Кошки роются в отбросах.
Вон воробышки порхают.
Социальные вопросы
Вместе с серым снегом тают.*

- Ах, как хорошо! А не двинуть ли нам, братцы, в «Арагви»?
- Там очередь, часа два стоять придется. Да и дороговато. А с деньгами, сами понимаете, туго.
- Очередь не беда. Постоим. А деньги занять можно. Получка скоро, отдадим.
- Занять, надо возвращаться в институт. А это чревато.
- Тогда «Националь».
- Там очередь не меньше. И не дешевле. И подслушивают.
- А где не подслушивают?
- Айда в «Москву».
- Исключено. Депутаты оккупировали. Сессия.
- Чтоб они сдохли. Бывает у нас, чтобы не было депутатов, делегатов, визитеров, посланцев и прочей пакости?
- Не бывает по определению. Неплохо кормят в «Баку» и в «Чемушках». И народу немного. И не так уж дорого.
- Далековато. Предлагаю «Звездный». Рядом. Правда, кормят — хуже не придумаешь, и выпивку с собой брать. Зато рядом и никакой очереди. Сунем трояк, чтобы не придирались.
- Блеск! Итак, предлагаю скинуться по трешке. Закуску закупает Доб-

ронравов. Выпивку, конечно, Учитель. Слушайте, братцы! Шикарный новый анекдот.

Из рукописи Чтобы решить задачу, которая как-то сама собой встала передо мной, надо было исходить из самой гуманной и светлой цели, а именно — выяснить (и создать!), что должен знать о мире, об обществе и о себе самом человек, с которым можно построить коммунистический рай на земле? Иными словами, выяснить, каким должен быть фундамент сознания того «нового человека», который будет на голову выше и все такое прочее? И создать этот фундамент. Выяснить, создавая. Я категорически настаиваю на том, что именно такой была главная цель Сталина, а не причинение зла людям, не убийства, не коварный обман. То были средства, а цель, повторяю, была светлой. Именно благодаря этому он выстоял и победил. А у его конкурентов были другие цели, какими бы «добрыми» они ни выглядели на Его фоне.

Конечно, Сталин был негодяй. Но Он стремился построить коммунистический рай на земле и сделать людей подходящими для этого. А если из Его замыслов выросла ужасающая мерзость, так это — шуточки неподконтрольной истории, а не продукт преднамеренного умысла негодяя. Конечно, все Его приспешники были негодьями. Но негодяйство вполне уживается со светлыми идеалами. Светлые идеалы уживаются с корыстью. Если они хорошо оплачиваются, они даже светлее становятся. Все они были, повторяю, негодяи. Но негодяйство их было особого рода: оно социальное негодяйство. Оно объективно прет изо всех пор нашего общества. Оно производится самым нормальным ходом жизни. Оно есть закономерный продукт светлых идеалов. А в то время еще никто не знал (да и сейчас очень немногие это понимают), что тут есть диалектическая связь, то самое диалектическое единство противоположностей, над которым иронизирует современная молодежь.

Закон Добронравова Во время очередной болтовни на малой лестничной площадке Добронравов установил закон, который, в отличие от аналогичного случая с Мальтусом, не вошел в историю как закон Добронравова, хотя он и был опубликован. Правда, он был опубликован Соловейкиным в одной из его прогрессивных статей в качестве его собственной мысли, отнесенной им к разлагающемуся буржуазному обществу. Правда, Соловейкин делал в своей статье намеки на советское общество, но они остались незамеченными. Вот этот закон: число проблем и требуемые для их решения средства в нашем обществе растут быстрее, чем возможность страны отыскать эти средства для их решения. Отсюда — перманентное кризисное состояние, аналогичное тому, какое бывает в семье, живущей не по средствам. Прочитав статью Соловейкина, Добронравов долго ругался матом и назвал Соловейкина подонком. Но не за воровство, а за то, что тот испортил хорошую идею. Что за страна, — говорил он. — Хотя тут все жулики, но даже воровство делается халтурно.

Дорога туда — В Лефортовской тюрьме в камеру входит новый заключенный. Диссидент, спрашивают его. Нет, отвечает. Отказник, спрашивают. Нет, отвечает. Так за что же ты тут, спрашивают. За ошибку в кроссворде, отвечает. Общественно-политический журнал из девяти букв назвал «Континент». А разве есть какой-то другой, спрашивают. Оказывается, есть, отвечает. «Коммунист».

— Влипли мы с этими «американскими шпионами». Американцы ни за что не согласятся считать их таковыми.

— А их и спрашивать не будут.

— А хлеб?

— В этом году будет урожай хороший.

— Прошлый год был отличный.

— В следующем номере идет статья Федькина. Жуть!

— Плевать. Чем хуже, тем лучше.

— В Москве вчера было землетрясение. Не почувствовали? Это Брежнев, одеваясь, уронил китель с орденами на пол.

— Говорят, у него со здоровьем скверно.

— Пора скидывать.

— Думаешь, лучше будет?

— Лучше вообще никогда не бывает.

Радость выпивке

*Я никогда не обойду
Тебя сторонкой, место свято!
Плевать на горе и беду!
Примите в пай мой рубль измятый.
Еще не сотворил Творец
Восторга выше пьяной ласки.
Режь, друг, последний огурец,
Дели на всех сто грамм колбаски!
Пошлем всех на! И смело в путь
В иное, высшее пространство!
О, жизнь! Благословенна будь,
Покуда существует пьянство!*

Из рукописи Дело вовсе не обстояло так, будто я придумал некую идеологию, исходя из наблюдения действительности, и затем обрядил ее в марксистскую форму. Фактически дело обстояло так, что я читал марксистские тексты (включая то, что сочинялось деятелями партии, философами, социологами в данное время), имея в себе определенное понимание действительности, и осуществлял отбор терминов и утверждений, а также переработку их в соответствии с этим пониманием. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих ход моей мысли. От чьего имени будет править партия? Бога нет. Бог скомпрометирован и отброшен. Остается одно: некие объективные, существующие независимо от сознания человека, законы природы и общества. А раз от их имени, зна-

чит, их можно познать и «оседлать» (как Он выразился много позднее). Вожди партии, владеющие научным методом, познают законы и в соответствии с ними ведут народ к светлым идеалам, которые преуказаны самими законами. Вожди сидят выше всех и видят дальше всех.

Но вот — другой аспект. Сама практика жизни толкает на вопиющую беспринципность. Она прекрасно оформляется фразеологически в виде принципа конкретно-исторического подхода. Достаточно было полюбоваться несколько месяцев на то, что творилось в партии и в стране, как без всякого марксизма можно было заново выдумать все его учение о борьбе противоположностей, об антагонистических и неантагонистических противоречиях, о скачках, о эволюционном и революционном пути и т. д. Теперь всем хорошо известно, что многие истины, которые прошлые поколения добывали тяжким трудом, новые поколения переоткрывают независимо от них мимоходом, как нечто очевидное, лежащее на поверхности и доступное даже тупицам. К тому же истины марксизма были такого сорта, что их не надо было откапывать в глубинах. На них надо было лишь обратить внимание. А в наше время жизнь обернулась так, что от них нельзя было отвести внимание. Мы диалектику учили не по Гегелю, сказал поэт. И он сказал верно. Я потом читал и перечитывал Гегеля много раз. И должен признаться, что не обнаружил в нем абсолютно ничего такого (не считая некоторых фактических сведений), чего я не знал бы и без него. Гегель — это жуткая банальность, упрятанная в вычурную словесную форму. Маркс был, конечно, несколько честнее и проще. Ленин еще дальше шагнул в этом направлении. Ну, а Сталин довел дело до логического конца.

Секс и революция Потом состоялось расширенное заседание дирекции, на котором присутствовали представители ЦК, МГК, Райкома, Президиума АН, Отделения идеологии АН, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и ряда других организаций. Тузик обосновал необходимость усилить философский аспект проблемы. Трус сказал, что по-марксистски правильно понята математическая логика дает мощное оружие в руки. Умильяновский рассказал о структуре сперматозоида в свете новейших достижений кибернетики и генетики. Тваржинская резко бичевала сионистов за искажение чувства любви и за реакционность теории обрезания. Ежов предложил проверить сотрудников института на обрезание. Ойзерман, Рабинович и Фриш его поддержали. Представительница ВЦСПС высказалась против противозачаточных средств, которых у нас (к счастью!) нет, но за улучшение условий для одиноких матерей. И вообще, сказала она, нет ничего позорного в том, что женщины рожают без помощи мужчин. Представительница ЦК ВЛКСМ рассказала о чистой любви среди молодежи на великих стройках коммунизма. Я была там, — сказала она. — Мальчики и девочки живут и дружат там без всяких искажений, прямо как Ромео и Джульетта. Приятно посмотреть. После заседания Трус хихикнул в ухо Тузику, что Ромео и Джульетта, между прочим, даром времени не теряли. И не так уж там чисто было. Между нами говоря, он-таки ее... это самое... того... хи-хи-хи!

Застолье

*Среди обильного питья
И очень скудного обеда
Украсит серость бытия
Объемлющая все беседа.*

О чем только не говорится в таких случаях! О том, что Михайлова теперь живет с Богдановым, а Григоренко женился на этой потаскушке из иностранного отдела. Что цены, ха-ха-ха, скоро опять повысят. Что Украинцева критиковали в «Коммунисте», значит, скоро скинут, что Фролкину директором все равно не быть. Что... Что... Что...

*Смех. Крики. Слов сплошной сумбур.
Мычанье пьяных шалопаев.
Вдруг — виртуозный каламбур
И анекдоты про Чапая.*

— Василий Иванович, спрашивает Петька, ты пол-литра без закуски можешь выпить? Могу, отвечает Чапаев. А литр? Могу. А ведро? Могу. Ну, а бочку? Нет, Петька, не могу. Но Ленин может!

*То вдруг без ведомых причин
Застольный крик смолкает сразу.
В тиши торжественно звучит
Глубокомысленная фраза.*

— Я заметил одно очень любопытное явление: поведение советского человека детерминировано в гораздо меньшей степени внешними и в гораздо большей степени внутренними обстоятельствами, чем это принято думать. Вместе с тем, когда приходится иметь дело с предсказанием поведения советского человека, в гораздо большей мере следует принимать во внимание именно внешние обстоятельства, чем внутренние. В чем суть этого парадокса?

— Никакого парадокса нет. В случае предсказания поведения человека следует принимать во внимание внешние обстоятельства, по которым мы и судим о внутренних обстоятельствах, определяющих поведение. Внутренние обстоятельства незримы, они суть лишь отражения внешних.

— Не финти. Внутренние обстоятельства в некотором роде априорны, не являясь продуктом отражения. Они формальны.

— Что же, они прирожденны, что ли?

— Нет, они воспитуемы. Но результат воспитания есть некая способность поведения, а не отображения тех или иных конкретных ситуаций.

*То вспыхнет спор из пустяка,
А то слезу любви размажут.
Вот так и тянется, пока
Вон выметаться не прикажут.*

Выпив все, что принесли с собой, вытащили спрятанные в загашниках мятые рублевки, трояки и пятерки и перешли на местное пойло — на наливки и настойки системы Росглавино, которые избегают пить даже уличные алкоголики в подворотнях.

— Не помню ни одного случая, чтобы дело этим не кончалось. И не могу понять, почему мы сразу не начинаем с этого, а делаем вид, куражимся?

— Вначале всегда кажется, что на сей раз удастся удержаться на грани. И потом всегда же приятно поразить друзей завалившейся случайно пятеркой. А что пить — потом уж безразлично.

*Как жаль, что надо уходить,
Как расставаться неохота!
Давай еще часок бродить.
Плевать, что ждет чуть свет работа!*

Психоанализ — Говорят, Барабанова снова берут в институт.

— Говорят. Забавный он тип. Дурак. Прохвост. А тоже того гляди диссидентом станет. А из-за чего? Из-за сухого пустяка.

— В нашей жизни вообще все решают пустяки. В основе моей жизненной судьбы, например, лежит окурочок. Да, представь себе, обыкновенный окурочок. Если не веришь, почитай Фрейда.

*В казарме раз окурочок
Кто-то уронил,
А старшина-придурочок
Меня остановил.
Такой-сякой и прочее!..
Сюда, на пол смотри!
И, говоря короче,
Поднять! И... раз, два, три!
А я решил иначе,
Окурочок пхнул ногой.
Я некурящий. Значит,
Поднимет пусть другой.
Ах так, — сказал ехидно
Товарищ старшина.
Что ж, дальше будет видно!
И вроде — тишина.
Но в полночь, когда вяло
Усталый взвод храпел,
Он сдернул одеяло
И в ухо прошипел:
А ну, вставай, паскуда,
Растяпа, твою мать!
Не рассветит покуда, —
Окурочок поднимать!
И пламенем безбожным*

*С тех пор я весь горю.
Где можно и не можно,
Окурками сорю.
Одну в себе заботу
С тех самых пор ношу:
Замечу чисто что-то,
Все оплевать спешу.*

Из рукописи Кажется, я уже говорил, что во всяком крупном историческом движении интеллектуальный уровень руководства движением должен быть адекватен массе участников движения, определяющей его характер и играющей в нем решающую роль. В данном случае в движение были приведены широчайшие народные массы. Наиболее образованные слои общества оказались в стане врагов, были перебиты или эмигрировали. Так что общий интеллектуальный уровень движения оказался крайне низким. Из всех лиц, групп и течений, претендовавших на руководство движением, Сталин и связанные с ним лица, идеи, методы, намерения оказались наиболее адекватными этому уровню.

Но что значит «адекватно»? Это ни в коем случае не означает нечто среднее для представителей движения. При этом интеллектуальный уровень руководства не должен быть ниже общего уровня движения. Он должен быть выше. Но не настолько выше, чтобы его не считали чужим сами участники процесса. А главное, он не должен создавать в массе комплекса неполноценности. Наоборот, он должен помогать массе подняться в своем самосознании почти что до «высот» ума самого главного руководства. Руководство при этом как будто бы непосредственно общается с массами. Многочисленные посредники, проводники и толкователи либо не замечаются совсем, либо воспринимаются как чисто технические средства общения.

Так вот, ситуация тогда сложилась такая, что надо было создать идеологическое учение, адекватное интеллектуальному уровню движения. Подчеркиваю, интеллектуальный уровень Сталина и возглавляемого им руководства независимо от моего участия в нем был выше общего уровня руководимого ими процесса в силу сложившихся обстоятельств. Потом (во время Хрущева и особенно Брежнева) положение резко изменилось, но об этом скажу дальше. И мне в моей работе, раз уж я имел дело с марксизмом, надо было в известном смысле занизить его уровень настолько, чтобы он стал адекватным процессу. Работу в этом направлении уже проделали ранее. Я имею в виду в особенности Ленина. Однако даже величайший «вульгаризатор» марксизма до Сталина еще стремился остаться в рамках «культурного» марксизма. Не моя вина, что «занижая» и «вульгаризируя» марксизм до логического предела, я тем самым вышелушивал из него его рациональное ядро, сущность, единственно стоящее, что в нем вообще было. А то, что я отбросил, оказалось пустой словесной шелухой, пригодной лишь для словоблудия некоторой части умствующих философов. Ни Троцкий, ни Бухарин, ни кто бы то ни было другой, кроме «Сталина», в то время так и не сумели выбраться из словесной

шелухи марксизма и всякого рода идеологических и философских течений, так или иначе связанных с марксизмом. И разгромить их под видом погрома «меньшевистствующего идеализма», «механицизма» и т. п. так, чтобы это выглядело убедительно для масс, не представляло уже особого труда.

Путь к дому Есть много способов «взять женщину». Они разделяются прежде всего на активные (дело выглядит так, будто мужчина сам берет женщину по своей воле) и пассивные (дело выглядит так, будто женщина сама берет мужчину по своей воле). Что имеет место в действительности, не имеет значения, ибо тут значение имеет только видимость. Ибо это и есть отношение не на уровне некоей действительности, а на уровне кажимости. С чисто количественной точки зрения рассматриваемые методы разделяются на одноактные (взять на один раз) и многоактные (взять на более или менее длительный срок). Последние в свою очередь разделяются на нерегулярные (время от времени, как придется) и регулярные (с более или менее постоянной периодичностью), ограниченные (на определенные временные рамки, как, например, на месяц во время отпуска) и неограниченные (срок заранее не задан, зависит от обстоятельств). С точки зрения физиологии эти методы разделяются на голодные (любую бабу, лишь бы это была баба, пригодная к употреблению) и сытые (тут имеет место некоторый отбор). Разумеется, в каждой из приведенных и приводимых ниже рубрик имеется своя классификация. Но здесь вникать в такие подробности нет возможности. Поговорим об этом как-нибудь потом, при случае. С точки зрения психологической методы взятия женщины разделяются на спортивные (преобладает число взятых), престижные (преобладает качество взятых) и душевные (преобладает личное состояние). Душевные методы не следует путать со случаями, когда имеет место влечение, в потенции или в тенденции переходящее в любовь, ибо в этих случаях не берут и не отдаются ей. Тут имеет место нечто иное. Но, к сожалению, этот раздел науки о взаимоотношении полов наиболее слабо разработан. А то, что по этому поводу написали писатели и поэты, есть дилетантская болтовня, относящаяся к подлинной науке на эту тему так же, как алхимия к научной химии, знахарство к медицине. Душевные методы — это когда женщину берут лишь постольку, поскольку ужасно скучно, заела тоска так, что повеситься хочется и т. д., — в общем, когда ничего другого уже не остается.

Классификация произведена по признакам возможных случаев с целью упорядочивания. Возможны и другие типы классификаций. Но этот наиболее прост и удобен с практической точки зрения. Быстро установив, к какой клеточке классификации относится твой случай, ты сразу же начинаешь обдумывать методы, специфически к нему относящиеся. Например, тебе нужно взять женщину для одноактного употребления в ситуации физиологического голода. Если у тебя есть записная книжка с номерами телефонов или хорошая память на этот счет, перебираешь в памяти подходящие номера и начинаешь звонить избранным жертвам, в зависимости от ситуации приглашая их к себе, напрашиваясь к ним или предлагая прогуляться (если у тебя нигде и у нее нигде). Если у тебя такого

списка телефонов нет или он почему-то не сработал, прибегаешь к уличному способу, — выходишь на улицу и начинаешь приставать к женщинам, которые тебе кажутся подходящими, под тем или иным предлогом. Предлог — пустяк. Тут проблемы нет: спроси, сколько времени, как пройти туда-то, как ее звать, а не помочь ли ей донести сумку, в конце концов — предложи просто познакомиться, в крайнем случае — предложи прямо зайти к тебе, в подъезд, в подворотню и т. д. Не отчаивайся, если сорвется. Сорвется на одной, найдется другая. Еще не было случая, чтобы число отказывающихся перевалило за десять. Наберись терпения и наглости. Если же обстановка неблагоприятна, и вероятностный подход, столь эффективный в современных науках, особенно — в физике, не дает должного эффекта (например — поздно, и десяти штук не будет до утра), прибегаешь к самому мужественному методу: хватаешь первую подвернувшуюся пьяную старую бабу и валишь ее тут же за углом. Можешь постучаться к дворничихе, если она незамужняя. В общем, и тут выход есть. Безвыходных положений, как известно, не бывает.

Расставшись с собутыльниками, Мис оказался в положении, когда ему потребовалось «взять женщину» в состоянии физиологического голода и безысходной душевной тоски на одну ночь, — случай, самый трудный в практике такого рода и редко встречающийся. К тому же он предпочитал пассивные методы. Но он преуспел, хотя вероятность успеха в таких случаях почти равна нулю.

Радость женщине

*Мне безразлично, кто есть ты
И почему тут появилась, —
От безнадежной пустоты
Или нечаянно влюбилась.
Пусть черствы руки от кастрюль,
Пусть на одежду денег мало,
Пусть не из таких красуль,
Что смотрят модные журналы.
Пусть тут убого и темно,
Твое мне зримо совершенство.
Одно лишь то, что ты со мной,
Есть величайшее блаженство.*

Падение и взлет Барабанова

Как поется в старой русской песне о Наполеоне,

*Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда.
То вознесет его высоко,
То в бездну бросит навсегда.*

Именно так она поступила с беднягой Барабановым. Его сгубила безудержная тяга к культуре. Краем уха он где-то услышал, что какой-то иностранный писатель написал книжку «Портрет Дориана Грея», в которой рассказывается о человеке и его портрете. Причем, кто-то из них стареет и становится безобразным, а кто-то остается вечно молодым и прекрасным. Кто? Для ответа на этот вопрос у бывшего комсомольского и партийного работника Барабанова ума хватило: младенцы и те знают, что стареет человек, а не портрет! С тех пор Барабанов стал отпускать институтским дамам комплимент: Вы, мол, выглядите, как портрет Дориана Грея. Дамы, которые кое-что слышали на этот счет, сначала обижались на него. Но вспомнив, что он — кретин, прощали. Но вот Барабанов решил блеснуть своей эрудицией на партийном собрании по поводу юбилея Октябрьской революции. Наша советская власть, — сказал он, — выглядит, как портрет Дориана Грея. В зале наступила мертвая тишина. Потом сделали вид, будто ничего особенного не произошло. Но через пару дней Барабанова начали таскать в ЦК и в КГБ. Слух о его хохме распространился. Не знавшие Барабанова, придали ей глубокий политический смысл. На отчетно-перевыборном собрании кандидатуру Барабанова не выдвинули в партбюро. Воспользовавшись случаем, Петин освободил Барабанова от всяких руководящих функций. Обиженный Барабанов, так и не уразумев причин напасти, стал на глазах леветь. И докатился до того, что на лестничной площадке открыто ляпнул, будто не все диссиденты сумасшедшие и шпионы. После этого Ученый Совет единогласно провалил его при переизбрании на должность на новый срок. И ему пришлось покинуть институт. Уходя, он сказал: вы меня еще припомните! И его угроза сбылась. Забросив все дела, он написал донос в ЦК, в КГБ, в Президиум АН и в редакцию газеты «Правда» на всех руководящих деятелей института. Причем, донос аргументированный и документированный. Он сам признался в нем, что собирал эти факты двадцать лет. В ЦК создали особую комиссию для расследования фактов, сообщенных в доносе Барабанова. Петин срочно «заболел» и слег в санаторий. В институте наступило зловещее затишье, — самое удобное время для бездельников и пьяниц. И для Кирусика, конечно.

Дни шли. Напряжение спало само собой. Про Барабанова стали было забывать. Но в связи с новым заданием ЦК институту о нем вспомнили как о крупном специалисте в этом деле. И Тваржинская собственноручно (как потом говорил сам Барабанов) предложила вернуть его в институт и привлечь к подготовке монографии.

Из рукописи Я говорил уже, что положение с соотношением интеллектуального уровня руководства и руководимого им общества резко изменилось после смерти Сталина. Но не из-за этой смерти, а из-за изменений в самом обществе. Нарушился принцип адекватности. Он стал нарушаться еще во времена Сталина, во время войны и после войны особенно. Но к нынешнему времени нарушение его достигло чудовищных размеров и форм. Интеллектуальный уровень руководства остался тем же в силу уровня сложившейся идеологии и консервирующей ее системы со-

циальных отношений, а интеллектуальный уровень общества резко возрос. Исчезла безграмотность. Подавляющее большинство населения получает среднее образование. Огромное число людей получает высшее образование. Сложилась гигантская армия ученых, писателей, художников, всякого рода специалистов, образованных офицеров. Выработанные во времена Сталина все элементы интеллектуальности (мировоззрение, методы мышления и методы интеллектуального поведения) стали выглядеть примитивными, глупыми, смешными. Соответственно, стали выглядеть примитивными, глупыми, смешными руководители общества. По способу же отбора в руководство и условиям его самосохранения в нем исключен какой бы то ни было интеллектуальный прогресс. Это — одно из роковых противоречий этого общества.

Реплика Учителя Автор, пожалуй, прав. Наше руководство обречено иметь сталинские амбиции, не имея уже той народной основы, без которой эти амбиции выглядят карикатурно. Поэтому «новый Сталин» должен коренным образом отличаться от старого. По уму он должен подняться над общим интеллектуальным уровнем населения. В частности, он не должен лезть в маршалы, увешивать себя брякушками-орденами, произносить длинные и пустые речи, устраивать юбилейные оргии. Должен больше думать о повышении жизненного уровня населения, об удовлетворении честолюбия деятелей культуры, способных творить на уровне лучших достижений мировой культуры. А для этого должны произойти существенные перемены в идеологической области. Возможно ли это? Пока во главе ее стоит этот старый хмырь Суслов, никаких перемен к лучшему не будет. А Суслов — это характеристика всего идеологического аппарата. А аппарат этот — машина, сдвинуть которую не так-то просто. И на каком идейном материале? Возможно ли создание идеологических текстов, которые в наше время сыграли бы ту же роль, какую сыграли в свое время «сталинские»? Теперь их уже не вышелушишь из марксизма, — в нем уже ничего не осталось. Не случайно многие наши и западные новаторы в этом деле тянутся к молодому Марксу, т. е. к Марксу в том виде, как он вылупливался из «буржуазной» культуры. Но ничего хорошего из этого не выйдет. Прошло более ста лет. Мир стал другим. Культура мировая ушла далеко вперед. Честное слово, я сейчас был бы не против сыграть для «нового Сталина» роль, аналогичную той, какую сыграл этот псих для старого Сталина. Но увы, вряд ли он будет искать меня. Они Там довольствуются теми кретинами и прохвостами, которые пробиваются в аппарат ЦК. А кто туда пробивается, мы-то хорошо знаем.

Ночь — Кто ты?

— А не все ли равно? Типичная русская баба с высшим образованием, с грошовой зарплатой, разведенная, с ребенком, который ходит в детский сад, когда не болеет, которого берет из сада и отводит в сад моя мать, и которого я сама почти не вижу и не знаю; мать получает копеечную пенсию... Хватит? Видишь, все обыденно и серо. Ты разочарован?

— Нет. Ты хорошая. Добрая. И прекрасная.

— Не говори глупостей. Если бы я была прекрасная, разве я была бы тут?

— Ты меня обижаешь.

— Я не в том смысле. Просто, тогда мы не встретились бы. Я бы не ходила одна поздно вечером по улицам. И у меня было бы много любовников. Я просто не обратила бы на тебя внимания, если бы встретила. А сейчас ты мне нравишься. У тебя тут очень мило. Правда, не мешало бы прибрать. Бороды я не люблю. Но тебе идет. Носи так.

— Спасибо. А то я без бороды почувствовал бы себя еще более одиноким.

— Ты одинок? Но почему? Ты молодой, красивый. Ты где работаешь? Впрочем, это неважно. У тебя, наверно, много друзей. Женщины.

— Это все не то и не так. Во всем этом чего-то не хватает, а чего именно — сам не знаю. Не хватает чего-то стоящего и настоящего. Чего?

— Я с мужем прожила всего два года. Не скажу, что он плохой. И не скажу, что я хорошая. И жили мы не так уж плохо, в общем — как все. Но с самого начала (это я теперь поняла) чувствовалась какая-то искусственность, натянутость, временность. Это у него. Я об этом не думала, не до этого было. Ребенок. Домашние хлопоты. Однажды он сказал, что уходит. А я даже не удивилась. И не жалею, что он ушел. Странно, не правда ли? А почему так?

— Не знаю. Не понимаю. Я вообще ничего не понимаю.

— Мама говорила мне не раз, плюнь на этот институт, иди в портнихи или в продавщицы. Работа чистая. Приработок есть. И голову ломать не надо. Может быть, она права была. А то — кончила десятилетку, почти шесть лет институт. И училась я неплохо. А что толку? Претензии и самомнение только и получила. Без института-то, может быть, действительно проще было бы. И муж был бы, который не ушел бы, попроще. Баба — она и должна делать свои бабские дела. Вести дом, семью хранить. Без семьи, конечно, легче. Но временами грустно становится. Я тебе не надоела?

— Нет. Продолжай. Мне приятно тебя слушать.

— О чем говорить? Вот и все. Да тебе наверно это самое десятки раз говорили другие.

— Говорили. Но я всегда забывал. И каждый раз меня это поражает снова и трогает. Говори!

Тоска по дому

Что проще может быть, кажись, —

Без всяких выкрутасов жизнь?

Детишки, старики, жена.

Уют. По выходным — бутылочка вина.

Кино. За город съездить. Погонять в футбол.

И никаких тебе проблем и социальных зол.

Но не выводит жизни простота.

*Выходит, тьфу, сплошная маята.
На внуков машут старики рукой —
Положен им заслуженный покой.
Болеют дети чуть не через день,
Жена психует — снова бюллетень.
А ты в жену сажаяшь матом, как из пушки,
За то, что не дает, зануда, на чекушку.
И о каком таком уюте тут уместна речь,
Когда едва хватает вытянувшись лечь.
Нет, лучше сложность нынешней эпохи.
Слегка трудиться — все равно заплатят крохи.
Жениться — нет на то достаточных причин.
И пусть детей плодит, кто вышел в высший чин.
При этом ты лишаешься родного дома,
Зато не будет и домашнего содома.*

Лестничные площадки — Если на Западе так хорошо, — вещает Тормошилкина на большой площадке, — и они там свободно могут критиковать свой западный образ жизни, почему же они критикуют свой образ жизни?!?!?

— Если на Западе свободно можно агитировать за коммунизм, — говорит Учитель на малой площадке, — зачем же им в таком случае нужен коммунизм?

— А на Западе сейчас инфляция, — вещает Соловейкин.

— Инфляция там достигла таких чудовищных размеров, — говорит Мнс, — что за монету уже нельзя купить даже эту самую монету.

— Нонсенс, — возмущается Субботин. — Вы, молодой бородатый человек, логики не знаете.

Приятная новость Поздравляю, — сказал Знакомый, — твой Прохвост сдох. Вчера в редакцию пришел его сосед по квартире, принес пакет с бумажками, на котором написано, что Прохвост просит в случае его смерти передать пакет в «Вопросы идеологии». Что это за бумажки? Ерунда всякая. Так что ты можешь спокойно любую макулатуру выдать за его рукопись. Катай отзыв, и дело с концом. А мне бы не хотелось торопиться, — сказал Мнс, — я уже в роль вошел. Хочу хохму отмочить. Только это между нами. Разумеется, — сказал Знакомый. Что за хохма? Об этом потом, — сказал Мнс. — Мне еще недели две нужно бы.

И неприятная новость На малой лестничной площадке обсуждение последних передач западных радиостанций. Добронравов сказал, что «Рабочую группу» арестовали, об этом сообщили и «Голос Америки», и «Немецкая волна», и «Би-би-си». Учитель сказал, что этого следовало ожидать, ибо настоящих рабочих в этой группе было раз-два и обчелся, да и то все они ненормальные. Интересно, что с ними сделают? Судить будут? Вряд ли, сказал Сазонов. Раскидают по «пси-

кушкам». Этого мне только не хватало, — подумал Мнс. Неужели и до меня доберутся? Но я тут ни при чем. Мало ли ко мне приходило психов. И за всех их отвечать?!

Секс и революция Состоялось чрезвычайное заседание Ученого Совета по проблемам марксистско-ленинского учения о правильном сексе и его искажении в буржуазной философии. На заседание были приглашены ученые из других гуманитарных институтов Академии наук, из ВПШ и АОН, из Академии Медицинских наук, из Военно-политической академии и других учреждений столицы. Желающих присутствовать на заседании оказалось так много (пошел слух, что будут показывать картинки, разоблачающие моральное разложение Запада на почве нездорового секса), что пришлось заседание перенести в большой актовый зал, вмещающий до тысячи человек. Перед началом заседания академик Петин вызвал к себе в кабинет Мнс и спросил, как буквально переводится слово «секс» на русский язык. Мнс сказал, что оно так и переводится. Петин дико посмотрел на Мнс и начал еще более дико хохотать. Хохотал до слез, до полной потери голоса. Секретарша еле привела его в чувство. Когда, наконец, Петин очухался и появился в президиуме заседания, зал приветствовал его бурными аплодисментами. Мы, большевики, — не аскеты, сказал Петин, открывая заседание. Ничто человеческое нам не чуждо. Об этом свидетельствует тот неоспоримый факт, что теперь на повестке дня нашей философии встал вопрос о... В этом месте Петин слегка покраснел, хихикнул и указал пальцем на то место, где помещается орудие секса. Собравшиеся снова зааплодировали. Самые прогрессивные радостно перемигивались друг с другом и всем своим видом выражали уверенность в том, что и у нас в конце концов все образуется и будет не хуже, чем на Западе. Либерал Булыга с чувством пожал руку Тваржинской, которая была первой в списке желающих выступить, и сказал ей напутственное «Ну, с Богом!».

Из рукописи А не преувеличиваю ли я значение того, что я называю социальным аспектом? Возможно. Но чем же вы тогда объясните, например, такой факт, что советские эмигранты на Западе сохраняют все основные качества советского человека, а собираясь в группы, воспроизводят в миниатюре советское общество? Не знаю, насколько это верно, но говорят, что даже религиозные группы из советских эмигрантов начинают к Христу и Церкви относиться как к Генсеку и КПСС. Слава Иисусу Христу! Да здравствует Христова Церковь, ведущая верующих к светлому Царству Божьему! Включимся в борьбу за звание образцового... чуть не сказал коммунистического... прихода! Конечно, это — шутки. Но как много в них правды.

Обратимся снова к основным элементам социального интеллекта. Это, напоминаю, суть мировоззрение (или идеология как учение), методы мышления и методы интеллектуального поведения (или идеология как навык, практическая идеология). Мировоззрение (идеологическое учение) говорит человеку, что из себя представляет в общих чертах мир, общество, сам

человек. Практическая идеология прививает определенные навыки поведения в принципиально важных ситуациях, — правила идеологического поведения. И хотя они имеют на первый взгляд различные источники формирования и вступают в конфликт, на самом деле это — целостное явление, стороны которого (идеологическое учение и правила идеологического поведения) неразрывно связаны и взаимно обусловлены. Они не совпадают, а именно связаны, взаимообусловлены, соответствуют друг другу. Когда всякого рода критиканы кричат о том, что в Советском Союзе «двоемыслие», цинизм в отношении идеологии, неверие, что на словах одно, а на деле другое, они не понимают тут ни бельмеса. Они смешивают совпадение и соответствие, связь, взаимное влияние. Совпадения тут нет и быть не может. Его никогда не было вообще, ибо никогда не может совпасть действие человека с некоей мыслью о природе, обществе, человеке.

Можно возразить на это, что правила и навыки идеологического поведения можно описать в виде некоторого текста (тоже учения) и затем сравнить его с писаниями основателей марксизма. Так обычно и делают. Но это опять-таки показатель полного непонимания сути дела. Во-первых, в писаниях классиков марксизма, их учеников и последователей, философов пропагандистов можно найти все, что угодно. Но не все сказанное входит буквально в идеологическое учение. Гениальность Сталина (т. е. моя) заключалась именно в том (в этом пункте), что он отделил чисто идеологическую часть (ядро) марксистских текстов от прочих словес. В марксистской писанине зародилось и вызрело идеологическое учение коммунизма, но не вся эта писанина есть это идеологическое учение. Сталин (т. е. я) сделал первый крупный шаг в направлении очищения идеологического учения коммунизма от шелухи марксистской писанины. Потом (после Его смерти) началось попятное движение. Но оно уже не способно было фактически выйти за заданные Им рамки. Оно производило лишь новую шелуху, не затрагивая ядро учения. Я повторяю, настаиваю и подчеркиваю: придет время, и на новом этапе кто-то повторит дело Сталина (т. е. мое) и превзойдет Его (меня).

Начало дела В институте появился сотрудник КГБ и изъявил желание побеседовать с Ученым Секретарем. После ряда уклончивых и отвлекающих вопросов (как поживаете? чем занимаетесь? как супруга и детки?), сотрудник КГБ попросил у Ученого Секретаря, кто в институте занимается письмами и рукописями посторонних лиц, в особенности — сумасшедших. Секретарь сказал, что нормальные рукописи и письма распределяются по секторам, а сумасшедшими занимается (уж так получилось) особый сотрудник, имеющий опыт обращения с сумасшедшими. И он назвал Мнс.

Записав что-то в записную книжечку, сотрудник КГБ (Сот) попросил пригласить к нему (он расположился в кабинете директора) заведующую отделом кадров, Зайцева, Смирняшева, Сазонова, Барабанова, Добронравова, Тваржинскую, Качурина и многих других. Конечно, в последовательности. Но сначала он пригласил самого Мнс. Хотя делалось это в строжайшем секрете, вскоре весь институт знал все до мельчайших подроб-

ностей. Знал даже то, чего на самом деле не было. Кирустик сбилась с ног, разнося последние сведения, осушила все флаконы валокордина, кордиовалена, кордиамина, валидола, солидола и корвалана, какие нашлись в сумочках институтских женщин. Мракобесы ходили, ехидно усмехаясь. Теперь-то до этих мерзавцев доберутся, шептали они друг другу с полным взаимопониманием. Давно пора! А то распустились! Либералы ходили, стиснув челюсти и мрачняя с каждой минутой, собирались группками, молчали и вздыхали. Да, говорили они изредка зловещим шепотом, ничего себе ситуация! Докатались! Из-за этих мерзавцев могут погибнуть все наши лучшие начинания. Они и нас запутать могут, негодяи!

Зайцев, узнав, что его вызывает Сот, срочно вызвал «Скорую помощь» и отвез себя в больницу с острым приступом радикулита. Смирняшев срочно побрился, почистил свои гнилые зубы и принял какое-то лекарство, уничтожающее запах спиртного перегара. Сазонов подготовил обстоятельный доклад. Тваржинская надела праздничное платье и нацепила все свои боевые и трудовые награды. Барабанов сменил нижнее белье. Добронравов ушел в Городское отделение ДОСААФ. Самый интеллигентный ученый института доктор философских лженаук Субботин пришел сам, без вызова. Он решил, как и подобает настоящему коммунисту и патриоту, рассказать все и изложить по сему поводу свои соображения.

Размышления о терроре

*Установилось с давних пор
Такое мнение повально:
Не поощряется террор
Инди-виду- а- альный.
Не будем против зря переть.
Тому есть, значит, основанье.
Поговорим, на что мы впредь
Возложим наше упованье.
Но в этот раз излишен спор,
Ответ есть очень объективный.
В повестке дня стоит террор,
Конечно, только коллективный.*

Секс и революция Этот день институт не работал совсем: Кирустик разнесла новую потрясающую новость, будто скоро официально разрешат секс-клубы вроде того, о каком недавно писали в фельетоне в газете. Клуб этот организовал проходимец, осужденный пять лет назад на пятнадцать лет заключения в лагерях особого режима за создание нелегального публичного дома для высокого начальства. Освободили его досрочно за то, что он выступил в лагере инициатором социалистического соревнования за досрочное освобождение из заключения. На сей раз он организовал бардак нового типа, более соответствующий, как он сам говорил, возросшему материальному и моральному уровню общества. Для вступления в клуб требуются рекомендации трех членов с годичным

стажем и вступительный взнос пятьсот рублей. Ежегодный взнос — сто рублей. Членам клуба выдается секретный телефон и пароль. По этому телефону член клуба может заказывать «девочек» или «мальчиков» по своему вкусу, еду и выпивку. Каждый такой заказ оплачивается, конечно, отдельно в зависимости от его индивидуальной стоимости (как в ресторане). Например, невинные девочки до четырнадцати лет стоят пятьсот рублей, а старые жирные бабы — десятку; на один час одна цена, на всю ночь — другая; в частную квартиру одна цена, а в учреждение — другая. Как и в первый раз, клуб провалился из-за ссоры его организаторов и из-за того, что сняли с высоких партийных постов нескольких почетных членов клуба. В фельетоне, конечно, об этих почетных членах ничего сказано не было, а вся история была представлена как заурядное мошенничество: мол, жулики под видом некоего секс-клуба выманили у простаков денежки.

Старые институтские ханжи и ведьмы ринулись сначала к секретарю партбюро узнать, насколько верна принесенная Кирусиком весть. Тот, сославшись на то, что его вызывают в ЦК, смылся из института. Тогда ханжи и ведьмы ринулись к Тваржинской. Та сказала, что в секс-клубах есть здоровое ядро, и если его очистить от буржуазной идеалистической шелухи, то оно может стать мощным оружием партии в деле воспитания человека грядущего коммунистического завтра. Но на всякий случай она узнает об этом в ЦК и у «ответственных товарищей»... сами понимаете, откуда.

Беседа Сот с Мнс Сот: Это не допрос, а дружеская беседа. Мы просим Вас помочь нам в одном очень важном деле. Вы слушаете, конечно, западные радиостанции?

Мнс: Нет.

Сот: Это похвально. А то сейчас молодежь распустилась...

Мнс: У меня нет приемника.

Сот: Вы член партии?

Мнс: Нет. Но готовлюсь вступить.

Сот: Тем более! Вы обязаны быть с нами вполне откровенными. Дело очень важное. Сами понимаете.

Мнс: Ничего не понимаю.

Сот: Ха-ха-ха! Конечно, я же Вам не сказал еще, в чем дело. Знакомы ли Вы с Сидоровым Петром Ивановичем?

Мнс: Возможно. Но пока это имя мне ни о чем не говорит. Кто это такой?

Сот: Пенсионер. Бывший офицер. Психически больной. Он бывал у Вас в институте, приносил рукописи и присылал письма, якобы обличающие наши недостатки.

Мнс: А, это Обличитель! Да, знаком.

Сот: Почему Обличитель? Это его псевдоним? Для конспирации?

Мнс: Для какой конспирации?! Он же псих. А Обличителем я его прозвал.

Сот: Что Вы о нем можете сказать?!

Мнс: Ничего особенного. Рядовой псих. Тут таких крутится полно. Сна-

чала бомбил институт письмами и рукописями. Потом появился сам. Пришел ко мне.

Сот: Почему именно к Вам?

Мнс: Потому что так получилось, что заниматься с психами было вроде моей официальной обязанности. Его ко мне прислал Ученый Секретарь.

Сот: Как часто Вы встречались с ним?

Мнс: Раз десять. Он мне порядком надоел. Подстерегал меня у входа в институт, у дома. Даже на квартиру заявлялся. К счастью, меня не было дома.

Сот: О чем же Вы с ним разговаривали?

Мнс: Конкретно не помню. Но в общем — он говорил о недостатках нашего общества, уличал меня в равнодушии. О чем может говорить человек, свихнувшийся на обличении?

Сот: Я буду с Вами откровенен. Сидоров замешан в деле антисоветской организации, называвшей себя «Рабочая группа». Сейчас он задержан, содержится в психиатрической больнице. На обследовании. Но не исключено, что он предстанет перед судом. Члены группы называют его в качестве инициатора создания группы, а сам он показывает на сотрудника Вашего института, судя по описанию — он имеет в виду Вас.

Мнс: Мало ли что он наговорит. Я пока еще не свихнулся, чтобы такими глупостями заниматься.

Сот: Обсуждал ли он с Вами идею создания «Рабочей группы»?

Мнс: Я не обсуждал. Он что-то болтал, но я не придавал этому значения. Я каждый раз думал об одном: как бы от него избавиться.

Из рукописи Я не хочу копаться в исторических зигзагах, совпадениях и случайностях. Достаточно обратить внимание на следующие факты. Сложилась партия — сложная, дифференцированная, иерархизированная организация. Сложилась она под знаменем и по идеям некоторого исторически данного учения, с одной стороны, и в силу конкретно-исторических условий жизни страны, с другой стороны. Исторически данное учение было частично удобно для партии при этом, иначе оно не было бы избрано в качестве идеологии партии. Но частично оно не было удобно, и эти части предавались забвению, игнорировались, переделялись. Руководители новой партии кое-что добавляли от себя, перетолковывали, приспособливали. Вместе с тем, чтобы партия могла существовать как единое целое, внутри партии должны были установиться определенные правила поведения ее членов и руководителей, их взаимоотношений, их отношений к властям и прочим людям, — в самом процессе создания и жизни партии вырабатывалась определенная практическая идеология, закрепляемая в уставе партии, в партийной этике, в неписанных навыках и традициях. Неизбежно должно было происходить сближение идеологического учения и практической идеологии, вернее — идеологизация поведения членов партии. После захвата власти этот внутрипартийный процесс наложился на все общество, создаваемое в соответствии с партийным образцом.

Ключ к пониманию идеологического учения надо искать не в нем самом как таковом, а в определенных формах поведения членов общест-

ва. А чтобы выделить случаи, которые можно рассматривать как случаи идеологического поведения, надо иметь в виду идеологическое учение. Тут имеет место единое явление. Как ворваться в это единство — дело эмпирических наблюдений, попыток, удач. Я лично избрал такие факты поведения рядовых членов партии и руководящих деятелей, которые сами бросались в глаза, казались мне очевидными. Кроме того, я наблюдал поведение людей в первичных деловых коллективах и партийных организациях. И вообще, повсюду, где мне приходилось бывать. Удивляюсь, почему ничего этого не замечали другие. Впрочем, они замечали, но смотрели на это совсем с иной точки зрения, и потому видели в этом не то, что само собой выделось мне.

Разумеется, нельзя рассматривать все общество только как разросшуюся партию. Надо в обществе суметь различать то, что является продуктом тенденции построения общества по партийному образцу, и то, что в обществе складывается само собой, в силу общих социальных законов. Это не так-то просто сделать, ибо после взятия власти партией происходило сближение партии и общества, взаимное влияние. Причем, партия сама в какой-то мере становилась образом и подобием общества, которое созидалось под ее руководством. А Сталин, как это ни дико звучит на первый взгляд, представлял именно эту линию в партии на сближение с обществом. Пока его конкуренты и противники занимались высокотеоретическим трепом и проектами, он занимался пустяковыми земными делами, возвышая их на уровень не то что партийных, а чуть ли не божественных свершений. Вот такие явления обычно ускользают от внимания хладнокровных исследователей и эмоциональных критиканов. Почему? Их как будто бы нет в конкретных фактах нашей истории и в протоколах. Их надо еще вычленивать как скрытую в фактах тенденцию и закономерность. А законы жизни в протоколах заседаний и газетных отчетах не вычитаешь.

Грустные размышления о терроре

*О, автор предыдущей песни,
Я не могу понять, хоть тресни,
Какой террор имеешь ты в виду,
И для чего — на благо иль беду?
Террора два есть разных рода.
Один — властей против народа.
Но он не только не опасен,
А даже нужен и прекрасен.
Другой террор — против властей,
Царей, министров и вождей.
Так этот, между нами, брат,
Плохим последствием чреват.*

Соображения Учителя Твой псих, — говорит Учитель, — верно фиксирует сложности в понимании явлений нашей жизни, намечает основные рубрики. Но ему не хватает профессионализма в анализе. Сказывается и пренебрежение к Гегелю и Марксу. В диалектике в то время были сделаны интересные открытия. Ленин их уже не понимал или понимал плохо. Он начал тот путь к вульгаризации, который завершился Сталиным. Последний же вообще игнорировал все достижения прошлой философии. Про новую и говорить не приходится, — ее считали классовым врагом. Твой псих создавал сталинское учение, вульгаризируя прошлое, а не современное. Будущий Сталин должен будет учесть результаты нашего века. Конечно, когда они уже устарели или превратятся в бессмыслицу.

А чем занимаемся мы тут в институте, — говорит Мис. — Именно такой вульгаризацией «современной» науки столетней или в лучшем случае — пятидесятилетней давности. Только тут пятьсот человек. А сколько таких в Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Душанбе и т. д.?! Тысячи! А он был один.

Это роли не играет, — говорит Учитель. — В таких делах один толковый человек может сделать больше десяти тысяч кретин, карьеристов, жуликов, честолюбцев. Но сейчас не об этом речь. Английские экономисты и Гегель разработали, например, метод «восхождения от абстрактного к конкретному» для анализа сложных общественных систем. Маркс хорошо овладел этим методом. Ленин о нем уже не имеет понятия. А при Сталине за него расстреляли бы. А ведь этот метод и был одним из проявлений диалектического метода мышления вообще. И без него в наших делах ничего толком не поймешь. Запутавшись в трех соснах. Вот, скажем, эта проблема «партия — общество — идеология». По условиям того общества, которое складывалось (а для нас — уже сложилось)... Тут достаточно назвать, например, такие принципы, как иерархия, централизация, подчинение с периферии к центрам и снизу к более высоким инстанциям, секретность всего и отсутствие гласности, отбор должностных лиц сверху, распределение по социальному положению. Так вот, по общим и неустрашимым условиям нашего общества происходит освобождение людей от всех тех внешних и внутренних ограничителей, которые в прошлом и в западных странах сдерживали буйство социальной стихии, — от религии, «буржуазной» морали, правовой защиты личности, «индивидуализма» (Мы превыше Я). Но социальная стихия остается. Как от нее защищаться? Создание специальных органов вроде КГБ, МВД, разных «общественных» организаций (суды, комиссии, комитеты). Но ведь это и есть, выражаясь языком старой (доленинской и досталинской) диалектики, процесс изъятия из человека всего человеческого (отчуждение), вынесение его вовне и воплощение в функции партии и ее особых органов надзора, подавления, предупреждения. Но человек не может быть оставлен пустым. Место старых атрибутов человечности (особенно — религии, морали, личного достоинства, чести, совести) должно быть заполнено. Если этим не займется партия и государство, люди заполнят это своими кустарными изобретениями и старьем. Чем заполнить? Естественно, это должно быть нечто

такое, что можно «погрузить» в голову и в деятельность, осуществляемую под контролем головы, а именно — идеология. Идеология, таким образом, изобретается и внедряется прежде всего не с целью заместить старые атрибуты человечности и выполнять их функции, а с целью вытеснить их из людей. Понимаешь, вытеснить их и не допускать их обратно! И вторая задача идеологии — сделать благоприятными условия деятельности отчужденных атрибутов человечности (партия с ее органами КГБ, МВД), которые в силу неотвратимых («железных», как у нас иногда говорят) законов бытия обращаются против людей, превращаются в органы подавления. Человеческое, будучи отделено от людей и воплощено в функции особых органов общества, превращается в античеловеческое! Нет, брат, Гегель и Маркс были не дураки. Конечно, когда речь шла о прошлом. Но ведь и коммунизм подчиняется общим законам бытия, — вот в чем свинство истории (с точки зрения марксистов). Так мог ли Ленин на пороге революции говорить и думать о таких вещах?! А Сталин, деятельность которого развернулась в основном уже после революции, должен был просто запретить эти штучки. Но как? Идеологическая революция! И он ее осуществил. Между прочим, это была революция не менее важная, чем Октябрьский переворот. И заруби себе на носу: функция идеологии заключалась и заключается прежде всего и главным образом не в создании новой веры, не в указании путей, не в дрессировке, хотя полностью исключать эти аспекты не следует, а в исключении из человека его внутреннего человеческого содержания и превращении его в «нового человека», в существо, адекватное сложившемуся строю жизни. В существо, способное вставать на трудовую вахту в честь, ходить на демонстрации, приветствовать, быть монолитным и единомышленным, довольствоваться малым и т. д.... Роль идеологии не столько позитивна, сколько негативна. Идеологическая обработка населения есть личностная кастрация его! Можешь своему психу передать мои слова. Но без ссылки на меня.

Он умер, — сказал Мнс. Жаль, — сказал Учитель. — Я бы хотел с ним встретиться и поговорить. Он интересный человек. И наверно жутко много знает подробностей. Что же, пойдем отметим такое печальное событие. Мы, русские, никогда так не веселимся, как на похоронах.

Секс и революция Враги марксизма, — начала свое выступление Тваржинская, — постоянно обвиняли марксизм в недооценке... э-э... как бы выразиться поточнее?!.. секса. Сказав это, она слегка зарозовела, хихикнула и подмигнула сидящим в первом ряду старым чекистам-пенсионерам. Те одобрительно зашуршали, не поймешь чем — искусственными челюстями или протертыми штанами и юбками. Это, — продолжала Тваржинская, постепенно наращивая мощь голоса, — гнусная клевета! Я сейчас с цитатами в руках воочию покажу вам, что классики марксизма и руководители Партии и Правительства всегда придавали огромное значение проблеме... эээ... секса. Всем известно бессмертное крылатое изречение основоположника научного коммунизма о том, что ничто человеческое ему не чуждо, и я не буду его повторять. Напомню только,

что... Что у Маркса, — шепнул Добронравов аппетитной аспирантке из сектора этики, — было пять законных детей и двадцать пять побочных, среди них одиннадцать от наших русских революционеров — Бакунина, Кропоткина, Плеханова, Лаврова, Чернышевского, Петина и многих других. Но они же мужчины, — захихикала аспирантка. Не играет роли, — сказал Добронравов, пропихнув руку за спину аспирантки и слегка обняв ее ниже талии, — марксизм отвергает различие полов. Друг и соратник Маркса... вы догадываетесь, о ком я говорю, — почти пела Тваржинская, — был одним из самых... выдающихся светских львов, — шептал Добронравов, — своего времени, а по-нашему — потаскунов и бабников. Вроде Вас, — хихикала аспирантка. Ничего подобного, — шептал Добронравов, — я честный холостяк. А сколько раз Вы были женаты, — хихикала аспирантка. Не считал, — шептал Добронравов. Молодой Маркс, — пела Тваржинская, — писал своему отцу... Майн либер хер фатер, — шептал Добронравов задыхающейся от смеха аспирантке, — ты советуешь мне пользоваться презервативом. Но, как говорят французы, пользоваться презервативом — все равно, что нюхать розу в противогазе. Дайн зон Карл. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Полн. собр. соч., изд. десятое, том 19, стр. 873. Критикуя неогегельянцев, — вопила Тваржинская, — Маркс писал... Поддерживать прусскую монархию, — бубнил в ушко готовой на все аспирантке Добронравов, — все равно, как заниматься онанизмом, глядя на старую гамбургскую портовую проститутку, отдающуюся пьяному импотенту боцману за десять пфеннигов прямо на фок-мачте. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Полн. собр. соч., изд. десятое, том. 34, стр. 371. Трудно назвать выдающихся последователей Маркса, — ликовала Тваржинская, — которые были бы равнодушны к проблемам... э-э-э... как бы выразиться поточнее?!.. секса. Владимир Ильич писал в письме к Надежде Константиновне, с которой он в это время жил в Цюрихе... Жил, между прочим, в одной комнате, а не в шикарном особняке, как живет так называемый литератор Солженицын! Откуда это Вы, батенька, взяли, — ворковал Добронравов, — будто большевики против гомосексуализма?! Большевики не аскеты. Ко мне приехал один чудесный грузин (не помню его фамилии) вместе с проституткой Троцким. Так они прямо на заседаниях ЦК занимаются этим, как его... э-э-э... как бы поточнее выразиться?!.. сексом. См. В. И. Ленин. Переписка с Н. К. Крупской в Цюрихе, т. 51 стр. 997.

В заключение Тваржинская поделилась воспоминаниями о своей сексуальной практике в Париже, где она несколько лет служила советской разведчицей и содержала дом терпимости. Тамошние бляды, сказала она, ни в какое сравнение не идут с советскими. Когда, например, девицы моего заведения бастовали, то я одна заменяла всех их и вполне справлялась с этим делом. И даже получала некоторое удовольствие. При последних словах Тваржинская слегка засмушалась и прикрылась батистовым платочком, который она хранила еще с тех лет. За это, закончила она свой блистательный доклад, меня наградили орденом «Красного Знамени».

Тваржинская предложила назвать сборник «Секс и революция» (по аналогии с книгой Ленина «Государство и революция»). Престарелый заведующий отделом философии естествознания Умильяновский сразу смекнул,

что с таким названием готовить коллективный труд поручат отделу научного коммунизма или на худой конец — исторического материализма. Если мне не изменяет память, сказал он под одобрительный смехок аудитории, секс относится скорее к области естествознания (тут оратор поглядел вниз), чем к... (тут он постучал пальцем по лбу). И предложил назвать сборник «Марксистская интерпретация идей кибернетики в современной микро-сексологии». Но выступивший вслед за ним профессор Блулов решил скрытую борьбу отделов философии естествознания и научного коммунизма в пользу последнего, приведя цитату из новой книги Леонида Ильича «Целина». Причем название книги Блулов произнес с подленьким смешком старого развратника. Вот эта цитата: «Секс только у животных и в странах гниющего капитализма есть явление физиологическое. У нас же и в других странах, идущих по пути строительства социализма, секс одухотворен немеркнущим светом идей марксизма-ленинизма. Советские люди... э-э-э... как бы это выразиться поточнее?... вступают в брачные отношения как строители нового общества. Я думаю, что назрело время внести в Конституцию особую статью: «совокупление есть священный долг каждого гражданина Советского Союза».

Беседа Сота со Смирнящевым Смирн: С научной точки зрения он — пустое место. Порядочный лодырь и пьяница. Я не один год возился с ним, пытаюсь вытянуть. Помогал готовить статьи, чтобы они удовлетворяли хотя бы элементарным требованиям грамотности. Но ничего не вышло.

Сот: Но он, кажется, владеет немецким и английским, читает по-французски и по-итальянски?

Смирн: Кажется. А что толку? Специальную литературу он не читает.

Сот: А какую литературу он читает?

Смирн: Детективы. Где-то достает антисоветские книжки и враждебные газеты.

Сот: Откуда Вам это известно?

Смирн: Сам видел не раз. Сазонов может подтвердить. Однажды он забыл на столе книгу Троцкого на английском. Это могут подтвердить все сотрудники сектора. И вообще он как-то уклонялся от участия в жизни коллектива.

Сот: Он готовился к вступлению в партию. Значит занимался общественной работой. Очевидно, кто-то проверял, насколько он политически грамотен, читает ли газеты?

Смирн: Конечно. У нас без этого нельзя. Он участвует в семинаре повышенного типа, сам ведет пропагандистскую работу у подшефных строителей. Но он все это делает как-то вяло, без энтузиазма, лишь бы. И в партию стремится из чисто карьеристических соображений.

Сот: Ясно. А с кем он дружит в институте? Какие разговоры ведет?

Смирн: Тут есть целая компания таких болтунов и бездельников, которых давно пора гнать отсюда в шею. Добронравов. Учитель. Кто такой? Это младший сотрудник нашего сектора, прозванный почему-то Учителем. Зимин из отдела философии естествознания. Макаров из «Вопросов идеоло-

гии». Алкоголик Шубин. Болтают обычно о передачах западных радиостанций. Анекдоты, конечно. Сплетни всякие.

Сот: А не замечали ли Вы некоторых странностей в его поведении?

Смирн: Ну, это общеизвестно. Что он чокнутый, общеизвестно. Потому его и заставляли одно время заниматься сумасшедшими. Как бы это Вам сказать? В общем, он обычно присутствует, отсутствуя. Сидит на собрании или на семинаре, а мыслями где-то в другом месте. Нет, не скажу, что он шизофреник. Вообще-то он тихий, спокойный, никогда ни с кем не спорит. Но...

Секс и революция Во время перерыва половина собравшихся сбежала, убедившись в том, что порнографические картинки показывать не будут. Часть сбежавших, возглавляемая алкоголиками с многолетним стажем, собралась около Института Маркса-Энгельса-Ленина с намерением использовать вечер более разумным образом. К ним присоединился сам председатель месткома. Он уже получил квартиру, ради которой угробил три года жизни на профсоюзные дела, и решил слегка расслабиться. Придя в необычайное возбуждение от одной мысли о предстоящей выпивке, он пообещал финансировать это культурно-массовое мероприятие из средств месткома, выделенных в качестве помощи матерям-одиночкам. Обещание встретили криками «ура!». Учитель заметил, что понятие «мать-одиночка» логически противоречиво, так как означает мать, не имеющую детей, и потому не будет большого греха пропить отпущенные для них гроши. Предместкома по секрету сообщил, что в институте вообще не числится ни одной матери-одиночки, а деньги, отпущенные на них, все равно надо как-то истратить.

Весь вечер говорили, естественно, о сексе. Но в таких выражениях, что лучше об этом не говорить. Единственно разумную мысль высказал Учитель. Он различил два уровня в сексе. Первый уровень охватывает все то, что связано с естественными половыми потребностями и их естественным удовлетворением. Второй уровень охватывает некоторые формы культуры, вырастающие на этой основе. В средние века это было рыцарским культом женщины. В восемнадцатом и девятнадцатом веках — любовный роман. Сейчас же это — гипертрофия техники половых сношений и половых извращений. Пожалуй, впервые в истории человечества секс стал служить деградации человечества. Скоро в коммунистических странах этот второй уровень секса тоже примут на вооружение. Это будет мощное средство отвлекать внимание людей от важных житейских проблем и манипулировать ими. Добронравов сказал, что у нас ничего из этого не выйдет, так как у нас харч и климат не те.

Голоса Знаешь ли ты, что такое была штурмовая авиация?

Это когда за боевой вылет сто грамм водки. Потом стрелок достанет еще пол-литра. Потом механик еще достанет литр. Потом...

Потом снова боевой вылет. Выпивка, бабы, трипперы, мордобой и прочее — это шелуха. Штурмовая авиация — это боевой вылет. Полет на штурмовку вражеских объектов! Штурмовка! Тебе этого не понять.

Где мне понять?! Я кто? Мамин сынок. Гнилой интеллигент. Это вы там только и делали, что мчались в конные атаки и штурмовали объекты противника. И все время погибали.

Не только это. И погибали лишь раз. И почти сразу. Но мы и мчались, и штурмовали. Пикировали — штурмовики бомбили и стреляли с пикирования. Знаешь, это было здорово!

Что «здорово», — убивать?

Нет, пикировать, бомбить и стрелять. Мы же не видели людей в лицо.

И сколько раз у тебя было это «здорово»?

Тридцать раз.

Всего-то?

Это много, очень много. Обычно убивали в пределах десяти вылетов. Мне еще повезло. Я еще успел немного с бабами покрутить. И выпить порядочно.

А как ты погиб?

Не знаю. Меня просто вдруг не стало. На последнем заходе. Начал пикировать, прицелился. И вдруг меня почему-то не стало.

И как долго длились твои тридцать раз?

Полгода.

Мне тебя жаль. Это же мизер!

Что ты! Это очень много. За это время я успел даже в тылу побывать, за самолетами. И чуть было не женился. Смех!

Что смех — женился или чуть было не?

Вместе. Вкусная была баба. На продовольственном складе работала. Ох, и попили же мы с ребятами. Бродили, как тени зеленые. А ей зачем-то был нужен муж-фронтовик. Кинули жребий, досталось мне.

А что же помешало твоему браку?

Договорились идти расписываться, а меня в этот день на гарнизонную губу посадили за драку. Вышел — договорились на другой день пойти. А с рассветом мы улетели.

Нехорошо обманывать женщин.

Я не обманывал. Случай такой вышел. А о ней не беспокойся. Она другого наверняка нашла. Работать на продскладе и не иметь мужа — это логически невозможно.

Логически? Откуда у тебя словечко такое?

А я ведь тоже начинал учиться на философском факультете. Смешно?

Еще как! Так что же такое штурмовая авиация?

Представь себе такую картину. Еще не рассвело, а мы уже на ногах и позавтракали. И построились идти на аэродром. Аэродром — одно название, полянка в лесу. Чуть не рассчитал, и врелся в сосны. Затягиваешь потуже широкий офицерский ремень. Для нас это — вроде твоих джинсов. Престиж. И красиво. Позвякиваешь медалями и орденами. Это тоже приятно. И тоже красиво. Сдвигаешь подальше пистолет. Настоящий! На тонком ремешке болтается где-то под коленками планшет с картой. Надеваешь белоснежный шелковый подшлемник, на него — шлемофон. Сапоги надраены до блеска. В общем, есть на что посмотреть. И ужасно приятно чувствовать себя таким.

И девчонки смотрят?

Как когда. Но и без них приятно. Нет, слово «приятно» здесь не подходит. Тут другое. Тут ожидание боя и готовность к бою. Знаешь, я ни разу не летал небритым, с нечищенными сапогами и с грязным подворотничком и подшлемником. Бой — это одновременно праздник, жертвоприношение, казнь. Я имею в виду штурмовую авиацию, конечно. Как у других, не знаю.

Других убивали голодными и в грязи.

Каждому свое. Мне их жаль. А что я мог сделать? Только то, что я и сделал: погибнуть.

Сколько тебе было?

Двадцать. Извини, командир эскадрильи скомандовал по машинам. Через несколько минут вылет. На железнодорожный узел на сей раз. Там четыре зенитных батареи. И истребители. Прощай, друг! Держись!

Постой! Ты из пистолета-то стрелял когда-нибудь?

Ни разу. Но дело не в этом. Прощай!

Тоска о прошлом

*Что вы затихли,
что потускнели,
Песни, которые
раньше мы пели?!*
*Мы слышим отныне
то крики, то стоны.
Нам что-то невнятно
шипят в микрофоны.
Нам что-то истошно
волят-завывают.*
*Чего они просят?
К чему призывают?
Ни к черту, ни к Богу,
ни к стройке, ни к бою.*
*Они наполняются
сами собою.
Как будто отважно
ломают тесноты,
А верить нельзя им
на сотую ноты.*
*Их слушать —
за вас нестерпимо обидно,
Но к вам возвращаться —
и больно, и стыдно.*

Наставления Мудреца — Я давно к Вам присматриваюсь, — сказал Мудрец.

— Странно, ко мне все время кто-то присматривается, — подумал Мнс, но промолчал.

— Мы, старики,ходим со сцены.

— И этот воображает себя на сцене истории, — подумал Мнс, но опять промолчал.

— И мы, естественно, заинтересованы в том, чтобы нашлись молодые люди, которые продолжали бы наше дело.

— Какое дело? — не вытерпел Мнс. — И зачем продолжать? Неужели Вас беспокоит то, что будет после Вас?

— А как же! Неужели Вас не волнует облик будущего мира?

— Нисколько.

— А напрасно. Впрочем, это у Вас еще от молодости. С годами это кажущееся безразличие к будущему у Вас пройдет и появится озабоченность. А что касается дела... У нас, у думающих людей, у всех одно дело: разобраться в том, что происходит, и выработать программу преобразований... Впрочем, насчет программы — это потом. Сначала о понимании. Вы, надеюсь, не диссидент?

— Нет, конечно.

— И не надо. Мы — ученые. Наше дело — понять, а не возмущаться, помочь, а не злопыхательствовать. А понять не так-то просто. Вот, к примеру, наши диссиденты шумят. И Запад шумит. А ведь шумят-то на девяносто процентов впустую. Судите сами. Вот, допустим, множество проблем, которые якобы характеризуют Советский Союз с отрицательной стороны и к которым приковано внимание критиков советского образа жизни. А это — множество проблем, которые на самом деле существуют с точки зрения жизни населения страны и которые на самом деле характеризуют нашу систему отрицательно. Эти множества совпадают лишь частично, да и то в самой несущественной части. Например, молодой человек отказался служить в армии якобы из-за религиозных убеждений. Это — заурядное уголовное преступление. Советское население не воспринимает суд над этим молодым человеком как нарушение свободы совести. На Западе ведь тоже в определенных обстоятельствах не считаются с религиозными убеждениями. Представьте себе, образовалась религиозная секта, требующая ритуальных убийств. Думаете, с ними будут церемониться? А сейчас диссиденты наши и их западные помощники из-за этого молодого человека шум поднимают: мол, вот вам пример нарушения гражданских свобод в Советском Союзе! О идиоты! Или возьмите так называемый «Свободный профсоюз». Анекдот! Даже самим московским диссидентам неловко из-за того, что на Западе его принимают всерьез. Что происходит? Происходит отвлечение внимания от реальных нужд населения. Есть более существенные проблемы: организация труда и отдыха, жилища, еда, прописка и прочее. Да и в тех проблемах, которые диссиденты ставят и которые на самом деле серьезны, они видят нечто второстепенное. Возьмите, к примеру, ту же проблему свободы поездок за границу. Для диссидентов она есть пустая болтовня: хотим на Запад

ездить, и все тут. А между тем ей можно придать более глубокий смысл: кто представляет советскую науку и культуру вне страны?

— А не все ли равно, кто? Культуру двигают вперед одни, а сливки снимают другие. Это общечеловеческое явление. На Западе то же самое. Посмотрите, кто оттуда к нам приезжает!

— Запад нам не указ. Возьмите, наконец, нынешнюю эмиграцию. Кому она выгодна?

— Конечно, нам. Страна очищается от недовольных.

— Но страна и теряет недовольных, которые могли бы здесь стимулировать общественную борьбу и прогресс.

— А Вы надеетесь на возможность прогресса здесь?

— Надеюсь! Вы ведь не пережили того, что досталось нам, и не можете судить о том, какие перемены произошли. А благодаря кому?

— Они произошли сами собой.

— Как так? Вы думаете, не было борьбы?

— Конечно, не было. То, что Вы считаете прогрессом, произошло именно в силу отсутствия сопротивления. И то, что происходит сейчас, не борьба, а возня.

— Если Вы имеете в виду диссидентов, Вы правы. Но борьба все-таки идет. Только скрытая. И ведут ее люди более серьезные.

— Кто же эти люди? И что же это за борьба?

— Вот об этом я и хочу поговорить с Вами серьезно.

— Пустая трата времени и сил. Все серьезное вызывает у меня скуку и отвращение.

Из рукописи Задача нашей идеологии — сделать человека адекватным той системе общества, в которой он живет, сделать его таким, чтобы он сохранял эту систему, воспроизводил ее в ряде поколений. Такой адекватности можно добиваться разными идеологическими средствами. Наша идеология в силу исторически сложившихся условий была вынуждена избрать путь «научной», т. е. апеллирующей к законам природы, общества и их познания человеком. В этом плане ее задача свелась к тому, чтобы представить складывающееся общество не как продукт произвола или случая, а как продукт закономерного развития материи, причем — высший продукт. И требуемый тип человека, формируемый практически, при этом изобразить точно так же, как нечто закономерное, как высший тип личности. Я не хочу здесь излагать, как это вполне было Сталиным (мною) и армией идеологов под руководством Сталина (моим), — это можно найти в любых учебниках, справочниках, сборниках, монографиях, статьях на эту тему. И не хочу это иллюстрировать на конкретных примерах, ибо это очевидно. Это было сделано настолько очевидно, что сейчас всячески пытаются замаскировать упомянутую целеустремленность идеологии. Бесполезная затея. Эту целеустремленность ее можно скрыть только одним способом: делать то же самое дело, но более современно, более умно. Нужно приподняться над общим ин-

теллектуальным уровнем общества хотя бы чуть-чуть, как это в свое время сделал Сталин (т. е. я). Я хочу далее рассмотреть только два примера, но не целеустремленности (что очевидно), а действительности идеологии (что далеко не очевидно). Первый будет касаться практической идеологии, второй — идеологии как учения.

Беседа Сота со Знакомым Зн: Он, конечно, неплохой парень. Любит выпить. А кто не любит? Бабник порядочный. Как и все мужики такого типа, впрочем. Что я имею в виду? Отдельная комната. Борода. Нравится женщинам.

Сот: Вы давно с ним знакомы. Часто разговаривали. На какие темы он предпочитает говорить? Как высказывается?

Зн: Он предпочитает молчать. Что касается тем, то особого предпочтения не замечал. На любые темы, как и все мы. Например, вчера мы говорили об очередях за золотом. Он заметил, что это странно. Жалуемся на бедность, а за золотом драки. Говорили об угрозе войны с Китаем.

Сот: Что он говорил на эту тему?

Зн: Не помню. Что-то вроде того, что психоз угрозы войны с Китаем создают специально. Ситуация в стране ухудшается. Под этим соусом можно цены повышать, зажимать. Люди на все пойдут, лишь бы войны не было. Вот что-то в таком духе.

Сот: Не замечали ли Вы в его поведении каких-либо странностей?

Зн: Он вообще в наших кругах считается чокнутым. К этому привыкли. В чем чокнутость? Ну, например, никак не выходит на защиту диссертации, хотя парень способный. Очень мало печатается, хотя пишет неплохо. Как-то необычно иногда проблемы видит.

Сот: Вы не знаете, не пишет ли он чего-либо тайно? Сейчас ведь это чуть ли не в эпидемию перешло.

Зн: Пишет? Ха-ха-ха! Как же! Знаете, тут такая смешная история приключилась. Поручили ему сделать отзыв на рукопись одного психа. Он такими делами в институте давно занимается. Так он эту рукопись потерял. И вместо нее решил написать свою и выдать за рукопись автора. А автор умер. Какую-то хохму задумал.

Сот: Это очень интересно. Я прошу Вас о нашем разговоре...

Зн: Само собой разумеется.

Будни Утром Мнс зашел к Ученому Секретарю и попросил дней десять еще для работы над рукописью. Тот согласился с видимой радостью и вместо просимых десяти дней дал две недели. Это несколько насторожило Мнс, но настороженность сразу же забылась, как только он добрался до малой площадки и перемигнулся с Учителем и Добронравовым. Смываться решили поодиночке, назначив место сбора около редакции «Коммуниста».

Начать решили с ближайшей «стекляшки». Торопиться было некуда. Шли медленно. И столь же вяло говорили о том, о сем. Учитель сказал, что по «Немецкой волне» была интересная передача о подлинных

целях нашей космической программы и успехах. Добронравов сказал, что цели были известны заранее — военные, а успехи наши всегда временные. Американцы нас все равно обстаивают. Я знаю нашу систему, сказал он далее. Мы лихо начинаем, а потом хватаемся за кучу других дел, накапливаем массу недоделок и скороспелых решений. И однажды попадаем из-за этого в неприятное положение. И вообще, по моим расчетам, мы стоим накануне крупного краха не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, и в экономике, и вообще. Учитель сказал, что это — видимость, ибо наша система в принципе есть жизнь на грани краха. Если такого положения у нас нет, то становится совсем плохо, и мы начинаем жить на грани краха, т. е. нормально. Добронравов продолжал свою навязчивую идею и сказал, что наша система напоминает халтурного учащегося, который накапливает постепенно элементы непонимания изучаемой дисциплины, так что начиная с некоторого уровня действует вслепую, наугад, лишь бы. А это иногда кончается реальным провалом. Учитель спросил Добронравова, как он мыслит реальный крах нашей системы. Добронравов сказал, что это — когда мы лишимся способности мыслить. Кстати, — спросил он, — что произойдет, если Брежнев стукнуть по голове рельсом? Не знаете? Раздастся звук «БАМ». Не смешно? Я тоже так считаю. Этот дурацкий анекдот принес Качурин. Отвратный, кстати сказать, тип. Говорят, он гомосек. Брежня, — сказал Учитель. — А если и правда, это его личное дело.

Невеселые мне мысли приходят в голову, ребята, — сказал Добронравов после того, как была выпита первая бутылка привычной дряни и съедена несъедобная рыба (рыбный день!) с макаронами. — Пугают меня масштабы истории и продолжительность ее эпох. Сколько тысячелетий существовало Египетское царство? А Китайская империя? Сколько столетий проживет коммунизм? Жизнь уходит, а ничего не предвидится — ни обывательского уюта, ни революционного горения. И боюсь, что везде так. Эти революционеры на Западе — гнусные подонки, террористы, убийцы. А обыватели?... Вы думаете, лучше быть под началом у западного босса, чем у нашего заведующего или директора? Я лично не думаю. У нас еще рыпаться можно. А там чуть что — в два счета по шее получишь. И филонить у нас лучше. Там вкалывать надо. Риск. Мы живем без риска. Без перспектив. Но и без риска что-то потерять. Грустно. Повторим?

Дома Мнс ждал сюрприз: письмо. Письмо было подсунуто под дверь, и Мнс не сразу заметил его. Письмо, — удивился он, — ибо он вообще давно не получал писем. А получал ли он их вообще когда-нибудь? Было два-три. Но он забыл про них; и письма не были элементом его жизни. Письмо было от Нее. Без обратного адреса. Она писала, что больше не придет, потому что он для нее бесперспективен, а ей надо думать о том, чтобы как-то устроиться, ибо она смертельно устала, ибо ей надоели такие временные связи и т. п. Он смял письмо и бросил под тахту. Жаль, — сказал он. — У нас могло бы что-то и получиться. Странно, почему они меня кидают именно в тот момент, когда во мне начинают шевелиться хорошие чувства? Любая из них мог-

Радикулита как не бывало. Лысина заросла буйной шевелюрой. Бросил старую жену, женился на молодой, третьего ребенка ждет. И любви кучу завел. В чем дело? Очевидно, в интеллекте. Он книжек совсем не читает. Пишет — по две ошибки в слове. А у меня, между прочим, библиотека более десяти тысяч книг!..

Беседа с Соседом   Сос: У него постоянно собирается целая шайка.
в КГБ   Сот: Кто конкретно?

Сос: Они обращаются друг к другу по кличкам. Какие клички? Маркс, Ленин, Сталин, Железный Феликс, Берия, Он, Она, Террорист. Честное слово, я не вру. Они так называют себя.

Сот: Надо проследить, кто эти люди, где живут и работают.

Сос: Хорошо. Но...

Сот: Об этом не беспокойся. О чем они разговаривают?

Сос: Я не понимаю, что они говорят. Хотя, разговор с Террористом слышал. Правда — немного. Они ушли сразу. Они говорили о том, чтобы бросить бомбу...

Сот: Бомбу? В кого же?

Сос: Для начала, сказали, в самого...

Сот: В Генсека?

Сос: Нет. В шефа КГБ.

Сот: Ого! Это любопытно! Ну и как же они собирались это сделать?

Сос: Этого я не слышал. Они ушли.

Сот: Садись сюда и подробно опиши этот случай. Когда это было. Постарайся поточнее вспомнить разговор. Как выглядел Террорист.

Голоса То, что у вас творится, это — не настоящий коммунизм. Знаю, не маленький. У нас даже вожди признают, что полного коммунизма еще нет, что есть только низшая стадия — социализм. Хотя развитой, но все равно социализм.

И я не маленький, знаю и это. Но у вас нет и настоящего социализма. Социализм, коммунизм — какая разница. Хотя не будем спорить на эту тему. Настоящий социализм есть лишь несколько смягченный коммунизм, так сказать — западный вариант коммунизма. Хочешь, я тебе покажу настоящий коммунизм? В таком случае пойдем. Вот он, гляди!

Ты надо мною шутишь? Это же та же самая Москва. Вот главное здание КГБ. Вон Железный Феликс. Кое-что переделано. Исчезли некоторые старые дома, появились новые. Но в принципе — то же самое. Вот Большой театр. Вот Маркс. И его так же, как и раньше, обсирают голуби. А это кто? Проститутки? Фарцовщики? Или диссиденты? Не морочь мне голову! Какой это настоящий коммунизм?! Видишь, очередей! Толкучка в магазинах. Давка в транспорте.

Ты разочарован? А ведь ты — специалист в философии. Что же тогда говорить об остальных?! Ты что же, думаешь, что настоящий коммунизм можно отличить от ненастоящего по виду зданий, по одежде людей...

Стой! Движение остановлено. Сейчас промчатся машины какого-нибудь

важного руководителя. Вот они! Гляди. Хороши? Чудо техники. Даже атомной бомбой не возьмешь. Со всеми удобствами. Одна такая штука-вина стоит десятка тысяч старых «ЗИЛов», «ЗИМов», «ЗИСов», «Чаяк», «Волг», «Ласточек». Настоящий коммунизм, мой мальчик, строится в душах людей. А машины, дома, самолеты, штаны, сапоги, — это все прогресс техники. А техника и при капитализме развивается. И даже еще лучше.

А как же производительные силы?

Они где-то должны быть развиты достаточно высоко, чтобы где-то (не обязательно там же) произошел переворот. Они нужны, чтобы воевать, ублажать привилегированных и для многих других целей, совсем не являющихся специфически коммунистическими. Они — некое историческое условие. Но не в них суть. В каждом человеке есть или нет некое «я». Это «я» может быть маленьким или большим, может расти и уменьшаться. До сих пор это «я» было распределено по населению общества хаотически. Случалось так, что какой-нибудь вшивый младший научный сотрудник без ученой степени выращивал в себе гигантское «я», а сам Генсек вынужден был довольствоваться малюсеньким и бесформенным, как навозный червячок, «я». И все от этого страдали. Младший научный сотрудник — от того, что со своим огромным и прекрасным «я» вынужден был ходить в драных штанах и ботинках, ютиться в каморке, кормиться блевотиной для гастрита и язвы. А высокопоставленный Генсек, хотя и увешанный орденами и званиями и прославляемый в качестве гения, все же чувствовал, что людишки замечают его червячка-слизняка «я», страдал и начинал еще больше лютовать насчет своих открытий, заслуг, прозрений, предначертаний. Где выход? Верно! Привести в соответствие эти «я» с положением человека в обществе. Чтобы чем выше чин, тем больше и прекраснее «я». Чтобы внизу совсем не было никаких «я», зато чтобы вверху были исполинские «я», завершаемые и возглавляемые таким «я», что страшно подумать.

И страдать никто не будет. И гармония установится в душах людей, а значит, и в мире.

И установили?

О да!

Как это Им удалось?

Очень просто. Как известно, «я» нельзя отобрать у человека и передать другому. Но можно его уменьшить и уничтожить совсем. И достаточно принять за высший уровень «я» таковое у Генсека, а все прочие «я» уменьшить соответственно рангу, сведя его к нулю на низших ступенях, как мы получим желанную картину, ибо все величины относительны. Понял?

Понял. И что же, неужели все проблемы тем самым были решены?

Все!

И люди теперь все счастливы?

Нет, конечно.

Так зачем же эта затея?

Ты все-таки еще не понял. Все люди при этом не являются несчастными. Для коммунизма этого вполне достаточно.

Второе серьезное предупреждение обличителю

*Обличай, сукин сын, наши безобразия,
Только с самого начала учти:
Хоть Россия тебе это и не Азия,
Но и с Европою ей не по пути.
Выявляй властей опасные наклонности,
Их коварный и преступный нрав.
Поноси отступленья от законности
И отсутствие гражданских прав.
Но на путь становяся обличительный,
Помни жизненный закон загодя:
В психбольницу или лагерь исправительный
Попадешь как клеветник и негодяй.*

Секс и революция Но самым сенсационным было выступление Барабанова. Он сказал, в частности, что прежде чем поднимать уровень секса в стране, надо поднять сельское хозяйство и улучшить жилищные условия. А то на макаронах и на лестничных площадках особенно не развернешься. Остряки из отдела сатиры и юмора записали его слово в слово и поместили в стенгазету. Смотреть стенгазету приезжали со всей Москвы. За Барабановым прочно укрепилась слава диссидента. Не зная смысла этого слова, он сам всем говорил, что он теперь диссидент. Пришли представители из райкома партии и предложили стенгазету снять. Директор сказал, что они с возвращением Барабанова поторопились. Но если его сейчас убрать, он снова начнет строить кляузы во все инстанции и мешать нормальной работе института. А сейчас, когда ЦК поставил перед нами такую ответственную задачу, это может резко снизить и свести на нет. Тем более на Западе поднимают шум, что подорвет. Так что будет лучше, если пока. Одним словом, надо взять под контроль и направить. На том и порешили: сделать Барабанова заместителем редактора (т. е. Тваржинской) монографии по практической части. Трус робко спросил Петина, что он имеет в виду, говоря о практической части: практическую часть подготовки монографии или самого секса? Петин сказал, что он против метафизического противопоставления и разрыва.

Поход в Лефортово Молодой человек, в котором Мнс сразу узнал переодетого агента, вручил ему повестку, в которой предлагалось явиться ему в следственную часть КГБ в Лефортово в такое-то время к такому-то следователю. Мнс показал повестку в отделе кадров института, дабы испросить разрешение уйти. Пока он сидел в туалете (на всякий случай), весь институт узнал о потрясающей новости и замер. Знакомые проскальзывали мимо, не здороваясь и будто не замечая его. Вот сволочи, подумал он. А что будет, если со мной что серьезное произойдет?

Мнс много слышал о Лефортовской тюрьме КГБ. И примерно догадывался, по какому делу его туда вызывают. Но он никогда не был в тех краях города и не имел представления, как эта тюрьма выглядит. Он представлял ее в виде мрачного огромного здания за высоким забором с колючей проволокой. На окнах, естественно, решетки и «намордники». У ворот часовые. На вышках часовые. Но то, что он потом увидел на самом деле, сначала развеселило его, потом разочаровало, а в конце вселило ужас.

Еще в трамвае он спросил, где ему лучше сойти, чтобы пройти туда-то (на обратной стороне повестки было указано, как добираться до нужного места, но он не обратил на это внимания). Но ему никто не ответил. Пассажиры демонстративно отвернулись и расступились, пропуская его к выходу. Будто я — беременная женщина или дряхлый пенсионер, подумал он. Хотя женщину беременную и пенсионера они бы не пропустили. Они меня, скорее, воспринимают как опасного вооруженного бандита, с которым лучше не связываться. Сзади кто-то приглушенным якобы шепотом говорил что-то гнусное, он чувствовал, но не хотел прислушиваться и вникать.

Потом он спрашивал прохожих, как пройти в нужное место, но ему никто не сказал ничего вразумительного. Наконец, он наткнулся на нужную улицу сам. Метров через триста он увидел каменный забор и решил, что Это именно там. За забором высились какие-то здания, но почему-то без решеток. И никакой колючей проволоки. И никаких вышек и часовых. Он стал искать вход, но безрезультатно. Неужели они через забор лазают, подумал он. Тут его окликнул прохожий и сказал, что то, что он ищет, не здесь, а вон там, перед тем домом налево, застекленный вход. Откуда ему известно, куда мне нужно, подумал он. Впрочем, тут в основном имеют дело с такими, как я, и местные жители научились распознавать нас за версту, так же как я распознаю переодетых агентов.

Перед обычным жилым домом он свернул налево и оказался на детской площадке. Детишки ковырялись в песочнице. На скамеечках дремали старухи. Пробежали две драные кошки. Стая голубей неохотно расступилась, пропуская его. Он остановился в недоумении. Одна из женщин молча кивнула ему в угол, где он увидел «стеклянные» двери. Вошел в них. Протянул в окошечко повестку и паспорт. Окно закрылось. Он сел на стул и погрузился в тишину. Особенность наших кошмаров, услышал он в себе чей-то голос, заключается в том, что при первом знакомстве с ними они совсем не похожи на то, что они есть, и даже вызывают некую симпатию. Лишь потом...

Открылась дверь, и средних лет неопрятный мужчина предложил следовать за ним. Проходя через дверь, Мнс заметил, что она металлическая, и что открывается и закрывается она автоматически, очевидно — нажатием скрытой кнопки. Естественно, подумал он. Научно-техническая революция не могла не сказаться на тюремном деле.

Из рукописи Рассмотрим проблему принятия решения рядовыми гражданами, должностными лицами и организациями (назову их решателями). Она интересна не только как пример к моим общим рассуждениям, но и сама по себе. Принятие решения есть волевой акт, зависящий от многих причин. Я его буду рассматривать с ориентацией на идеологический аспект. В проблеме принятия решения есть два аспекта — психологический и социальный. Естественно, я ограничусь последним. Наконец, есть решения, в которых все в основном predetermined и не зависит существенным образом от участников. Например, таковы многочисленные рутинные решения командиров воинских частей, руководителей деловых групп и т. п. Конечно, в какой-то мере и они зависят от решателей и исполнителей, но вникать в такие тонкости здесь нет возможности. И есть решения, в чем-то зависящие от каких-то элементов актов решения. Я ограничусь ими.

Введу понятие ситуации решения. Она включает в себя: 1) решателей; 2) исполнителей; 3) содержание (тему, предмет) решения; 4) мотивы и причины постановки проблемы решения; 5) способ принятия решения; 6) способ исполнения решения; 7) материал решения (на что оно направлено). Часто 2 и 7 совпадают, но не всегда. Например, Политбюро ЦК КПСС (решатель) приняло решение покончить с диссидентами. Причем не церемониться, судить, высылать и сажать в психушки, не считаясь с реакцией Запада. Здесь содержание решения — покончить с диссидентами самыми суровыми мерами. Материал решения — диссиденты. Исполнение решения возлагается на КГБ и МВД (исполнитель). Мотивы и причины принятия решения очевидны. Диссиденты подрывают авторитет руководства и престиж страны, сеют неверие в идеалы коммунизма и т. д. Кроме того, надо показать всему миру, что нам плевать на Запад, что мы у себя дома сильны и можем творить, что хотим. Способ принятия решения — длительная работа мощных аппаратов ЦК, КГБ, МВД, сбор информации, ее обработка, определенные маневры в верхах. Способ исполнения всем хорошо известен: аресты диссидентов, высылка, психушки, дискредитация в прессе, определенный тип ведения следствия и проведения процессов, лишение гражданства, увольнение с работы, отключение телефонов, нападения под видом нападения бандитов. Из приведенного примера также видно, что существует не просто множество решений, а сложная система, отражающая в себе общую иерархическую систему страны и выражающая ее функционирование. Большое (высокого ранга) решение внутренне дифференцируется на множество так или иначе структурированных подрешений. Так, в приведенном выше решении о диссидентах вообще может заключаться ситуация решения с диссидентом Ивановым, или (возможно и такое) с обычным гражданином Петровым, которого КГБ решает почему-то превратить в диссидента (это удобно для их целей исполнителей решения более высокого ранга). По каждому пункту ситуации решения можно осуществлять классификацию, вводить различия, определения. Можно установить субординационные и координационные отношения. Но для этого надо создавать целую науку.

Существенно здесь следующее обстоятельство: ситуация решения не есть некая академическая или кибернетическая задача, в которую поступает и пе-

рерабатывается информация, отыскивается оптимальный вариант, работает обратная связь и т. п. Это — реальная жизнь людей со всеми ее атрибутами — с любовью, ненавистью, страданиями, удовольствием, надеждами, разочарованиями... Члены Политбюро, например, не такие уж дружные соратники, как это кажется со стороны. «Молодые» члены (которым уже в районе шестидесяти) ждут не дождутся, когда начнут дохнуть «старые» (которым за семьдесят). Среди них есть наверняка один или два, мечтающие скинуть Генсека и завидующие ему. Они знают его как облупленного. Знают, что это за «гений». Знают, что они сами не дурее его. Сами мечтают покрасоваться на трибунах и сорвать бурю оваций. Аппараты КГБ, МВД и ЦК традиционно питают друг к другу антипатию. И в аппарате КГБ кое-что делается в пику аппарату ЦК. Естественно, участвующие в ситуации решения люди обладают идеологией. Они воспитаны в ней. Они отобраны в число решателей и исполнителей с идеологическим коррективом.

Мнение Учителя Этот твой прохвост, — сказал Учитель Мнс, прочитав очередной кусок его рукописи, — меня поражает. Хотя наши видные деятели проживают, казалось бы, богатую событиями жизнь, но мемуары их всегда бывают ужасно скучными и скудоумными. А этот явно интересен и не глуп. В чем дело? Очень просто, — сказал Мнс. — Мемуары видных деятелей всегда пишут не они сами, а другие. У нас эти «другие» обычно суть специально отобранные для этой цели лица. Принципы отбора таковы, что ничего другого получиться не может. А в данном случае... Ты думаешь, — сказал Учитель, — что в данном случае мемуары интересны потому, что он писал сам? Нет, — сказал Мнс, — наши авторы мемуаров не способны написать даже такую чепуху, какую пишут за них другие. В данном же случае человек, писавший мемуары, не проходил через эту систему отбора, — он случаен. Хотел бы я знать, — сказал Учитель, — кто этот человек. Этого теперь не узнает уже никто, — сказал Мнс.

Грустная баллада о террористе

*Вот и осень наступила. Облетел с деревьев лист.
На задание лихое вышел юный террорист.*

Припев: *Тары-бары-ей-ей-ей!
Порох, братцы, не жалей!
Больше вложишь порох тут,
Больше будет грохоту.*

*Вот он молча отгибает полу драного пальто,
Бомбу страшную кидает в быстро мчащее авто.*

Припев:

*Но не принял во вниманье обстоятельство одно:
У той мчащейся машины бронированное дно.*

Припев:

*И к тому же в его расчете был еще один изъян:
Восседает в той машине не начальник сыт и пьян.*

Припев:

*И не зам, и не помощник в ней лицом к окну приник,
А бездушная игрушка — механический двойник.*

Припев:

*В заключение героя постигает полный крах:
Самоделка-бомба рвется прямо в собственных руках.*

Припев:

*А еще, узнал б бедняга, ни за что б не пережил:
Эту бомбу в его руки КаГеБе само вложил.*

Припев: *Тары-бары-ой-ой-ой!
Удирай, пока живой!
Хоть и очень плохо тут,
Дохнут пусть без грохоту.*

Секс и революция После бешеного успеха своего доклада Тваржинская слегка свихнулась на сексуальной тематике. Она начала красить запавшие губы и пудрить острый клюв, стала носить декорированные платья и крутить могучим задом. Добронравов заметил по сему поводу, что она в молодости была ничего себе, и если бы не фанатичная вера в идеалы коммунизма и не беспредельная преданность Родине, она могла бы сделать завидную карьеру в качестве проститутки в Париже. С женщинами Тваржинская стала обсуждать интимные детали дамского туалета, купила по спекулятивной цене у Тормошилкиной пару поношенных, но все еще модных трусиков. С мужчинами же она стала вести себя как перезревшая невинная девица, — жала руки, прикасалась могучим бюстом, вздыхала, закатывала глазки и хихикала. Институтские остряки потешались над ней кто как мог. Алкоголик Шубин пустил слух, будто она на самом деле еврейка, будто она собирается эмигрировать в Израиль и открывать там фенебешельный (как выражался Барабанов) секс-клуб. Учитель сказал, что ее готовят к заброске скорее во Францию с целью совращения президента и вербовки его в на-

ши шпионы. Поскольку в институте считали, что Мнс — отъявленный бабник и развратник, знакомый с современными приемами совокупления (как по секрету сообщала всем Кирусик, «он умеет такие штуки вытворять, что даже иностранцы диву дивятся»), Тваржинская стала проявлять к нему интерес, весьма далекий от заботы старого коммуниста о молодом пополнении родной партии. Я тебе сочувствую, — сказал по сему поводу Учитель, — но и завидую. Переспи с этой старой стервой ночь, выверни ей ногу на затылок в порядке иллюстрации сексуальной революции, и через полгода — ты кандидат наук и старший сотрудник. С другой стороны, твое положение затруднительно. Судя по всему, тебе предстоит послужить примером к решению проблемы свободы воли и насилия в нашем обществе. Лучше соглашайся быть насилуемым добровольно, иначе все равно изнасилуют, но с худшими последствиями. Я бы на твоём месте заразил ее сифилисом. Правда, лучше это было сделать лет тридцать назад, когда тебя еще на свете не было. Тогда благодаря этой твари все сотрудники Органов Госбезопасности ходили бы с провалившимися носами. Вот была бы потеха!

Учитель продолжал развивать свою идею, а Мнс молча слушал его и обдумывал свою проблему. В самом деле, если придется выбирать — переспать с этой свихнувшейся старой кагебешницей или поставить крест на всяческой карьере, какое решение примет он? Способен ли он из принципа пожертвовать своим будущим? Если быть честным перед самим собой, последнее довольно сомнительно. С другой стороны, нужно немалое мужество, чтобы решиться на первый путь. И такого мужества Мнс в себе тоже не ощущал. К счастью, проблема решилась сама собой: желая сбросить лишний вес, Тваржинская перегнула палку (по сведениям Кирусика) и попала на пару недель в больницу. Из больницы она вышла постаревшая лет на двадцать и еще более злобная. И в глазах ее, как и ранее, горела беззаветная преданность идеям коммунизма и Партии. Тормошилкинские трупы она подарила санитарке, ставившей ей клизму.

Допрос в Лефортово Невзрачное снаружи, здание тюрьмы внутри оказалось огромным. Ведший его мужчина шел молча, нажимая всякого рода кнопки. Двери бесшумно раскрывались и также бесшумно закрывались за ними. Он видел бесконечно длинные коридоры с рядами дверей. И нигде ни одного человека. Тишина. В одну из дверей они вошли. Ведший его мужчина представился как майор КГБ такой-то, предложил сесть, устроиться поудобнее (?), поскольку разговор будет долгим. Спросил, не допрашивался ли Мнс ранее в качестве свидетеля. Получив отрицательный ответ, начал долго и нудно объяснять Мнс права (?) и обязанности свидетеля, зачитывая отрывки из юридических книжек. Затем следователь начал заполнять протокол допроса. Процедура эта длилась часа два, хотя заполнить надо было всего пару страниц анкеты: фамилия, имя, отчество и т. д. Внимательно разглядев паспорт, следователь спросил фамилию Мнс. Тот назвал. Значит, Ваша фамилия такая-то, спросил следователь, я не ошибся? Прекрасно, так и запишем! Правильно я записал? И так далее в таком же духе два часа (а перед этим — час о правах и обязанностях).

После перерыва на обед наконец-то добрались до существа дела. Вы не догадываетесь, — спросил следователь, — почему мы Вас пригласили сюда? Мы Вас пригласили по делу такого-то (он назвал фамилию Обличителя), который обвиняется в антисоветской деятельности, выразившейся в попытке создания нелегальной антисоветской организации, так называемой «Рабочей группы». Вопрос первый: знакомы ли Вы с таким-то, если знакомы — когда и при каких обстоятельствах познакомились?

Допрос продолжался восемь часов. В конце Мнс подписал бумагу о неразглашении материалов допроса. Вы нам очень помогли, — сказал следователь на прощание. — Нам придется пригласить Вас еще раз. Придется устроить очную ставку. Опознание. Между прочим, этот Обличитель, как Вы его называете, сваливает все на Вас. Он утверждает, что создание «Рабочей группы» — Ваша идея, что он только кое-какие советы Вам давал. Мнс так устал, что пожал только на это плечами. Да Вы не волнуйтесь, сказал следователь. Мы во всем разберемся. Всего хорошего!

Самозащита Ну что, — спросил Добронравов. Чуть ли какая-то, — сказал Мнс. — Впечатление такое, будто Они хотят раздуть дело из пустяков. Ты помнишь того психа Обличителя? Хотя из него сделать руководителя нелегальной организации. Ого, — протянул Добронравов. А ты тут при чем? А он сваливает на меня, будто бы я был вдохновителем, — сказал Мнс. Вот сволочь! Псих, а дело свое знает! Не беда, обойдется как-нибудь, — успокоил Добронравов. — Теперь не те времена. Давай, найдем Учителя, и пойдем ко мне. Что-нибудь юбилейное? — спросил Мнс. Просто так, — сказал Добронравов. — Но если богат, можешь бутылку взять. Оказалось, что у Добронравова день рождения. Кроме Мнс и Учителя были армейский друг Добронравова с женой и дочерью и заведующий районным отделом ДОСААФ с женой. Говорили о допросе Мнс, который чувствовал себя героем дня, о диссидентах, о наших глупостях во внешней и внутренней политике, об изменении общего курса, о ценах.

Сволочной мы все-таки народ, — сказал армейский друг. — Едем сейчас в метро. Напротив — ребята молодые. Очень интеллигентные на вид. На остановке сошли. Посмотрели мы на сиденье, а оно все искромсано бритвой. Вот гады! Вешать таких надо! А у нас, — сказала жена работника ДОСААФ, — соседи напротив. Зашла как-то, вижу — газ горит, а на плите ничего не стоит, и вода горячая течет, хотя ничего не моется. Закрой, говорю хозяйке, что впустую добро переводить. А она говорит, наплевать, все равно не наше. В том-то и дело, — сказала жена Добронравова. — Потому-то мы и живем плохо, что ничего не бережем. Мол, не наше. А чье же? Конечно, не наше, — сказал Учитель. А чье? Ничье. Но не наше. Людей можно понять. Это своеобразная самозащита от мира, ставшего для них чуждым. Хоть так срывают зло и раздражение на свое бессилие перед этим миром. Да и стало бы лучше, если бы люди были аккуратны, экономны, берегли «государственную собственность»? Вряд ли. Думаю, что стало бы хуже еще. Государство все равно держало бы людей на этом низком уровне, а все то, что сберегли бы, пустило бы на те же военные нужды, на дорогостоящие международные акции, на кос-

мос. А что плохого в космических исследованиях? — спросил работник ДОСААФ. Ничего, — ответил Учитель. — Просто это военные штучки. Чем большими средствами будет располагать наше государство, тем хуже для страны и для людей. Ничего удивительного в этом нет. Чем больше средств, тем больше и глупее их транжирят. Я могу математически доказать, что увеличение средств, которыми может располагать государство, выше некоторого уровня имеет следствием такое возрастание непроизводительных трат, которое захватывает уже и необходимые средства существования населения. Вы меня понимаете? Так что население, халтура, портя, не экономя, инстинктивно стремится удержать наши власти от перехода критических граней. Если хотите знать, наше спасение — не в быстром росте производительности труда, экономики и рентабельности (в этом — наша гибель), а в замедлении этого роста.

Ты это серьезно? — поинтересовался Мнс, когда они с Учителем покинули Добронравова. А черт его знает, — сказал Учитель. — Может быть, и серьезно. А может быть, чистая беллетристика. Но честно признаюсь, и мне иногда хочется бить стекла в магазинах и резать сиденья в метро.

Секс и революция После Ученого Совета были проведены заседания всех отделов института, затем — секторов, затем — творческих групп. Параллельно прошли партийные, комсомольские и профсоюзные собрания на всех уровнях, начиная с общих и кончая секторскими (или, наоборот, начиная с секторских и кончая общими). При этом были подытожены достижения, вскрыты недостатки, намечены перспективы, взяты обязательства, — короче говоря, было сделано все то, что должен в таких случаях делать здоровый и политически зрелый советский коллектив. Наметили авторский коллектив, составили план и проспект монографии, обсудили их на заседаниях групп, секторов, отделов, дирекции, партбюро и ученых советов. Отчитались в проделанной работе перед райкомом, горкомом и ЦК. И... И забросили, поскольку ЦК поставил перед институтом новую, более важную задачу. Барабанова уволили. Лысому грузину объявили выговор по партийной линии с занесением в учетную карточку. Антисемита Ежова засекали в порочной связи со своим аспирантом из Азербайджана, но он оправдался тем, что якобы хотел проверить, не сделал ли его ученик обрезания. Кирусик разнесла по институту новую сплетню: институт будет готовить коллективную монографию о философском значении книги Леонида Ильича «Целина». И эта сплетня, как и многие предыдущие, подтвердилась. Митрофан Лукич лично вызвал директора и секретаря партбюро в ЦК и имел с ними часовую беседу на эту тему.

Послание реформатору

*Что касается реформы —
Это только для профформы.
А для сути дела тут
Был, и есть, и будет кнут.*

Ответ реформатора

*В моей реформенной затее
Вы не поняли ни шута.
Я за реформу ту радая,
Ждал укрепления кнута.*

Беседа в КГБ с родителями Мнс Сот: Это — не допрос, а беседа. Прошу Вас понять нас правильно. Мы хотим помочь Вашему сыну. Нет, пока нет оснований привлекать его к ответственности. Но должен Вам откровенно сказать, его связи и некоторые поступки выглядят довольно сомнительно, если не сказать более. К сожалению, я не могу Вам сказать конкретно, что мы имеем в виду. Пока идет следствие... Сами понимаете...

Род: Конечно, понимаем. Все, что от нас зависит, мы...

Сот: Расскажите о нем. О характере. О друзьях. Об интересах. О странностях в поведении. В общем, обо всем.

Род: Он был очень хороший мальчик. Добрый. Послушный. Может быть, даже слишком. Беззащитный какой-то. Его всякий мог обидеть. Его обижали даже дети на три-четыре года моложе. Мы много раз говорили ему, чтобы сопротивлялся, давал сдачи. Но ничего не вышло. Учился он прекрасно. Очень к математике был способен. Стихи хорошие писал. Странности? Трудно сказать. Задумчивый был. Бывало, часами неподвижно сидит. Глаза открыты, а будто не видит тебя. Никогда ни с кем не спорил. Только усмехался и пожимал плечами. Странности? Конечно же. Он очень способный, а диссертацию защищать не хочет. Хотя экзамены давно сдал. И публикаций достаточно. А не хочет почему-то. Конечно, странно. Все защищаются, а он... Его школьный товарищ уже доктором стал. Правда, он физик. Там быстро докторами становятся. Но кандидатскую-то...

Сот: Почему вы отдельно живете?

Род: Это он захотел. Говорит, так нам спокойнее.

Сот: Что он имел в виду?

Род: Так, вообще.

Сот: А почему он до сих пор не женат?

Род: Сейчас многие молодые люди не хотят вообще жениться.

Сот: Он здоров?

Род: У него были знакомые девушки. Он красивый мальчик. Женщинам нравится. Очень современный. Два языка знает.

Сот: Это хорошо. Важно, чтобы он этими языками пользовался разумно.

Род: Что Вы хотите сказать? Связи с иностранцами?

Сот: Я попрошу Вас сесть вот здесь и подробно записать все, о чем говорили. И постарайтесь припомнить еще подробности о том, что Вам показалось странным в его поведении.

Совещание в КГБ Итак, — сказал руководитель оперативной группы, — связь Мнс с «Рабочей группой» подтверждена. Арестованные члены группы опознали его. Установлено, кто скрывается под кличками Террорист, Поэт и Она. Идентифицировать Маркса, Ленина, Сталина, Железного Феликса, Берию ! Его пока не удалось. Не исключено, что Он и является главной фигурой. Надо особое внимание обратить на...

Беседа с Мнс на Малой Лубянке Сот: Знакомы ли Вы с ...? Где и при каких обстоятельствах познакомились? Как часто встречались? Характер встреч?

Мнс: Знаком. Познакомился в институте. Его ко мне направил Ученый Секретарь. Человек этот психически ненормальный. Интересовался проблемами индивидуального террора. Потому я и прозвал его Террористом. С этим он сидел и в психиатрической больнице, кажется, в Белых Столбах. В институт он приходил довольно часто. Я от него скрывался, но не всегда удачно. Однажды он даже домой ко мне появился.

Сот: О чем вы разговаривали? Каковы были его намерения?

Мнс: Он же психически больной. О чем мы говорили, запомнить невозможно. Вздор всякий.

Сот: Не собирался ли он организовать покушения на руководителей Партии и Правительства?

Мнс: Не знаю. Он же больной.

Сот: В свое время Вы заказывали в научном кабинете литературу по проблеме индивидуального террора. Зачем это Вам потребовалось?

Мнс: Я должен был беседовать с посетителями такого рода, читать их рукописи, писать заключения. Поэтому мне приходилось читать и просматривать гигантское количество литературы всякого рода. Полистайте книгу заказов в научном кабинете, сами увидите.

Сот: Есть сведения, что Вы обсуждали с Террористом проблему покушения на Председателя КГБ. Могло это иметь место в какой-либо форме, хотя бы в шуточной?

Мнс: Я пока еще не сошел с ума.

Сот: Отвечайте на вопрос.

Мнс: Никакого обсуждения такой проблемы не было. Возможно, он молл какой-то вздор в этом духе, когда я пытался его выпроводить. Но я не вслушивался в его слова. Я вообще иногда отвлекаюсь от того, что говорится кругом. Сосед мог что-то услышать и досочинить.

Сот: Почему Вы думаете, что это Сосед?

Мнс: Больше никому.

Сот: Мы беседовали с Террористом (он находится на принудительном лечении). Он утверждает, что неоднократно обсуждал с Вами планы террористических актов, в том числе — планы покушения на Председателя КГБ и взрыва Кремлевского Дворца Съездов.

Мнс: Он же больной. Показания психически больных не имеют юридической силы.

Сот: Это нам известно. Потому мы с Вами пока дружески беседуем. Сегодня он больной, а завтра может быть признан вменяемым, как это

произошло с другим Вашим подопечным.

Мнс: Почему же подопечным?

Сот: Я шучу. Скажите, а Вам не кажется немного странным, что вокруг Вас сложилась группа таких больных?

Мнс: Нет. Наш институт особого рода. И его осаждают специфические шизофреники и параноики, помешанные на социальных проблемах, на политике. А я имел с ними дело по обязанности.

Сот: Скажите, а кто такие Маркс, Ленин, Сталин, Железный Феликс, Берия?

Мнс: Простите, я не понимаю Вас. Надеюсь, я не на зачете по философии и истории КПСС?

Сот: Нет, конечно. Ну, на сегодня хватит.

Из рукописи Возьмем такой случай, причем — далеко не гипотетический.

На уровне ЦК (и тем более — Политбюро) априори считается, что диссиденты — уголовники, сумасшедшие или агенты западных разведок. Заметьте: считается априори. Это — идеологическая установка. Наше общество считается воплощением всех добродетелей, и то, что делают диссиденты, не может быть ничем иным, кроме как клеветой, сумасшествием, вражескими диверсиями. Всякий иной взгляд тут исключен. Причем такая установка — не коварство умных людей, понимающих истинную суть дела, а твердое убеждение выживших из ума маразматиков. Это настоящая идеология.

Проходит обычное, рутинное заседание Политбюро, на котором обсуждается вопрос о диссидентах. Подчеркиваю, это — рутина. Такие заседания проводились и проводятся по сельскому хозяйству, по кино, по литературе, по химической промышленности и т. д. Рутинные решения — пустая формальность. Заранее заготовлены обтекаемые тексты постановлений. Естественно, диссиденты оцениваются именно так, как говорилось выше, и дается указание КГБ и МВД (и прочим причастным к этому инстанциям) принять суровые меры.

Обратимся к КГБ. Последнее располагает подробными списками не только реальных диссидентов, но и потенциальных, и вообще — подозрительных. На многих из них имеется пухлое досье. Многочисленные подразделения КГБ работают над этим «материалом», классифицируют, выдумывают всякого рода меры. В том числе обдумывают, кого из данного множества диссидентов наиболее удобно изобразить как шпиона. Это — тоже обычная рутина КГБ. Отбор происходит по многим параметрам, в том числе — есть ли реальные связи с иностранцами, каков в морально-бытовом отношении, способен ли поддаться нажиму. Избирают на эту роль шпиона, допустим, Рабиновича. Это тоже predetermined идеологически, ибо все диссидентское движение априори считается сионистским. Если в него и попадают русские, то они все равно евреи, — у них жены или мужья евреи, половина или четверть предков евреи, поддались нажиму евреев и т. п. Хотя Рабинович никакой не шпион, сфабриковать дело против него — не проблема. И что характерно, дело фабрикуется не как заведомый обман, а вполне добросовестно, в заданном идеологическом аспекте. Лучшие следователи из кожи лезут, чтобы хорошо (с их

точки зрения) сделать дело. Например, Рабинович сто раз встречался с иностранцами. Каждая встреча не несет в себе ничего криминального. Но все вместе они создают ощущение «масштабности» деятельности Рабиновича. Какие тут могут быть сомнения! Провокатор КГБ некто Хаймович, «добровольно» давший в свое время согласие служить иностранной разведке, но «раскаявшийся», дает показания, будто он завербовал Рабиновича. Тут уж отпадают даже намеки на сомнения. И вот в Политбюро идет новая «информация» во исполнение предыдущего решения: диссидентов столько-то, уголовников среди них столько-то, психов столько-то, шпионов столько-то. Новое заседание Политбюро. Всеобщее возмущение: сколько же можно терпеть это! Судить мерзавцев!! И никаких сомнений в правдивости информации, ибо информация на самом деле правдива. Правда, она правдива в плане идеологически повернутого сознания. Но ведь другого-то и нет.

Решение Политбюро идет обратно в КГБ, и оно попадает в свою собственную ловушку. Отправляя материалы вверх, думали, что это — очередная бюрократическая липа (хотя и «правдивая»). А обратно она к ним вернулась как руководство к действию. В свою очередь и Политбюро попадает в свою же ловушку: оно хотело шпиона — оно получило его. Пути назад нет. Машина должна сработать. Суды должны состояться. Люди должны понести наказание. И ничто уже не может этому помешать, какими бы скверными ни были последствия. Впрочем, последние опять-таки оцениваются в плане идеологического сознания и никогда не будут признаны скверными. Как выкарабкиваются из сложившейся ситуации, это тоже прекрасный пример с точки зрения нашей темы. Тут завязывается запутанный клубок и бесконечная цепь решений и их последствий, требующих новых решений.

О потомках

*Пройдут века. Потомкам нашим,
Как нам сейчас, будут твердить,
Что не едать бы им и каши,
В штанах бы модных не ходить,
Не зреть бы драму на экране,
Не знать б передовых идей,
В цветной объемной теледраме
Не любоваться б на вождей,
Не бы, не бЫ, не бы, и не бы,
И не учуять б свежесть трав,
И не видеть бы сини неба,
Не то что человечьих прав.
И не вдыхать бы кислорода,
Когда б не скинули царя,
Когда бы партия с народом
Не сотворили Октября.
И недовольным дав по шее,*

*Тем прочих будут утешать,
Что было не в пример хуже
Две тыщи лет назад дышать.*

Комплименты Субботин убежден в том, что он производит неотразимое впечатление на женщин, и потому пристает ко всем подряд с двусмысленными намеками, комплиментами и предложениями. Появилась, например, в секторе марксистской этики молодая и довольно симпатичная секретарша. Узнав об этом, Субботин направился в упомянутый сектор, покрутил задом перед секретаршей, нагло ухмыльнулся и начал свою знаменитую процедуру соблазнения.

— А мне, между прочим, Ваша фигура не нравится, — сказал он сквозь зубы. — Я, видите ли, воспитан в духе английской культуры. А у Вас ноги короткие и слишком толстые.

— Смотря на чей вкус, — сказала оторопевшая от неожиданности секретарша. — Я ведь Вас не заставляю считать мою фигуру хорошей.

— Я, между прочим, Вас тоже не заставляю приспосабливаться к чужим вкусам. Я, видите ли, человек демократический, несмотря на степени и звания. Я, между прочим, доктор наук и профессор. И если Вам нравятся такие короткие и толстые ноги, носите их на здоровье. Это Ваше личное дело.

— Благодарю Вас, Вы так великодушны.

— Это Вы верно заметили. Я, видите ли, слишком мягок с женщинами и добр. Моя бывшая жена воспользовалась этим и отсудила комнату. Раньше у меня была прекрасная четырехкомнатная квартира, а теперь, увы, всего лишь трехкомнатная. Но по московским условиям для одинокого интеллигента... Я, между прочим, живу один, с мамой... Хотите посмотреть мою квартиру? Это недалеко отсюда, в самом центре.

— Спасибо, как-нибудь потом. А сейчас, извините, мне нужно работать.

Субботин, обиженный, но уверенный в успехе, вихляя задом, ушел в родной сектор логики искушать новую аспирантку, присланную в институт из Якутии.

— Мне, между прочим, Ваша фигура не нравится, — говорит он сквозь зубы. — Я, видите ли, воспитан в английской культуре. А у Вас ноги слишком короткие и кривые. Интересно, это у Вас от рождения или специально искривлены? Некоторые отсталые народы любят кривые ноги и потому девочек сажают верхом на бочку...

Малая и Большая Лубянка Как известно, марксизм имеет три источника и три составные части. Одним из источников была немецкая классическая философия, руководимая Гегелем. Гегель создал Малую и Большую Логика, в коих он и изложил ту самую диалектику, которую Марке при поддержке Энгельса перевернул с головы на ноги, вследствие чего она из головы опустилась значительно ниже. Развивая далее учение Маркса-Энгельса и воплощая его в жизнь, Ленин и Сталин создали Малую и Большую Лубянку, в коих они и разместили основные категории открытого ими учения. Малая Лубянка находится

на улице Малая Лубянка, которая начинается сразу же за главным зданием Большой Лубянки. В ней помещается Московское управление Большой Лубянки. Где расположены прочие десятки ее зданий, пока никто не знает. Тысячи зданий Большой Лубянки разбросаны по всей Москве и ее окрестностям, в том числе — и на Малой Лубянке. Лишь главное здание Большой Лубянки расположено на площади Дзержинского, которую, несмотря на наше временное превосходство в космосе и постоянные трудности с продовольствием, упорно называют Лубянкой. Взаимоотношения между Малой и Большой Лубянкой Ленина-Сталина аналогичны отношениям между Малой и Большой Логикой Гегеля. Отличие лишь в том, что у Гегеля они стояли на голове, а у Ленина-Сталина прочно стоят на ногах.

После того как Террорист во всем сознался и назвал Мнс инициатором, вдохновителем и руководителем подготавливавшегося покушения на шефа КГБ, его перевели в Сычевку, психиатрическую тюрьму КГБ, а дело Мнс передали в Большую Лубянку. Между генералом, принявшим дело, и полковником, сдавшим дело, состоялась длинная беседа, в течение которой они обсудили мельчайшие подробности дела и всевозможные его перспективы, поскольку руководимая полковником группа передавалась временно (вплоть до окончания дела) в распоряжение Генерала. Группе вменялось в обязанность идентифицировать всех членов заговорщицкой группы Мнс, используя новейшие достижения науки и техники, включая искусственные спутники Земли (а почему бы не попробовать? Пора!) и парапсихологию (чем черт не шутит?! На Западе пишут, будто...). И, разумеется, не считаясь с тратами. Когда кончилась деловая часть беседы, Генерал сказал, что может быть лучше посадить «этого психа» года на три в Сычевку, как шелковый после этого будет. Полковник сказал, что он и так слишком даже шелковый. А интуиция подсказывает ему... Конечно, — сказал Генерал. Я это так, в шутку. Работать все равно надо, так как есть указание... И Генерал молча показал большим пальцем правой руки вверх. И знаешь, — сказал он на прощание, — что меня больше всего поражает в этой истории? Первое — то, что этот негодяй свил свое диссидентское гнездо под самым нашим носом. Второе — не разблочи мы его вовремя, дело-таки кончилось бы бомбой или выстрелом. Серьезные дела в истории всегда начинались с кажущегося психического сдвига.

Одиночество С некоторых пор Мнс стал видеть все один и тот же сон.

С некоторыми вариациями, но по существу один и тот же.

Люди в этом сне лишь на мгновение появляются рядом с ним и тут же куда-то исчезают. И он снова остается один. Он пытается заговорить с этими мелькающими мимо людьми, пытается остановить их, но они дают понять ему, что у них есть свои дела и что им не до Мнс. Им некогда, они торопятся уйти. А ему идти некуда. Он не может идти с ними. Он остается. И ему очень тоскливо от этого. Ему очень хочется остановить людей, собрать их всех вместе, объяснить им, что никуда не надо спешить, что и здесь всем будет хорошо, если не уходить никуда. Он с ужасающей отчетливостью чувствует, что суть жизни состоит не в мелькании, не в появлении и исчезновении, а в пребывании. В пре-

бывании, в пре-бы-ва-ни-и!!! Но он не находит слов, чтобы высказать это, а мелькающие мимо люди не хотят их слушать. Они обречены исчезать, лишь на мгновение мелькнув в его застывшем сознании.

Мнс научился переживать этот сон именно как сон, научился удерживать его в памяти после пробуждения и думать в его продолжение. Однажды ему в голову пришла поразительная мысль: а что если каждый человек воспринимает лишь свою жизнь как пребывание, а жизнь других — лишь как мелькание и исчезновение?! Конечно же так! Он ужаснулся этому открытию. Значит, все человеческое есть чистая случайность и лишено смысла. Вернее, смысл в нем один: убедиться, что пребывание само есть мгновение и исчезновение. Разумом он все это давно знал из мудрых книжек. Теперь он ощутил это как состояние своего тела и духа. И к нему пришло равнодушие, именуемое спокойствием.

Но сон этот не пропал. Он виделся снова и снова. И не забывался после пробуждения. Только теперь он обрел силу реальности.

Ссора с соседями Соседка обнаружила пропажу кастрюли и заподозрила, естественно, Мнс. Он отречься не стал, но и не признался. Чтобы Соседка прекратила поток оскорблений, он обещал с полочки купить новую кастрюлю. Но обещание звучало не очень уверенно (и в который раз!), и не остановило Соседку.

Потом пришел Сосед и велел жене заткнуться. Он был уже на взводе. Зайдя к Мнс, он сказал, чтобы тот не обращал внимания на «эту стерву» (бабы, они все такие!), и предложил «продолжить». Мнс отказался, сославшись на занятость. Сосед назвал его за это му...ом, сказал, что ему точно известно, «чем тут вы (?) занимаетесь», что «вас скоро всех выведут на чистую воду» и отправят «куда следует» и т. д. Соседка присоединилась к мужу и сказала, что «хватит с ними церемониться», «что гнать их всех надо», «что продались, сволочи». Заплакала девочка. Снизу пришли жильцы-пенсииеры узнать, что тут происходит, и попросили потише. Узнав от Соседки, что за Мнс наблюдают КГБ и что его «скоро заберут», пенсионеры мрачно посмотрели на него и ушли писать жалобу в милицию об «оргиях, которые каждую ночь творятся в его квартире (!)».

После ухода соседей (Сосед ушел пьянствовать в одиночку) и нижних жильцов-пенсионеров, Мнс лег одетым на тахту и грустно уставился в грязный потолок. Скоро штукатурка обвалится, — подумал он. Хотя, насколько он помнит себя, в этом месте штукатурка всегда грозила обвалиться, но обваливалась всегда в другом. Он вспомнил анекдот про новый тип самолетов, которые переламывались в одном месте, и про идею Абрамовича просверливать в этом месте дырки, которая (идея) была наваяна ему туалетной бумагой, которая рвалась где угодно, только не там, где были проколоты дырочки, и ему стало смешно. Мечтаем построить всеобщее человеческое братство, а не можем сохранить даже самые примитивные правила приличия в масштабах одной квартирки, одного вагона, одной очереди... О идиоты!

Беседа в КГБ

с Добронравовым

Сот: Это не допрос, а дружеская беседа. Мы рассчитываем на Вашу помощь в очень важном деле.

Добр: Я всегда к вашим услугам.

Сот: Дело касается сотрудника вашего института...

Добр: Я догадываюсь, о ком идет речь.

Сот: Вы с ним дружите...

Добр: Это преувеличение. У меня с ним такие же отношения, как и с многими другими. У меня вообще со всеми сотрудниками института хорошие отношения.

Сот: Хорошо. Но Вы довольно часто общаетесь с ним вне стен института и...

Добр: Не чаще, чем с другими.

Сот: Все-таки встречаетесь иногда. Нам хотелось бы знать Ваше мнение о нем. Не замечали ли Вы в его словах и в поведении что-либо необычное?

Добр: Он приятный парень. Всегда готов составить компанию выпить. Не жадный. Умеет слушать собеседников и сочувствовать им. И это импонирует. В институте многие его любят за это. Но есть и такие, которые его почему-то терпеть не могут. Любят, например, Учитель... Это — прозвище одного...

Сот: Это мы знаем.

Добр: Сам директор, Тваржинская (это для меня непостижимо!), девочки из научного кабинета, Григорьев... Это секретарь партбюро. Ну, я. Вообще, все. А не любят Смирняшев, Качурин, Тормошилкина, Булыга... Вообще, так называемые «либералы», «выдающиеся ученые».

Сот: А в чем причина такой неприязни, как Вы считаете?

Добр: Он над ними подтрунивает, не питает к ним должного уважения. Он знает им настоящую цену, они это чувствуют и очень это не любят.

Сот: А Вы?

Добр: Мне на них наплевать. Но я им тоже цену знаю, и они меня тоже не жалуют.

Сот: Но может быть, у них есть более серьезные основания?

Добр: Возможно. Меня, например, они считают стукачом, а его — опасным для их благородного дела. Они боятся, что из-за него и они могут пострадать. Но я думаю, что это все есть лишь психологическое прикрытие. Главное — мы знаем, что они такое же... как бы выразиться?..

Сот: Говорите прямо. Вы не на Ученом Совете.

Добр: Такое же говно, как и их предшественники Петин, Федькин, Канарейкин и прочие.

Сот: Но почему все-таки их неприязнь приняла именно форму опасения? Может быть, есть поводы для этого?

Добр: Конечно. Он — парень чудаковатый. И чуточку чокнутый даже. Высказывается он редко, но... не то, чтобы очень резко, а как-то так, что все умолкают в недоумении.

Сот: Например?

Добр: Например, разговаривали как-то на малой площадке об индивидуальном терроре. Разумеется, все осудили его. Спросили мнение Мнс. Он сказал, что согласен с нами, что в нашем обществе вообще все формы

индивидуальной деятельности должны вытесняться коллективными.

Сот: Я попрошу Вас подробно записать тот разговор. Укажите, кто присутствовал. Постарайтесь поточнее вспомнить формулировки. Садитесь вот здесь. Не торопитесь. Времени у нас достаточно. Как сказал поэт, впереди у нас вечность. Ха-ха-ха! Кстати, Вам не известен человек по кличке Поэт? Нет? Ну ладно, я не буду Вам мешать.

Разговор начистоту — Неужели ты не видишь, что творится вокруг тебя? — говорит Он.

— Вижу, — отвечает Мнс.

— Это же может плохо кончиться!

— Может.

— Надо же что-то предпринять!

— Что?

— Ну, поговорить с кем-то!

— С кем?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. Таких людей нет. Разве что Тваржинская.

— А что! Это идея! Она — старый чекист. Еще с Берия работала.

Старые чекисты, если с ними поговорить начистоту, могут...

— Что они могут, ты лучше меня знаешь.

— И все-таки попробовать надо. Они не любят новые веяния и могут принять тебя за своего. Считает же партийный секретарь тебя своим? И с ним, кстати, есть смысл поговорить. Так, мол, и так, идет странная возня. Ты выполнял поручения, а из этого...

— Ничего из этого не выйдет. С ними не посчитаются. И вообще тут ничто и ни от кого не зависит. Все происходит само собой. И пока еще никто не знает, чем эта суетня кончится. Им Там надо показывать, что Они необходимы, что Они на страже и прочее. И Они во что бы то ни стало доведут «дело» до состояния некоей готовности. Что-бы в случае чего можно было сразу пустить в ход каким-то образом.

— Я много что видал, но такую ситуацию вижу впервые.

— Это особенность моего поколения.

— Как же жить?

— Это не проблема. Надо делать вид, будто ничего не случилось.

Мы все так и поступаем. Отдельные отклоняющиеся индивиды рываются, но их быстро тушат.

— А ты разве не отклонение?

— Что ты! Я ужасающе нормален и обычен. В этом-то все и дело. Именно моя ничем не прикрытая обычность и среднесть и вызывает подозрение и раздражение. Если бы я встал в «либеральную» позу или стал жать на карьеру, все сразу прояснилось бы. Ко мне относятся так, как отнеслись бы к человеку, который голым пошел бы по улицам. Их раздражает сам факт моей обнаженности, а не какое-то выдающееся уродство.

— Ты стал достаточно мудр, мой мальчик, и я покидаю тебя.

— А с кем же я остаюсь?

- У тебя есть еще Маркс, Ленин, Сталин, Железный Феликс, Берия.
- Но они исчезли.
- Они боятся. Но потерпи, с ними побеседуют, где надо, и они вернутся.
- А где Поэт?
- Возможно, в Белых Столбах. Но скорее всего — в Сычевке.
- А Она?
- К тебе придет другая.
- Не уходи. Мне будет плохо без тебя.
- Не могу. Моя роль сыграна. Прощай!

Из рукописи Наше учение, — говорил Он, повторяя мою ранее изложенную ему мысль, — должно быть изложено специфически. Не обязательно его излагать так, чтобы любой смог его понять. Не обязательно даже излагать его так, чтобы его нельзя было не понять. Его надо изложить так, чтобы никто не осмелился его не понять!

Какая ясная и четкая установка, не правда ли?! Во исполнение ее я и написал за одну ночь (!) знаменитую «О диалектическом и историческом материализме». Когда я несколько втянулся в писанину, меня охватил священный трепет. Возникло ощущение великой удачи. Еще бы! Вот, послушайте, например. Тот, кто думает таким образом, тот ошибается. Следовательно, он неправ. Но можем ли мы, подлинники марксисты-ленинцы, признать истинным то, что неправильно? Очевидно, нет. Такова несокрушимая логика самого диалектического процесса... Когда я писал это место, волосы у меня встали дыбом. Я весь покрылся испариной. И так продолжалось до утра.

Дописав последнее слово, я немедленно уснул, сидя за столом. И проспал целые сутки, как я узнал впоследствии. А в тот момент, когда я проснулся, мне показалось, что я спал не более минуты. Придя в себя и вспомнив о сделанном, я отправился на квартиру одного известного философа. Предварительно я позвонил ему по телефону и предложил, чтобы он отослал всю свою семью на дачу. Позвонил затем Ему (я имел возможность звонить Ему в любое время), сказал, что задание будет выполнено ровно через восемь часов. Он спросил, кто. Я назвал имя этого философа.

Эти восемь часов были величайшим праздником в моей жизни. Прекрасная большая квартира с дорогими красивыми вещами. Вина. И конечно, кофе. Сколько я его выпил за эти часы! Я диктовал философу свои записи, подражая Его акценту, интонациям и жестам. Я даже трубку курил, как Он. Философ писал, побрякивая от удовольствия. Временами он делал дельные исправления, и я все их принял. Наконец, рукопись была готова. Я изорвал в мелкие клочки свои записи и спустил их в унитаз. Посоветовал хозяину прилечь и отдохнуть. Его уговаривать не надо было. Он сразу же уснул, сидя в кресле. Я взглянул на часы. Пора! Едва я успел захлопнуть дверь и подняться на этаж выше, как Они уже стояли перед дверью и колотили в нее кулаками и сапогами.

Ровно через час я снова позвонил Ему. Он сказал одно слово: да.

Я вышел на улицу. Вокруг меня все стало расплываться и меркнуть. Закачалась земля. Очнулся я на больничной койке. Мне сказали, что я был без сознания почти месяц.

Беседа в КГБ с Учителем Уч: Да, мы были в хороших отношениях. Но не настолько хороших, чтобы считаться друзьями. Разница в возрасте. В привычках. В жизненных установках.

Сот: Что Вы имеете в виду, говоря об установках?

Уч: Я — ученый. Наука отрицает все мои силы и эмоции. В наше время нельзя сделать в науке ничего значительного, не отдаваясь ей целиком и полностью. Конечно, я имею в виду науки, в которых творчество еще сохранило индивидуальный характер.

Сот: А он?

Уч: Он парень способный. Даже очень способный. Но на одних способностях далеко не уедешь. Надо регулярно и тяжело работать. Цель надо иметь, одержимость. А он валял дурака. Работал от случая к случаю. Много пьянствовал. И женщинами увлекался. Потом его потянуло в политику и идеологию. Он же бросил наш сектор и ушел в отдел борьбы с антикоммунизмом.

Сот: А разве это не почетное дело?

Уч: Почетное. Но это — не дело логика.

Сот: Вы сказали, что его потянуло в политику. Что это значит? В чем выразилось это?

Уч: Он стал интересоваться социологией, теорией социализма, конкретными фактами нашей жизни, выходящими за обычные рамки.

Сот: Например.

Уч: Случаями самосожжения, попытками покушения, заключениями в психиатрические больницы и т. д.

Сот: Известно ли Вам что-либо о человеке, которого он называл Обличителем?

Уч: Да. Он как-то говорил, что задумал разыграть через него какую-то хохму. Но какую именно, не сказал. А я не придавал этому значения. Думал, что это — хохма в рамках мальчишеских выходов.

Сот: Тут пахнет далеко не мальчишескими шутками. Как Вы думаете, способен он на серьезное дело... Я имею в виду не науку, а, скажем, политику?

Уч: Трудно сказать. По-моему, он не вполне нормален психически. Но в принципе, пожалуй, способен. Он кажется очень мягким человеком. Но эта мягкость кажущаяся.

Сот: Если он будет изъят (это не обязательно, но не исключено), будет это потерей для науки?

Уч: Что Вы! Ни в коем случае.

Сот: А какова будет реакция в институте?

Уч: Обычная. Два дня посплетничают. На третий начисто забудут.

О цензуре, подлинном социализме и бабах

— Привет, — сказал Берия. — Как самочувствие?

— Все так же.

— Чем занимаешься?

— Все тем же.

— Что собираешься делать?

— То же самое.

— Молодец! Мы вот тут собрались и обсудили проблему цензуры. Как ты полагаешь, что произойдет, если вдруг отменят цензуру и дадут полную свободу литературе?

— Появится миллион книжек, в которых будет написано только, что Брежнев — дурак, а советская власть — говно.

— Что я вам говорил? Именно так мы и сами решили. И хотя Брежнев действительно дурак, а советская власть — говно, цензуру мы отменять не будем.

— Надо говорить не «хотя», а «именно потому, что», — сказал Сталин. — Подлинный социализм без цензуры невозможен.

— Ты искажаешь суть социализма, — сказал Ленин. — Социализм предполагает ликвидацию всей и всяческой цензуры.

— Согласен, — сказал Берия. — Но лишь при условии предварительной ликвидации всех тех, кто мог бы написать что-нибудь такое, на запрещение чего потребовалась бы цензура.

— Прошу прощения, коллеги, — сказал Маркс, — но я вообще не понимаю, о чем спор. Неужели вы искренне думаете, что ваше общество и есть настоящий социализм?

— Почему наше?! — возмутился Ленин. — Это все штучки Сталина и Берии. Мы с Железным Феликсом совсем другое задумывали. А что ты на это скажешь?

— С каких это пор вас стало интересовать мое мнение? Скажу, что вы спорите из-за слов. Важно в конце концов не то, что вы хотели построить, а то, что построилось на самом деле. Официально принято называть наше общество социалистическим. Ну и пусть! Что вам дасть это словечко «социализм»?! Все равно ничего другого не будет.

— Почему же не будет?

— Потому что законы общества всегда и везде одинаковы.

— Биологические законы тоже одинаковы. Но это не помешало тому, что существуют миллионы видов организмов.

— Но спор идет не о разнообразии условий различных стран, а об общих принципах социального устройства, независимо от особенностей стран, т. е. о законах. Социализм, принципиально отличный от советского, в такой же мере возможен, как иной физический макромир, в котором не имеют силу законы нашей макрофизики и имеют силу законы, не имеющие силы для нашего макромира.

— Что же ты предлагаешь?

— Сесть всем рядышком, спустить штаны и по команде насрать на все — на социализм, на интеллигентские терзания по поводу его язв, на надежды на некий «подлинный» социализм, в котором не будет ни язв, ни интеллигентских терзаний.

- Такая позиция меня не устраивает.
- И меня тоже.
- И меня.
- И меня.
- А что вы предлагаете?
- Конечно же, борьбу. Мы же пламенные революционеры.
- А как насчет баб?

— Одно другому не мешает. Мы, большевики, не аскеты. Имей в виду, в КГБ уже наметили для тебя бабенку. У них специально для таких случаев штат есть. И довольно неплохие бабы, если ограничиться исключительно уровнем физиологии. Опытные. Штучки всякие умеют делать. До Запада, конечно, им далеко. Не тот материал. Школа не та. Традиции не те. Но на фоне нашей общей серости в этих делах и такие сойдут за милую душу. Сейчас, говорят, на Западе моден так называемый оральный секс.

— Это еще что такое?

— Сам не знаю. Если от слова «орать», то может быть просто сидят рядышком и кричат вместо того, чтобы совокупляться.

— И все же где они мне такую штучку приготовили?

— Вставай и топай в «Метрополь». У входа увидишь невысокую полную бабенку с нахально-циничным взглядом. Она предложит тебе билет. Бери. Расплатишься потом.

— А если...

— Не наивничай. Не первый раз. Твои привычки и методы Там уже изучены досконально. Как погасят свет, не спрашивая имени, лезь за пазуху. Там кое-что есть. И потом под юбку. Там тоже кое-что приготовлено. Спеш!

Тоска по жалости

*Говорят,
унижает жалость.
Ну а я прошу:
ради Бога,
Пожалейте,
хотя бы немного,
Унизьте,
хотя бы малость.
Равнодушно
не проходите,
Удержитесь
от взгляда злого.
Не скупитесь
на доброе слово,
По плечу слегка
потрепите.
Может, эта*

сухая малость
Переменит
жизни движенье.
Так приди же ко мне,
униженье,
Основанье которого —
жалость.

Во имя — Главное в жизни, — говорит Маркс, — это борьба. Но не любая, а только за освобождение рабочего класса. Я за это все силы отдал.

— За освобождение от кого и от чего? И чего ты этим добился? Верно, в результате революции некоторые представители рабочего класса выбираются на вершины социальной иерархии. Но разве это — освобождение? А что происходит с тем рабочим классом, который образуется через несколько поколений? Его же снова освобождать надо! От кого на сей раз? И к каким идеалам его звать?

— Маркс прав, — говорит Ленин. — Борьба есть главное содержание жизни. Я все свои силы отдал за переустройство России...

— И что же вышло из этого? Русский народ как жил хуже всех европейских народов, так и продолжает жить. А ради чего? Чтобы очередной тщеславный болван стал маршалом или генералиссимусом и увешал себя орденами? Ради первенства и превосходства любой ценой?

— Ты прав, — говорит Сталин. — Они все суть наивные мечтатели. Но в отношении борьбы как таковой они правы. Я вот всю жизнь боролся, но не за абстрактные идеалы, а с живыми (теперь, конечно, мертвыми) врагами. Я почти всех победил. Но кое-кто уцелел. Иди за мной и будешь счастлив.

— А кто есть враг?

— Все есть враг.

Вторая беседа с Добронравовым в КГБ Сот: Как Вы считаете, способен Мнс совершить какой-нибудь безрассудный общественно опасный поступок?

Добр: Вполне. Он неоднократно пытался обсуждать со мною проблему покушений на крупных деятелей страны. Сначала я воспринимал это как шутку. Потом это мне стало казаться странным, и я стал избегать разговоров с ним.

Сот: А в какой связи он пытался вести эти разговоры?

Добр: К нам в институт приходит много сумасшедших. Среди них один, которого Мнс прозвал Террористом, свихнулся на этом. Мнс использовал приходы Террориста и его рукописи как повод поговорить на эту тему.

Сот: Чего он от Вас конкретно хотел?

Добр: Это мне не ясно. Однажды он расспрашивал меня как человека, связанного с ДОСААФ, о видах гранат, имеющихся на вооружении в нашей армии.

Сот: У нас к Вам будет просьба — возобновите встречи с Мнс и бесе-

ды с ним. Не избегайте разговоров такого рода, а наоборот, проводите их. Нам важно пока выяснить, насколько он охвачен этой навязчивой идеей и насколько далеко способен пойти в этом направлении. Ясно?

Добр: Конечно.

Сот: Теперь ознакомьтесь с этим документом и подпишите его. Вы не маленький, сами понимаете, к каким последствиям Вас приведет, если Вы не сохраните в тайне наши беседы.

Голоса

*Задумаюсь, звукам внемля,
И слышу такое нередко.
Ты думаешь, я — земля?
Я пепел твоих предков.
Колени склоню у ручья
Студеной воды напиться.
И слышу: ты знаешь, чья
Кровь из камней сочится?
Я в рот с отаращеньем сую
С картошкой гнилую котлету.
И слышу: ты долю мою
Съедаешь, товарищ, при этом.
Я женщины трогаю грудь,
И в губы впиваюсь до боли.
И слышу: браток, не забудь,
Про наши законные доли.
В чем я провинился, кричу, Небеса?
За что мне досталось такое?
За что эти мертвые голоса
Не дают мне нигде покоя?
Ты отмечен, слышу, чужой виной,
За чужие грехи судим.
У погибших нету меры иной
За себя отплатить всем Им.*

Поездка на природу Наш институт, — было написано в заметке в стенгазете, подписанной псевдонимом «Наблюдатель» (хотя всем было известно, что сочинил ее Соловейчиков), — живет полнокровной жизнью здорового советского коллектива, о чем свидетельствует состоявшаяся в воскресенье поездка за город, организованная месткомом. В этом мероприятии наряду с молодыми сотрудниками (самой молодой было на самом деле за тридцать) приняли участие старшие товарищи (главным образом — старые пьяницы во главе с Шубиным). Автобус быстро (на самом деле — одурающе медленно, с нелепыми остановками — шофер забыл заправиться бензином утром и сменить неисправное колесо) доставил отдыхающих в прекрасное (на самом деле — заплывающее и замусоренное) место на берегу водохранилища (к берегу проехать не удалось, так

что выгрузились чуть ли не в полкилометре от воды). Ехали с песнями и шутками (всю дорогу урезонивали расхोлившегося алкоголика Шубина, который хватал всех женщин подряд за запретные места). День провели насыщенно (мужчины насытились водкой, а женщины — отвратными бутербродами и сплетнями), зарядившись здоровьем и хорошим настроением на всю предстоящую трудовую неделю (Шубин подрался с кем-то из посторонних и заработал мощный фонарь под левым глазом, Качурин прополрол руку о битую бутылку, прыгнув в воду с берега, у заведующей кабинетом лопнул корсет, стягивающий ее необъятную талию, у аспирантки из Якутии украли сумочку с деньгами и документами). Это ценное начинание (такая поездка устраивается каждый год и каждый раз о ней говорят как о начинании) месткома следует всячески поощрять и продолжать. Оно способствует сплочению коллектива (Шубин переругался с Качуриным, и они перешли на «Вы», аспирантка из Якутии обозвала заведующую кабинетом фашистской дурой, а та в ответ пригрозила заявлением в комсомольское бюро). Природа, как это бывает в это время в нашем чудесном Подмоскowie, одарила тружеников нашего коллектива ласковым солнцем, бархатной зеленью трав и дерёв, голубишной спокойных вод (трава вытоптана, вода мутная, повсюду мусор, деревья обломаны, после обеда сначала поднялся пыльный и холодный ветер, а потом стал моросить злой мелкий дождь).

Когда подвыпившие сотрудники все же решились окунуться в мутной воде, их остановил голос диктора, гремевший над всей окрестностью, словно глас Небес. Граждане! — вопил голос, явно наслаждаясь самим собою. — Вы выехали на нашу замечательную природу. Ласково светит солнце. Легкий ветерок колышет зеленую листву. Вы садитесь в лодку и с шутками и песнями плывете на середину водоема. Нежная волна слегка раскачивает лодку. Лодка переворачивается, и вы идете ко дну. Граждане! Будьте бдительны на водах! Не раскачивайте лодку! Не отплывайте от берега!!!

Прочитав заметку, Петин проронил слезу умиления. В наше время это было недоступно, — сказал он со вздохом. — Вам, молодым, хорошо. Значит, не зря мы недоели, недоспали, недоотдохнули. Значит, не зря мое поколение...

Молодцы, комсомольцы! — сказала Тваржинская, пожав руку престарелой заведующей кабинетом. Как сказал поэт, и мне хочется, задрать штаны, бежать за комсомолом. И я бы... Да годы не те. Завидую и поздравляю.

Совещание на Большой Лубянке

— Маркса, Ленина, Сталина и прочих пока обнаружить не удалось.

— Усилить поиски. Удвойте число оперработников.

Наблюдение за квартирой продолжать. Этих мерзавцев надо разыскать во что бы то ни стало.

— Мне кажется, они что-то почувствовали.

— Возможно. Успокоятся и все равно явятся. Главное — терпение. Как с Террористом?

— Ничего нового. Я думаю, что его лучше будет перевести в Институт Сербского.

— Да. И поставить на ноги. Он нам нужен здоровый. Пусть сместят всю документацию на два года назад. Пусть он выздоровеет еще в прошлом году.

— Вот предварительная общая схема. Это — Мнс. Через Обличителя — связь с «Рабочей группой». Через Террориста — связь с террористической группой, в которую входят Маркс, Ленин, Сталин... Это — линия связи с иностранной разведкой. Мы только начали работать в этом направлении.

— В прошлое десятилетие в институт приезжали многочисленные делегации с Запада и отдельные западные ученые. Было несколько международных совещаний. Наши ученые неоднократно ездили на Запад. Все эти материалы надо поднять и тщательно изучить.

— Он не ездил за границу.

— Он работал с иностранцами здесь. Он же два языка знает. Изучите всех лиц, с которыми он имел или в принципе мог иметь контакты.

— Добронравов, судя по всему, может сыграть роль...

— Его, конечно, надо подключить к террористической группе. Для открытого процесса он необходим. Как Татьяна?

— Пока безрезультатно. В кино он был, но домой ее не повел.

— Пусть продолжает. Напείτε его. Пусть она приведет его домой. У него бывают провалы в памяти, вряд ли заподозрит...

После работы Ученый Секретарь неожиданно предложил Мнс сдать рукопись обратно, поскольку ее затребовали из Президиума. Отзыв писать не надо, они там сами разберутся. Зайдя к завхозу и взяв у него за трешку (плата за молчание) пачку старых рукописей, подлежащих уничтожению, Мнс перемешал странички со своими и отдал секретарю. Жаль, подумал он, не удалось докончить. Хотя, может быть, так даже эффектнее получится. Хотел бы я знать, что это за рукописи, которые дал мне завхоз? Но завхоза уже не было в институте — ушел пропивать трешку. Вот будет номер, — подумал Мнс, — если это из материалов спецгруппы отдела информации! А это весьма возможно, раз рукописи предназначили к сожжению.

Рабочий день окончился. Прозвенел звонок. Огромная флегматичная девица из отдела кадров вынесла книги прихода-ухода. Посеревшие и потускневшие за день сотрудники торопливо расписывались и бежали по своим делам, в основном — по магазинам, ибо большинство таких были женщины. Молодые младшие сотрудники мужчины и старые отъявленные пьяницы сколачивали группы на предмет «отметить», «перекусить», «продолжить», «прошвырнуться», «поговорить». Мнс и Учитель, не сговариваясь, молча двинулись вниз. Уже на третьем этаже их перехватил Добронравов. В самом низу к ним присоединились ребята из «Вопросов» — Знакомый, один молодой парень, который (по слухам) пишет обличительный роман с намерением опубликовать его на Западе, и еще один пожилой парень с растрепанной бородой, который уже третий десяток лет не может написать кандидатскую диссертацию. Ребята из «Вопросов» предложили пойти в ДЖ,

специально на пиво.

— Как дела с рукописью? — спросил Знакомый.

— Все в порядке, нашлась. Ее сосед спрятал.

— Жаль. А то можно было бы великолепную хохму устроить.

— Как у вас там с Обличителем?

— Вроде заглохло, — сказал Добронравов. — Кагебешники во всяком случае не появляются.

— Дурацкая липа, — заметил Учитель. — Как всегда, хотели из мухи слона раздуть.

— Хотите новый анекдот? Подходит утром Брежнев к окну. Привет, Солнце, говорит. Приветствую Вас, дорогой товарищ Генеральный Секретарь, Председатель Президиума, Председатель Комитета Обороны, Маршал, Лауреат Ленинской премии, десятирежды Герой и т. д. и т. п., отвечает Солнце. День. Подходит Брежнев к окну. Привет, говорит, Солнышко. Приветствую Вас, дорогой Генеральный Секретарь, Председатель и т. д. и т. п., отвечает Солнце. Вечер. Подходит Брежнев к окну. Привет, говорит Солнышко. А пошел ты на..., отвечает Солнце. Как же ты так грубо, обиделся Брежнев. Утром ко мне так хорошо обращался и днем, а теперь-то почему так? Плевать мне на тебя, теперь я на Западе, отвечает Солнце.

— А гайки-то Они закручивают всюю. В ближайшем номере пойдет два погромных материала. И каких! После пятьдесят шестого года ничего подобного не было.

— На Мартовском Пленуме решили послать Запад подальше и начать решительно сокращать нашу экономическую зависимость от него. Похоже, что хотят снова опустить «железный занавес».

— Это не так-то просто теперь.

— А кого громят?

— Совершенно неожиданные фигуры. Пятнадцать лет в журнале, но до сих пор не пойму, по каким принципам их отбирают. В диамате будут бить Петрова, Сударикова и Иваницкого. Знаете?

— Конечно. Но они же болтуны и кретины!

— А в истмате... Ни за что не догадаетесь. И не поверите. Лукина, Седова... И еще несколько человек. В общем, всех авторов того сборника Лукина.

— За что? Это же смешно!

— Им не до смеха. Очевидно, в отделе науки ЦК это дело всесторонне обсудили. Чтобы это не выглядело как антисемитизм, отобрали почти одних русских. Но чтобы зародилась мысль в этом направлении, пару евреев явных «подкинули» и одного «замаскированного». Кого? А Седова. Выбрали фигуры второстепенные, чтобы на Западе шуму не было. Вместе с тем, мало-мальски известные, чтобы дело серьезно выглядело.

— А в каком духе погром?

— Уступки и примиренчество по отношению к буржуазной западной идеологии, протаскивание враждебных идей, забвение фундаментальных истин марксизма-ленинизма. В общем, демонстрация идеологической непримиримости.

— После «Вопросов», надо думать, и в «Коммунисте» кое-что дадут. Потом — в газетах. И пойдет!...

— Если это всерьез, то надо ожидать какой-нибудь крупной пакости на общегосударственном уровне. Могут крупный спектакль затеять. Давно не было. Соскучились, наверно. А руки чешутся.

ДЖ оказался закрытым по случаю Всесоюзного Совещания журналистов по вопросам идеологической работы. Ох, как все это осточертело, сказал Добронравов, когда они остались вдвоем с Мнс. Была бы противотанковая граната, не задумываясь запустил бы под первую же «Черную карету». Гранатой их не возьмешь, задумчиво сказал Мнс. Сказки, сказал Добронравов. Это Они специально такие слухи распускают. Противотанковая граната, если попадешь, конечно, запросто прошибет. А где ее взять, спросил Мнс. Это не проблема, сказал Добронравов. Лишь бы желание было. А кто ищет, как пели когда-то, тот всегда найдет. Только что именно найдет, подумал Мнс, но промолчал. Он уже вошел в состояние полной отрешенности от окружающего.

Татьяна — Ты кто?

— Татьяна.

— Зачем ты здесь?

— Глупый вопрос. Зачем женщина попадает в кровать к мужчине? Признаюсь, я об этом не жалею.

— Судя по физиономии, ты — сволочь.

— Но-но!

— А судя по телу, в тебе есть искра божества.

— То-то!

— Так что оставайся. Но предупреждаю, никаких теоретических рассуждений! Эту комнату прослушивают и проглядывают насквозь. И чтобы никаких реформ! Я ненавижу усовершенствования. Я предпочитаю стабильный бардак. Бардак — он и должен быть бардаком, а не коммунистическим раем.

— Может быть, кофе сделать?

— С ума сошла? Какой теперь кофе?!

— Натуральный. У меня есть пакетик.

— Если это так, значит, ты послана мне Богом.

— Ну, не самим Богом. Каким-нибудь его заместителем.

— А теперь скажи, где ты меня подшепила?

— Это ты меня подцепил. Но каюсь, я давно за тобой охочусь. Ты мне давно нравишься. Я тут неподалеку работаю. Но ты на меня не обращал внимания.

— А вчера обратил?

— Ты просто схватил меня, затащил в парадное и сделал свое дело. Потом схватил за руку и поволок сюда. Сказал: будь моей женой и войди в мой дом!

— Так и сказал?

— Так и сказал.

— Тогда и будь ею. Знаешь, я только теперь понял, почему Пушкин

свою героиню назвал Татьяной. И давай закроемся одеялом. Я не хочу, чтобы Они видели нашу чистую любовь.

Доклад Мнс на заседании отдела

На большой площадке повесили объявление о том, что состоится заседание отдела борьбы с антикоммунизмом, на котором будет заслушан доклад младшего научного сотрудника такого-то на тему «Роль логики в идеологической борьбе нашего времени». Объявление произвело сильнейшее впечатление на институт. Всю неделю не умолкали разговоры на эту тему.

— Мы-то думали, — ехидно говорили одни, — а он! Оказывается, он такое же дерьмо, как все. А еще бороду отрастил! Книжки иностранные читает!

— Мы же говорили, что он себе на уме, — говорили другие.

— Типичный стукач, — говорили третьи.

— Он уходит в отдел науки ЦК, — шептала всем по секрету ведущая сплетница Кирусик. — Знаете, сколько он будет получать? Что вы! В три раза больше. Квартиру сразу дают. И вообще, умеют устраиваться эти проходимцы!

— Молодец парень! Теперь на защиту выпустят. Печататься будет. Давно пора!

— Правильно сделал, что ушел от этих шизофреников. Там ему житья не было.

Заседание должно было проходить в малом читальном зале. Но народу набилось столько, что пришлось перебазироваться в большой актовый зал. Празднично разряженная Тваржинская открыла заседание, произнесла пламенную речь. Теперь уже всем очевидно, — сказала она, — что остановить победную поступь коммунизма невозможно. Вопрос о победе коммунизма на всей планете есть лишь вопрос времени. Однако из этого не следует, что мы можем почивать на лаврах. Враги коммунизма добровольно не сойдут со сцены истории. Они яростно сопротивляются и будут спротивляться еще яростнее, чем острее будут чувствовать приближение своего исторически неизбежного конца. В борьбе с коммунистическими странами и коммунистической идеологией они не брезгают никакими средствами. В том числе они используют и достижения современной логики.

В зале начался смехок. Но Тваржинская сверкнула глазом, втянула губы для следующей тирады, и зал замер снова. И Тваржинская представила слово Мнс. Ну, держись, — шепнул Учитель Добронравову. — Быть беде. Сейчас он отчебучит что-нибудь кошмарное. Я до сих пор не пойму, делает это он нарочно или у него само собой получается, по недомыслию.

В институте сложилась парадоксальная ситуация, — начал свою речь Мнс. — Все отделы и секторы осознали важность современной логики как в разработке нашей марксистско-ленинской философии, так и в борьбе с нашими идеологическими противниками. Все, кроме одного, причем — самого боевого и работоспособного. И, пожалуй, самого квалифицированного. Я имею в виду наш отдел борьбы с антикоммунизмом. Судите сами. Отдел научной критики зарубежной буржуазной философии выпустил две коллективные монографии по критике семантической и аналитической

философии и, естественно, современных тенденций неопозитивизма. В них принимали участие многие наши ведущие логики. Достаточно сказать, что целый параграф дал в него профессор Зайцев. Отдел поддержки прогрессивных течений в зарубежной философии дал специальную главу в своем коллективном труде, удостоенном первой институтской премии, в которой убедительно показал, каким мощным оружием становится логика в руках наших зарубежных друзей — марксистских философов в их борьбе с апологетикой империализма. Я уж не говорю об отделе диалектического материализма. Я не могу назвать ни одной их работы последних лет, в которой так или иначе не использовались результаты логики для разработки нашей философии. Даже сектор логики в этом отношении на высоте. Недавно вышел в свет секторский сборник, в котором наши крупнейшие логики Смирняшев, Ворошилло, Бурдюков, Субботин и другие убедительнейшим образом показали, что хотя формальная логика даже в качестве современной математической логики остается низшей логикой, пригодной (по словам Энгельса) лишь в сфере домашнего обихода... Хотя, что, например, делать в домашнем обиходе с импликацией, хотя ее по недоразумению и называли материальной? Вот в идеологической борьбе на современном этапе без нее...

В зале начался опять смехок. Тваржинская призвала к порядку, пригрозив в противном случае очистить зал от тех, кто. Кажется, начинается, — сказал Учитель Добронравову. — Мне его жаль, но остановить его невозможно. Оживление в зале, однако, не утихло. И Тваржинская, сочтя это за здоровую реакцию на живую и образную речь докладчика, начала сама лучезарно улыбаться.

Возьмем, например, такое утверждение злобных врагов коммунизма: «При коммунизме будет иметь место общность жен». Обозначим его через X. Вот так можно формально записать определение общности, так — отношения жены и мужа. Надеюсь, я правильно записал?

Параноик Смирняшев подался вперед и позеленел от умственного напряжения, надеясь подловить Мнс на «элементарной ошибке». Пока правильно, сказал он ехидно. Посмотрим, что дальше будет. Между прочим, это определение...

Да, да, — сказал Мнс. — Это определение взято из монографии нашего уважаемого ученого с мировым именем профессора Смирняшева. Но продолжим. Так, это — консеквент, это — антецедент... По правилу субституции получим... По правилу модус поненс... Здесь применим контрапозицию... Правильно? Я прошу логиков поправить меня, если ошибусь.

Зал замер, следя за столбиками непонятных формул, которые стремительно появлялись на доске и исчезали столь же быстро. После последних слов Мнс все с неудовольствием взглянули на Смирняшева и его окружение. И с надеждой: может быть, этот кретин с мировым именем уличит этого бородатого пижона?! Но Смирняшев кивал головой в знак согласия и даже подсказывал Мнс некоторые более простые способы преобразования формул.

Наконец, на доске осталась одна единственная формула. А теперь, сказал Мнс торжественно, позвольте мне напомнить уважаемым слушате-

лям принятые обозначения. Вот они записаны слева. Теперь любой среднеграмотный человек, даже такой, как доктор Барабанов (в зале раздался хохот, Барабанов расплылся в улыбке), может расшифровать полученную формулу. Прошу!

Барабанов, однако, выходить к доске отказался. Смирняшев не выдержал, вскочил, подтянув сваливающиеся мятые штаны, схватил мел, сказал, что это же тривиально, и тут же записал результат в обычном языке: «При коммунизме будет иметь место общность мужей». В зале началось твориться нечто невообразимое. Крики восторга по поводу мощи современной логики. Насмешки по поводу очевидности вывода и без логики и т. д.

Это теперь вам кажется, что вывод был очевиден, — сказал Мнс, когда Тваржинская навела тишину. — Назовите мне хотя бы одну работу как антикоммунистического, так и прокоммунистического толка, в которой оно фигурировало бы! Вы это не сможете сделать, ибо этого не было. То доказательство, которое я вам здесь изложил, получено впервые мною. Конечно, я опирался на замечательные труды пара... прошу прощения, профессора Смирняшева. Теперь, надеюсь, если даже действительно произойдет обобщение жен, женщины могут быть спокойны: мужей обобществят тоже.

Зал разразился аплодисментами. Параноик Смирняшев аплодировал стоя. Тут же, прервав докладчика, он предложил Тваржинской выпустить совместно с сектором логики целый сборник специально на эту тему. И опять под аплодисменты. Что происходит? — удивленно спросил Учитель у Добронравова. Эти идиоты не отдадут отчета в том, что их высмеивают и мистифицируют! Так им и надо, — сказал Добронравов. — Молодец! Знать, он в последнее время здорово вырос и посерьезнел. Жаль парня!

Ночная Москва После доклада отметили успех. Ты молодец, — сказал Учитель, — только чуточку переборщил. Ты обнаружил талант, а у нас это не любят. Смирняшев теперь изойдет от зависти. И начнет пакостить тебе с удвоенной силой. Теперь он постарается вытеснить тебя с выгодной позиции. Ему надо в членкоры, во что бы то ни стало, а этот совместный сборник — верный ход. Пусть вытесняется, — сказал Мнс. — Я этой галиматей больше заниматься не буду. По крайней мере год я буду морочить всем мозги докладом. А там видно будет. Если хочешь знать, я с удовольствием сдам все позиции этому параноику. Буду бездельничать под его руководством, — он же наверняка возьмет сборник в свои руки. И угробит, конечно. Но я успею проскочить в кандидаты. Доклад берут в «Вопросы». Они там не любят Смирняшева. Обещают протолкнуть мою заметку в отделе «Научная жизнь». Мелким шрифтом, на пяти страничках машинописного текста. Мне вполне достаточно. Тваржинская сказала, что к празднику я получу премию. Полсотни! Наконец-то обновлю ботинки.

После попойки гуляли по улицам. Вернее, проводили домой Добронравова, затем Мнс проводил домой Учителя. И самому, естественно, пришлось идти домой пешком. Общественный транспорт уже не работал, а на такси денег не было. Может быть, останешься у меня, предложил Учи-

тель. Мнс молча покачал головой — «нет» — и ушел, не простившись. Учитель смотрел ему вслед до тех пор, пока он не свернул за угол. Ему стало тоскливо. Захотелось выпить до бесчувствия. Но он давно уже утратил способность пьянеть.

Есть люди, считающие Москву прекрасным городом, — думал Мнс. Вот чудачки! Хотя, это — в основном иностранцы, т. е. в большинстве случаев советские холуи и наймиты. А прочие воспринимают Москву не как возможное место жизни для себя, а как своеобразную экзотику, как туристическое зрелище. Нравятся же им матрешки, самовары, расписные деревянные! Знали бы они, что вон то впечатлительное современное здание за фундаментальным забором — не научно-исследовательский институт, а сверхсекретная тюрьма КГБ. Интересно! На виду у всех, и вместе с тем, скрытно ото всех.

О том, что тут — тюрьма, он узнал недавно из спора двух забулдыг в забегаловке поблизости. Забудлыгы упомянули об этом как о чем-то самом обычном и общеизвестном. Смешно, народ даже остановку автобуса переименовал из «Институт» в «Тюрьма». Однажды он сам слышал, как водитель объявил остановку: «Тюрьма КГБ». Забудлыгы спорили о том, какие прогулочные дворики в этой тюрьме. Один настаивал на том, что дворики расположены на крыше и имеют размеры четыре на восемь, а его оппонент утверждал, что дворики расположены в середине, и размеры у них — три на девять.

Вот в этом красивом здании с садом расположено одно из самых отврастных учреждений в стране — институт психиатрии, дающий для КГБ медицинскую санкцию помещать неудобных в психиатрические тюрьмы под видом сумасшедших. Директор института — академик, видный ученый, член многих научных обществ на Западе, депутат Верховного Совета. Интересно, думал Мнс, доведется мне побывать тут? Боюсь, что придется. Хотя, за что? Что я сделал плохого? Но почему Они так ретиво взялись за меня? Что Им нужно? Сосед сам рассказывал, что вчера целых четыре человека приходили, устанавливали скрытую аппаратуру. Неужели они не только подслушивать будут, но и фотографировать? А может быть, даже телекамеру скрытую установили? Они теперь и в темноте все видеть могут. А зачем все это? У меня же никто не бывает. И я все время молчу.

В центре было совершенно пустынно. Не видно было даже милиционеров и переодетых агентов. Прячутся, наверно. Стоит, например, сейчас сделать резкий поворот к Марксу, как они немедленно возникнут из ничего и схватят за руки. На Марксе, между прочим, ни одного голубя! И чист, как огурчик! Значит, все-таки решили эту трудную проблему. Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять! С космосом справляемся, а чтобы с голубями не справиться?!

На Лубянке тоже ни души. Стройный Железный Феликс четко вырисовывается на фоне прекрасного в своей нелпости здания КГБ. Интересно, смогла бы та девочка выполнить свой замысел ночью? Где она сейчас? В Сычевке? Вряд ли, скорее всего ее ликвидировали и испарили совсем. Чем объяснить ее поведение? Отличница, из обеспеченной семьи, примерная комсомолка. Ни за что не поверю, что она была психически больна. В чем дело?

В здании КГБ кое-где горел свет. Ощущалось наличие какой-то жизни. В этом здании одни прогулочные дворики есть внизу, другие — на крыше, это точно. Вот эта дверь... Маршрут можно изменить. Гораздо удобнее идти от центра. И выход из-за угла будет более резким и неожиданным. И расстояние короче. И с точки зрения бросания удобнее — правая рука у стены, не так-то просто схватить ее. Неужели Они способны и в душах людей читать? Не верю! Они себе цену набивают. Когда он закрывал за собой дверь комнаты, ему показалось, будто раздался чуть слышный шелчок.

Сказка о бессмертии — Добродетельные и развратные, умные и глупые, красивые и безобразные, — все равно все сдохнем. Зачем в таком случае сдерживать себя, ограничивать во всем? Хватай, если случай представился! Вот и вся моя философия. Только мне не так уж много надо. Одного тебя вполне достаточно.

— Не все сдохнем. И не совсем. Некоторые могут жить вечно.

— Сказки. Десятилетку-то я все-таки окончила.

— Может быть и сказка, зато красивая. Самая красивая сказка из всего, что люди выдумали. А йоги считают, что это не сказка. У каждого человека, считают они, есть некая тонкая духовная оболочка. Тело умирает, а оболочка живет вечно.

— Не хочу быть без тела. Пусть наоборот, оболочка умрет, а тело пусть живет вечно. И не стареет. Не хочу быть старой.

— Но ты же не знаешь, как будешь чувствовать себя без тела.

— Без тела не чувствуют.

— Представляешь, постоянное состояние невесомости. Порхай себе туда и сюда.

— Не хочу невесомости. Хочу весить. Хочу тяжелой быть.

— Сколько в тебе?

— Шестьдесят.

— Не многовато ли для твоего роста?

— Нет. Могу еще пять кило добавить. Ненавижу тощих кляч.

— Ты природная материалистка. К тому же диалектическая.

— Пошел ты со своим диалектическим материализмом, знаешь, куда? Я баба, а не материалист.

— Ладно. Хочешь, расскажу сказку о бессмертии? Изобрели ученые лекарство, принимая которое человек практически может жить бесконечно. Но изготавливать это лекарство очень трудно и дорого. Огромное предприятие, на котором работало сто тысяч человек, изготовляло в год всего одну таблетку, — таблетку надо было принимать раз в год. Эти сто тысяч человек должны были иметь высокую квалификацию и должны были быть способными учеными. Их нельзя было заменить машинами, чиновниками, простыми исполнителями. Процесс изготовления таблетки бессмертия каждый раз протекал различно. Эти сто тысяч человек надо было хорошо обеспечить и разрешить им доступ ко всем достижениям мировой культуры. И вообще, им надо было разрешать многое такое, что ранее запрещалось гражданам страны, — смотреть любые заграничные и отечествен-

ные фильмы, читать любые книги, смотреть любые картины любых художников и т. д. Им надо было даже разрешить высказывать свое собственное мнение без риска быть посаженным в тюрьму. Сто тысяч. А у них семьи. Дети. Их надо было постоянно воспроизводить, т. е. осуществлять отбор наиболее талантливых учеников, студентов, аспирантов и т. д. из огромного числа учащейся молодежи, причем — надо было в корне перестроить всю систему образования, в частности — выкинуть марксистско-ленинскую философию, политэкономия и историю КПСС, прикрыть изучение речей вождей и т. п. А это потребовало изменения системы подготовки учителей и преподавателей институтов. Короче говоря, потребовалось коренным образом перестраивать весь строй жизни в стране. Сократить расходы на вооружение. Прекратить поставки оружия в Африку. А таблетка, между прочим, всего одна! Только один человек может быть бессмертным. Кто? Конечно же Генеральный Секретарь, он же Председатель Президиума, он же Верховный Главнокомандующий, он же... А что это означало для прочих членов Политбюро? А для членов ЦК? А то, что им никому уже никогда не удастся вырваться на первое место, т. е. до самой смерти оставаться на вторых, третьих ролях, в тени. А все почести будут вечно доставаться этому пустому маразматика?! Представляешь, какие настроения стали бурлить в их среде! Сам Генсек тоже знал, что таблетка одна, что его конкуренты и соратники кипят злобой и завистью, что они в любое время могут убить его, что надо всегда быть начеку. А чтобы таблетки получать регулярно, надо перестраивать всю жизнь общества и затем постоянно поддерживать новую систему. Конечно же силой КГБ, МВД, армии. А КГБ заберут такую власть, что... В общем, возникло такое великое множество проблем, разобраться в которых не стало никакой возможности. А тут еще пошел слух, будто скоро будут выпускать две, а потом три таблетки. Кому они достанутся? А если десять, двадцать, сто? А если всем? Зачем тогда дети? И как тогда с должностями? Так вечно и будет один грузчиком, а другой — маршалом? А если не всем, — как поделить? Какова перспектива — бессмертные начальники и смертные подчиненные! И жизнь в обществе пошла так, что наше нынешнее положение вспоминалось как мифический Золотой Век. И собралось однажды Великое Собрание решить, как быть дальше. Ибо жить так дальше стало невозможно хотя бы уже потому, что сто тысяч творческих личностей, изготавливающих таблетку бессмертия, всю поносили Партию и Правительство, маразматика Генсека и его правящую банду. Представляешь, сколько рассказывалось подрывных анекдотов?! И впервые за всю историю страны Великое Собрание объявило закрытый конкурс на лучшее решение проблемы, объявив в качестве приза... Как ты думаешь, что? Таблетку бессмертия!

— И кто же победил?

— Один младший научный сотрудник без ученой степени.

— Что же он предложил?

— Он предложил уничтожить предприятие по производству таблетки бессмертия.

— А как же...

— Вот в том-то и загвоздка!

Из рукописи Идеологический характер нашего общества обнаруживается, начиная с самого фундамента познания человеком своего социального окружения и со своего поведения в нем, — с самопознания. Я имею в виду понимание факта.

Западных наблюдателей и самих советских правдборцев обычно удивляет то, что даже в тех случаях, когда правдборцы сообщают о бесспорных фактах нашей жизни, их обвиняют в клевете на нашу действительность. В этом усматривают цинизм, беспринципность, подлость наших властей. Во многом это действительно так. Но дело не только в этом. Дело в том, что само понимание социального факта в нашем обществе не совпадает с таковым на Западе. Более того, даже в понимании фактов природы мы часто являем собою то же самое. Отсюда непонятные для многих наши идеологические погромы в естествознании, вопреки, казалось бы, очевидным фактам.

Факт есть все, что так или иначе наблюдается людьми в окружающей их действительности. Но самое простое наблюдение означает выделение каких-то кусочков мира из мира в целом, причем — выделение их в некоторой их целостности. В общественной жизни предметом наблюдения являются люди, их поступки и взаимоотношения, создаваемые ими вещи, сооружения и т. д. Естественно, тип общества и адекватный ему тип гражданина сказываются на том, как люди выделяют факты своей жизни, какая целостность необходима для происходящего, чтобы считаться фактом, а не вымыслом или искажением. В нашем обществе выделение факта по крайней мере во многих важных случаях является специфически идеологическим. Во-первых, оно включает в себя не только беспристрастную констатацию некоторых событий и явлений, но некоторую идеологическую оценку и объяснение их. Без таких оценок и объяснения простая констатация может выглядеть как клевета, если констатируемое оценивается кем-то отрицательно. Например, если вы скажете, что у нас высокопоставленные лица имеют массу привилегий, вы не выскажете факта, а оклеветеете наше общество. Чтобы высказать (описать) факт, в данном случае надо изложить некоторые принципы нашей доктрины (мы против уравниловки, у нас оплата по заслугам и т. п.), обосновать справедливость привилегий высокого начальства, отметить превосходство нашего строя, покритиковать прогнивший Запад с его контрастами. Во-вторых, выделение факта у нас включает в себя также положение того, кто его выделяет. Одно и то же сообщение может выглядеть как факт, если на него дана санкция властей или сами власти это делают, и как клевета, если это делается вопреки воле властей и лицами, на то не уполномоченными. Например, происходило негласное повышение цен самыми различными способами. Вот один из способов. Выпускается продукт типа А, но более высокого качества. Он стоит дороже обычного. Постепенно обычный исчезает, остается только продукт повышенного качества. И, конечно, повышенной цены. Затем вместо высококачественного продукта начинает продаваться обычный, но по цене высококачественного и под его маркой. Когда на это стали обращать внимание диссиденты и иностранные журналисты, их обвинили в клевете. Но дело зашло слишком далеко. Влас-

тям пришлось повышать цены открыто. Вместе с разговорами о стабильности цен, о росте качества, о росте благосостояния трудящихся и их потребностей, вместе с криками о росте цен, снижении зарплаты и безработице на Западе это признание уже выступило как признание факта. Таким образом, фактом нашей жизни является не просто нечто случившееся и имеющее место, но оправданное и свидетельствующее о... Конечно, это касается социально значимых явлений. Официально признаваемые мелкие недостатки скопом оценены как отклонения от нормы, естественные во всяком массовом процессе или доставшиеся в наследство от прошлого. Вспомните в этой связи гегелевское «Все действительное разумно». Это было предвидением принципа нашего общества. Впрочем, в условиях полицейски-бюрократического общества Германии того времени такое предвидение не удивительно. Зачатки коммунизма содержались уже там.

Одиночество — Почему ты такой одинокий? Неужели у тебя нет друзей?

— У меня много друзей. Кто? Например, Маркс, Ленин, Сталин, Железный Феликс, Берия.

— Это клички?

— Частично клички, частично нет.

— Кто они такие?

— Проходимцы без роду и племени. Человеконенавистники, вообразившие себя гуманистами. Неvezды, корчащие из себя ученых. Шарлатаны, играющие в великих мудрецов. Не стоит о них говорить. Последнее время с ними я порвал, и они появляются тут очень редко. Я этому рад. Одиночество мне больше нравится, чем суета на людях.

— Познакомь меня с ними.

— Не хочу. И я тебя ревную.

— Мне нравится, когда меня ревнуют. Познакомь! Я тебе все равно ни с кем не изменю.

— Хорошо. Но я не знаю, где они существуют. Я не могу их позвать. Они являются сами, когда захотят. Они никогда не являются при посторонних.

— Но я не посторонняя. А что ты делаешь, когда один? Это же так скучно, быть одному.

— Нет, не скучно. Я смотрю в потолок или в окно. И думаю.

— О чем?

— Ни о чем.

— Думать ни о чем нельзя.

— А я это умею делать.

— Научи меня.

— Этому нельзя научиться. Это — врожденная способность.

— Тогда объясни.

— Это нельзя объяснить. Это просто длящееся состояние.

— Приятное?

— Не знаю. Оно другое. Необычное. В таком состоянии, наверно, пребывает бессмертная духовная оболочка, отделившаяся от смертного тела.

— Значит, я стану старухой и умру, а твоя оболочка останется? Это нечестно!

— Но ты же сама...

— Я передумала.

— Ладно. Я попробую. Но за успех не ручаюсь. Видишь ли, это дается как награда за одиночество. А ты...

— Я буду с тобой.

— Ты замужем?

— Да.

— А как муж реагирует на...

— У меня работа такая.

— Есть дети?

— Сын.

— Ты могла бы бросить мужа и жить со мной?

— Зачем? Лучше пусть так. Если уйду к тебе, другие будут любовниками. Это подходит тебе?

— Нет.

— В том-то и загвоздка. Пусть все идет так, как идет само собой. Так где же твои друзья?

— Здесь, в моей голове.

Сексуальная трагедия — Надоела философия, — сказал Железный Феликс.
— Поговорим о чем-нибудь другом. Займемся, например, литературой.

— Сочиним пьесу, — предложил Берия, — и сразу же ее сыграем. Будем сочинять, играя!

— К чему сочинять заново, если есть готовая драма? — сказал Сталин.
— Я имею в виду замечательную драму, тайно сочиненную грустным мерзавцем Петиным. Кстати, как насчет коллективной монографии «Секс и революция»? Забросили? Этого следовало ожидать. Но пока вы трепались в коридорах и на лестничных площадках, Петин делал литературу. Сюжет петинской драмы таков. Живет непорочная студентка. Ее любит наивный студент. Он пытается соблазнить ее философскими рассуждениями со ссылками на классиков. Ее же раздрают противоречия. С одной стороны, она хочет быть соблазненной красавцем и умником аспирантом. С другой же стороны, она хочет в аспирантуру, а поступление в оную зависит от научного руководителя и заведующего кафедрой. Приступим к распределению ролей.

— Предлагаю нововведение, — сказал Ленин. — Кто за кого успеет высказаться, пусть и высказывается. Вполне демократический театр. Любой может играть любую роль, какую успеет и сумеет захватить!

— В таком случае Сталин захватит все роли.

Явление первое Комната в студенческом общежитии. Непорочная студентка Таня примеряет чистые трусы перед зеркалом. Порочная студентка Катя читает учебник по истории КПСС.

Т: Эти трусишки хорошо смотрятся. Как ты считаешь?

К: А не все ли равно? В темноте все равно никто не увидит.

Т: Вдруг на свету придется? Но у этих трусов один изъян: очень туго прилегают снизу. Если Женька полезет под юбку, порвет. Лучше все-таки эти надену, с цветочками.

К: Удивляюсь я на тебя, Танька. Как ты сумела сохранить непорочность?.. Скажи, а когда был одиннадцатый съезд партии и какие на нем вопросы решались?

Т: Катись ты со своей партией. Эти как, ничего? Знаешь, по-моему, в этих попочка выглядит изящнее. Правда?

К: Моя все равно толще. А завтра историю КПСС сдавать. Раскольническую линию на съезде повел иуда Троцкий. Ленин при поддержке Сталина...

Т: Как ты думаешь, с кем сегодня лучше? Владилен Марленович велел приехать к нему домой обсудить план первого параграфа дипломной работы. А в клубе будет этот красавчик грузин. Представляешь, он грузин и уже аспирант. А умница! Говорят, он пять женщин может обработать за час! Не то что этот старый обормот Шкурников.

К: Он не такой уж старый. Всего шестьдесят. Для партийных работников это — юношеский возраст.

Т: Вообще-то он человек нужный, — без него в аспирантуру не пустят. Ну, пока!

Явление второе Коридор. Студент Женя, влюбленный в Таню, хватается одной рукой за грудь, а другой лезет под юбку.

Ж: С цветочками надела? К кому собралась?

Т: В клуб иду. Сегодня там дискуссия о прогрессе и о любви.

Ж: Тань, забежим ко мне на минутку. Васька ушел. Запремся. Потушим свет.

Т: Всему свое время. Вот поженимся, сама приду.

Ж: Тань, а Тань, почему ты такая чистая, непорочная? Все девчонки — как девчонки. А ты... Дай, я хотя бы пощупаю тебя.

Опять разговор по душам Разговор начистоту, разговор по душам, откровенный разговор русского утонченного интеллигента с матерыми стукачами и старыми партийными и кагебевскими прохвостами есть неотъемлемая часть духовной жизни нашего общества. В связи с тем, что православная церковь утратила былой престиж, а всякого рода секты опасны и трудно достижимы (и мало чем отличаются от православной церкви по уровню интеллектуальности), роль духовников мыслящей и страждущей русской интеллигенции взяли на себя партийные секретари и авторитетные члены партбюро, а также старые чекисты и сравнительно молодые следователи КГБ. Один диссидент, решивший эмигрировать вследствие отсутствия в Советском Союзе адекватной его культурному уровню среды, после трех допросов в КГБ забрал заявление обратно. В интервью иностранным корреспондентам он признался, что никогда ни в ком не встречал такого понимания, что он наверняка не встретит ничего подобного на Западе, где человек предоставлен самому себе, и потому он намерен остаться здесь навсегда. Похлопав раскаявшегося диссиден-

та по плечу, следовательно КГБ на другой день сказал ему: или ты в течение недели смываешься отсюда, или будем судить, дадим минимум семь плюс пять. Следуя упомянутому русскому обычаю, Мнс попросил Тваржинскую о личной беседе. Услышав это, Тваржинская схватила Мнс мертвой хваткой за то место, где по идее должны были бы быть бицепсы, затащила его в свой кабинет, заперла дверь на ключ, а ключ выкинула в форточку. Или проглотила. Или... В общем, она крутила ключ в когтях, не зная, куда бы его спрятать, ибо пришла в дикое возбуждение. Это был первый случай после расстрела ее любимого начальника, когда рядовой интеллигентный способный молодой человек захотел побеседовать по душам именно с ней.

— Ну, выкладывай, в чем дело. Со мной можешь быть вполне откровенным. Слово коммуниста и старого чекиста, разговор останется между нами.

— Видите ли, — начал Мнс издалека, — последнее время я стал замечать, что...

И он рассказал ей все.

И она поняла его.

— Ты правильно сделал, что сам пришел к Нам, — сказала она, крепко пожимая ему руку на прощание. — Мы тебя в обиду не дадим!

Явление третье Комната теоретических дискуссий. Разинув рты, сидят самые вдумчивые студенты. Полемику ведут аспиранты Петя и Степа. Входят Тania с Женей. Женя держит одну руку под юбкой у Тани, другую — за пазухой.

П: Что такое прогресс? Давайте, определим само понятие.

С: Зачем заниматься формалистикой? Мы все примерно представляем, о чем идет речь. Ну уж если ты так хочешь, можем принять такое рабочее определение: прогресс — это когда по принятым в данном обществе критериям людям жить становится лучше.

П: Туманно. Но пусть так.

С: Мы обсуждаем проблемы идеологии, а не отвлеченной науки. И прогресс нас интересует как принцип идеологии.

П: Прогресс в качестве принципа идеологии бессмыслен. Что важно человеку? Пройти свой жизненный путь, сожрать свою порцию хлеба, картошки или шашлыка, износить свое количество штанов, выпить свою бочку алкогольных напитков, совершить свое число половых актов и т. д. А прогресс ощущается только в смене поколений.

С: Но люди этот свой жизненный путь могут проходить различно — плохо, хорошо, скудно, весело, интересно, насыщенно, бедно. Идея прогресса и состоит в том, чтобы стремиться к лучшему жизненному пути для людей. Вот, например, самолеты и телевизор...

П: Это еще неизвестно, являются они благом или нет. Я вообще на самолетах еще не летал. И в телевизор почти не гляжу. Но обделенным себя не чувствую.

С: Ну а чистые простыни? А ванна? А зубные врачи? А книги? А автомашины? Прогресс есть объективный факт. И довольно приятный.

П: Это продукт жизнедеятельности людей, а не цель. Нормальная человеческая жизнь не есть жизнь во имя прогресса. Поступки людей имеют конкретные причины и мотивы. Жизнь во имя прогресса есть насилие над человеческой душой. Это противоестественно.

Т: Какая скука!

Ж: Тань, пойдем ко мне. Васька ушел. Потушим свет. Запремся.

Т: Всему свое время!

Ж: Почему ты такая непорочная? Ну дай хотя бы подержаться!

Письмо старой чекистки В КГБ пришло письмо Тваржинской, в котором она писала, что Мнс делает огромную важности дело в борьбе с антикоммунизмом, что он очень способный ученый, что он на верном пути, что коммунисты отдела ручаются за него и т. д. А эта сука Леночка все еще функционирует, — сказал Генерал, прочитав письмо. — Сколько крови она нам в свое время попортила! Сколько хороших чекистов из-за нее к стенке поставили! Простить такое?! Никогда и ни за что! Как движется дело с группой Мнс? Надо, пожалуй, ускорить.

Современная трагедия — В современной пьесе нельзя без музыки и песен, — сказал Берия. — Пусть последующие события происходят на фоне звуков гитары и романтической молодежной песни. Что-нибудь в таком роде:

*Ты уедешь к северным оленям,
К сусликам на юг уеду я.*

— Предлагаю песню и музыку сочинить свою, — сказал Железный Феликс. — Насколько мне известно, Маркс в юности писал стихи, Энгельс играл на гитаре и пел романсы. Музыкальные способности Ленина общеизвестны. Он сочинил «Аппассионату» и «Замучен тяжелой неволей».

— Готово! — крикнул Маркс. — Слушайте!

*Закон природы сей не нов.
Сейчас мы — юные пострелы.
Промчатся годы, в пердунов
Мы превратимся престарелых.*

*Пока твоя упруга грудь,
Пока, как штык, готовы члены,
Совокупляясь, не забудь
Возможность сладостной измены!*

*Сейчас мы девы и юнцы,
А завтра — бабы и мужчины.
А там уж ждем отдать концы
И чешем в заднице морщины.*

*Пока еще желанье есть
Раздвинуть женские колени,
Крепи и множь мужскую честь,
Мое родное поколение!*

*Пусть в подворотне, впопыхах,
Мы отдаемся вам без меры.
И пусть в немыслимых грехах
Винят ханжи и лицемеры.*

*Пока за нравственной чертой
Готовы мы упасть на спины,
Своею женской добротой
Мы осчастливим вас, мужчины!*

— Bravo! — завопил Ленин. — Петь будем на мотив «Аппassionаты»!

Явление четвертое Таня танцует с красавцем грузином аспирантом Зурабом. Зураб пропустил свою ногу между ног Татьяны, так что та почти висит на его коленке. Правую руку Зураб держит на ягодицах Татьяны.

З: На Вас сегодня те, с цветочками?

Т: Они самые. Ваши любимые.

З: О чем Вы изволили беседовать с этим глубокомысленным юношей?

Т: О прогрессе.

З: О прогрессе чего? Прогресс не бывает прогрессом вообще, он всегда есть прогресс чего-то конкретного. Прогресс в технике — одно, а прогресс в сексуальных отношениях — другое. В нашем ханжеском обществе боятся вообще говорить о сексе. Стоит сказать что-то самое невинное, например, — о групповом совокуплении, как все стыдливо опускают глаза. Мы в этом отношении отстали от Запада на всю советскую власть, а то и больше.

Т: Простите, а что Вы имеете в виду, говоря о групповом совокуплении?

З: Когда в половом акте участвуют не два, а три и более человека. Например, две женщины и один мужчина, два мужчины и одна женщина. И вообще, если X есть число мужчин, а Y — число женщин, то $X + Y \geq 3$. Есть другие определения, но это — самое доступное для начала. Причем, имеется в виду одновременное участие всех в одном и том же половом акте. Если мужчина вступает в половой акт с двумя женщинами в последовательности, это два обычных акта, а не групповой акт. Групповой акт будет иметь место в том, например, случае, когда мужчина с одной женщиной совокупляется обычным путем, а другую удовлетворяет одновременно рукой или языком. Если хотите, мы можем встретиться и специально побеседовать на эту тему. Советую заглянуть в этическую аудиторию. Там интересная дискуссия ожидается.

Ж: Тань, пойдем ко мне. Васька ушел. Потушим свет. Запремся. Я тебя...

Люди и судьбы Хотя трудящиеся в нашей стране влчат вполне обеспеченное и спокойное существование, хотя они уверены в завтрашнем дне, с ними все-таки иногда приключаются непредвиденные неприятности. Например, вознесся Хрушев на вершину могущества и уехал на недельку отдохнуть, будучи уверен не то что в завтрашнем дне, но и в следующем столетии. Приехал на солнечный юг, скинул московские шумтки, подставил пузо ласковому морскому ветерку и... И бац! Как будто и не было никакой вершины власти. Выгнали на пенсию, да еще под присмотр КГБ. А Подгорный?! С этим болваном судьба вообще сыграла злую шутку, недопустимую в отношении члена Политбюро ЦК КПСС. Во время заседания Политбюро, на котором собирались скинуть Брежнева, ему захотелось в туалет. Он и отпросился: разрешите, мол, дорогие соратники, по малой нужде сходить! Пожалуйста, — сказали ему, — а то чего доброго... Короче говоря, ушел Подгорный в туалет вторым лицом в партии и в государстве, будучи уверен в том, что вернется первым. А вернулся... Впрочем, говорят, что его прямо с унитаза и сняли. Самое обидное, — говорил он впоследствии, — что из-за малой нужды пострадал. Если бы еще из-за большой!..

Выше уже говорилось об аналогичном случае с Барабановым. Правда, случай с Барабановым куда серьезнее. Тут не желание пузо на солнце погреть и не желание помочиться, а политика замешана. Но все-таки обидно. Через жуткие сталинские времена прошел человек без сучка и задоринки, а в эпоху развитого социализма сторел на глазах у либералов и диссидентов, и никто слова не пикнул в его защиту.

Когда сотрудников института загоняли на заседание большого Ученого Совета, посвященное литературному творчеству Леонида Ильича, никто не думал, что может произойти нечто непредвиденное. И с кем?! С самым трусливым доктором философских лженаук — с Субботиным. Сотрудники вели себя так, как и положено в подобных ситуациях. Одни ворчали по поводу этого очередного идиотизма, другие острили по поводу огромного объявления, вещающего о том, что на внеочередном заседании большого Ученого Совета академик Егоркин, ведущий специалист в стране по марксистской (можно подумать, что есть какая-то другая!) эстетике, сделает доклад о вкладе в марксистскую (опять-таки можно подумать, что есть какие-то другие!) социологию и эстетику в трудах выдающегося и т. д. и т. п. Леонида Ильича Брежнева. И даже Субботин вел себя привычным образом, приняв картинную позу и крича на весь институт, что слово «марксистская» в объявлении излишне, ибо в стране никакой другой эстетики и социологии нет, и даже вредно, ибо кое-кто может подумать (не все же имеют высокоразвитый интеллект!), будто у нас есть другая, немарксистская эстетика и социология.

Академик Егоркин говорил все то, что положено говорить в таких случаях, и только то, что положено говорить в таких случаях, — не зря же его выбрали в академики. Лишь в одном месте он допустил оплошность, нарушившую нормальный ход заседания. Превознося высочайшие литературные достоинства того места в книге Леонида Ильича, где автор целых пять страниц подряд рыдал по поводу двухнедельного расставания

со своей обожаемой супругой, Егоркин пустился в великие исторические и литературные параллели. Он хотел было выдать это место доклада не по бумажке, а с чувством и на память, но не рассчитал силы и спутал Дездемона с Офелием, Паолу с Беатричем, Отеллу с Гамлетой, Петрарку с Данте : царицу Тамару с княжной Таракановой. Зал живо реагировал на затруднения Егоркина и всячески ему помогал. И общими усилиями запутались еще больше. Антисемит Ежов настаивал на сравнении любви Леонида Ильича к своей пожилой супруге с любовью Ромео к Джульетте, а его заместитель Рабинович — с любовью Ленина к Крупской и Энгельса к Марксу.

После перерыва начались прения по докладу. Первым на трибуну вылез Субботин. Ехидно усмехаясь, он сказал, что если ему не изменяет память, Ромео было шестнадцать лет, а Джульетте и того меньше — пятнадцать. Леониду же Ильичу и его супруге было далеко за сорок, так что, сами понимаете... И хотя потом Субботин мямлил, что от этого острота чувств ничуть не снизилась, а описание ее превосходит самого Шекспира, его уже не слушали. Последующие ораторы в один голос клеймили Субботина за недооценку, непонимание и уступки. Бедный Субботин каждый раз вскакивал, перебивал докладчиков и кричал, что его неверно истолковали, чем вызывал всеобщее негодование. Егоркин в своем заключительном слове, поблагодарив всех прочих за ценные замечания, обрушил огонь критики на несчастного Субботина. И в чем только он его не обвинял! Ученый Совет единогласно принял решение обратить внимание, осудить и усилить. Представитель ЦК порекомендовал секретарю партбюро завести на Субботина персональное дело. Но палку не перегибать. На первый раз можно ограничиться постановкой на вид. Но чтобы для молодежи был поучительный урок.

После заседания Субботин, напившись за счет Учителя и Добронравова, резко критиковал «недобитых неосталинистов» в лице Егоркина, цитировал «в подлиннике» Шекспира, жаловался на то, что знаменитое «Быть или не быть» истолковывают неправильно и предлагал свою интерпретацию, которую никто не хотел слушать. Потом он ушел в туалет и не вернулся. И все сразу же забыли о нем, как забыли о Хрущеве, Подгорном и Барабанове.

А Мяс приснился сон, будто он в качестве переводчика сопровождал Субботина в заграничной поездке по Англии, будто они посетили палеонтологический музей с подлинным скелетом игуанодона, и последний сожрал Субботина, а сам Субботин этим очень гордился.

Явление пятое Студент Вася, друг Жени и комсорг группы, останавливает Таню в коридорчике по пути в этическую аудиторию.

В: Тань! Скинь трусы и загляни ко мне. Надо посоветоваться по поводу итогов социалистического соревнования.

Т: Сейчас. Я мигом. Забегу только за тезисами.

Разговорчики — Раньше эта улица называлась Дворянской, — говорит Добронравов, — а теперь называется Советской. Раньше по ней гуляли только дворяне и купцы, а теперь — кто угодно. Прогресс? Только теперь по ней гулять никто не хочет почему-то. Почему бы это, а? Вот так во всем, эти эпохальные завоевания почему-то не доставляют удовлетворения и не радуют. Знаешь, даже когда я ходил по Зимнему Дворцу, я не испытывал никакой радости по поводу того, что скинули царя.

— Психология, — говорит Знакомый. — Мы в своей теории коммунизма недооцениваем психологические перемены, которые неизбежно происходят с людьми. Кто знает, может быть, в будущем принцип «каждому — по потребностям» будет вызывать бешеный протест. Найдутся борцы против него. Герои, способные жизнью жертвовать против него.

— Резонно, — замечает Учитель. — Раньше я пил кофе на ночь ведрами. Не знал, что от кофе плохо спят или даже совсем заснуть не могут. И засыпал мгновенно. И спал беспробудно. А когда просветился насчет качества кофе, от одной мысли о нем целую неделю страдаю бессонницей. Все зависит от априорной установки.

— У нас в редакции, — говорит Знакомый, — лежит любопытная статья. Пожалуй, первое открытое оправдание жестокостей сталинского периода. Не исключено, что она пройдет. Чутьочку приглядят, конечно, но суть сохранят. Автор требует различать бессмысленную и осмысленную жестокость...

— Выражения «бессмысленная жестокость», как и «осмысленная жестокость» оба бессмысленны.

— Он имеет в виду оправданную и неоправданную жестокость.

— Никакая жестокость не может быть оправдана. Даже объективные законы природы не оправдывают жестокости. Всякое оправдание жестокости безнравственно. Пока на свете существует хотя бы крупица нравственности, сталинизм оправдан не будет. Думаю, что и в самих революциях есть нечто безнравственное.

— Не могу согласиться.

— Не торопись. Нравственно — это не обязательно хорошо. Безнравственно — не обязательно плохо. Просто революция противоречит нравственности как таковой.

— Но для доказательства этого надо построить этику в виде дедуктивной системы, — говорит Мнс, — а это невозможно. Почему? Например, мы восторгаемся подвигами декабристов и народовольцев, т. е. воспринимаем протест как нечто нравственное. Спротивление властям нравственно. Я думаю, что даже индивидуальный террор морально оправдан.

— Чуть! Давайте, определим основные понятия. Какие поступки считаются нравственными и какие безнравственными?

— Это не определишь строго.

— Если так, то вообще никакая мораль невозможна.

Явление шестое Комната Жени и Васи. Таня с Васей лежат на койке Жени и обсуждают итоги соцсоревнования. Вася в ботинках. Койку Жени выбрал, чтобы не пачкать свою. На полу валяются Танины трусики с цветочками.

В: Тань, и давно ты такая непорочная?

Т: С седьмого класса.

В: Кто?

Т: Сначала физкультурник, а потом пионервожатый. Потом комсорг. Потом остальные.

В: Молодец, Танька! Из тебя хорошая жена выйдет. Завидую Женьке! Вот повезло парню! За что такая удача?!

Современная трагедия — На сегодня хватит, — говорит Маркс, — я очень устала. (Маркс говорит так — «устала», — потому что вжился в роль непорочной студентки Тани, которую играл с удовольствием и с большим подъемом.)

— А я ее все-таки того, — хитро усмехнувшись, сказал Ленин. — А ты, красавец грузин, так и остался с носом.

— Не беда, — успокоил Берия. — Мы свое еще возьмем.

— Хватит, братцы! — взмолился Мнс. — Спать!! У меня завтра ответственный разговор.

Из рукописи Приближаюсь к кульминационному пункту моих записок, — к описанию того, как я решил убить Его и почему от этого намерения отказался. Вам, конечно, трудно поверить в то, что такому человечку, как я, вообще могла прийти в голову мысль о покушении на Него. Но это так, я не выдумываю. Какой мне смысл выдумывать? Тем более я от своего намерения потом отказался, причем — причины отказа сейчас могут быть истолкованы явно не в мою пользу.

С самого начала хочу предупредить, что причиной возникновения у меня идеи покушения на Него не были кровавые репрессии тех времен (мы к ним привыкли) и не страдания народа (я к ним всегда был равнодушен, ибо считал и считаю народ лишь послушным материалом деятельности партии и, более того, лишь ее активного ядра). Причины были совсем иного порядка, и я о них расскажу далее.

Любопытный вопрос: были ли вообще покушения и попытки таковых на Него? Отвечаю с полным знанием дела: нет. Ни одного и ни одной! Поразительно? Да. И причин тому было много. Одна из них — постоянная перетасовка в правящей верхушке (а покушение могли совершить только люди, так или иначе причастные к ней), вследствие которой те, кто мог совершить покушение, вообще не успевали даже обдумать его и принять решение. Вторая причина — та, о которой я буду говорить специально, ибо она касается лично меня. Это — главная причина.

Явление седьмое Аудитория этики. Слышатся звуки гитары. Идет дискуссия о любви.

А: Настоящая любовь — это такая любовь, когда любящие существа не то что, но даже и не.

В: Это — устаревшая точка зрения. Настоящая любовь допускает не только то, что, но и даже и. И более того.

А: А что писал Ленин? Вот что он писал в письме к Инессе Арманд: «Уважаемый партийный товарищ Инесса Арманд! То, что было вчера между нами, есть лишь грязная физиология, но не любовь. Любил же я всегда одну только Наденьку, то есть Надежду Константиновну Крупскую, моего верного соратника по сибирской ссылке и по борьбе с царским самодержавием. И передайте этому проститутке Троцкому, что беднейшее крестьянство пойдет за нами. Сталин груб и высокомерен. Он забрал невероятную власть в партии, что архиважно. Считаю, что пора гнать его со всех постов на... С комприветом — Председатель Совнаркома В. Ульянов (Ленин)». Ну, что вы на это скажете?

В: Позволю себе сослаться на письмо Энгельса Марксу, в котором он заложил основы марксистской сексологии. Дорогой Мавр, писал Энгельс. Ты спрашиваешь, может ли революционный пролетарий одновременно совокупляться с тремя и более женщинами? Опыт классовой борьбы русских пролетариев показывает, что может. Тут у меня сейчас сидит один чудесный грузин и пишет статью по национальному вопросу. Он говорит, что за пол-литра может запросто «сделать» (как он выразился) половину лондонских баб. Я ему верю. Эти русские вообще удивительные люди. Скорее всего именно они первыми проложат путь к... Продолжать? Я думаю, достаточно.

Т: По-моему, А. прав. А ты как считаешь?

Ж: Тань, а Тань! Пойдем ко мне. Васька ушел. Потушим свет. Запремся. А почему ты без трусов?

Т: Как без трусов? В самом деле! Где же они? Пойду, поищу. Они еще совсем новые.

Явление восьмое Женя входит в свою комнату. Зажигает свет. Видит — койка его смята, и около нее валяются трусики Тани. Он хватает их, прижимает к сердцу.

Ж: О, негодяй! А еще другом назывался!

Входит Вася. Женя молча протягивает ему трусы.

Ж: Ты видишь это, негодяй?

В: Вижу. Танькины трусики. А как они сюда попали?

Ж: Как, разве это не ты?

В: Конечно, не я. Я был в комитете комсомола. Может быть это Зураб или Владилен Марленович? Между прочим, и сам Шкурников вполне мог. Может быть, и кто-нибудь из девчат подшутил. Завтра же поставим этот вопрос на комитете. Разберемся!

Из рукописи Несколько слов о технике покушения. Я изучил литературу на эту тему. И глупость покушающихся меня поражает до сих пор. Человека в принципе можно убить швейной иглой, гвоздем, шнурком от ботинка. И не забывайте, что времена изменились. Это теперь всякая чиновная вошь ездит в бронированных машинах, с охраной, со всякого рода обманными приемами. А тогда! Сколько было

таких случаев только на моих глазах, когда Его можно было просто выбросить из окна или с лестницы, — стоявший рядом или сзади мог без труда взять за ноги, и готово. Я уж не говорю о дачах, охрана которых была не такой уж мощной и надежной, как это принято считать. В чем дело? В психологии! И когда этот психологический барьер рухнул, Его без всякого труда убрали его ближайшие сподвижники. Но я не хочу вникать в историю. Мой собственный случай для меня важнее во всех отношениях. Жаль, он никогда не будет признан в качестве исторически достоверного факта.

Я лично избрал обыкновенную вязальную спицу. Я ее отточил и научился владеть ею, как шпагой. Пробыть ею череп или карман кителя, набитый довольно твердыми бумагами, для меня ничего не стоило. Я носил спицу в борту пиджака с собой, и при самых строгих проверках у меня ее ни разу не обнаружили. Я много раз имел возможность пустить ее в дело. И все-таки не пустил. Нет, я не испугался. После той истории страх вообще покинул меня. Тут не в этом дело. Но сначала о самом намерении.

Проблема покушений — Политические покушения на убийства и убийства, — говорит Добронравов, — всегда играли существенную роль в истории. Они и в наше время играют не меньшую, если не большую роль. Их можно разделить на две группы: 1) убийства сверху; 2) убийства снизу. Пример первых — многочисленные убийства, организованные Сталиным, убийство самого Сталина, убийство Берии, убийство Кеннеди. Пример вторых — убийство царя Александра Второго, покушение на Ленина, покушение на Брежнева. У них есть свои особенности. Организация первых, например, обычно очень громоздкое дело. Сталину пришлось заварить целую серию убийств, которая так и не закончилась при его жизни. Убийство Кеннеди до сих пор не распутано, но то, что уже известно, говорит о сложной системе заговоров. Часто первые стремятся представить как покушения и убийства снизу. Классический пример — попытка свалить убийство Кеннеди на Освальда, убийство Кирова — на Николаева. Покушения и убийства снизу обычно примитивно организованы и прозрачны. Возьмите, например, случай с Ильиным. Надел милицейскую форму, влез в цепочку милиционеров. Лишь чистая случайность спасла Брежнева.

— Мало похоже на случайность, — сказал Учитель. — Случай этот темный. Он больше похож на случай с Николаевым с точки зрения «исполнителя» покушения.

— Пусть так. А покушение на Ленина?

— Сейчас есть серьезные основания сомневаться в том, что это — ее рук дело. Это дело тоже темное. Вообще, так называемые покушения и убийства «снизу» довольно часто являются не менее темными, чем их собратья «сверху». Что касается нашего общества, то первые практически исключены, а вторые совершаются так, что комар носа не подточит. И все последующие «разоблачения» играют роль скорее возбуждающей литературы, чем заслуживающих исторического доверия документов.

— Не могу согласиться. Это — чисто психологический барьер. Лиха беда начало. Если кто-то решится на это и добьется успеха, потом может начаться эпидемия такого рода.

— Хорошо. Предложи достаточно разумный с твоей точки зрения проект, и я берусь раздолбать его без всякого труда. Вопрос первый: откуда взять точную информацию о местонахождении интересующего тебя лица в заданное время и о маршрутах его передвижения? Мы общаемся с людьми, которые входят в более высокие сферы и имеют массу сведений об образе жизни наших руководителей, а много ли нам перепадает на этот счет? Да и сами они не знают большего, ибо все, что знают, выбалтывают. Если, допустим, у тебя есть сверхмощная бомба, ты ее не сможешь использовать надежным образом. Будешь дежурить на Калининском проспекте? Через два часа заметут и без бомбы, и без намерений. Ждать случай? Вероятность его близка к нулю. Вопрос второй: откуда взять достаточно надежное средство покушения? Современная наука и техника? А ты попробуй, сконструируй хотя бы хлопущку. Когда делали машины для наших вождей, приняли во внимание все возможные варианты. Там не дураки сидят. Между прочим, эти новые черные махины пробовали подрывать на стокилограммовых бомбах. Переворачивается, отлетает метров на двадцать, а люди в ней остаются целыми и невредимыми. Не надо строить, ребята, иллюзий. И бросьте мозги ломать в этом направлении. Это для Них не самое страшное.

— А что страшнее?

— Смех. Презрение.

— Для этого, брат, нужно иметь талант, и тяжело трудиться. А что делать простому смертному, если он...

— Что «если»?

— Ну, допустим, пылает страстным желанием дать Им в морду?

— Проблема теоретически неразрешимая. Но пошли, Боже, успокоение его пылающей душе!

Мечта идиота

*Мечтаю я, без сна лежя,
Сквозь стены прямо к Ним пробиться,
И чтобы не смогла сдержать
Меня вся свора кагебистов.
Вплотную подобраться к Ним.
Коснуться лбов пустых перстами.
И острым взглядом лишь одним
Творить, чего хочу, заставить.
И изменился б жизни ход —
Он стал бы сыт, свободен, весел.
А благодарный наш народ
Меня б за это все... повесил.*

Явление девятое Ночь. Комната в общежитии. Ничего не видно.

Ж: Вась, а Вась! давай банк ограбим, что ли!

В: Зачем?

Ж: Денег много будет.

В: Что с ними делать?

Ж: Продадим.

В: Они теперь дешевые, не купят.

Ж: А мы иностранцам продадим за валюту. Таньке новые трусики купим. А что ты пишешь?

В: Доносы.

Ж: Доносы теперь невыгодно писать. Всего по двадцать копеек за штуку платят.

В: Не скажи! Десять штук — два рубля. Неделью жить можно.

Ж: Вась, а древние гречанки в трусах ходили или нет?

В: Без. Трусы изобрели в девятнадцатом веке. Кто изобрел? Лапоть! Джемс Уатт мужские трусы, а Чарльз Дарвин — женские.

Ж: А я думал Маркс и Энгельс.

В: Они открыли подштанники. Ленин конкретизировал. Он учил, что в переходный период трусы будут служить пролетариату и беднейшему крестьянству, а при полном коммунизме отомрут вместе с государством. Хватит! Давай спать! Завтра экзамен по истории КПСС!

Ж: Вась, прости — последний вопрос. Железный Феликс носил трусы?

В: Он вообще ходил без штанов. В шинели до пят. Чтобы быть всегда на чеку. X-p-p-p! X-p-p-p-p! Фью-и-и-и-ть! X-p-p-...

Явление десятое Ночь. Комната в общежитии. Ни... не видно.

К: Тань, а Тань! И почему ты такая недоступная? Я бы с твоими способностями такое вытворяла бы!

Т: Меня наука захватила. Первый параграф уже готов, Владилен привез. Второй Зураб пишет. Третий — Шкурников. Третий — Васька обещал. Так что с дипломом, пожалуй, уложусь в срок. Считай, что я аспирантка.

К: Тань, одолжи мне твои трусы. Я тоже хочу в аспирантуру.

Т: Мои на твою задницу не полезут. Расскажи, что там творилось на одиннадцатом съезде КПСС?

К: Не помню. Зураб заходил. Предлагает устроить спецсеминар по групповому сексу. Запишемся? Только для этого надо два иностранных языка знать.

Т: Освоим.

К: Тань, а что ты читаешь?

Т: Балладу о Гомосеке. За границей напечатали, в «тамиздате».

К: А кто такой Гомосек?

Т: Пока не знаю. Скорее всего — секретарь ЦК по гуманизму.

К: А кто автор?

Т: Скорее всего — Женька. Но и Васька мог. У него связи с иностранцами.

Грустная баллада о Гомосеке

Жил-был
                  когда-то...
  Нет, не Генсек.

Берите
                  ниже
  намного.

А вишивый,
                                  представьте себе,
  Гомосек.

И жил он
                  довольно
  убого.

Схож был
                  со всеми
  сей педераст.

И внешне-
                  стию,
  и чином.

Только питал он
                                  преступную
  страсть

Не к бабам,
                  как мы,
  а к мужчинам.

Задумал этот
                  подлец
  учинить

Преступление
                  нашего
  века.

Страшно подумать,
                                  решить
  соблазнить

Самого...
                  хи-хи-хи!..
  Генсека.

Самого Генсека
                  решил негодяй

Опозорить
                  на всю
  Европу!

Какое нахальство!
                                  ай-яй-яй-яй!

Покусился
на главную
ж..у!
При этом
не ради простого
греха
Он волю
решил дать
члену.
Хотел через это,
хи-хи,
ха-ха-ха!
Вызвать
в стране
перемену.
Коварен
и гнусен
расчет был его:
Раком поставив
Генсека,
Он думал
тем самым
добиться легко
Соблюдения
прав
человека.
Но выполнить,
к счастью,
он не посмел
Свой замысел
этот
гордый,
Поскольку, ха-ха,
уяснить
не сумел,
Где зад
у Генсека,
где морда.
И пока унимал
неудачи
злость,
Успокаивал
темные
страсти,
Ему самому
предоставить пришлось

Свой зад
в услужение
власти.
Не пошел Гомосеку
на пользу
порок.
Избежать
повторения
дабы,
Извлечем для себя
подходящий
урок:
Нам, мужчинам,
сподручнее
бабы.

Из рукописи Я не могу ответить на вопрос, почему у меня стало складываться намерение убить Его. Я знал многих людей, которые были жертвами сталинистов и лично Сталина, но которые боготворили их и их режим. Я знал также много людей, процветающих именно благодаря их режиму и ненавидевших этот режим и его носителей. Я встретил однажды человека, который под большим секретом признался мне, что считает Сталина личным врагом и готов пойти на все, лишь бы причинить хоть какой-то вред Ему и Его гнусной банде, но сам не испытал никакого ущерба лично для себя со стороны этой банды. Этот человек не был народолюбом и правдоборцем. Я могу лишь описать, как складывалось мое намерение. Конечно, весьма фрагментарно и, по всей вероятности, не очень убедительно. Вот некоторые случаи этой эволюции в последовательности.

Случай первый. Был я в гостях у одного видного деятеля партии, впоследствии расстрелянного. Говорили, естественно, о Нем. Тогда везде говорили о Нем. Ничего в этом особенного нет. И дело тут не в Нем лично. Он олицетворял и выражал генеральную линию происходящего. Люди думали и говорили о том, что творится и будет, очевидно, твориться в усиливающейся степени, часто не отдавая себе отчета в этом, но делали это в форме размышлений и разговоров о конкретной личности. Каждый поступок этого человека и каждая черта Его характера символизировали и отражали черты эпохи и становящегося общества. Думать об эпохе и рождающемся обществе было удобнее и интереснее в такой персонифицированной форме. К тому же революция с ее чаяниями, жертвами, романтикой еще была жива в сердцах людей. Таких, кто был способен усмотреть в происходящем нечто неотвратимое, вытекающее из самой сущности создаваемого светлого общества будущего, было ничтожно мало. Я лично не встретил ни одного такого.

Разговор о Нем меня сначала удивил: собравшиеся поносили Его последними словами. Потом рассердился: они смеялись над Его «теоретическими» упражнениями, называя их идиотскими. Но в конце концов меня

заинтересовал стиль их мышления и его психологические основания. Абсолютно ничего такого, что было бы лучше моих «идиотских измышлений», они высказать не смогли. И мне стало от этого весело. Я почувствовал, что Он выше их на самом деле на голову. Стоп, вдруг сказал я себе. Почему Он?! Я! Я, а не Он! Эта мысль мелькнула на мгновение и заглохла. Конечно, Он. Кто же еще? Меня же нет!

Разошлись далеко за полночь. Я решил пройти пешком (мне предлагали подвезти на машине, но я отказался). Ко мне присоединился довольно крупный работник Совнаркома. Впоследствии он тоже был расстрелян. Впрочем, все остальные тоже. На душе у моего спутника, видать, накопело. Всю дорогу он мне рассказывал про ужасы, которые творятся во всех уголках страны и во всех звеньях системы власти и управления. Меня это ничуть не трогало. Я вежливо слушал, думая свою думу: доносить или нет? Он говорил, а я твердил про себя одно и то же. Об этих разговорчиках надо немедленно сообщить! Но почему я должен сообщать? Я не стукач. Я — совсем другое. И это совсем не мое дело. Пускай они сами между собой разбираются. Сначала я решил вести себя так, как будто ничего не случилось. Но на другой день, проспавшись, все же написал донос. Но без особого желания: так, по привычке!

Между прочим, хочу обратить внимание на одно странное обстоятельство. Когда впоследствии все участники того вечера стали один за другим исчезать в связи с враждебными «уклонами», «заговорами», «группами», «оппозициями» и т. п., пачками выдавая своих «сообщников», ни один из них не упомянул моего имени. Случайность? Забывчивость? Желание спасти мне жизнь? Не думаю. А жизнь моя для них не стоила ломаного гроша. Может быть, именно в этом дело? Я был для них слишком ничтожен, чтобы помнить обо мне. Я для них просто не существовал!

Короче говоря, все началось с безразличия, конкретнее — с нежелания открыто защищать Его от нападков со стороны его противников. Признаюсь, я почувствовал даже некоторое (очень слабое, правда) удовольствие от того, что есть люди, которые Его не любят и презирают.

Явление одиннадцатое КГБ. Полковник беседует с Женей.

П: Эти доносы перепиши. Они не по форме. Халтуришь, парень? Почему тут ни слова о связях с ЦРУ? А тут — ни слова об антисоветской пропаганде?

Ж: Но они же члены КПСС!

П: Тем более. И имей в виду, на тебя самого уже поступило сорок три доноса. Из них пятнадцать от Васи, семь от Тани, пять от Зураба.

Ж: Но я с ним не знаком!

П: Тем более. Еще семь доносов, и будем тебя брать. Учти на будущее. Нам сейчас нужно пять американских шпионов, девять идеологических диверсантов, пятнадцать диссидентов. Процент преподавательского состава надо увеличить.

Ж: А меня за что будете брать?

П: За валютные махинации. И за стишки.

Ж: За какие стишки? Я стишки не умею делать.

П: А кто написал «Балладу о Генсеке»? Васька говорит, что ты.

Ж: Врет. Мне он говорил, что это Пушкин написал.

П: Не сваливай на Пушкина. Мы на машинах проверим, кто из вас напакостил. Не отвертисься!

Баллада о Генсеке

*Случилось это в седую старь
В стране чрезвычайно дальней.
Правил в стране той тогда Секретарь,
И не какой-нибудь, а Генеральный.
Он жаждал мудрей всех на свете стать.
Для этой цели доклады
С трибуны по многу часов читать
Обожал без складу и ладу.
Однажды позвать он к себе приказал
Ученых, кто поумнее.
Сочините мне, он им строго сказал,
Доклад изо всех длиннее.
Чтобы я всесторонне в докладе том
Осветил все проблемы на свете.
Чтобы тысячу лет изучали потом
Как взрослые, так и дети.
Десять лет подряд много тыщ мудрецов
Исписали чернил реку.
Много тыщ холуев, еще больше льстецов
Сочиняли доклад Генсеку.
Наконец, юбилей подходящий приспел,
Круглый срок некой даты минул,
И Генсек в микрофон, как всегда, заспел
И для чтения пасть разинул.
Целый день читал, выбиваясь из сил,
Аж мозги потекли из носа.
Но и сотовой доли не осветил
Даже самых важных вопросов.
Ужасающей скукой заполнился зал,
Захрапели в рядах депутаты,
Ну а он все читал, и читал, и читал,
Приводя за цитатой цитату.
Трое суток прошло. Он натужно хрипел,
Еле челюстью двигал от боли.
А сказать-то бедняга всего-то успел
Еле-еле десятую долю.
Зарастал паутиной и плесенью зал,*

*В прах рассыпались все делегаты.
И Генсек бездыханный с трибуны упал,
Подавившись своею цитатой.
И страна погрузилась в дремучую тишь,
Заросли к ней пути и дороги.
Если ты невзначай на нее налетишь,
Уноси, пока цел, ноги.*

Голоса — Плюнь ты на Них! Что ты ими забиваешь себе голову?!

— Меня унижает сам факт Их существования.

— Пойми, Они не люди, а лишь человекоподобная персонификация социальных законов этого общества. И относись к Ним как к мертвой и неразумной природе.

— Именно это-то и раздражает.

— Так можно свихнуться.

— Или выздороветь. Так называемое нормальное общественное сознание есть форма массового сумасшествия на самом деле. Чем характеризуется сумасшествие? Неадекватным пониманием и оценкой происходящего вокруг. Возьми любого средненормального индивида...

— Это понятно, и я спорить тут с тобой не могу. Но это — не медицина, а идеология.

— Идеология навязывает и медицине свою волю. Ты думаешь, кагебевские врачи в психиатрических больницах и тюрьмах все сплошь жулики? Нет, они честны с точки зрения этики нашей психиатрии.

— К чему же ты стремишься?

— Пока к некоторой первичной ясности. А там видно будет.

— Но тем более можно обойтись без Них.

— Нет. Они — точки опоры и ключ к пониманию и решению всех проблем.

— Маркс считал иначе.

— Так он и ошибся.

Ночи — Где они все-таки, эти твои приятели? Ну, опиши что ли, как они выглядят.

— Изволь. Маркс — маленький, коротконогий, бородатый и волосатый. Ленин — маленький, лысый, бородка клинышком, картавит. Сталин — маленький, рябой, усатый, курит трубку, говорит с павианьим акцентом...

— Не морочь мне голову. Что, я не знаю, как выглядят настоящие Маркс, Ленин, Сталин? Я спрашиваю о твоих приятелях.

— Ах, ты об этом. Маркс все-таки с бородой и длинными волосами. Но — высокий, выше среднего. Худой. Заношенная нейлоновая куртка. Дранные штаны и ботинки, но зато иностранные. Зимой и летом одним цветом. Ленин — с бородой и волосами, выше среднего, худой, нейлоновая куртка, дранные заграничные штаны и ботинки. Сталин...

— Шутить?

— Ни в коем случае.

— Так что, это у них — форма?

— Не то чтобы форма. Просто в этих кругах так принято.

— Понятно. А чем же они друг от друга отличаются?

— Когда как. Это зависит от конкретной ситуации. Маркс, например, любит изображать из себя непорочную и кристально чистую девочку. Ленин — мечтатель, музыку любит. Особенно «Аппassionату» и «Замучен тяжелой неволей». Берия любит девочек насилловать. Сталин — прагматик и позитивист.

— Не понимаю, что это такое. Педераст, что ли?

— Педераст — это Железный Феликс. А Сталин бережлив, расчетлив, сдержан.

— Скупердяй, короче говоря. Еврей?

— Возможно.

— А у меня сынишка заболел. Чем? А чем болеют в детских садах? Ты сам ходил в садик? Так чего спрашиваешь. Опять бюллетень брать придется. Так что это время я к тебе буду приходить днем. Оставь мне ключи на всякий случай, не хочу с твоими соседями иметь дела. И знаешь, надоел мне твой свинарник. Надо навести тут порядок.

— Наводи. Только без моего ведома ничего не выкидывай. Особенно — бумаги. Они еще мне нужны будут.

— Не выкину, не беспокойся. Ну, иди сюда ко мне скорее!

Явление двенадцатое Аудитория. Студенты занимаются кто чем. Вбегает студент Петя.

П: Товарищи! Женька повесился на танькиных трусах!!

Т: Кошмар! Вот негодяй! Как он нас подвел! Теперь мы не завоюем переходящее Красное Знамя передовика соцсоревнования! Как он мог?!

В: После занятий... Нет, лучше немедленно вместо занятий проведем закрытое комсомольское собрание. Повестка дня — персональное дело.

К: Предлагаю избрать Почетный Президиум (перечисляет всех членов Политбюро) и послать приветственную телеграмму лично товарищу Леониду Ильичу, Генеральному Секретарю ЦК КПСС, Председателю Верховного Совета СССР, (перечисляет все титулы)... кавалеру ордена Победы, десятилетия Герою Советского Союза и Социалистического Труда, командору ордена Подвязки и рыцарю ордена Бани, (перечисляет все награды)... лауреату Ленинской Премии Мира и Ленинской Премии по литературе, лауреату золотой медали Карла Маркса (перечисляет все медали за научные заслуги)... Брежневу.

Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Далее все собрание проходит стоя. Вася готовится зачитать приветственную телеграмму. Его останавливает представитель партийного бюро.

П: Студент Женя погиб на самом деле как герой, защищая честь любимой им непорочной девы.

В: Ясно! В таком случае предлагаю следующий текст телеграммы. Дорогой и любимый Леонид Ильич! Стоя над трупом героически погибшего товарища, мы клянемся и обещаем быть, а если Родина и Партия требует, то. В честь такого радостного события мы берем на себя повышенные обязательства в социалистическом соревновании за наилучшие

показатели в сдаче экзамена по истории КПСС, а именно — получить всем по две пятёрки.

Снова бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все взлетают под потолок от восторга и любви к. В этот момент входит Женя. На шею у него болтаются танины трусики. Все бросаются к нему с криками «Женька молоток!», «Женька, герой!». Женя подходит к Тане.

Ж: Тань, а Тань, пойдем ко мне. Васьки нет. Потушим свет. Запремся. Я тебя...

Т: Пойдем! Теперь я твоя навеки.

Взявшись за руки, все поют романтическую песню о любви. Занавес.

Обсуждение сексуальной трагедии — Ну что же, — говорит Сталин, — для бывшего члена ЦК и сталинского холуя-академика это неплохо.

— Очень своеобразное мировосприятие, — сказал Маркс. — На Западе у нас он имел бы бешеный успех.

— Успех на Западе — не критерий, — бросает Берия. — А вот имел бы он успех здесь, у нас?

— Ни в коем случае, — сказал Ленин. — Пьеса лживая от начала до конца. А что думает по сему поводу наш молодой друг?

— Умные мысли приходят в голову только по пустяковому поводу, — отвечает Мнс. — Сию минуту я сделал важное открытие в эстетике и спешу поделиться им с вами. Я считаю, что надо различать правдивость и адекватность литературного произведения. Правдивое произведение почти никогда не бывает адекватным, а адекватное — почти никогда не бывает правдивым. В чем тут различие? Когда мы говорим о правдивости произведения, мы сопоставляем его содержание с изображаемым материалом, отвлекаясь от его изобразительных средств. А когда говорим об адекватности, мы сопоставляем изобразительные средства с образом мышления современников, с типом языковых выражений, короче говоря — рассматриваем это произведение как участника наших собственных размышлений и разговоров о чем угодно, о нашей жизни — в том числе. Худший случай — когда произведение отчасти адекватно и отчасти правдиво. Пьеса Петина именно такова: она чуточку правдива и чуточку адекватна. Шедевры литературы получают лишь тогда, когда они либо сверхадекватны, либо сверхправдивы. Но никогда — если они то и другое. Ясно? А теперь — прочь! Мне надо рукопись кончать.

Из рукописи Случай второй. В партийное бюро учреждения, где я числился, поступил анонимный донос на одного сотрудника. Сотрудник обычный, как многие другие. Не очень умный, не очень образованный, не очень хороший человек. Образовали специальную комиссию из трех человек — расследовать дело. Я — председатель. Начали копать. Однажды поздно вечером сотрудник этот пришел ко мне домой. Говорит, в письме почти все правда. Но он умоляет меня быть человеком. У него трое детей, большая жена, престарелые родители. Что с ними будет? Не скажу, что он меня растрогал. Но я пообещал ему сделать все,

что в моих силах. Я направил усилия комиссии в ложном направлении и скрыл факты. Почему я это сделал? Не знаю. Может быть, просто «из принципа», из духа противоречия. Не знаю. Но точно знаю, что с этого случая я уже никогда и никого не разоблачал, никогда и ни на кого не доносил. Того сотрудника потом все равно посадили и расстреляли. Но не из-за меня. И совсем по другому делу. Что стало с семьей, не знаю. Но не трудно догадаться. Жена скорее всего умерла с горя. Старрики... Куда отправляются старики?! А детей — в детдом или в колонию малолетних преступников. Это — обычное дело. Об этом столько уже написано. Я заходил к ним на квартиру, — мелькнуло слабое желание взять одного мальчика к себе. Я же одинок! Но там уже жили другие люди.

Ни в коем случае не следует истолковывать этот случай так, будто во мне «пробудились человеческие чувства» и т. п. Я думал о себе. И то, что я не донес и вообще перестал это делать, было моим чисто личным делом. Я решал свои личные проблемы, а отнюдь не проявлял некий гуманизм. В последний я вообще никогда не верил и не верю. Это — сказки для слабых и дураков. Именно этим самым гуманизмом у нас в свое время парализовали способность населения к сопротивлению. И сейчас — то же самое делают. Не любовь и сочувствие к ближнему (первая — миф, второе — мимолетно) есть рычаг реального прогресса, а способность к сопротивлению и к драке.

Я просто решил, что доносить, разоблачать и обличать это не мое дело. Я это не хочу делать подобно тому, как не хочу заниматься физкультурой, охотой и рыбной ловлей. Должен заметить кстати, что когда доносчики в качестве самооправдания говорят о наказаниях за недонесение, они обычно лгут. За недонесение наказывали только тогда, когда факт недонесения устанавливался определенно. Но в девяноста девяти случаях из ста никто и никогда не узнал бы о факте недонесения, если бы донос не состоялся. Доносы и разоблачения были делом сугубо добровольным, как и теперь.

О будущем — Наше общество, — говорит Добронравов, — имеет явное преимущество перед Западом хотя бы в том, что, как пелось в свое время в популярной песне Лебедева-Стукача «за столом у нас никто не лишний». О том, что «по заслугам каждый награжден», свидетельствует недавнее награждение Брежнева орденом Победы. Если у нас человек — лодырь, дурак, бездарь и прохвост, он всегда может преуспеть в области философии. Если он крайний мерзавец при этом, ему гарантирован успех в области научного коммунизма. Но если он ко всему прочему еще и выдающийся кретин, то ему прямая дорога в советскую социологию. Вот, взгляните, книжечка! Советская социология о будущем человечества. Им, видите ли, мало научного коммунизма, в котором все предсказано на века вперед. Они создают еще некую марксистско-ленинскую прогностику, которая, само собой разумеется, диаметрально противоположна «теоретическим изысканиям» (это говорится, конечно, с величайшим презрением к «этим горе-теоретикам») буржуазной футурологии, опирается на диалектический и исторический материализм и научный коммунизм,

является единственно научной социологической дисциплиной о будущем общества. В этой книжечке есть все, начиная от модных социологических идей (вроде ускорения социальных процессов) и кончая ветеранами марксистской демагогии (вроде скорой победы коммунизма в мировом масштабе и отсутствия будущего у Запада). Есть кое-что и по вашей части. Вот, например, авторы пишут, что логические формы вывода суть одни и те же для любого времени (настоящего, прошлого и будущего). Колоссально! Раньше они были классовыми: одни служили буржуазии (формальная логика), а другие — пролетариату (диалектическая логика). Теперь они вечны и неизменны.

— Эта книжка как раз неплохая, — говорит Знакомый.

— Ты так говоришь по двум причинам, — заявляет Добронравов. — Первая причина — один из ее авторов является редактором «Коммуниста». Вторая причина — ты сам такой же болван, как и авторы этой идиотской книжки.

— Поосторожнее в выражениях! К чему такие оскорбления? А сам-то ты кто такой?

— Не кипятись. Я же любя. Не до такой же ты степени дурак, чтобы не понимать, что ты дурак. Если хочешь, я сам такой же. Дело не в этом. Эти кретины пишут, что будущее общества есть такое же объективно формируемое состояние, как и будущее продуцирующей деятельности людей, например — производство духовных и материальных благ. Таким образом, они проблему будущего человеческого общества рассматривают в том же духе, как проблему строительства, например, дома. Что ты (это к Учителю) по этому поводу скажешь?

— То же самое, что и ты, — отвечает Учитель. — А именно то, что они кретины. Самая идея футурологии (прогностики, как предпочитают говорить эти болваны) пришла к нам с Запада. Но мы, разумеется, ее тут же опаскудили, обругав западных социологов в недомыслии, выхолостили из нее реальное содержание и превратили в обычную демагогическую болтовню. Футурология и возникла именно потому, что возникли проблемы предвидения совсем иного с логической точки зрения типа, нежели предвидение в таких случаях, как создание домов, машин, картин, книг, опер. Грубо говоря, футурологию интересует предвидение явлений будущего общества, которые невозможно предвидеть привычными методами. И главным тут пока еще является вопрос о разработке новой (еще не существующей!) методологии предвидения. Конечно, это делается в попытках решать конкретные задачи. Но упор на самую принципиальную возможность таких предвидений и о методах, которые были бы достаточно надежны.

— И что же ты думаешь по этому поводу?

— Я думаю, что надо различать три различных аспекта. Первый — предвидение типов обществ, которые могут сложиться в интересующем нас будущем. Второй — предвидение некоторых конкретных состояний. Третий — идеологический. Третий никакой проблемы не представляет. Дело тут обстоит просто. Высказываются более или менее устрашающие гипотезы, утопии, антиутопии, теории (обозначим А). Люди, живя обычной жизнью, каким-то образом испытывают их влияние. В конце концов жизнь идет,

и что-то происходит, получается в итоге. В том, что получилось, всегда найдется нечто, соответствующее «предсказаниям» А, и нечто, не соответствующее им. Так, апологеты марксизма воят, что марксизм блестяще подтвердился, и причисывают под него прошедшую историю, а враги марксизма воят, что марксизм с блеском провалился, и приводят столь же неоспоримые «доказательства». Второй аспект с методологической точки зрения ставляет задачи колоссальной степени громоздкости, многие из которых принципиально неразрешимы. В частности — в силу принципов, подобных соотношению неопределенности в физике. Этот аспект является чисто «техническим», — сложнейшие измерения и расчеты. Наиболее интересен тут первый аспект. Здесь речь идет о научном анализе того, что фактически уже сложилось, о выявлении законов и тенденций современного общества. С этой точки зрения наш эксперимент имеет, пожалуй, самое серьезное значение. Не в том смысле, что мы фатально победим. А в том смысле, что на нас удобно изучать многие существенные черты будущего состояния общества.

Баллада о поколениях

*Уж было за полночь давно.
И словно оборотни,
Мы пили дрянное вино
Из горла в подворотне.
Остановить не в силах дрожь,
Полусогнув колени,
Крыл мой напарник молодежь,
Все наше поколенье.
Ему сказал я: отвязись!
Довольно ныть, папаша.
Сегодняшняя наша жизнь
Ничуть не лучше вашей.
С тобой не буду спорить зря.
Вам здорово попало,
Но шли вы хоть и в лагерь,
Но с верой в идеалы.
Ведь был почин! Энтузиазм!
Полеты! Пуски! Стройки!
А от романтики оргазм
Не хуже, чем с попойки.
А он: ты молод нас учить!
Мы даже в песне детской
Не просто пели «славно жить»,
Но «жить в стране советской».
И мы видали не людей,
А коллективы, массы,
Колонны, партию, вождей,
Передовые классы...*

*Довольно раны беречь!
Скажу тебе, как брату,
За это нам пришлось платить
Большую слишком плату.
Но мы мечтали: вот придут
Другие поколения.
Нам по заслугам воздадут
И сменят представленья.
Отважно бросят в морду Им:
Прочь ваши причиндалы!
Мы для себя пожить хотим,
А не для идеала!*

.....

*Уже рассвет серел в проем.
А мы, как оборотни,
Обнявшись, плакали вдвоем
Все в той же подворотне.*

Из рукописи Третий случай — беседа с одним «заговорщиком», который якобы готовился с десятком таких же ничтожеств, как он сам, свергнуть советскую власть. Заговор, конечно, был типичной фальшивкой. Но было в нем что-то реальное. И беседу с Заговорщиком я вел по Его личной просьбе. Почему-то он Его сильно интересовал. Я спросил его, на что он рассчитывал с такой маленькой группкой. Он — достаточно образованный марксист, должен был знать азы ленинского учения о революции. Классы, партия, теория, революционная ситуация и т. д. Он сказал, что все это ему известно, но что он сомневается в абсолютной истинности ленинского учения. Вот факты, сказал он. Революционная ситуация не возникает сама собой, ее создают умышленно. Кто? До революции подавляющая масса населения Российской Империи была совершенно равнодушна к революции. Большевики были незначительной партией. О них мало кто знал. Да и то они были разбросаны по миру. Все дело решила небольшая переворотная группа в Петрограде.

В таком духе мы разговаривали несколько часов. В заключение я спросил его, чего бы они добились, если бы удалось спихнуть Его и захватить власть. Ведь после захвата власти все равно пришлось бы иметь дело с огромной страной, которая не только подчиняется указаниям свыше, но и сама навязывает верхам эти указания. Он сказал, что согласно замыслу Дирижера они должны были восстанавливать капитализм и даже царизм. Я аккуратно доложил о беседе Ему. Он задумался. Я некоторое время ждал, что Он скажет. Потом ушел, не прощаясь. Он не обратил внимания на мой уход.

После этого случая я вдруг ясно осознал, что моя деятельность имеет фактически результатом не создание Великой Идеологии, а ее профанацию, уродование, окарикатуривание. То, что делаю я, это далеко не то, что получается из этого после прохождения через Его голову и распространения в массах. Процесс создания опытного образца и процесс восприятия

его серийного собрата обычно мало что имеют общего. Более того, я стал ощущать, что я вообще есть лишняя фигура в происходящем, что все теперь стало делаться как-то само собой, без моего участия. Мое участие превратилось в нечто сопутствующее и автономное. Моя деятельность стала утрачивать смысл в моем собственном представлении. Но в таком случае зачем жить? И тут впервые у меня мелькнула мысль о самоубийстве. А поскольку мое «я» прочно срослось с Ним, эта мысль сразу же оформилась как мысль о том, чтобы убить его. Произошло это тихо, без эмоций. Даже как-то грустно и с некоторой иронической усмешечкой. Мол, видишь, в какую ничтожную слизь вырождаются великие замыслы!

Совещание на Лубянке Совещание проводил сам шеф КГБ. Он говорил о том, что политика разрядки напряженности неизбежно порождает обострение идеологической борьбы, что буржуазная идеология по многочисленным каналам устремилась в нашу страну, что закрывать на это глаза преступно, что диссидентское движение почти на сто процентов инспирировано ею, что с Запада перенимаются не только многие внешние формы поведения (моды, прически, песни, отношения полов), но серьезные политические акции. Участились случаи попыток угона самолетов, взрыва бомб и поджогов. Тот взрыв в метро и пожары в центральных гостиницах были отнюдь не следствием технических неисправностей, а делом рук террористов, на след которых до сих пор не удалось напасть. Есть данные о возможности создания экстремистских групп, подобных «Красным бригадам». Мы не должны недооценивать серьезности групп такого рода. Опыт показывает, что даже одна такая группа способна на длительное время терроризировать страну, захватывая заложников и устраивая покушения на руководителей Партии и Правительства. Надо принять все меры к тому, чтобы предупредить саму возможность возникновения таких групп, ибо если хотя бы одна акция такой группы будет иметь даже незначительный успех, она может породить целую эпидемию акций такого рода. Поэтому...

Замыслы — А у Петина, между прочим, есть набросок другой трагедии, — говорит Сталин. — И это куда важнее и интереснее сексуальной трагедии: это — трагедия Сталина. Предлагаю довести ее до уровня, пригодного для печати.

— Я против, — говорит Ленин. — У меня тоже была трагедия, к тому же — раньше твоей. Предлагаю сначала сделать трагедию Ленина.

— А я?! — возмущился Маркс. — Я же вас всех породил. Если уж начинать, так с меня.

— Вздор, — прерывает Сталин. — У вас не было никаких трагедий. У вас были эпосы, гимны, ликования. На худой конец — мелодрамы или трагикомедии. В лучшем случае — детективные истории. Трагедия марксизма и коммунизма началась с меня, ибо я их убил. Убил для того, чтобы оживить и сохранить на века. Ясно?!

— Ясно!! — закричали хором Маркс, Ленин и прочие.

— В таком случае за дело, — сказал Берия. — С кого... прошу прощения, с чего начнем?

— Не спешите, — сказал Мнс. — Вот получу «библиотечный» день, тогда может быть...

— Не тяни kota за хвост, — сказал Берия. — Все равно не отвертишься. Петин твердо решил поручить доведение своей драмы до печати именно тебе. И «библиотечный» день ты получишь при условии твоего согласия на это.

— В таком случае я готов! — сказал Мнс.

Совещание на Лубянке Поэтому, — продолжал шеф КГБ, — нам надо организовать хорошее покушение, причем — не случайным одиночкой, а группой. Группа Мнс мне представляется наиболее подходящей для этой цели. Она вроде бы существует, и мы можем строго доказать ее существование и ее преступные замыслы. С другой стороны, ее вроде бы нет, и в случае надобности мы можем столь же безукоризненно доказать, что всякие слухи о ней вздорны. Ее легко направить на совершение действий, которые можно будет квалифицировать как террористические. Ей можно приписать реальные террористические действия, совершенные другими. Вместе с тем, ею можно прикрыть реальные факты терроризма, придав им любой нужный нам характер. Короче говоря, эта группа позволяет нам сыграть любой подходящий нам вариант и контролировать его полностью от начала до конца. Здесь исключены непредвиденные случайности такого рода, какие имели место в деле Ильина. Эти гнилые интеллигенты не способны не только на непредвиденные поступки, но на поступки вообще. Нам еще потребуются значительные усилия, чтобы заставить их действовать.

Мечта рядового интеллигента Рядовой интеллигент, отчаявшийся сделать служебную или творческую карьеру, имеет довольно часто еще один способ сделать свою жизнь мало-мальски терпимой: это — «библиотечный» день. Что это такое? Это — дни (один, два, и даже три в неделю), когда сотрудник может вполне законно не приходить в свое учреждение и делать, что ему заблагорассудится. Официально считается, что сотрудник работает в библиотеках. Неофициально же все знают, что большинство сотрудников такого рода в библиотеки вообще не ходят. Но было бы несправедливо думать, будто все сотрудники в «библиотечные» дни бездельничают или занимаются «левыми» делишками. Для многих из них эти дни суть единственные, когда они, сидя дома, могут действительно работать, причем — выполняя свои обязанности по учреждению, ибо выполнять эти обязанности, находясь в учреждении, практически немисливо. Это — один из загадочных парадоксов нашей жизни.

Возникли «библиотечные» дни еще в те времена, когда сотрудникам на самом деле надо было бегать по библиотекам, архивам, музеям и т. д. Возникнув в силу необходимости, эта форма труда пришлась по вкусу растущей армии работников интеллектуального труда. Затем она была подкреплена и усилена обстоятельством уже сугубо материального порядка:

острым дефицитом рабочих мест, т. е. самых обыденных стульев и столов и площади для них. Дело в том, что в сфере интеллектуального труда начал действовать закон, подобный закону Мальтуса: число рабочих мест росло в арифметической прогрессии, а число сотрудников, претендующих на них, — в геометрической.

В Желтом доме, например, в одном лишь Институте идеологии на пятьсот сотрудников приходилось не более ста рабочих мест. Причем, согласно прогнозам социологов (не буржуазных футурологов, конечно, а марксистско-ленинских прогностиков), в новой пятилетке число сотрудников вырастет до восьмисот, а число рабочих мест — лишь до ста двадцати.

И подобно тому как человечество оказалось бессильным бороться с законом Мальтуса в сфере роста народонаселения, так оно оказалось бессильным бороться за ликвидацию «библиотечных» дней. Вот характерный пример на этот счет. Одно из крупнейших издательств страны «Прогресс», задыхавшееся от действия рассматриваемого закона, испросило разрешения самых высших инстанций на строительство нового грандиозного здания, в котором на каждого сотрудника приходилось бы по два (!) рабочих места. Руководство издательства смотрело далеко вперед и пошло на этот беспрецедентный в истории страны шаг. По два места на человека!! И все же когда новое здание вступило в эксплуатацию, число «библиотечных» дней сотрудникам пришлось удвоить. Случай с «Прогрессом» не единственный. По всей вероятности, помимо общего закона роста мест и претендентов на эти места тут действует какой-то другой, еще не выявленный закон расширения. Есть предположение, что согласно этому закону место, которое занимает данное место на новом месте, вдвое превышает то место, которое занимало это место на старом месте.

Короче говоря, распоряжением дирекции Мнс получил «библиотечный» день. Пока один. Но ведь все с этого начинали. Пожимая руку Мнс, Тваржинская сказала, что она надеется, что он использует этот день, чтобы... что ей стоило большого труда... но что она уверена, что он... Мнс терпеливо слушал страстную речь Тваржинской, делая робкие попытки вытащить свою интеллигентскую ручку из ее цепкой лапы старой чекистки и сгорая от нетерпения, ибо его внизу за углом уже ждали собутыльники. Собутыльники тоже сгорали от нетерпения, поносили Мнс последними словами, но не могли уйти, ибо по неписаному закону сегодня угощает счастливчик Мнс. И опять-таки тут действуют еще не изученные законы нового, коммунистического общества. Хотя угощение будет хилым, что известно заранее, хотя угощаемые располагают бóльшими средствами, чем угощающий, и потом они все равно потратят вдвое больше, чем угощающий, они рады предстоящему угощению, как мы бываем рады неожиданному грошовому подарку и бываем рады из чрезмерной благодарности отплатить вдвое. О, все та же таинственная русская душа!

Стенгазета, Повесили новую стенгазету. На первом листе — портрет **мы и Запад** Брежнева в маршальском мундире и со всеми регалиями.

Художник (директорский холуй из отдела философии естествознания) изобразил его красавчиком лет под сорок. Под портретом —

цитата из речи Брежнева об обострении идеологической борьбы. Газета — обычная серая пустышка. Но две заметки привлекли всеобщее внимание. В одной — смутный намек на то, что в некоторых секторах отдела диамата заняли примиренческую позицию по отношению к некоторым философским течениям Запада. Хотя намек очень смутный, все сразу же сообразили, что к чему. Недавняя статья в «Коммунисте», специфическая подборка в «Партийной жизни», ругательная статья в «Литературке» (которую сокращенно называют ЛГ, а произносят как «ЛГА») в адрес известного театрального режиссера, — все это искушенным людям говорит о том, что намерение властей начать приспускать «железный занавес» является вполне серьезным. Вторая заметка посвящена воспитанию молодых сотрудников и подписана самой Тваржинской. Среди прочих успехов отдела в деле воспитания упоминалось и о том, что буквально переродился Мнс, попав в дружный коллектив отдела, что он теперь на верном пути, а что в секторе логики не мешало бы и т. д. И опять-таки всем было ясно, что к чему.

Упомянутые две заметки определили тему разговоров собутыльников, направившихся в ДЖ отметить «библиотечный» день Мнс. К заметке о Мнс отнеслись двояко. Одни поздравили, сказали, что теперь все пойдет на лад. Другие посочувствовали, поскольку заметка вызовет злобу со стороны логиков, а они не останутся ни перед чем во имя спасения достижений мировой науки. Что касается Запада, то мнения были единодушны: Они, конечно, постараются контакты с Западом прикрыть, но из этого вряд ли что получится, поскольку слишком много народу из самих привилегированных слоев заинтересовано в связях с Западом. Они фактически в основном потребляют продукты западной культуры и чувствуют себя в некотором роде иностранцами в своей стране. Дети и внуки правителей кровно заинтересованы в том, чтобы жить как бы на Западе. А если кто и заинтересован в том, чтобы восстановить «железный занавес», так это — серая партийная бюрократия, вырастающая из недр «народа». Народ? Народ мечтает о новом Сталине. Зачем? Как зачем?! Сталин цены снижал, а эти повышают. А главное — русский народ всегда возлагал надежды на сильную центральную или верховную власть как на единственную защиту от произвола местных и низших властей.

В ДЖ к ним подсел Глеб Степинский, занимавший когда-то довольно крупные посты в ЦК комсомола, а затем — в аппарате ЦК партии. Несколько лет назад он был исключен из партии за попытку создания антипартийной группы и уволен (после серии постепенных понижений) с работы. Случай огласки в прессе не получил, о нем некоторое время говорили, но вскоре забыли. Глеб долгое время был без работы. Потом устроился куда-то библиографом рублей на семьдесят в месяц. За это время он успел основательно спиться. Но был, как и ранее, весел, разговорчив и остроумен. Начался суматошный разговор обо всем на свете, с надрывом, кто кого перекричит и пересмешит.

Из рукописи И все же я не решился. Не из страха. И не из какого-то рационального расчета. В конце концов, думал я, что происходит? Люди роют себе могилу? Да. Но они живут с мыслью, будто возносятся на небо. Люди влачат жалкое существование? Да. Но они живут с сознанием носителей величайшей мощи нового общества. Разве в театре зрители и актеры не знают, что они играют не себя и играют среди грошовых декораций? Знают. Но это не мешает им переживать происходящее как подлинность. Убрать Его — пустяк. Два движения: первое — вынуть спицу, которой я владею, как шпагой; второе — пронзить Его сердце или мозг. И все! А что произойдет? Высокая страшная трагедия уступит место тусклому примитивному спектаклю на уровне самодеятельности. Он — не человек. Он — бог. Причем, бог — языческий. Страшный, а не добрый. Я живу лишь постольку, поскольку один Его божественный лучик падает и на меня. Я привык жить в Нем. И не смогу жить без Него, как улитка без раковины. И какое вообще имеет значение есть я или нет и делаю я что-то или нет. А Он сосредоточил в себе весь смысл происходящего. Я могу убить тело Его, но я не смогу убить Его как душу становящегося общества. Чем больше я размышлял в таком духе, тем менее острым становилось мое желание. Я стал выздоравливать и обретать прежнее спокойное расположение духа. Все-таки я Его любил. А подлинная любовь не протекает ровно. Кроме того, возникло еще одно важное обстоятельство, отвлекшее мое внимание и заставившее окончательно забыть свое преступное намерение.

Мистика и реальность В партийной организации института состоят на учете несколько старых большевиков-пенсионеров. Большинство сотрудников института вообще старые члены партии. Даже молодые чуть ли не все имеют большой партийный стаж. Можно подумать, что родители их с рождения записывают в партию, как в России лет триста-двести назад только что родившихся мальчиков в дворянских семьях записывали в гвардейские полки. Но старые большевики до такой степени старые члены партии, что даже стерва Тваржинская на их фоне выглядит молодым коммунистом, а Тормошилкина кажется полной боевого задора комсомолочкой. Старые большевики все ужасно серые, косноязычные, но болтливые. И врут на каждом шагу. И само собой разумеется, все ужасно реакционные, хотя до сих пор ощущают себя пылкими революционерами. Но один из них довольно любопытен. Иногда его интересно слушать. Когда он несет всякую околесицу, невозможно понять, что у него идет от юмора, что — от склероза, что — от партийного идиотизма.

Теперь жить можно, — говорит Пенсионер. — Теперь вон даже склады для овощей и погреба из стекла делают. Утемнять приходится. Зачем утемнять? А чтобы люди не видели, что там пусто. Хотя, с другой стороны, раньше лучше было. Муку по всяким торжественным событиям выдавали. На похороны, например, по два кило белой муки выдавали. Приходишь на работу, а там во всю стену объявление: «Граждане умирающие! Мука выдается в Красном Уголке. По два кило в руки. Только удар-

никам труда». Прочитаешь — аж жуть берет. Но люди довольны были. И стимулы материальные были, не то что теперь. Потом выдачу муки отменили. Почему? Вот молодежь пошла, азбуку политграмоты забыла! Да потому, что, с одной стороны, жить стало лучше, а с другой стороны — муки не стало. Недовольство, конечно, было. Но народ был сознательный, помалкивали. Были, конечно, перегибы и жульничества. Один еврей подох через неделю после отмены выдачи муки, а справочку выправил, будто — наоборот, будто за неделю до отмены. Евреи — они все такие, хитрые. Но между нами, наш брат тоже не терялся. Был у нас один сотрудник. Тихий. В политкружке занимался. Так он чуть ли не каждый месяц приносил справку, будто кто-то в его семье умер. Никто, конечно, не умирал. Справки ему свояк доставал, он в домоуправлении работал. Разоблачили, конечно. Реабилитировали потом, конечно. А вы все жалуетесь! Зажрались вы, вот что я вам скажу. Прошли бы школу жизни, какую мы прошли, так помалкивали бы. Права человека, видите ли, им подавай!! А к чему они?! И что это такое?! С чем их едят?!.. Вот муки к празднику подкинули бы... Хотя бы членам партии со стажем... Э-эх!

Хрущевские мальчики Глеб Ступинский — характерный представитель «либеральной» молодежи (в то время), пробужденной к деятельности двадцатым съездом партии и разоблачительным докладом Хрущева, или «хрущевских мальчиков». Возросли они при Хрущеве в самых различных местах, главным образом — поблизости от высшей власти. Глеб, например, стремительно вырос до секретаря ЦК комсомола по идеологии (первым секретарем был Шелепин, будущий шеф КГБ). Другие двигались по линии редакций газет и журналов, аппарата ЦК партии, МИДа, институтов и т. д. После падения Хрущева они еще некоторое время сохраняли свое качество. Глеб, например, демонстративно показывал свое почтение к опальному Хрущеву. Потом, когда Брежнев и брежневцы вошли в силу, многие «хрущевские мальчики» переметнулись к брежневцам, некоторые захирели и канули в серость, некоторые пострадали. Глеб, например, был несколько понижен в должности и отодвинут в сторону в такое место, где он карьере сделать уже не мог. Это обстоятельство усилило в нем критическую струю, зародившуюся при Хрущеве. Он стал стремительно эволюционировать в направлении критики дефектов (пока еще дефектов, а не сути) существующего режима. Не исключено, что он испытал влияние растущего диссидентского движения.

«Брежневские мальчики» — это лишь «хрущевские мальчики», но постаревшие, насытившиеся или, наоборот, разочаровавшиеся и павшие. Глеб попал в число вторых. С группой толковых ребят он решил перейти от лозунгов и демагогии к серьезному изучению действительности. Через пару лет он подготовил сборник статей, который по их замыслу должен был положить начало «длясебяиздату», — серии критических исследований, предназначенных для просвещения партийного руководства и серьезного обсуждения назревших проблем в среде мыслящей части партийных работников. Но власти не поняли и не приняли добрых намерений группы «длясе-

бяздата». И разгромили их даже более жестоко, чем диссидентов. Поскольку все члены группы были добросовестными членами партии и остались в душе коммунистами, несмотря на исключение, история эта резонанса не имела.

«Хрущевских мальчиков» объединяла одна иллюзия: добиваться постепенной либерализации и рационализации общества путем подсовывания в речи руководителей прогрессивных идей и намеков, путем незаметного подталкивания властей в нужном направлении. При этом, однако, они не забывали и о своих земных интересах. И надо признать, они преуспевали в этом направлении куда успешнее, чем прогрессировало общество. И это все не мешало исполнять обычные обязанности в том же духе, как это делали их предшественники и «недобитые сталинисты».

*Ура, товарищи, ура!
Идет желанная пора.
Восторжествует разум здравый,
И нас допустят до управы.
Пусть Их кровавыми руками,
Но дело делать будем мы.
Мы либеральные идеи
В тупые всунем Их умы.
Тут вставим острую цитату.
Авось, какой-то выйдет прок.
А тут... Ха-ха-ха-ха!.. незримо
Подпустим фигу между строк.
Потом поедем за границу
Свободой нашей мир дивить.
Расстрел отменим. Неугодных
Тихонько будем так давить.
И в мировом уже масштабе
Грозить ракетами рискнем.
И кукурузовым початком
Всем недовольным пасть заткнем.
Пора, товарищи, пора!
Не возвратится, что вчера.
История рассудит здраво,
И мы возьмемся за расправу.*

Из рукописи Арестовали отца и обоих братьев, а всех женщин (мать, сестру, жен братьев) с детьми куда-то выслали. Об этом мне сообщили на Лубянке, где предложили письменно подтвердить мой разрыв с родственниками как с врагами народа. Я это, разумеется, сделал. Месяца два после этого я ждал ареста сам. Но обо мне, казалось, все позабыли. Не давал о себе знать и Он. И я как-то опустел совсем и сник. Все стало безразличным. Я просто забыл о своем замысле.

Я чувствую, что все сказанное выше на эту тему не дает удовлетворительного объяснения. Чего-то тут не хватает. А чего именно, никак

не могу уловить и достаточно четко сформулировать. Может быть, вообще у меня никакого такого намерения не было? Может быть, это мне только показалось или я все это выдумал потом?

Хрущевская легенда Многие «хрущевские мальчики» вышли из обеспеченных и даже высокопоставленных семей или были связаны с таковыми, что давало им некоторую минимальную защищенность от местного начальства и коллектива. Отец Глеба, например, был близким другом Ленина и потом занимал видные посты в партийном аппарате. Сам Глеб шутил, что он фактически есть сын Ленина. Слушатели сначала верили. Но потом начинали сомневаться: Ленин умер в двадцать четвертом году, а Глеб родился по крайней мере в двадцать девятом. На это Глеб возражал, что сила Ленина такова, что он и после смерти мог. Он же вечно живой, как утверждает наша пропаганда.

«Хрущевские мальчики» были образованнее и способнее той среды, в которой начали свою прогрессивную деятельность. Поскольку им не пришлось выслуживаться годами нудной рутины, они некоторое время сохраняли легкость, веселый цинизм и даже чуточку авантюризма. Хрущевское время вообще отличалось (несмотря ни на что) известной жизнерадостностью и веселостью, а «хрущевские мальчики» чувствовали себя в некотором роде именинниками. Они хапали и рвали, но не так нудно и скучно, как их предшественники. Над ними подшучивали. Но к ним не питали злобы и страха.

*Мы, конечно, прохиндеи,
Если честно — между нами.
Но и смелые идеи
Уживаются с чинами.
В этом деле много дале
Мы пошли бы цели дальней.
Чем сытнее мы б едали,
Становились б либеральней.
А случись такое чудо, —
Мы бы власть себе урвали, —
Мы б лукошко и три пуда
Вам свобод любых наврвали.
Лишь о будущем радея,
Попросили б об услуге:
Думать, мы — не прохиндеи,
А идейные хануги.*

— Что спорить, — говорит Глеб, — Хрущев был типичным сталинцем. Он был и за шута у Сталина. И репрессии проводил. И все-таки он был уникальным явлением в нашем руководстве. Вот, скажем, репрессии. Как только намечался некоторый откат волны репрессий, он с охотой шел ему навстречу. А когда шла новая волна, он ей сопротивлялся. И то, что именно он, а не кто другой выступил с разоблачением Ста-

лина, соответствует его натуре. Я же его знал. Он был добрый и очень неглупый человек. Во всяком случае он никогда бы не докатился до такого идиотизма, чтобы стать маршалом и награждать себя орденом Победы.

— Как знать, — говорит Учитель. — К концу его правления наметились все те мерзости, которые пышным цветом расцвели при Брежневе. Он просто не успел. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что Брежнев — это Хрущев сегодня.

— Это, конечно, верно, — соглашается Глеб. — И все-таки не так. Ты вот можешь себе представить, чтобы Брежнев, если бы его скинули, прочитал бы Солженицына и похвалил бы его? Нет? В том-то и дело. В хрущевизме еще было чувство вины за прошлое и желание освободиться от него. Брежневизм же на всех парах стремится вернуться в прошлое, возрождая пока еще только внешние его атрибуты. Помяните мое слово, пройдет еще два-три года, и мы с тоской будем вспоминать о хрущевских временах. Вы знаете, почему закрыли вход на Новодевичье кладбище для посторонних? Потому что на могилу Хрущева до сих пор носили бы цветы.

— Скажите, — спросил Мнс, — были ли покушения на Сталина? Не липовые, а настоящие.

— Скорее всего нет. Во всяком случае, документально подтвержденных не было.

— Почему?

— Он держал инициативу в своих руках и сам все время уничтожал возможных покушителей.

— А те, кого он не знал? Очевидцы рассказывают, что он приезжал в ИКП без охраны не раз.

— А кто он тогда был? Те, кого он не знал в качестве потенциальных покушителей, сами не знали еще, что он такое. А когда сообразили, до него добраться могли только те, кого он знал в качестве потенциальных покушителей. В общем, это — сложный вопрос. Сам по себе его не решишь. Нужно в общем контексте истории. Ко всему прочему тут есть еще одно обстоятельство, которое нам не понять.

— Какое?

— Принадлежность к тому времени, к эпохе. Вот ты, например, почему до сих пор не шлепнул ни одного из нынешних наших руководителей? А ведь они заслуживают это не меньше, чем Сталин!

— Это не так-то просто. Да и что от этого изменится? Разве что еще хуже будет.

— А ты думаешь, мальчики тех времен не могли рассуждать так же?

— А идея возмездия?

— Возмездие несет только беспощадная историческая оценка. Остальное — ерунда. Впрочем, есть еще одно мощное средство: смех. Но, увы, мстители не способны смеяться.

О национальных традициях

*Чтобы отвлечься от тоски,
Обычай есть старинный русский.
Объединяйте пятаки!
И обойдемся без закуски!
Вольем одну. И повторим.
И по другой немедля вдарим.
Друг другу души растворим,
Потом набьем друг другу хари.
А утром, ощутив едва,
Что в теле жизнь еще теплится,
Да возвратимся мы, братва,
К истокам жизни — похмелиться.
И позабывши про тоску,
И помня лишь обычай русский,
Уьемся в стельку иль в доску,
Конечно, снова без закуски.*

Страх объединения — Наша партия ничего так не боится, как всякого рода группировок, — сказал Глеб. — Почему? Да потому, что она чует, к чему это может привести. Ведь сама партия возникла как оппозиционная группка. И даже перед революцией она была еще весьма немногочисленной. А что натворила! В наше время, конечно, никакая группа и даже партия не сможет осуществить новый переворот. Но беспорядки посеять и основательно попортить Им нервы может даже маленькая группка. Ты представить себе не можешь, что началось твориться вокруг нас, когда мы заявили о своем существовании, — мы же отпечатали наш сборник в десяти экземплярах, первый экземпляр отослали в ЦК. Занималась нами целая оперативная группа во главе с генералом! Пока не разыскали все десять экземпляров и черновики, за нами буквально в туалет ходили.

— Зачем же вы в ЦК послали? — спросил Мнс. — Надо было в «самиздат» или «тамиздат» пустить.

— Это сейчас легко так советовать. А тогда мы были честными коммунистами, посты занимали, надеялись внутри партии обсудить важнейшие проблемы нашей жизни. Я и сейчас не считаю себя диссидентом и не хочу быть им. И если бы мне дали хоть малейшую возможность работать в том направлении, как я хотел, в рамках партийного руководства, я бы снова с головой окунулся в это дело.

— Не дадут.

— Конечно, не дадут. А другого пути все равно нет. Я на сто процентов убежден в том, что прогресс нашего общества возможен только как прогресс руководства обществом. До тех пор, пока в высшее руководство не будут выходить более молодые (от сорока до пятидесяти), образованные, способные и инициативные люди, никаких серьезных перемен

к лучшему у нас не будет.

— В таком случае их вообще не будет.

— Похоже на то. Но не хочется так думать.

— Почему все-таки Хрущева скинули?

— То, что его скинули в зените власти, тоже говорит в его пользу: его не боялись. А попробуй, скинь «добренького» Брежнева, который уже пять лет в состоянии маразма пребывает! Те, кто скинул Хрущева, оправдываются тем, что он их измотал нелепыми и неожиданными проектами, дорогостоящими авантюрами. А назови-ка хотя бы один его авантюрный проект, который они сами не взяли бы на вооружение! Дело не в этом. К концу он начал все более склоняться к решительной перестройке аппарата управления и всего хозяйства. На нашу группку накинудись так зверски еще и потому, что это напоминало хрущевские проекты. Они, кто скидывал Хрущева, испугались за свою шкуру, за свои места и перспективы. А когда Хрущев стал поговаривать о перестройке КГБ, он сам подписал себе приговор.

— Странно, такой опытный политикан, а попался на пустяках.

— Это не пустяки. Он, конечно, был прожженный интриган. Но это у него сочеталось с поразительной наивностью. Потом, он не сумел аппарат своей личной власти наложить на аппарат партийной бюрократии так, чтобы подчинить себе последний. Впрочем, это и не смогло произойти. Почему? А ты можешь представить меня, допустим, в роли секретаря ЦК КПСС? Мы (а я входил в аппарат личной власти Хрущева) были слишком интеллигентными и даже слишком светскими для этого.

Мечта Добронравова Будь я помоложе, — сказал Добронравов, — я бы непременно сколотил тайную группку. Зачем? Да хотя бы нервы попортить нашим высокопоставленным подонкам. Пара хорошо подготовленных и успешных покушений, и Они там даже в туалет будут ходить с мощной охраной. И ночи спать не будут. Дело это стоящее. Но нужны молодые отчаянные ребята. На твоём месте я бы...

Из доноса в КГБ Мнс установил контакт с Глебом Степинским. Знакомство состоялось в ДЖ тогда-то. Присутствовали такие-то сотрудники Института идеологии и редакции «Вопросы идеологии». Мнс интересовался антипартийной группой, организованной в свое время Степинским. Расспрашивал о целях «длясебяздата», о содержании подготовленного группой сборника, о судьбе членов группы. Степинский обещал свести его с ними. Потом Мнс провожал Степинского домой. Содержание их разговора при этом мне не известно.

О советском империализме — Советский империализм — явление весьма своеобразное, — говорит Глеб. — Территории у нас своей в избытке, освоить не можем. Захваты территорий как таковые нам не нужны.

— А зачем же мы пол-Европы захватили, в Африку залезли, в Южную Америку лезем?

— Причин тому много. Вот некоторые из них. Мы стремимся сделать все наше окружение подобным нам, чтобы уничтожить базу для невыгодных для нас сравнений, исключить вредные влияния, исключить критику наших порядков и поддержку диссидентов. Мы очень боимся разоблачений и критики. И вся наша идеологическая демагогия будет прочнее, если не будет капиталистического мира. Затем, мы хотим, чтобы на нас смотрели как на образец, чтобы восторгались нами. Наши вожди жаждут быть вождями в мировом масштабе. Они чувят, что где-то над ними смеются, а это — непорядок. Наш империализм особый — идеологический.

— Не думаю, что наши претензии ограничиваются идеологией.

— Конечно. Конечно, идеологические претензии легко перерастают в обычный захват и насилие. Но и в этом есть одна особенность. В наших захватах занято большое число людей. Им такой образ жизни нравится. Они имеют влияние в системе нашей власти и сами стимулируют наш империализм.

— А что же в этом нового? Обычное стремление населения колониальной державы превратиться в расу господ.

— Это все в перспективе. Я говорю о том, что сейчас и что лежит в основе.

Дома — Где ты пропал? Я заждалась.

— Гулял с очень интересным человеком. При Хрущеве и в первые годы при Брежневе был крупной шишкой. Потом ударился в реформаторство и покатился вниз. Живой пример тому, что реформаторство свыше заранее обречено на провал.

— А что не обречено?

— Пока не знаю. Но диссидентство само по себе тоже обречено. Скорее всего эффект может дать только все вместе, в совокупности. Пока не стрясется какая-то крупная катастрофа в масштабах всей страны, которая затронет осязательным образом все слои населения, до тех пор никаких существенных перемен не будет.

— Избави Боже от этого.

— Вот в этом-то все дело. Мы панически боимся того, что единство может способствовать улучшениям.

— А зачем еще улучшения? И так живем неплохо. Лишь бы хуже не было.

— Очень интересный мужик. Знает уйму всего. И рассказывает здорово. Жаль, все это пропадает впустую.

— Пусть пишет.

— Говорит, стимулов нет. К тому же для этого надо вести трезвый образ жизни и иметь некоторое материальное обеспечение. А он должен где попало халтурить. И в пьянство основательно втянулся, уже не может из него выкарабкаться.

— Все вы пьяницы.

— Но я пока еще не совсем.

— Все равно туда же скатишься.

- Смешно!
- Что смешно?

— Вспомнил, Глеб рассказывал о диалектике нашей жизни. Примеры смешных приволил. Вот, допустим, проблема преступлений. Возьмем два параметра: раскрываемость преступлений и снижение преступности. Согласно всем нашим идеологическим установкам преступность у нас снижается. Но милиция, считается, с каждым годом лучше работает. А это значит, что растет раскрываемость преступлений. Но если растет раскрываемость, то не растет снижаемость самой преступности. Вот парадокс! Глеб говорит, что проводятся десятки и сотни всяких совещаний на всех уровнях, пока согласуют соответствующие цифры. Не пойму, как Они все-таки выходят из таких затруднений?!

Из доноса в КГБ Мнс все чаще стал встречаться со Степинским. О чем они разговаривают, мне не известно. Я сделал попытку присоединиться к ним, но Степинский грубо «отшил» меня и при всех обозвал стукачом. Как это понимать? Шляются они по глухим окраинам, заходят в самые низкопробные забегаловки, пьют и ведут компании со всяким сбродом.

Из распоряжений КГБ Установить точно, где бывают Мнс и Степинский и какими маршрутами передвигаются. Внедрить в эти точки оперативных работников под видом рабочих и пьяниц, снабдив их соответствующей аппаратурой. Поднять и изучить заново все материалы по делу группы Степинского. Установить наблюдение за всеми бывшими членами группы.

Беседа с Тваржинской Тваржинская имела конфиденциальную беседу с Мнс в своем кабинете. Она сказала, что заканчивает новую книгу и хотела бы дать особый раздел о роли современной логики в борьбе с антикоммунизмом. В духе того доклада. Она рассчитывает и т. д. Мнс сказал, что он с удовольствием, но что ему нужно для этого недели две, а тут в институте работать невозможно. Тваржинская сказала, что она понимает, что она договорится в дирекции, чтобы Мнс на это время разрешили работать «в библиотеке».

Чего хотят они и мы — Никита считал себя великим специалистом в сельском хозяйстве, — говорит Глеб. — Он искренне хотел создать изобилие. Но чтобы сразу. Захотел, и готово. Отсюда — авантюризм и сумасбродство.

— Слишком дорого нам обходятся их добрые намерения. И что-то мне не верится в то, что это идет от доброты душевной. Это все то же насиливание, но насиливание заботой и добротой.

— Верно. Но сами-то они воспринимают это как проявление лучших качеств души.

*Они все хотят, чтоб мы жили от пуза.
При коммунизме чтоб жили уж дети.
Решает один: нас спасет кукуруза!
Нет соя! — решает другой благодетель.
А сами Они, нацепив побрякушки,
Хвастливые речи читают натужно.
Ракеты куют, самолеты и пушки,
И лезут повсюду, где нужно-не нужно.
О гуманизме вопят до хрипоты
И требуют мудрости Их умиляться.
О Боже! Избавь нас от Ихней заботы,
Чтоб снять искушенье от Них избавляться!*

— От них не избавишься уже. И от их доброты спасенья нет и не будет. Сталин был куда умнее их. Он был циничен и страшен, а выглядел как настоящий благодетель. А эти умиляются на свое великодушие, а выглядят смешными и отвратными. Если хочешь, я тебе могу кучу всяких интересных фактов рассказать о них. Я ведь с ними встречался. И вращался в таких кругах, где о них все было известно.

— Чего Они хотят, ясно. А чего хотим мы?

— Я, например, хочу еще выпить. Но лучше уйдем отсюда, а то мне рожи вон тех «пролетариев» не очень нравятся. Я думал, что Они там про меня забыли. Что бы это могло значить? Придется сменить «точки». Давай, двинем в центр. Там стукачей навалом, но им не до нас. Хотя, лучше зайдем к одному знакомому. Тут недалеко. У него иногда угощают, так что мы немного сэкономим.

Но у знакомого ничего не вышло: он бросил пить. Вчера по телевизору, сказал он, была толковая лекция против пьянства. Лектор выдвинул три аргумента. Из-за пьянства, во-первых, падает производительность труда. Сокращается объем производства, во-вторых. И увеличивается число производственных аварий, в-третьих. Я, разумеется, против этого не мог устоять. К тому же у меня неправильная реакция на алкоголь: начав, не могу остановиться до тех пор, пока не будут исчерпаны все ресурсы и терпение общественных организаций. Поэтому я и завязал. Со вчерашнего вечера не пью. Но если вы не возражаете, я к вам присоединюсь.

Упившись, решили устроить хохму: позвонили Барабанову, у которого только что вышла вшивая статейка в «Коммунисте», и спросили от имени помощника начальника политуправления армии, не сможет ли он прочесть лекцию в МВС для высшего командования армии. С дрожью в голосе Барабанов пролепетал свое согласие. Всю ночь он не спал, репетировал. На другой день он ринулся в здание МВС на улице Фрунзе. Его, конечно, не пустили. Он учинил скандал, в результате которого его продержали под арестом до вечера, выясняя личность. Но кончилась эта история совершенно неожиданно: его действительно попросили прочитать эту лекцию. Лекция называлась «Человек как самоуправляющаяся система». И она имела бешеный успех.

Из рукописи Я понял, почему все-таки я Его не убил. Объяснение тривиально простое. Не пойму, почему оно так долго не давалось мне. Убить Его для меня было равносильно самоубийству. А самоубийство для меня было исключено, так как меня фактически не было. Нельзя уничтожить то, чего нет! Придя к такому выводу, я успокоился. Теперь я могу с чистой совестью набросать идеологический очерк, который, надеюсь, пригодится тем, кто будет делать «нового Сталина».

Я оставляю открытым вопрос о том, в какой мере следует при этом сохранить словесную марксистскую шелуху. Я буду излагать самую суть дела, которую можно будет облачить потом в любую словесную оболочку. Но если уж делать какие-то прогнозы, то я склоняюсь более к тому, что будущий идеологический реформатор постарается удержать из марксизма и ленинизма самый необходимый минимум, да и то чтобы не выглядеть выскочкой без исторических корней и традиций. Старого Сталина он, по всей вероятности, обойдет молчанием или уделит ему ничтожную долю внимания. О Хрущеве и Брежневе я вообще не говорю, ибо они — пустое место с идеологической точки зрения. Словечко «развитой социализм», которое подсунили Брежневу его бездарные помощники, ровным счетом ничего не значит. Будущий идеологический реформатор должен будет коренным образом изменить сам подход ко всем разделам идеологии. Я ограничусь рассмотрением именно этого изменения и особенностей нового подхода.

Прежде всего, чем диктуется необходимость этого изменения? Назову главные причины. Изменился весь строй мышления думающей части общества. Эта часть выросла количественно, совсем иной стала ее роль в жизни общества; ее влияние на все остальное население стало если не доминирующим, то близким к этому. Обнажилась сущность реального социализма (коммунизма). Наступило разочарование в нем, неверие в его светлые перспективы. Изменился тип наиболее активного индивида, в особенности — в образовательном и моральном плане. Западные страны стали перехватывать у социалистических стран знамя гуманизма и демократии. Диссидентское движение в социалистических странах. Спад религиозности на Западе и подъем ее у нас. Произошел раскол в коммунистическом движении на Западе (еврокоммунизм). Возросла угроза прихода к власти коммунистических партий в некоторых странах на Западе. Конфликт с Китаем. В такой обстановке сталинистский марксизм, фактически до сих пор господствующий у нас (пусть без упоминания имени Сталина, пусть замаскированный новыми словечками из науки и цитатами из речей Брежнева), уже не может быть столь же эффективным, каким он был ранее. Чтобы вернуть нашей идеологии былую силу, надо проявить изрядную долю мужества и предложить нечто неожиданно (может быть, даже ошеломляюще) новое. Причем, чтобы ошеломляющая новизна исходила не из выдумывания утопий и небывлиц, а из непривычной трезвости мысли и предельно полного ее соответствия новому, но уже привычному миру. Нам теперь нечего бояться, ход истории уже предreshен, победа будет за нами. Нам нечего бояться, повторяю. Мы можем позволить себе быть откровенными и ясными. Даже циничными. Циничная откровенность теперь была бы гораздо более эффективной, чем ложь, демагогия, сказки о «светлом будущем». Цинизм

был бы показателем силы, уверенности и ума, а прежние методы уже стали признаком слабости, неуверенности, глупости.

Все течет В сталинские времена наряду с системой тайных доносов действовала система открытых обличений. Выступает, например, Иванов. Говорит о мудрости сталинской линии в сельском хозяйстве. Говорит, конечно, что Сталин — величайший гений всех времен и народов. Говорит — радуется: все заметят, какой он преданный и на все готовый холуй. И не ведает того, что через пять минут он будет в прединфарктном состоянии рваться на трибуну и слезно молить... Впрочем, не будем забегать вперед, а предоставим слово Петрову. Петров не торопясь поднимается на трибуну, наливает в стакан теплую и мутную воду из графина (о, эти графины! куда вы исчезли со страниц нашей истории?!), мнет в руках бумажку с тезисами, ехидно усмехается. Тут вот несколько минут назад гражданин Иванов (что такое?! зал затихает)... многословно и красноречиво демонстрировал нам, будто он (неужели и Иванов погорел?! О, Господи, пронеси!)... А между тем этот некий Иванов (намекает? а ведь Петров с детства дружил с Ивановым! может, и сам Петров?!)... совершенно обошел вниманием мудрейшую сталинскую политику в области индустриализации страны. Случайно ли это, товарищи? В этот именно момент Иванов не выдерживает и со слезами кидается на трибуну, руками и ногами хватаясь за сердце. Тогда еще не знали, что такое инфаркт, и потому таковые встречались много реже. Партийные активисты хватают Иванова и заламывают ему руки. Услужливые холуи бегут звонить в Органы. Но не успевает Петров кончить свою обличительную речь, как из зала звучит реплика (это Сидоров кричит): мол, ты сам-то, гражданин Петров, кое о чем забыл!! Но Петрову везет — он еще на трибуне. Петров немедленно сникает, допивает графин до дна и начинает тут же признаваться в том, что он в своей речи недоучел то-то, допустил то-то, переоценил то-то...

Великим достоинством сталинских времен (это — одно из качеств Сталина, за которое народ до сих пор его любит) являлось то, что строго соблюдался принцип адекватности доноса и обличения, с одной стороны, и наказания, с другой стороны, а именно: 1) за каждый донос и обличение брали; 2) что на тебя доносили и в чем тебя уличали, за то тебя и брали. Например, уличил Петров Иванова в том, что он — замаскировавшийся троцкист, его и расстреливали как троцкиста. Писал Иванов на Петрова донос о том, что Иванов — личный адъютант Деникина, Колчака и Махно одновременно, того и расстреливали как такового. За все сталинские времена, говорят, была всего одна ошибка, когда монархиста расстреляли как кулака. Так за нее головой поплатилось все руководство Губчека.

Первые годы после смерти Сталина созданная им система доноса и обличения продолжала действовать, но принцип адекватности стал нарушаться в пункте первом: не всех, на кого доносили и кого уличали, брали. Многих оставляли на свободе впредь до особых распоряжений. После разоблачительного доклада Хрущева принцип адекватности стал иног-

да нарушаться и во втором пункте: стали появляться случаи, когда на человека доносили одно, но брали его почему-то совсем за другое. Затем наступил короткий период растерянности, в который доносы и обвинения вообще утратили смысл, и брали людей совершенно независимо от них. Дело в том, что в этот период наступил кризис с доносно-обличительной деятельностью граждан нашего немножко недоразвитого социалистического общества не столько в связи с разоблачением «культы» и реабилитацией его жертв, сколько в связи с устранением самого содержания доносов и обличений. Ситуация в мире изменилась коренным образом, а доносы по-прежнему следовали на шпионов, троцкистов, монархистов, бухаринцев, меньшевистствующих идеалистов, замаскировавшихся кулаков...

По окончании периода растерянности стала восстанавливаться действенность системы доносов и обличений. Но с двумя существенными коррективами. Во-первых, произошло отделение доносно-обличительной деятельности как социальной самодеятельности широких масс населения от профессиональной деятельности Органов государственной безопасности по сбору сведений о преступных намерениях и поступках граждан. В результате стали случаться события, ранее совершенно невозможные, когда упомянутые Органы вдруг изымали из коллектива его члена, пользовавшегося всеобщим уважением и считавшегося рядовым советским прохвостом, как все прочие. Во-вторых, в системе социальной доносно-обличительной деятельности населения начисто отпал принцип адекватности. Брать почти перестали, заменив братие другими методами (увольнение с работы, лишение надбавок и премий, отказа в улучшении жилищных условий, пресечение карьеры и т. п.). А если брали, то доносы и обличения служили лишь формальным поводом или дополнительным штрихом. Например, в Институте идеологии взяли одного еврея по фамилии Смирнов якобы за гомосексуализм (таков был донос). На суде представитель института говорил, что Смирнов допускал уступки позитивизму, что усугубило вину (могли ли о таком мечтать в сталинские времена: позитивист-гомосексуалист!!). Но засудили Смирнова за дела крымских татар, хотя он всего-навсего лишь собирался эмигрировать в Израиль. Анализируя этот случай на большой лестничной площадке, доктор философских наук Барабанов (он выступал экспертом от института в суде), крупнейший кретин института, заметил глубокомысленно, что именно этим отличается развитый социализм наших дней от прошлогоднего полного социализма. Правда, слушатели так и не поняли, чем же именно отличается развитый социализм, но это уже не играло роли, ибо и без этого было всем ясно, чем именно: ровным счетом ничем.

В ответ на обличительные намеки в стенгазете, в которых параноик Смирнячев углядел руку Тваржинской и ее нового любимчика Мнс, актив сектора логики (Зайцев, Смирнячев и Сазонов) собрался на квартире Смирнячева. Выпив пару бутылок коньяка и сожрав невероятное количество всяческих закусок, изготовленных тещей Смирнячева, хранители достижений мировой науки сочинили открытое письмо в партийное бюро института. В письме они доказали необоснованность упреков в их адрес, зато высказали опасения по поводу деятельности Мнс в отделе борьбы с антикоммунизмом, который не является достаточно квалифицированным для той

задачи, за которую взялся и т. д. После ухода Зайцева Смирнящев с Сазоновым набросали черновик закрытого доноса в КГБ на Мнс, Учителя, Добронравова и многих других. Сазонов обещал доработать донос дома и отослать или передать лично.

А в это же самое время самый интеллигентный сотрудник сектора Субботин написал обстоятельный донос на всех. Его не волновало, что доносы утратили былую силу. Он писал по привычке, на всякий случай и из безотчетного стремления засвидетельствовать свою готовность.

О жизни и смерти — Неужели мы скоро умрем и исчезнем насовсем, — говорил Мнс. — Страшно подумать!

— Исчезнем, — говорит Добронравов. — И ничего от нас не останется. Абсолютно ничего. Ни единого целого атома! И не думай об этом, свихнешься.

— Не могу не думать, — отвечает Мнс. — Я бы хотел умереть. Но чтобы потом как-то жить. В любой форме. Пусть занудно-скучный благополучный рай. Пусть ужасающе большой ад. Пусть чистое бытие вне времени и разлитое во всем пространстве.

— Ну так выдумай себе какую-нибудь сказку о загробной жизни, — говорит Железный Феликс. — Сейчас это модно. Помогу, хочешь?

— Нет, я лучше сам.

— Не слушай их, миленький мой, — говорит Татьяна. — Усни! Хочешь, я тебе сказочку расскажу? Или песенку спою?

— Не слушай бабьих сказок, — говорит Маркс. — Будь мужчиной! Наше бессмертие — в наших идеях и делах.

— Не хочу бессмертия в ваших идеях и ваших делах.

— И не надо, мой мальчик, — говорит Татьяна. — Не надо! Гони их всех прочь! И Маркса, и Ленина, и Сталина... Всех!

*На что за гробом рай небесный?!
На что потомков рай земной?!
Пока живой, в камерке тесной
Хмельную ночь дели со мной!
Не Бог извечный и бескрайний,
Не Гений, зрящий сквозь века, —
Откроет жизни-смерти тайны
Вот эта женская рука.*

Все о том же — Удивительно не то, что диссидентское движение существует, и с ним никак не могут разделиться, — говорит Глеб, — а то, что оно такое жалкое. Много ли диссидентов? На такую огромную страну это — почти ноль. И сосредоточены они в основном в Москве. Несколько человек — в Киеве, Ленинграде, Тбилиси. Сравнительно с оппозиционными движениями на Западе наша оппозиция выглядит смехотворно ничтожной. В чем дело?

— Там свободы, — говорит Мнс, — а у нас душат.

— Это верно. Но этим не объяснишь. Если бы наша жизнь порожда-

ла оппозицию имманентно, никакими репрессиями его не остановили бы. Нет, тут дела хуже. Наше общество в принципе исключает оппозиционное движение как массовое явление. Диссиденты у нас — случайность. Без поддержки Запада их вообще не было бы.

— Но Запад ведь тоже реальный факт. И не так-то скоро он исчезнет.

— Верно. Но Запад не будет вечно поддерживать наших диссидентов. А если и будет, он не может сделать их массовым явлением, заметной силой, влияющей на внутреннюю и внешнюю политику страны.

— Конечно. Но любое, даже самое благоустроенное общество будет порождать определенное число недовольных хотя бы из духа противоречия и из осознания фактического неравенства, которое неизбежно в любом обществе.

— Недовольство разное бывает. Недовольства у нас хватает. Дело в том, в чем проявляется недовольство и в какой мере оно затрагивает самые основы общественного устройства. У нас даже забастовки и бунты бывают. Но это — обычная жизнь. Диссиденты же выходят за рамки дозволенного. Они затрагивают основы.

— Я диссидентов лично не знаю. Только по слухам, по коридорной и застольной болтовне. Но у меня к ним почему-то душа не лежит. Мне они представляются чем-то чужеродным.

— Я как раз знаю их довольно хорошо. С некоторыми довольно долго дружил. Но у меня тоже к ним душа не лежит. Но я знаю, почему. Я был коммунистом и остался им, несмотря ни на что. Коммунизм все равно есть неотвратимое будущее общество. Коммунизм много лучше капитализма. Со временем на базе коммунизма люди будут жить гораздо лучше, чем мы. Я хочу одного: более разумной организации нашей жизни, более разумного поведения властей. Я считаю, что более умное руководство за несколько лет могло бы поднять наш жизненный уровень заметным образом.

— Я в этом сомневаюсь. По-моему, дело не в руководстве, а во всей совокупности условий жизни людей и в самих людях. Мы ничего другого произвести не способны. Умное руководство еще больше глупостей наделало бы. Консерватизм руководства естествен. Он вполне отвечает системе.

— И так и не так. Систему надо и можно оживить, активизировать. Проблема — с чего начинать: снизу (диссиденты) или сверху (то, к чему стремились мы)? Я утверждаю, что путь снизу бесперспективен.

— А путь сверху невозможен.

— Значит, надо откуда-то сбоку или изнутри. Что именно? У меня на этот счет некоторые идейки. Но сначала давай добавим!

Новенькая В отделе философии стран Востока появилась новая сотрудница. Младшая научно-техническая, с самым низким окладом (около восьмидесяти рублей). Поскольку институт постоянно рос и ширился, такого рода сотрудницы появлялись регулярно, и никто на это не обращал внимания. Сотрудницы эти были обычно страшенькие, глупенькие. После нескольких скандальных историй и персональных дел институтские бабники на таких не соблазнялись даже в сильном перепитии. Но на этот раз

случай был особый. Новенькая сотрудница была совсем молоденькая, сразу после школы (если не считать провала при поступлении в университет), свеженькая и весьма миловидная. И институтские «женихи» (матерые разведенные и собирающиеся разводиться бабники, и молодые неженатые младшие научные сотрудники) зачастили под самыми различными предложениями в комнату, где новенькая сотрудница считывала, резала и склеивала рукописи старших сотрудников отдела, славившихся далеко за пределами института своей зобычайной тупостью, косноязычием и склонностью. Забрел в эту комнату «случайно» и Мнс, предварительно почистив ботинки, сменив рубашку и приведя в порядок свою умопомрачительную бороду. Забрел и... Подумать только, до чего докатились эти мерзавцы!.. И заговорил с ней на непонятном иностранном языке. И она ему ответила на том же. Не иначе, как на французском, решила заведующая сектором философии стран Ближнего Востока. Нет, по-моему, на итальянском, заметила доктор наук Пискунова. А скорее всего на английском, теперь у них (у кого?) модно болтать по-английски. Этот факт Кирусик молниеносно разнесла по всем отделам, секторам, группам и службам института. Институт насторожился, затаил дыхание, стиснул челюсти и скривил губы. Какая наглость, сказала Тормошилкина. Это ни в коем случае нельзя допускать!

Потом Мнс пригласил новенькую в обеденный перерыв пойти перекусить в «стекляшку». И эта «сикушка»... Вот до чего докатилась нынешняя молодежь!.. Эта «сикушка» согласилась! И институт решил это безобразие прекратить, пока дело не зашло слишком далеко. Первой беседу с Сикушкой завела главная блюстительница институтской морали — заведующая научным кабинетом сорокалетняя девица Ниночка, сменившая с полсотни «хахалей» и в настоящее время сожительствующая (по слухам) с гомосексом (тоже по слухам) Качуринным. Зажав тоненькую Сикушку в угол своим мощным бюстом, она прочитала ей длинную нотацию о том, в какое ответственное учреждение она попала, какое огромное значение здесь имеет образцовое моральное поведение, как она должна вести себя и как должна слушаться ее, Ниночку. Ниночку сменил секретарь комсомольской организации, который говорил Сикушке то же самое, только прижав ее не в угол в коридоре, а к его секретарскому столу. Сотрудники сектора, сидевшие в одной комнате с Сикушкой и забегавшие сюда «на минутку», развернули систематическую и упорную кампанию по раскрытию ей глаз на подлинный облик Мнс. Во-первых, нашептывали они друг другу с таким расчетом, чтобы она услышала, у него никаких перспектив как у ученого. Бездарь. Лодырь. Во-вторых, он отъявленный пьяница. В-третьих, у него баб перебивало больше тысячи. Переспит пару ночей, заделает ребенка и на другую переключится. Уклоняется от алиментов. И жмот, на аборт не дает ни копейки. Наконец, он водит сомнительные знакомства. Состоит на учете в КГБ и в психиатрическом диспансере.

Но меры не возымели желаемого действия. Однажды Кирусик сообщила, что видела Мнс с Сикушкой вечером в кафе «Националь». Они пили вино и весело смеялись! Тормошилкина отозвала Тваржинскую на площадку этажом ниже, чтобы поговорить с ней как молодой (?) коммунист со старым коммунистом, и призвала ее подействовать на своего подчиненного.

Тваржинская беседовала с Мнс в своем кабинете более часа, заперевшись на ключ на два полных оборота. Конечно, сказала она, вы холостой молодой человек, она — совершеннолетняя. И никто к вам никаких претензий иметь не может. Но мой тебе совет: она — милая девчушка, женись. Из вас получится прекрасная пара. Только меня не забудь пригласить на свадьбу.

Жизнь прекрасна Вышел аспирантский сборник. Он только назывался аспирантским, так как лишь одному аспиранту удалось протолкнуть свою статейку в него. Остальные статьи принадлежали докторам наук (две, и обе — Смирняшева), кандидатам наук (три, и все три — Сазонова), младшим сотрудникам, которые уже давно забыли про аспирантуру или вообще не помышляли о ней (десять, среди них — статейка Мнс). Авторы, скупившие половину тиража, счастливые бродили с пачками книжек по институту и дарили всем направо и налево с трогательными надписями. Всем авторским коллективом преподнесли подарок Петину, всем его заместителям, Ученому Секретарю, «кадричке» Быковой, заведующей научным кабинетом и многим другим полезным лицам. Мнс подарил по экземпляру Тваржинской, ее заместителю, всем заведующим секторами и их заместителям. Оставшиеся экземпляры он презентовал Добронравову, Учителю, Знакомому и одной молоденькой девочке, появившейся в отделе философии стран Востока с целью приобретения трудового стажа для поступления в университет, в который она не прошла по конкурсу в этом учебном году. Один экземпляр оставил родителям, один Татьяне, один — себе.

— Уф, — сказал он. — Наконец-то избавился от этого дурацкого груза. Забавно все-таки. Знаю, что это — мать. И все равно приятно видеть эту свою мать напечатанной. А вдруг кто-то прочтает! Может, понравится кому-то! Может, сошлетя кто-нибудь!

— Поздравляю, — говорит Учитель. — Я искренне рад за тебя. Это у тебя четвертая публикация? Для защиты вполне достаточно. Авось все образуется. Одним словом, жизнь прекрасна. Может быть, и я на старости лет последую твоему примеру. Очень уж заманчивая перспектива. Будем кандидатами. Потом лет десять будем мучиться — сочинять новые статьи и даже монографии. Ах, как сладко это звучит: мо-но-гра-фия!! Потом будем пробиваться на защиту докторских диссертаций.

— А что потом?

— Осознаем себя выдающимися учеными. Будем писать банальную ерунду на высоком теоретическом уровне и душить молодых талантливых ребят (если, конечно, такие появятся, что маловероятно) под предлогом защиты достижений мировой науки. И в конце концов подохнем, произведя вздох облегчения у одних и оставив равнодушными всех прочих.

— Невесело.

— Это еще ничего. Мы тогда по крайней мере сложим с надеждой на то, что потомки оценят наш выдающийся вклад в науку. А если без статей?! Если, о ужас, без мо-но-гра-фи-и?! Без вклада?! Нет, так не годится. Надо непременно что-то сотворить. Что?

— Один мой знакомый в таком случае рвался дать по морде Же-

лезному Феликсу. Другой хотел взорвать Кремль или шлепнуть шефа КГБ. Их, конечно, засадили куда следует. Если хочешь, можно поджечь мусорную урну в районе Лубянки, а еще лучше у «Националя». Там иностранцев полно. Знаешь, как зашибутся переодетые агенты! Обсмеешься.

— Нет, я для этого староват. Лучше найдем тихое местечко, выпьем не торопясь, потоскуем о чем-то настоящем. Прочитал я тут недавно одну книжку. Заграничную, конечно. Наши я давно перестал читать. Книжка эта называется «Жизнь после смерти». Книга эта пользуется бешеным успехом. У нас за перевод ее на черном рынке дерут тридцатку. В чем дело, не могу понять. Возьми одно только название. Ведь чепуха. Смерть по определению есть прекращение жизни. А никто на это не обращает внимания. И в таком стиле вся книга.

— Не хотят люди умирать. Вот и ищут всякие зацепки.

— Нет, дело тут не только в этом. Тут глубже. Увлекаются такого рода книжечками в основном люди образованные, искушенные в современной науке.

— Но в чем-то ущербные, не преуспевшие, неудачники, пострадавшие. Ищут компенсацию. Нечто неподконтрольное начальству и не зависящее от социального положения и жизненного успеха.

— Похоже. Но все-таки еще не совсем то. Разумом я протестую против этой идиотской «жизни после смерти», а печенкой тоже тянусь к ней. Почему? Кажется, все очень просто. Прочитал предисловие, видишь — чушь, выкинь книжку, не читай дальше. Так нет же, перечитал пару раз. Некоторые места — по три и по четыре раза. В чем дело?

— Не знаю. Должно быть, есть какой-то разрез бытия, от которого нас тщательно оберегают и с детства приучают не смотреть в него, признавать несуществующим. А он на самом деле есть и как-то дает о себе знать.

— Это ближе к истине. Но все еще не то. Боюсь, что нам вообще не дано этого понять.

Голоса Догадался ли ты, когда тебя убили, что ты умер?

Конечно. Я видел себя падающим с коня и с рассеченной головой.

Это было ужасно?

Нет. Я смотрел на это как на должное.

А что ты почувствовал?

Облегчение. Удивительную легкость. И не столько в физическом смысле (исчезла тяжесть), сколько в... Не могу сказать, в каком. Будто я бился над какой-то очень трудной и очень важной задачей и вот нашел ее решение. Вернее, будто я нашел решение всех возможных задач.

Ты сказал, что видел себя убитым. И долго это длилось?

Мгновение. Я не успел даже сказать, что я убит.

А что ты видел еще?

Сначала свет. Огромный радостный свет. Потом в нем стали появляться дыры, так что образовывались узоры света. Я сделал усилие удержать его, но он исчез. И я увидел... Нет, не увидел... А может быть, увидел, ощутил, скажем лучше, Пространство. Огромное. Я почувствовал, что

такое Бесконечность.

Что было дальше?

Я помчался в этом пространстве. Или в это пространство. Или оно помчалось в меня. Быстро. Очень быстро. Быстрее света. И...

И?

И все вдруг исчезло.

Что было потом?

Потом стало Ничто.

Что все это значит?

Ничего особенного. Надо лишь изменить понятие о смерти. Смерть — это когда приходит Ничто.

А кто это может определить?

Только ты сам.

Я и мы — Враждебные «Голоса» передали, что мать и жена того матроса, который еще пять лет назад сбежал на Запад, покончили с собой. Выпили серную кислоту прямо в ОВИРе, где им очередной раз отказали в выезде за границу к сыну и мужу. Кошмар! Как они могли решиться на такое?! Это же очень мучительная смерть была.

— Отказники опять устроили демонстрацию у приемной Президиума Верховного Совета. Их, очевидно, кто-то выдал, так как большинство было арестовано еще около своих домов, а тех, кто ухитрился прорваться, молниеносно скрутили. Они даже лозунги не успели развернуть.

— Не могу понять, почему их не выпускают. Уехали бы, и дело с концом. А тут из-за них вечные хлопоты. Неужели Они не могут сообразить такую простую истину?

— Могут. Но у Них есть и другие соображения. Какие? Например, воспитательные примеры. Четыре года не выпускают женщину, вышедшую замуж за американца. Почему именно ее? Это установить невозможно. Какие-то люди каким-то образом отобрали именно ее. Но то, что отобрали кого-то, это не случайно. Такой пример нужен был как наглядное пособие прочим: если выйдете замуж за иностранца, это еще не означает, что вас выпустят за границу. Такие воспитательные образцы создаются. Ими время от времени по всем возможным типам случаев. Недавно, например, утверждали нашу делегацию на конгресс в ФРГ. Кое-кого отклонили. В том числе — Картошкина.

— Не может быть! Он же десятки раз ездил на Запад. Проверен и перепроверен. Что-нибудь сотворил?

— Нет, все в порядке. В следующий раз поедет. А на сей раз решили отказать, чтобы сам он не особенно зазнавался, чтобы другие знали, что их любого и в любой момент могут отклонить. Должно быть создано и поддерживаться состояние неуверенности у людей. Каждое разрешение они должны воспринимать как нечто исключительное. Между прочим, иногда они специально снимают кого-нибудь прямо с самолета. Люди до последней секунды должны пребывать в состоянии тревоги. Иногда отзывают оттуда. И никаких объяснений. Пусть люди сами ломают голову, распускают слухи.

— Не могу поверить, что существует такая продуманная система.

— А кто сказал, что она — продуманная? Это складывается стихийно, само собой. Комиссия маразматиков-пенсионеров в райкоме партии не отдавала себе отчета в том, что она работала в пользу некоей закономерности, решая на сей раз поприветствовать Картошкина. Это все — массовый процесс, в котором реализуются все комбинаторные возможности, причем — степень вероятности каждой зависит от ее типа и неких общих тенденций. Ее можно высчитать заранее.

— Ужас! Мы льстим себя мыслью, что наши судьбы решаются как персонализированные, хотя и плохо. А на самом деле Им наплевать на наши «я». Мы для Них — не личности, а лишь материал функционирования их.

— В этом все дело. Мать и жена того матроса-невозвращенца предупреждали власть, что в случае отказа они покончат с собой.

— Но ведь такие случаи подрывают престиж государства, не говоря уж о подрыве идеалов коммунизма.

— Ну и что? Им всем наплевать на это. Они только в своей демагогии поминают об этом. Все Они думают только о своих личных интересах. Например, тот, кто стал бы настаивать на том, чтобы выпустили мать и жену матроса на Запад, был бы уличен в потакательстве «этим мерзавцам». А что касается престижа государства, то ведь твердость, проявленная государством (не поддались на шантаж!), укрепляет его престиж, тогда как ущерб от исполнения угрозы сомнителен.

— Значит, объяснить и предсказать Их решения в тех или иных случаях принципиально невозможно?

— И да, и нет. Невозможно объяснить те или иные случаи и предсказать их в их индивидуальности. Но они поддаются научному объяснению и предсказанию в качестве представителей множеств событий. Можно вычислить степень их вероятности. Субъективно мы — индивиды с неповторимым «я» и неповторимой судьбой. Потому мы нуждаемся в некотором строго детерминированном и индивидуально объяснимом и предсказуемом мире. Объективно мы — лишь неразличимые элементы множеств.

— Значит, если кто-то и где-то решает вот сейчас мою судьбу, он не относится ко мне как к личности. Он решает некую общую задачу на моем случайно подвернувшемся материале.

— Безусловно.

— Но это значит, что согласно диалектическому закону отрицания мы на высшей ступени развития снова погружаемся в мертвую природу. Мы — живые элементы некоей мертвой конструкции!

— Похоже, что так.

— Но это значит...

— Это значит, что надо любимыми доступными средствами поставить себя вне этой мертвой конструкции. Я лично могу для этой цели ассигновать сегодня только пятерку.

— Это нечто. Я имею тоже в пределах пятерки.

— Это все детские игрушки. Я тебе расскажу кое-что такое, волосы встанут дыбом. Не поверишь. Но, клянусь, я не выдумываю. Когда Шелпин стал шефом КГБ, довелось мне...

Предостережения —Ты зря связался с этой девчонкой,—говорит Учитель.—

На что она тебе сдалась? Смазливенькая глупышка.

— Она, между прочим, не такая уж глупая. Не глупее институтских умниц. И уж во всяком случае не глупее этой коровы Тормошилкиной.

— Ну, нашел критерий!

— Она английским прекрасно владеет. Спецшколу кончала. И в семье учили. Так что я с ней в языке здорово практикуюсь.

— Не морочь мне голову! Если уж так тебе хочется, трахни ее пару раз и закругляйся!

— А почему это тебя так волнует?

— Жаль мне тебя. Влипнешь в историю. С такой хорошую семью все равно не сделаешь. Помучаешься, а через год максимум — развод. Ей не такой муж нужен. Ей кандидат нужен, а то и доктор.

— А если я кандидатом буду?

— Вот на это она и рассчитывает. И вообще, в наше время семья — пустая затея. А если с кандидатством сорвется? Она же тебе шею перепилит. Ей же квартира отдельная будет нужна. А твоей зарплаты ей на одни сапоги не хватит.

— И почему ты решил, что я жениться собираюсь? Мы просто время проводим. Дружим. Допустимо такое? Мне с ней приятно.

— Допустимо, конечно. Но слухи всякие ходят. А как говорится, нет дыма без огня. Ладно, Бог с ней. Как насчет посидеть и поболтать?

— Сегодня не могу. Иду в Консерваторию.

— С ней? До чего же ты, брат, докатился. Чего доброго, и пить совсем бросишь. А может, быть, все-таки заглянем?

— На минутку.

— Я не знаю более мерзких заведений, чем наши питейные заведения. И не знаю более мерзостного явления, чем наше пьянство. И все-таки мы лезем в это с головой. Готовы опозитизировать и даже возвести в ранг религии. Отчего бы это? Причин тому, как говорится, много. И все же на главную из них обычно не обращают внимания. Дело в том, что наш человек в трезвом состоянии есть лишь гнусная социальная тварь. В пьяном виде он превращается в тварь иного рода, но в более человеческую. Пьянствуя, мы защищаемся от самих себя и себе подобных как трезвых тварей. У нас просто нет других средств самозащиты. Или хватает ненадолго. Кроме того, пьянство упрощает все наши отношения, сокращает, например, все процедуры общения с женщинами. Пьянство украшает нашу серость. Способствует разрушению семейных пут. Умеряет карьеристические устремленности и служебное рвение. У нас ведут ожесточенную борьбу с пьянством. Но я не верю в ее искренность. У нас все инстинктивно чувствуют, что прекращение пьянства сделало бы нашу жизнь еще более кошмарной. Сейчас в моду входят наркотики. Но я не думаю, что они вытеснят пьянство. Они не соответствуют природе нашего общества и нашего человека. Взгляни на эту вот, например, рожу. Можешь ты представить его себе со шприцем, делающим укол? Нет, конечно. Он не то что шприц, пивную кружку ломает.

Мы есть

*И снова мрачная приходит полоса.
И снова чудные я слышу голоса.
И снова мой они терзают бедный разум.
То монологи шепчут, то кричат все разом.
Мне суждено их всюду узнавать.
Одетый, как всегда, бросаюсь на кровать.
И до рассвета не могу сомкнуть усталых глаз.
Кто вы, — их спрашиваю. Отвечают: Бездны глас.
Зря не старайся, нас с порога не отринешь.
Мы есть, рассудку вопреки и вопреки доктрине.
Терпи немного. Вот сомкнешь глаза,
Умножишь наши, Бездны, голоса.*

Перспективы — Поворот к неосталинизму, т. е. к нормальному состоянию нашего общества, есть дело довольно громоздкое, — говорит Глеб. — Он должен быть всесторонне подготовлен. Это постепенно делается. Постепенно, незаметно и неуклонно, — вот в чем ужас. А мы все помалкиваем. И Запад не замечает или делает вид, что не замечает. Смотри, какой нажим устроили на молодежь! На периферии выпускников школ целыми классами отправляют в колхозы и на заводы. За исключением детей начальства, конечно. И не пикнешь. И обставлено это все будто добровольный почин, порыв. Якобы романтика. В республиканскую конституцию включили специальный пункт о детях. Родители обязаны воспитывать детей в духе марксизма-ленинизма и все такое прочее. Если они это не делают, их надо лишать родительских прав! Было ли в истории нечто подобное? Они присваивают себе и наших детей!

— Это будет способствовать лишь росту лицемерия и снижению рождаемости, — говорит Мнс.

— Лицемерие нам не страшно. Мы теперь лицемерие предпочитаем искренности. Искренне верующие опасны. Лицемеры способны на любую пакость. А сокращение рождаемости коснется только определенных кругов, с которыми ведут борьбу, — религиозных сект и инакомыслящих. Это, брат, серьезное дело. Это — установка на физическое искоренение всякого инакомыслия и на полную монолитность общества.

— Неужели Они достигнут своей цели?

— Трудно сказать. Нас может спасти наша общая халтурность. Могут появиться другие проблемы, и это дело могут забросить, пустить на самотек. Но дров Они наломают. Тысячам людей жизнь испакостят.

— Я бы не хотел воспитывать своих детей в духе марксизма-ленинизма. И не хотел бы, чтобы они стали лицемерами, приспособленцами.

— Что отсюда следует? Никаких детей! К этому Они и стремятся: сделать лучших людей общества бесплодными во всех отношениях. Я всегда говорил, что Они примутся за наших детей. Молодежь будет самой серьезной жертвой Их безмерной подлости. Им надо во что бы то ни стало разрушить всякую возможность образования традиции инакомыслия

в ряде поколений. Это — проблема номер один для Них.

— Но этого мало. Надо еще лояльных обрабатывать. А для этого...

— Для этого нужна более умная и гибкая идеология. Они, кажется, сообразили это. Приглядишься с этой точки зрения к газетам, журналам, фильмам, книгам, теле- и радиопередачам! Тысячи лучших ученых и деятелей культуры современной науки и техники работают в Их пользу. Фактически именно они теперь выполняют наиболее серьезные и тонкие функции идеологической обработки населения. Официальная идеология стала формальной в ее откровенном виде. Над ней многие смеются. Но будучи погружена в малых и незаметных дозах в поток пропаганды и популяризации достижений новейшей науки и техники, она делает свое подлое дело неотвратно.

— Что ты о ней так невежливо? Ты же сам вроде плоть от плоти ее?

— У тебя есть родители?

— Есть.

— Любят они тебя?

— Вроде, да. Вместе с тем...

— Вот и я вместе с тем... А ну Их и ее на...! Надоело. Тошно от всего этого. А податься некуда.

Немного социологии Всякое достаточно развитое общество порождает социальную иерархию людей, а последняя с необходимостью порождает систему привилегий. Механизм действия этого закона примитивно прост. Если некоторая категория людей имеет какие-то привилегии сравнительно с другой категорией людей, более низкого уровня в социальной иерархии, она ради сохранения этих своих привилегий готова мириться с тем, что имеются категории людей, занимающие более высокое положение в социальной иерархии и обладающие привилегиями более высокого ранга. Этот закон объясняет тот факт, что главными защитниками существующего общественного устройства являются не высшие и даже не средние слои, а слои, слегка возвышающиеся над самыми низшими (подобно тому, как армейская дисциплина поддерживается не старшими офицерами и генералами, сколько сержантами и младшими офицерами). И наивно думать, будто социальные сержанты и лейтенанты действуют только в силу указаний свыше и в силу страха перед социальными полковниками и генералами. Они действуют главным образом от своего имени и ради своих интересов.

Более того, этот закон дает себя знать и внутри категории людей одного уровня. Если индивид данной категории имеет хотя бы малюсенькую привилегию сравнительно со своими собратьями, он ради нее всячески хранит и одобряет всю систему привилегий. Тот, кто служил в армии, знает о существовании мощного слоя всякого рода сачков, холуев и отличников из рядовых, который является опорой ефрейторов, сержантов, старшин. Такой слой имеется в любом нашем учреждении.

Возьмите любое среднетипичное учреждение страны и вы сами убедитесь в этом. Вот, например, научно-исследовательский институт. Стоит сотруднику чуть-чуть выделиться из массы рядовых и обрести какой-то пост, какое-то звание, в общем — какую-то власть хотя бы над одним

другим рядовым сотрудником, как он начинает функционировать в качестве должностного лица не за страх, а за совесть. Бывают, конечно, исключения. Но — редкие. И обычно они исправляются. Эти исключительные сотрудники, не ведущие себя адекватно их новому положению, заменяются другими, более подходящими. Любопытно, что очень часто люди, являющиеся вполне приличными в качестве рядовых, становятся редкостными сволочами, став маленькими начальничками. Когда Субботина избрали профоргом сектора, он ухитрился отравлять жизнь многим коллегам не меньше, чем армейский старшина солдатам, хотя должность профоргга — скорее комическая, чем серьезная. Из-за конфликта с ним как с профоргом Мнс получил выговор от дирекции и был (в который раз!) исключен из списка кандидатов в кандидаты в члены КПСС. Конфликт возник из-за пустяка: Субботин решил прочитать нравоучение Мнс по поводу внешнего облика члена профсоюза, а Мнс посоветовал ему обратиться к психиатру. Когда Барабанова однажды назначили руководителем аспирантского сборника статей, тот чуть ли не каждый день стал собирать будущих авторов и читать им нудные нотации. Мнс отказался посещать эти инструктивные собрания, и Барабанов изъял его статью из сборника. Причем высшее начальство дало Барабанову премию к празднику в размере половины месячного оклада. А что стало твориться со Смирняшевым, когда он довался до руководящей роли в логике чуть ли не в мировом масштабе, поддается описанию только в терминах патопсихологии. Заведующая научным кабинетом, считавшаяся в институте воплощением доброты и справедливости, в течение многих лет терроризировала своих подчиненных, и никто из них не посмел пикнуть об этом и пожаловаться публично. Это обнаружилось лишь случайно: молодая сотрудница, распределенная сюда после окончания института и доведенная до отчаяния травлей со стороны заведующей и ее приближенных, сделала попытку покончить с собой.

В любом учреждении есть образцово-показательные рядовые, регулярно получающие премии, благодарности, путевки в дома отдыха, улучшения жилищных условий. Любой начальник обрастает массой подхалимов, прислужников, осведомителей, собутыльников. И эти выполняют свои неофициальные функции далеко не бескорыстно. Все они ощущают себя причастными к власти, а значит — к привилегиям.

Слой низших начальничков и их добровольных помощников (первичный начальнический слой) образует самое мощное препятствие для рядового гражданина, желающего пробиться в высшие сферы. Для различных категорий людей этот слой различен. Например, для Мнс этот слой имеет более высокий ранг, чем для упомянутой девочки из научного кабинета. Причем, чем ниже ранг этого первичного начальнического слоя, тем труднее его пробить и тем более жестоким он является в отношении нижестоящих. Лишь при наличии покровителей из более высокого слоя, чем этот первичный начальнический слой, или карьеристической изворотливости можно преодолеть последний.

Первый начальнический слой образует основу и ядро первичного коллектива. Если член коллектива вступает в конфликт со своим первичным начальническим слоем, коллектив очень редко поддерживает его. Обычно коллектив принимает сторону начальства, ибо от начальства его жизнь

зависит в гораздо большей мере, чем от этого конфликтующего члена коллектива. Так что подавляющая масса населения страны вообще не пробивается через соответствующие первичные начальнические слои и не допускается до такого положения, когда человек может противостоять высшим властям государства, т. е. противостоять обществу в целом, а не своему жалкому первичному коллективу.

Именно в такой ситуации оказался Мнс. Первичный начальнический слой в силу некоего социального инстинкта принял решение не пропустить Мнс на более высокий иерархический уровень, а первичный коллектив и высшее начальство в силу того же социального инстинкта решили оказать всяческую поддержку этому первичному начальническому слою. Но если дело обстоит таким образом, т. е. если судьба Мнс предрешена, зачем в таком случае писать о нем книгу? На то есть две важные причины. Первая — праздное любопытство. Разве вам не приходилось с интересом наблюдать, как муха бьется о стекло, пытаюсь вырваться на волю? Приходилось наверняка. И наверняка вы при этом приговаривали что-нибудь такое: Эх ты, глупое существо! И чего ты бьешься без толку?! Тут же стекло! И с твоими мушиными силенками, хе-хе-хе, его не одолеть! Вот нечто подобное испытываю и я, глядя на бесплодные потуги Мнс. Любопытно, знаете ли (как выражается в таких случаях Субботин). Вторая причина куда серьезнее. Из того, что для Мнс закрыт путь наверх, не следует, что ему закрыты пути падения вниз и движения куда-нибудь в сторону. Куда еще ниже, спросите вы, можно опуститься? Оказывается, можно. Низший уровень не для всех одинаков. Разные категории лиц имеют свои различные низшие уровни. И одни из них выше или ниже других. Для Мнс открыты еще некоторые возможности свалиться со своего сравнительно высокого низшего уровня на другой низший же, но более низкий уровень. Например, стать чернорабочим или мелким служащим в какой-либо конторе с окладом в семьдесят рублей. Кроме того, подобно мухе, которая может сменить одно стекло в окне на другое или даже одно окно на другое, чтобы продолжать биться, Мнс может, оставаясь на своем же низшем уровне, покинуть Институт идеологии и устроиться в другое учреждение, например, — в редакцию какого-либо третьеразрядного журнала (в «Блокнот агитатора»), в третьеразрядное издательство (в «Московский рабочий»), в третьеразрядный институт (в Институт культуры, бывший Библиотечный). Почему в третьеразрядный? Потому что во второразрядные не возьмут, тут блат нужен, а в четырехразрядные тоже не возьмут, тут побоятся взять. Можно, наконец, покинуть Москву и... Но об этом лучше не думать! Потерять московскую прописку и отдельную комнату в центре Москвы, — на это способны только сумасшедшие.

Короче говоря, если уж любопытно наблюдать за мухой, бьющейся о стекло, так тем более любопытно смотреть, как бьется существо с высшим образованием и с бородой. Пусть себе бьется, хе-хе-хе! Мы-то с вами знаем, что все равно ничего хорошего из этого не выйдет. Спешить нам некуда. Когда надоест глядеть, придавим, как муху, и скажем «конец».

Ревность — Ты как будто кралю себе завел? — говорит Татьяна.

— Откуда это тебе известно? — удивляется Мнс.

— Секрет. От женщины ничего не скроешь. Предупреждаю, пока ты со мной, никаких других баб не потерплю.

— В таком случае...

— Не выйдет! От меня ты так легко не отделаешься. Я буду сражаться. До последнего. Понял?

— Понял.

— Дурачок! Лучше меня ты все равно не найдешь.

— Почему?

— Потому что лучше не бывает. И потом, сильнее меня тебя все равно никто любить не будет.

— Почему?

— Потому что сильнее невозможно.

— Откуда это тебе известно?

— Из опыта. Я ведь много чего повидала. Рассказать — никто бы не поверил. Ты еще совсем мальчик. Если бы ты только знал...

— Что?

— Так, ничего. Это я себе. Поплакать захотелось. Недавно я узнала, что у моего добropорядочного супруга есть любовница.

— Ну и что? Ты же сама...

— Я другое дело. Мне положено. Но знаешь, что меня обидело? Вовсе не то, что он завел любовницу, а то, какую любовницу.

— Какую же?

— Восемнадцатилетняя девочка. Устроилась в его отдел по блату для трудового стажа.

Из рукописи Наша идеология сама по себе не есть наука, но сложилась она на базе науки и под ее влиянием. Но — науки прошлого и даже позапрошлого века. А доминирующими в той прошлой науке были идеи поверхностного опытного наблюдения, резюмировавшиеся в учении об изменяемости, взаимосвязи, причинности, историзма, развития, эволюции, качественных скачков, борьбы противоположных сил и т. д. Диалектика прошлого века была той же наивной диалектикой греков, только на более широком материале. Успехи науки породили также идеи неограниченной познаваемости мира, предсказуемости последствий данных причин. Но идеология на то она и идеология, что идет по сравнению со своими познавательными источниками с опозданием по крайней мере на полсотни лет. Обратите внимание, советские философы только в последние десятилетия начали причислять под диалектический материализм идеи и результаты науки конца прошлого и начала нашего века, изображая их как новейшие открытия.

Что произошло за последнее столетие? Произошла грандиозная революция во всем комплексе явлений, связанных с наукой. Я не буду касаться социального аспекта дела — превращения науки в один из решающих факторов жизни современного общества, почти в самодовлеющую силу. Ограничусь лишь чисто идеологическими аспектами этой революции.

Доминирующими в науке стали идеи и методы дедуктивного мышления. Не в том смысле, что доля дедуктивных наук возросла, — познание в конечном счете всегда есть опытное познание. А в том смысле, что само опытное (включая эксперимент) познание стало предвдаться, освещаться, сопровождаться, корректироваться и т. д. дедукцией, рассуждением, расчетом, построением теорий и моделей. Иначе говоря, поверхностное наблюдение и наблюдение с простыми средствами видения и эксперимента, не меняющие видимой на первый же взгляд картины мироздания, уступили место наблюдению и опыту с грандиозно развитыми средствами наблюдения, с неслышанно разросшимся аппаратом науки, с невиданным доселе интеллектуальным уровнем решения даже сравнительно простых задач. Философские обобщения, выросшие на материале прошлой науки, стали выглядеть жалкими и достойными смеха. И в подавляющей своей части ошибочными. Выяснилось, что не все изменяется, не все связано друг с другом, не всегда качественные изменения суть продукт количественных накоплений. Обнаружение принципиально неразрешимых проблем нанесло удар по идее безграничной познаваемости мира. Обнаружение связей типа «соотношения неопределенностей» нанесло удар по прежнему детерминизму. Правда, наши философы пытаются спасти его, приписывая такого рода идеи именно диалектическому материализму, но их попытки смеха достойны, а их жупонический характер очевиден.

Но главное дело даже не в таких фактах, вступивших в вопиющее противоречие с марксистско-ленинской идеологией. Функции создания общей «научной» картины мира перешли от идеологов к огромной армии представителей конкретных наук, занятых популяризацией, пропагандой, «теоретической» обработкой достижений современной науки. Выяснилось, что общая философская картина мира, если она хочет выйти из состояния старческого маразма, не может быть ничем иным, как определением общих слов («развитие», «качество», «причина», «пространство», «время» и т.п.), да еще с использованием средств обработки языка, развитых современной логикой и математикой. А при этом тривиальностью становится крайне неприятная для марксистов-ленинцев истина, что «общие законы» суть лишь элементы соглашений о смысле слов или эвристические допущения чисто «инструментального» порядка. Что же касается проблем теории познания, то мощный процесс развития современной логики охватил их полностью и поднял их на неизмеримо более высокий уровень сравнительно со всем тем, что было здравого в марксизме (заимствованного, конечно, у других).

Их нравы — Они, сволочи, себя не обижают, — говорит Глеб. — Для Самого, например, существуют специальные хозяйства, выращивающие цыплят, поросят, клубнику и все такое прочее; специальные институты, изготавливающие всякие пилюльки. Но дело не в этом. Эти обслуживающие одного человека учреждения сами разрослись в грандиозные кормушки для многих тысяч паразитов. На каждого цыпленка — по меньшей мере с десятков работников. Ты представить себе не можешь, что там творится! Обсмеешься. За цыпленочком, которому предстоит попасть в пузо Самого, еще с яйца идет неусыпный надзор. На него даже анкеты (!)

заполняются. И Боже упаси, чтобы он сожрал неподходящего червяка. Каждый червячок должен быть проверен и перепроверен. И разумеется, идеологически выдержан.

Предостережения — Эта твоя новая девочка, конечно, ничего себе, — говорит Добронравов. — Сексуальная девочка. Фигурка ничего.

— Откуда тебе известно, что она сексуальная? — удивляется Мнс. — Она же еще совсем девочка.

— Знаем мы этих девочек! Она по крайней мере уже трех любовников сменила.

— К чему ты так? Не бери грех на душу!

— За что купил, за то и продаю. Спроси у Тормошилкиной. Она знакома с ее родителями. У нее еще в школе была история. Замяли.

— Ну и пусть! Зачем мне-то ты об этом говоришь?

— Мы же все-таки как-никак друзья. Мой долг предупредить.

— Благодарю. Но лучше не надо больше на эту тему.

— Как хочешь. Заглянем?

— Я занят сегодня.

— Тебе к каким? К восьми? Так еще успеешь, времени навалом. Вот сюда! Какой настоящий мужчина в трезвом виде ходит на свидание с женщиной?! Сегодня у меня куча денег. Водочку, конечно? И 'пивка. Да брось ты эту Сикушку! Неужели тебе баб приличных не хватает?хлопот не оберешься. Повторим?

— Мне пора.

— Успеешь. Возьмешь такси. В крайнем случае подождет. Подумаешь, птица какая! Хочешь анекдот? Картер спрашивает у Брежнева, как в Советском Союзе борются с пьяницами. А мы их лишили закуски, ответил Брежнев.

Голоса У меня бывает иногда такое состояние, будто я нахожусь в гигантской непонятной машине, стремящейся к пропасти. Я стараюсь помешать этому стремлению, а оно усиливается. Тогда я хочу помочь ему, и оно усиливается в той же мере. И я чувствую, что есть единственный способ остановить движение машины: совсем перестать жить. Но ведь именно к этому она и стремится! Бывало с тобой нечто подобное?

Конечно. Я всю свою сознательную жизнь был в таком состоянии.

Но если не играет роли, «за» ты или «против», добродетелен или грешен, как же в таком случае жить?

Каждый решает по-своему. Я, например, решил бегать в самоволку, хватать первых подвернувшихся баб, драться с танкистами просто за так, пить все, содержащее градусы, закладывать виражи под девяносто градусов вместо положенных шестидесяти, пикировать отвесно вместо положенных сорока пяти градусов, напрашиваться на самые опасные задания.

А какие были самые опасные?

Разведка. Летишь в одиночку или парой. Твое дело — смотреть, фотографировать, сообщать о виденном. И упаси Боже ошибиться! По твоим данным пойдут бомбардировщики и штурмовики, будет работать даль-

нобойная артиллерия. Потом Органы проверят, и ежели что, капнут. Ле-тишь ты далеко в тыл врага. Обычно — в плохую погоду. И сбить тебя могут танки, зенитки, «мессера». Можешь сам напороться на электро-провода, на какую-нибудь насыпь или вышку.

Что же в этом хорошего?

Свобода! Все зависит от тебя лично. Главное — ты не в общем строю. Исключительность положения. Можешь вытворять такое, что запрещено другим. Например, гонять бредущим. Обстрелять ничего не подозревающую мирную деревушку. А по возвращении докладывать «лично». И упить-ся до потери сознания.

Пережить смертельную опасность только для того, чтобы упиться?

Чудак! Пьянство у нас не физиология. И даже не психология. Упи-ваясь, мы обретаем самое ценное для человека нашего с тобой типа: внутреннюю свободу.

А что делать мне?

Тебе видней. Мне повезло: меня сбили вместе с моими смутными про-блемами. Не знаю, что со мною стало бы, если бы уцелел. Может быть, дотянул бы до отставного полковника. Стал бы начальником пер-вого отдела в твоей конторе. Кстати, зачем у вас первый отдел? У вас же нет ничего секретного.

Дело не только в секретности.

Понимаю. Без Особого отдела никак нельзя. Извини. Меня зовут к ко-мандиру. Будет взбучка за вчерашний перепой. Но мне на это плевать. Война еще долго протянется. Меня все равно скоро сшибут. Так что над перспективами мне голову ломать не надо. Между прочим, у меня обнаружилась странная способность: я заранее знаю, кого собьют в пред-стоящий вылет. Я предсказал это уже четырем летчикам. Теперь в полку меня боятся и избегают. Ты можешь объяснить этот феномен? Нет? Берегись, парень! У меня такое ощущение, что тебя тоже скоро собьют.

Речь случайного Наши диссиденты на Запад надеются. О, наив! Хо-
субутыльника чешь, я расскажу тебе случай, который исчерпывающим образом характеризует Запад? Два года назад разреши-ли выехать на Запад одному видному диссиденту. Недавно сообщили, что он умер от сердечного приступа. А на самом деле произошло вот что. Выпустить-то его выпустили, но решили убрать там, на Западе. И всади-ли ему каким-то образом ядовитые бактерии. Его удалось спасти. Врачи безусловно установили, что имело место покушение. Но власти запретили это предавать гласности, поскольку не хотели из-за такой мелочи портить отношения с нами. А результат? Наши агенты убедились в безнаказан-ности и вскоре устроили обреченному диссиденту «сердечный приступ». И на сей раз власти западного государства решили, что нет полного доказательства убийства. Подонки, говоришь? Конечно. И я так считаю. Но самое мерзкое в этой истории то, что никаких выгод из общения с нами это государство не извлекло. Что же делать? Надеяться только на себя. Стрелять надо! Бомбы бросать! В кого!? Не маленький, сам знаешь. Какой от этого прок? Никакого. Может быть, хуже будет. Ну

и что? Разве люди дерутся для того, чтобы выгоду извлечь? Пора, молодой человек, нам вспомнить, что мы — мужчины, а не бабы. Бить Их надо! А что из этого получится — не наше дело. Наше дело, юноша, — трупы. А подбирать их — пусть этим занимаются женщины.

Из рукописи Еще более разительные перемены произошли в социальной среде человека. Прошлый век и начало этого — безудержная революционность, надежды на райское общество в ближайшем будущем, иллюзии, чаяния. Теперь же эти чаяния воплотились в действительность, общество трудящихся и для трудящихся стало реальностью, обнажились его сущность и перспективы, наступили разочарование и страх. Конечно, новое общество избавило многих людей от язв старого, например, — от безработицы. Люди тут сыты. Имеют одежду и жилье. Получают образование. Но какой ценой? Ценой новых форм разделения людей на рабов и господ, новых форм закрепощения и насилия, новых форм социальных контрастов, новых форм жесточайшей борьбы за существование. Я не хочу здесь описывать язвы нового общества, — они теперь общеизвестны, и отличительная литература уже выглядит банальной и оставляет равнодушным. Я хочу обратить внимание лишь на два момента: на закономерный характер пороков нашего общества и на идеологическую реакцию на них.

Объективные общественные законы действительно существуют. Но им подчиняется всякое общество, в том числе и новое социалистическое, развитое социалистическое, коммунистическое. И в соответствии с ними складывается общественная жизнь, а отнюдь не в соответствии с благами пожеланиями теоретиков, на каких бы позициях они ни стояли и какие бы прекраснородушные проекты ни строили. Законы эти просты и очевидны. Хотя действие их скрыто и затемнено множеством обстоятельств, оно так или иначе неотвратимо. Приведу несколько примеров их. Примем такие обозначения: М — полезная отдача человека (полезный труд); N — фиктивная (кажущаяся) отдача; P — вознаграждение за деятельность; Q — социальное положение индивида. Есть способы измерить все эти величины. Но нам здесь важны их зависимости, выражаемые такими утверждениями: 1) P адекватно Q, т. е. чем выше (ниже) Q, тем выше (ниже) P; 2) сумма M и N есть константа для каждой социальной категории индивидов; 3) M обратно пропорциональна Q, т. е. чем выше (ниже) Q, тем меньше (больше) M; из этого закона логически следует, что N прямо пропорциональна Q; 4) чем меньше P, тем меньше M; 5) M невозможно на достаточно долгий период и заметным образом увеличить без увеличения P. Разумеется, все приведенные законы действуют, как и вообще законы массовых явлений, как тенденции, а не как подтверждаемые в каждом частном случае. Согласно этим законам в обществе неизбежно складывается система социальных привилегий и распределение ценностей в соответствии с социальным рангом индивидов. А низкий жизненный уровень производителей материальных и духовных ценностей имеет неизбежным следствием замедление (а то и снижение) роста производительности труда. Многие законы такого рода уже описаны в критической (в основном — в антикоммунистической) литературе. Систематически описав их совокупное

действие, можно дать убедительное обоснование тому, что отрицательные явления в жизни Советского Союза порождены не «временными» трудностями и не случайны, а суть неизбежные спутники положительных явлений социализма (коммунизма). Более того, можно показать, что никакого принципиально иного социализма и коммунизма, чем уже имеющийся у нас, нет и никогда не будет. Возможно некоторое улучшение жизненного уровня населения, но никаких существенных социальных перемен уже не будет. И не будет никогда никакой «высшей стадии», когда «как из рога изобилия» и т. п. Современная наука, может быть, еще не способна всесторонне раскрыть позитивные потенции общества. Но она уже способна точно сказать, на что не способно никакое общество: оно не способно обойтись без своих собственных язв.

Беседа Сот. Сот: Расскажите подробнее об этом разговоре Мнс с Террористом.

Суб: Они зашли в сектор философских проблем физики, подошли к окну, которое выходит как раз в сторону Кремля. А дверь не прикрыли. Я сидел в соседней комнате за шкафом. Весь их разговор был достаточно отчетливо слышен мне. Я сначала хотел прикрыть дверь, так как он меня раздражал. Но услышав слова о взрывах, я заинтересовался.

Сот: Кто и что конкретно говорил.

Суб: Говорил в основном человек, которого Вы изволили назвать Террористом. Он сказал, что проблема доставки взрывчатого вещества в Кремль по воздуху технически легко разрешима. Время тоже легко установить — сессия Верховного Совета, или съезд партии, или юбилейное заседание. Они, мол, чуть ли не каждую неделю заседают. Сложность в управлении летательным аппаратом по радио. Отсюда, из этого окна, удобнее всего. Мнс сказал, что перед закрытием института все кабинеты проверяют и опечатывают, а в ответственные дни тут остаются дежурные. Террорист сказал, что можно спрятаться в шкаф.

Сот: А что вы можете рассказать по поводу встреч Мнс с членами «Рабочей группы»?

Суб: Я, видите ли, живу на улице Горького. В писательском доме. Отец мой, как Вам должно быть известно, был крупным писателем. Лауреат. Ста... простите, Государственной премии. Я частенько хожу на работу с работы пешком. Однажды, проходя мимо приемной Президиума Верховного Совета, я видел Мнс в компании нескольких странного вида людей. Я, конечно, не могу категорически настаивать на гипотезе, что эти люди были членами «Рабочей группы». Но в свете событий... Так сказать... Э-э-э... Я свою гипотезу не считаю настолько невероятной, чтобы не быть признанной незаслуживающей, говоря популярно, доверия.

Сот: А что Вы можете рассказать о связях Мнс с иностранцами?

Суб: К нам в институт вообще, и в сектор — в частности, иностранцы приезжали довольно часто. Мнс обычно выполнял при них функции переводчика и сопровождающего. Не берусь судить, насколько добросовестно он переводил. Мы разговорными западными языками не владеем, и он мог наговорить им Бог знает что под маркой перевода.

Сот: О чем он вел разговоры с иностранцами помимо профессиональных тем?

Суб: Я же Вам сказал, что я не знаю разговорных иностранных языков. Хотя я однажды слушал разговор его с поляками. О чем? В общем, разговор антисоветский. Смеялись, анекдоты рассказывали. Какие? Ну, например, такой. Террористы захватили Герека и предъявили ультиматум правительству: если им не дадут миллион злотых, они выпустят Герека.

Сот: Ха-ха-ха! А еще?

Суб: Я не нахожу в этом ничего смешного. Странно от Вас слышать такую реакцию.

Сот: Я не над анекдотом смеюсь. Дело в том, что я уже десятый раз слышу его. Это у них нечто вроде пароля.

Суб: Это весьма правдоподобно. Да, чуть было не забыл! Я дважды видел Мнс в «Национале». Я проходил мимо и видел через окно. Один раз с человеком очень похожим на иностранца.

Искушение — Не могу понять, почему на Западе каждый день убивают какую-нибудь важную персону, а у нас — тишь и гладь.

— Не такая уж тишь и гладь. И у нас что-то творится, но власти скрывают. К тому же мы все делаем с опозданием. Помяните мое слово, и у нас начнет такое твориться, что даже Запад содрогнется. Нужен только успешный пример, который нельзя будет скрыть от огласки.

— Сомневаюсь. Терроризм есть признак общества демократического. В тоталитарном обществе терроризм есть прерогатива власти. Даже тот случай с попыткой покушения на Генсека в большей мере есть провокация властей, чем инициатива снизу.

— Но и инициатива снизу тут была. Только они не сумели перехитрить провокаторов. Будь я помоложе...

— Конечно, попробовать стоит. Но...

Из рукописи Определилось раз и навсегда место, которое занимает человек в социалистическом (коммунистическом) обществе, его ценность, его отношение к обществу и общества к нему, его самосознание и основные черты социального поведения. С полной очевидностью выяснилось, что все это не имеет ничего общего с обещаниями классиков, с чаяниями подпавших под их влияние идиотов, с нашей официальной демагогией и пропагандой, с программой партии и т. д. и т. п. Прежде всего, тут и речи никакой быть не может о каком бы то ни было социальном равенстве. Только закоренелый кретин и циничный партийный демагог может теперь не заметить разницу в способе жизни во всех ее аспектах, например, между номенклатурными работниками, с одной стороны, и простыми работягами и мелкими служащими — с другой. Нужно быть еще большим кретином или циником, чтобы поверить в то, что эта разница будет сокращаться и исчезнет совсем. Опыт многолетней истории пока говорит обратное: эта разница неумолимо растет. И теоретическое исследование дает результаты, согласующиеся с опытом.

Население страны с социальной точки зрения весьма разнообразно.

И разнообразие это не сокращается, а растет, образуя непрерывную линию от сторожики в общественной уборной до Генерального Секретаря КПСС. Дать социальную классификацию населения — значит описать социальную структуру общества. Но для целей моей рукописи достаточно будет ограничиться разделением населения на две группы: 1) народ; 2) привилегированные слои. В народ я включаю рядовых рабочих и крестьян, мелких служащих и должностных лиц, мелкую интеллигенцию (учителя, врачи и т. п.), вообще — всех тех, кто находится на низших ступенях социальной иерархии. В привилегированные слои я включаю всех тех, кто в силу своего положения в обществе обладает ошутимо более высоким жизненным уровнем сравнительно с народом и многочисленными привилегиями (квартиры, дачи, машины, продукты, санатории, медицина, вещи, устройство детей и т. д.). Нет надобности здесь точнее определять понятия, ибо я не собираюсь тут строить социологическую теорию. Меня интересуют некоторые общие черты положения индивидов в обществе и в каждом слое. Подчеркиваю, я имею в виду некоторое осредненное описание и некоторые тенденции. Случаи отклонения от некоей «средней нормы» я не принимаю при этом во внимание, — пример абстракций, без которых невозможно никакое научное и тяготеющее к научному мышление.

Каждый гражданин по нашим законам имеет право на труд, на жилье, на образование и т. д. Звучит красиво. И в этом есть некая доля истины. Но во всем этом есть другая сторона: каждый гражданин ОБЯЗАН! А что это означает на деле? На деле это означает то, что каждый гражданин сам или через членов семьи прикреплен к месту работы (иначе — он преступник, тунеядец) и к месту жительства (иначе он опять-таки преступник, нарушающий паспортный режим). Территориальные и производственные перемещения сильно затруднены. Они осуществляются, но либо по блату и за взятки, либо по служебной надобности и с ведома властей. Свободно по стране просто по личной надобности могут перемещаться исключительные личности, главным образом — уголовники. Рядовой гражданин без личных связей и служебных привилегий не сможет просто найти, где ночевать и чем питаться. И средств не хватит. И милиция снапает. А те блага, которыми человек располагает по праву на месте работы и жительства, даются ему в зависимости от служебного ранга. Народ имеет их по принципу «жри, что дают». У привилегированных слоев есть преимущества, но реализация их обходится дорого (о чем ниже). Что из себя представляет, например, бесплатная медицина и школа, теперь стало предметом насмешек повсеместно. Граждане бессильны повлиять на систему школьного образования. И то, что большинство детей представителей народа заранее обречено воспроизводить этот самый народ, теперь закреплено всей системой школьного образования и приема в высшие учебные заведения, дифференциацией и иерархизацией ее.

Каждый гражданин находится так или иначе под неусыпным надзором и давлением коллектива, где он прикреплен и от которого зависит во всех жизненно важных отношениях. А интересы коллектива («Мы») превыше интересов индивида («я»). Плюс к тому — общественные организации (партийная, комсомольская) и специальные органы (КГБ, МВД, цензура, вся-

ческие редакционные и прочие советы, административные комиссии, суды). Общество располагает практически неограниченными средствами подавить всяческое стремление индивида к личностной независимости и более или менее свободным поступкам («своеволие»). Официальная идеология и мораль закрепляют это; характеристика индивида, данная ему в его коллективе (обычно — негласно), следует за ним повсюду (через первые отделы, отделы кадров, партийные и комсомольские органы, добровольных информаторов), и он не имеет никакой возможности скрыться, спрятаться, «замаскироваться».

Народ начисто отстранен от активной общественно-политической жизни. Все, что делается на этот счет, есть показуха, пропаганда, демагогия, фикция. Даже хождение на бессмысленные «выборы» (один кандидат, навязанный свыше) фактически стало обязанностью. К лицам, уклоняющимся от них, применяются осязаемые санкции. Все значительные (а на местах и пустяковые) дела решаются по принципу «сверху вниз». Народ привлекается лишь для одобрения, восторгов, умиления мудростью начальства, для починов, для инициативы снизу, организованной свыше и заранее, для единого порыва, трудовой вахты, социалистического соревнования, борьбы за звание и прочей осточертевшей всем политической блевотины.

Общий принцип существования народа таков. Из него кое-что выжимается, чтобы общество в целом и привилегированные слои в особенности могли воспроизводиться и жить. И ему за это кое-что дается. Выжимается не так уж много. И дается соответственно немного. Вот на этом примитивном (по современным представлениям) уровне и стабилизируется его жизнь. И в общем народ более или менее доволен таким состоянием. И не рыпается. И прощает властям все обиды, даже такие, как повышение цен на алкогольные напитки. Привилегированные слои и власти всякого рода держат народ в этом выгодном для них и (в известных пределах) для самого народа состоянии предельного (на минимуме) довольства. Народ имеет все, что нужно, хотя и в малых дозах и плохого качества. Зато — за сравнительно небольшие усилия и с известной гарантией. Основные продукты питания, жилье и транспорт народ имеет по ценам, много ниже их себестоимости. А зрелищ он имеет в избытке. Одним словом, народ держится в значительной мере в положении некоего пьедестала или фундамента для «высшего» общества, о котором надо проявлять «отеческую» заботу. О народе у нас заботятся, это — факт. И народ это чувствует. Но дело в том, какова социальная природа этой заботы, каковы ее границы и какова та цена, которую приходится за нее платить. А цена теперь очевидна: полное и всестороннее закрепощение, полное лишение граждан всякого личностного элемента.

Анонимка Потом Сикушка получила анонимное письмо. Неизвестная женщина писала, что она давно любит Мнс и состоит с ним в связи, что они собираются пожениться, что она (Сикушка) разбивает их будущую семью, что это безнравственно с ее стороны... что Мнс алкоголик и психически больной, что он ей не пара, что... что... что... Знаешь, — сказала она (Сикушка) Мнс, показав ему письмо, — это вообще первое мне письмо в жизни от посторонних людей. Обидно начинать

взрослую жизнь с такой пакости. Не придавай этому значения, — сказал он. — Жизнь — путь по грязи. Ты делаешь первые шаги. Привыкай. Я понимаю, — сказала она. — Тут мне с утра до вечера все в унисон шепчут, какой ты порочный, бесперспективный и даже опасный человек. А мне хочется делать наоборот, назло Им всем. И она изорвала анонимку в мелкие клочья. А в конце рабочего дня она зашла в научный кабинет, где он ждал ее, делая вид, что читает книгу, и на виду у всех взяла его под руку и пошла с ним по коридору и потом по лестнице. И вид у нее был как у невесты, идущей к желанному венцу.

Голоса Хочешь знать, в чем различие между нами? Так слушай, я тебе песенку спою.

*Они подошли ко мне втроем.
Втроем подошли, гады.
Процедил сквозь зубы один: пройдем,
Нам побеседовать надо.
Девчонки сказали: убьют, не ходи.
Милицию вызовем. Здесь погоди.
Ты можешь, конечно, и сам понять,
Что это значит такое.
Каждый из них мог один меня
Прихлопнуть левой рукою.
Не надо, сказал я. Мы выйдем во двор.
Серьезное дело. Мужской разговор.
Видел бы ты, как я их избил!
Навеки запомнят, гады.
Их кровью всю землю вокруг залил.
На коленях молили пощады.
Я помнил с рожденья уроки отца:
Если Их много, дерись до конца.*

Ты видел Их в лицо. Мог Их счесть. Ты мог с Ними драться. А я не вижу Их лиц. Не могу Их счесть. Мне не с кем драться, ибо Они не дерутся, а просто душат.

*Не из-за трусости я молчу,
Не из корысти мирюсь с Ними.
Я видеть врага в лицо хочу,
А он такового не имеет.
Я разуму тоже учился уму.
Если некого бить, то кулак ни к чему.*

Работа Генерал сказал, что было бы целесообразно Мнс на некоторое время под каким-либо предлогом удалить из Москвы. А за это время... Полковник приказал Сотруднику убрать Мнс любым способом из Москвы, вернее, посадить Мнс за хулиганство на пятнадцать суток. Посо-

ветовавший с Генералом, Полковник это предложение отклонил. Сотрудник позвонил в институт. Ученый Секретарь сказал, что можно было бы устроить командировку. Но на ближайшее время таковых не запланировано. А что если дать ему творческий отпуск и отправить в дом отдыха?! Здорово! Ему и в голову не придет, что тут... Тем более он сейчас, кажется, прихворнул.

Болезнь Мнс Когда заболевают академики, профессора и прочие персоны высших категорий, это никого не удивляет и не возмущает. Им это положено по чину. Их болезни вызывают лишь чувство законного сожаления. Чтобы врачи и общественность поверили в их болезнь, достаточно одного их слова или даже отдаленного намека. Любая их болезнь воспринимается окружающими как событие чрезвычайной важности. Даже слово «геморрой» в ассоциации с их именами звучит почти как «инсульт», «инфаркт», «рак». Когда, например, Петин в очередной раз симулировал воспаление предстательной железы, в институте целую неделю ничего нельзя было услышать, кроме шелестения звуков «предста», «ста», «пред», «уста», «статель», «тат». Кирусик, искренне убежденная в том, что предстательная железа закрывает и открывает по мере надобности задний проход, сообщила по секрету всему институту, что Петин теперь все это делает через нос с помощью сверхсовременного японского электронно-вычислительного аппарата.

Это — в отношении высших персон. А скажите, например, что Мнс заболел, никто не поверит. Скажут, симулирует. И будут возмущаться безыдейностью нынешней молодежи. А если вы скажете, что у Мнс геморрой, весь институт будет потешаться целую неделю. Ну, а если уж станет известно, что у него с предстательной железой что-то не в порядке, то даже Кирусик догадается, в чем дело, и институт будет хохотать до слез по крайней мере две недели. И Мнс немедленно вычеркнут из списка кандидатов в кандидаты в члены КПСС. Зачем в нашу партию пускать лиц с сомнительными заболеваниями (наверняка гомосек!), если здоровых девать некуда!

Но Мнс на самом деле заболел. В поликлинике дважды измерили температуру и неохотно выписали бюллетень. Тридцать восемь градусов для младшего сотрудника — пустяк, мог бы и не отлеживаться. Ты думаешь, он лежать будет? — сказала врачиха сестре, когда Мнс покинул кабинет. — Ничего подобного! Сейчас пойдет и напьется до бесчувствия. И к вечеру будет здоров, как бык. Они все теперь такие!

Добравшись до дома, Мнс плюхнулся на тахту и впал в бредовое состояние. Появились Маркс, Ленин, Сталин и прочие и склонились над ним. Ого, — сказал Берия, пощупав его лоб, — наверняка под сорок. Не беда, — сказал Мнс, — небольшое усилие воли, и через несколько часов я буду здоров. Я это умею. А там — три дня гуляю по бюллетеню. Красота! А раз уж вы здесь, я вам прочитаю краткую лекцию по медицине.

На здоровье я не жалуясь. Но совсем не потому, что не имею для этого оснований, а потому что имею основания не делать этого. Наши врачи не лечат, а лишь принимают меры к тому, чтобы их не об-

винили в том, что они не лечат или что больной загнулся по их вине. Поэтому они заставляют пациентов делать бесчисленные анализы и признаваться на всякий случай во всех возможных болезнях, списывая в медицинских карточках страницу за страницей. А если нужно дать пациенту справку о состоянии здоровья, то заключение врачей зависит от общих высших установок, соображений собственной безопасности и намерений начальства в отношении данного пациента. Когда, например, Петину захотелось взять меня в качестве переводчика на международный конгресс, меня за пару часов обследовали в поликлинике для докторов наук и выдали справку, что я здоров, хотя я еле на ногах держался после перепоя. Но когда мне самому захотелось поехать туристом в ту же страну, я две недели потерял в своей поликлинике для всякой научной мелкоты. И хотя я был весел и здоров, у меня нашли гипертонию и гипотонию одновременно, стенокардию, склероз, гастрит и многое другое. Даже выдавший виды главный врач, отказавшись подписать мне справку о том, что я по состоянию здоровья годен к поездке за границу, признался, что они перегнули палку. А когда узнал, что «заграница», куда я собирался, есть всего лишь Болгария, он совсем подобрел и вычеркнул несколько моих «болезней». Но справку все-таки не подписал. Потом я захотел увильнуть от военных сборов и напомнил о своих «болезнях». Но тот же главврач отказался подписать мне справку о том, что я по состоянию здоровья не годен к службе в армии, хотя служба в армии куда тяжелее, чем поездка за границу. И мне пришлось три месяца оттрубить на сборах пехотных политруков запаса.

Моя покойная бабушка постоянно твердила не столько мне (я был здоровым ребенком), сколько самой себе (она была вечно болеющей старухой): самое главное — не болеть. Для нее не болеть означало, чтобы руки и ноги целы были. Неприятности с внутренними органами она считала не болезнями, а недомоганиями. Душевные болезни она вообще не признавала, считая их причудой господ. Мол, с жиру бесятся. С этой точки зрения бабушка выражала общие настроения в стране и генеральную линию Партии в области медицины. В последнее время эта линия несколько покривилась. Стали признавать душевные болезни, но пока главным образом в отношении диссидентов. Недомогания же признали вполне законными болезнями. Начался буквально ураган недомоганий, причем — главным образом среди здоровых. Отсюда — бесконечные очереди в больницах, бумажная волокита, халтура. Уверяю вас, число больных вследствие этого удесят�ерилось. Именно потому, что недомогания прошлого официально признаны болезнями, люди стали болеть ими на самом деле. Все это — блажь. Мне бы сейчас чекушку внутрь, другой чекушкой растереться, и я бы утром встал, как свежий огурчик.

В этот момент в комнату без стука вошли Учитель и Добронравов. Мы тебя сейчас мигом поставим на ноги, — сказал последний. — Чекушку внутрь, другую — на растирание, и ты утром встанешь, как свежий огурчик.

Из рукописи Обратимся к привилегированным слоям. Попадание в эти слои в значительной мере стало наследственным. Детям высокого начальства от рождения гарантирован более высокий жизненный уровень, привилегированные учебные заведения, выбор профессии и т. д. Но чтобы удержаться в этом слое и передать свои преимущества своим детям, надо вести себя определенным образом. Но значительная часть представителей привилегированных слоев пробивается в них из низов, делая карьеру по партийным, военным, служебным, творческим и прочим каналам. При этом им приходится так строить свою жизнь, что они поднимаются в верхи уже сформировавшимися носителями и хранителями основ жизни общества. Подавляющее большинство из них привносит в себе карьеризм, лицемерие, цинизм, чванство, осторожность, стремление уклониться от ответственности и риска, тщеславие, стяжательство, нетерпимость, идеологический кретинизм, склонность к интриганству и прочие качества, ставшие теперь притчей во языцех. В среде лиц привилегированных сословий складывается такая ситуация с моральной и психологической точки зрения, по сравнению с которой ситуации, описанные Бальзаком, Мопассаном, Достоевским, Чеховым и другими великими критиками жизни прошлого общества, вызывают умиление. Там еще была возможна литература и нравственное негодование. Здесь же остается одно — выругаться матом и опустить руки. Здесь идет ожесточенная борьба, но не за существование, а за лучшие условия такового, за многочисленные материальные и духовные блага и привилегии, сила соблазна которых неотразима. Не опуститься в народ, подняться над ним как можно выше, занять как можно более высокую позицию, получить как можно более привилегий — вот стержень всей социальной жизни привилегированных слоев. Существующее общество — это их родное общество. И они делают все от них зависящее, чтобы сохранить и упрочить это общество. Они производят апологетическое искусство и идеологию, организуют пропаганду и систему воспитания, душат всяческие явления в духовной и социальной жизни общества, которые в какой-то мере угрожают их существованию и даже только спокойствию. И никаких иллюзий. Никакой пощады всякому инакомыслию. При всех внутренних различиях и даже конфликтах они едины и монолитны в одном: в защите своего привилегированного положения, своего благополучия.

В привилегированных слоях следует выделить правящий слой. Хотя выделение идет уже в ином разрезе, с точки зрения интересующей меня проблемы этим можно пренебречь. Правящий слой — это должностные лица аппарата партийно-государственной власти на всех ее уровнях. Это довольно многочисленный слой. Я хочу обратить внимание на следующую особенность его функционирования в нашем обществе.

В управлении всяким достаточно крупным учреждением, предприятием, районом, отраслью и т. п., а также страной в целом в руководстве действует естественная тенденция к единоначалию. При реализации этой тенденции руководитель, выходящий в фактические лидеры, так или иначе создает аппарат личной власти, насаждая всюду своих людей, привлекая на свою сторону. Имеются объективные правила этого процесса. Они у нас таковы, что в результате в руководстве складывается правящая группа,

подобная мафии. И эта группа, хотя этого или нет, превращается в союз единомышленников по совместной эксплуатации подвластного коллектива (общества) людей в своих чисто эгоистических целях.

И нет ничего удивительного в том, что правящая группа оказывает сильнейшее влияние на подвластное общество, сея в нем психологию и мораль мафиозного, гангстерского типа. Одним людям это дает образцы для подражания, в душах других — вызывает тоску и уныние, в душах третьих — злобу и цинизм. Тот новый советский человек, который согласно нашей пропаганде является средоточием добродетелей и «на голову выше», есть такой же миф, как и общество всеобщего благоденствия в будущем коммунизме. Его уже не возьмешь старыми методами. Чисто количественное увеличение «воспитательной» деятельности старыми методами дает, конечно, какой-то эффект. Но весьма ничтожный. И недолговечный. Нужна качественная перестройка всей идеологической деятельности с учетом сказанного выше. Надо смело посмотреть правде в глаза. Идеология по самой своей социальной природе призвана обмануть, задурить, направить в нужном направлении. А чтобы хорошо обмануть, сам обманывающий должен хорошо знать истину. Хорошо обманывает не тот, кто выдумывает, а тот, кто говорит истину, но говорит ее по законам обмана. Профессиональная идеология имеет свои правила, которыми в свое время хорошо владел Сталин (т. е. я) и которые потом забыли. Пора вспомнить о них.

Рассказ случайного собутыльника Вы спрашиваете, возможен ли у нас терроризм? Наивные люди! Он у нас давно есть, только его тщательно скрывают. Хотите, я вам расскажу про один такой случай? Случай совершенно достоверный, можете не сомневаться. Лет десять назад в Энске состоялось чрезвычайное заседание военного трибунала Московского военного округа. Тайное, конечно. Ночью. Подсудимые — молодые офицеры. Доставили их в трибунал под усиленной охраной. Причем — каждого в отдельной специальной машине. Машины бронированные. Такие никакой гранатой не возьмешь. Трибунал заседал всего час, хотя подсудимых было десять человек. Приговор — расстрел. Но родственникам было сообщено, будто эти офицеры погибли смертью героев, выполняя особое задание правительства. Их даже орденами наградили посмертно. На самом же деле эти ребята, начав с чтения нелегальной литературы, пришли к выводу, что в знак протеста против творящихся в стране мерзостей (они имели в виду главным образом тяжелое положение своих родственников и знакомых, простых рабочих и крестьян) надо совершить крупный террористический акт. И они начали готовить этот акт. Замысел был гениально прост. Все они были образцовыми служаками, отличниками боевой и политической подготовки. Часть из них удостоилась чести участвовать в военном параде на Красной площади. Другие изготовили бомбы очень малых размеров, но большой разрушительной силы. Первые должны были во время прохождения мимо Мавзолея забросать этими бомбами стоящих на нем руководителей страны и армии. Они рассчитали все до мелочей и выяснили, что им не успеют помешать. Но... Вечно это проклятое «но», из-за которого наша история все время

идет не так, как следовало бы. Среди них нашелся предатель. Он с самого начала информировал КГБ о деятельности группы. Ребятам дали возможность зайти достаточно далеко, — их взяли за пару дней до парада. Не могу до сих пор понять, зачем это нужно было?

Что это за человек, — думал Мнс, — и с какой целью он мне это говорит? Врет, надо полагать. Пусть врет. Важно — в каком направлении врет. Значит, это все не зря. Этим ребятам было хорошо, — их было десять. Предатель — ерунда. Без предателей все равно не обойдешься. И ничего не сделаешь без них. Их надо лишь чуточку опередить, — в этом суть успеха. Успех приходит лишь тогда, когда происходит ошибка в Их расчетах, и что-то происходит не так и не в то время, как планировали. Но в таком случае возникает другая не менее трудная проблема: где взять предателя? Чудак, — шепнул ему Голос, — возьми любого ближнего, и он предаст тебя. Если бы Христос жил сейчас, из двенадцати его учеников его предали бы одиннадцать. В рассказе этого забулдыги опущена одна деталь: из этих десяти ребят лишь один был настоящий, а девять были предателями.

Голоса Знаешь, отчего все твои беды? Оттого, что ты ходишь одним и тем же коротким маршрутом, да к тому же не смотришь по сторонам. Походи по Москве, поезди по стране, погляди в лица людей, и ты увидишь огромность бытия. А то ты замкнулся в узкий мирок...

Человеческих отношений.

Человеческих отношений. Но человек — не только отношение к другому. Человек — это и полеты, и стройки, и разливы рек, и штормы на море. Ощути все это, и все в тебе изменится.

Во мне, может быть. Но не вовне.

Но жизнь человеческая идет не столько вовне, сколько в себе. Ты это сам прекрасно знаешь. Оглянись и удивись жизни!

Не могу.

Но почему?

Потому, что я и есть живое человеческое отношение, отношение как таковое. И ничего другого во мне нет.

Тогда тебе никто и ничто не сможет помочь.

Я знаю.

Из рукописи Выше я весьма резко высказывался о нашем обществе, о нашей стране, о нашем социальном строе, о руководстве, о людях. Но не надо это истолковывать так, будто я не люблю их. Наоборот. Я люблю все это. Даже слишком люблю. Я не хочу иного общества, иной страны, иных людей. Я не смог бы жить без них и вне их. Это — мое общество, моя страна, мои люди. И я ругал их только потому, что хочу им добра. И только ради их блага я затеял всю эту писанину. Теперь я приступаю к позитивному построению новой идеологии, которая, я надеюсь, будет адекватной сложившемуся обществу и может пригодиться новому, будущему Сталину. Я не сомневаюсь в том, что он придет. Я уже слышу его уверенные шаги и властный голос. Люди,

готовьтесь узнать его и встретить подобающим его величию образом!

Но сначала уточним самые общие понятия. Все, пишущие и говорящие на темы идеологии (я не знаю исключений), смешивают: 1) реальные состояния людей (с одной стороны) и соответствующие им учения (с другой стороны) — религиозность и идеологичность как реальные факты жизни людей, с одной стороны, и религиозные и идеологические учения, с другой стороны; 2) религиозные состояния и учения, с одной стороны, и идеологические состояния и учения, с другой стороны. Подчеркиваю, дело тут не в словах. Слова можно будет избрать и другие, раз различения самих рассматриваемых явлений будут произведены достаточно строго. В прошлом все упомянутые явления духовной жизни людей были слиты воедино. Но возникновение в конце прошлого века и в начале этого века антирелигиозных идеологий, а также триумф советской идеологии без веры в провозглашаемые ею идеалы позволяют сделать вывод о том, что в самой жизни людей произошла некоторая дифференциация религиозности и идеологичности как состояний людей и религиозных и идеологических учений, оформляющих эти состояния. Я лично считаю этот раскол фактором величайшей исторической важности. От него зависит определяющим образом весь ход последующей истории человечества.

Оставим пока учения, оформляющие те или иные состояния людей. Я различаю состояния религиозности и состояния идеологичности. Первое из них характеризуется понятием веры, второе — признанием или принятием. Можно находиться в состоянии веры, не находясь в состоянии признания, и наоборот. Можно верить, не признавая, и признавать, не веря. Последнее очевидно. Мы, например, т. е. миллионы советских граждан, признаем «научный коммунизм», не веря в то, что на самом деле когда-то осуществится райское блаженство на земле, декларируемое им. Труднее с примерами для первого. Но и они есть. Я знал сотни людей, которые испытывали состояние веры в Бога и бессмертие души, не признавая никакого Бога и никакого бессмертия. Во время войны была буквально вспышка веры среди фронтовиков. Сейчас тяга к вере в среде интеллигенции не подлежит сомнению. Я беседовал со многими, они не признают всего того, во что верят. Поразительно, они не осознают и даже не могут сформулировать отчетливо, во что же именно они верят.

Рассмотрим различие состояний веры и признания в общей форме. Состояние веры подсознательно, безотчетно, неподконтрольно человеку в самом его существовании. Оно может быть развито затем сознательно, специальными тренировками, жизненным опытом. Но оно в источнике иррационально, прирожденно. Состояние признания сознательно, подконтрольно человеку в самом факте возникновения и существования. Оно расчетливо. Если даже оно навязано силой, оно возникает из расчета, по принципу: если то-то я не признаю, мне будет худо. Мы, например, признаем, что Советский Союз — самая гуманная и демократическая система в истории, что КПСС — самая мудрая партия и т. п. Чтобы нечто признать, надо это знать (в смысле — иметь в сознании). Чтобы в нечто верить, это не обязательно знать, это надо ощутить в себе самом. Вера, скорее говоря, идет изнутри человеческого существа, признание же навязыва-

ется ему извне.

Рассмотрим теперь соответствующие им учения, но — в чистом виде. Это — абстракция, ибо в реальности идеологические организации стремятся вызвать у людей состояние веры, навязывая им идеологию, а религиозные организации стремятся дать людям некое знание и добиться от них признания его. Религиозное учение, в каком бы контексте оно ни выступало (или религиозный аспект всякого учения), имеет целью выявить сам факт существования или возможности состояния религиозности и предложить методы сохранения, поддержания и усовершенствования этого состояния. Оно, подчеркиваю, призвано научить людей обнаруживать в себе религиозность, вызывать ее, поддерживать, развивать. С этой точки зрения оно подобно советам тренеров по гимнастике спортсменам, опытных художников — начинающим. Оно призвано развить у человека определенные навыки в манипулировании своими внутренними духовными состояниями. Тот факт, что это достигается посредством определенных форм внешнего поведения человека и воплощается в нем, не меняет сути дела. Идеологическое же учение, в каком бы контексте оно ни выступало (или идеологический аспект всякого учения), имеет целью дать человеку некоторую совокупность знаний об окружающем его мире и о нем самом, добытых каким-то образом, и добиться того, чтобы человек признал их за неопровержимую истину (более того, за истину, не подлежащую сомнению, — это уже социальный аспект дела). В реальной действительности, повторяю, все это выступает в определенной исторической связи. Добавим к этому то, что все это происходит в исторически данной среде, что тут участвуют миллионы людей и т. д. Создаются религиозные и идеологические организации, занимающие определенное место в обществе. А организации эти суть люди с их целями и страстями. Все это нарушает чистоту исходной абстракции. Но то, что мы выделили благодаря абстракции, так или иначе существует в сложном переплетении жизненных обстоятельств и дает о себе знать.

Обратимся теперь к нашей стране и к конкретной сегодняшней ситуации. Факты таковы. Создано мощное идеологическое учение, претендующее на самое верное, самое глубокое, самое... самое... всего и вся. Сотни людей и десятки тысяч организаций заняты профессионально идеологической работой. Все население страны так или иначе охвачено идеологической обработкой. От людей требуется: 1) внимать идеологическому потоку; 2) показывать, что они внимают и понимают (курсы, школы, университеты марксизма-ленинизма, зачеты, экзамены, семинары, кружки); 3) показывать, что они принимают. Фактически от людей не требуется вера. От них требуется лишь признание того, будто они верят в идеологическое учение. Но это — не та вера, какая имеет место в случае религиозного состояния или состояния веры. От людей требуется именно обнаружение признания, что выражается как в заявлениях, так и в других формах — в фактической работе в пользу учения. С ростом образованности населения и улучшением пропаганды достижений науки, а также с накоплением опыта жизни в условиях нашей системы и передачей его от поколения к поколению увеличивается несоответствие состояния идеологического учения общему интел-

лектуальному состоянию населения страны, о чем я уже говорил неоднократно. Оно, конечно, действует, но уже не вызывает уважения, подобно тому, как мы носим вещи и едим пишу низкого качества, отдавая себе отчет в том, что это такое. И подобно тому, как люди жаждут улучшения жилищ, одежды, питания, развлечений, они также жаждут и более легких и удобных форм идеологического гнета, не унижающего их достоинства и самомнения и даже доставляющего некоторое удовлетворение. Идеология есть камера, в которую заключен человеческий дух. Но эта камера может быть построена так, что человек не будет себя чувствовать заключенным. Ему это нужно хотя бы потому, что он не совершал никаких идеологических преступлений, — он готов признать все, что угодно, но предпочел бы признать нечто, отвечающее его самосознанию «человека конца двадцатого века».

Неслышанная доброта — Я договорилась в дирекции и в месткоме, — сказала Тваржинская. — Тебе дают творческий отпуск и бесплатную путевку в дом отдыха. Забирай все материалы и езжай. Захвати мою рукопись полностью. Вот она. Почитай! Может быть, кое-какие замечания будут. Если нужны иностранные источники, закажем. Курьер будет привозить. Я пометила, в каких местах желательно привести цитаты. И отдохнешь. А то у тебя в последнее время вид усталый.

— Ну что же, отдыхай, — сказала Татьяна. — Я со следующей недели работаю в первую смену. Потом я уезжаю в длительную командировку, так что долго не увидимся.

— Едешь отдыхать, — вздохнул Учитель. — Счастливый человек. Отоспишься. Отъешься. Воздухом надышишься. Загляни в гости к Петину. У него там дача. В свое время сам Сталин подарил. Будет настроение, мы к тебе на выходной выберемся. Там великолепные места. И кормят, говорят, неплохо.

— Доклад твой пришлось вдвое сократить, — сказал Знакомый. — Но он от этого лучше стал. Обсуждается на ближайшей редколлегии. Приезжать не надо, без тебя обойдемся. Думаю, что пройдет. У тебя теперь такая мощная защита.

— Счастливо отдохнуть, — сказала Она. — Оттуда, между прочим, можно звонить. И письма писать. Пришли мне письмо. Хочу получить хорошее письмо.

Из рукописи Но я слишком отвлекся в сторону. Пора переходить к основному содержанию моего сочинения.

Человечество постоянно находится в плену всякого рода исторических ошибок. И одна из важнейших из них — смешение степени значительности исторических событий со степенью значительности участвующих в них лиц. Крупные личности могут быть участниками и творцами мелких событий. Ничтожества могут участвовать в крупных исторических событиях и порождать их. Но ничтожества кажутся крупными из-за связи их с крупными событиями, а крупные личности кажутся ничтожествами из-за связи их с мелкими событиями. История несправедлива. Масштабы личностей ред-

ко совпадают с масштабами событий, в которых они участвуют. Сталин и его соратники — ярчайший пример этому. Для оценки масштабов исторических событий есть какие-то критерии, хотя и не очень строгие, скорее — интуитивные и привычные, но все же есть. Для оценки же масштабов исторических деятелей таких критериев пока вообще нет. Вернее, не было. К тому времени, когда я задумал убить Сталина, я такие критерии выработал. Более того, я построил строго научную теорию измерения масштабов исторических событий и их участников и степени влияния вторых на первые. И по моей теории получалось, что убив Сталина, я оказал бы ему великую услугу, многократно увеличив масштабы его личности и его влияния на ход истории. По этой же самой моей теории ситуация резко изменилась. Но сначала я изложу сам формальный аппарат моей теории.

Сборы в дорогу Мнс сунул страницы рукописи под тахту. Достал из-за шкафа запыхавшийся драный портфель, бросил в него полотенце, зубную щетку, кусок мыла, носки, почти чистую рубашку, еще пригодный для носки свитер, рукопись Тваржинской и пачку замусоленных бумажек Петина, претендующих на то, чтобы стать исторической трагедией. Тяжко вздохнул. Проверил, на месте ли паспорт и путевка. Пересчитал деньги. Присел на тахту, как положено по русскому обычаю перед дорогой. Грустно оглядел ободранные обои и обваливающуюся грязно-серую штукатурку. Заперев комнату, хотел было вынуть ключ из замка, но передумал: кому нужно, все равно откроет, так пусть уж ключом. На лестничной площадке группа мужчин пристроилась выпивать. Один из них толкнул Мнс. Мнс извинился и боком проскользнул мимо. Врезать что ли этому бородачу бутылкой в затылок, — услышал он позади. Собутыльники засмеялись. Не стоит мараться, — прохрипел другой голос. На улице было слякотно и уныло. Ощущалось приближение весны.

Голоса

*Уж если нам друг другу души поверять,
Мне просто было нечего терять.
За голенищем — ложка. В вещмешке помятый котелок.
В кармане — роскошь — грязный носовой платок.
Пожалуй, все. И больше — ни гроша.
И на весь взвод кусок карандаша.
О бабах думалось, дай Бог, один раз в год.
И даже в самоволку уходя, мечтал, чтобы оставили «расход».
Шинелька — одеяло, простыни — трава...
Скажи, с чем их едят — гражданские права?
И если б нам открылось ваше время вдруг,
Решили б мы, что брешет политрук.
И все же не хочу напрасно врать,
Ужасно не хотелось умирать.*

*Сказать, с какой тоской ушел туда, откуда не вернуться?
С девчонкой бы разок под вечер прошвырнуться...*

*Ты ждешь, конечно, мой ответ?
Моей вины, товарищ, в этом нет,
И я не так уж барахлом богат.
По нашим временам — как рядовой солдат.
И я по триста шестьдесят раз в год
Молил судьбу, чтоб не меня «в расход».
А что касается весны и той девчонки,
Тоска по ней меня проела до печенки.
И мне все эти личности права,
Как говорили деды наши, — трын-трава.
С тобой равны мы, хоть я бородат,
А ты — под ноль подстриженный солдат.
И я с рождения несу в себе неотвратимую беду.
Другой дороги нет. Ты ж видишь, я к тебе иду.*

Achévé d'imprimer
sur les presses
de l'Imprimerie Raymond Fawer S.A.
le 27 janvier 1980
à Renens/Lausanne (Suisse)

L'illustration de la couverture est d'Alexandre Zinoviev